

ЯКОВ ВЕРХОВСКИЙ
ВАЛЕНТИНА ТЫРМОС

СТАЛИН

Тайный
«Сценарий»
начала
ВОИНЫ

Яков Верховский, Валентина Тырмос Сталин. Тайный «Сценарий» начала ВОЙНЫ

*Все люди знают ту форму,
посредством которой я
победил, но не знают той
формы, посредством которой я
организовал победу.*

***Древнекитайский военный
теоретик и полководец
Сунь-Цзы. «Трактат о
военном искусстве»***

*Для человеческого ума
непонятна абсолютная
непрерывность движения.
Человеку становятся понятны
законы какого бы то ни было
движения только тогда, когда
он рассматривает произвольно*

*взятые единицы этого
движения.*

*Но вместе с тем из этого-то
произвольного деления
непрерывного движения на
прерывные единицы
проистекает большая часть
человеческих заблуждений...*

*В отыскании законов
исторического движения
происходит совершенно то же.*

*Движение человечества,
вытекая из бесчисленного
количества людских
произволов, совершается
непрерывно. Постигание
законов этого движения есть
цель истории...*

*Только допустив бесконечно
малую единицу для
наблюдения — дифференциал
истории, то есть однородные
влечения людей, — и достигнув
искусства интегрировать (брать
суммы этих бесконечно малых),
мы можем надеяться на
постижение законов
истории.*

Лев Толстой. Война и мир. Т.

ПРОЛОГ

Сегодня, 18 декабря 1940 г., фюрер Великой Германии Адольф Гитлер подписал «Директиву № 21». Рука Гитлера не дрогнула, когда он одним росчерком пера обрек на смерть миллионы.

Теперь катастрофа неизбежна.

Время уже начало отсчитывать дни, часы, минуты...

Гитлер принял решение о нападении на большевистскую Россию в конце июня 1940 г. Тогда, после падения Франции, он провел три незабываемых часа в Париже. Гранд-опера... Елисейские Поля... Триумфальная арка... И, наконец, Дом Инвалидов — саркофаг Наполеона...

Вот он стоит здесь, у саркофага. Победитель. Триумфатор.

Опьяненный властью над Парижем, который он может разрушить по собственной прихоти. Опьяненный властью над Францией. Властью над странами Европы, поставленными им на колени. Над городами, которые он уже стер с лица земли. Над миллионами людей, которых он уже лишил или лишит жизни. Мог ли он, Адольф Гитлер, стоя здесь у саркофага, вознесшись в безумном экстазе до Наполеона, и считая себя еще более великим, чем Бонапарт, не вспомнить о Москве? О Москве, которую он еще не покорил, не разрушил... Теперь это время пришло!

Вечером того же дня Гитлер сказал начальнику штаба Верховного главнокомандования фельдмаршалу

Вильгельму Кейтелю: *«Теперь мы показали, на что мы способны. Поверьте моему слову, Кейтель, Русский поход, по сравнению с этим, всего лишь штабная игра».*

Фюрер вернулся из Франции героем. Тысячи берлинцев восторженно приветствовали его на Вильгельмплац. Они рукоплескали тому, кто покориł Париж, тому, кто смыл позор и унижение Версальского договора.

Теперь можно было начинать подготовку к походу на Москву.

И уже 30 июня 1940 г. педантичный начальник германского Генерального штаба Сухопутных войск, генерал-полковник Франц Гальдер, скрупулезно фиксирующий не только многочисленные указания Гитлера, но и его высказывания, записал в своем «Военном дневнике» многозначительную фразу: «Взоры обращены на Восток...»

А еще через месяц, 31 июля 1940 г., Гитлер уже официально сообщил генералам о своем грандиозном замысле начать войну против большевистской России.

ИЗ «ВОЕННОГО ДНЕВНИКА» ГАЛЬДЕРА

31 июля 1940, «Бергхоф», 11 ч 30мин.

Чем раньше Россия будет сокрушена, тем лучше... Если мы начнем в мае 1941, мы будем иметь 5 месяцев, для того чтобы закончить работу. Было бы лучше начать в этом году, но такую масштабную акцию невозможно организовать за оставшееся время. Нель — уничтожение жизненной силы России...

Разработка плана «уничтожения жизненной силы России» велась около шести месяцев. Эта работа

завершена, и 18 декабря 1940 г. фюрер подписал роковую «Директиву № 21», в которой говорилось: *«Германские вооруженные силы должны быть готовы разбить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии...»*

Русскому походу Гитлер дал символическое название «Барбаросса». Само это название уже свидетельствовало о многом.

Имя Фридриха I Барбароссы (Краснобородого), свирепого императора Священной Римской империи, занимает особое место в германском эпосе. Согласно легенде, Фридрих Барбаросса, проливший немало людской крови и утонувший в реке Салеф во время Третьего Крестового похода на Святую Землю в 1189 г., все еще жив. Старый император спит, сидя на каменной скамье в глубоком подземелье горы Кифхойзер, в Баварских Альпах, неподалеку от того места, где сейчас находится личная резиденция Гитлера «Бергхоф».

Придет время, и в один чудесный летний день, когда на засохшей груше появятся плоды, разверзнутся каменные недра горы Кифхойзер, проснется император, выйдет на свет, созовет свое бесстрашное войско и отправится в новый Крестовый поход, чтобы возродить былое могущество Германии.

Сегодня миссию возрождения «былого могущества Германии» берет на себя ее фюрер — Адольф Гитлер. Это он, Адольф Гитлер, ведет свое бесстрашное войско в Крестовый поход против большевистской России.

Поход против России был для Гитлера воплощением в реальность его давней маниакальной Идеи. Поход против России, каковы бы ни были его стратегические,

политические и экономические цели, каковы бы ни были причины и обстоятельства, вызвавшие его осуществление, являлся для Гитлера, прежде всего, мистическим Крестовым походом против его заклятых врагов — «Большевизма» и «Еврейства». Бредовые идеи этого похода Гитлер сформулировал еще в 1923 г. на страницах «Майн Кампф», изданной на 11 языках в 5 миллионах экземпляров:

«Когда мы говорим о завоеваниях новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду, в первую очередь, только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены.

Сама судьба указывает нам перстом... Конец еврейского господства в России будет также концом России как государства. Судьба предназначила нам быть свидетелем такой катастрофы, которая лучше, чем что бы то ни было, подтвердит безусловную правильность нашей расовой теории...»

Операция «Барбаросса» с самого начала планировалась не только как «Военный поход», целью которого было завоевание «жизненного пространства», но и как «Поход на уничтожение», направленный на массовое убийство гражданского населения. В процессе подготовки операции «Барбаросса», одновременно с разработкой военных планов, будет подготовлена целая серия невиданных в истории человечества чудовищных документов — планов преднамеренного физического уничтожения миллионов людей и в первую очередь — евреев.

Уже в ближайшие месяцы за подписью начальника штаба Верховного главнокомандования фельдмаршала

Кейтеля выйдут такие преступные приказы, как «Специальная инструкция об организации политического управления в зонах военных действий», «Распоряжение о военной юрисдикции на оккупированных территориях» и «Приказ о комиссарах».

Именно это, запланированное заранее хладнокровное уничтожение миллионов людей, по словам Гитлера, превратит войну против России в «особую, не похожую на все другие войны, которые вел он сам, или другие великие люди до него». Гитлер ненавидел евреев с тех давних дней, когда он, бездомный бродяга, в роскошной и шумной Вене начала XX в., вынужден был спать в грязных ночлежках и, обессилив от голода, вместе с другими нищими выпрашивать миску супа на монастырской кухне. Тогда в Вене, он, по его собственному утверждению, понял всю «отталкивающую сущность богатого и самодовольного еврейства». Эту патологическую ненависть Гитлер пронес через всю свою жизнь. До той, последней, весны 1945 г. До горящего Берлина. До подземного бетонного бункера, ставшего его могилой. Заключительный абзац «Политического завещания» фюрера повторит маниакальные идеи «Майн Кампф»: *«Прежде всего я поручаю руководителям нации и тем, кто им подчиняется, тщательно соблюдать законы расы и безжалостно противостоять всемирному отравителю всех народов — международному еврейству».*

Сегодня, 18 декабря 1940 г., в новой Рейхсканцелярии, в своем огромном рабочем кабинете, со стен которого из позолоченных медальонов взирали на него изображения аллегорий четырех добродетелей — Мудрости, Здравомыслия, Храбрости и Справедливости — Адольф Гитлер подписал план чудовищного расового

похода, в котором изначально было заложено массовое убийство беззащитных людей.

Как считал Гитлер, одним из главных факторов, гарантирующих успех операции «Барбаросса», являлась ее внезапность для противника. В «Директиву № 21» был включен даже специальный пункт, посвященный опасности преждевременной огласки плана нападения, и оговорено, что число офицеров Генштаба, привлекаемых для первоначальных приготовлений, должно быть ограниченным.

В целях обеспечения секретности операции, «Директива № 21» была напечатана всего в девяти экземплярах. Три из них были вручены главнокомандующим трех родов войск, а остальные шесть — надежно упрятаны в железном сейфе штаба Верховного главнокомандования. Там они пролежат до самого конца войны, до Международного Нюрнбергского процесса, где и будут фигурировать как обвинительные документы. Казалось, что секретность операции «Барбаросса» обеспечена!

Но, несмотря на все принятые меры, уже через несколько дней после подписания «Директивы № 21», план гитлеровской агрессии перестанет быть тайной. В течение многих месяцев весь мир будет пристально следить за подготовкой Германии к нападению на Россию и, с точностью до одного дня будет знать, когда оно совершится, это «внезапное» нападение. В тот День, по словам Гитлера, «мир затаит дыхание».

Время уже отсчитывает дни, часы, минуты...

До начала операции «Барбаросса» осталось шесть месяцев.

Глава первая. СТАЛИНСКАЯ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ «ПАУТИНА»

*Информация, которую
посредством секретных
операций смогли добывать
советские разведчики во время
Второй мировой войны,
содействовала военным
усилиям Советов и
представляла такого рода
материал, который являлся
предметом мечтаний для
разведки любой страны.*

*Директор ЦРУ США Аллен
Даллес*

**Декабрь 1940. До начала
операции «Барбаросса» есть еще
полгода. 19 декабря 1940. Берлин**

Сталинский шпион в сердце Третьего рейха

Сегодня с раннего утра во всех ведомствах Третьего рейха, причастных к готовящейся операции «Барбаросса», началась интенсивная работа. Особая атмосфера царит в подземных бункерах Цоссена — в Генеральном штабе Сухопутных войск. Ведь именно здесь готовятся детальные планы будущей агрессии. Все

подготовленные в Цоссене материалы немедленно отправляются в Берлин, в новую Рейхсканцелярию Гитлера. А в самой Рейхсканцелярии в это время идет подготовка к официальному приему. Сегодня фюрер принимает здесь полномочного представителя той самой страны, которую он собирается «разбить в ходе кратковременной кампании», — нового полпреда большевистской России Владимира Деканозова.

Владимир Деканозов был назначен полпредом по прямому указанию Сталина. И не случайно! Мало кто мог «похвастаться» таким послужным списком. Когда-то, в юности, он учился в Бакинском техническом училище вместе с Лаврентием Берия и с тех пор служил ему, как верный пес. В 1922 г. Деканозов, которого тогда уже называли «Бакинский Вешатель», заливал кровью Грузию, «присоединяя ее к дружной семье братских Советских Республик». В 1938 г., когда Берия сменил Николая Ежова на посту наркома внутренних дел, Деканозов стал заместителем начальника Главного управления госбезопасности и, одновременно, руководителем внешней разведки и контрразведки НКВД. Хитрого, жестокого и неразборчивого в средствах Деканозова всегда посылали в самые «горячие точки», на самые темные и грязные дела. В 1939 г., в период подготовки к заключению Пакта о ненападении с Германией, Деканозова неожиданно назначают заместителем наркома иностранных дел.

Чувствуя угрозу приближающейся войны и желая иметь в Германии свои «глаза и уши», Сталин отзывает в Москву полпреда Александра Шкварцева и направляет ему на смену Деканозова — человека верного и как нельзя лучше подходящего для этой миссии.

Прибыв в Берлин в ноябре 1940 г. в составе делегации, сопровождавшей Молотова, Деканозов более месяца ожидал приема у фюрера для вручения верительных грамот. И теперь, когда «Директива № 21» уже подписана, Гитлер решил, что «настало время принять нового полпреда большевистской России».

В назначенный день, 19 декабря 1941 г., в 12.45 по берлинскому времени, из советского полпредства на Унтер-ден-Линден на трех специально присланных автомашинах в Рейхсканцелярию направилась внушительная и, можно сказать, достаточно странная делегация. Нового советского полпреда Владимира Деканозова, кроме первого секретаря и переводчика Владимира Павлова, сопровождали резиденты двух советских разведок — резидент внешней разведки НКВД генерал-майор госбезопасности Амаяк Кобулов, действующий «под крышей» советника полпредства, и исполняющий обязанности резидента военной разведки капитан Михаил Воронцов, находящийся «под крышей» военно-воздушного атташе.

Зимнее полуденное солнце скупо освещало пустынную в этот час Унтер-ден-Линден, по которой на большой скорости двигался кортеж. Через несколько минут машины повернули на Вильгельмштрассе, въехали во внутренний двор Рейхсканцелярии и остановились перед входом в «святилище Третьего рейха».

Каждый человек, проходя в Рейхсканцелярию под аркой, украшенной 13-метровыми колоннами и охраняемой двумя эсэсовцами в парадной черной форме, должен был ощутить величие Германии и собственное ничтожество. Но Владимир Деканозов, несмотря на свой маленький рост, был не из робкого десятка. Облаченный

в новый костюм, купленный, как шутили его коллеги, в московском магазине «Детский мир», полпред решительно миновал гигантов-эсэсовцев, прошел через Мозаичный зал, Круглую комнату и, стараясь не поскользнуться на натертом до блеска полу Мраморной галереи, вошел в роскошный кабинет фюрера. О том, что происходило дальше, Деканозов в тот же вечер по телефону доложил Сталину.

ИЗ ЗАПИСИ ДОКЛАДА ДЕКАНОЗОВА

Приняв верительные грамоты и поздравившись со мной, Гитлер предложил сесть. Спросил, прибыл ли я с семьей. Я ответил, что скоро ожидаю ее приезда...

Затем он спросил, происхожу ли я из той местности, где родился Сталин, знаком ли я со Сталиным по совместной революционной работе.

Я ответил, что родители мои происходят из той же местности Грузии, где родился Сталин, сам я родился в Баку, совместную революционную работу со Сталиным не вел, сказал, что мне 42 года, а товарищу Сталину около 61 года...

Затем Гитлер поинтересовался, имеется ли в полпредстве бомбоубежище. Он добавил, что думает построить во дворце Бельвю более солидное бомбоубежище, так как имеющееся там недостаточно надежно для пребывания в этом дворце больших государственных деятелей. Я понял это как намек на то, что такие лица ожидаются в недалеком будущем в Берлине... На этом беседа окончилась.

Затем в комнату, где происходила беседа, впустили приехавших со мной сотрудников полпредства, и я представил их Гитлеру.

После этого я, попрощавшись с Гитлером и Риббентропом, выехал обратно в полпредство. Прием продолжался 35 минут.

Деканозов представил Гитлеру сопровождавших его сотрудников полпредства! Таким образом, Адольф Гитлер получил необычную возможность «познакомиться лично» с берлинскими резидентами двух самых мощных сталинских разведок — внешней и военной разведки.

Трудно сказать, понял ли Гитлер в тот день, 19 декабря 1940 г., с кем имел наглость познакомиться его Деканозов, но что собой представляет сам советский полпред фюрер знал наверняка. С первых дней пребывания в Берлине, Деканозов находился под пристальным вниманием гитлеровских спецслужб. Свидетельствует руководитель внешней разведки рейха бригадефюрер СС Шелленберг: *«Мы с большим беспокойством восприняли известие о назначении Деканозова на пост посла в Берлине, так как нам было ясно, что это событие повлечет за собой активизацию деятельности русской разведки, как в Германии, так и в оккупированных нами областях».*

Донесения об «активности» Деканозова непрерывно шли по инстанциям. Один из докладов, посвященных высокопоставленному советскому шпиону, руководитель Главного управления имперской безопасности группенфюрер СС Рейнхард Гейдрих направит рейхсфюреру СС Генриху Гиммлеру перед самой войной.

ИЗ ДОКЛАДА РЕЙХСФЮРЕРУ СС

После заключения Пакта о ненападении, русская разведка расширила арсенал своих методов. Не отказываясь от своих обычных жестоких приемов, она стала все более широко использовать в

разведывательных целях русские представительства, аккредитованные в рейхе — руководящая роль здесь принадлежит русскому посольству в Берлине. Отзыв советского посла Шкварцева и назначение на этот пост Деканозова явились сигналом для всемерного усиления шпионской деятельности путем сбора политической, экономической и военной информации. Деканозов, доверенное лицо Сталина, в России руководил отделом информации НКВД... Его задача, сформулированная в Москве, заключается в том, чтобы через постоянно расширяющуюся сеть доверенных лиц получить доступ к высшим инстанциям рейха и добывать в первую очередь информацию о военной мощи и оперативных планах рейха...

И именно потому, что истинные цели пребывания Деканозова в Берлине были хорошо известны Гитлеру, он сегодня, принимая нового полпреда большевистской России, был особенно любезен и вел с ним чисто «светский разговор», сознательно избегая скользких тем. Прощаясь, фюрер «сердечно» пожал Деканозову руку своей холодной рукой, которой только вчера подписал «Директиву № 21».

Адольф Гитлер был доволен собой. Он сумел «перехитрить» Сталина. Усыпил бдительность нового полпреда большевистской России, а значит, и бдительность Кремля.

Выслушав телефонный отчет Деканозова, Иосиф Сталин также остался в уверенности, что «перехитрил» Гитлера. Теперь в самом сердце Третьего рейха, кроме целой армии уже существующих там советских шпионов, будет действовать еще один, абсолютно надежный сталинский шпион — Владимир Деканозов.

До «внезапного» нападения есть еще полгода. 19 декабря 1940.

Москва

Нити сталинской «паутины»

Ощущение угрозы приближающейся войны, не покидавшее в последнее время Сталина, имело вполне реальные основания. Задолго до того, как была подписана гитлеровская «Директива № 21», советская разведка начала передавать в Москву информацию, явно свидетельствующую о том, что Германия готовится к войне против СССР. Вначале это были только слухи, обрывки разговоров, анекдоты, но постепенно поступавшие сведения становились все более однозначными, все более угрожающими. Вся эта тревожная информация концентрировалась в отделе информации Политбюро ЦК, которое, фактически, являлось частью личной канцелярии Сталина.

Перед Второй мировой войной советская разведка считалась (и была в действительности!) одной из самых мощных и разветвленных в мире. Таким объемом достоверной агентурной информации, каким обладал Сталин, не располагало ни одно государство.

Гигантская сталинская разведывательная паутина, опутавшая весь земной шар, базировалась на официально признанных за рубежом советских организациях. Шпионажем занимался, практически, весь персонал этих организаций — от полпредов до привратников.

Помимо дипломатов, направляемых за рубеж наркоматом иностранных дел и шпионивших, так сказать,

«по совместительству», в рамках полпредств действовали также и профессиональные шпионы. Эти люди лишь формально числились дипломатами (советниками, секретарями, атташе), а фактически являлись сотрудниками так называемых легальных резидентур, действующих под крышей полпредств.

Легальное положение давало советским профессиональным шпионам дипломатическую неприкосновенность и позволяло беспрепятственно вести разведывательную работу. Именно такими легальными резидентами были Амаяк Кобулов и Михаил Воронцов, которых Деканозов так нагло «познакомил» с Гитлером.

Кроме легальных резидентур, советская разведка располагала еще огромным числом нелегальных, во главе которых стояли засланные за рубеж под вымышленными именами советские шпионы, а иногда и иностранцы, в большинстве своем, проверенные члены иностранных коммунистических партий, прошедшие в Москве специальную подготовку. И легальные, и нелегальные резидентуры осуществляли связь с Москвой и через дипломатическую почту полпредств. Это был удобный способ передачи информации, гораздо более надежный, чем радиосвязь, и почти не поддающийся перехвату, так как по давним международным соглашениям дипломатическая почта, охраняемая вооруженными дипкурьерами, не подлежала проверке. В эти предвоенные дни, бесстрашные дипкурьеры почти ежедневно привозили в Москву опечатанные красными сургучными печатями дипломатические вализы, содержащие важнейшие донесения советских шпионов со всех концов мира — из Германии и Румынии, Англии и Франции, из Италии, из Финляндии, Турции, Болгарии, Венгрии, Югославии, из Америки, Японии и Китая.

Сведения, поступившие из одной страны, от шпионов одной из ветвей разведки, сопоставлялись со сведениями, полученными из других источников, проверялись и перепроверялись специалистами отдела информации ЦК. Руководителем этого малоизвестного отдела, созданного по личному указанию Сталина, был Георгий Маленков.

Несмотря на свою относительную молодость, сорокалетний партийный функционер Маленков уже не первый год принадлежал к небольшой избранной группе близких Сталину людей, вошедших в историю под именем сталинских соратников. Такими многолетними соратниками вождя были Молотов, Берия, Ворошилов, Каганович, Микоян и Маленков. Члены и кандидаты в члены Политбюро должны были принимать участие в решении важнейших вопросов управления страной.

Георгий Маленков, которого за его необычную внешность циничные соратники презрительно называли «Маланьей», заслужил доверие вождя своим активным участием в кровавых репрессиях 1937 г. В те годы молодой партийный функционер, несмотря на свое дворянское происхождение, вместе со сталинским палачом Ежовым, выезжал «на места», в союзные республики, и лично участвовал в пытках «врагов народа». Сегодня Маленков, гораздо более образованный, чем все другие сталинские соратники, и производящий впечатление интеллигентного человека, неотлучно находится при вожде, угадывает его мысли, неукоснительно выполняет его волю и пишет под его диктовку протоколы заседаний Политбюро, постановления Совета народных комиссаров и даже сообщения советского телеграфного агентства ТАСС. Через Маленкова Сталин, профессиональный

подпольщик, более двадцати лет проведенный в тюрьмах и ссылках, фактически единолично руководит раскинутой им разведывательной паутиной. Каждое агентурное донесение советской разведки, непременно в 2-х экземплярах, направляется Сталину и в одном экземпляре каждому из соратников, которые, таким образом, всегда имеют возможность самостоятельно оценивать сложившуюся ситуацию.

Сталинские репрессии, несомненно, нанесли серьезный урон советской разведке. Но к середине 1940 г. разведка уже практически оправилась от удара и даже расширила и активизировала свою деятельность.

Формальной основой всей сталинской разведывательной паутины являлись две самостоятельные и почти параллельные ветви разведки, принадлежащие к двум разным наркоматам — обороны и внутренних дел.

Разведка наркомата обороны Главное разведывательное управление Генерального штаба Красной армии — ГРУ, которое с июля 1940 г. возглавлял генерал-лейтенант Филипп Голиков, представляло собой мощную организацию, включающую военную и приграничную разведку, радиоразведку и военную контрразведку. Разведка НКВД включала внешнюю разведку, под руководством майора Павла Фитина, и контрразведку, под руководством комиссара Петра Федотова.

Сталинская разведывательная паутина, располагавшая практически неисчерпаемыми финансовыми средствами и передовой научно-технической базой, охватывала 45 стран, в которых было задействовано более 300 легальных и

нелегальных резидентур и огромное число агентов, использующих почти бесчисленное количество источников информации. С июня 1940 г. и до «внезапного» нападения Германии военная разведка передаст в отдел информации ЦК более 300 шифрограмм, разведсводок и радиосообщений, явно свидетельствующих об активной подготовке Гитлера к войне. Внешняя разведка НКВД за тот же период направит в Кремль еще 120 донесений о готовящейся агрессии.

Важность информации, переданной профессиональной разведкой трудно переоценить, но, в дополнение к этим разведкам, Сталин обладал еще одним необычным источником информации известным под названием стратегической разведки. Стратегическая разведка была детищем Лаврентия Берия. Назначенный Сталиным в 1938 г. вместо Ежова наркомом внутренних дел Берия, кроме других, более известных его «обязанностей», много сил приложил для восстановления почти уничтоженной во время репрессий внешней разведки НКВД и, параллельно с этим, организовал еще один, тайный, орган разведки.

Человек недюжинного ума и еще большей хитрости, жестокости и коварства, Берия, как и Сталин, обладал особым талантом в области шпионажа и еще в юности получил кличку «Сыщик».

Личная стратегическая разведка, созданная Берия, представляла собой неформальную, глубоко законспирированную сеть шпионов и диверсантов, включавшую в себя людей самых различных социальных слоев — от знаменитейших личностей эпохи до последних отбросов общества и матерых убийц.

Свидетельствует сын Берия, доктор технических наук Серго Гегечкори: *«Некоторые люди, работавшие на советскую разведку и занимавшие очень высокое положение в Германии, Великобритании и других странах, „выходили“ непосредственно на моего отца. Таких тоже было, знаю, немало. Кого-то, думаю, из них Сталин знал, но члены Политбюро однозначно — нет. Исключений тут не было. Да и Сталин, насколько могу судить, особого интереса к источникам информации не проявлял. Детали его обычно не интересовали. Он ставил задачу, а уж каким путем она будет достигнута, его волновало мало. Сталина интересовал как правило лишь конечный, а не промежуточный результат...»*

Агентурная информация, получаемая Берия из «своих» источников, в большинстве своем, не поступала, как все другие виды информации, в отдел информации к Маленкову, а, минуя официальные каналы, шла напрямую к Сталину. Информация Берия была особой!

Лаврентий Берия, вообще, занимал особое место при Сталине даже среди соратников. Мингрел по происхождению, он говорил со Сталиным на его родном грузинском языке, что создавало особую доверительность в их отношениях. Много часов, ежедневно в Кремле и еженощно за обеденным столом на ближней даче в Кунцево, где в эти годы жил вождь, Сталин и Берия проводили вместе.

Вопреки своим привычкам, Сталин бывал у Берия дома, и в Москве, и в Грузии, обедал с его семьей и даже вступал в шутливую перепалку с его женой красавицей Нино Гегечкори. Дети Сталина называли Берия — «дядя Лаврентий». Сталин не мог обходиться без Берия. И именно Берия была поручена деликатная миссия

организации похорон умершей в Тбилиси матери Сталина, проститься с которой единственный сын ее, Сосо, не нашел нужным приехать.

Дочь Сталина Светлана Аллилуева скажет о смерти своей бабушки страшные слова: *«Кто знает, была ли мирной ее кончина?»*

Много кровавых тайн связывало Сталина и Берия. Для них обоих человеческая жизнь не значила ровным счетом ничего. На совести Сталина были уже миллионы загубленных жизней, на совести Берия, может быть, было немногим меньше. С Лаврентием Сталин мог говорить откровенно, без намеков, без умолчаний. Вместе они задумали не одно преступление, и не одно преступление совершил Сталин руками Берия.

Удивительно, но всемогущий Лаврентий Берия, которого боялись даже сталинские соратники, отдавал, видимо, должное тайной силе Маленкова и считал необходимым поддерживать с ним личную «дружбу». И оба они, и Берия, и Маленков, многие годы верно служили Сталину.

Вся имеющаяся в распоряжении этой пары агентурная информация и, особенно, сведения, касавшиеся подготовки гитлеровской Германии к нападению на Россию, немедленно поступала к Хозяину. Если бы, хотя бы одно, самое короткое, самое незначительное сообщение случайно или намеренно «затерялось», тогда не сносить бы им своих голов, ни верному Лаврентию, ни исполнительному Маленкову! И за меньшие «провинности» безжалостно карались самые близкие ему люди. Всемогущие соратники не составили бы исключения. Совершив одну, самую малую, оплошность, каждый из них мог бы, как Павлуша

Аллилуев, брат Надежды, трагически погибшей жены Сталина, неожиданно умереть от «паралича болезненно измененного сердца».

Или, как «друг и брат» Сталина Сергей Киров, мог пасть жертвой «врагов народа». Или самому внезапно стать «врагом народа», и тогда уже быть судимым и расстрелянным «по закону». Но нет, за все время «служения» вождю ни Берия, ни Маленков, не допустили ни одной оплошности! Не совершили ни одной ошибки! До самого конца... До рокового 1953 г., когда одряхлевший тиран начнет бояться даже своих самых верных соратников. И не напрасно!

Скорее всего, именно эти «друзья» — Берия и Маленков — сыграли основную роль в достаточно странной смерти Сталина. И именно Маленков, с помощью Берия, станет «наследником» вождя и займет пост председателя Совета министров СССР. Правда, всего через несколько месяцев после этого торжественного события Маленков предаст своего многолетнего «друга». Объединившись на время с другими соратниками, Маленков примет участие в «устранении» Лаврентия. Вместе с Берия будет уничтожена целая группа его подручных, в том числе и бывший советский полпред Владимир Деканозов.

А пока... И Маленков, и Берия головой отвечают за то, чтобы вождь был максимально информирован по всем вопросам и, в особенности, по вопросам, касающимся Германии и Гитлера.

Одно из первых донесений о возможности столкновения Германии с Россией Берия передал Сталину еще в июле 1940 г., почти за пять месяцев до того

зимнего вечера, 18 декабря 1940 г., когда Адольф Гитлер подписал свою «Директиву № 21».

*СТАЛИНУ, МОЛОТОВУ, ВОРОШИЛОВУ, ТИМОШЕНКО
№ 2813/6, от 12 июля 1940*

Бывший английский король Эдуард вместе с женой Симпсон в это время находится в Мадриде, откуда поддерживает связь с Гитлером. Эдуард ведет с Гитлером переговоры по вопросу формирования нового английского правительства и заключения мира с Германией при условии военного союза против СССР...

Германский и итальянский военные атташе в Бухаресте заявили, что в будущем Бессарабия, а также Советская Молдавия, будут отторгнуты от СССР... В Протекторате и на территории, оккупированной Германией, проводится регистрация офицеров и подофицеров, знающих русский, сербский, хорватский, болгарский и румынский языки. В Лодзи немецкие военные власти концентрируют и обучают военному делу белогвардейцев...

После падения Франции, во второй половине июля 1940 г. начали поступать уже более конкретные сообщения — о переброске германских воинских частей с Запада на Восток и о перевозках строительных материалов для возведения на восточных границах Германии укреплений типа «Линии Зигфрида». В августе 1940 г. внешняя разведка сообщала о том, что в Польше сосредоточены 75 германских дивизий, а по Дунаю, к болгарской Руссе, идут немецкие баржи, груженные тяжелыми орудиями.

В сентябре 1940 г., после того как Гитлер окончательно отказался от вторжения на английские

острова и даже отдал приказ «прекратить сосредоточение сил и средств, необходимых для вторжения», Кремль почти немедленно, 27 сентября, получил соответствующее донесение из Парижа: *«Немцы отказались от наступления на Англию и ведущаяся подготовка к нему является лишь демонстрацией, чтобы скрыть переброску основных сил на Восток. Там уже имеется 106 дивизий».*

Падение Франции и отказ Германии от вторжения на английские острова — именно эти два события премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль назовет *«Поворотными пунктами Второй мировой войны».* Выступая по радио 22 июня 1941 г., Черчилль отметил четыре таких поворотных пункта, включив сюда, кроме первых двух, также принятый американским конгрессом закон о ленд-лизе и совершившееся на рассвете этого трагического дня «внезапное» нападение Германии на Россию.

В сентябре 1940 г. Иосиф Сталин, так же как и Уинстон Черчилль, не мог воспринять равнодушно такие два грандиозных события, как падение Франции и отказ Германии от вторжения на английские острова. Сталин не мог не понять, что после Парижа целью Гитлера станет Москва! Эта его уверенность должна была укрепиться в октябре 1940 г., когда Берия, уже совершенно определенно предупредит его о том, что примерно через шесть месяцев Германия начнет войну:

СТАЛИНУ, МОЛОТОВУ, ВОРОШИЛОВУ, ТИМОШЕНКО

б/н [Октябрь 1940] Сов. секретно

НКВД СССР сообщает следующие агентурные данные, полученные из Берлина:

*Наш агент «Корсиканец», работающий в германском министерстве хозяйства, в качестве референта отдела торговой политики в разговоре с офицером штаба Верховного командования узнал, что **в начале будущего года Германия начнет войну против Советского Союза.***

*Офицер штаба Верховного командования (отдел военных атташе), сын бывшего министра колоний... [пропуск в тексте сообщения] заявил нашему источнику... [пропуск в тексте], (б. [бывший] русский, князь, связан с военными немецкими и русскими аристократическими кругами), что по сведениям, полученным им в штабе Верховного командования, **примерно через шесть месяцев Германия начнет войну против Советского Союза.***

Это, естественно, только часть донесений, полученных Сталиным за последние месяцы. Еще до того, как Деканозов успел вручить Гитлеру свои верительные грамоты, на его имя в полпредство пришло анонимное письмо. Неизвестный доброжелатель писал: *«Многоуважаемый господин Полпред! Гитлер намеревается будущей весной напасть на СССР. Многочисленными мощными окружениями Красная армия должна быть уничтожена...»*

И дальше шел длинный перечень доказательств того, что **Германия готовится к нападению на Россию.**

Деканозов дал указание перевести письмо и, понимая его важность, немедленно переслал в Москву, приложив отзыв помощника военного атташе Николая Скорнякова, который и сам был сотрудником военной разведки, по кличке «Метеор».

ПОЛПРЕДСТВО СССР В ГЕРМАНИИ Секретно

Берлин, 7 декабря 1940 г. № 590

Народному комиссару иностранных дел товарищу В. М. Молотову

При этом направляю анонимное письмо на немецком языке, полученное мною по почте 5.XI.40г., и перевод с него, сделанный нами. Военный атташе тов. Скорняков, которого я ознакомил с этим письмом, дал следующий отзыв:

Поп. 1 — В течение последних двух-трех недель, действительно на Восток отправлено значительное количество автопорожняка.

Поп. 2 — Строительство в Норвегии барачов для германских войск подтверждается и из других источников...

В числе вновь призываемых действительно имеются возрасты 1896—1920 гг. По мнению тов. Скорнякова, к весне немцы могут довести армию до 10миллионов...

На документе имеется резолюция: «т. Сталину для сведения. В. Молотов».

Это письмо, также как и все агентурные донесения, доклады, записки и справки, легло на письменный стол в кремлевском кабинете Сталина. Уже по этим, первым агентурным донесениям, можно оценить мощь сталинской разведывательной паутины и полную своевременную информированность Сталина во всем, что касалось подготовки Германии к войне против России.

Гитлеровские генштабисты — генерал-майор Эрих Маркс и подполковник Бернхард фон Лоссберг — были все еще заняты первичными наметками плана Русского

похода, Гитлер еще не подписал «Директиву № 21», а Москва уже знала о том, что фюрер отказался от вторжения на английские острова и готовится к «внезапному» нападению на Россию.

До «внезапного» нападения есть еще 182 дня. 21 декабря 1940. Москва

«Прощупать Гитлера!»

Скоро Рождество — самый светлый, самый радостный праздник для всех истинно верующих. Но в Берлине в этом году не чувствуется ни обычной радости, ни праздничных приготовлений. Пусто, темно. На улицах не пахнет, как обычно, хвоей.

Витрины магазинов, в которых раньше сверкала елочная мишура, сегодня забиты фанерой и заложены мешками с песком. Английская авиация почти каждую ночь бомбит Берлин и на многих домах видны следы бомбежки. А в заснеженной, ярко освещенной Москве, несмотря на мороз, улицы все еще заполнены людьми, и на катке в парке Горького звучит музыка. Но что-то уже неуловимо изменилось в настроении людей и, кажется, даже в самом воздухе. Прошел год, всего лишь один год с тех пор, как Сталин с триумфом отпраздновал свое шестидесятилетие. Это было 21 декабря 1939 г.

Приветствия вождю сыпались со всех концов. Газеты неистовствовали: *«Сталин — продолжатель дела Ленина!»*, *«Сталин — это Ленин сегодня!»*

Повсюду шли торжественные собрания, митинги. В честь Сталина звучала оратория Прокофьева, гремели

овации. Миллионы скандировали, стоя: *«Великому Сталину — Вождю народов — сла-в-а-а-а!!!»*

В тот день «Вождю народов» было присвоено звание Героя Социалистического Труда. В тот день «Величайший мыслитель и корифей науки» был избран почетным академиком Академии наук СССР.

В тот день Иосиф Сталин получил поздравительную телеграмму от своего союзника и друга — фюрера Великой Германии Адольфа Гитлера:

«Господину Иосифу Сталину. Ко дню Вашего 60-летия прошу Вас принять мои самые сердечные поздравления. Желаю здоровья Вам лично, а также счастливого будущего народам дружественного Советского Союза...»

Сталин ответил: *«Дружба народов Германии и Советского Союза, скрепленная кровью, имеет все основания быть длительной и прочной».*

Прошел год. Всего лишь год. За это время Гитлер успел оккупировать большинство стран Европы — к Австрии, Чехословакии и Польше добавились Дания, Норвегия, Бельгия, Голландия, Люксембург. Но больше всего, конечно, поразил Сталина неожиданно молниеносный разгром Франции.

Еще одним тревожным событием стал заключенный Германией 27 сентября 1940 г. союз с Италией и Японией, так называемый Пакт трех держав. Гитлеровская пропаганда пыталась представить пакт как «антианглийский и антиамериканский», но в «Военном дневнике» генерал-полковника Гальдера, появилась в эти дни совсем другая запись: ***«Союз трех держав направлен, прежде всего, против России...»***

Сталин, естественно, не читал записи Гальдера, но подозревая всегда, всех и вся, не мог не понимать опасности, которую таил в себе «пакт», ставивший страну под угрозу нападения и с Запада и с Востока.

Гитлер почувствовал напряженность в отношениях с Москвой и, не желая на данном этапе обострять отношения, сделал необычный шаг — пригласил вождя большевистской России «для обмена мнениями» посетить Берлин. Предложение Гитлера показалось Сталину «интересным», особенно на фоне многочисленных сообщений о военных приготовлениях Германии. Но ехать в Берлин он, конечно, не собирался, а направил вместо себя на встречу с Гитлером Вячеслава Молотова.

Сталин и его «Тень»

В отличие от Берия и Маленкова, которые стали соратниками вождя лишь в последние два-три года, Вячеслав Молотов был близок к Сталину десятки лет. Сталин познакомился с Молотовым в 1912 г., во время своего кратковременного пребывания в Петербурге после побега из очередной ссылки. В те дни молодой революционер, студент Политехнического института Вячеслав Скрябин готовил к выпуску первый номер новой большевистской газеты «Правда». Пройдет еще несколько лет, и Скрябин станет Молотовым и под этой партийной кличкой войдет в историю со Сталиным. Они были соратниками, были, можно сказать, друзьями. Некоторое время даже жили в одной квартире и ухаживали за одними и теми же девушками. Когда в апреле 1922 г. на Пленуме ЦК было принято решение ввести должность генерального секретаря, и Сталин был избран Генсеком, Молотов, бывший до этого дня просто

секретарем ЦК, стал вторым секретарем. Он так и останется на всю жизнь «вторым».

Методичный, скрупулезный, упрямый, Молотов будет работать по 24 часа в сутки. Будет всегда рядом с Хозяином — на трибуне Мавзолея, в кремлевском кабинете и на подмосковной даче. Молотов станет настоящей «Тенью» Сталина. Теперь, уезжая в отпуск на Кавказ или в Крым, Сталин оставляет свое «хозяйство» — партию и страну — на Молотова. И «Тень» не разочаровывает Хозяина. Почти каждый день Молотов пишет Сталину «доклады», получает от него «указания» и железной рукой проводит эти указания в жизнь.

За скромной внешностью и невыразительным лицом Молотова скрывается человек, не уступающий в силе и жестокости ни Берия, ни Маленкову, ни даже самому Сталину. Молотов, так же как и Сталин, несет ответственность за кровавые чистки 1937—1938 гг. Вместе со Сталиным он подписывал «расстрельные списки», санкционируя расстрелы невинных, еще до проведения над ними несправедливого суда. Они читали эти списки вместе. С особым интересом останавливались на знакомых им обоим именах «друзей» и «знакомых». Отпускали грязные шутки. В один из декабрьских дней 1938 г. они утвердили расстрельный список, включавший 3167 человек!

В мае 1939 г., когда Сталин планировал свой неожиданный для всего мира поворот навстречу Гитлеру, он, прежде всего, сместил с должности наркома иностранных дел Максима Литвинова и назначил на его место Молотова. Об этом значимом событии сообщает в Берлин Курт фон Типпельскирх, занимавший в те дни пост советника германского посольства в Москве.

ТЕЛЕГРАММА № 61

Москва, 4 мая 1939— 20 ч 45 мин.

Получена 4 мая 1939 — 22 ч 00 мин.

Молотов (не еврей!) считается наиболее близким другом и ближайшим соратником Сталина. Его назначение, несомненно, гарантирует, что внешняя политика будет проводиться в строгом соответствии с идеями Сталина. Типпельскирх.

На посту наркома иностранных дел Вячеслав Молотов приобретет всемирную известность. Рукой Молотова будут подписаны договоры Советского Союза с Германией. Голос Молотова 22 июня 1941 г. объявит советскому народу о том, что гитлеровская Германия «внезапно и вероломно» напала на СССР. «Тень» Сталина будет летать в Лондон и в Вашингтон, на встречи с Черчиллем и Рузвельтом, будет сопровождать Диктатора на Тегеранскую, Ялтинскую, Потсдамскую конференции.

И только после войны постаревший Тиран, перестанет верить даже своей «Тени». В январе 1949 г., в разгар организованной им грязной антисемитской кампании, Сталин прикажет арестовать жену Молотова — Полину Жемчужину. Старой революционерке будет предъявлено обвинение в преступных связях с послом государства Израиль Голдой Меир и с агентом международного сионизма Соломоном Михоэлсом, который к тому времени уже «погибнет в автомобильной катастрофе».

А сегодня Молотов, пожалуй, единственный человек, который может обращаться к Сталину на «ты» и называть его «Коба». Он один из немногих, кому

позволено спорить со Сталиным. И Молотов, по его собственному выражению, «Сталину в рот не заглядывает». Спорит с ним. Говорит ему правду.

Сталин не может обойтись без Молотова, как не может обойтись без Берия, как не может обойтись без Маленкова. Но если Берия и Маленков, выполняя приказы диктатора, действуют «за кулисами, в темноте», то Молотов, миссии которого, может быть, не менее преступны, вынужден действовать «на авансцене», прикрывая свои действия внешней респектабельностью и корректностью.

В Берлин на встречу с Гитлером Сталин посылает Молотова. Это был уже немолодой, опытный, чрезвычайно хитрый и закоренелый в своей жестокости человек. Вот, что писал о Молотове, неоднократно встречавшийся с ним британский премьер-министр Уинстон Черчилль:

«Вячеслав Молотов — человек выдающихся способностей и хладнокровно беспощадный... Его черные усы и пронизательные глаза, плоское лицо, словесная ловкость и невозмутимость хорошо отражали его достоинство и искусство.

Он стоял выше всех среди людей, пригодных быть агентами и орудием политики машины, действие которой невозможно было предсказать... Его улыбка, дышавшая сибирским холодом, его тщательно взвешенные и часто мудрые слова, его любезные манеры делали из него идеального выразителя советской политики в мировой ситуации, грозившей смертельной опасностью...

Вся его жизнь прошла среди гибельных опасностей, которые либо угрожали ему самому, либо навлекались им на других...»

Хотя поездка Молотова в Берлин, на самом деле, уже ничего не могла изменить и никак не могла повлиять на принятое Гитлером роковое решение, для Сталина она была важна. Это была возможность «прощупать» Гитлера, понять его истинные намерения. Перед отъездом, 9 ноября 1940 г., Сталин и Молотов просидели почти всю ночь на Ближней даче, обсуждая вопросы, которые нужно было затронуть для «прощупывания» Гитлера. И о том, насколько это обсуждение было полезным, Молотов вскоре после приезда в Берлин в 0 ч 40 мин 13 ноября 1930 г. поторопится сообщить Сталину по телефону: *«Наше предварительное обсуждение в Москве правильно осветило вопросы, с которыми я здесь столкнулся. Пока я стараюсь получить информацию и прощупать партнеров...».*

Перечень вопросов, сформулированных во время «обсуждения», вышел длинным, и Молотов под диктовку Сталина записал все вопросы на листках, вырванных из небольшого блокнота. «Коба» диктовал быстро, и Молотов не успевал за полетом сталинской мысли, в одночасье охватывающей все страны мира. На сохранившихся до наших дней листках из блокнота почерк Молотова небрежен, а листки пестрят множеством сокращений, лишенных необходимых точек.

Первый из 14-ти пунктов этого документа четко формулирует цели, поставленные Сталиным перед «Тенью»:

«Некот. дир-вы В. М. к берл. поездке С. секретно

(9/XI, 40 г.)

Цель поездки: Разузнать действительные намерения Г. и всех участников Пакта 3-х (Г,И,Я) в осуществлении плана создания «Новой Европы», а также «Велик Вост-Аз Пр»; границы «Ное Евр» и «Вост-Аз Пр», характер госуд. структуры и отношения отд Европ государств в «Н,Е» и в «В-А»; этапы и сроки осуществления этих планов и, по крайней мере, ближайшие из них; перспективы присоединения других стран к Пакту 3-х; место СССР в этих планах в данный момент и в дальнейшем...»

Молотов точно выполнил указания, данные ему «Кобой». Он «разузнал», «выяснил» и «прощупал»!

Многократным повторением одних и тех же точно сформулированных вопросов довел Гитлера почти до истерики, заставив высказать гораздо больше, чем тому хотелось бы. Понимал ли фюрер, что голосом Молотова вопросы ему задает сам вождь большевистской России?

Из ответов Гитлера на вопросы, а может быть, и из нежелания его отвечать на некоторые из них, Молотов многое понял. Правда, для того, чтобы понять и почувствовать происходящее в те дни в Берлине, не нужна была даже известная исключительная проницательность Молотова.

Вспоминает маршал Александр Василевский, занимавший пост заместителя начальника оперативного управления Генерального штаба, и, в числе многих офицеров наркомата обороны, сопровождавший Молотова в его поездке в Берлин:

«В ноябре 1940-го мне вместе с генералом В. М. Злобиным довелось побывать в Берлине в качестве

советника... В Берлине состоялся ряд встреч. Молотов вел переговоры с Гитлером...

Возвращаясь из Германии, мы делились между собой своими впечатлениями о поездке. От встреч с германскими правительственными кругами и бесед с работниками нашего посольства и военным атташе, настроение у всех нас было невеселое, подавленное.

По-видимому, все мы были убеждены, что Гитлер держит камень за пазухой и рано или поздно нападет на нас.

Я полагаю, что Молотов именно так и докладывал Сталину...»

Но на самом деле, Молотов начал докладывать Хозяину о том, что происходит в Берлине, буквально с первых часов своего пребывания там. В день приезда, 12 ноября 1940 г., в 16 ч 20 мин пополудни, не успев еще переговорить с Гитлером, Молотов докладывает Сталину о беседе с имперским министром иностранных дел фон Риббентропом. В тот же день, Молотов шифрограммой докладывает о первой беседе с Гитлером и просит у Сталина «указаний». На второй день, 13 ноября 1940 г., в 15 ч, Молотов докладывает о своих встречах с «наци № 2» — рейхсмаршалом Германом Герингом и с заместителем фюрера по партии «наци № 3» Рудольфом Гессом, а в 1 ч 20 мин ночи — о встрече с Гитлером.

Удивительно, как при таком плотном графике встреч Молотов умудрялся регулярно, днем и ночью, докладывать Сталину о каждом своем шаге. Указания из Москвы поступали так же регулярно: 12 ноября — в 22.00; 13 ноября — в 11.00 и в 14.50; 14 ноября — в 7.15 утра!

Сталин, в основном, был доволен действиями «Тени» в Берлине. *«Твое поведение в переговорах считаем правильным»*, — телеграфировал он Молотову. Но, вместе с тем, Диктатор пристально следит за каждым произнесенным Молотовым словом: *«В твоей шифровке о беседе с Риббентропом есть одно неточное выражение, насчет исчерпания Соглашения с Германией, за исключением вопроса о Финляндии. Это выражение неточное. Следовало бы сказать, что исчерпан Протокол к Договору о ненападении, а не Соглашение...»*

Возвратившись из Берлина в Москву, Молотов мог уже лично, с глазу на глаз, доложить вождю о переговорах. Вместе они еще и еще раз обсуждали и взвешивали ответы Гитлера, сравнивали их с высказываниями Риббентропа, Геринга, Гесса. Не обошлось и без «сплетен», сдобренных циничными замечаниями на особом «матерном» языке, с давних пор принятом между соратниками. Сталин с большим вниманием слушал рассказы Молотова о новой Рейхсканцелярии, об огромном, похожем на банкетный зал, кабинете фюрера. О маленькой, едва заметной в этом огромном кабинете, фигурке Гитлера, о его безумных глазах и истерических выкриках.

А вечером, 14 ноября 1940 г. состоялось заседание Политбюро, на котором было заслушано уже официальное сообщение Молотова об итогах переговоров в Берлине. На этом заседании присутствовал молодой, только что вступивший в должность управделами Совета народных комиссаров СССР Яков Чадаев. Человек удивительной памяти, Чадаев хорошо запомнил все, о чем говорилось в тот вечер на Политбюро, и многое записал:

«Молотов подробно доложил о результатах встречи с Гитлером... После ответов Молотова на вопросы выступил Сталин.

Он сказал: «...Ясно одно: Гитлер ведет двойную игру. Готовя агрессию против СССР, он вместе с тем старается выиграть время, пытаясь создать у советского правительства впечатление, будто готов обсудить вопрос о дальнейшем мирном развитии советско-германских отношений... Могло ли случиться, что Гитлер решил на какое-то время отказаться от планов агрессии против СССР, провозглашенных в его „Майн Кампф" ?

Разумеется, нет! — твердо сказал Сталин».

Сталин, конечно, не напрасно именно сегодня вспомнил и напомнил членам Политбюро о «Майн Кампф». Впервые эту «Библию» нацистов привез в Москву из Берлина в 1925 г. секретарь Исполнительного комитета Коммунистического интернационала Дмитрий Мануильский. И перевод этой, с позволения сказать, книги, недоступный для простого читателя, занял свое место в уникальной библиотеке Сталина.

В последующие годы, особенно в период, предшествующий подписанию совете ко-германского Пакта о ненападении, Сталин неоднократно возвращался к «Майн Кампф», оживляя в своей феноменальной памяти «откровения» Бесноватого фюрера и подчеркивая заинтересовавшие его места синим карандашом. Один из подчеркнутых вождем абзацев напрямую касался будущей агрессии против России:

«Сама судьба указывает нам перстом... Конец еврейского господства в России будет также концом России как государства...»

Поездка Молотова в Берлин, фактически, увенчалась успехом.

«Прощупав Гитлера», Сталин удостоверился в том, что Бесноватый не отказался от своих планов, провозглашенных в «Майн Кампф» — ни от уничтожения «еврейского могущества в России», ни от уничтожения «России как государства».

После отъезда Молотова из Берлина, Гитлер совершенно открыто принялся сколачивать военную коалицию для Русского похода. Прежде всего, фюрер посетил японского посла Хироси Осима — благо случай был подходящий — 2600 лет правления японского императорского дома. Затем, 17 ноября 1940 г., как сообщали газеты, фюрер имел «важную беседу» с прибывшим в Берлин болгарским царем Борисом, а на завтра, в сопровождении Риббентропа, он уже выехал в Зальцбург и встретился с министром иностранных дел Италии графом Галеаццо Чиано. 20 ноября 1940 г. в Вене состоялась конференция, на которой к Пакту трех держав присоединилась Венгрия, а 22 ноября в Берлин прибыл кондукатор Румынии генерал Ион Антонеску, и Румыния также стала официальной союзницей Германии.

Фотографии Гитлера и Риббентропа в окружении новых союзников заполняли все газеты — гитлеровская военная коалиция стала приобретать откровенно угрожающий характер.

День рождения

Сегодня, 21 декабря 1940 г., в день рождения Сталина, нет и следа эйфории 1939 г. Нет следа и веселья 20-х годов, когда в дни рождения «дорогого Иосифа» на бывшей даче нефтепромышленника Зубалова, ставшей ненадолго домом семьи Диктатора,

собирались друзья и родственники с женами и детьми. Вокруг стола, уставленного рыбой и сырами, хлопотала молодая хозяйка — Надя Аллилуева. Гости с удовольствием ели и с удовольствием пили легкие грузинские вина — «Цигистави», «Оджалешви», «Цоликаури». Шумели. Спорили. Заводили патефон. Пели хором русские, украинские, грузинские песни — «Вниз по Волге», «Метелицу», «Сулико». Слаженно звучали голоса бывших церковных певчих — Сталина, Молотова, Ворошилова. В те дни все обращались к Сталину на «ты» и звали его «Коба». Тогда это было можно!

А сегодня, несмотря на торжественный день, нет приглашенных. Да, на самом деле, и приглашать-то как будто бы некого. Большая часть друзей и родственников — Аллилуевых и Сванидзе — арестованы или уже мертвы. Сталин давно остался один.

Сегодня на Ближней даче обычное ночное застолье. В большой столовой, за длинным столом только соратники.

До начала операции «Барбаросса» есть еще 175 дней. 28 декабря 1940. Берлин

Мелодии «Черной Капеллы»

Как могло случиться, что решение Гитлера о нападении на Россию, которое должно было сохраняться в особой, строжайшей тайне, перестало быть тайной? А слухи об этом решении, еще на стадии предварительных разработок, еще до подписания «Директивы № 21», уже муссировались в Москве, Бухаресте, Лондоне,

Вашингтоне? Как могло случиться, что с июля 1940 г. в Кремль почти ежедневно поступали сведения о военных приготовлениях Германии?

О решении фюрера знал только узкий круг лиц — несколько высших офицеров вермахта, тех, кому была поручена разработка плана Русского похода. Только они — офицеры вермахта — могли быть источником утечки информации, вызвавшей эти слухи. И как это ни парадоксально, но именно они — офицеры вермахта стали источником утечки информации о готовящемся нападении на Россию. И не было в этом, в действительности, ничего удивительного!

Ни одна военная кампания фюрера не была внезапной для его противников! И всегда утечка информации шла из высших кругов вермахта. Так было перед вторжением в Чехословакию, перед нападением на Польшу, перед походом на Запад... Этот необычный в истории феномен имел свои давние корни.

Корни ненависти

После окончания Первой мировой войны, по условиям Версальского мирного договора, поверженная германская армия была почти полностью ликвидирована. Пытаясь сбросить «оковы Версаля», Германия все послевоенные годы занималась тайным восстановлением своей военной машины. Эту труднейшую задачу выполнял знаменитый германский военачальник Ханс фон Сект, ставший в 1919 г. руководителем подпольного Генерального штаба.

Генерал-майор Ханс фон Сект, 54 летний германский аристократ, и по внешности, и по характеру, представлял собой типичный образец прусского генерала. По свидетельству современников, он обладал

глубоким умом, был талантливым стратегом и, в дополнение ко всему, ярким сторонником союза с большевистской Россией. Сект писал: *«Если Германия примет сторону России, то она сама станет непобедимой, ибо остальные державы будут вынуждены тогда считаться с Германией, потому что они не смогут не принимать в расчет Россию».*

При активном участии Секта был заключен Рапалльский договор, восстановивший отношения между Германией и Россией, и налажены контакты новой германской армии, так называемого рейхсвера, с Красной армией. Благодаря этим контактам офицеры рейхсвера, ученики и единомышленники генерала фон Секта, имели возможность посещать Россию, стажироваться там, присутствовать на военных маневрах Красной армии и даже участвовать в дружеских попойках с красными командирами. Красные командиры тоже частенько ездили к немецким коллегам на стажировку, изучали немецкий, пили немецкое пиво и... обменивались секретной информацией. Всей этой разнообразной, явной и тайной, деятельности однажды пришел конец. Канцлер Германии генерал-майор Курт фон Шлейхер, один из единомышленников фон Секта, вынужден был уйти в отставку, и новым канцлером Германии стал Адольф Гитлер.

После отставки Шлейхера многие его соратники потеряли свои государственные посты. Военно-политическая элита Германии, веками представлявшая собой особую касту, правящую страной, потеряла власть узурпированную, как они считали, Выскочкой и Авантюристом. Так, почти сразу же после назначения Гитлера рейхсканцлером, возникла идея государственного переворота. К заговору против

Авантюриста совершенно неожиданно примкнули и разочаровавшиеся в Безумном Ади его бывшие близкие соратники — старые партайгеноссе, сгруппировавшиеся вокруг Грегора Штрассера, и штурмовые отряды СА, возглавляемые Эрнстом Ремом. Слухи о готовящемся заговоре дошли до Гитлера, и он жестоко расправился с его участниками. В ночь на 30 июня 1934 г., названной «Ночью длинных ножей», по приказу фюрера, особые отряды СС устроили кровавую резню, в ходе которой были уничтожены более 1000 человек. В эту ночь нашли свою смерть бывший канцлер Германии генерал Курт фон Шлейхер, его супруга и близкий соратник бывший глава военной разведки генерал-майор Фердинанд фон Бредов. Были убиты и бывший заместитель Гитлера по партии Штрассер и близкий друг Гитлера, проложивший Безумному Ади путь к власти, Рем. Варварство «Ночи длинных ножей» стало достоянием всего мира.

Москва встретила это событие с интересом. Сталин высоко оценил организованную Гитлером резню. Он «скрупулезно изучал» каждое донесение своих шпионов, связанное с этим событием.

А вот Берлин был в шоке. Такого даже от Авантюриста и Узурпатора никто не ожидал! Германские генералы, воспитанные Хансом фон Сектом в духе товарищества, были потрясены подлым убийством своих лидеров — Курта фон Шлейхера и Фердинанда фон Бредова. Военный министр Вернер фон Бломберг, не разобравшись в ситуации, даже потребовал от Гитлера уволить рейхсфюрера СС Генриха Гимmlера, которого считал ответственным за это убийство. Военному министру придется пожалеть об этой нелепой просьбе. Через пять лет, в январе 1938 г., готовясь к осуществлению своих «Великих планов» и желая

полностью подчинить себе армию, Гитлер сумел устранить военного министра фон Бломберга и командующего Сухопутными войсками фон Фрича. Оба старых генерала были сначала дискредитированы, а затем и отправлены в отставку.

Воспользовавшись скандалом, Гитлер изгнал из армии еще несколько десятков генералов, имена которых были связаны с фон Сектом, а затем упразднил и само военное министерство, учредив вместо него Главнокомандование Вооруженных сил Германии — ОКВ, себя он назначил Верховным главнокомандующим. И снова военно-политическая элита Германии была потрясена. Генералы еще не забыли кровавой «Ночи длинных ножей». Они не могли смириться с претензиями «бывшего ефрейтора» на пост главнокомандующего, и его «Великими планами», которые, по их мнению, были безумными и губительными для Германии.

Бесноватого нужно было остановить, нужно было устранить! Так возникла идея еще одного заговора против Гитлера.

«Устранить Преступника!»

В начале августа 1938 г. в берлинской штаб-квартире генерал-лейтенанта и будущего фельдмаршала, высокочтимого Эрвина Йова Вильгельма Георга Эрдмана фон Винлебена, на тайное совещание собралась небольшая группа высших офицеров германской армии.

Среди присутствующих выделялись командующие двумя важнейшими подразделениями вермахта — начальник Генерального штаба Сухопутных войск генерал Людвиг Бек и шеф абвера адмирал Фридрих Вильгельм Канарис. Вместе с командующими на тайное

совещание прибыли и их заместители генерал-лейтенант Франц Юлиус Гальдер и полковник Ханс Остер. Заговорщики обсуждали необходимость предотвратить вторжение в Чехословакию. Генералы были уверены, что агрессия, задуманная Гитлером, может спровоцировать мировую войну. И для предотвращения этой войны они решили «физически устранить Преступника».

Арест Гитлера, который должен был предшествовать «устранению», был возложен на участников заговора — префекта берлинской полиции графа Вольфа Генриха фон Гелльдорфа и его заместителя графа Франца Дитлофа фон дер Шуленбурга. Мюнхенское соглашение сорвало планы заговорщиков и спасло Гитлеру жизнь. Заговор, который вошел в историю под названием «Заговор Гальдера», не был осуществлен.

В последующие годы военно-политическая элита Германии еще не раз будет пытаться «устранить Преступника». В одном из вариантов, Гитлер должен был быть предан суду, и для этой цели сотрудник абвера, военный юрист Ханс фон Донаньи несколько лет собирал материалы, обличающие Преступника. В другом варианте обсуждался вопрос заключения Бесноватого в дом умалишенных, для чего организованная заговорщиками врачебная комиссия, во главе со знаменитым психиатром профессором Карлом Бонхоффером, готовилась объявить Гитлера душевнобольным. Несколько раз самоотверженные одиночки пытались застрелить Гитлера, другие были готовы взорвать себя вместе с фюрером. И, наконец, в самом конце Второй мировой войны, 20 июля 1944 г., был организован еще один, последний, заговор, в процессе осуществления которого мужественный полковник граф Клаус Шенк фон

Штауффенберг внес портфель с бомбой в картографический барак ставки Гитлера «Вольфшанце». Бомба взорвалась, Гитлер был слегка контужен, но, к несчастью, остался жив. Казалось, что все заговоры против этого человека были лишены смысла. Казалось, что какая-то нечистая сила помогала Бесноватому и спасала его от заслуженной смерти!

Но мало кому известно, что все эти заговоры, кроме задачи «физического устранения Преступника», всегда включали еще одну не менее важную задачу — попытку предотвращения войны путем информирования будущих противников о готовящейся агрессии.

Передача информации противнику, да еще офицерами, связанными военной присягой, во все века считалась тяжелым преступлением — изменой родине! Но для заговорщиков, принявших нелегкое решение о физическом устранении главы государства, передача информации противнику уже казалась простым, естественным и даже необходимым делом. На протяжении почти семи лет, с 1938 и до 1945 г., передачей такой информации систематически занимались десятки самых высоких гитлеровских чиновников, имевших и прямой доступ к важнейшим секретам Третьего рейха, и множество возможностей для передачи этих секретов противнику.

Ключевыми фигурами в этой тайной и опасной игре были адмирал Вильгельм Канарис и генерал Франц Гальдер, принимавшие участие в первой встрече заговорщиков в штаб-квартире генерал-лейтенанта фон Вицлебена, и еще один видный гитлеровский чиновник, статс-секретарь министерства иностранных дел,

дипломат и обергруппенфюрер СС, барон Эрнст фон Вайцзеккер.

«Двуликий адмирал»

Адмирал Вильгельм Канарис был, по свидетельству современников, одной из самых загадочных фигур XX в. Свидетельствует единомышленник адмирала, начальник отдела «абвер-2», генерал-майор Эрвин фон Лахузен-Вивермонт:

«Попытка исследовать личность Канариса, вероятно, так и останется попыткой... Многие сочтут, что объективно написать о Канарисе я не смогу. Они одновременно правы и неправы. Я слишком близко стоял к Канарису, чтобы быть объективным в оценке этого весьма сложного человека; для этого нужна определенная дистанция. С другой стороны (я имею в виду мои чрезвычайно близкие отношения с ним, а также то, что я был одним из его доверенных лиц в Движении Сопротивления внутри ОКБ), я мог наблюдать те черты этой проблематичной личности, которые должны быть и остаются скрытыми от посторонних...»

Как человек, посвященный в его планы, я знаю, что Канарис вел двойную игру... Однако, при всем том, что вообще делал или же упустил сделать Канарис, мне трудно сказать, где именно проходила граница этой игры, провести четкую разграничительную линию. Его роль и здесь определялась своеобразием его личности.

Он ненавидел насилие само по себе. Поэтому с отвращением относился к войне. Поэтому ненавидел Гитлера и его систему.

Его оружием служили интеллект, влияние в любой форме, хитрость и «игра»... Столь же пестрым и

неоднородным, как и его характер, являлся нелегальный кружок, собравшийся вокруг него. К нему принадлежали люди из различных профессиональных и сословных групп, с кругозором как узким, так и широким, идеалисты и политические авантюристы, трезво-рассудительные и фантазирующие мистики, консервативные аристократы и масоны, теософы, евреи и полужевреи, немецкие и иностранные антифашисты, мужчины и женщины.

Всех их объединяло только подпольное сопротивление Гитлеру и его системе».

Адмирал Канарис, по роду своих служебных обязанностей, имел огромные возможности для установления контактов с представителями иностранных государств и беспрепятственной передачи им имевшейся в его распоряжении секретной информации. Под руководством этого маленького, невзрачного, седоватого человека, с усталыми голубыми глазами и тихим, почти неслышным голосом, абвер превратился в мощнейшую организацию со штатом в 15 000 человек. Шпионско-диверсионная сеть абвера охватывала большинство стран мира.

В введении абвера были все секретные службы Германии по сбору и обработке военной, экономической и промышленной разведывательной информации, Воздушная разведка, радиоразведка, контрразведка, связь с немецкими национальными меньшинствами за границей и, наконец, спецоперации — организация диверсий и террористических актов на территориях иностранных государств. В кабинете шефа абвера на стене висела огромная карта мира, исчерченная треугольничками и кружочками и утыканная цветными флажками. И везде, где стояли флажки, у Канариса были

друзья. Иногда это были главы иностранных государств, как каудильо Испании Франсиско Франко, портрет которого с дарственной надписью висел рядом с картой, но, по большей части, это были главы иностранных разведок, с которыми «двуликий адмирал» часто встречался в самых невероятных точках земного шара. И нет сомнений, что во время этих встреч, проходивших без переводчиков, с глазу на глаз, шел активный обмен секретной информацией.

Шеф абвера имел доступ к самой секретной информации Третьего рейха — он всегда одним из первых от самого Гитлера узнавал о его агрессивных планах. И перед каждой задуманной фюрером военной кампанией Канарис, одной рукой способствуя осуществлению этой кампании, другой — направлял за рубеж своих доверенных эмиссаров, которые, под предлогом выполнения заданий абвера, вступали в контакт с представителями западных держав и передавали им сведения о готовящейся агрессии.

«Трусливый» генерал

Генерал-лейтенант Франц Гальдер был человеком другого плана. Чопорный, педантичный, потомственный военный, выпускник Баварской военной академии, Гальдер после окончания Первой мировой войны вместе со своим теперешним начальником, генерал-полковником Людвигом Беком, служил в подпольном генеральном штабе рейхсвера под командованием генерала фон Секта. Франц Гальдер, так же как и Людвиг Бек, так же как всё их ближайшее окружение, ненавидел Гитлера, не стесняясь, называл его Душевнобольным и Кровопийцей и даже пытался объяснить товарищам, что непреодолимое стремление Гитлера к кровавой бойне

вызвано его «сексуально-патологической предрасположенностью». Недаром первый заговор против Гитлера был назван «Заговором Гальдера». И в то же время именно Гальдер являлся главным разработчиком всех военных планов фюрера. Он беспрекословно повиновался Гитлеру, скрупулезно записывал в свой «Военный дневник» каждое произнесенное им слово и страшно боялся его гнева.

По свидетельству одного из активных молодых заговорщиков, сотрудника абвера Ханса Гизевиуса, именно трусость Гальдера явилась причиной провала нескольких заговоров против Гитлера. Однако, несмотря на неспособность «трусливого» генерала пожертвовать своей жизнью для спасения фатерланда, Гальдер, как и большинство подчиненных ему офицеров Генерального штаба Сухопутных войск, всегда служил для заговорщиков источником самой секретной информации о планах фюрера. Франц Гальдер горячо поддерживал контакты заговорщиков с представителями иностранных государств. Генерал был сторонником, так называемой, теории поражения и считал, что передача информации противнику будет способствовать поражению Германии в войне, а поражение Германии приведет к падению нацистского режима и гибели Кровопийцы.

«Обаятельный» обергруппенфюрер СС

Статс-секретарь барон фон Вайцеккер разительно отличался и от загадочного адмирала Канариса и от педантичного генерала Гальдера. Это был открытый и обаятельный человек, талантливый дипломат и, в то же время, давний член нацистской партии, обергруппенфюрер СС и активный проводник агрессивной политики Гитлера. Вайцеккера даже трудно

назвать заговорщиком — он фактически и не входил в прямой контакт с заговорщиками абвера и Генерального штаба Сухопутных войск, строящих планы «физического устранения Преступника». И, вместе с тем, под личиной эсэсовца скрывался человек, смертельно ненавидящий Гитлера и его режим.

Эрнст фон Вайцзеккер был личным другом Канариса, и так же как и Канарис, он вел двойную игру. В течение многих лет, под самым носом у Иоахима фон Риббентропа, он через подчиненных ему дипломатов поддерживал тайные связи с представителями враждебных Германии государств и информировал их о планах Гитлера.

Измена родине

Все началось той давней ранней осенью 1938 г.

Перед намеченным Гитлером вторжением в Чехословакию Эрнст фон Вайцзеккер поручил советнику германского посольства в Лондоне Теодору Кордту встретиться с министром иностранных дел Великобритании лордом Эдуардом Галифаксом. Кордт сообщил Галифаксу о готовящейся агрессии против Чехословакии, разъяснив при этом, что он разговаривает с министром как частное лицо — «посланник определенных политических и военных кругов Берлина».

В то же время сам фон Вайцзеккер, рискуя жизнью, предупредил о преступных планах Гитлера верховного комиссара Лиги Наций в Данциге Карла Буркхарда. Вайцзеккер умоляет Буркхарда использовать все свое влияние, чтобы побудить Лондон «заговорить с Гитлером недвусмысленным языком».

В то же время по поручению адмирала Канариса в Англию летит уволенный Гитлером из армии, бывший офицер рейхсвера Эвальд Клейст фон Шменцин. В Лондоне фон Шменцину удается встретиться с тремя видными политиками Британии — Уинстоном Черчиллем, Дэвидом Ллойд Джорджем и Робертом Ванситартом — и проинформировать их о планируемой Гитлером агрессии. По возвращении в Германию Клейст фон Шменцин передал адмиралу Канарису личное послание от Черчилля. В то же время и с той же целью, генерал Гальдер направляет в Лондон еще одного заговорщика — полковника в отставке Ханса фон Тетельбаха.

И это далеко не полный перечень лиц, входивших в эти дни в контакт с представителями враждебных Германии государств.

Так, один из самых высокопоставленных заговорщиков — бывший бургомистр Лейпцига Карл Фридрих Герделер, который, после «физического устранения Преступника», должен был стать канцлером новой Германии, все это время почти непрерывно курсировал по маршруту Берлин—Париж—Цюрих—Лондон. В Лондоне Герделер беседовал с тем же советником британского министра иностранных дел сэром Робертом Ванситартом, с которым встречался Эвальд Клейст фон Шменцин. Выслушав Герделера и поняв, что заговорщики собираются «устранить» Гитлера, потрясенный Ванситарт воскликнул: *«Да ведь то, что вы предлагаете, — это измена родине!»*

Как показала история, все усилия заговорщиков побудить западные государства занять жесткую позицию

в чехословацком вопросе и этим предупредить гитлеровскую агрессию, потерпели фиаско.

Разочарованный этим начальник Генерального штаба Сухопутных войск генерал-полковник Людвиг Бек уходит в отставку. Вместо Бека начальником штаба становится его заместитель генерал-лейтенант Франц Юлиус Гальдер. При вступлении в должность, Гальдер не побоялся заявить Главнокомандующему Сухопутных войск генералу фон Браухичу, что он, Гальдер, полон решимости «использовать каждую представившуюся ему возможность для борьбы против Гитлера».

Утечка информации продолжается

В 1939 г. Гитлер готовит нападение на Польшу, и заговорщики снова делают все возможное для того, чтобы оповестить об этом свободный мир.

Уже в марте 1939 г. Эвальд Клейст фон Шменцин через аккредитованного в Берлине английского журналиста Яна Кольвина передал в Лондон сообщение о том, что Гитлер готовится напасть на Польшу.

В эти же дни Карл Герделер вместе с бывшим президентом Рейхсбанка Ялмаром Шахтом мчит в Швейцарию. Здесь они, действуя через Ханса Гизевиуса, пристроенного Канарисом на пост вице-консула Германии в Цюрихе, встречаются с лицами, близкими к британскому и французскому правительствам, и сообщают им о принятом Гитлером решении.

В июле 1939 г. в Лондон один за другим летят эмиссары Гальдера — Ханс фон Тетельбах и Ульрих Шверин фон Шваненфельд.

Ханс фон Тетельбах встречается с заместителем военного министра Великобритании, а граф Ульрих фон

Шваненфельд посещает главу британской военно-морской разведки и передает ему, кроме предполагаемых сроков нападения, еще и «совет» генерала Гальдера — для предотвращения агрессии против Польши направить в Балтийское море эскадру боевых кораблей, перебросить во Францию две дивизии и ввести в кабинет Чемберлена Уинстона Черчилля.

Эрнст фон Вайцзеккер, действуя «новь через Эриха Кордта, предупреждает о готовящемся нападении на Польшу Роберта Ванситарта, а адмирал Канарис через одного из своих многочисленных друзей почти открытым текстом сообщает в Лондон: *«Гитлер нападет на Польшу вскоре после 26 августа»*.

Черные сутаны

После уничтожения Польши, в ноябре 1939 г., Гитлер начинает планировать «Наступление на Запад», а заговорщики вновь готовят государственный переворот, так называемый Цоссеновский путч, и вновь пытаются связаться с представителями западных государств.

Теперь, когда идет война, задача установления связи с врагами рейха стала более сложной и опасной. Но это не останавливает заговорщиков. На этот раз они решили действовать через Ватикан, известный своим пристрастием к тайным политическим интригам.

В середине ноября 1939 г. адмирал Канарис направляет в Рим под видом агента абвера мюнхенского адвоката Йозефа Мюллера-Оксензеппа, ревностного католика, имеющего в Ватикане много друзей.

Через одного из этих друзей, иезуита Роберта Ляйбера, секретаря Папы Пия XII, доктор Оксензепп, исключительно умный и хитрый человек, прозванный за

крупное телосложение и неумный темперамент «Быком», устанавливает контакт с британским послом в Ватикане сэром Френсисом Д'Арси Осборном. Представители стран, находящихся в состоянии войны, Мюллер и Осборн, встречаются, ведут тайные переговоры и даже составляют проект мирного соглашения, которое может быть заключено между Германией и Великобританией в случае, если Гитлер будет «устранен». Этот документ, отпечатанный на гербовой бумаге Ватикана и носящий название «Меморандум X», был доставлен в Берлин и «надежно» спрятан в одном из секретных сейфов Цоссена.

К несчастью, переговоры, проходившие в Ватикане, не остались тайной для Главного управления имперской безопасности — РСХА.

И вот как это произошло. Ватикан зачем-то сообщил о тайной встрече немцев и англичан папскому нунцию в Португалии. В Лиссабон была послана соответствующая шифровка, а сотрудники РСХА перехватили ее, расшифровали и доложили сенсационную информацию руководителю РСХА Рейнхарду Гейдриху.

Реакция Гейдриха была необычной. Он не только не приказал гестапо арестовать агента абвера, ведущего переговоры с послом врага, но даже не проинформировал об этом своего патрона — рейхсфюрера СС Генриха Гимmlера. Для этого странного шага у Гейдриха были свои, сугубо личные, причины.

Руководитель РСХА группенфюрер СС Рейнхард Тристан Юрген Гейдрих, человек необычайной, уникальной жестокости, родился в культурной семье, получил прекрасное образование. Молодого офицера военно-морского флота ожидала блестящая карьера и

обеспеченная жизнь. Но низкий и нечистоплотный человек, Гейдрих сумел совершить какую-то подлость, и по решению суда офицерской чести с позором был уволен с флота. Не найдя другой работы, будущий руководитель РСХА несколько лет провел среди отбросов общества в портах Германии и, видимо, там, на самом дне, приобрел те садистские навыки, которые так отличали его и поражали даже самых прожженных гестаповцев.

Предметом особой гордости садиста Гейдриха была его «арийская внешность» — высокий рост, разделенные тонким пробором белокурые с рыжинкой волосы, хищный нос и голубые холодные глаза, смотрящие на каждого человека, как на мерзкое насекомое. Этот всеми признанный «эталон нордической расы» портили широкие женские бедра, мертвенно белые нервные руки душителя и голос — странный фальцет гермафродита.

Испытывая неприязнь к этой отвратительной личности, товарищи в школе и в военно-морском училище обзывали Гейдриха «евреем». Впрочем, и в последующие годы, уже во время его новой эсэсовской карьеры, среди сослуживцев ходили упорные слухи о еврейском происхождении руководителя РСХА. Гейдрих еврей?!

Страшное обвинение! Особенно для эсэсовца, обязанного представить доказательства «чистоты крови» и отсутствия в роду евреев с 1750 года.

Особенно для подручного махрового антисемита рейхсфюрера I СС Генриха Гимmlера. Как видно, еще и потому, что в какой-то мере оно было справедливо — одна из бабушек «эталона нордической расы» была еврейкой. Именно этот «позорный факт» заставил

Гейдриха не наносить удара по абверу. Гейдрих знал, что в «Лисьей норе» шефа абвера, на набережной адмирала Тирпица № 74, в старом железном сейфе, под портретом Франсиско Франко, уже много лет хранятся документы, неопровержимо свидетельствующие о его, Гейдриха, еврейских корнях.

Гейдрих ненавидел Канариса. Шеф абвера слишком многое знал, и в этой осведомленности была его сила. Так, например, Канарис знал о тщательно скрываемом Гейдрихом позорном финале его флотской карьеры. По несчастной случайности именно Канарис был одним из старших офицеров крейсера «Берлин», на котором в те давние времена служил Гейдрих. Трудно сказать, что еще, какие еще мерзкие тайны руководителя РСХА были скрыты в старом железном сейфе шефа абвера.

Гейдрих боялся Канариса. Для видимости руководитель РСХА даже поддерживал дружбу со своим бывшим командиром. Канарис и Гейдрих жили по соседству на Шляхтензее, встречались семьями и часто проводили вместе свой досуг. Внешне все это выглядело вполне прилично, но только внешне!

Получив сообщение о тайных переговорах агента абвера с британским послом в Ватикане, Гейдрих, как уже было сказано, не решился предать это огласке. Но в то же время, он не мог не воспользоваться представившимся ему счастливым случаем и не завести особое дело, в котором начал накапливать компромат против своего «друга» Канариса.

Особому делу абвера Гейдрих дал название — «Черная Капелла». Рейнхард Гейдрих часто использовал музыкальную терминологию для шифровки своих особо секретных дел — так, в дальнейшем, станут широко

известными дела, под названием «Красная Капелла» и «Красное Трио».

Это может показаться неправдоподобным, но будущий убийца рос в мире прекрасной музыки. Отец его, занимавший пост директора консерватории, был композитором и певцом, мать — пианисткой. Сам Рейнхард обладал абсолютным музыкальным слухом и закончил консерваторию по классу скрипки. «Устав» от пыток заключенных в темных подвалах гестапо, группенфюрер СС любил «расслабиться», занимаясь музицированием. Говорят, что, играя на скрипке, этот садист даже рыдал от избытка чувств. Так как «предательство агентов абвера» было связано с Ватиканом и с католическими священниками, носящими черные сутаны, «сентиментальный» убийца на этот раз придал капелле черную окраску.

Рейнхард Гейдрих, естественно, не мог представить себе размах деятельности организации, которой он дал название «Черная Капелла». Да «Черная Капелла» и не была единой подпольной организацией.

Противники Гитлера представляли собой несколько так или иначе связанных, или не связанных, между собой групп и отдельных личностей, занимавших ответственные посты во многих важнейших органах Третьего рейха — в штабе Верховного главнокомандования, в абвере, в Генеральном штабе Сухопутных войск, в министерстве иностранных дел. К ним примыкали группы промышленников, финансистов, университетских профессоров, государственных служащих, служителей церкви, врачей, адвокатов... Перечень лиц, ненавидящих Гитлера, мог бы занять десятки страниц. Не зная имен этих людей, но

подозревая, что именно через них идет утечка информации к врагам рейха, Гейдрих называл их «Музыкантами Черной Капеллы».

Так они и войдут в историю!

Расплата

После последнего покушения на Гитлера, 20 июля 1944 г., были арестованы более 7000 человек, принадлежащих к «Черной Капелле»!

Часть из них покончила жизнь самоубийством, других безжалостно пытали в подвалах гестапо и повесили. Мало кому из заговорщиков удалось остаться в живых.

«Я хочу видеть их всех висящими, подобно тушам на бойне!» — истерически вопил Гитлер. И он увидел это — предсмертные судороги повешенных заговорщиков убицы засняли на киноплёнку.

Перед тем, как покинуть этот мир, заговорщики должны были пройти через унижительную процедуру «Народного трибунала». Небритые, грязные, без поясных ремней и подтяжек, стояли гордые германские аристократы, уважаемые фельдмаршалы и генералы перед председателем Трибунала — вешателем Роландом Фрейзлером.

«Эй, вы, старое дерьмо!» — орал опьяненный властью Фрейзлер на генерал-фельдмаршала Эрвина фон Вицлебена. — *Что это вы все время хватаетесь за портки!»*

Ужасной была судьба престарелого генерал-фельдмаршала, в штаб-квартире которого в августе 1938 г. проходило первое тайное совещание

участников «Черной Капеллы». С Вицлебена сорвали брюки, вырвали изо рта искусственные челюсти, надели на шею петлю из проволоки, и он долго корчился в агонии, голый, на крюке для мясных туш.

Та же страшная участь постигла Вильгельма Канариса и его заместителя Ханса Остера, префекта берлинской полиции графа Вольфа фон Гелльдорфа и его заместителя графа Франца Дитлофа фон дер Шуленбурга. Казнены были бывший бургомистр Лейпцига Карл Герделер, военный юрист Ханс фон Донаньи, граф Ульрих Шверин фон Шваненфельд и многие-многие другие, лучшие люди Германии. По слухам, несколько сот человек.

Но это будет потом, в 1944-м, в 1945-м. А пока, музыканты «Черной Капеллы» еще играют. Мелодии «Черной Капеллы» еще звучат!

«Ужасно, если Германия потерпит поражение в войне, — убеждает друзей Вильгельм Канарис, — но еще ужаснее, если Гитлер одержит победу!»

Гальдер выходит из игры

В день последнего покушения на Гитлера, 22 июля 1944 г., бывший начальник Генерального штаба Сухопутных войск генерал-полковник Людвиг Бек находился в помещении штаба Верховного главнокомандования на Банделерштрассе. Узнав о провале заговора одним из первых, Людвиг Бек застрелился. А вот генерал-полковнику Францу Гальдеру удалось остаться в живых.

В эти дни Гальдер уже не был начальником Генерального штаба — после первых поражений на Восточном фронте, Гитлер сместил его, но и в заговоре

он не был замешан. Это было связано с тем, что Гальдер после победы над Польшей, фактически, вышел из игры и перестал принимать участие в заговорах.

Все началось с Цоссеновского путча. Тогда, в ноябре 1939 г., все уже как будто бы было подготовлено к выступлению. По свидетельству Ханса Гизевиуса, 2 ноября 1939 г. Гальдер, который, как обычно, стоял во главе заговора, поручил подполковнику Хельмуту Гросскурту «поднять на ноги всех заговорщиков». И когда в тот вечер генерал прощался с Остером, уезжавшим из Цоссена в Берлин, в глазах его стояли слезы.

До выступления оставалось ровно три дня. Но 5 ноября 1939 г., неожиданно, в тот самый день, на который было назначено выступление, главнокомандующего Сухопутных войск генерал-фельдмаршала Вальтера фон Браухича и его начальника штаба Гальдера вызвали к Гитлеру.

Браухич, прекрасно осведомленный о планах заговорщиков и находившийся, в связи с этим, в очень нервном состоянии, изложил Гитлеру соображения, по которым «наступление на Запад в данное время нецелесообразно». О том, что произошло дальше, один из заговорщиков Ханс Бернд Гизевиус сделал подробную запись в своем дневнике:

«6 ноября 1939... Браухич открыл Гитлеру, что настроение войск — плохое и с таким настроением начинать рискованное предприятие нельзя.

Этого только не доставало! Произошел знаменитый приступ ярости. Диктатор неистовствовал и невероятно орал... У присутствовавшего при скандале Гальдера (как

и можно было от него ожидать) вдруг потекли из глаз слезы! Ох, уж этот Гальдер!

После такого краха он сразу же вызвал к себе подполковника Гросскурта и, сделав ему обязательный в таких случаях «втык», в сильном возбуждении приказал уничтожить все бумаги, представляющие опасность...»

Уничтожив вещественные доказательства существования заговора, Гальдер отправил «слишком много знавшего» подполковника Гросскурта во Францию на фронт, а сам, распроставшись с идеей «физического уничтожения Кровопийцы», стал одним из главных разработчиков его «Великих планов».

Феномен «Черной Капеллы»

Заговор снова провалился, но это не означало, что заговорщики прекратили свою тайную и опасную деятельность.

По поручению фон Вайцзеккера Герделер спешит в Брюссель — он должен предупредить короля Бельгии Леопольда Третьего о готовящемся нападении на его страну. Ту же информацию передает доктор Оксензепп бельгийскому послу в Риме, а полковник Остер — военному атташе Нидерландов полковнику Гизбертусу Якобусу Сасу.

И, может быть, именно в этом заключается феномен «Черной Капеллы».

В то время как весь немецкий народ слепо следует за своим фюрером, небольшая группа патриотов фатерланда, принадлежащих к военной, политической и экономической элите Германии, пытается различными путями сорвать его захватнические планы и

систематически передает противнику секретную информацию о сроках «внезапного» нападения.

Эти люди не всегда и не во всем идут против Гитлера. Они часто сомневаются, колеблются, страшатся за свою жизнь, сжигают планы очередного путча и... снова готовят заговор, и снова идут на опасные встречи с врагами рейха. Но, несмотря на все свои сомнения и колебания, они всегда выполняют чудовищные приказы Гитлера и помогают Авантюристу одерживать его невероятные победы, а иногда, воодушевленные этими победами, даже восхваляют Кровопийцу.

Гитлер, при каждом удобном случае, поносит весь свой генералитет за «малодушие и пораженчество» и угрожает «вырвать с корнем этот вредный цоссеновский дух». Он, конечно, не предполагает, как далеко завел этот «цоссеновский дух» его генералов. Не предполагает, что при содействии этих генералов **ни одна из задуманных им агрессий не была, да и не будет, внезапной для его противника.**

План «Барбаросса»

О решении Гитлера напасть на большевистскую Россию адмирал Канарис, как обычно, узнал одним из первых. Несмотря на секретность этой информации, адмирал спешит поделиться ею со всеми своими друзьями, а их, как известно, у него было немало.

Начальник отдела «абвер-3», генерал-лейтенант Франц Эккард фон Бентивеньи на Нюрнбергском процессе (Документ № СССР-230) свидетельствовал:

«О подготовке Германией военного нападения на Советский Союз впервые я узнал в августе 1940 г. от руководителя германской разведки и контрразведки

адмирала Канариса. В неофициальной беседе, происходившей в служебном кабинете Канариса, он сообщил мне, что Гитлер приступил к проведению мероприятий для осуществления Похода на Восток...

Далее Канарис сказал мне, что теперь эти замыслы Гитлера начали принимать реальные формы. Видно это хотя бы из того, что дивизии германской армии в большом количестве перебрасываются с Запада к восточным границам и, согласно специальному приказу Гитлера, размещаются на исходных позициях предстоящего вторжения в Россию.»

План операции «Барбаросса» разрабатывается в Генеральном штабе Сухопутных войск и здесь же, в подземных бункерах Цоссена, на тайные совещания собираются музыканты «Черной Капеллы».

«Не забывайте! — успокаивает друзей Канарис. — Мы говорим здесь не об измене. Мы только обсуждаем планы спасения нашей родины». Поэтому шесть экземпляров сверхсекретной «Директивы № 21» могут спокойно покоиться в сейфе штаба Верховного главнокомандования.

Им не грозит опасность быть украденными. Для того чтобы предупредить свободный мир о готовящемся нападении на Россию, заговорщикам из «Черной Капеллы» не нужна подписанная Гитлером «Директива № 21». Достаточно и черновики.

Возможно ли, что люди, предупреждавшие о каждой военной кампании Гитлера, сегодня, когда фюрер начинает свой самый авантюрный Русский поход, поход, об опасности которого предупреждал знаменитый канцлер Отто фон Бисмарк, поход, о бесперспективности которого писал генерал Ханс фон Сект, не попытаются

сделать то же самое? Не попытаются предупредить, не попытаются предостеречь? Вряд ли!

Поэтому нет ничего удивительного в том, что слухи о решении Гитлера напасть на большевистскую Россию проникли во многие страны задолго до подписания «Директивы № 21». Поэтому нет ничего удивительного в том, что анонимное письмо на имя Владимира Деканозова с предупреждением о готовящемся «внезапном» нападении попало в советское полпредство в Берлине 5 декабря 1940 г.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что сегодня, 28 декабря 1940 г., через 10 дней после подписания «Директивы № 21», в полпредство прибыло еще одно анонимное письмо!!! На этот раз неизвестный отправитель прислал советскому военному атташе даже подробный конспект сверхсекретной «Директивы № 21».

Принятое Гитлером решение о нападении на Россию перестало быть тайной для Москвы.

Этот невероятный, по сути, факт однажды подтвердит министр обороны Советского Союза маршал Андрей Гречко: *«Небезынтересно отметить: через 11 дней после принятия Гитлером окончательного плана войны против Советского Союза (18 декабря 1940 г.) этот факт и основные данные германского командования стали известны нашим разведывательным органам».*

**До начала операции
«Барбаросса» есть еще 174 дня.
29 декабря 1940. Токио**

«Черное» и «Желтое»

Только вчера неизвестный доброжелатель подбросил в советское полпредство в Берлине анонимное письмо, содержащее основные положения «Директивы № 21», а сегодня в Москву уже пришло подтверждение агрессивных намерений Гитлера:

ТЕЛЕГРАММА

Токио, 28 декабря 1940

Подана— 11 ч 37мин 29 декабря 1940

Получена—15 ч 20 мин 29 декабря 1940

На германо-советских границах сосредоточено 80 немецких дивизий. Гитлер намерен оккупировать территорию СССР по линии Харьков — Москва — Ленинград...

«Рамзай»

Эта необычная телеграмма получена от резидента советской военной разведки в Токио Рихарда Зорге, носящего кличку «Рамзай».

Рихард Зорге, заслуженно признанный одним из величайших шпионов XX в., работал на советскую разведку не год и не два, а целых 15 лет — это был не обычный, случайно завербованный иностранный агент, а человек, совершенно сознательно посвятивший свою жизнь России.

Сын русской матери и немца-отца, Рихард родился на Кавказе, в предместье Баку — столицы Азербайджана, входившего в те годы в состав царской России. Вскоре после рождения сына семья переехала в Германию, и детство Рихард провел в Берлине. Потом юность — окопы Первой мировой, ранения, госпитали, учеба в престижных университетах, студенческие бунтарские

кружки, «игры» в революцию... Рихард Зорге стал коммунистом в 1919 г. и, несмотря на превратности судьбы, оставался им до самой смерти.

Параллельно с учебой и подготовкой докторской диссертации по философии Зорге ведет большую партийную работу — читает лекции портовым рабочим в Киле, редактирует коммунистическую газету в Золингене, организует коммунистические ячейки на угольных шахтах Аахена. В 1924 г. во Франкфурте-на-Майне проходит IX съезд Коммунистической партии Германии, и этот съезд становится поворотной точкой в судьбе Зорге.

Для участия в работе съезда из Москвы во Франкфурт прибыли видные деятели Коминтерна — Мануильский, Куусинен, Пятницкий и Лозовский. Это были люди хорошо известные и приближенные к самому вождю Советской России — Иосифу Сталину. Опекать советскую делегацию глава Германской компартии Эрнст Тельман поручил Рихарду Зорге. По соображениям безопасности, Мануильский и Пятницкий даже временно поселились в его квартире. Очарованный молодым восторженным немецким коммунистом, доктором философии, родившимся в России и знающим русский язык, Мануильский приглашает Зорге в Москву, в Коминтерн. Именно в таких людях нуждался в те годы Коминтерн, объединявший все коммунистические партии мира.

И Рихард Зорге, полный радужных надежд, едет в Москву! Едет в Россию, в страну, которую он, воспитанный русской матерью, с детства считал своей настоящей Родиной.

В Москве, в штаб-квартире Коминтерна, Зорге приняли с распростертыми объятиями. Возможно, еще и

потому, что Рихард, как оказалось, был внучатым племянником соратника Карла Маркса — известного Фридриха Адольфа Зорге. Руководители Коминтерна благоволили к молодому немецкому коммунисту и вскоре стали его настоящими друзьями. С этими людьми Зорге будет связан всю свою недолгую жизнь, будет встречаться с ними во время своих наездов в Москву, будет с гордостью рассказывать им о своей «работе» и с благодарностью вспомнит о них перед казнью в токийской тюрьме «Сугамо»: *«Эти люди были моими давними коллегами и старыми друзьями. Они поручились за меня и были моими учителями в области коммунистического движения. Они поручились также за меня, когда меня назначили на работу по линии Центрального Комитета советской коммунистической партии, и они же были моими поручителями при моем вступлении в партию».*

В 1925 г. по рекомендации Дмитрия Мануильского Зорге стал членом ВКП(б) и был зачислен в разведывательный отдел Коминтерна. В последующие годы он выполняет многочисленные секретные задания в Европе и, параллельно с этим, ведет научную работу, пишет статьи, книги, углубляет свои знания в русском языке и даже женится на русской девушке Кате Максимовой.

Летом 1929 г., по рекомендации того же Мануильского, начальник разведуправления Генштаба Красной армии Ян Берзин привлекает хорошо зарекомендовавшего себя шпиона Коминтерна к работе в советской разведке.

Знаменитый латышский боевик Ян Берзин, или Петер Кюзис, или «Старик», как называли его боевые

товарищи, по праву считается создателем советской военной разведки. Целую плеяду выдающихся советских разведчиков воспитал «Старик». Он называл их «людьми молчаливого подвига» и подбирал с большой тщательностью.

Эти люди, прежде всего, должны были быть убежденными коммунистами и патриотами Родины. Они должны были обладать аналитическим умом, твердым характером и силой воли, должны были быть неподкупными и готовыми к самопожертвованию.

Именно таким человеком был Рихард Зорге! Первое задание — Китай. За три года, проведенные в Шанхае, Зорге сумел организовать эффективную шпионскую сеть и направить в Москву сотни разведывательных сообщений и аналитических обзоров.

В 1933 г., после прихода к власти Гитлера, Ян Берзин отзывает Зорге из Китая и дает ему новое, сложнейшее и опаснейшее, задание.

В Стране восходящего солнца

На этот раз, Зорге должен проникнуть в совершенно новую для него страну — Японию и создать там шпионскую сеть, подобную той, какая была у него в Китае. Учитывая особую сложность задачи, Берзин направляет своего шпиона для начала в Германию. Зорге едет в Берлин, легализуется там, вступает в нацистскую партию, заводит нужные связи и, заручившись всеми необходимыми документами и рекомендательными письмами, в качестве корреспондента нескольких берлинских газет кружным путем отправляется в Страну восходящего солнца.

Советский шпион Рихард Зорге, по кличке «Рамзай», прибыл в Японию 6 сентября 1933 г. Он обосновался в Токио, снял скромный деревянный домик в буржуазном районе Адзабуку и начал вживаться в непростую жизнь японской столицы. Как немец и член НСДАП, прибывший из Берлина герр Зорге прежде всего нанес официальный визит в германское посольство, а затем, устроив несколько шумных кутежей в дорогих ресторанах и покорив несколько женских сердец, стал известной личностью в Токио и даже приобрел весьма сомнительную славу. Эта слава позволяет ему, не вызывая подозрений, исчезать из города на дни и недели, посещать «неподходящие» для немецкого журналиста места и встречаться с «неподходящими» для немца людьми.

Зорге притягивал к себе людей — женщин и мужчин. Он не был красив, в общепринятом смысле этого слова. Высокий, худой, часто небритый и нарочито небрежно одетый, он ходил, чуть наклонившись вперед, смуглое лицо его было изборождено морщинами и покрыто шрамами. Но нельзя было не заметить пронзительного взгляда его голубых глаз. И невозможно было противиться обаянию этого человека, противиться исходящей от него физической и интеллектуальной силе.

К середине 1934 г. Зорге уже регулярно снабжает Москву разведывательной информацией, и сведения, поступающие из Токио, настолько важны, что в радиоцентре советской военной разведки во Владивостоке к приему шифровок «Рамзая» готовы круглосуточно. Кроме радиошифровок, Зорге посылает в Москву из Японии, так же как ранее из Китая, обширные

обзоры по политическим, экономическим и военным вопросам.

Но самым ценным материалом «Рамзая», несомненно, являются присланные им фотокопии оригинальных германских и японских секретных документов. Эти документы действительно абсолютно уникальны.

И не даром начальник разведки штаба американских войск на Тихом океане генерал-майор Чарльз Уиллоуби напишет о группе «Рамзая»:

«Группа, руководимая блестящим изобретательным разведчиком Рихардом Зорге, совершала поистине чудеса... В течение всех лет своей деятельности Зорге передал в Москву бесчисленное множество сообщений, каждое из которых подвергалось с его стороны скрупулезному анализу и тщательной проверке. Руководители советской разведки всегда были в курсе всех планов японских и германских вооруженных сил».

Рихарда Зорге называют величайшим шпионом XX в., супершпионом, но вряд ли он мог бы им стать, если бы «судьба», в лице его шефа Яна Берзина, не свела его с двумя удивительными людьми.

Один из них — немец, пламенный патриот фатерланда, генерал Ойген Отт, другой — японец, готовый отдать свою жизнь за Страну восходящего солнца, журналист Ходзуми Одзаки.

Музыкант «Черной Капеллы» в Токио

Генерал-майор Ойген Отт оказался в Японии на посту германского посла в силу целого ряда не совсем обычных обстоятельств. В те далекие 20-е годы, после Первой мировой, когда генерал фон Сект в глубокой

тайне занимался восстановлением германской военной машины и создавал «Черный рейхсвер», его ближайшими помощниками были три молодых офицера — три друга: капитан Курт фон Шлейхер, капитан Курт фон Хаммерштейн-Экворд и капитан Ойген Отт.

Приверженность фон Секта и фон Шлейхера к сотрудничеству с Россией известна. Но вот, оказывается, что еще большим русофилом, чем Сект и Шлейхер, был Хаммерштейн.

Генерал Курт фон Хаммерштейн-Экворд, сменивший генерала фон Секта на посту начальника германского генштаба, неоднократно посещал Москву, встречался там с тогдашним наркомом обороны Ворошиловым и, говорят, что даже с самим Сталиным. Курт фон Хаммерштейн-Экворд не только слыл русофилом, но, учитывая его неоднократные публичные высказывания, он был, видимо, коммунистом. Во всяком случае, доподлинно известно, что дочь его, Хельга, была активным членом Коммунистической партии Германии и близкой подругой известной австрийской коммунистки — графини Рут фон Майенбург, прозванной «Красной графиней».

К этому кругу просоветски и прокоммунистически настроенных людей принадлежал и Ойген Отт.

И Курт фон Хаммерштейн-Экворд, и Ойген Отт, вместе с Куртом фон Шлейхером участвовали в подготовке первого заговора против Гитлера, на который фюрер, как известно, ответил «Ночью длинных ножей». Но еще до этой кровавой ночи было уже абсолютно ясно, что Гитлер знает о заговоре и готовится расправиться с его участниками. Учитывая это, Ханс Остер предложил

друзьям, пока не поздно, отправиться «по заданию абвера» в Японию.

Шлейхер и Хаммерштейн отказались. Ойген Отт согласился.

Как известно, Курт фон Шлейхер был злодейски убит во время «Ночи длинных ножей», Курту фон Хаммерштейн-Экворду удалось остаться в живых, а Ойген Отт очутился в далекой Японии.

Заговорщики «Черной Капеллы» из абвера не однажды пользовались возможностью отправки своих друзей в Японию для спасения их жизни. Так, уже во время войны с Россией, Остер отправил в Токио начальника канцелярии Риббентропа Эриха Кордта, родного брата Теодора Кордта, того самого, который в 1938 г. сообщал Галифаксу о готовящемся вторжении на территорию Чехословакии, а в 1939 г. информировал Ванситарта о готовящемся нападении на Польшу.

В те дни, когда Ян Берзин, со своей обычной тщательностью, готовил Рихарда Зорге к его сложнейшей миссии в Стране восходящего солнца, германская компартия уже была в подполье. А «Красная графиня» Рут фон Майенбург, успевшая бежать из Германии, жила в Москве, где ее знали как Рут Фишер, по фамилии мужа — коммуниста Эрнста Фишера.

Рут Фишер, так же как Рихард Зорге, вначале работала в Коминтерне, а затем перешла в разведуправление к Яну Берзину и стала советской шпионкой по кличке «Лена».

Используя свою дружбу с семьей генерала Курта фон Хаммерштейна-Экворда, «Лена» снабжала советскую разведку подробнейшей информацией о состоянии

германских вооруженных сил, об отношении германской военно-политической элиты к Гитлеру и о судьбе людей, вынужденных, как и она сама, после прихода Гитлера к власти, стать политическими эмигрантами. Информация, поступающая от Рут Фишер, была чрезвычайно важна, настолько важна, что Фишер даже иногда приглашали в Кремль на беседу со Сталиным, который считал нужным лично задать ей некоторые, особенно «щекотливые», вопросы.

И нет никаких сомнений, что Ян Берзин использовал информацию, полученную от Рут Фишер, при подготовке «Рамзая» к его опасной миссии в Японии. Тем более что Зорге был знаком с графиней по их совместной партийной работе в Германии и встречался с ней в Москве — на Манежной в Коминтерне и на Воронцовом поле в Доме политэмигранта.

И поэтому в кармане советского шпиона, прибывшего в Японию 6 сентября 1933 г., должно было быть и, скорее всего было, личное рекомендательное письмо от графини Рут фон Майенбург к помощнику германского военного атташе Ойгену Отту. Ведь Отт, фактически, точно так же, как и графиня, был «политическим эмигрантом» — «беженцем», спасавшим свою жизнь от Гитлера. Но не исключено, что, кроме письма от графини, Рихард Зорге привез для Отта еще и «живой привет» — весточку из Берлина, от его старого друга Курта фон Хаммерштейна-Экворда. Не для встречи ли с Хаммерштейном ездил Зорге в такую опасную для него, коммуниста, поездку в Германию, где многие его товарищи уже были расстреляны, а Эрнст Тельман заключен в берлинскую тюрьму «Моабит»?

Так или иначе, но Зорге готовился к встрече с Ойгеном Оттом заранее. И именно Отт, по замыслу Берзина, должен был облегчить для Зорге выполнение его почти невыполнимой миссии.

Организовать шпионскую сеть в Японии? В стране, где каждый иностранец виден издали, где к каждому иностранцу относятся с подозрением, а то и с явной неприязнью? Невероятно! Но Зорге с этой задачей справился. И помог ему в этом Отт!

Трудно даже сказать, кто из них двоих, Зорге или Отт, ненавидел Гитлера яростней. Зорге был коммунистом, патриотом Советской России, и это чувство для него было вполне естественно. А Отт не мог простить бесноватому фюреру убийство Курта фон Шлейхера, не мог простить ему своего изгнания в Японию и гибели своей, так блестяще начатой, военной карьеры в рейхсвере под командованием генерала фон Секта.

В апреле 1938 г. Ойген Отт, несмотря на свое антинацистское прошлое, стараниями все тех же друзей из абвера, получил генеральское звание и был назначен послом Германии в Токио. Теперь, оставаясь секретным сотрудником абвера и находясь в подчинении адмирала Канариса, Отт формально стал подчиненным еще одного противника Гитлера — статс-секретаря фон Вайцзекера.

Все прошлое и настоящее германского посла Ойгена Отта явно свидетельствовало о его принадлежности к «Черной Капелле».

И, так же как все заговорщики, Отт не считал предательством передачу секретных сведений рейха советской разведке.

Мужественный генерал-майор не только систематически предоставлял всю имеющуюся у него информацию в распоряжение Зорге, он сделал гораздо больше — создал советскому шпиону легальную «крышу», назначив его пресс-атташе германского посольства. В качестве пресс-атташе и личного друга посла, Зорге регулярно каждое утро завтракал с Оттом в его огромном рабочем кабинете, обсуждал с ним последние новости и, попутно, знакомился со всеми депешами, поступившими в посольство из Берлина, и сводками, полученными из японского министерства иностранных дел. Зорге помогал послу составлять донесения в Берлин и выполнял для него различного рода секретные поручения. Так, в сентябре 1940 г. советский шпион принимал участие в проходивших в Токио переговорах по заключению Трехстороннего пакта и извлек из этого немалую пользу для России.

Дружба германского посла и пресс-атташе посольства была настолько тесной, что вызывала удивление у многочисленной немецкой колонии в Токио. Досужие сплетники даже высказывали мысль, что *«не последнюю роль в этой дружбе играла жена посла — фрау Отт»*. Скорее всего, это было правдой, но не в том смысле, который вкладывался в эти слова. Сплетники наверняка не знали и не могли знать, что очаровательная фрау Отт ненавидела Гитлера не меньше, чем ее муж, и не меньше, чем Рихард Зорге. В молодости она вращалась в тех же самых просоветски настроенных кругах, что и Ойген Отт, и даже первым браком недолгое время была замужем за неким франкфуртским архитектором, официальным членом германской компартии. Нет, дружба супругов Отт и Зорге имела очень глубокую основу. Иначе как могло

случиться, что профессиональный разведчик Ойген Отт в течение многих лет терпел рядом с собой советского шпиона, да еще, по слухам, любовника собственной жены? В это трудно поверить, но германский посол генерал-майор Ойген Отт все эти годы, фактически, представлял собой «немецкую ветвь» шпионской сети советской военной разведки в Токио.

Вторая ветвь этой, действительно уникальной, сети была «японской». В нее входила целая группа опытных и надежных агентов, уже зарекомендовавших себя в совместной работе с Зорге в Шанхае, и наиболее значимыми в ней были Ходзуми Одзаки и Иотоки Мияги.

«Желтая Капелла»

В противоположность бравому германскому генералу Ойгену Отту, Ходзуми Одзаки был маленьким вежливым человечком, с тихим голосом и желтоватым лицом. Одзаки никогда формально не состоял членом коммунистической партии, но он исповедовал идеи коммунизма как религию. Эти идеи привели его, патриота Японии, к сотрудничеству с советской разведкой, а в дальнейшем на эшафот.

Талантливый журналист, человек высокой культуры и исключительного ума, Ходзуми Одзаки входит в группу самых высокопоставленных правительственных чиновников Японии, составляющих мозговой трест премьер-министра Фумимаро Коноэ, так называемую, группу завтраков. К этой группе, вместе с Одзаки, принадлежат и несколько его близких друзей, в том числе сыновья двух бывших премьер-министров Японии — Кинкадзу Сайондзи и Кэн Инукаи. Удивительно, но и Сайондзи, и Инукаи, двое уважаемых потомственных японских аристократов, фактически работали на

советскую разведку. После провала группы «Рамзая» оба они были арестованы и обвинены в принадлежности к шпионской организации, действующей по приказу Коминтерна.

Положение, занимаемое Одзаки и его друзьями при премьер-министре Японии Коноэ, позволяло им не только быть в курсе всех решений правительства, но и во многом влиять на эти решения.

ИЗ «ТЮРЕМНЫХ ЗАПИСОК» РИХАРДА ЗОРГЕ

Информация, исходившая из группы Коноэ, касалась внутриполитического курса кабинета Коноэ, разнообразных сил, оказывающих влияние на формирование внутренней и внешней политики, а также различных планов, находящихся на стадии подготовки.

Так что, как это ни удивительно, осведомителями советской разведки в японской столице были люди, находившиеся в самых высоких сферах власти. И если бы группенфюреру СС Рейнхарду Гейдриху пришлось расследовать шпионскую деятельность Одзаки и его друзей, то он наверняка назвал бы их «Желтой Капеллой».

Секретные документы Коноэ на столе у Сталина

Частые встречи высокопоставленного советника премьер-министра Ходзуми Одзаки с иностранцем Рихардом Зорге могли вызывать нежелательные толки и подозрения. И потому Одзаки и Зорге встречаются редко. А связным между ними служит переведенный вместе с Одзаки из Шанхая Йотоки Мияги. Известный художник Мияги много лет жил и учился в Америке, там же вступил

в коммунистическую партию и начал сотрудничать с советской разведкой.

Для конспирации Йотоки Мияги дает уроки рисования маленькой Йоко, дочке Одзаки, и может, не вызывая никаких подозрений, в любое время посещать дом японца. Во время этих посещений Одзаки передает советскому агенту фотокопии документов премьер-министра Японии. Эти документы настолько секретны, что те немногие правительственные чиновники, которым разрешено ознакомиться с ними, уединяются в специальной комнате и там, не имея возможности конспектировать, только просматривают их и стараются запомнить.

Именно в этой специальной комнате Ходзуми Одзаки, рискуя жизнью, фотографирует эти сверхсекретные документы — страница за страницей.

Получив от бесстрашного японца бесценную фотопленку, художник спешит в центр Токио, в один из грязных притонов Гинзы, и там «совершенно случайно» встречает немецкого журналиста — «выпивоху» Зорге. А еще через несколько дней вооруженный дипкурьер доставляет фотопленку в Москву, и сверхсекретные документы Фумимаро Коноэ ложатся на стол Сталина.

«Мясник» гордится своими подвигами

Будучи известной, можно сказать одиозной, фигурой в японской столице, Зорге имел возможность прямых контактов с людьми из самых различных слоев общества — как японцев, так и проживавших в Японии иностранцев. Все эти люди, вольно или невольно, снабжали его разнообразной, часто весьма существенной информацией.

Так, постоянным собутыльником и карточным партнером Зорге был недавно прибывший в Токио из оккупированной гитлеровцами Польши новый полицейский атташе штандартенфюрер СС Йозеф Альберт Мейзингер, по прозвищу «Мясник».

Палач Мейзингер, «прославившийся» своей жестокостью во время «Ночи длинных ножей», возглавлял особый отдел гестапо, ответственный за борьбу с гомосексуалистами и евреями. С апреля 1940 г. и до последнего времени штандартенфюрер СС Мейзингер занимал пост начальника полиции в Варшаве и был одним из организаторов массовых убийств евреев Польши.

«Подвиги» Мейзингера на этом поприще были настолько ужасными, что его патрон Рейнхард Гейдрих, во избежание излишних разговоров, отправил своего протеже в почетную ссылку в Токио.

«Мясник» Мейзингер закончит свою жизнь, как и положено преступнику, на виселице — он будет казнен в 1947 г. в Варшаве.

Но сегодня, здесь, в Японии, опьянев от шнапса и огромных денежных сумм, которые он выигрывал в покер у «незадачливого» Зорге, Мейзингер с гордостью рассказывал «партайгеноссе» о своем участии в уничтожении «еврейских нелюдей» в Польше. Чудовищные рассказы «Мясника» становились частью агентурных сообщений советского шпиона и вместе со всеми материалами шли в Москву.

Макс и Анна

Как свидетельствуют недавно рассекреченные документы, все сообщения Зорге попадали в Кремль, и Сталин, несомненно, читал их.

Информация, поступающая из Токио, была настолько интересной, что, по слухам, ознакомившись с ней, Сталин часто даже оставлял материал у себя, сделав на папке надпись: *«Мой архив. И. Ст.»*

Сталин читал сообщения Зорге, но верил ли он им?

Этот вопрос считается спорным. Более шестидесяти лет бытует мнение, что тогда, перед войной, Сталин не верил Рихарду Зорге.

Маршал Георгий Жуков вспоминает, что Сталин однажды в разговоре с ним сказал, имея в виду «Рамзая»: *«Нам один человек передает очень важные сведения о намерениях германского правительства, но у нас есть некоторые сомнения...»* Известны еще более грубые высказывания Сталина — *«нашелся один наш, который обзавелся в Японии заводиками и публичными домами»*.

Возможно, что Сталин, известный своей грубостью, и пользовался такими выражениями по отношению к Зорге. Но при всем этом, он слишком хорошо знал его, чтобы сомневаться в достоверности его сообщений.

Сталин знал о существовании Рихарда Зорге лет пятнадцать. Получал о нем подробные сведения из Коминтерна, слышал о нем от Дмитрия Мануильского, скорее всего лично встречался с ним в 1933 г., после его триумфального возвращения из Шанхая, и в 1935 г., во время его короткого приезда в Москву из Токио. Сталин знал о дурной славе, ходившей о Зорге в японской столице, о неумном темпераменте этого необычного

человека, о его бесчисленных любовных похождениях и злоупотреблении спиртным. Знал и о фирме по продаже печатных станков — «М. Клаузен-Шокай», принадлежавшей, впрочем, не самому Зорге, а одному из членов группы «Рамзая» — Макс Клаузену.

И может быть, именно этот человек, Макс Клаузен, был еще одной, дополнительной, причиной, по которой Сталин должен был верить Зорге.

Макс Кристиансен Клаузен занимал особое место в группе «Рамзая». Гамбургский матрос, давний член Коммунистической партии Германии, Клаузен в конце 20-х годов, так же как и многие другие его товарищи по партии, был приглашен в Москву, где, пройдя соответствующую подготовку, стал сотрудником советской военной разведки.

С 1929 г. Клаузен работает вместе с Зорге в Шанхае. Здесь он женился на русской женщине Анне, по официальной версии дочери белогвардейца, бежавшей в Китай от коммунистов и ненавидящей советскую власть. Версия, прямо сказать, маловероятная, особенно если учесть ту особую миссию, которую должна была выполнять в Шанхае «дочь белогвардейца», и тот факт, что советская разведка всегда была мастером по части «составления супружеских пар шпионов».

Так или иначе, но Макс и Анна, каждый в отдельности, сложными путями прибыли из Шанхая в Токио и теперь они снова вместе работают с Зорге, и, фактически, вся связь «Рамзая» с Центром идет через эту пару.

Макс — радист и казначей группы, а «дочь белогвардейца, бежавшая от коммунистов» Анна — связная. Это он, Макс Клаузен, почти каждую ночь в

течение многих часов отстукивает на своем портативном передатчике шифровки. Это он принимает приказы Центра, и через него поступают деньги, необходимые для работы группы. Анна Клаузен перевозит спрятанные на груди ролики фотопленки с запечатленными на ней оригиналами сверхсекретных японских и германских документов и организует отправку фотопленки в Москву.

Удивительно, но, несмотря на важность выполняемой Клаузенами работы, и Макс, и Анна были единственными членами группы «Рамзая», которые сравнительно легко перенесли заключение в японской тюрьме и сумели остаться в живых. Оба они были освобождены в 1945 г., награждены орденами Красного Знамени и, после отдыха в СССР, отправлены на выполнение нового «задания», на этот раз — в Берлин. Но у этой «успешной» пары, кроме всех выполняемых ими многочисленных обязанностей, была еще одна важнейшая миссия... они шпионили за самим Рихардом Зорге.

Так Макс Клаузен, параллельно с передаваемым им агентурным материалом «Рамзая», направлял в Москву, втайне от Зорге, и свои собственные шифровки. В одной из них, например, он сообщает о взаимоотношениях Зорге с германским послом: *«Когда Отт получает интересный материал или сам собирается что-нибудь написать, он приглашает Зорге и знакомит его с материалами. Менее важные материалы он, по просьбе Зорге, передает ему на дом для ознакомления. Более важные, секретные материалы Зорге читает у него в кабинете».*

Так уж было принято в советской разведке во все времена — для повышения надежности информации —

двойная, тройная перепроверка, двойной и тройной шпионаж!

Супруги Клаузен все эти годы не спускали глаз с «Рамзая», так что Москва прекрасно знала, из каких необычных источников черпает он свою уникальную информацию, знала об «особых» отношениях, связывающих Зорге с Оттом, и о том, кто скрывается под общим определением «круги, близкие к принцу Коноэ».

«Мы в это верили!»

Сталин не мог не верить в достоверность информации «Рамзая».

И он, несомненно, верил! Верил до такой степени, что, получив в июле 1941 г. сообщение о том, что до весны 1942 г. Япония не начнет войну против России, решился оголить восточную границу страны и перебросить под Москву части Особой Дальневосточной армии.

Зорге тоже верил Сталину и стране, которую он считал своей родиной.

Верил, иначе вряд ли он смог бы, в ожидании казни в токийской тюрьме «Сугамо», написать свои «Тюремные записки», адресованные, по всей видимости, Москве.

Японская тайная полиция «вышла» на след советской шпионской сети в октябре 1941 г. Большая часть группы Рихарда Зорге — 35 человек — были арестованы и подвергнуты страшным пыткам.

Эта горькая чаша миновала музыканта «Черной Капеллы» — генерала Ойгена Отта. О его участии в работе группы, видимо, знал только один человек — Рихард Зорге. И Рихард не выдал друга.

Говорят, что после ареста Зорге, Отт навестил его в тюрьме, а затем, уйдя в отставку, покинул Токио и прожил долгие годы на покое в своем имении под Берлином.

Судьба японских друзей Рихарда Зорге сложилась иначе. Больной туберкулезом художник Йотоки Мияги не выдержал пыток. Он покончил жизнь самоубийством, выпрыгнув из окна еще до оглашения приговора военного трибунала. Благородный Ходзуми Одзак, написав последнее письмо жене и дочери, спокойно взошел на эшафот и был повешен, как и Рихард Зорге, 7 ноября 1944 г.

Информация, поступавшая от «Рамзая», была чрезвычайно важна для Сталина. Особенно важна в эти последние дни 1940 г.

Первое сообщение из Токио, предупреждавшее о возможности нападения гитлеровской Германии, поступило в Москву 18 ноября 1940 г., ровно за месяц до подписания «Директивы № 21».

А сегодня на рабочем столе вождя в Кремле лежит еще одна, может быть, самая важная телеграмма советского супершпиона:

«Гитлер намерен оккупировать территорию СССР по линии Харьков — Москва — Ленинград... Рамзай».

**До «внезапного» нападения есть
еще 174 дня. 29 декабря 1940.**

Москва

Переполюх в разведуправлении

Военные разведки, созданные в большинстве государств еще в начале прошлого века, были призваны действовать не только во время войн, когда их действия были понятны и оправданны, но и в мирное время. Задача, стоявшая перед военной разведкой в мирное время была не менее, а возможно и более важной, чем во время войны.

Эта задача заключалась в том, чтобы заблаговременно предупредить свою страну о готовящемся нападении врага и исключить *внезапность нападения!*

В грозные предвоенные дни 1941 г. советская военная разведка с этой задачей справилась! Уже несколько месяцев, начиная с июля 1940 г., военная разведка информировала Кремль о том, что Гитлер отказался от вторжения на английские острова и занят подготовкой к нападению на Россию.

Сегодня, 29 декабря 1940 г., в 15.20 (за 174 дня до «внезапного» нападения) на имя начальника военной разведки пришла телеграмма из Токио от Рихарда Зорге, в которой агрессивные намерения Гитлера были изложены уже в более конкретной форме. И в тот же день, в 19.00, всего на полтора часа позже, эта информация была подтверждена в донесении, поступившем из Берлина:

Начальнику разведуправления Генштаба Красной армии

Подано —12 ч 52 мин

Получено —19 ч 00 мин

Берлин, 29 декабря 1940

«Альта» сообщила, что «Ариец» от высокоинформированных кругов узнал о том, что Гитлер отдал приказ о подготовке к войне с СССР. Война будет объявлена в марте 1941.

Дано задание о проверке и уточнении этих сведений.

«Метеор»

Донесение «Метеора» вызвало переполох в Главном разведывательном управлении. Начальник военной разведки генерал-лейтенант Филипп Голиков оставил на донесении не одну, как обычно, а целых три резолюции:

Первая: «Дать копии наркому и Н.Г. [Нач. Генштаба] Голиков».

Вторая: «Кто эти высокоинформ. воен. круги? Надо уточнить. Кому конкретно отдан приказ? Голиков».

Третья: «Потребовать более внятного освещения вопроса; затем приказать проверить. Первое донесение телеграфом получить от „Метеора“ дней через 5 и дать мне. Голиков».

Рассылка: Сталину (2 экз.), Молотову, Тимошенко, Мерецкову

Важность донесения «Метеора» была настолько велика, что Голиков немедленно передает его в Кремль, как это, впрочем, делалось всегда со всеми важными разведывательными материалами.

Но почему, собственно, донесение, полученное из Берлина, вызвало такой переполох? Кто эти люди, скрывающиеся под кличками — «Альта», «Ариец» и «Метеор»!

Генерал-лейтенант Голиков, несмотря на то, что он занимает пост начальника военной разведки только полгода, с июля 1940 г., видимо, знает, кто они. Во всяком случае, Голиков не спрашивает своих подчиненных об этих личностях, а просит только уточнить, от кого поступила к «Арийцу» переданная в Москву информация.

Как видно, и Сталин, которому направлены два экземпляра донесения, также знает о существовании этих агентов. Во всяком случае, к донесению, посланному Сталину, Голиков не прилагает никакой сопроводительной записки, никакого разъяснения.

Так кто же они, эти люди? Можно ли им верить? Ведь от надежности этих людей, от степени доверия к ним зависит достоверность информации!

Под кличкой «Метеор» действует сотрудник военной разведки полковник Николай Скорняков, находящийся в Берлине легально и занимающий пост помощника военно-воздушного атташе. Под кличкой «Альта» скрывается глава советской нелегальной резидентуры — немецкая коммунистка Ильзе Штебе, а кличку «Ариец» носит платный агент военной разведки Рудольф фон Шелиа.

«Альта», «Ариец» и «Метеор» — это всего лишь одна из многих сотен ячеек гигантской сталинской разведывательной «паутины».

«Пауки» разведывательной «паутины»

Надежной основой разведывательной сети советской военной разведки являлись военные атташе. Именно они, военные, военно-воздушные, военно-морские атташе при советских полпредствах,

возглавляли легальные резидентуры военной разведки в столицах иностранных государств. Посты атташе чаще всего занимали профессиональные военные высоких рангов, в большинстве своем генералы, в крайнем случае полковники, выпускники Военной академии им. Фрунзе или Академии Генштаба. Все они, без исключения, были коммунистами и пользовались абсолютным доверием пославшей их за рубеж Москвы.

Обосновавшись в столицах иностранных государств, советские военные атташе, под прикрытием дипломатической неприкосновенности, имели возможность собирать исключительно ценную разведывательную информацию. Так генерал, а впоследствии знаменитый Маршал Советского Союза Василий Чуйков с декабря 1940 г. занимал должность военного атташе в Китае. Генерал-майор Иван Суслопаров, который в 1945 г. от имени Советского Союза подпишет в Реймсе предварительный акт о капитуляции Германии, возглавлял легальную резидентуру военной разведки во Франции. Его заместителем был помощник военно-морского атташе генерал-майор авиации Макар Волосюк, по кличке «Рато».

В Югославии во главе легальной резидентуры военной разведки стоял еще один генерал Красной армии — генерал-майор Александр Самохин, по кличке «Софокл». Его заместителем был будущий известный советский дипломат, ректор Высшей дипломатической школы министерства иностранных дел, советник Виктор Лебедев. В Югославии будущий ректор носил кличку «Блок».

Не всегда легальные резиденты занимали должности военных атташе, иногда они были делопроизводителями, а порой даже шоферами. Но от названия должности суть работы резидента не менялась. Так полковник Николай Титов, выпускник Академии имени Фрунзе, с осени 1939 г. работал шофером полпредства в Англии и выполнял целый ряд важных разведывательных заданий.

Не всегда работа легальных резидентов проходила гладко.

Помощник военно-воздушного атташе в США полковник Павел Березин 10 июня 1941 г. был объявлен «персоной нон грата», и только после «внезапного» нападения Германии на Советский Союз смог вернуться в Вашингтон.

В Японии легальную резидентуру возглавлял майор Михаил Иванов. Он занимал пост секретаря консульского отдела полпредства и все предвоенные годы занимался организацией отправки в Москву материалов Рихарда Зорге. Тот же Иванов после ареста Зорге в октябре 1941 г. «локализовал провал». Кроме Михаила Иванова, сотрудником военной разведки в Токио являлся также полковник Иван Гущенко, по кличке «Юрий» или «Икар».

В Венгрии во главе легальной резидентуры стоял военный атташе полковник Николай Ляхерев, по кличке «Марс». В Болгарии — помощник военного атташе майор Леонид Середа, по кличке «Зевс». В Англии — военный атташе полковник Иван Склярков.

В Финляндии действовал военный атташе полковник Иван Смирнов, по кличке «Оствальд», и его помощник майор Михаил Ермолов, по кличке «Бранд». В Румынии легальным резидентом военной разведки был секретарь

полпредства, боевой командир Красной армии, выпускник Военной академии имени Фрунзе полковник Григорий Еремин, по кличке «Ещенко».

Одной из самых мощных легальных резидентур военной разведки многие годы была берлинская резидентура. Пост резидента в Берлине считался самым важным, и на него назначались люди особо квалифицированные и пользующиеся особым доверием.

В эти дни главой берлинской резидентуры был военный атташе генерал-майор Василий Тупиков, на имя которого вчера и прибыло анонимное письмо с конспектом гитлеровской «Директивы № 21».

Вместе с генерал-майором Тупиковым, носящим кличку «Арнольд», работали военно-морской атташе, капитан 1-го ранга Михаил Воронцов и помощник военно-воздушного атташе полковник Николай Скорняков по кличке «Метеор». Тот самый «Метеор», за подписью которого сегодня в Москву и прибыло донесение, вызвавшее такой переполох в разведуправлении.

Одним из главных источников информации «Метеора» служила «Альта» — немецкая коммунистка Ильзе Штебе.

Юная «Старушка» — «Альта»

Ильзе Штебе была завербована советской разведкой еще 10 лет назад.

В те годы Ильзе, совсем юная двадцатилетняя девушка из рабочей семьи, служившая секретарем-машинисткой, увлеклась молодым блестящим журналистом Рудольфом Херрнштадтом.

Херрнштадт, занимавший пост редактора газеты «Берлинер Тагеблатт», как оказалось, уже не первый год работал на советскую разведку. Точно так же как Рихард Зорге, Рудольф Херрнштадт прошел обычный путь молодого немецкого коммуниста-интеллектуала того времени — командировка в Москву, Коминтерн, судьбоносная встреча со «Стариком» — Яном Берзином, и... редактор престижной берлинской газеты становится советским шпионом, по кличке «Арвид».

Под влиянием Херрнштадта Ильзе вступает в коммунистическую партию и с его помощью в качестве корреспондента «Берлинер Тагеблатт» отправляется в еще свободную в те дни Варшаву. Здесь, в Варшаве, в течение шести лет, с 1933 и по 1939-й, Штебе, получившая кличку «Альта» — «Старушка», работает на советскую разведку. Молодая, обаятельная девушка, не имевшая фактически никакого образования, оказалась способной шпионкой — умной, волевой, смелой и, что самое главное, фанатично преданной идеям коммунизма.

В 1939 г., после оккупации Польши, когда Херрнштадт вынужден был бежать в Москву, Ильзе возвращается в Германию и берет на себя руководство всеми агентами бывшей варшавской нелегальной резидентуры. Сегодня Ильзе Штебе живет в Берлине и работает в информационном отделе министерства иностранных дел, возглавляемого Иоахимом фон Риббентропом. Того самого министерства, в котором так много противников фюрера, принадлежащих к «Черной Капелле», и в их числе заместитель Риббентропа — статс-секретарь барон фон Вайцзеккер.

Ильзе, конечно, слишком «мелкая сошка» в этом министерстве, и нет у нее никакой связи ни с

высокопоставленным бароном фон Вайцзеккером, ни с другими германскими дипломатами-участниками «Черной Капеллы». Но, видимо, сама атмосфера, царящая в имперском министерстве иностранных дел, способствует распространению антинацистских настроений, и поэтому «Альта» в короткий срок сумела создать эффективную шпионскую сеть. Одним из ценнейших агентов этой сети был «Ариец» — советник информационного отдела, доктор права, уважаемый член нацистской партии, барон Рудольф фон Шелиа.

Барон по кличке «Ариец»

Барон фон Шелиа на самом деле уже не первый год работает на советскую разведку. Как и многих других агентов, его завербовал в 1932 г. Рудольф Херрнштадт в Варшаве, где Шелиа в то время занимал пост советника в германском посольстве.

Херрнштадт познакомился с бароном в доме германского посла в Варшаве графа Хельмута фон Мольтке, который, так же как и германский посол в Токио Ойген Отт, был секретным сотрудником абвера и единомышленником участников «Черной Капеллы». В январе 1945 г., после провала Июльского заговора против Гитлера, молодой граф Хельмут фон Мольтке будет повешен. Но в тридцатые годы в Варшаве «гостеприимный» дом посла служил местом постоянных встреч антигитлеровцев и советских разведчиков.

Барон фон Шелиа стал агентом советской разведки из чисто меркантильных соображений. Правда, потомственный немецкий аристократ и карьерный дипломат фон Шелиа терпеть не мог «мелких лавочников и авантюристов», пришедших к власти в Германии, но, вместе с тем, его несколько не интересовали и идеи

коммунизма. Барону просто нужны были деньги, которых ему, картежнику и любителю молоденьких актрис, вечно не хватало. За деньги Шелиа готов был передать в руки любой иностранной державы не только самую секретную информацию министерства, но и самого министра фон Риббентропа.

Так, еще в 1938 г., он сообщал в Москву о предстоящем вторжении в Чехословакию, а весной 1939 г. — о планах относительно Польши. Информация, поступающая в Москву от Шелиа, была настолько ценной, что в феврале 1938 г. на его счет в Швейцарском банке была переведена огромная, по тем временам, сумма в 6500 долларов.

«Ариец» не однажды предупреждал о неминуемом «великом столкновении Германии с Россией»: «После того, как будет сломлено сопротивление западных демократии, последует великое столкновение Германии с Россией, в результате которого окончательно будет обеспечено удовлетворение потребностей Германии в жизненном пространстве и в сырье».

О значении шпионской деятельности фон Шелиа для советской разведки свидетельствует руководитель внешней разведки рейха бригадефюрер СС Вальтер Шелленберг: *«В министерстве иностранных дел на страже интересов вражеской разведки стоял легацъонсрат фон Шелиа... Фон Шелиа передавал советам не только информацию о планах министерства иностранных дел, но и скрупулезно собирал самые разнообразные сведения, поскольку его квартира была излюбленным местом вечеринок всего дипломатического корпуса...»*

После оккупации Польши Рудольф фон Шелиа, как и все сотрудники германского посольства в Варшаве, возвратился в Берлин, и, видимо, именно с его помощью Ильзе Штебе сумела проникнуть в министерство иностранных дел и организовать там шпионскую сеть.

До самого «внезапного» нападения

Шпионы советской военной разведки — немецкая коммунистка Ильзе Штебе и платный агент Рудольф фон Шелиа — погибнут: они будут арестованы гестапо, подвергнуты нечеловеческим пыткам и казнены в берлинской тюрьме «Плетцензее».

Но все это будет потом, в 1942-м... А пока в Москву почти ежедневно поступают из Берлина сообщения за подписью полковника Николая Скорнякова, по кличке «Метеор». И очень часто эти сообщения подтверждаются шифровками, приходящими из Токио, от «Рамзая».

И недаром донесение, полученное сегодня из Берлина, вызвало такой переполох в разведуправлении — ведь разведывательная информация «Альты» и «Арийца» считалась в Москве абсолютно достоверной, а сами многолетние агенты проверенными и надежными.

Надежная и достоверная информация, свидетельствующая об агрессивных планах Гитлера, будет поступать в Москву из Берлина все предвоенные месяцы — до самого «внезапного» нападения.

В феврале 1941 г. полковник Скорняков перешлет в разведуправление сведения, явно указывающие на то, что подготовка Германии к нападению на Россию вступила в новую фазу, и, в рамках этой подготовки, уже сформированы три группы армий под командованием маршалов Бока, Рундштедта и Лееба, и определены

направления главных ударов — Петербург, Москва и Киев.

Эти сведения, полученные от «Метеора» за 113 дней до «внезапного» нападения, будут почти полностью соответствовать задуманной и реализованной Гитлером операции «Барбаросса».

А пока...

До начала операции «Барбаросса» есть еще 174 дня. 29 декабря 1940. Вашингтон

Садовый шланг

Вот уже больше года в Европе полыхает война. Разрушены города и села, миллионы людей потеряли кров и стали беженцами. Не счесть погибших. Следы войны на улицах Варшавы, Парижа, Лондона. Бесноватый фюрер уже строит планы нападения на Москву. А за океаном, в Америке, по-прежнему течет спокойная жизнь.

Сегодня, в этот промозглый зимний вечер, когда гитлеровское люфтваффе ведет обычную варварскую бомбардировку Лондона, благополучные американцы в своих теплых домах уютно устроились у радиоприемников — граждане Америки слушают популярную радиопередачу «Беседа у камина», которую, как всегда в субботу, ведет их президент Франклин Рузвельт. Правда, на этот раз, мирному и теплому названию радиопередачи резко противоречит ее содержание. Президент собирается говорить со своим народом о... войне.

«Америка— прежде всего!»

Война в Европе... Больше всего американцы боятся быть втянутыми в эту войну.

С 1935 г. в Соединенных Штатах действует даже специальный «Закон о нейтралитете». В первой своей редакции закон запрещал правительству и частным фирмам продавать оружие странам, находящимся в состоянии войны, не делая при этом различия между агрессором и жертвой агрессии. Так, когда фашистская Италия напала на Эфиопию, Америка отказалась продавать оружие Эфиопии.

В ноябре 1939 г. закон был смягчен. И в новой его редакции продавать оружие уже разрешалось, но при условии, что оплата осуществляется наличными, а транспортировка производится на судах покупателя, что называется — «плати и вези».

В 1940 г. идею «нейтралитета» поддерживало абсолютное большинство американцев. В движении за «невмешательство в войну», получившем название изоляционизма, участвовали видные представители финансовых и деловых кругов Америки, писатели, ученые и даже многие члены Конгресса. Одной из крупнейших изоляционистских, а фактически пронацистских, организаций, был созданный в сентябре 1940 г. комитет «Америка — прежде всего» под председательством генерала Роберта Э. Вуда. В комитет вошли: сенаторы Рейнольдс, Уолш, Уиллер, Стюарт, Най и Тафт; члены палаты представителей Фиш, Гофман и Дэй; автомобильный король Генри Форд, бывший президент США Герберт Гувер и даже национальный герой Америки Чарльз Линдберг.

Полковник Линдберг прославился на весь мир в мае 1927 г., когда в одиночку на хлипком одномоторном самолете с фантастическим названием «Дух Сент-Луиса» совершил невероятный по тем временам перелет через Атлантический океан — из Нью-Йорка в Париж. Вся Америка тогда чествовала его как национального героя.

Чарльз Линдберг пользовался популярностью среди средних американцев еще и благодаря постигшей его личной трагедии. В одну из темных ночей 1932 г. неизвестные злоумышленники похитили из поместья Линдберга его двухлетнего сына. И снова «вся Америка» была со своим героем, следила за поисками очаровательного малыша и сочувствовала несчастным родителям, когда труп ребенка был найден.

В дальнейшем Линдберг провел несколько лет в нацистской Германии, стал близким другом своих немецких коллег — бывших летчиков Гесса и Геринга — и превратился по сути в глашатая нацизма. Выступая на стадионах перед тысячами американцев, Линдберг провозглашал, что Америка находится во власти еврейского заговора и что именно они — евреи — стремятся вовлечь американский народ в войну. Пламенные речи Линдберга наводили такой ужас на слушателей, что некоторые из них обращались с письмами в Белый дом к президенту Рузвельту, требуя от него пойти навстречу Гитлеру и... «заставить Англию капитулировать».

В Америке кипели страсти. Но Рузвельт, избранный недавно в третий раз президентом, в дискуссиях по поводу войны не участвовал и, как казалось, совсем не интересовался этой войной, полыхающей где-то там, за океаном. В это сложное время президент неожиданно

оставил все свои дела и, захватив своего любимого черного шотландского пса Фала и нескольких не менее любимых друзей, отправился в увеселительное плавание по Карибскому морю на военном корабле «Тускалуса».

SOS!

Рузвельт наслаждался отдыхом. Он ловил рыбу, грелся под ласковым южным солнцем, по вечерам играл с сопровождавшими его друзьями в покер, смотрел свои любимые музыкальные кинофильмы.

Но, к великому сожалению президента, на седьмой день плавания, 9 декабря 1940 г., идиллии пришел конец. В это утро близ «Тускалусы» на голубую гладь Карибского моря сел американский военный гидросамолет, и специальный курьер, присланный из Вашингтона, передал Рузвельту несколько объемистых пакетов с почтой. В одном из этих пакетов оказалось письмо от Уинстона Черчилля.

Это была мольба о помощи — *SOS!*

Сэр Уинстон Леонард Спенсер Черчилль стал премьер-министром всего полгода назад — 10 мая 1940 г. В тот самый день, когда Адольф Гитлер начал свое «наступление на Запад». Король Георг VI пригласил Черчилля в Букингемский дворец и назначил его премьер-министром.

Этим он, сам того не ведая, выполнил «совет», полученный англичанами еще год назад, в июле 1939 г., от заговорщиков «Черной Капеллы». Выдающемуся английскому государственному деятелю Уинстону Черчиллю было в те дни 65 лет. Черчилль был значительно старше всех основных действующих лиц происходившей в мире трагедии — Гитлера, Сталина,

Рузвельта, Муссолини. Но, по общему мнению, он был тем единственным человеком, который мог повести за собой Великобританию в минуту смертельной опасности.

Уже через двое суток после назначения, 13 мая 1940 г., новый премьер выступил в парламенте с одной из самых известных своих речей:

«Я не могу предложить [Вам] ничего, кроме крови, труда, слез и пота... Вы спрашиваете, какова наша политика?»

Я отвечу: вести войну на море, суше и в воздухе со всей нашей мощью и со всей той силой, которую Бог может даровать нам; вести войну против чудовищной тирании, равной которой никогда не было в мрачном и скорбном перечне человеческих преступлений.

Вы спрашиваете, какова наша цель? Я могу ответить одним словом: победа — победа любой ценой, победа, несмотря на все ужасы; победа, независимо от того, насколько долг и тернист может оказаться к ней путь; без победы мы не выживем».

Началась «битва за Англию». Весь июль и август 1940 г. над островом шли жестокие воздушные бои. В ночь на 7 сентября 1940 г. гитлеровская люфтваффе предприняла массированную бомбардировку Лондона — самую опустошительную, которая когда-либо совершалась по отношению к гражданскому населению. В этом поистине варварском налете участвовали 625 бомбардировщиков и 648 истребителей. Город был охвачен всепожирающим пламенем. Казалось, что вторжение гитлеровцев на английские острова неминуемо.

По радио прозвучал кодовый сигнал «Кромвель» — «Вторжение!». В церквях зазвонили колокола.

Но, как оказалось, эта варварская бомбардировка не стала прелюдией к вторжению. По целому ряду причин, в первую очередь связанных с риском, Гитлер отказался от него. Операция «Морской лев» была отложена — вначале на несколько дней, а затем, 19 сентября 1940 г., окончательно. Гитлер отдал приказ прекратить дальнейшее сосредоточивание сил и средств для вторжения, а собравшиеся уже суда рассредоточить во избежание потерь от налетов британской авиации. Это знаменательное событие — отказ Гитлера от вторжения — Уинстон Черчилль назовет *«Вторым поворотным пунктом войны»*.

«Битва за Англию», казалось, была выиграна. Но налеты гитлеровской авиации продолжались, только теперь уже по ночам. Каждую ночь истошно выли сирены. Каждую ночь гибли люди. Превращались в руины английские города. Бирмингем, Плимут, Ливерпуль, Глазго, Манчестер и, наконец, в ночь на 15 ноября 1940 г. — Ковентри.

Бомбежка Ковентри продолжалась более 11 часов. Под развалинами были погребены 568 человек. Сотни людей были ранены. Гитлеровская пропаганда хвастливо заявляла, что *«Англия — этот еврейский остров»* подвергнется систематической «ковентризации».

Великобритания была на грани катастрофы. Военные и финансовые ресурсы ее были исчерпаны и было очевидно, что она не сможет противостоять Гитлеру, если не получит немедленной помощи. Вот тогда-то Уинстон Черчилль — *«бывший военный моряк»*, как он себя называл, и послал президенту Франклину

Рузвельту свой отчаянный морской призыв о помощи — SOS!

Черчилль, славившийся своим эпистолярным искусством, готовил свое письмо почти месяц и считал его одним из самых важных документов, написанных им в жизни:

«Даунинг-стрит, 10, Уайтхолл,

8 декабря 1940

Дорогой г-н Президент!

Поскольку приближается конец года, я полагаю, что Вы будете ожидать, что я изложу Вам перспективы на 1941 год. Я делаю это откровенно и уверенно, ибо мне кажется, что подавляющее число американских граждан убеждено в том, что безопасность Соединенных Штатов, так же как и судьба наших двух демократических стран и той цивилизации, которую мы отстаиваем, связана с существованием и независимостью Британского Содружества наций».

Письмо Черчилля занимало более 10 страниц. Британский премьер подробно остановился на военных операциях гитлеровской Германии, оценил шансы Гитлера на достижение его гнусных целей, откровенно обрисовал трагическое положение своей страны и закончил письмо выражением уверенности, что американский народ поддержит Англию в этот трудный для нее час: *«Если, как я полагаю, Вы, г-н Президент, убеждены, что поражение нацистской и фашистской тирании в высшей степени важно для народа Соединенных Штатов и Западного полушария, то Вы расцените это письмо не как призыв о помощи, а как*

сообщение о минимальных мерах, которые необходимо принять для достижения общей цели».

Письмо Черчилля произвело на Рузвельта огромное впечатление. Сидя в одиночестве в своем кресле на верхней палубе, он вновь и вновь перечитывал это письмо. Вновь и вновь обдумывал стоящую перед ним проблему.

Франклин Рузвельт часто обдумывал свои действия в одиночестве. По словам видного американского государственного деятеля, политолога и историка Генри Киссинджера, одиночество президента было связано с полиомиелитом, которым Рузвельт заболел в 1921 г. Многократный президент Америки, фактически, был калекой, не имевшим возможности самостоятельно передвигаться. Но, благодаря исключительной силе воли, Рузвельт сумел преодолеть немощь и стал президентом, превратившим свою страну в лидера мирового сообщества.

Рузвельт прекрасно сознавал всю тяжесть ответственности, лежащей на его плечах. Его кажущееся равнодушие к войне в Европе было просто маской, удобной в существующей сложной ситуации. В эти дни у президента не было уже никаких сомнений, что нацистская Германия представляет реальную угрозу не только для Англии, не только для всей Европы, но и для мира в целом. И в то же время, Рузвельт понимал, как трудно убедить в этом американский народ, как трудно заставить американский народ осознать эту, нависшую над миром, угрозу.

О способности Рузвельта решать сложные проблемы пишет Генри Киссинджер: *«Методы Рузвельта были сложными и изощренными: возвышенная постановка*

целей, хитроумная тактика, конкретное определение задач и не слишком откровенное освещение подоплеки отдельных событий. Многие из действий Рузвельта были на грани конституционности. Ни один из президентов того времени не смог бы, пользуясь методами Рузвельта, надеяться на то, что останется у власти...»

Результатом одиноких размышлений президента на верхней палубе военного корабля «Тускалуса» была абсолютно новая идея, которой Рузвельт дал название ленд-лиз.

Идея ленд-лиза заключалась в создании особой системы, позволяющей Соединенным Штатам, не вступая в войну, оказывать помощь странам, противостоящим агрессору. Юридическим инструментом, обеспечивающим эту систему, стал «Закон о займе и аренде», который давал президенту США широкие полномочия по собственному усмотрению отдавать займы, в аренду, продавать или поставлять на основе бартерных сделок, заключенных на любых приемлемых для него условиях, любые изделия оборонного назначения правительству любой страны, *«оборону которой президент полагает жизненно важной для защиты Соединенных Штатов».*

Вернувшись из плавания, загоревший и веселый Рузвельт начал наступление на изоляционистскую Америку — начал битву за ленд-лиз.

17 декабря 1940 г., за день до того, как Адольф Гитлер в Берлине подписал роковую «Директиву № 21», Франклин Рузвельт в Вашингтоне собрал свою первую пресс-конференцию по ленд-лизу.

Нет никаких сомнений, сказал президент, что Америка должна оказать помощь Англии в ее

справедливой борьбе с агрессором, но вот по поводу того, как это сделать, есть различные мнения.

По мнению одних, Америке следовало бы одолжить Англии денег и продать ей необходимые военные материалы, а другие полагают, что Америка должна дать эти материалы англичанам бесплатно — в дар. Он, президент, предлагает совершенно новую идею — не продажа военных материалов и не дар, а заем!

И тут Рузвельт привел свою, ставшую исторической, притчу о «садовом шланге»: *«Представьте себе, что загорелся дом моего соседа, а у меня, на расстоянии 400 — 500 футов от него есть садовый шланг. Если он сможет взять мой шланг и присоединить к своему насосу, то я смогу помочь ему потушить пожар... А потом он вернет мне шланг».*

Притча о «садовом шланге», который следует дать займы соседу, чтобы не сгорел и твой собственный дом, была доступна для понимания «среднего американца», она помогла президенту Рузвельту добиться принятия «Билля о ленд-лизе».

Сегодня, 29 декабря 1940 г., президент дал второй бой изоляционистам. На этот раз Рузвельт обращался уже не к представителям прессы, а ко всему американскому народу. Вся Америка слушала «Беседы у камина»:

«Нам угрожает опасность, к которой необходимо подготовиться. Мы не можем избежать опасности, забравшись в кровать и натянув на голову одеяло... Если Англия не выстоит, то все мы в Америке будем жить под дулом наведенного на нас пистолета, заряженного

разрывными пулями, как экономического, так и военного характера.

Мы должны производить вооружение и строить суда, приложив к этому всю энергию и все ресурсы, какие мы только сможем собрать... Мы должны стать великим арсеналом демократии!»

В «Беседах у камина» президент Соединенных Штатов Америки Франклин Делано Рузвельт готовил свой народ к грозным событиям 1941 г.!

Пока президент говорит только об Англии. Пока о России еще не было сказано ни слова. Да и кто мог в то время себе представить, что очень скоро нейтральная изоляционистская Америка вступит в эту мировую войну и станет союзницей не только демократической Англии, но и тоталитарной большевистской России?!

До начала операции «Барбаросса» есть еще 172 дня. 31 декабря 1940. Швейцария

План «Барбаросса» известен в Лондоне!

В новогоднюю ночь 1941 г. решение Гитлера совершить нападение на большевистскую Россию стало известно в Лондоне. Эти сведения британская разведка получила из Швейцарии от одного из самых знаменитых шпионов Второй мировой войны Рудольфа Рёсслера. Сам Рудольф Рёсслер, переживший эту войну, шпионом себя не считал.

Он утверждал, что был всего лишь одним из участников немецкого антинацистского сопротивления и все его действия были направлены на предотвращение

Мировой Катастрофы. При этом Рёсслер добавлял, что эта его, якобы шпионская, деятельность не нанесла никакого вреда Швейцарии, стране, давшей ему, эмигранту, приют.

Швейцария, оставленная Гитлером временно «нейтральной», все годы Второй мировой войны буквально кишела шпионами. В маленьких ресторанчиках Берна, Женевы, Цюриха часто можно было увидеть агентов британской интеллидженс сервис, французской сюрте, румынской сигуранцы и германского абвера, мирно поглощающих устрицы за одним столом. Именно в Берн 8 ноября 1942 г. прибудет резидент американской разведки Аллен Даллес, сотрудник Управления стратегических служб Америки (УСС) и будущий знаменитый директор ЦРУ.

В этот день шел мелкий холодный дождь, и иностранец, который вышел из вагона поезда на привокзальную площадь швейцарской столицы, вынужден был поднять воротник плаща и поглубже нахлобучить мягкую шляпу. В руках у него был маленький чемоданчик, а во внутреннем кармане плаща... банковский аккредитив на миллион долларов! Этим несколько необычным иностранцем был, конечно, Аллен Даллес. Вскоре он снял роскошные апартаменты в самом престижном древнем районе Берна и повесил на дверях медную блестящую табличку: «Аллен У. Даллес. Специальный помощник американского посланника».

Трудно переоценить важность информации, поступавшей в годы войны в Вашингтон из Берна от Аллена Даллеса. И одним из самых ценных агентов высокопоставленного американского шпиона был Рудольф Рёсслер. Вспоминая о Рёсслере, Даллес писал:

«Если бы у меня была пара таких агентов, я бы мог ни о нем не беспокоиться...»

Музыкант «Черной Капеллы» в Люцерне

Многое в жизни и судьбе Рудольфа Рёсслера окутано тайной.

Даже дата и место рождения его остались неизвестными. По одной, наиболее правдоподобной версии, отрицаемой, впрочем, самим Рёсслером, он происходил из богатой семьи судетских немцев. В Первую мировую войну Рёсслер служил в рядах австро-венгерской армии и, испытав «на своей шкуре» все ужасы войны, стал пацифистом.

Оказавшись после войны в Германии, Рёсслер занялся журналистикой — писал критические статьи о театре, издавал литературный журнал левого толка. В 1933 г., после прихода к власти Гитлера, он эмигрировал в Швейцарию, осел в Люцерне, где и открыл маленькое книжное издательство под названием «Новая Жизнь» — «Вита-Нова».

Воинствующий противник нацизма, Рудольф Рёсслер тяжело переживал все, что происходило в Германии, и поддерживал тесную связь со своими старыми берлинскими друзьями, ставшими тем временем заговорщиками «Черной Капеллы». Стремясь сорвать преступные планы Бесноватого и помешать ему свергнуть мир в катастрофу, Рёсслер совершенно сознательно стал связующим звеном между «Черной Капеллой» и разведками стран — противников Третьего рейха.

Сегодня можно считать уже доказанным, что уникальная агентурная информация, которой располагал

этот необычный шпион, поступала к нему непосредственно из Берлина — от сотрудников абвера по хорошо отлаженной и надежной цепочке. Профессиональные разведчики абвера, создавшие сотни таких цепочек для получения шпионской информации из-за рубежа, сумели организовать и надежную цепочку для передачи своей секретной информации из Германии за рубеж.

Цепочка Рудольфа Рёсслера

Основным источником информации Рёсслера был, несомненно, полковник Ханс Остер.

Свидетельствует руководитель гитлеровских войск особого назначения небезызвестный оберштурмбаннфюрер СС Отто Скорцени: *«Сегодня нам известны имена большинства подчиненных и агентов Канариса, сделавших все для поражения своей страны. Одним из наиболее деятельных был полковник и будущий генерал Ханс Остер, руководитель центрального отдела абвера „Заграница“...»*

Полковник Ханс Остер был для «Двуликого адмирала» Канариса, по всей вероятности, самым близким человеком. Он был его другом, его единомышленником и его заместителем — начальником штаба абвера.

Профессиональный военный, Остер начинал свою службу в разведке рейхсвера под командованием убитого нацистами генерал-майора фон Бредова. Он был близким другом Курта фон Шлейхера, Курта фон Хаммерштейна-Экворда, Ойгена Отта и, естественно, ярким противником Бесноватого фюрера. Вместе с Канарисом, в августе 1938 г., Остер участвовал в первом совещании заговорщиков на квартире

генерал-лейтенанта Эрвина фон Вицлебена, на котором были приняты смелые решения о «физическом устранении Преступника».

Сын протестантского священника, набожный и исключительно честный и доброжелательный человек, Остер пользовался уважением и любовью товарищей и был, наверное, самым пламенным и самым бесстрашным из всех участников «Черной Капеллы». Ханс Остер был душой всех заговоров против Гитлера, душой «Черной Капеллы».

Связь с Рёсслером Остер осуществлял через Ханса Гизевиуса. Ханс Берндт Гизевиус — юрист по образованию — начинал свою карьеру в 1933 г. в... гестапо. В дальнейшем он перешел в абвер, и в 1938—1939 гг. неоднократно ездил в Швейцарию, выполняя тайные поручения Канариса.

В 1940 г., благодаря усилиям Канариса, Гизевиус получил пост вице-консула Германии в Цюрихе и, будучи формально дипломатом, фактически оставался секретным агентом абвера.

А для связи с находящимся по долгу службы в Цюрихе и подчиненным ему агентом Остер мог свободно пользоваться своей служебной радиостанцией, особенно, если учесть, что начальником службы связи абвера был еще один его близкий друг и единомышленник генерал-майор Эрих Фриц Фельгибель.

Генерал-майор Фельгибель обеспечивал связь между всеми партийными, государственными и высшими военными органами Германии. В его ведении находилась организация связи фюрера, а также радиоперехват и радиоразведка.

И именно Эрих Фельгибель в дальнейшем станет одним из главных действующих лиц Июльского заговора против Гитлера.

В тот день, когда произошло покушение, 20 июля 1944 г., генерал-майор Фельгибель находился на своем служебном посту — на пункте связи в ставке фюрера «Вольфшанце». Через несколько минут после того, как Клаус фон Штауффенберг внес портфель с бомбой в картографический барак ставки, в помещение вошел посланный Фельгибелем дежурный телефонист и объявил, что начальник связи генерал-майор Фельгибель вызывает полковника фон Штауффенберга. Штауффенберг поспешно вышел из барака. Дальнейшее известно. Вместе со всеми участниками заговора Эрих Фельгибель будет повешен. Но пока звено цепочки «Остер — Гизевиус» вполне надежно! Шифровки, поступающие из абвера секретному агенту Гизевиусу, ни у кого не могут вызывать подозрений.

Следующее звено цепочки — «Гизевиус — Рёсслер». В этом тоже нет никаких проблем. Тридцатипятилетний блестящий дипломат и писатель Ханс Гизевиус был вхож в самые различные слои швейцарского общества, имел сотни друзей, и не было ничего предосудительного в том, что он иногда встречался с коллегой — журналистом и хозяином книжного издательства Рудольфом Рёсслером, с которым он был, кстати, знаком еще по Германии.

Впрочем, Гизевиус мог передавать Рёсслеру информацию, полученную им и помимо Остера — от своего формального шефа статс-секретаря фон Вайцзеккера или от своего давнего друга, поэта и драматурга, Альбрехта Хаусхоффера — сына известного основателя немецкой геополитической школы,

профессора Карла Хаусхоффера. Альберт Хаусхоффер и сам в дальнейшем примет участие в Июльском заговоре против Гитлера и будет расстрелян нацистами в тюрьме «Моабит».

И это, наверное, подтверждает феномен «Черной Капеллы»: отец — один из идеологов нацизма, ментор Рудольфа Гесса и Адольфа Гитлера, а сын — противник Гитлера и заговорщик. Карл Хаусхоффер не простит себе смерти любимого сына — вскоре после окончания войны вместе с женой Мартой он покончит жизнь самоубийством.

Полученные от фон Вайцзеккера и А. Хаусхоффера агентурные сведения Гизевиус перевозил через границу лично. С 1940 г. и до 1944 г., до самого провала Июльского заговора, вице-консул «по долгу службы» постоянно курсировал между Берлином и Цюрихом, имея при себе большой дипломатический портфель. Говорят, что именно в этом портфеле весной 1943 г. Гизевиус привез в Швейцарию и передал Аллену Даллесу чертежи нового секретного германского оружия, разработанного профессором Вернером фон Брауном и носящего громкое название «Оружие возмездия», или «Фау». Программа «Фау» предусматривала создание сверхмощных управляемых ракет дальнего действия, способных поразить Лондон, Нью-Йорк и Москву. Беспилотные самолеты-снаряды «Фау-1» и «Фау-2» уже прошли испытания в Экспериментальном центре «Пеенемюнде» на острове Узедом в Балтийском море и были готовы к серийному выпуску.

Секрет разработки «Оружия возмездия» был, пожалуй, самым охраняемым секретом в Германии. Посторонний человек не смог бы проникнуть на

«Пеенемюнде» и, тем более, не смог бы разобраться в сложнейших чертежах «Фау». Так что Гизевиус, наверняка, получил необходимые ему документы от своих друзей-заговорщиков «Черной Капеллы», которых в группе молодых инженеров фон Брауна, видимо, было предостаточно. Через несколько недель после того, как чертежи «Фау» попали в рука Аллена Даллеса, остров Узедом подвергся массивной бомбардировке союзников — все драгоценное оборудование было уничтожено и 800 рабочих погибли. Самого изобретателя Вернера фон Брауна и его ближайших соратников, «по счастливой случайности», в день бомбежки на острове не было. Все они остались в живых и после войны многие годы благополучно работали в американском НАСА. Профессор фон Браун, в частности, возглавлял программу «Аполло».

Связь Гизевиуса с Даллесом и те неоценимые услуги, которые он оказал американской разведке, позволили этому участнику «Черной Капеллы» после провала Июльского заговора бежать из Берлина и избежать жестокой участи, постигшей многих его друзей.

«Загадка» Рёсслера

Информация, поступающая к Рудольфу Рёсслеру, добывалась, пересылалась и перевозилась в Швейцарию его друзьями с риском для жизни. И для того, чтобы риск этот был оправдан, Рёсслер должен был возможно быстрее передать эту информацию по назначению — разведкам стран, борющихся против Гитлера. В этом и кроется, на самом деле, разгадка Рёсслера, «работавшего» одновременно на швейцарскую, британскую, чехословацкую, американскую и советскую разведки.

Первой иностранной разведкой, с которой заговорщикам удалось установить связь, была швейцарская.

Через своего давнего друга — агента швейцарской разведки Ксавьера Шниппера — Рёсслер предлагает свои услуги Хансу Хаузманну — создателю и руководителю швейцарского разведывательного бюро, носящего название «Бюро Ха». Для швейцарской разведки предложение Рёсслера было счастливой находкой. В эти дни перед Второй мировой войной Швейцария всерьез опасалась вторжения Германии.

И не напрасно! В августе 1940 г. Гитлер обсуждал со своими генералами проект операции против Швейцарии под названием «Тан-ненбаум». Рёсслер оповестил швейцарскую разведку об этой операции, точно так же как он, заблаговременно, передал ей сведения о подготовке нападения на Польшу, и о Походе на Запад.

Рёсслер сообщит швейцарской разведке и о плане нападения на большевистскую Россию.

Глава швейцарской разведки бригадный полковник Роджер Мэссон очень дорожил своим необычным информатором. По приказу Мэссона его охраняли день и ночь. Эта круглосуточная охрана значительно облегчала сложную миссию заговорщиков «Черной Капеллы», тем более что полковник Мэссон, видимо, был заинтересован в том, чтобы сведения, которые он получал от Рёсслера, попадали еще и в разведки других стран — противников Гитлера.

Рудольф Рёсслер занимает особое место в истории мировой разведки.

Аллен Даллес, будучи уже директором ЦРУ, часто вспоминал Рёсслера: *«Из всех разведывательных сетей времен Второй мировой войны, наибольшее восхищение профессионалов вызывает та, которая действовала в Люцерне с 1939 по 1940 год под руководством Рудольфа Рёсслера...»*

31 декабря 1940 г. Рёсслер передаст британской разведке самую важную из тысяч полученных и переданных им шифровок. В эту, ночь гитлеровский план нападения на большевистскую Россию, уже известный в Москве, перестал быть тайной и для Лондона.

До «внезапного» нападения есть еще 172 дня. 31 декабря 1940. Москва

«В любую минуту»

Уже много дней в Берлине, в штабе Верховного главнокомандования, проводятся совещания, на которых обсуждаются детали будущего Русского похода, а в Генеральном штабе Сухопутных войск, в Цоссене, под руководством генерал-лейтенанта Фридриха Вильгельма Паулюса проводятся военные игры.

И, видимо, не случайно, что именно в это время, в Москве, проходит совещание высшего командного состава Красной армии. Время, выбранное для проведения этого совещания, тесно связано с событиями, произошедшими в Европе и названными Уинстоном Черчиллем *«Поворотными пунктами Второй мировой войны»*.

В конце сентября 1940 г., вскоре после того как в Кремль поступила информация о том, что Гитлер отказался от вторжения на английские острова, и Сталин понял, что следующей жертвой Бесноватого станет Россия, вождь отдал приказ о подготовке к проведению совещания, целью которого должно было стать обсуждение проблем современной войны на базе анализа последних военных операций Германии.

Подготовка такого совещания требовала времени. Весь ноябрь 1940 г. в наркомате обороны, в Генштабе Красной армии и в приграничных военных округах шла интенсивная работа и, наконец, в конце месяца все материалы в письменном виде были переданы в Кремль. В декабре 1940 г. Сталин, по его собственным словам, не спал ночами, редактируя представленные ему доклады и внося в них поправки и дополнения.

Это было тем более важно, что в эти дни в руках вождя была уже самая последняя информация — Адольф Гитлер подписал «Директиву № 21» — план операции «Барбаросса», фактически, принят к исполнению.

В парадном зале Центрального дома Красной армии собралась вся военная элита страны — маршалы и генералы, командующие приграничными военными округами и командующие армиями, члены военных советов и начальники штабов округов, начальники военных академий, профессора, руководящий состав наркомата обороны и Генерального штаба Красной армии.

Зрелище внушительное. Вызывает удивление только то, что среди военачальников на таком из ряда вон выходящем совещании не видно членов Политбюро. Вызывает удивление и то, что на этом совещании не

присутствует Сталин, который в прошлом никогда не упустил случая покрасоваться в своей потертой военной шинели среди прославленных военачальников Гражданской. Но и самих прославленных военачальников уже нет в живых.

Воля Тирана

Прошло уже более трех лет с того дня, когда 11 июня 1937 г., в 9 часов утра, на закрытом заседании Специального судебного присутствия Верховного суда СССР началось рассмотрение дела о заговоре в Рабоче-Крестьянской Красной армии.

За дубовым барьером на скамье подсудимых — вся верхушка армии — восемь прославленных военачальников: первый заместитель наркома обороны маршал Михаил Тухачевский, командующие Киевским и Белорусским военными округами командармы Иона Якир и Иероним Уборевич, начальник Военной академии имени Фрунзе командарм Август Корг, комкоры — Роберт Эйдемман, Борис Фельдман, Виталий Примаков, Витовт Путна. Нет только девятого — начальника Главного политического управления армии Яна Гамарника. Мужественный комиссар еще до ареста успел пустить себе пулю в висок.

За судьейским столом, покрытым красным сукном, председатель — военный юрист Василий Ульрих, давно уже получивший от Сталина указание о том, какой приговор должен вынести «Верховный суд».

По обе стороны от Ульриха — народные заседатели — боевые друзья и соратники подсудимых — маршалы Буденный и Блюхер и командармы — Алкснис, Дыбенко,

Белов, Каширин, Горячев и знаменитый военный теоретик профессор Борис Шапошников.

Все подсудимые обвиняются в измене Родине, шпионаже, заговоре и многих других не менее тяжких преступлениях, предусмотренных статьями 58-1 Б, 58-8, 58-11 советского Уголовного Кодекса.

Умело инсценированный судебный спектакль проходил без участия защиты и закончился в тот же день. В 23 часа 36 минут Ульрих огласил приговор: *«Всем подсудимым — высшая мера наказания... Расстрел... Обжалованию не подлежит... Привести в исполнение — немедленно...»*

И в ту же ночь в глубоком глухом подвале тюрьмы «Лефортово» военачальники были расстреляны.

Сильные люди, они умирали молча. Говорят, что только Иона Якир, надеясь, наверное, спасти своих близких, за мгновение до смерти крикнул: *«Да здравствует партия! Да здравствует Сталин!»*

Сегодня трудно сказать, были ли расстрелянные военачальники действительно виновны в измене Родине, в шпионаже и заговоре или Сталин просто поверил каким-то немецким фальшивкам. Ясно только одно — для того, чтобы уничтожить военачальников, Сталину не нужны были обличающие их немецкие фальшивки, как не нужны были никакие другие доказательства их измены или участия в заговоре. Для уничтожения военачальников достаточно было его воли.

Да, конечно, у Сталина были соратники, приспешники, опричники — и отравитель Генрих Ягода, и садист Николай Ежов, и преступник Лаврентий Берия.

Но, прежде всего, всегда и во всем направляющей силой была злая воля Сталина. Воля Тирана.

Для Сталина, по его собственным словам, убить врага — это *«самое большое счастье в жизни»*, а день смерти врага — *«счастливейший день»*.

Сталин уничтожил военачальников точно также, как уничтожил всю ленинскую гвардию, как уничтожил почти всю советскую разведку, как уничтожил целую когорту верой и правдой служивших ему палачей НКВД. Сталин уничтожил военачальников точно так же, как он всю свою жизнь методично и хладнокровно уничтожал всех по разным причинам «мешавших» ему людей — и врагов, и друзей, и родственников.

Лев Каменев — один из вождей революции, близко знавший Сталина по совместному пребыванию в ссылке, однажды сказал о Тиране: *«Сталин знает только один метод — воткнуть нож в спину»*.

И Сталин действительно «воткнул нож в спину» — и самому Каменеву, и их общему другу Зиновьеву, и «любимцу партии» Бухарину, и «другу и брату Кирову», и «Буревестнику революции» Горькому, и преданному грузину Орджоникидзе, и боготворившим «дорогого Иосифа» Аллилуевым и Сванидзе.

Сколько их было и сколько их еще будет? Автомобильных аварий? Неудачных хирургических операций? Сердечных приступов с летальным исходом? Самоубийств?

Сталин уничтожил военачальников точно так же, как уничтожил миллионы ни в чем не повинных людей. По воле Тирана вся страна покрылась сетью концентрационных лагерей. Вся страна стала «зоной».

По воле Тирана тысячи поездов везли на Дальний Север в теплушках для скота «кулаков» и «подкулачников», священников и монахов, маститых академиков и украинских слепых kobзарей. Арестованы были искавшие убежище в Москве руководители иностранных коммунистических партий, арестованы были ученые и писатели, уцелевшие «бывшие» аристократы и вернувшиеся на Родину реэмигранты. В апреле 1935 г. вышло постановление о привлечении к уголовной ответственности детей с 12 лет. И с этого дня детей «врагов народа» стали судить наравне с родителями.

Советский полпред в Болгарии бесстрашный Федор Раскольников в августе 1939 г. направил Сталину открытое письмо: *«Вы сковали страну жутким страхом террора... С помощью грязных подлогов Вы инсценировали судебные процессы, превосходящие своей вздорностью обвинения, знакомые Вам по семинарским учебникам средневековые процессы ведьм».*

Смелое письмо, даже несмотря на то, что оно написано не в Москве, а во Франции, где скрывался опальный дипломат. Но у Сталина, как известно, «длинные руки» — вскоре после опубликования письма Раскольников внезапно заболел и... неожиданно умер.

Новый «советский офицерский корпус»

После расстрела военачальников началась сталинская «чистка» в рядах Красной армии, такая же жестокая, как «чистка», прошедшая не так давно в советской разведке.

В результате «чистки» в армии были уничтожены 11 заместителей наркома обороны, 3 из 5 маршалов, 13 из

15 командармов, 57 командиров дивизий, 220 командиров бригад и еще 30 000 командиров полков.

В нацистской Германии с особым интересом следили за тем, что происходит в советских вооруженных силах, считая, что в этом безумии есть и их заслуга. Генерал Гальдер считал, что для восстановления «советского офицерского корпуса» Сталину понадобится по меньшей мере 20 лет. Но Гальдер, как это часто с ним бывало, ошибался.

Вот они — представители нового «советского офицерского корпуса» — в парадном зале Центрального дома Красной армии.

Эти люди не были кадровыми офицерами царской армии и не командовали фронтами во время Гражданской, как Михаил Тухачевский, не учились в Военной академии германского Генштаба, как Иона Якир, Иероним Уборевич и Август Корк, не были военными атташе в Германии, Японии, Финляндии, как Витовт Пуша, и все-таки... За плечами у этих людей уже имеется немалый боевой опыт — Испания, Халхин-Гол, Польша, Бессарабия, Финляндия. Они имели возможность вблизи наблюдать военные операции германской армии в Польше, и сегодня на совещании высшего командного состава Красной армии будут проводить анализ этих операций, учитывая при этом уже вполне вероятную и близкую войну с Германией. Совещание в Доме Красной армии идет уже не первый день. После вступительного слова наркома обороны маршала Тимошенко с докладами выступили начальник Генштаба генерал-полковник Кирилл Мерецков, командующие военными округами генералы Иван Тюленин, Дмитрий Павлов, Георгий Жуков и начальник Главного управления

Военно-воздушных сил генерал авиации Павел Рычагов. Особый интерес вызвали доклады новых командующих приграничными военными округами генералов Павлова и Жукова.

Генерал-полковник Дмитрий Павлов во время войны в Испании командовал танковой бригадой. После возвращения Павлова из Испании Сталин принял его в Кремле, обласкал и удостоил звания Героя Советского Союза. С июня 1940 г. Дмитрий Павлов командует Западным Особым военным округом, которым когда-то командовал расстрелянный командарм Иероним Уборевич.

Доклад Павлова на совещании касался вопроса, в котором генерал был признанным авторитетом, — *«Использование механизированных соединений в современных наступательных операциях»*.

Успехи гитлеровской армии Павлов объяснял наличием мощных танковых соединений, которые, в случае отсутствия прочной обороны, внезапно прорывались в глубь территории противника и в кратчайшие сроки достигали оперативных целей.

Не менее важным был доклад генерала армии Георгия Жукова.

Взлет карьеры Жукова в общих чертах напоминал карьеру Павлова. За умелое руководство войсками в боевых действиях против японцев на Халхин-Голе и проявленную при этом отвагу Жуков получил звание генерала армии и был удостоен звания Героя Советского Союза. После возвращения с Дальнего Востока по традиции Жукова пригласили в Кремль на личную встречу с вождем. Сталин с удовлетворением отметил наличие у генерала настоящего «боевого опыта» и

назначил его командующим самым крупным военным округом страны — Киевским Особым военным округом, тем самым, которым до недавнего времени командовал расстрелянный Иона Якир.

Доклад Жукова на совещании, так же как и доклад генерала Павлова, был посвящен современным наступательным операциям и, так же как и доклад Павлова, базировался на анализе последних военных операций германской армии. Жуков, не имевший никакого систематического образования, не был теоретиком военного искусства, как Иона Якир, и потому подготовка к совещанию далась ему нелегко. По признанию генерала, он работал над докладом целый месяц по многу часов в день и не один. Командующему округом помогал начальник оперативного отдела полковник Баграмян, который уже успел окончить две военные академии — Академию имени Фрунзе и Академию Генерального штаба.

По свидетельству маршала Баграмяна доклад Жукова произвел на участников совещания огромное впечатление. Еще бы!

В декабре 1940 г., за много месяцев до «внезапного» нападения, впервые публично, в актовом зале Центрального дома Красной армии прозвучали слова: *«...война может вспыхнуть в любую минуту»*.

Великий Дилетант

Все доклады военачальников, которые были прочитаны на совещании, редактировал Сталин. И нет никаких сомнений в том, что он вычеркнул из докладов все, что не соответствовало его пониманию вопроса, и все, что, по его мнению, не следовало предавать гласности. И наоборот — добавил все то, что считал

необходимым обнародовать, «донести» до участников совещания. Сталина часто пытаются представить дилетантом, ничего не смыслящим в вопросах военного искусства. И напрасно!

Сталин, несомненно, был человеком талантливым. Он упорно и много работал над собой, много читал, был сведущ во многих вопросах управления государством и всегда с особым интересом относился к изучению стратегии и тактики войны. Недаром Молотов впоследствии говорил, что Сталин не только знал военное дело, но и *«вкус к нему имел»*.

Война, кровавая по своей сути, была близка душе Сталина. Недаром он так часто встречался и так много времени проводил с военными специалистами, недаром часто принимал участие в маневрах, в разборе результатов военных учений, недаром единственной одеждой ему до самой смерти служила старая военная шинель. Сталин внимательно следил за всеми публикациями по вопросам военной теории, стратегии и военного искусства. В сталинской библиотеке сохранились исчерканные синим карандашом книги, нелегкие для понимания дилетанта труды немецких военных теоретиков Карла фон Клаузевица, Хельмута фон Мольтке, Отто фон Бисмарка, работы советских теоретиков военной науки Бориса Шапошникова и Михаила Фрунзе, и даже статьи и книги расстрелянных военачальников Тухачевского, Якира, Уборевича.

Известна статья маршала Тухачевского, опубликованная в газете «Правда» от 31 марта 1935 г., на черновом варианте которой сохранилась правка, сделанная рукой Сталина. Будущий «изменник Родины» и «немецкий шпион» Тухачевский в статье под названием

«Военные планы Гитлера» указывал на опасность, исходящую от Германии. В доказательство этой опасности Тухачевский приводил цитаты из «Майн Кампф». В статью Тухачевского Сталин внес свое дополнение, предупреждающее о возможности агрессии Германии против Чехословакии, Польши и Франции. За много лет до событий 1938—1940 гг. вождь предвидел такую возможность!

Нет сомнений, что если бы вождь не был согласен с идеями, содержащимися в докладе его ставленника Жукова, то генерал не смог бы произнести слова, повергшие в изумление всех участников совещания высшего командного состава Красной армии: *«Война может вспыхнуть в любую минуту!»*

«Ответный удар по противнику»

Девять дней продолжалось совещание. Около 300 военачальников приняли в нем участие, выслушали и обсудили десятки докладов. Все выступающие утверждали, что Советскому Союзу в будущей войне придется столкнуться с коалицией государств, во главе которой будет стоять гитлеровская Германия. Все выступающие утверждали, что германская армия, самая сильная на сегодняшний день армия Запада, оснащена бронетанковыми и механизированными войсками и сильной авиацией, и отмечали большой опыт Германии в организации и ведении современной войны. Все выступающие утверждали, что будущая война будет иметь бескомпромиссный и тотальный характер.

Операции гитлеровской Германии в Западной Европе позволяли прийти к выводу, что армия агрессора, наносящая первый удар, может получить существенное оперативное преимущество. И, тем не менее, несмотря

на то, что опасность предоставления права первого удара противнику была очевидна, советская концепция исходила из идеи ответного удара. Так и в Полевом уставе Красной армии было записано: *«Рабоче-Крестьянская Красная армия, самая наступательная армия в мире, будет наступать в том случае, если враг навяжет Стране Советов войну».*

В канун Нового 1941 года совещание высшего командного состава Красной армии закончилось. Но подготовка к будущей войне с гитлеровской Германией, к войне, которая, как понимали все — и наркомат обороны, и Генеральный штаб, и приграничные военные округа, и Политбюро, и Сталин, — *«может вспыхнуть в любую минуту»*, будет продолжаться, и усиливаться с каждым днем.

В январе 1941 г. в Москве, в Генеральном штабе Красной армии, будет проведена Большая военная игра на картах, имитирующая возможные ситуации будущей войны!

Глава вторая. РЕПЕТИЦИЯ «ВНЕЗАПНОГО» НАПАДЕНИЯ. Январь 1941

*Игра изобиловала
драматическими моментами для
Восточной стороны. Они
оказались во многом схожими с
теми, которые возникали после
22 июня 1941 года, когда на
Советский Союз напала
фашистская Германия.*

Маршал Георгий Жуков

**До начала операции
«Барбаросса» остается еще 171
день. 1 января 1941. Польша**

Евреи Польши брошены на уничтожение

Нынешняя зима выдалась суровой. Особенно чувствуют это евреи, загнанные нацистами в гетто городов и местечек оккупированной Польши. Многие тысячи людей уже умерли от голода и болезней, многие тысячи замучены, убиты. Трагедия евреев Польши давно не секрет для мира. Вот и сегодня, в первый день нового 1941 г., информация о еврейских гетто в Польше

поступила в Кремль. Внешняя разведка НКВД представила в ЦК партии очередную «Информационно-разведывательную сводку по Германии», один из разделов которой был посвящен положению в Генерал-губернаторстве, так теперь называют нацисты оккупированную ими Польшу. Сухим канцелярским языком эта сводка рисует картину людских страданий, от которой нельзя не содрогнуться:

О ПОЛОЖЕНИИ В ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВЕ

№ 16/59101 Совершенно секретно

27 декабря 1940

В городах проводятся массовые облавы на поляков и евреев. Для еврейского населения в Варшаве организовано гетто, для которого выделен специальный район, огражденный кирпичным забором. Входы и выходы из гетто запрещены и охраняются нарядами полиции. В гетто проживают в настоящее время 410 000 евреев, переселенных из разных районов города. Население гетто получает только 125 граммов хлеба в день, в связи с чем среди еврейского населения особенно велика смертность.

В привилегированном положении находятся украинцы, белорусы и русские, которые не подвергаются никаким ограничениям и широко общаются с немцами...

Рассылка: Берия, Меркулову, Кобулову.

Резолюции: т. Фитину. Исполнитель Берия.

т. Журавлеву. Использовать для сообщения в ЦК. Фитин. 28.12

Положение евреев, попавших под власть нацистов, сегодня, в начале 1941 г., действительно

катастрофическое. Но фактически катастрофа еврейского народа началась еще восемь лет назад — в 1933 г.

Потенциальные мертвецы

После прихода нацистов к власти Германия превратилась в расистское государство, в котором ненависть к евреям стала основой идеологии, а искоренение евреев — основной целью, выполняемой планомерно и последовательно.

Евреи уволены из государственных учреждений, еврейские врачи и адвокаты лишены права заниматься практикой. Запрещена деятельность евреев в области литературы, музыки, театра, живописи, архитектуры. Картины еврейских художников выброшены из музеев. Книги еврейских писателей сожжены. Запрещено показывать кинофильмы с участием евреев, запрещено исполнять произведения еврейских композиторов. Очищены от евреев радиостанции, нет ни одного еврея в редакциях газет и даже уличные продавцы газет должны быть «арийского происхождения». И, наконец, в сентябре 1935 г., после опубликования «Нюрнбергских законов о гражданстве и расе», евреи становятся потенциальными мертвецами, лишены гражданства, имущества, работы и крова.

Редкая правда о трагедии немецких евреев приведена в «Дневнике» известного немецкого философа и журналиста профессора Клемперера.

Виктор Клемперер, сын раввина, крестившийся и женатый на арийке, многие годы считал себя «сто процентным немцем», пока Гитлер, издав «Нюрнбергские законы», не «превратил» его в еврея. И теперь бывший уважаемый профессор, лишенный кафедры в университете, вместе с больной женой Евой и

голодным котом Муше-лем, влачит жалкое существование и со дня на день ждет смерти.

ИЗ ДНЕВНИКА ПРОФЕССОРА КЛЕМПЕРЕРА

12 июля 1938, вторник, день рождения Евы

...мы продолжаем сидеть здесь в нужде и бесчестье; мы, некоторым образом, погребены заживо, закопаны в землю уже по шею и со дня на день ожидаем последнего взмаха лопат.

«Взмах лопат» не заставил себя ждать — в ноябре 1938 г. по всей Германии прокатился страшный еврейский погром, получивший название «Хрустальная ночь» и завершивший, фактически, первый этап катастрофы еврейского народа. А в 1939 г., после захвата Польши, начался второй, еще более страшный этап катастрофы.

«Дранг нах Остен!»

Адольф Гитлер всегда знал, что война в Европе, в процессе которой погибнут сотни тысяч, а может быть и миллионы людей, даст ему возможность осуществить столь желанное для него физическое уничтожение ненавистных ему евреев. Теперь это время пришло!

1 сентября 1939 г., в 5 часов 45 минут утра, германская армия вторглась на территорию Польши. Отправляясь на фронт, немецкие солдаты не столько думали о будущих боях, сколько предвкушали удовольствие «бить жидов».

Адольф Гитлер, облаченный в новую серую военную форму, тоже отправился в Польшу — он хотел видеть «*ВСЕ ЭТО*» своими глазами. Гитлер выехал в Польшу 3 сентября 1939 г., и в тот же день были зверски

расстреляны 3500 евреев из маленького польского местечка Бохнии. А еще через неделю командиры специальных отрядов смерти — эйнзатцгруппе СС — хвастливо сообщали домой в Германию, что они убивают ежедневно сотни *«недочеловеков, принадлежащих к низшим выродившимся расам»*. Зверствовавшие в Польше эйнзатцгруппе СС не были новшеством — впервые они были задействованы в 1938 г. в Австрии.

Но перед вторжением в Польшу рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер изменил структуру отрядов смерти и поставил перед ними более конкретные задачи. Теперь эйнзатцгруппе СС представляли собой особые объединения, включавшие в себя профессиональных убийц из двух основных служб безопасности рейха — разведывательной службы СД и тайной полиции гестапо.

Реорганизованные эйнзатцгруппе СС должны были входить на захваченные гитлеровцами территории сразу же вслед за войсками вермахта и немедленно приступать к физическому уничтожению «недочеловеков».

Массовые расстрелы евреев и польской интеллигенции, о которых впоследствии с такой гордостью рассказывал в Токио «Мясник» — Йозеф Мейзингер своему «партайгеноссе» — советскому шпиону Рихарду Зорге, вызвали возмущение даже среди некоторых генералов германской армии. А адмирал Канарис поднял вопрос об этих зверствах на совещании, проходившем 12 сентября 1939 г. в специальном поезде фюрера. Канарис решительно протестовал против расстрелов гражданского населения и предупреждал, что за эти зверства германская армия когда-нибудь будет отвечать. В тот день в совещании принимали участие сопровождавшие Гитлера в его поездке в Польшу

фельдмаршал Вильгельм Кейтель, Иоахим фон Риббентроп, Альфред Йодль, Вильгельм Канарис и начальник отдела абвер-2 полковник Эрвин фон Лахузен. Вот он-то, Эрвин фон Лахузен, выступая свидетелем обвинения против своих бывших коллег на Нюрнбергском процессе, рассказал, о чем шла речь на этом совещании.

«Чистка» — эвфемизм в жаргоне убийц

Полковник Эрвин Эдлер фон Лахузен-Вивермонт был не менее загадочной фигурой, чем адмирал Канарис. До сих пор не ясно, кем был на самом деле этот человек. Беспощадным убийцей, беспрекословно выполнявшим приказы Гитлера, или участником «Черной Капеллы», бесстрашно боровшимся против Бесноватого фюрера?

В сферу деятельности отдела абвер-2, начальником которого являлся Лахузен, входила организация диверсий и саботажа в странах противника, включая использование для этой цели этнических немцев и местных националистов — украинцев и литовцев. Полковник фон Лахузен был организатором и участником множества тайных преступных операций гитлеровской Германии, в том числе, и операции «Гиммлер» — известной инсценировки нападения поляков на немецкую радиостанцию в Глейвице, организованную Гитлером для повода нападения на Польшу.

И, в то же самое время, Лахузен был не только осведомлен обо всех заговорах «Черной Капеллы», но и всемерно содействовал им. Так, по его словам, именно он снабдил графа фон Штауффенберга бомбой, с помощью которой 20 июля 1944 г. было совершено последнее неудачное покушение на жизнь Гитлера.

Эрвин Эдлер фон Лахузен-Вивермонт, австрийский аристократ, родился в 1897 г. в Вене, закончил военную

академию и во время Первой мировой войны служил в австро-венгерской армии. Призванием Лахузена была разведка. Он был создателем и фактическим руководителем австрийской военной разведки, а в 1938 г., после аншлюса Австрии, перешел в абвер. Со временем полковник Лахузен стал одним из ведущих сотрудников абвера — другом и единомышленником Канариса и Остера.

Несмотря на свое активное участие в Июльском заговоре, Лахузен сумел избежать застенков гестапо. А в дальнейшем, по окончании Второй мировой войны, несмотря на преступления, которые он совершал, служа Гитлеру, сумел избежать и репрессий со стороны союзников. «Удачно» сдавшись в плен американцам, Лахузен начал сотрудничать с американской разведкой и не вошел в число немецких военных преступников. На процессе в Нюрнберге генерал-майор германской военной разведки фон Лахузен присутствовал только как свидетель. Вопросы свидетелю задавал представитель США полковник Джон Харлан Эймен.

Эймен: Помните ли вы о совещаниях, которые посещали с Канарисом непосредственно перед падением Варшавы, совещаниях в ставке фюрера?

Лахузен: Я присутствовал вместе с Канарисом на совещании, которое состоялось не в ставке фюрера, а в поезде фюрера, незадолго до падения Варшавы...

Эймен: Теперь постарайтесь наилучшим образом объяснить, возможно подробнее и точнее, что было сказано и что произошло на этом совещании в поезде фюрера ?

Лахузен: Канарис предостерегал самым настойчивым образом от тех мер, которые стали ему,

Канарису, известны, в частности, о предстоящих расстрелах и мерах по истреблению, которые должны были быть направлены против польской интеллигенции, дворян и духовенства, как и вообще тех элементов, которых рассматривали как носителей национального сопротивления. Канарис, примерно, сказал тогда следующее: За эти меры, которые происходят у них перед глазами, вооруженные силы будут когда-нибудь отвечать перед миром.

Эймен: Было ли что-нибудь сказано относительно так называемой политической чистки ?

Лахузен: Да, тогдашний шеф ОКВв этой связи употребил еще одно выражение, которое, во всяком случае, исходит от Гитлера, определившего все эти мероприятия как политическая чистка.

Эймен: Для того, чтобы протокол был точен, перечислите, какие меры, по словам Кейтеля, были в это время уже намечены.

Лахузен: Тогда, после соответствующего доклада начальника ОКБ, все согласились, что необходимо провести бомбардировку Варшавы, а также истребление уже упомянутых мною категорий, или групп населения Польши.

Эймен: Какие это были категории?

Лахузен: Это, прежде всего, были польская интеллигенция, дворянство, духовенство и, конечно, евреи...

Так в сентябре 1939 г. в Польше впервые прозвучало это чудовищное слово — новое слово в жаргоне убийц — «чистка». И теперь на всех оккупированных территориях гитлеровцы и их союзники

— румынские варвары — будут называть массовое уничтожение гражданского населения просто — «чистка».

Первый шаг на пути к уничтожению

Поставленная Гитлером задача «чистки» территории Польши от миллионов населяющих ее евреев была не простой. Для ее осуществления потребовалось создание нового специального органа, получившего название Главное управление имперской безопасности — РСХА.

РСХА было учреждено 27 сентября 1939 г., и главой его был назначен патологический убийца группенфюрер СС Рейнхард Гейдрих. Получив высокое назначение, Гейдрих в тот же день издал распоряжение о создании еврейских гетто, которые должны были стать первым шагом на пути к «чистке» территории Польши от евреев:

«В целях обеспечения надлежащих условий для контроля и последующей депортации, евреи должны быть переселены в гетто».

Создание гетто для евреев не было изобретением Гейдриха.

В многовековой истории еврейского народа уже были периоды, когда евреи жили изолированно от христианского населения в специально отведенных для них кварталах городов Европы. Так было в 1215-м в Италии, в 1266-м в Польше, в 1310-м на острове Родос, в 1350-м в Испании, в 1460-м в Германии, в 1516-м в Венеции...

Решение поселить евреев в Лагуне на острове, отделенном от города каналом Рио ди Сан Джироламо, было принято Великим Дожем Венеции Леонардо Лореданом. Дождливым мартовским утром гвардейцы

Сената выдворили евреев из домов, эскортировали их на остров Каннареджо и разместили на территории заброшенного литейного двора, который в XIV в. воинственные венецианцы использовали для отливки корабельных мортир. Назывался этот литейный двор — Ghetto Nuovo (Гетто Ново), что в переводе с итальянского означает новая литейная.

Прошло еще 50 лет, и в 1555-м кардинал Караффа, ставший Папой Павлом IV, официально провозгласил, что *«евреи — народ, проклятый Богом, не могут проживать среди правоверных, и должны быть изолированы в специальных гетто, точно так же как это было принято в прошлом в Венеции»*.

Отныне, в любой стране и на любом языке, изолированная часть города, отведенная властями для проживания евреев, будет называться гетто. Венецианцы еще и сегодня гордятся тем, что подарили человечеству это унижительное слово. Евреи стали жить в гетто. Они были лишены гражданских прав, платили властям огромные налоги, носили на одежде специальные отличительные знаки и могли покидать свое гетто только в дневные часы для выхода на работу.

Жизнь в гетто была бесправной и унижительной. Но это была — жизнь! В гетто были синагоги, были школы, евреи сохраняли свою религию, язык, культуру, свои традиции. В гетто жили великие талмудисты, философы, ученые. Здесь творили художники, поэты, музыканты... Стены гетто защищали евреев от ненависти уличного сброда, от фанатиков и погромщиков.

Таким и осталось в коллективной памяти еврейского народа все, что связано со словом гетто. С одной стороны — дискриминация, унижение, жалкое

существование, с другой — возможность жить в относительной безопасности, сохранять свои традиции, молиться Богу, работать, творить, растить детей.

Гитлеровские убийцы цинично использовали идею старого еврейского гетто для создания под этим именем **концентрационных лагерей, служивших местом временного сосредоточения евреев на пути к их полному уничтожению.**

Страшная скученность на территориях, изначально не приспособленных для длительного пребывания многих тысяч людей, болезни, голод, каторжный труд делали жизнь узников нацистских гетто невыносимой и, как и надеялись убийцы, приводили многих к мучительной «естественной смерти». Каждое из сотен еврейских гетто, созданных преступниками, просуществует разный период времени, и у каждого будет своя судьба. Но конец, в большинстве случаев, будет один — раньше или позже концентрационный лагерь под названием гетто будет ликвидирован, а заключенные в нем люди уничтожены.

Первые гетто для евреев нацисты создали по распоряжению Гейдриха в Польше, в те дни, когда Гитлер и Сталин были союзниками, и Польша была поделена между ними. В гетто в Лодзи, созданном 8 февраля 1940 г., было заключено 165 000 евреев, а в Варшавском гетто, созданном 15 ноября 1940 г., содержались более 400 000 человек. Эти огромные гетто, равные по численности целым городам, просуществуют более длительное время, чем другие, малочисленные. Но и они, в конце концов, будут ликвидированы — депортация евреев Варшавского гетто на смерть в Трешлинку начнется в июле 1942 г., а евреи гетто Лодзи

будут отправлены в газовые камеры Освенцима уже в самом конце войны, в 1944 г.

Под личиной «освободителя»

Распоряжение о создании гетто было подписано Гейдрихом 27 сентября 1939 г. в Берлине, а назавтра, 28 сентября 1939 г., в Москве Молотов подписал германо-советский Договор о дружбе и границе.

Иосиф Сталин стал «другом» своего давнего идеологического врага Адольфа Гитлера совсем недавно — чуть больше месяца назад — 23 августа 1939 г., когда так неожиданно для всего мира между Германией и Россией был подписан Пакт о ненападении. Как показала история, именно этот пакт позволил Гитлеру ровно через семь дней, 1 сентября 1939 г., осуществить нападение на Польшу. И именно этот пакт позволил Гитлеру еще через два дня, 3 сентября 1939 г., когда он, нужно прямо сказать, был испуган вступлением в войну Великобритании и Франции, обратиться за помощью к своему новому «другу» — Сталину.

ТЕЛЕГРАММА № 253

Берлин, 3 сентября 1939 — 18 ч 50 мин

Очень срочно! Лично послу! Совершенно секретно! ...не посчитает ли Советский Союз желательным, чтобы русская армия выступила в подходящий момент против польских сил в русской сфере влияния и, со своей стороны, оккупировала эту территорию. ...это не только помогло бы нам, но также, в соответствии с Московскими соглашениями, было бы и в советских интересах.

Но Сталин не спешил вводить свои войска в Польшу. По приказу вождя, Вячеслав Молотов на встречах с германским послом фон дер Шуленбургом отговаривался

тем, что «это» будет сделано «в подходящее время», но пока «время еще не наступило», тем более что «чрезмерная поспешность может нанести нам ущерб». И хотя Гитлер продолжал «давить», и в Москву непрерывно поступали срочные телеграммы с требованием «осуществить военную интервенцию в Польшу», решение Сталина было неизменным. Вождь не хотел «осуществлять интервенцию», не хотел вводить войска в Польшу до тех пор, пока не падет Варшава, пока Польша «не развалится».

Причину такого решения Молотов совершенно открыто объяснил германскому послу — Сталина волновала политическая сторона вопроса — он не желал в глазах мира «выглядеть агрессором»!

Для социалистического Советского Союза, не устававшего всюду трубить о борьбе за мир, гораздо более «благовидно» было представить готовящуюся агрессию как освободительную акцию, как «*помощь народам, находящимся в опасности*».

ИЗ ТЕЛЕГРАММЫ № 317

*Москва, 10.IX. 1939, 21 ч 40 мин Срочно!
Совершенно секретно!*

Дополнение к моей телеграмме № 310 от 9 сентября...

На сегодняшней встрече в 16 часов Молотов изменил свое вчерашнее заявление, сказав, что советское правительство было застигнуто совершенно врасплох неожиданно быстрыми германскими военными успехами. Я очень подробно объяснил Молотову, насколько при таком положении дел важны быстрые действия Красной армии... Молотов повторил, что

делается все возможное для ускорения событий... Затем Молотов перешел к политической стороне вопроса и заявил, что советское правительство намеревалось воспользоваться дальнейшим продвижением германских войск и заявить, что Польша разваливается на куски и что вследствие этого Советский Союз должен прийти на помощь украинцам и белорусам, которым «угрожает» Германия.

Этот предлог представит интервенцию Советского Союза благовидной в глазах масс и даст Советскому Союзу возможность не выглядеть агрессором...

Красная армия перешла границу Польши 17 сентября 1939 г. И что бы там ни говорили, во Вторую мировую войну Сталин вступил на стороне агрессора, на стороне главного виновника этой войны — гитлеровской Германии. И хотя Тиран приложил немало усилий к тому, чтобы «не выглядеть агрессором», мир ему этого не простил.

Вторая мировая война, самая кровопролитная в истории человечества, ввергла в пучину страданий и смерти 61 страну и унесла около 60 миллионов человеческих жизней. По словам Уинстона Черчилля, «немцы совершили под гитлеровским владычеством, на которое они сами позволили себя обречь, такие преступления, которые во всей истории человечества не имеют себе равных по масштабам и по злобности».

И самые бесчеловечные преступления были совершены против еврейского народа. Более 6 000 000 евреев уничтожили нацисты — расстреляли, повесили, сожгли живыми, удушили смертоносным газом... Среди этих миллионов были загублены 2 000 000 детей.

Меж двух огней

С первых дней войны еврейское население Польши, в страхе перед гитлеровцами, бежало на Восток. Вначале советские пограничники не мешали переходу евреев через демаркационную линию, установленную между союзными войсками, но вскоре после подписания советско-германского Договора о дружбе и границе граница оказалась закрытой.

Свидетельствует один из еврейских беженцев: *«[Советские] часовые больше не проявляли дружелюбия и часто в городках и деревнях, расположенных близ границы, производились облавы в поисках людей, сумевших пробраться на советскую сторону. Пойманные отсылались обратно в оккупированную нацистами Польшу. Советская стража стреляла по тем, кто пытался перейти границу. Немецкая стража, в свою очередь, стреляла по тем, кто пытался вернуться».*

В дальнейшем для большего затруднения перехода границы советское правительство издаст еще два специальных указа — «Указ об уголовной ответственности за нелегальный переход границы» и «Указ об обязанности населения оказывать властям всяческое содействие в борьбе с переходом границы».

Два миллиона евреев останутся на территории, захваченной Гитлером, и будут обречены на уничтожение.

«Немцы уничтожили очень много жидов...»

Договор о дружбе и границе, подписанный 28 сентября 1939 г., включал три дополнительных секретных протокола. Один из них, получивший название «Конфиденциальный», касался проблемы обмена

населением между двумя зонами оккупации и, фактически, решал судьбу людей, проживавших в оккупированной Польше.

В соответствии с этим протоколом, лица германского происхождения имели возможность переселиться на территорию, находящуюся в германской сфере влияния, а украинцы и белорусы — на территорию, находящуюся под советской юрисдикцией. О лицах еврейского происхождения, оставшихся на оккупированной гитлеровцами территории и уже подвергавшихся уничтожению, в Конфиденциальном протоколе даже не упоминалось.

Для осуществления обмена населением, в соответствии с достигнутой между сторонами договоренностью, в первых числах октября 1939 г. в оккупированной гитлеровцами Варшаве начала работу совместная германо-советская Комиссия по взаимному обмену населением. Комиссия составляла списки людей, желающих покинуть германскую зону оккупации и переселиться на территорию, занятую советскими войсками.

Пытаясь спастись от ожидающей их гибели, евреи бросились в Комиссию и получили такой ответ: **«Комиссия создана не для эвакуации евреев. Ваших братьев и так много в Советском Союзе».**

Знал ли Сталин, в конце сентября 1939 г. подписывая Конфиденциальный протокол, о массовых убийствах евреев в Западных районах Польши?

Знал! И даже упомянул об этом 2 октября 1939 г. в разговоре с приглашенным в Кремль министром иностранных дел в те дни еще свободной Латвии, Вильгельмом Мунтерсом. Учитывая немецкое

происхождение Мунтерса, Тиран, возможно даже специально, употребил в разговоре с ним то же самое слово, которое красовалось на вагонах немецких поездов, идущих на Восток. Это было слово — «*жиды*».

Сталин сказал Мунтерсу, и Мунтерс не забыл отметить это в оставленных им записках: «***Немцы уничтожили [в Польше] очень много жидов...***»

С тех пор прошло больше года. Положение евреев в Польше с каждым днем становилось все ужаснее, и советская разведка регулярно доносила об этом в Москву. Зверства преступников невозможно было «не заметить»! Ведь всего в нескольких километрах от демаркационной линии, проходящей по реке Буг, под городом Острув-Мазовецка 11 ноября 1939 г. варвары совершили очередное массовое убийство. По приказу обергруппенфюрера СС Фридриха Крюгера — бывшего депутата рейхстага, а ныне главы СС и полиции в Польше — германские полицейские отрыли за городом огромные рвы, согнали туда тысячи евреев и хладнокровно их расстреляли.

Евреев Острув-Мазовецка расстреляли, так же как в 1941 г. будут расстреливать евреев Каунаса и Вильнюса, Винницы и Тернополя, точно так же, как будут расстреливать евреев Киева в Бабьем Яре и евреев Харькова в Дробицком Яре. А в 1941 г. союзники гитлеровцев — румынские варвары — будут расстреливать евреев в Бессарабии, на Юге Украины и в Одессе.

Все это можно было предвидеть. Все это будет.

До начала операции «Барбаросса» есть еще 168 дней. 4 января 1941. Берлин

Гитлер нападет весной

На прошлой неделе, 29 декабря 1940 г., в разведуправление Генштаба Красной армии поступило донесение от резидента военной разведки, по кличке «Метеор» — полковника Николая Скорнякова: «Гитлер отдал приказ о подготовке к войне с СССР».

Информация была настолько важной, что вызвала даже переполох в Главном разведывательном управлении. И, несмотря на то, что донесение Скорнякова подтверждало несколько полученных ранее донесений, и, несмотря на то, что не было никаких причин сомневаться в надежности таких многолетних агентов, как «Альта» и «Ариец», генерал-лейтенант Филипп Голиков приказал еще раз проверить эту информацию.

В действиях Голикова не было, на самом деле, ничего особенно необычного. Голиков отличался дотошностью. Обработку всех без исключения агентурных сообщений он делал всегда сам в день их получения. И в тот же день высылал запросы резидентам — на уточнение. И в тот же день все агентурные сообщения передавал в Кремль.

Так было и на этот раз. В день получения сообщения Скорнякова, 29 декабря 1940 г., приказ, обязывающий резидента в течение пяти дней проверить достоверность полученных сведений, ушел в Берлин

Прошло пять дней, и на шестой дисциплинированный полковник Николай Скорняков представил в Москву результаты проверки: *НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ*

ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ

4 января 1941

«Альта» запросила у «Арийца» подтверждение правильности сведений о подготовке наступления весной 1941 г. «Ариец» подтвердил, что эти сведения он получил от знакомого ему военного лица, причем это основано не на слухах, а на специальном приказе Гитлера, который является сугубо секретным, и о котором известно очень немногим лицам...

Информация подтвердилась — Гитлер нападет весной!

До начала операции «Барбаросса» остается еще 166 дней. 6 января 1941. Бухарест

На арену выходит «Красная собака»

В подписанной Гитлером «Директиве № 21» был предусмотрен специальный раздел, посвященный *«будущим, предполагаемым союзникам Германии и их задачам в войне против России»*. В частности, о Румынии там было сказано:

«Задача Румынии будет заключаться в том, чтобы отборными войсками поддержать наступление южного фланга германских войск, хотя бы в начале операции, сковать противника там, где не будут действовать

германские силы, и в остальном нести вспомогательную службу в тыловых районах...»

Особая роль Румынии в операции «Барбаросса» объяснялась, естественно, ее особым географическим положением, но немаловажную роль играло и то, что в этот период главой Румынского государства — кондукатором Румынии — был генерал Ион Антонеску.

Гитлер впервые встретился с прибывшим в Берлин Антонеску 22 ноября 1940 г. и сразу же «оценил» румынского генерала. Агрессивный, жестокий, прозванный за дикий темперамент и рыжий цвет волос «Красной собакой», Антонеску показался Гитлеру отличным партнером в задуманном им «Великом крестовом походе против большевизма и еврейства». Уже во время первой их встречи фюрер посвятил нового партнера в свои планы.

После войны, в 1946 г., в подвалах московской Лубянки Антонеску вынужден был признаться: *«На поставленный вопрос, можно ли рассматривать мою первую беседу с Гитлером как начало моего сговора с немцами в подготовке войны против Советского Союза, я отвечаю утвердительно».*

Тогда, в 1940 г., в Берлине, Антонеску был, прямо скажем, очарован фюрером, был окрылен перспективой сотрудничества с этим «великим человеком» и с радостью присоединился к Пакту трех держав.

Преступники нашли друг в друге единомышленников, желавших любой ценой оставить свой след в истории. И им это удалось.

Эхо ненависти

Антонеску стал кондукатором — диктатором Румынии — всего два месяца назад — 6 сентября 1940 г., после отречения от престола короля Румынии Кароля II. В эти дни Румыния переживала нелегкий этап своей истории. За короткий период страна потеряла значительную часть своих земель.

Бессарабию и часть Буковины у Румынии «отнял» Сталин. В действительности Румыния владела Бессарабией не так уж и много времени — чуть более двадцати лет. До этого, в течение целых ста лет она входила в состав Российской империи. Еще в 1812 г., незадолго до нашествия Наполеона, великий русский полководец и дипломат Михаил Кутузов, с помощью хитроумной уловки, мирным путем заполучил эту богатую землю у турецкого султана. В годы Гражданской войны Румыния, пользуясь тогдашней слабостью молодого Советского государства, захватила Бессарабию. Теперь Сталин решил ее вернуть, «прихватив» заодно часть Буковины, которая России никогда не принадлежала.

Захват румынских земель Сталин разыграл как по нотам. Прежде всего, была осуществлена ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКЦИЯ, а затем уже — ВОЕННАЯ АКЦИЯ, которая была представлена не интервенцией, а «освобождением».

Утром, 26 июня 1940 г., Вячеслав Молотов встретился с германским послом фон дер Шуленбургом и предъявил ему ультиматум, требуя «посоветовать» румынскому правительству «уступить» России принадлежавшую ей ранее Бессарабию. Молотов требовал от Румынии «уступить» России и часть Буковины, в которой, как «объяснил» он послу, проживает украинское население.

Шуленбург был в шоке. Он немедленно сообщил об этом наглом требовании Риббентропу. Риббентроп доложил Гитлеру. И если Шуленбург был в шоке, то Гитлер был взбешен. Особенное возмущение фюрера вызвало то, что Сталин хочет присвоить себе часть Буковины, землю никогда России не принадлежавшую, а, напротив, входившую в прошлом в Австрийскую империю и населенную, кроме украинцев, и немцами. Обидным было и то, что выхода, на самом деле, у Гитлера не было. Угрожая нефтяным скважинам Плоешти, на границах Румынии уже стояла специально созданная Сталиным Южная армия, под командованием героя Халхин-Гола Жукова. А в случае войны между Румынией и Россией, Германия могла лишиться жизненно важной для рейха нефти!

Скрепя сердце, Гитлер согласился на требования Сталина. В тот же день германскому посланнику в Бухаресте барону Манфреду фон Килленгеру было приказано передать министру иностранных дел Румынии Михаю Маноилеску «совет» фюрера: *«...Советское правительство информировало нас о том, что оно требует от румынского правительства передачи СССР Бессарабии и части Северной Буковины. Во избежание войны между Румынией и Советским Союзом, мы можем лишь посоветовать румынскому правительству уступить...»*

Король Кароль II вынужден был принять «совет» Германии и «уступить» Сталину требуемые им территории. Для предотвращения нежелательных инцидентов при передаче территорий, стороны договорились, что Румыния будет отводить свои войска

по 20 км в сутки, и на то же расстояние будет продвигаться Красная армия.

Началась вторая — ВОЕННАЯ ЧАСТЬ — блестящей сталинской акции. Армия генерала Жукова, в нарушение достигнутого соглашения, вторглась на территорию Румынии, обогнала отступающие колонны румынских войск и намного раньше их вышла к реке Прут, которая по соглашению должна была служить новой границей.

Отступающая румынская армия оказалась отрезанной. В войсках началась паника. Предположения и слухи были один страшнее другого: *«Красные высадили на переправах танковые части с самолетов», «Прут не будет для них преградой, Сталин пойдет дальше — на Плоешти, на Бухарест»*. Офицеры бросали своих солдат, солдаты бросали оружие.

Вереницы беженцев усиливали неразбериху. Намеченный организованный отвод войск превратился в унижительное бегство. С презрением и насмешкой смотрели на отступающие войска местные жители — молдаване, украинцы, евреи. Были случаи, что солдат забрасывали камнями, с офицеров срывали погоны, плевали им в лицо. Говорят, что наибольшее унижение выпало на долю 3-й румынской армии, которая во главе со своим командиром генералом Ионом Антонеску позорно бежала из столицы Бессарабии — Кишинева.

Но особенно оскорбительным для румын было то, что Красную армию жители «освобожденных территорий» встречали с восторгом. Фотографии этих встреч — праздничные толпы на улицах, объятия, поцелуи, танки, украшенные цветами, — обошли все газеты мира. Румынские газеты также печатали эти фотографии, сопровождая их статьями, в которых

клеймились «еврейские предатели». Именно они, евреи, почему-то оказались виновниками потери территорий. В позоре румынской армии обвинялся весь еврейский народ.

Пройдет год. В июле 1941 г. румынская армия вернется на землю Бессарабии и Буковины. И тогда весь позор, все унижение своего прошлого отступления она выместит на евреях, оправдывая свои зверства «мстостью за предательство». Эхо этих кровавых зверств, эхо ненависти к еврейскому народу отзовется в октябре 1941 г. в трагедии евреев Одессы.

Солидарность с жертвами погромов «нежелательна»!

А пока, в июле 1940 г., после потери «отошедших» к Сталину территорий, по всей Румынии начались народные волнения. И очень скоро эти волнения приняли явный антиеврейский характер. Начались еврейские погромы.

Сложное положение, создавшееся в Румынии, не могло не интересовать Москву. Так, 12 июля 1940 г. в Кремль поступила докладная записка управления пограничных войск НКВД Украины, подписанная заместителем начальника пограничных войск полковником Савченко и военным комиссаром Ключевым. Докладная касалась еврейских погромов в приграничной полосе на территории Румынии и демонстраций протеста жителей советских территорий против этих погромов.

№АБ-0033974 Совершенно секретно

12 июля 1940

По данным 97-го ПО [пограничного отряда] в приграничной полосе Северной Буковины и городах

Дорохой, Серет, Яссы и Галац румыны терроризируют местное население, устраивая погромы над еврейским населением. Эти действия... стали достоянием жителей советской территории, в связи с чем 8 июля 1940 г. в местечке Херца состоялась демонстрация протеста против еврейских погромов, в которой участвовало до 300 местных жителей.

Последние организованно направились к военному коменданту города с просьбой о немедленном доведении до сведения советского правительства о проводимых румынами погромах с целью дипломатического вмешательства и их прекращения. Кроме того, население м. Херца в настоящее время написало жалобу на имя главы советского правительства тов. Молотова, которая подписана всем населением местечка.

Справка: Со стороны партийных и советских организаций приняты соответствующие меры к проведению разъяснительной работы среди населения местечка Херца.

«Жалоба», посланная в Москву главе советского правительства, должно быть, сильно насмешила Сталина. Москва не только не предприняла никаких «дипломатических шагов» для прекращения зверств против румынских евреев, но и направила специальных агитаторов, которые «популярно разъяснили» наивному населению новых советских территорий «нежелательность» выражения солидарности с евреями — жертвами погромов.

Антонеску становится главой правительства Румынии

Между тем положение Румынии продолжало усложняться. Легкость, с которой Сталин присвоил себе

часть румынской земли, послужила сигналом и для других соседей Румынии требовать возврата территорий, утраченных ими во время Первой мировой. Болгария требовала Южную Добруджу, Венгрия требовала Трансильванию.

Румынская нефть снова была в опасности, и Гитлер вновь вынужден был принимать меры. 29 августа 1940 г. в Австрии, в летней резиденции принца Савойского, под эгидой Германии состоялся так называемый Венский арбитраж, целью которого было решение спорных вопросов между соседями. Говорят, что когда министр иностранных дел Румынии Михай Маноилеску увидел подготовленную немцами карту «мирного урегулирования», он, в буквальном смысле, потерял сознание. Слабонервного румынского министра быстро привели в чувство, договор о мирном урегулировании конфликта был подписан и Северная Трансильвания «отошла» к Венгрии. Теперь территории, потерянные Румынией, составляли уже треть страны, причем самую богатую треть, приносящую Румынии более половины ее национального дохода. Народные волнения усилились. Пытаясь потушить «пожар», создающий уже прямую угрозу его трону, Кароль II отправил действующее правительство Румынии в отставку и назначил главой нового правительства Иона Антонеску, того самого генерала, под командованием которого 3-я румынская армия так позорно бежала из Кишинева. С точки зрения короля, в этом назначении был известный смысл, так как генерал Антонеску прославился именно тем, что однажды уже сумел подавить народные волнения. В 1907 г. в Галаце безжалостный 25-летний лейтенант Антонеску применил артиллерию против безоружных крестьян,

взбунтовавшихся против своих помещиков. Результат был чудовищным!

Воспоминание об этом кровавом побоище не покидало Антонеску всю жизнь: *«Я пролил румынскую кровь, но и сам оказался тяжело больным. Воспоминание о тех убитых никогда меня не покидало, все это мелькает у меня перед глазами и сегодня».*

В те дни Антонеску действительно серьезно заболел. Он был временно отчислен из армии и отправлен на длительное лечение психического расстройства. В последующие годы полковник, а затем и генерал Антонеску старался скрыть свое участие в подавлении крестьянского бунта, но позорная слава убийцы шла за ним по пятам, и именно эта слава позволила ему в сентябре 1940 г. стать главой правительства Румынии.

Во Дворце Дожей

В тот самый день, когда генерал Антонеску получил из рук короля высокое назначение, в Венеции, в старинном Дворце Дожей, «совершенно случайно» встретились два иностранных джентльмена.

Удобно устроившись в резных деревянных креслах в Зале Большого совета Великого Дожа Леонардо Лоредана, иностранцы вели между собой по-французски негромкий разговор. Им не мешала ни подавляющая своим величием красота старинного зала, ни многочисленные туристы, громогласно выражающие свое восхищение гигантской композицией «Рай» — бессмертным творением великого мастера Якопо Тинторетто.

Непрекращающееся движение людей, непрерывный, разноязычный говор служил для двух собеседников и давних друзей естественной оградой от всего мира и сообщал их доверительной беседе еще большую интимность.

«Что вы думаете об Антонеску?» — спросил шеф германского абвера адмирал Вильгельм Канарис, а это был именно он, своего коллегу — шефа румынской сигуранцы генерала Михая Морозова.

Ответ Морозова был полон нескрываемого отвращения: *«Король убежден, что, назначив Антонеску главой правительства, он спасает положение. Невозможно себе представить худший выбор. Генерал Антонеску не представляет собой ничего. У него нет ни партии, ни политических идей. Он даже не пользуется симпатией армии. Офицеры прозвали его „Красная собака“. Этот напыщенный маленький человечек получил известность в 1919 г., когда он командовал бандой, специализировавшейся на ограблении магазинов, госпиталей и частных домов Бухареста... В начале этого года король приказал мне арестовать его... У меня был соблазн сделать так, чтобы он исчез навсегда».*

Жаль, что шеф румынской сигуранцы не поддался соблазну. Этим он спас бы свою собственную жизнь и много сотен тысяч жизней других людей, загубленных *«Красной собакой»*.

Антонеску становится кондукатором

Как и предвидел шеф сигуранцы, назначение Антонеску главой правительства не улучшило, а скорее ухудшило положение короля. Теперь в народных волнениях принимали участие legionеры действующей в Румынии ультраправой антисемитской организации,

именующей себя «Железная гвардия». Разъяренная толпа, подстрекаемая легионерами «Железной гвардии», требовала от короля отречения от престола. Королю ставили в вину, кроме «всех его преступлений», и многолетнюю любовную связь с еврейкой Еленой Люпеску.

Стены домов Бухареста покрылись антисемитскими плакатами, удивительно схожими с теми, которые уже не первый год красовались на стенах домов Берлина. Газеты кричали: *«Рыжая жидовка Люпеску заслана мировым еврейством в Румынию специально для того, чтобы ввергнуть эту многострадальную страну, стонущую под еврейской пятой, в еще большую катастрофу».*

Король не мог расстаться с красавицей Люпеску, да и вряд ли эта жертва могла что-либо изменить. Он согласился отречься от престола при условии, что ему и мадам Люпеску будет предоставлена возможность покинуть страну и увезти за границу часть ценностей из королевской казны. В ответ Антонеску выдвинул свои требования. Обуреваемый непомерной гордыней, маленький генерал захотел стать диктатором Румынии, точно так же, как фюрер в Германии, дуче в Италии, каудильо в Испании или, может быть, вождь в России. Антонеску требует, чтобы формальный акт отречения короля от престола содержал дополнительный пункт, дающий ему, главе румынского правительства, права диктатора и особое звание — «кондукатор». Такое звание было собственным изобретением Антонеску, до этого оно в Румынии никогда не использовалось. Но для короля Кароля II в эти тяжелые для него минуты уже ничто не имело значения. «Кондукатор», «Фюрер» или «Дуче», не все ли равно? Король подписал акт отречения в пользу своего восемнадцатилетнего сына Михая и тем

же актом передал всю власть в стране кондукатору генералу Антонеску.

Так в сентябре 1940 г. на историческую арену выходит «Красная собака» — жестокий, коварный и безжалостный, подверженный приступам безумной ярости человек. Человек, который станет достойным партнером Адольфа Гитлера, единственный из всех союзников Гитлера, принявший личное участие в зверском уничтожении евреев. Человек, который станет палачом евреев Бессарабии и Буковины.

По бесчеловечным приказам этого человека целая полоса земли между Днестром и Бугом, проклятое имя которой — Транснистрия, станет братской могилой сотен тысяч замученных людей. По бесчеловечным приказам этого человека, если можно назвать его человеком, будут уничтожены — повешены, расстреляны, заморожены, сожжены заживо — 155 000 евреев Одессы.

Румыния — плацдарм для нападения

Еще в сентябре 1940 г., вскоре после того, как Сталин захватил часть румынской земли, Гитлер принял решение ввести в Румынию свои войска. Целью этой акции было, с одной стороны, защитить от возможной опасности нефть Плоешти, а с другой — подготовить плацдарм для будущей войны с большевистской Россией.

Эту цель фюрер провозгласил в директиве от 20 сентября 1940 г., предписывавшей направить в Румынию германские войска под видом «Военной миссии»: *«Для внешнего мира ее [Военной миссии] задача состоит в том, чтобы помогать дружественной Румынии в организации и обучении вооруженных сил. Подлинные же задачи, которые не должны стать очевидными ни румынам, ни нашим собственным войскам, будут состоять*

в следующем: защищать нефтеносные районы... подготовиться для развертывания на румынских базах немецких и румынских войск, если нам будет навязана война с Россией».

В Румынию хлынули германские дивизии — сухопутные войска во главе с генерал-полковником Георгом Ханзенем и военно-воздушные части во главе с генерал-майором Хансом Шпейделем. Многочисленные немецкие офицеры-инструкторы начали ускоренную реорганизацию и переподготовку румынской армии в соответствии с уставами германской армии. Германия начала поставлять Румынии самолеты, танки, зенитную и противотанковую артиллерию, боеприпасы.

Сталин уже тогда, в сентябре 1940 г., был озабочен действиями Германии. И недаром, в «Директивах к Берлинской поездке» 9 ноября 1940 г. Молотов записал особое задание по Румынии: *«Сказать также о нашем недовольстве тем, что Г. не консультировалась с СССР по вопросу о гарантиях и вводе войск в Румынию...»*

Тогда, в Берлине, на вопросы Молотова о Румынии Гитлер уклонился от прямого ответа, а положение продолжало усложняться — теперь германские войска входили на румынскую территорию почти открыто.

Сегодня, 6 января 1941 г., в Москву поступило очередное тревожное донесение советского полпреда в Бухаресте Анатолия Лаврентьева:

«6 января 1941

Я позвонил военному атташе турецкой миссии Кокатюрку, сказал, что хотел бы с ним встретиться. На это К. дал согласие и приехал в полпредство. Я задал К. вопрос — сколько, по его мнению, немецких войск в

Румынии на сегодняшний день. К. ответил, что можно считать установленным, что в Румынии, как минимум, находятся 3 пехотные дивизии (комплектования военного времени — развернутые) и одна воздушная дивизия (полк истребительной авиации, полк бомбардировочной авиации и полк ПВО)... Что касается целей концентрации немецких войск в Румынии, К. указал, что, по его мнению, немцы войдут в Болгарию и вместе с болгарской армией предпримут наступление на Турцию...

После этого... немцы предпримут наступление на СССР, поскольку, по мнению К., немецкий Генеральный штаб считает Советский Союз таким же врагом, как Англию. Поэтому Германия хочет быстрее выступить с войной против СССР, дабы не дать СССР еще более окрепнуть».

Организованная по германскому образцу, вооруженная германским оружием, новая Румыния, во главе с «Красной собакой» Ионом Антонеску, готовится стать главным партнером Гитлера в его «великом крестовом походе против большевизма и еврейства».

До «внезапного» нападения остается еще 164 дня. 8 января 1941. Москва

Пакт о ненападении уже нарушен!

Говорят, что в июне 1941 г., совершенно неожиданно для Сталина, Германия нарушила существующий между двумя государствами Пакт о ненападении и «внезапно» напала на Советскую Россию.

Но Пакт о ненападении, согласно которому *«ни одна из Договаривающихся Сторон не будет участвовать в какой-нибудь группировке держав, которая прямо или косвенно будет направлена против другой Стороны»*, был нарушен значительно раньше. Нарушен был грубо и даже не один раз!

Одним из первых нарушений пакта стал массированный ввод гитлеровских войск в Румынию.

Тогда, в 1939 г., подписание Пакта о ненападении поразило мир.

В течение многих лет между Германией и Россией существовали враждебные отношения, основанные на глубоких идеологических расхождениях и сопровождавшиеся грязной пропагандистской войной. По выражению Сталина, две страны «ушатами лили помой друг на друга».

Пытаясь противостоять нацистской агрессии, Советский Союз проводил политику так называемой коллективной безопасности и вел интенсивные переговоры с Англией и Францией об организации Антигитлеровской коалиции. И вдруг, неожиданно, 23 августа 1939 г., произошло совершенно невероятное событие — на Тушинском аэродроме приземлился личный самолет фюрера Великой Германии, на котором прибыл в большевистскую столицу собственной персоной гитлеровский министр иностранных дел Иоахим фон Риббентроп.

Приезд Риббентропа был настолько неожиданным, что в Москве даже не нашлось германского флага со свастикой, совершенно «необходимого» для встречи высокого гостя. В конце концов, флаг достали на киностудии — из реквизита антифашистских фильмов.

Дальнейшее было еще более невероятным. В ту же ночь, с 23 на 24 августа 1939 г., после коротких трехчасовых переговоров в Кремле, между гитлеровской Германией и большевистской Россией был подписан Пакт о ненападении.

Молниеносное подписание Пакта действительно выглядит странным, если не учитывать, что этому событию предшествовала многомесячная, тайная и сложная политическая игра. Где-то в марте — апреле 1939 г. два диктатора — Сталин и Гитлер — каждый в силу своих соображений, но почти одновременно — изменили свой политический курс и пошли навстречу друг другу.

В угоду Гитлеру

Первым значимым признаком нового сталинского политического курса можно считать смещение Максима Литвинова. Литвинов, еврей, женатый на англичанке, известный сторонник политики коллективной безопасности, не подходил для задуманного Сталиным альянса с Гитлером. 4 мая 1939 г. Сталин сместил Литвинова и вместо него назначил Молотова, который, придя в наркомат, прежде всего «вычистил» оттуда всех евреев.

Вспоминает Молотов: *«В 1939 г., когда сняли Литвинова и я пришел на иностранные дела, Сталин сказал мне: „Убери из наркомата евреев!“ Слава Богу, что сказал! Дело в том, что евреи составляли там абсолютное большинство в руководстве и среди послов... Сталин, конечно, был настороже в отношении евреев...»*

Смещение Литвинова вызвало небывалый международный резонанс.

Вспоминает Уинстон Черчилль: *«Смещение Литвинова ознаменовало конец целой эпохи. Оно означало отказ Кремля от всякой веры в пакт безопасности с западными державами и возможность создания восточного фронта против Германии... Еврей Литвинов ушел, и было устранено главное предубеждение Гитлера...»*

Новая сталинская политика как нельзя лучше отвечала интересам Германии. Гитлер готовился к нападению на Польшу. И, в связи с этим, союз со Сталиным мог иметь для него первостепенное значение. Союз со Сталиным — это топливо, запасов которого Германии хватит всего на полгода. Союз со Сталиным — это пшеница, запасов которой Германии хватит на считанные месяцы, союз со Сталиным — это цветные металлы, это каучук, который можно перевозить через территорию России из Японии. И, самое главное, союз со Сталиным исключит опасность ведения войны на два фронта!

«Черная Капелла» терпит поражение

Но дни шли за днями, приближалась осень, разработка плана нападения на Польшу, названного операцией «Вайс», подходила к концу, а «дело» так и не сдвинулось с мертвой точки. Германские дипломаты — статс-секретарь барон фон Вайцзеккер, заведующий восточным отделом министерства доктор Карл Шнурре, заведующий отделом печати Браун фон Штумм и, наконец, вызванный специально для этой цели из Москвы, посол фон дер Шуленбург — регулярно встречаются в Берлине с советским поверенным в делах Георгием Астаховым. В многочасовых беседах, и в советском полпредстве, и в министерстве иностранных

дел, и в отдельных кабинетах берлинских ресторанов речь идет о торговле, кредитах, о необходимости улучшения взаимоотношений между Германией и Россией и... ничего более!

Астахов, профессиональный дипломат, отлично владеющий немецким, аккуратно записывает каждую проведенную им беседу и в тот же день отправляет в Москву шифровку с ее кратким содержанием. Все материалы Астахова поступают к Молотову и Берия и немедленно передаются Сталину. Но вот незадача — речи германских дипломатов туманны и их многочасовые беседы с Астаховым не приводят ни к каким результатам!

Это может показаться странным, но ни Вайцзеккер и ни подчиненные ему дипломаты и не стремились к положительным результатам!

Все они, включая посла фон дер Шуленбурга, были участниками «Черной Капеллы» и все они были решительно против союза Гитлера со Сталиным, зная, что этот союз даст возможность Бесноватому фюреру напасть на Польшу. Трудно в это поверить, но высокопоставленные германские дипломаты, так же как и смещенный Сталиным еврей Максим Литвинов, были заинтересованы в успехе создания Антигитлеровской коалиции, надеясь, что эта коалиция сможет предотвратить Мировую войну и спасет Германию от катастрофы.

Пытаясь активизировать ведущиеся уже не первый месяц переговоры между Советским Союзом и западными державами, Эрнст фон Вайцзеккер решается передать Великобритании секретные сведения о намерении Гитлера заключить Союз с Кремлем. Эту опасную миссию

он поручает двум известным германским дипломатам — братьям Кордт.

Советник германского посольства в Лондоне Теодор Кордт в 1938 г., перед вторжением в Чехословакию, уже встречался с лордом Галифаксом и во время этой встречи сумел передать ему секретную информацию. Теперь Вайцеккер отправляет в Лондон, в помощь Теодору, его родного брата Эриха, занимающего пост начальника канцелярии Риббентропа.

Вспоминает Вайцеккер: «...я дал согласие на то, чтобы снова, как в сентябре 1938 г., тайно начали свою акцию братья Кордт в Лондоне. Они намекнули нашим английским друзьям, что Гитлер намеревается обойти их в Москве. В качестве ответа они получили такое конфиденциальное заверение, что этого никогда не случится: британское правительство никогда не даст Гитлеру опередить его. Это звучало успокаивающе...»

О тех же событиях свидетельствует и сам Теодор Кордт в письме, отправленном 29 июля 1946 г. бывшему министру иностранных дел Великобритании лорду Галифаксу: *«В течение 1938 и 1939 гг. я находился в тесном, иногда ежедневном контакте с первым дипломатическим советником правительства Его Величества лордом Робертом Ванситартом. Мои брат неоднократно лично приезжал в Лондон, несмотря на угрозу для его безопасности, чтобы лично информировать Ванситарта о возникшей на небе международной политики германской угрозе. Сэр Роберт заверял меня, что эти сообщения он немедленно передает вам [лорду Галифаксу]. Они касались, к примеру, планов Гитлера насчет соглашения с Советским Союзом, переговоров о союзе между Гитлером и*

Муссолини, а также совета германского движения Сопротивления... оказать давление на Муссолини...»

Но, как и во всех предыдущих случаях, «Черная Капелла» потерпела поражение — союз Гитлера со Сталиным был заключен.

Вопрос, который интересует фюрера

Германские дипломаты все еще делают попытки помешать заключению союза Германии и России. А время не ждет. Разработка операции «Вайс» уже закончена. До нападения на Польшу остается меньше месяца. Риббентроп решает взять «дело» в свои руки и встретиться с советским поверенным в делах Георгием Астаховым.

Напыщенный гитлеровский министр Иоахим фон Риббентроп не имел привычки беседовать с иностранными дипломатами «низшего ранга», и встреча его с Астаховым была обставлена, как случайная. Во время одной из обычных бесед Астахова с фон Вайцзеккером в министерстве на Вильгельмштрассе, статс-секретарь неожиданно сказал, что сейчас «совершенно случайно» герр Риббентроп находится в своем служебном кабинете и будет рад познакомиться с советским поверенным в делах. Кабинет Вайцзеккера примыкал к кабинету Риббентропа, и, через общую приемную, Астахова провели к рейхсминистру. Подробную запись беседы с министром Астахов немедленно переслал в Москву.

ИЗ ДОКЛАДА ГЕОРГИЯ АСТАХОВА

2 августа 1939. Р. начал с выражения своего удовлетворения по поводу благоприятных перспектив советско-германской торговли... Я также хотел бы

подтвердить, — сказал он, — что в нашем представлении благополучное завершение торговых переговоров может послужить началом политического сближения.

Риббентроп говорил больше часа и только в самом конце своего монолога перешел к вопросу, который, как выяснилось, больше всего интересовал Гитлера. Этим вопросом, к удивлению советского дипломата, была национальная политика Сталина:

«...ему [Риббентропу] и фюреру кажется, что в СССР за последние годы усиливается национальное начало за счет интернационального, и если это так, то это естественно благоприятствует сближению СССР и Германии. Резко национальный принцип, положенный в основу политики фюрера, перестает в этом случае быть диаметрально противоположным политике СССР».

Заговорив о национальной политике, Риббентроп внезапно изменил интонацию и обратился к Астахову с неофициальным и даже несколько интимным вопросом:

«Скажите, г-н поверенный в делах... не кажется ли вам, что национальный принцип в вашей стране начинает преобладать над интернациональным? Это вопрос, который наиболее интересует фюрера...»

Итак, даже в эти тревожные для Гитлера дни, перед нападением на Польшу, когда союз со Сталиным нужен ему, как воздух, все-таки самым важным для Бесноватого остается национальный вопрос. Рейхсминистр не случайно завел с Астаховым разговор о «новом национальном принципе» в политике Кремля. В воспоминаниях, написанных Риббентропом во время Нюрнбергского процесса в последние недели его жизни, гитлеровский министр, пытаясь обелить себя, касается «еврейского вопроса» и невольно проливает свет на суть

своего давнего разговора с Астаховым: *«От самого Гитлера министерство иностранных дел получало по еврейскому вопросу указаний мало. Они ограничивались в общем и целом дипломатическими представлениями, долженствующими побудить правительства дружественных стран уделять еврейскому вопросу больше внимания и убирать всех евреев с влиятельных постов».*

Сталин уже «уделяет еврейскому вопросу внимание». И, может быть, потому, что этот «вопрос» важен не только для Гитлера, но и для него, Сталина, он будет продолжать «уделять еврейскому вопросу» особое внимание долгие годы, как во время войны, так и после нее, даже тогда, когда тело ненавистного фюрера превратится в пепел.

Дорога в новое будущее открыта!

Прошло еще 10 дней. 12 августа 1939 г. для ведения трехсторонних переговоров по созданию Антигитлеровской коалиции в Москву прибыли военные миссии Великобритании и Франции. Но Сталина эти переговоры уже не интересовали. И в тот самый день, когда высокопоставленные главы военных миссий — британский адмирал Дрэкс и французский генерал Думенк — были приняты Молотовым, история творилась совсем в другом месте. В этот день Астахов вновь встретился с Карлом Шнурре и передал ему новое предложение Молотова — расширить круг обсуждаемых проблем, включив в повестку дня вопросы прессы, культурного сотрудничества, проблемы германо-советских взаимоотношений и... польский вопрос. Ответ на предложение Молотова был получен 15

августа 1939 г. — в Москву, на имя фон дер Шуленбурга, пришла срочная телеграмма.

ТЕЛЕГРАММА № 175 Очень срочно. Лично послу.

*Отправлена из Берлина 14 августа 1939 — 22 ч 53 мин
Получена в Москве 15 августа 1939 — 4ч 40мин Я прошу Вас связаться с господином Молотовым и передать ему следующее:*

Идеологические расхождения между национал-социалистской Германией и Советским Союзом были единственной причиной, по которой в предшествующие годы Германия и СССР разделились на два враждебных, противостоящих друг другу лагеря. События последнего периода, кажется, показали, что разница в мировоззрениях не препятствует деловым отношениям двух государств и установлению нового и дружественного сотрудничества. Период противостояния во внешней политике может закончиться раз и навсегда; дорога в новое будущее открыта обеим странам...

Имперский министр иностранных дел фон Риббентроп готов прибыть в Москву с краткосрочным визитом, чтобы от имени фюрера изложить взгляды фюрера господину Сталину.

В тот же день, 15 августа 1939 г., Шуленбург встречается с Молотовым. Теперь Молотова интересует вопрос, как германское правительство относится к идее заключения Пакта о ненападении. Шуленбург сообщает об этом в Берлин. И на следующий день, 16 августа 1939 г., получает ответ Риббентропа: «Германия готова заключить с Советским Союзом Пакт о ненападении».

Теперь события начинают разворачиваться необычайно быстро.

Из Берлина в Москву и обратно ежечасно идут телеграммы, депеши, меморандумы. На всех гриф: *«Вне очереди! Срочно! Спешно! Совершенно секретно! Лично господину послу!»*.

И, наконец, 19 августа 1939 г. круг завершен. В ночь с 19 на 20 августа 1939 г., по прямому указанию Кремля в Берлине, неожиданно подписано Торгово-Кредитное соглашение, ставшее, фактически, первым шагом к невероятному союзу между нацистами и коммунистами. Статс-секретарь фон Вайцзеккер, вынужденный объяснить союзникам по Антикоминтерновскому пакту необходимость подписания Пакта о ненападении, в беседе с японским послом Осимой коснулся вопроса «молниеносности» переговоров с Кремлем: *«Переговоры о Пакте о ненападении, однако, являются совершенно новыми. Возможность для них представилась только два-три дня назад»*.

Разговор с Осимой происходил в Берлине 21 августа 1939 г., в полночь. Следовательно, возможность подписания Пакта о ненападении представилась как раз в ночь подписания Торгово-Кредитного соглашения. Именно так, именно это, на первый взгляд, невинное соглашение, переговоры о котором велись в течение многих месяцев 1938 и 1939 гг., прерывались, возобновлялись и завершились так неожиданно, позволило уже через два дня подписать Пакт о ненападении. В этот же день из Берлина в Москву был отозван советский поверенный в делах Георгий Астахов. Его миссия была закончена, а значит, и судьба решена. В начале 1941 г. Астахова арестуют, будут жестоко пытаться, обвинять в участии в антисоветском заговоре и сошлют на 15 лет в лагеря. Там он и погибнет.

Две телеграммы

О подписании Торгово-кредитного соглашения стало известно 20 августа 1939 г., на рассвете. Гитлер проснулся в это утро поздно. И даже не позавтракав, он поспешил отправить телеграмму Сталину:

ТЕЛЕГРАММА № 189

Отправлена из Берлина 20 августа 1939 —16 ч 35 мин

Получена в Москве 21 августа 1939 —00 ч 45 мин

Срочно! Лично господину послу

Фюрер уполномочивает Вас немедленно явиться к Молотову и вручить ему следующую телеграмму фюрера для господина Сталина:

«Господину Сталину, Москва.

Я искренне приветствую подписание нового германо-советского Торгового соглашения как первую ступень перестройки германо-советских отношений... Я принимаю проект пакта о ненападении, который передал мне Ваш министр иностранных дел господин Молотов...

Я убежден, что Дополнительный протокол, желаемый советским правительством, может быть выработан в возможно короткое время, если ответственный государственный деятель Германии сможет лично прибыть в Москву для переговоров...

Поведение Польши таково, что кризис может разразиться в любой день... По моему мнению, желательно, ввиду намерений обеих стран, не теряя времени, вступить в новую фазу отношений друг с другом.

Поэтому я еще раз предлагаю принять моего министра иностранных дел во вторник, 22 августа, самое позднее в среду, 23 августа... Я буду рад получить Ваш скорый ответ.

Адольф Гитлер»

Телеграмма № 189 была получена в Москве 21 августа 1939 г. после полуночи. Шуленбург вручил ее Молотову в тот же день — в 15.00 и через 4 часа получил ответную телеграмму Сталина.

ТЕЛЕГРАММА № 200

Москва, 21 августа 1939 —19 ч 30 мин

Вне очереди, Берлин. Срочно. Секретно.

Дословный текст ответа Сталина

«21 августа 1939

Канцлеру Германского государства господину А. Гитлеру

Я благодарю Вас за письмо. Я надеюсь, что германо-советский Пакт о ненападении станет решающим поворотным пунктом в улучшении политических отношений между нашими странами... Советское правительство уполномочило меня информировать Вас, что оно согласно на прибытие в Москву господина Риббентропа 23 августа.

И. Сталин»

«Пакт подписан»

23 августа 1939 г., во второй половине дня, гитлеровский министр Иоахим фон Риббентроп прибыл в Москву. Над аэропортом, рядом с алым флагом Советского Союза, развевался тоже алый, но со

свастикой, флаг Третьего рейха, тот самый флаг, который был взят из реквизита антифашистского фильма. Недолгий отдых в уютном белом особняке, принадлежавшем ранее свободной Австрии, и где-то около пяти часов дня «широкоплечий русский полковник» Николай Власик уже повез Риббентропа в Кремль. Переговоры, которые вел Сталин, при участии Молотова, продолжались всего... три часа! Ю достигнутых результатах Риббентроп сообщил в Берлин:

ТЕЛЕГРАММАМ 204

Москва, 23 августа 1939— 20 ч 05 мин.

Вне очереди. Берлин. Срочно/

Пожалуйста, немедленно сообщите фюреру, что первая трехчасовая встреча со Сталиным и Молотовым только что закончилась. Во время обсуждения, которое проходило положительно в нашем духе, сверх того обнаружилось, что последним препятствием к окончательному решению является требование русских к нам признать порты Либава [Лиепая] и Виндава [Вентспилс] входящими в сферу их влияния.

Я буду признателен за подтверждение до 20 часов по германскому времени согласия фюрера... Риббентроп

В течение трех часов «все препятствия» для подписания Пакта о ненападении сняты! Осталось последнее — два порта на Балтийском море, принадлежащие, впрочем, не Советскому Союзу и не Германии, а независимому (пока!) государству — Латвии.

Но Гитлер спешит и такие «мелочи», как два латвийских порта, сегодня для него не существенны.

Через два часа, в 23.00, и это, последнее, «препятствие» устранено.

ТЕЛЕФОНОГРАММА № 205

Берлин, 23 августа 1939

Получена в Москве 23 августа 1939 — 23 ч 00 мин

На Вашу телеграмму № 204

Ответ: Да, согласен. Кордт

Удивительно, но даже содержание этой сверхсекретной телефонограммы Гитлера стало, скорее всего, в тот же день известно в Лондоне, потому что подписал телефонограмму от имени Гитлера не кто иной, как участник «Черной Капеллы» — Эрих Кордт!

Но никто и ничто уже не могло помешать двум диктаторам заключить их невероятный союз.

Вспоминает Эрих Кордт: «*К нашему ужасу, в противоположность сообщению Ванситарта, договоренность между Гитлером и Стопином возникла*».

Протокол, которого не было...

Над Москвой уже занималась заря, когда в служебном кабинете Молотова, где проходили переговоры о заключении Пакта, был сервирован ужин. За небольшим столом ужинали, а скорее завтракали, четыре человека — Сталин, Риббентроп, Молотов и Шуленбург.

И Сталин, как тамада на этом странном раннем застолье, встает и, по своему обычаю, произносит тост. Он говорит об Адольфе Гитлере, как о человеке, которого всегда чрезвычайно уважал. Сталин: «**Я**знаю,

как сильно германская нация любит своего фюрера, и поэтому мне хочется выпить за его здоровье!»

Не обошлось и без фарса. Когда вождь, намеренно «перегнув», провозгласил, что он с готовностью верит в то, что все немцы желают мира, Риббентроп прервал его и сказал: *«...Германский народ, безусловно, хочет мира, но с другой стороны... все, до единого, готовы воевать!»*

Наступило утро 24 августа 1939 г.

В газетных киосках столицы появилась газета «Правда», на первой странице которой огромная фотография... Нет, не та, на которой Сталин поднимает бокал за здоровье Гитлера, а другая, официальная — министр иностранных дел гитлеровской Германии Иоахим фон Риббентроп подписывает Пакт о ненападении. Рядом с фотографией хвалебная статья, воспевающая особые советско-германские взаимоотношения и расписывающая те огромные преимущества, которые даст России заключенный Пакт.

И только об одном умалчивает «Правда» — о подписанном вчера в Кремле одновременно с пактом Секретном дополнительном протоколе, цель которого — разграничить сферы влияния Германии и России в Восточной Европе.

Этот Секретный протокол ожидала удивительная судьба. В отличие от многих международных соглашений, все пункты его будут выполнены!

Большинство территорий, вошедших в «сферу влияния» Советской России по Протоколу, в действительности отошло к СССР и оставалось за ним не только до начала войны с Германией, но и после ее окончания. Но, в то же время, факт подписания этого

Секретного протокола многие годы тщательно скрывался и Германией, и Россией. И даже спустя более полувека после окончания той войны, девяностолетний Вячеслав Молотов, на вопрос, что это за секретный протокол был подписан с Риббентропом в 1939 г., не моргнув глазом, отвечал: **«Не помню!»**

Но, как известно, каждая тайна, в конце концов, становится явной. В 1992 г. подлинник «Протокола, которого не было» был в конце концов обнаружен в архиве Центрального Комитета партии.

Пакт «нападения»

Меньше суток провел Иоахим фон Риббентроп в Москве, но эти сутки были, наверное, самыми счастливыми в его жизни. Свидетельствует Риббентроп: *«За немногие часы моего пребывания в Москве было достигнуто такое соглашение, о котором я при своем отъезде из Берлина и помыслить не мог...»*

Гитлер ожидал возвращения Риббентропа в Берлине, куда, в виду грядущих великих событий, он прибыл из «Бергхофа». И Риббентроп мог сполна насладиться своей победой — о неожиданном союзе гитлеровской Германии с большевистской Россией уже кричали все газеты мира. Пакт о ненападении стал реальностью и вошел в историю.

Но, как показала история, этот так называемый Пакт о ненападении был, по сути дела, договором о совместной агрессии, был — **«Пактом нападения»**. Подписав этот пакт, Сталин дал возможность Гитлеру развязать Мировую войну и воплотить в реальность свою давнюю маниакальную

идею, изложенную в «Майн Кампф» — идею Похода на Восток и уничтожения «Большевизма» и «Еврейства».

И не случайно, что 1 сентября 1939 г., в день начала Похода на Восток, Гитлер находит нужным подтвердить специально изданным указом «Декрет об эвтаназии», узаконивший физическое уничтожение «неизлечимо больных и умалишенных».

Скоро начнется уничтожение и «неполноценных рас». Начнется невиданное в мировой истории Безумие, такое жестокое и кровавое, что не было ему даже названия.

Договор — это только клочок бумаги!

Союз, заключенный между Германией и Россией действительно поразил мир. Свидетельствует Уинстон Черчилль: *«...только тоталитарный деспотизм в обеих странах мог решиться на такой одиозный противоестественный акт. Невозможно сказать, кому он внушал большее отвращение — Гитлеру или Сталину. Оба сознавали, что это могло быть только временной мерой, продиктованной обстоятельствами. Антагонизм между двумя империями и системами был смертельным. Сталин, без сомнения, думал, что Гитлер будет менее опасным врагом для России после года войны против Западных держав. Гитлер следовал своему методу — поодиночке».*

Не вызывает сомнений, что, подписывая Пакт о ненападении, ни Гитлер, ни Сталин не собирались выполнять его и, более того, вряд ли каждый из них ожидал выполнения обязательств по Пакту от своего временного партнера.

Отношение Гитлера к договорам с иностранными державами уже в то время, в 1939 г., было всем хорошо известно. Вот что пишет по этому поводу французский посол в Берлине Робер Кулондр 16 марта 1939 г.:

«Спустя шесть месяцев после заключения Мюнхенского соглашения и всего четыре месяца после Венского третейского решения, Германия, обращаясь со своей собственной подписью и подписями своих партнеров как с чем-то несущественным, спровоцировала раздел Чехословакии, силой заняла Богемию и Моравию и присоединила эти две провинции к рейху... Таким образом, Германия еще раз продемонстрировала свое пренебрежение к любому письменному обязательству, отдав предпочтение методу грубой силы и свершившегося факта.

Разорвав одним махом Мюнхенские соглашения и Венское третейское решение, она вновь доказала, что ее политика знает лишь основополагающий принцип: выждать благоприятный случай и хватать все, что под рукой... Германия продолжает оставаться страной, где любой документ — клочок бумаги».

Мог ли Сталин, обладавший, как известно, природным умом, огромной интуицией и политическим опытом, верить в то, что Гитлер, систематически нарушавший все заключенные им договоры, не нарушит и этот договор? Феликс Чуев задал этот вопрос человеку, который, наверное, мог на него ответить лучше других — сталинскому наркому иностранных дел, сталинской «Тени» — Вячеславу Молотову.

Спрашивает Чуев: *«Сейчас пишут, что Сталин поверил Гитлеру... что пактом 1939 г. Гитлер обманул Сталина, усыпил его бдительность...»*

Отвечает Молотов: *«Наивный такой Сталин... Нет. Сталин очень хорошо и правильно понимал это дело. Сталин поверил Гитлеру? Он своим-то далеко не всем доверял!.. Гитлер обманул Сталина? Но в результате этого обмана он вынужден был отравиться, а Сталин стал во главе половины земного шара!»*

Сегодня, 8 января 1941 г., германский посол фон дер Шуленбург направил в Берлин телеграмму, касающуюся *«повышенного интереса советского правительства»* к ряду нарушений Пакта о ненападении и в частности недовольства перебросками германских войск в Румынию.

«Берлин. Совершенно секретно. 8 января 1941 — 16.00 Здесь уже циркулируют многочисленные слухи относительно ввода германских войск в Румынию, их количество определяется примерно в 200 000 человек... Советское правительство проявляет повышенный интерес к этим переброскам войск и желает знать, какие цели эта концентрация войск преследует, в частности, как это может повлиять на Болгарию и Турцию (проливы)...

Шуленбург».

В этот же день в Москву пришел ответ от Риббентропа: *«Москва. Совершенно секретно. 8 января 1941 — 23.45 Прошу Вас не обсуждать пока с советским правительством вопрос об увеличении переброски германских войск в Румынию. Если по этому вопросу к Вам обратится господин Молотов или какой-нибудь другой влиятельный член советского правительства, пожалуйста, заявите, что, в соответствии с имеющейся у Вас информацией, посылка германских войск является*

исключительно по вопросам предупредительных военных мероприятий против Англии.

Риббентроп».

Риббентроп пытается с помощью дезинформации прикрыть массированную переброску германских войск к советским границам, являющуюся прямым нарушением Пакта о ненападении. Вряд ли такая, прямо скажем, неуклюжая дезинформация может быть убедительной для недоверчивого Сталина.

Нарушив Мюнхенское соглашение, Гитлер продолжает систематически грубо нарушать, разрывать и аннулировать все заключенные им международные договоры. И сегодня, за 164 дня до начала операции «Барбаросса», нет и не может быть никаких сомнений, что, если Бесноватый фюрер вздумает напасть на своего «друга» и союзника, на своего исконного врага — большевистскую Россию, никакой Пакт о ненападении не будет для него преградой.

До «внезапного» нападения остается еще 162 дня. 10 января 1941. Москва

***Стратегическое сырье в обмен на
стратегическую территорию***

Несмотря на то, что дивизии германской армии уже сосредотачиваются на советской границе, и истинные намерения Гитлера уже ни для кого не секрет, сегодня Советская Россия заключила еще одно, новое, Экономическое соглашение с Германией. По этому Соглашению СССР обязался поставить Германии в

огромных, небывалых до этого времени количествах... стратегическое сырье.

СССР обязался поставить Германии миллионы тонн зерна, миллионы кубометров леса, сотни тысяч тонн хлопка, миллионы тонн нефти и проката, сотни тысяч тонн меди, десятки тысяч тонн марганца и хрома... СССР обязался перевезти через свою территорию, транзитом из Японии, десятки тысяч тонн сырого каучука.

Утверждая это новое соглашение, Сталин «расщедрился» и увеличил размеры поставок наиболее важного в стратегическом отношении сырья — меди, никеля, олова, вольфрама, молибдена...

Сталин снабжал Гитлера стратегическим сырьем уже полтора года, и недаром Троцкий назвал его «интендантом Гитлера».

Начиная с той самой ночи, 19 августа 1939 г., когда в Берлине было подписано Торгово-Кредитное соглашение и образовался этот противоестественный альянс Германии с Россией, переполненные ценным сырьем составы день и ночь шли на Запад. Тогда, в 1939 г., огромные размеры этих поставок объяснялись *«необходимостью разрядки политической атмосферы», «установлением добрососедских отношений между странами»* и, наконец, *«германо-советской дружбой»*.

Но сегодня, когда гитлеровская военная машина уже разворачивается для нанесения удара по Советской России, трудно было дать логическое объяснение снабжению агрессора стратегическим сырьем! И только совсем недавно, стали известны условия, на которых было подписано это новое Экономическое соглашение.

В тот самый день, когда нарком внешней торговли Анастас Микоян и глава германской экономической миссии доктор Карл Шнурре подписали Экономическое соглашение, в Кремле был подписан еще один документ, еще один Секретный протокол. Этот новый протокол являлся частью нового Экономического соглашения и позволял понять, что Гитлер получил от Сталина стратегическое сырье в обмен на стратегическую территорию.

Территориальные претензии Сталина общеизвестны. Вопрос территорий, тем или иным образом входящих в «сферу влияния» Москвы, всегда интересовал вождя, но в разные годы по-разному. И если в 1939 г. Гитлер оказался для Сталина удачным партнером, позволившим ему вернуть России земли, потерянные в период Гражданской, то в 1941 г. желание «присоединения» новых земель уже обуславливалось необходимостью быть готовым к новой войне — войне с Германией.

Уинстон Черчилль оправдывает предвоенную захватническую политику Сталина:

«В пользу Советов нужно сказать, что Советскому Союзу было жизненно необходимо отодвинуть как можно дальше на Запад исходные позиции германских армий, с тем, чтобы русские получили время и могли собрать силы со всех концов своей колоссальной империи.

*В умах русских каленым железом запечатлелись катастрофы, которые потерпели их армии в 1914 г., когда они бросились в наступление на немцев, еще не закончив мобилизации. **А теперь их границы были значительно восточнее, чем во время Первой мировой войны. Им нужно было силой или обманом оккупировать прибалтийские государства***

и большую часть Польши, прежде чем на них нападут.

Если их политика и была холодно-расчетливой, то она была в тот момент в высокой степени реалистичной».

Начиная с августа 1939 г., Советская Россия подписала с гитлеровской Германией три секретных протокола — все три касались территориальных вопросов.

Первый Секретный протокол был подписан в Москве в ночь с 23 на 24 августа 1939 г., одновременно с Пактом о ненападении.

Несмотря на то, что в эту ночь агрессия против Польши еще только замышлялась и раздел «добычи» происходил только на картах, Сталин торговался жестко — за каждую полосу земли, за каждый город.

У Гитлера же не было времени для торга — до нападения на Польшу оставались считанные дни — и поэтому, после запроса Риббентропа, в Москву немедленно поступил ответ фюрера за подписью Эриха Кордта.

Иоахим фон Риббентроп получил разрешение подписать Секретный дополнительный протокол.

ИЗ СЕКРЕТНОГО ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОТОКОЛА

23 августа 1939

В случае территориальных и политических преобразований в областях, принадлежащих прибалтийским государствам (Финляндии, Эстонии, Латвии, Литве), северная граница Литвы будет являться чертой, разделяющей сферы влияния Германии и СССР.

..»

В случае территориальных и политических преобразований в областях, принадлежащих Польскому государству, сферы влияния Германии и СССР будут разграничены приблизительно по линии рек Нарев, Висла и Сан... Касательно Юго-Восточной Европы Советская сторона указала на свою заинтересованность в Бессарабии.

Данный Протокол рассматривается обеими Сторонами как строго секретный.

Москва, 23 августа 1939 г.

За Правительство Германии И. Риббентроп

Полномочный представитель Правительства СССР В. Молотов

Как видно из первого Территориального секретного протокола, Сталин, давая Гитлеру возможность развязать агрессию, взамен этого, «выторговал» для себя обширные «сферы влияния», включавшие часть польских земель, территории Украины и Белоруссии, отторгнутые Польшей в 1920 г. от России, и кроме того Латвию, Эстонию, Финляндию и Бессарабию.

Из прибалтийских государств одна лишь Литва «отходила» к Германии. Сталин не мог смириться с «потерей» Литвы — контроль над Литвой позволял закрыть Балтийский коридор, ведущий к Ленинграду.

И вот, во время второго визита фон Риббентропа в Москву Сталин подпишет с ним второй Территориальный секретный протокол и получит Литву!

Среди старых партайгеноссе

27 сентября 1939 г., в 6 часов вечера, когда в залитой кровью Польше еще шли последние бои, на

Тушинском аэродроме снова приземлился германский самолет, и Иоахим фон Риббентроп снова прибыл в Москву. На этот раз его визит уже никого не удивил.

На этот раз аэропорт пестрел красными знаменами с фашистскими свастиками, было много встречающих, и в честь высокого гостя был выстроен даже почетный караул. И Риббентроп чувствовал себя в Москве *«СЛОВНО среди старых партайгеноссе»*, лишь сокрушался, что и на этот раз *«визит его будет слишком кратким»*.

Переговоры со Сталиным начались в Кремле в 10 часов вечера и продолжались до часу ночи. Сталин предложил Риббентропу на выбор два варианта окончательного раздела «добычи»:

Первый вариант: Временная демаркационная линия между Германией и Россией остается в силе и проходит по рекам — Нарев, Висла и Сан, и в этом случае Литва остается «в сфере влияния» Германии.

Второй вариант: Германия «уступает» России Литву и в этом случае, «в обмен» на Литву, получает территорию Центральной Польши, включающую Люблинское воеводство и земли к востоку от Варшавы.

Сталин настаивал на втором варианте — он хотел получить Литву!

Риббентроп, не имея полномочий на заключение такой хитроумной сделки, снова вынужден был запросить Берлин. До получения ответа от Гитлера переговоры были приостановлены, и высокий гость получил возможность приятно провести время в Москве.

Сколько евреев в сталинском Политбюро?

Зная о неумном тщеславии имперского министра и играя на нем, Сталин устроил в честь Риббентропа банкет, превзошедший по пышности даже бывшие банкеты русских царей. После банкета Риббентроп, изрядно захмелев от «коричневой русской водки», отправился в Большой театр, где специально для него был представлен балет Чайковского «Лебединое озеро» с привезенной из Ленинграда примой-балериной Ольгой Лепешинской. Риббентроп был очарован балериной, он послал Лепешинской цветы и даже хотел было с ней «встретиться»!

Сталин добился своего — дни, проведенные Риббентропом в Москве, оставили глубокий след в его памяти. Правда в своих воспоминаниях, которые бывший гитлеровский министр напишет в ожидании казни в Нюрнбергской тюрьме, особое внимание он уделит не балету Чайковского и не Лепешинской, а единственному еврею, входившему тогда в сталинское Политбюро, — Лазарю Кагановичу. Риббентроп познакомился с Кагановичем на банкете:

«В течение всего вечера я не раз дружески беседовал с членами Политбюро, которые подходили, чтобы чокнуться со мной. Особенно запомнился мне маршал Ворошилов и министр транспорта Каганович. О нем и о его еврейском клане у нас часто говорили в Германии. Его причисляли к крупнейшим закулисным лицам интернационального еврейства.

Мой разговор с г-ном Кагановичем был очень коротким, но все мои наблюдения, как в этот вечер, так и вообще во время обоих моих посещений Москвы, подтвердили мое убеждение: ни о какой акции, руководимой интернациональным еврейством и

согласованной между Москвой, Парижем, Лондоном и Нью-Йорком, всерьез говорить не приходилось.

В московском Политбюро, этом абсолютно всеильном органе для всей России, кроме Кагановича, не было ни одного еврея. И среди высших советских функционеров я обнаружил их очень мало... После возвращения из Москвы я часто говорил с Адольфом Гитлером именно поэтому вопросу».

Второй Территориальный секретный...

В полночь Риббентроп вернулся из Большого театра в Кремль и, переговорив с Гитлером по телефону, «уступил» Сталину Литву.

На рассвете между Германией и Россией был подписан еще один договор — Договор о дружбе и границах. И параллельно с ним был также подписаны Конфиденциальный протокол, обрекавший евреев Польши на верное уничтожение, и Секретный дополнительный протокол, закреплявший за Сталиным Литву.

ИЗ СЕКРЕТНОГО ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОТОКОЛА

...территория Литовского государства отошла в сферу влияния СССР, в то время как, с другой стороны, Люблинское воеводство и часть Варшавского воеводства отошли в сферу влияния Германии...

Москва, 28 сентября 1939 г.

За Правительство Германии И. Риббентроп

По уполномочию Правительства СССР В. Молотов

Вождь был доволен сделкой и улыбался от удовольствия. Взяв синий карандаш, он собственноручно провел на географической карте жирную линию новой

границы. Гитлер, согласившись на предложенный Сталиным «обмен территориями», в то же время был возмущен «непомерными аппетитами шантажиста Сталина».

«Уступив», скрипя сердце, Литву, фюрер все же сумел оставить за собой небольшую, но стратегически важную для Германии территорию, так называемый Треугольник Сувалки.

Треугольник Сувалки, населенный, в большинстве своем, немцами и являвшийся частью Восточной Пруссии, по Версальскому договору был передан Литве. Весной 1939 г. Гитлер, с помощью своих обычных угроз, сумел вернуть Германии эту территорию и был этим чрезвычайно горд. На борту линкора «Германия» он как триумфатор вступил в бывший литовский порт Клайпеду и торжественно прошествовал по городу, который с этого дня уже назывался по-старому — Мемель.

Туманная формулировка Секретного дополнительного протокола должна была закрепить эту территорию и дорогой сердцу Гитлера Мемель за Германией. Но Сталин не забудет Треугольник Сувалки. Придет день и он присоединит его к России.

Третий Территориальный секретный...

Сегодня, 10 января 1941 г., в тот самый день, когда Анастас Микоян подписал новое Экономическое соглашение, обязывающее Россию снабжать Германию стратегическим сырьем, Вячеслав Молотов подписал в Кремле еще один секретный протокол — Третий Территориальный секретный, по которому Треугольник Сувалки отходил к СССР.

Переговоры о «кусочке земли», как называли между собой Треугольник Сувалки Молотов и Шуленбург, были нелегкими. В последние дни перед подписанием протокола дипломаты встречались буквально каждый день — 6, 7, 8 и 9 января 1941 г. Но результат был предрешен — Гитлеру настолько важно было получить стратегическое сырье, что он был согласен в обмен на него «уступить» Сталину (пока!) даже Мемель.

Основная проблема заключалась в сроках. Шуленбург, исходя из предполагаемых сроков осуществления операции «Барбаросса», требовал, чтобы поставки сырья были начаты немедленно и завершились в 3-месячный срок — до мая 1941 г. Молотов же, зная наверняка, что нападение Германии на Россию совершится поздней весной или летом, оттягивал сроки, обещая выполнить обязательства по поставкам в течение 2-х лет.

В конце концов, стороны пошли навстречу друг другу — Молотов «согласился», вместо двух, на полтора года.

ИЗ СЕКРЕТНОГО ПРОТОКОЛА

Москва, 10 января 1941 г.

Правительство Германии отказывается от своих притязаний на часть территории Литвы, указанную в секретном Дополнительном протоколе от 28 сентября 1939 г. и обозначенную на приложенной к этому протоколу карте; Правительство Союза ССР соглашается компенсировать Правительству Германии за территорию, указанную в пункте 1 настоящего Протокола, уплатой Германии суммы 7 500 000 золотых долларов, равной 31 миллиону 500 тысячам германских марок...

Как видно из протокола, Сталин просто «купил» у Гитлера Треугольник Сувалки, дав обязательство поставить Германии стратегическое сырье на сумму 31,5 миллиона марок.

Операция расширения территории Советского Союза, начатая Сталиным 23 августа 1939 г., закончена. В преддверии будущей войны границы страны отодвинуты на сотни километров от Москвы.

До «внезапного» нападения остается еще 159 дней. 13 января 1941. Москва

Репетиция «внезапного» нападения

Совещание высшего командного состава Красной армии, проходившее в декабре 1940 г. в Москве, завершилось Большой военной игрой на крупномасштабных картах. Эта Военная игра, проведенная в Генеральном штабе за пять месяцев до начала операции «Барбаросса», во многом предсказала события, которые произойдут после «внезапного» нападения Германии на Россию в июне 1941 г.

Вспоминает один из главных участников игры маршал Жуков: *«Игра изобиловала драматическими моментами для Восточной стороны. Они оказались во многом схожими с теми, которые возникли после 22 июня 1941 г., когда на Советский Союз напала фашистская Германия».*

Все начиналось с «Задания на игру», или так называемых Начальных условий игры. По «Заданию», в соответствии с принятой в советских вооруженных силах

Концепцией ответного удара, нападающей стороной должна была быть некая условная «Вражеская армия». Эта армия называлась «Синими», но, кажется, ни у кого в эти дни не было сомнения, что под «Синими» подразумевается армия Германии.

Итак, по «Заданию», Германия, с которой не так давно были подписаны и Пакт о ненападении, и Договор о дружбе, осуществляет нападение на своего союзника — Россию. Используя элемент внезапности и существенный перевес в численности войск, «Синие» прорывают оборону «Красных» и вторгаются на советскую территорию.

Предполагается, что «Красные» не смогут сдержать «Синих» и организовать своевременный Ответный удар. Предполагается, что «Синие» сумеют развить успех и будут продолжать наступление в течение 15 дней. Предполагается, что за это время армия «Синих» сможет вклиниться вглубь страны на расстояние в 100—150 километров.

С этого условно созданного «катастрофического положения» и начинается собственно Военная игра.

В соответствии с «Заданием», после двухнедельного отступления, «Красные» должны организовать оборону, отбросить «Синих» на исходные рубежи и перейти в наступление. Не следует забывать о том, что по советской Военной концепции «Красная армия — армия наступательная» и она должна бить противника «малой кровью на его территории».

Руководителем игры был назначен нарком обороны Семен Тимошенко, а главными действующими лицами — лучшие сталинские генералы — Герои Советского Союза Георгий Жуков и Дмитрий Павлов. Особенно важная роль

досталась генералу Жукову — он играл за «Синих» и был нападающей стороной. Генерал Павлов играл за «Красных».

Для удобства проведения Игры, Театр будущей войны был разбит на два Театра военных действий — «Северный» и «Южный». Задачи «Синих» и «Красных» различались для каждого театра, в соответствии с конфигурацией границ, местностью, обстановкой и имеющимися разведданными о намерениях Германии. На Севере «Синие» наносили удар из Восточной Пруссии в направлении на Москву силами, состоящими из 140—150 дивизий и превосходящими силы «Красных». На Юге «Синие» осуществляли удар в направлении на Украину, их силы были значительно меньшими и соответствовали, примерно, силам «Красных».

На Северном театре первый удар, нанесенный «Синими», оказался настолько мощным, что «Красные» не сумели организовать оборону и, тем более, не сумели осуществить контрудар. Войска «Красных» продолжали отступать до самого конца игры.

О том, что происходило на Южном театре, информации мало. «Красные», видимо, здесь сумели выполнить поставленную перед ними задачу, но, скорее всего, тоже не в полном объеме. Маршал Жуков в своих воспоминаниях и интервью часто останавливался на операциях Северного театра, обходя почти полным молчанием Южный:

«Я еще командовал Киевским военным округом, когда в декабре 1940 г. мы проводили Большую военную игру. В этой игре я командовал „Синими“, играл за немцев. Л Павлов, командовавший Западным военным округом, играл за нас, командовал „Красными“...

Взяв реальные исходные данные и силы противника — немцев, я, командуя «Синими», развил операции именно на тех направлениях, на которых потом развивали их немцы. Наносил свои главные удары там, где они их потом наносили. Группировки сложились примерно так, как потом они сложились во время войны. Конфигурация наших границ, местность, обстановка — все подсказывало мне именно такие решения, которые они потом подсказали и немцам. Игра длилась около восьми суток... на восьмые сутки «Синие» продвинулись до района Барановичей...» Результаты Военной игры, видимо, были очень важны для Сталина. На разбор игры, состоявшийся сегодня в Кремле, были приглашены все члены Политбюро, руководство наркомата обороны, офицеры Генштаба, командующие войсками приграничных Военных округов.

Разбор проходил напряженно. Сталин задавал много вопросов, требовал подробных разъяснений, делал резкие замечания, даже, против обыкновения, кричал. Пытался понять причины, по которым «Красные» на Севере не сумели перейти в контрнаступление и дали возможность «Синим» прорваться в глубь страны на 250 километров, до Барановичей.

«В чем кроются причины неудачных действий войск „Красной“ стороны?» — допытывался Сталин у потерпевшего поражение Павлова. Павлов попытался отделаться шуткой: «В играх такое бывает, на то она и есть игра!»

Но Сталин не принял шутки: *«Командующий войсками округа должен владеть военным искусством, уметь в любых условиях находить правильные решения...»*

Настанет время, и Павлов вспомнит и эту игру, и эту свою шутку.

Результаты Большой военной игры, со всей очевидностью, показали Сталину опасность ситуации, при которой инициатива Первого удара будет отдана гитлеровской Германии. Результаты игры показали Сталину глубину возможного вторжения гитлеровцев на Советскую территорию. Результаты Игры должны были показать Тирану, что человеческие жертвы, вызванные этим вторжением, будут огромными.

Большая военная игра стала генеральной репетицией будущих реальных событий — будущего «внезапного» нападения. Только в действительности все оказалось еще более страшным и более трагичным!

В процессе игры танки «Синих» достигли Барановичей на восьмой день войны, а в действительности германская армия ворвется в Барановичи уже 26 июня 1941 г., на четвертый день войны.

На восьмой день войны гитлеровцы, захватив Минск, вторгнутся в глубь страны более чем на 400 километров!

До начала операции «Барбаросса» остается еще 158 дней. 14 января 1941. «Бергхоф»

«Красная собака» в «Бергхофе»

Сегодня в «Бергхоф» на встречу с фюрером прибыл союзник Германии в будущей войне против

большевистской России — кондуктор Румынии генерал Ион Антонеску.

Зимний день. Сказочно красивы заснеженные, сверкающие на солнце Баварские Альпы. Автострада, по которой на большой скорости мчится машина Антонеску, устремляется вверх, в горы, к Берхтесгадену, на высоту 650 метров над уровнем моря.

Антонеску уже встречался с Гитлером осенью прошлого года в Берлине. Но сегодня он приглашен в личную резиденцию фюрера—в «Бергхоф».

В 1937 г. в «Бергхоф» был приглашен бывший король Англии Эдуард и его супруга госпожа Воллис Симпсон. Фотография этой пары тогда обошла все газеты Великобритании и Германии. В 1939 г. в личной резиденции фюрера побывал и тогдашний премьер-министр Великобритании сэр Невилл Чемберлен. Адольф Гитлер очаровал английского аристократа. Чемберлен вспоминал впоследствии, что он *«ощутил растущее между ним и фюрером доверие»* и был убежден, что *«герр Гитлер не будет изощряться, обманывая человека, которого уважает и с которым ведет переговоры»*.

Дорога становится все круче, и головокружительный подъем кажется Антонеску неожиданным чудесным взлетом его собственной жизни, его собственной судьбы. Нелегкой судьбы, наполненной действительными и надуманными обидами и унижениями, действительными и надуманными болезнями и трагедиями. Мог ли он, безвестный полковник, мечтать о таком повороте судьбы, когда тридцать лет назад изливал душу в письме к своей любовнице — жене румынского генерала Презан:

«Драга Ольга!

Хотел написать тебе письмо, но плохо себя чувствовал. То, что я предвидел, случилось. Меня опять обошли все мои коллеги... И можешь себе представить мое состояние. Уже три дня, как я мучаюсь. Что мне делать? Я не могу успокоиться! Они будут генералами раньше меня... И это с моей-то гордостью? Я принял решение и очень болезненное — уйти от военной карьеры, о которой я мечтал всю жизнь...

Ионика».

Безвестный полковник *«не уйдет от военной карьеры»*, вскоре он все же станет генералом, затем главой румынского государства, а затем и кондукатором Румынии. Что ждет его в дальнейшем? Еще один крутой поворот, и кортеж генерала Антонеску останавливается у охраняемых эсэсовцами ворот «Бергхофа».

Вместе — против «Большевизма» и «Еврейства»

Сегодня, когда «Директива № 21» уже подписана и вопрос о нападении на Россию решен окончательно, беседа союзников носит уже явно военный характер. В кабинете фюрера, вокруг стола, на котором раскрыта карта Европы, рядом с диктаторами стоят их соратники — Риббентроп, Кейтель, Йодль и начальник военного кабинета Антонеску полковник Раду Давидеску. Речь идет о готовящейся операции «Барбаросса».

Гитлер симпатизирует Антонеску и говорит с ним откровенно. Он раскрывает перед «Красной собакой» ту особую роль, которую предстоит сыграть Румынии и ее кондукатору в будущем «Крестовом походе» против «Большевизма» и «Еврейства».

Румынская армия будет сражаться плечом к плечу с солдатами вермахта. Генерал Антонеску сможет с честью вернуть своей стране захваченные Советами территории Бессарабии и Буковины. Генерал Антонеску сможет вернуть Румынии ее бывшее величие.

Реорганизация румынской армии и подготовка Румынии к будущей войне идет, фактически, с ноября 1940 г. Об этой грандиозной работе, осуществленной с помощью германской военной миссии, расскажет в 1946 г. на Нюрнбергском процессе бывший военный министр Румынии генерал Кристя Пантази.

ИЗ ПОКАЗАНИЙ КОРПУСНОГО ГЕНЕРАЛА КРИСТЯ ПАНТАЗИ

от 7 января 1946

Подготовка Румынии к войне против Советского Союза началась с ноября 1940 г., когда в Бухарест, согласно подписанному маршалом Антонеску соглашению о присоединении Румынии к Тройственному пакту, прибыли германские военные миссии...

С прибытием в Румынию германских военных миссий, по указанию маршала Антонеску, начальник Генерального штаба румынской армии генерал Иоанициу издал приказ по армии о допуске немецких офицеров-инструкторов в части и соединения для реорганизации и переподготовки румынских войск в соответствии с уставами германской армии...

В конце 1940 г. маршалом Антонеску был создан под его руководством Комитет координации... На совещаниях Комитета обсуждались вопросы подготовки Румынии к войне против Советской России, и, в частности, о строительстве укрепленных районов, вооружении,

мобилизации румын в армию, реорганизации и обучении армии по немецкому образцу, снабжении и обеспечении войск транспортом.

Вдохновленный доверием фюрера, Антонеску, возвратившись в Бухарест, созывает Комитет координации и торжественно объявляет своим генералам о том, что война на пороге и в этой войне Румынии предназначена особая роль. В этой войне румынская армия будет сражаться плечом к плечу с победоносной германской армией. Против иудо-большевиков! За Великую Румынию — Романия Маре!

До начала операции «Барбаросса» остается еще 158 дней. 14 января 1941. Вашингтон

План «Барбаросса» известен в Вашингтоне

Теперь, когда притча Рузвельта «О садовом шланге» широко цитируется в прессе и большинство американцев убеждены в том, что нет ничего опасного в том, чтобы дать займы англичанам «американский шланг», настало время начать битву за ленд-лиз в Конгрессе.

По указанию президента юристы министерства финансов США подготовили особый «Билль о ленд-лизе». Главный консультант министерства Эдуард Фолли и его помощник Оскар Кокс, порывшись в архивах, нашли закон, который был принят Конгрессом еще в 1892 г. и мог быть использован как прецедент. «Удобство» этого закона заключалось в том, что он позволял военному министру, на свою ответственность, «передавать военное

имущество государства в аренду, в тех случаях, когда это будет в интересах государства».

Фолли и Кокс «перелицевали» старый закон, приспособили его к новой ситуации и присвоили ему особый символический шифр, призванный напомнить Конгрессу об особом месте США в цивилизованном мире, и этим облегчить принятие закона.

«Билль о ленд-лизе» теперь назывался так: «Билль — HR — 1776», где HR — начальные буквы слов Палата представителей, а 1776 — год принятия Декларации независимости США.

6 января 1941 г. президент представил «Билль — HR — 1776» в Конгресс. Речь президента, как всегда, была наполнена пафосом. Рузвельт сказал, что в эти трагические для Европы и для всего мира дни Америка не может «укрываться за Китайской стеной». Священный долг Соединенных Штатов помочь всем людям Земли обрести четыре естественные для человеческого существа свободы — «свободу Слова, свободу Вероисповедания, свободу от Нужды и свободу от Страха».

Президент закончил речь, и в Конгрессе началась буря. Само слово — ленд-лиз, казалось, приводило изоляционистов в бешенство. Особенно свирепствовал сенатор Бартон Уиллер. Наглый сенатор назвал предложение Рузвельта «идиотским» и утверждал, что президент, фактически, требует от Конгресса «нарушения международного права», а «Билль о ленд-лизе» означает «свежевырытую могилу для каждого четвертого американского парня».

Рузвельт не остался в долгу. Он объявил выступление Уиллера *«самым лживым, самым подлым и*

самым антипатриотичным за время жизни целого поколения».

Так начался этот сложный и мучительный процесс прохождения ленд-лиза через американский Конгресс. Предлагая Конгрессу принять проблематичный, со всех точек зрения, Билль, президент подвергал свою политическую карьеру величайшему риску и знал, какими будут последствия, если он проиграет эту битву. Но Франклин Делано Рузвельт был смелым человеком и пользовался большой любовью американского народа, отдавшего ему на последних выборах более двадцати семи миллионов голосов.

И еще, в эти дни Рузвельт уже точно знал то, что не было известно его противникам — война в Европе вскоре перейдет в новую фазу. Гитлеровская Германия готовится напасть на Россию!

Президент уже знал о том, что Гитлер подписал «Директиву № 21».

Посол Додд и противники Гитлера

Информация о решении Гитлера напасть на большевистскую Россию поступила в Вашингтон из американского посольства в Берлине. Сотрудники посольства многие годы поддерживали тесный контакт и даже личную дружбу с некоторыми видными представителями германского общества — противниками нацизма. Эта дружба началась еще с тех времен, когда Рузвельт назначил послом в Берлине Уильяма Додда.

Профессор Чикагского университета Уильям Эдвард Додд, известный историк, умный и честный человек, любил Германию, любил немецкую литературу, музыку, искусство. Прекрасное знание немецкого языка и

многочисленные друзья, сохранившиеся со времени учебы в Лейпцигском университете, позволили Додду стать своим человеком в высокопоставленном германском обществе.

Буквально с первых дней своего приезда в Берлин, посол систематически вел не предназначенный для печати личный «Дневник», который после его смерти все-таки был опубликован и стал одним из самых замечательных документов эпохи. День за днем профессор отмечал в «Дневнике» все свои встречи — завтраки, обеды, ужины и банкеты, записывал дискуссии с противниками, беседы с друзьями, давал меткие характеристики людям, с которым сводила его судьба.

Особенно часто на страницах «Дневника» появляются две примечательные личности — молодой немецкий аристократ граф Хельмут фон Мольтке и «финансовый гений Германии» доктор Ялмар Шахт.

Граф Хельмут Джеймс фон Мольтке, носитель одной из самых уважаемых фамилий Германии, был праправнуком знаменитого прусского военачальника фельдмаршала фон Мольтке. Воспитанный матерью-англичанкой в духе христианской религии, Хельмут с детства ненавидел любое насилие. И если в период знакомства с Доддом, граф, не стесняясь, выражал свое неприятие нацизма, то в дальнейшем он примкнет к заговорщикам и станет организатором и лидером известного антигитлеровского «Кружка Крейсау».

Члены этого утопического кружка, названного «Крейсау» по имени силезского имения Мольтке, подвергали опасности свою жизнь, занимаясь разработкой основ политического и социального

устройства будущей Германии — Германии без ненавистного фюрера.

Сам Хельмут фон Мольтке, будучи юридическим советником абвера, находился в непосредственном подчинении адмирала Ка-нариса и использовал свое служебное положение для борьбы против Гитлера, в том числе и для оказания помощи немецким евреям.

С этой целью он, видимо, и поддерживал контакт с американским послом Уильямом Доддом, а затем, после его отъезда из Берлина, и с другими американскими дипломатами. Говорят, что в 1943 г. через тех же американских друзей фон Мольтке даже вышел на связь с одним из тайных посланцев евреев Палестины. К несчастью, попытка графа спасти небольшую горстку евреев, все еще остававшихся в те дни в живых, не увенчалась успехом. А вскоре и сам граф Хельмут фон Мольтке был арестован гестапо и казнен 23 января 1945 г. в тюрьме Плетцензее.

В последнем письме к жене Хельмут писал: *«Неоценимое преимущество умереть за то, что мы думали и считали действительно стоящим».*

Доктор Ялмар Шахт, в отличие от графа фон Мольтке, человек эгоистичный и амбициозный, был в 30-х годах сторонником подающего надежды ефрейтора Адольфа Гитлера и даже помог ему прийти к власти, обеспечив поддержку финансовых и промышленных кругов. В благодарность за это Гитлер назначил Шахта президентом Рейхсбанка, а в дальнейшем, и рейхсминистром экономики. Но с течением времени умнейший Шахт начал понимать, к какой катастрофе ведет Германию ее фюрер, и в 1937 г. он уже оставил все свои высокие посты и, продолжая публично

выражать преданность Гитлеру, на деле прочно связал себя с «Черной Капеллой». Как известно, в марте 1939 г. Шахт, вместе с Гер-делером, ездил в Женеву на встречу с представителем Франции, а затем он встречался в Базеле с представителем Великобритании. Особенно важной была встреча Шахта с представителем Великобритании — президентом английского Эмиссионного банка Монтегью Норманном. На этой встрече Шахт сумел подробно обрисовать своему английскому коллеге и планы Гитлера по завоеванию мирового господства, и кошмарную ситуацию, созданную Бесноватым в Германии, включая ужасы гестапо и концентрационных лагерей.

Ялмар Шахт был арестован в 1944 г., после провала Июльского заговора, но, видимо, в течение нескольких лет его уже подозревали в измене.

Как в детективе

После отъезда Уильяма Додда новый посол в Берлине так и не был назначен, и жизнь в американском посольстве замерла. Но это было только на первый взгляд. На самом деле за плотно закрытыми дверями посольства кипела тайная жизнь и продолжались контакты оставшихся в Берлине сотрудников с противниками Гитлера. Так, в январе 1941 г. через посольство в Вашингтон была передана информация о решении Гитлера напасть на большевистскую Россию.

Эта информация поступила в государственный департамент США к госсекретарю Корделлу Хэллу, и рассказ о том, как это произошло, мог бы показаться досужей выдумкой, если бы он не исходил из уст уважаемого госсекретаря США. Вспоминает Корделл Хэлл:

«На протяжении последних шести месяцев имелись веские причины думать, что Гитлер нападет на Россию, поэтому то, что произошло 22 июня, не удивило нас.

В январе 1941 г. ко мне поступил конфиденциальный доклад Сэма Э. Вудса, нашего торгового атташе в Берлине. Вудс дружил с немцем, который, хотя и враждебно относился к нацизму, имел тесные связи с имперскими министрами, Рейхсбанком и высокопоставленными членами нацистской партии. Еще в августе 1940 г. этот немец сообщил Вудсу, что в ставке Гитлера проходят совещания, касающиеся подготовки войны против России. Эта информация через несколько недель стала более конкретной...

Вудс встречался со своим немецким другом в одном из кинотеатров Берлина. Этот немец, купив заранее билеты на киносеанс и послав один из них Вудсу, сел рядом с Вудсом и в полумраке зала незаметно вкладывал ему в карман свои записи.

...приятель Вудса утверждал, что воздушные налеты на Англию служат ширмой для подлинных и подробно разработанных планов и приготовлений для внезапного и сокрушительного нападения на Россию.

*Наконец, через свои связи в немецком Генеральном штабе, приятель Вудса узнал основные положения стратегического плана Гитлера: **три главных направления наступления — Северное, Южное и решающее третье — в Центре фронта на Москву.***

Все приготовления должны быть завершены весной 1941 г.».

В своих воспоминаниях Корделл Хэлл не называет имена людей, от которых торговый атташе Сэм Вудс

получил эту информацию. Но и намеков Хэлла вполне достаточно. Сведения, раскрывающие план нападения на Россию, Вудс наверняка получил от упомянутых в «Дневнике» посла Додда заговорщиков «Черной Капеллы» — сотрудника абвера фон Мольтке и бывшего президента Рейхсбанка Шахта. Сэм Эдисон Вудс, точно так же как и Уильям Додд, многие годы был в тесном контакте с этими людьми.

Впрочем, был еще один человек, от которого Вудс мог получить подлинный полный текст «Директивы № 21» — этим человеком был руководитель всей военной экономики Германии, начальник военно-экономического управления генерал Томас. Генерал Георг Томас, бывший офицер рейхсвера, был тесно связан с заговорщиками «Черной Капеллы» — Бекон, Герделером, Шахтом. Георг Томас был близким другом Канариса и Остера.

Рафинированный интеллигент, Томас всей душой ненавидел Гитлера и все, что олицетворял собой Бесноватый фюрер. Посетив в 1942 г. оккупированную гитлеровцами Россию, он был так потрясен убийствами гражданского населения, что пытался даже громогласно протестовать против этих зверств. После Июльского заговора Томас, так же как и его товарищи, был арестован. Но казнить генерала уже не успели, и он был освобожден из концентрационного лагеря американскими войсками.

В 1939 г., перед нападением на Польшу, по просьбе заговорщиков Томас подготовил особую обстоятельную памятную записку, в которой утверждал, что нападение на Польшу может иметь своим следствием Мировую войну. С помощью математических выкладок и наглядного графического материала Томас доказывал,

что выдержать такую войну в материально-техническом отношении Германия не сможет.

Памятную записку Томаса Кейтель представил Гитлеру. Вспоминает генерал Георг Томас: *«На следующий день [после представления записки] Кейтель сказал мне, что эти обзоры он доложил Гитлеру. В ответ Гитлер заявил, что никоим образом не разделяет моей тревоги и моего мнения насчет опасности Мировой войны, особенно потому, что теперь он заполучил для себя Советский Союз. Соглашение с Россией — самое великое дело из всех, какие совершены германскими политиками за ряд десятилетий».*

В 1940 г. Томас снова предостерегает Гитлера — теперь уже от войны с Россией. Он указывает на *«огромность русского пространства, на возможность самообеспечения России стратегическим сырьем, и подчеркивает особое местоположение ее производственных мощностей».*

Однако, несмотря на явное недовольство Томаса будущим Русским походом, именно ему поручает Гитлер разработку экономической части плана «Барбаросса». Эта часть операции носит название план «Ольденбург» и касается промышленной и сельскохозяйственной эксплуатации России после захвата ее территорий. И нет ничего удивительного в том, что в январе 1941 г. в Вашингтон поступило не только полное содержание военной части плана «Барбаросса», но и содержание его экономической части.

Материал, полученный из Берлина, был настолько обширным и изобиловал такими подробностями, что Корделл Хэлл принял его за фальшивку, намеренно сфабрикованную гитлеровцами. Желая снять с себя

ответственность, Хэлл передал информацию Вудса на заключение в Федеральное бюро расследований США. Проверка, проведенная руководителем ФБР Эдгаром Гувером, показала, что информация надежна, и Хэлл ознакомил с нею Рузвельта.

По свидетельству Хэлла, намерение Гитлера напасть на Россию весной 1941 г. не удивило Рузвельта, точно так же как оно не удивило и самого Хэлла — вся международная общественность уже несколько месяцев была убеждена, что вопрос новой гитлеровской агрессии — это только вопрос времени. Рузвельт, на самом деле, давно предвидел такое развитие событий и уже строил свою политику с учетом этой возможности.

История, рассказанная Хэллом, выглядит как примитивный детектив — встречи в кинотеатре, билеты, присланные по почте, записки, вложенные в карман соседа в полумраке зала. И все же эта история о реальных событиях, благодаря которым уже в начале января 1941 г. в руках президента США был подробный план нападения Германии на Россию.

До «внезапного» нападения остается еще 158 дней. 14 января 1941. Москва

«Мозг армии» возглавил Жуков

Уже на следующее утро после разбора Большой военной игры Сталин вызвал в Кремль генерала армии Жукова и объявил ему о назначении на пост начальника Генерального штаба Красной армии.

Генерал Кирилл Мерецков, занимавший пост начальника Генштаба с августа 1940 г., давно вызывал раздражение вождя. Прежде всего, имя Мерецкова было связано с расстрелянным «врагом народа», известным «шпионом и предателем Родины» Иеронимом Уборевичем, под началом которого Мерецков служил в Белорусском Особом военном округе. Ну а кроме того, Мерецков родился в Ярославле. А ко всем, кто родился в этом городе, у Сталина было особое отношение.

Эти люди, которых Сталин называл «ярославцами», были для него почти что «евреи».

Вспоминает Молотов: *«...Мерецков — неточный человек, нельзя на него положиться. Сталин называл его «ярославец». Почему «ярославец»? В Ярославле, говорил он, такой оборотистый живет народ, что евреев там почти нет, там сами русские выполняют эти функции. И один из таких — Мерецков».*

По «делу Уборевича» Мерецкова уже не первый год «таскали» на допросы в НКВД, а дня через два после «внезапного» нападения, он будет арестован. Но пока, «ярославец» Мерецков только смещен с поста начальника Генштаба и на его место поставлен человек, гораздо более близкий Сталину по происхождению и по духу.

«Война— есть война...»

Сын сапожника Георгий Жуков родился в 1896 г. в деревне Стрелковка Калужской губернии. Ровесник Тухачевского, Уборевича, Якира, он воевал и в Первую мировую, и в Гражданскую, но выдвинулся только в 1939 г., когда военачальников уже не было в живых.

1 июня 1939 г. заместителя командующего Белорусским военным округом Георгия Жукова неожиданно вызвали в Москву. В эти дни на Дальнем Востоке части Красной армии, совместно с монгольскими войсками, вели тяжелые бои против 6-й японской армии и терпели поражение за поражением. Сталин решил назначить в Монголию нового командующего войсками, такого командующего, который мог бы *«не только исправить положение, но и... надавать японцам»*.

Выбор пал на комкора Жукова.

Дерзкая операция, проведенная Жуковым на Халхин-Голе, вошла в историю как одна из важнейших военных и политических побед Советского Союза. Решающим фактором успеха этой операции была, по словам самого Жукова, оперативно-тактическая внезапность нападения. В процессе подготовки операции, для достижения внезапности, Жуков принял особые меры по дезинформации противника и маскировки выдвижения войск к границе. Большое внимание он уделил разведке — до начала операции была определена точная численность войск противника и их расположение. Операция намеренно была назначена на воскресенье, когда многие японские офицеры были в отпуске.

Ранним воскресным утром 20 августа 1939 г., в 6 ч 15 мин по местному времени, неожиданно для японцев на их позиции обрушился ураганный огонь артиллерии. И невольно возникает мысль, что это внезапное нападение чем-то напоминает другое «внезапное» нападение, которому суждено совершиться через два с лишним года—в воскресное утро 22 июня 1941 г.!

Кровопролитные бои на Халхин-Голе продолжались десять дней. Прославленная 6-я японская армия была окружена и уничтожена. Командующий советскими войсками комкор Георгий Жуков проявил себя как талантливый, незаурядно мыслящий полководец и чрезвычайно жесткий человек, готовый ради победы не считаться с человеческими жертвами. Об одном из самых жестких своих решений маршал Жуков расскажет Константину Симонову. Жуков расскажет о том, как японцы, скрытно сосредоточив войска, переправились через Халхин-Гол и захватили гору Баин-Цаган. Расскажет о том, что в его распоряжении в этот час не было ни пехоты, ни артиллерии, и в бой можно было ввести только находившуюся на марше бронетанковую бригаду. И, несмотря на то, что удар бронетанковых войск без поддержки пехоты мог привести к огромным человеческим жертвам, о чем в резкой форме предупреждал расстрелянный впоследствии генерал-полковник Григорий Штерн, Жуков принял решение ввести танки в бой.

Танковая бригада Яковлева форсированным маршем прошла около 70 километров по степи и прямо с марша вступила в сражение с врагом. Маршал Жуков пишет об этом в своих воспоминаниях, и в его словах не чувствуется угрызений совести:

«Я принял решение атаковать японцев танковой бригадой Яковлева. Знал, что без поддержки пехоты она понесет тяжелые потери, но мы сознательно шли на это. Бригада была сильная, около 200 машин. Она развернулась и пошла. Понесла очень большие потери от огня японской артиллерии, но, повторяю, мы к этому были готовы. Половину личного состава бригада потеряла убитыми и ранеными и половину машин, даже

больше. Номы шли на это... Танки горели на моих глазах. На одном из участков развернулось 36 танков и вскоре 24 из них уже горели. Но зато мы раздавили японскую дивизию.

Стерли!»

За несколько дней боев потери разбитой наголову японской армии составили 20 тысяч человек, тысячи японских солдат были взяты в плен. Правда, потери армии-победительницы были еще более значительными: Красная армия потеряла более 25 тысяч бойцов и командиров.

Но, как известно, победителей не судят! А Жуков возвратился в Москву победителем!

Жуков возвратился в Москву победителем, и был счастлив, и был рад всему — и своей блестящей победе, и неожиданному для него в те годы приглашению в Кремль, и встрече со Сталиным, и званию генерала армии, и золотой звезде Героя Советского Союза. Гибель десятков тысяч бойцов и командиров не очень занимала его и не омрачала его счастья. На этот счет у Жукова была своя, жестокая, поговорка: **«Война — есть война, и на ней не может не быть потерь...»**

А потом у Героя Советского Союза Жукова была еще одна громкая победа — «освобождение» Бессарабии и Северной Буковины от румынской оккупации. И здесь генерал армии проявил свой полководческий талант и сумел даже доставить Сталину удовольствие. Действия Жукова, вызвавшие панику среди отступавших солдат румынской армии, противоречили подписанному между сторонами соглашению, и в связи с этим, румынский посол обратился к Сталину с жалобой на Жукова. Посол утверждал, что Жуков, препятствуя отступлению румын,

якобы, высадил «танковый десант» на реке Прут. Сталин вызвал Жукова к телефону. Вспоминает Жуков:

«А какие же танки Вы высадили на реке Прут? — спросил Сталин.

«Никаких танков мы по воздуху не перебрасывали, — ответил я. — Да и перебрасывать не могли, так как не имеем еще таких самолетов. Очевидно, отходящим [румынским] войскам с перепугу показалось, что танки появились с воздуха». Сталин рассмеялся...»

Сталин рассмеялся — этот сын сапожника из Калужской губернии нравился ему. Пока нравился. Не удивительно, что уже на следующее утро после разбора Большой военной игры Сталин вызвал Жукова в Кремль и объявил ему о новом назначении.

Жуков, по его словам, пытался отказываться от свалившейся на него чести, ссылаясь на то, что всегда был строевым командиром, никогда не работал в штабах и *«не предрасположен к штабной работе»*. Но Сталина возражения Жукова не убедили, и постановлением Политбюро ЦК от 14 января 1941 г. генерал армии Георгий Жуков был назначен начальником Генерального штаба Красной армии и заместителем наркома обороны.

Как же так? Неужели Сталина не смущало, что в такой опасный для страны момент, когда налицо подготовка гитлеровской Германии к нападению на Россию, во главе Генерального штаба будет стоять человек, не имеющий ни необходимых знаний, ни опыта работы в этой важнейшей должности, и даже, по его собственным словам, *«не предрасположенный к штабной работе»*? Видимо, нет! Иначе не было бы этого назначения!

Видимо, Сталину нужны были другие качества, которыми обладал Жуков! Видимо, Сталину нужен был в эти дни боевой опыт Жукова, смелость его военных решений, неординарность мышления, талант полководца, который вождь, тонко чувствовавший людей, распознал в этом человеке. И еще, может быть самое главное, Сталину импонировала жестокость Жукова, сила его характера, воля к победе, ради которой он мог пойти на любой риск и на любые человеческие жертвы.

Именно эти черты нового начальника Генштаба должны были найти свое отражение в планах Красной армии по отражению готовящегося нападения на страну. А что касается организации штабной работы, то для этой цели у Сталина был другой, несомненно, талантливый человек.

«Мозгармии»

Работу советского Генштаба уже много лет направлял профессиональный военный и опытный штабист, бывший офицер царской армии Борис Шапошников. Он уже дважды занимал пост начальника Генштаба — с 1928 по 1931 г. и с мая 1937 по июль 1940 г., А в самый разгар войны, 30 июля 1941 г., он займет этот пост и в третий раз.

Сегодня, в январе 1941 г., маршал Шапошников является заместителем наркома обороны и отвечает за строительство укрепленных районов. Но какова бы ни была его официальная должность, все, что происходит в Генштабе, не может пройти мимо пристального взгляда этого, на самом деле необыкновенного, человека. Его знания огромны и авторитет неоспорим. Перу Шапошникова принадлежит более 40 научных работ. Одна из них — трехтомник «Мозг армии» — посвящена

структуре Генерального штаба и его роли в подготовке к войне. Сталин знает эту работу наизусть, и поэтому его отношение к Шапошникову особое — оно наполнено несвойственным вождю вниманием к мыслям, мнениям, советам этого опытного человека. Профессор Шапошников, единственный, кого Сталин называет не по фамилии, а по имени и отчеству и даже позволяет ему курить в своем кремлевском кабинете. Шапошников принимает участие во всех встречах, во всех совещаниях вождя, посвященных принятию судьбоносных для страны стратегических решений. Но в большинстве случаев его присутствие как-то неощутимо, он остается в тени. И вообще, в вопросах, к которым Шапошников имеет прямое отношение, на удивление много «тени». Так, уважаемый профессор был участником Специального судебного присутствия Верховного суда, отправившего на смерть одновременно всю верхушку Красной армии. В тот роковой день, когда председатель суда военный юрист Василий Ульрих оглашал этот, не подлежащий обжалованию смертный приговор в полупустом зале раздался резкий голос комкора Виталия Примакова: *«Я обращаюсь к членам суда, нашим боевым товарищам! Неужели вы не понимаете, что происходит? Сегодня вы судите нас, а завтра точно так же будут судить вас!»*

Пророчество Примакова исполнилось. Шестеро из восьми членов этого позорного судилища вскоре погибнут — командармы Яков Алкснис, Иван Белов и Павел Дыбенко будут расстреляны, маршала Василия Блюхера замучают на допросах, а командармы Николай Каширин и Елисей Горячев, зная о грозящем им аресте, покончат жизнь самоубийством. И только старому другу, командиру Первой конной Семену Буденному и профессору Борису Шапошникову Тиран сохранит жизнь.

Разработка планов будущих боевых действий советских Вооруженных сил против гитлеровской Германии началась вскоре после подписания Договора о дружбе и границах в октябре 1939 г., и велась она под руководством Шапошникова. Несмотря на то, что в дальнейшем эта работа будет продолжаться под руководством новых начальников Генштаба — Мерецкова и Жукова, все варианты плана будут нести на себе печать отточенной стратегической мысли Шапошникова.

А детализацией плана, подготовкой текстуального и графического материала, разработкой планов прикрытия государственной границы будут заниматься ученики Шапошникова, молодые генералы, целую плеяду которых воспитал профессор. Одним из этих генералов, человеком, бисерным почерком которого было написано большинство сверхсекретных текстов стратегических и оперативных планов, был заместитель начальника Оперативного управления Генштаба генерал-майор Александр Василевский. Вспоминает маршал Василевский:

«Вся работа Генерального штаба протекала под непосредственным руководством Шапошникова. Авторитет Бориса Михайловича, как видного военного деятеля и опытного специалиста, особенно в вопросах штабной службы, рос тогда с каждым годом. Его обширные и разносторонние знания были остро необходимы в то сложное время.»

«Действуя непосредственно под его руководством, мы, штабные работники, получали все новые теоретические и практические навыки по организации, планированию и проведению операций армейского и фронтового масштаба...»

Василевский с гордостью называет себя «учеником Шапошникова».

А Сталин, как выясняется, не только прислушивался к мнению профессора, но и с вниманием выслушивал его учеников. Часто обсуждая тот или иной вопрос, вождь говорил: *«А ну, послушаем, что скажет нам шапошниковская школа!»*

В мае 1942 г. Сталин «охладел» к Шапошникову, а может быть, профессор был ему, просто, больше не нужен? Во всяком случае, Шапошникова отстранили от работы в Генштабе, и теперь его обязанностью было «содействовать» коллективу профессоров Военной академии имени Фрунзе в написании истории Великой Отечественной войны. В 1945 г., не закончив исследование боевых действий Красной армии в начальный период войны, профессор Шапошников ушел из жизни. Говорят, по болезни...

На белом коне

В Генеральном штабе Красной армии повеяли новые ветры.

«Мозг армии» возглавил генерал армии Жуков. Сталин хорошо знает, почему именно Жукова он назначил на этот пост. Теперь все планы Генштаба, славящиеся эрудицией Шапошникова и скрупулезной точностью Василевского, будут носить печать жесткости Жукова.

О «полководческом почерке» Жукова заговорили во время войны. Под командованием генерала Жукова, или при его участии, были осуществлены многие операции Красной армии.

22 июня 1941 г., после «внезапного» нападения, Сталин посылает Жукова на Юго-Западный фронт для осуществления Ответного удара по противнику. Именно эту, важнейшую миссию, Жуков не выполнил, Ответный удар провалился! Но в октябре 1941 г. Жуков защищал Москву, в апреле 1945 г. — брал Берлин. 9 мая 1945 г. именно Жуков подписал Акт капитуляции гитлеровской Германии, а 24 июня 1945 г., на Красной площади в Москве, именно Жуков на белом коне принимал Парад Победы.

С 1 февраля 1941 г. и до самого «внезапного» нападения, в течение пяти месяцев, генерал Жуков стоял во главе Генерального штаба. Все это время, по словам Жукова, он работал по 15—16 часов в сутки и часто даже оставался ночевать в служебном кабинете.

Так в чем же и как проявился в это судьбоносное время всеми признанный «полководческий талант» Жукова? И если в день «внезапного» нападения Германии, 22 июня 1941 г., Красная армия действовала по плану, разработанному Генеральным штабом, то чего в этом плане было больше — эрудиции Шапошникова, жесткости Жукова или... злой воли Сталина?

До «внезапного» нападения остается еще 156 дней. 16 января 1941. Москва

Сталин знает о каждом германском солдате...

Сосо Джугашвили, ставший «Кобой», а затем Иосифом Сталиным, большую половину своей жизни, почти 40 лет, был бездомным грузинским бродягой. Большую половину своей жизни Сталин провел в ссылках

и тюрьмах, среди бандитов и уголовников. Нормальные человеческие чувства, такие, как долг и совесть, жалость и сострадание, великодушие и раскаяние, дружба и любовь — к женщине, к матери, к детям, — ему были чужды.

Грубый, коварный и лицемерный, подозрительный и жестокий человек, Сталин до самой смерти внутренне оставался уголовником по кличке «Коба». Он жил и действовал по волчьим законам уголовников. Обыски и аресты, депортации и расстрельные списки, шпионаж, политические убийства, диверсии — все это было ему близко, важно и интересно. Эти, такие важные для Тирана вопросы, курировали трое близких ему людей — Маленков, Берия и Молотов. Но, фактически, всю эту тайную многогранную деятельность Сталин курировал лично.

Несмотря на свою занятость, Сталин вникал в мельчайшие детали работы разведки. Так, например, известно, что он, лично, дал указание оперативникам НКВД посещать явочные квартиры только в вечернее время — с половины восьмого и до одиннадцати часов.

Желая получить интересующую его информацию из первоисточника, Сталин встречался лично не только с руководителями разведки, не только с резидентами, но и с рядовыми шпионами-нелегалами, включая самых молодых. Часто молодые боевики уходили на задания прямо из кремлевского кабинета Сталина. Так, в ноябре 1937 г. Сталин «благословил» никому неизвестного тридцатилетнего диверсанта Павла Судоплатова на убийство руководителя организации украинских националистов Евгения Коновальца, и даже подсказал метод убийства.

Здесь, в кремлевском кабинете Сталина родилась идея акции «Утка», целью которой было зверское убийство Льва Троцкого.

В 1940 г., в горячее время «присоединения» новых Прибалтийских республик, в Москву для личного доклада Сталину были вызваны не только резиденты внешней разведки НКВД, но и оперативные работники — из Латвии резидент Иван Чичаев с двумя оперативниками, а из Литвы — резидент Сергей Ермаков.

Сталин внимательно следит за работой легальных и нелегальных резидентур всех советских разведок за рубежом. Агентурные донесения советских шпионов всегда направляются в Кремль в оригинале с приложением сопроводительного письма, подписанного начальником военной разведки генерал-лейтенантом Голиковым или самим наркомом внутренних дел Берия.

С начала января 1941 г. количество таких агентурных донесений многократно возросло. Молотов, получавший копии всех донесений, жалуется, что у него в то время *«полдня ежедневно уходило на чтение донесений разведки»*. Но Сталина это не смущает — он известен своей редкой способностью к «переработке» огромного количества материала.

Сегодня агентурные донесения, поступающие в Кремль, это уже не «слухи» и даже не информация об агрессивных намерениях Гитлера, а то, что в разведке называется ПРИЗНАКИ — реальные действия противника, указывающие на близкое нападение. Особенно тревожные признаки содержатся в сводках, полученных пограничной разведкой с помощью непосредственного наблюдения.

Вот и сегодня на стол Сталина легла очередная сводка пограничных войск НКВД Украины, включающая точное количество военных эшелонов, прибывающих на границу, количество платформ и классных вагонов в каждом эшелоне, количество строящихся воинских казарм, с указанием даже улиц. Пограничные войска докладывают о каждом построенном гитлеровцами аэродроме, о каждой огневой точке, включая даже размеры котлована, отрытого для этой точки.

ИЗ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ СВОДКИ

2-го Управления пограничных войск НКВД Украины

16 января 1941

9 декабря 1940 г. Санок посетил главнокомандующий германской сухопутной армией генерал-фельдмаршал фон Браухич Вальтер. Для его встречи были выведены все войска, дислоцированные в г. Санок...

12 декабря 1941 г. из г. Влодава, через г. Холм в направлении ст. Замостье проследовало 7 эшелонов немецких войск. В каждом эшелоне насчитывалось 45—50 вагонов и платформ, в составе которых было по два классных вагона. В крытых вагонах размещались солдаты и лошади, на платформах — орудия, автомашины и фураж...

Во второй половине декабря 1940 г. во всех населенных пунктах погранполосы Генерал-губернаторства, расположенных вблизи границы и на глубину 12 км, немцы взяли на учет квартиры и сараи для размещения воинских подразделений...

Во второй половине декабря 1940 г. в 3 км северо-восточнее немецкой части г. Перемышль, на

скатах высоты 2420, отмечалось строительство немецкими саперами двух больших ОТ [огневых точек].

В м. Бабице, между отдельными домами, производится строительство ОТ. Для этой цели отрываются котлованы размером 5х6, которые бетонируются. Вокруг м. Бабица строятся проволочные заграждения в три ряда на железных кольях...

Информация, поступившая из Управления пограничных войск, поражает своей точностью. Все ПРИЗНАКИ указывают на приближающееся «внезапное» нападение Германии.

Создается впечатление, что Сталин знает о каждом германском солдате, прибывшем на советскую западную границу.

До «внезапного» нападения остается еще 152 дня. 20 января 1941. Москва

«Предприятия — дублеры»

Всю неделю в Кремле проходила XVIII Всесоюзная конференция ВКП(б).

Ввиду осложнившейся международной обстановки, на конференции было принято решение «О форсировании темпов роста оборонной промышленности». На оборону была выделена почти половина государственного бюджета страны — 43,4%. Особое внимание было уделено ускоренному развитию тяжелой и химической промышленности, производству боеприпасов, созданию запасов стратегического сырья, материалов и продовольствия.

По всем признакам война была не за горами.

И вот что удивительно, **уже в январе 1941 г. предполагалось, что на первом этапе этой войны Красной армии придется отступить!**

Об этом впоследствии без обиняков скажет Вячеслав Молотов: *«Мы знали, что война не за горами, что мы слабей Германии, что нам придется отступить. Весь вопрос был в том, докуда нам придется отступить — до Смоленска или до Москвы, это перед войной мы обсуждали».*

В предвидении вероятного отступления Сталин принял важнейшее стратегическое решение — на территориях, недостижимых для врага — за Волгой, за Уралом, в Средней Азии — начали одновременно строиться тысячи новых заводов, фабрик, электростанций.

Задача заключалась не только в том, чтобы в кратчайшие сроки ввести в строй новые предприятия, но (и это самое главное!) подготовить производственную базу, способную «принять» предприятия из Европейской части страны, которые с началом войны будут эвакуированы на Восток.

Началось ускоренное строительство предприятий, получивших название «предприятия-дублеры»!

Вспоминает маршал Жуков:

«С военной точки зрения исключительное значение имела линия партии на ускоренное развитие промышленности в восточных районах, создание предприятий-дублеров по ряду отраслей машиностроения, нефтепереработки и химии. Здесь

сооружались три четверти всех доменных печей, вторая мощная нефтяная база между Волгой и Уралом, металлургические заводы в Забайкалье, на Урале и Амуре, крупнейшие предприятия цветной металлургии в Средней Азии, тяжелая индустрия на Дальнем Востоке, автосборочные заводы, алюминиевые комбинаты и трубопрокатные предприятия, гидростанции...»

До «внезапного» нападения в восточных районах страны будут введены в действие 2900 новых предприятий! Сооруженные заблаговременно предприятия-дублиеры станут производственной базой, позволившей Сталину осуществить поразившую весь мир беспрецедентную эвакуацию, — перебазировать на Восток 2593 предприятия и в кратчайший срок ввести их в строй.

До «внезапного» нападения остается еще 147 дней. 25 января 1941. Москва

Воздушный шпионаж— подготовка к «внезапному» нападению

Еще на прошлой неделе в Кремль поступила информация о том, что военно-воздушным силам Германии приказано начать регулярные разведывательные полеты над советской территорией:

*В ЦК ВКП(б) — СТАЛИНУ, В СНКСССР — МОЛОТОВУ
№ 380/6, 21 января 1941 Совершенно секретно*

Штаб германской авиации дал распоряжение о производстве в широком масштабе разведывательных полетов над территорией Советского Союза с целью

рекогносцировки пограничной полосы, в том числе и Ленинграда, путем фотосъемок и составления точных карт. Самолеты, снабженные усовершенствованными фотоаппаратами, будут перелетать советскую границу на большой высоте...

Достоверность этой информации не вызывала сомнений. Германия в эти дни располагала мощнейшей системой воздушного шпионажа, во многом, обеспечившей ей успех в Польской и Французской кампаниях.

Воздушным шпионажем, являвшимся грубейшим нарушением суверенитета сопредельных стран, занималась «Эскадрилья Ровель» — разведывательная эскадрилья особого назначения, под командованием Теодора Ровеля.

К началу 1941 г. «Эскадрилья Ровель» включала около 50 скоростных самолетов дальних радиусов действия — «Хейнкель», «Дорнье» и «Юнкере», оснащенных первоклассным цейсовским фотооборудованием. Не менее уникальное оборудование использовалось для расшифровки снимков и подготовки карт бомбардировочных полетов.

Все фотоснимки, полученные «Эскадрильей Ровель», снабжались комментариями экспертов отдела разведки и сбора информации абвер-1 и направлялись в штаб люфтваффе.

Сегодня, после побед гитлеровской Германии в Европе, после захвата Польши и ввода войск в Румынию и Норвегию «Эскадрилья Ровель», используя взлетные полосы Кракова в Польше, Бухареста в Румынии и Киркенеса на норвежском побережье, уже имеет возможность проникать на многие километры в глубь

территории России. Информация, полученная с помощью фотосъемок даст возможность гитлеровской военной разведке составить подробные карты советской приграничной полосы с указанием автомобильных и железных дорог, расположения укреплений, аэродромов, морских и речных портов, мостов...

Решение гитлеровцев начать регулярные разведывательные полеты представляло несомненную опасность и требовало принятия немедленных мер по охране воздушного пространства страны.

Сегодня, 25 января 1941 г., Политбюро ЦК и Совет народных комиссаров приняли секретное постановление:

*ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОТИВОВОЗДУШНОЙ ОБОРОНЫ
№ 198-97Сов. секретно*

25 января 1941 Особой важности

Организация авиационной обороны

Угрожаемой по воздушному нападению зоной считать территорию, расположенную от государственной границы в глубину на 1200 км. Пункты и сооружения, находящиеся за пределами 1200 км от государственной границы, могут быть прикрыты средствами ПВО по особому решению правительства СССР...

Утвердить следующий состав и организацию частей ПВО для обороны тыла: три корпуса ПВО — по одному корпусу для Москвы, Ленинграда и Баку. В составе: в Москве и Ленинграде — по 600 орудий среднего калибра, по 72 орудия малого калибра, 231 мелкокалиберному пулемету, 648 зенитно-прожекторных станций, 432 аэростата заграждения (для Ленинграда — 648); для Баку — 420 орудий среднего калибра, 84 орудия малого

калибра, 236 крупнокалиберных пулеметов, 564 прожекторные станции и 216 аэростатов заграждения.

Две дивизии ПВО для Киева и Львова...

Девять бригад ПВО, по одной бригаде для обороны городов: Одесса, Рига, Минск, Белосток, Вильнюс, Каунас, Хабаровск, Батуми и Дрогобыч.

*В связи с передачей из численности НКВД 8000 человек в состав численности Красной армии, во изменение постановления СНК СССР от 5.XI.40г., № 2265-977(сс) — **численность Красной армии считать 3 783764 человек.***

Председатель СНК Союза ССРВ. Молотов

Меры, принятые советским правительством 25 января 1941 г., за 147 дней до «внезапного» нападения, должны были, на первом этапе, препятствовать гитлеровским воздушным шпионам безнаказанно нарушать воздушное пространство России, а в будущем и предотвращать возможные бомбовые удары неприятеля по военным объектам и по городам страны.

До начала операции «Барбаросса» остается еще 147 дней. 25 января 1941. Бухарест

«Кошерное мясо»

Вернувшись в середине января 1941 г. из «Бергхофа» в Бухарест и развернув усиленную подготовку к будущей Священной войне с Россией, Антонеску, одновременно с этим, начал сводить счеты с «Железной гвардией». Члены этой ультраправой нацистской и антисемитской организации, оказавшие «Красной собаке» немалую

помощь в захвате власти, теперь стали ему «поперек горла».

Евреи виноваты...

Антонеску был связан с «Железной гвардией» многие годы. Он был другом ее создателя Корнелиу Кодреану и полностью разделял его нацистские и антисемитские взгляды.

Антисемитизм в те годы был достаточно обычным явлением в Румынии. Почти каждый государственный служащий, каждый университетский профессор, каждый армейский офицер считал, что евреи представляют опасность для государства. Антисемитизм был широко распространен и среди простого люда, среди крестьян, рабочих, мелких торговцев, и любые народные волнения, вне зависимости от вызвавших их причин, всегда выливались в акции против евреев. Именно такие народные волнения, спровоцированные legionерами «Железной гвардии» и сопровождавшиеся антисемитскими выпадами, заставили короля Кароля II в сентябре 1940 г. назначить генерала Антонеску главой правительства, а в дальнейшем и передать ему всю власть в стране.

Но сегодня, в январе 1941 г., создателя «Железной гвардии» Кодреану уже нет в живых. Еще в 1938 г. король Румынии, обеспокоенный непомерными амбициями лидера румынских нацистов и тесной связью его с Германией, приказал заключить Кодреану в тюрьму, а затем и уничтожить его, якобы, при попытке к бегству.

После гибели Кодреану главой legionеров стал Хория Сима — личность, может быть менее харизматичная, но не менее амбициозная, чем создатель «Железной гвардии», и так же как он насквозь

пропитанная расовыми идеями. Именно эта нацистская сущность организации легионеров обеспечивала им в течение многих лет симпатию Гитлера и, что не менее важно, материальную поддержку Германии.

Став главой румынского государства с помощью «Железной гвардии», Антонеску ввел Хория Симу в свое правительство и даже счел необходимым публично заявить о своих антисемитских взглядах: *«Я не защищаю евреев, потому что они виноваты в большей части катастроф, которые постигли эту страну».*

Но сегодня Антонеску уже не нуждается ни в Хория Симе, ни в «Железной гвардии». Легионеры мешают ему, тем более что за последние месяцы они приобрели значительный вес, а сам Сима, так же как когда-то Кодреану, возомнил, что при поддержке фюрера он может сбросить Антонеску. По слухам, доходившим до кондукатора, легионеры уже готовят против него военное восстание.

Гитлер сделал свой выбор

Во время последней встречи в «Бергхофе» Антонеску, обсуждая с Гитлером вопрос участия Румынии в операции «Барбаросса», заверил его в том, что *«румынская армия к весне 1941 г. будет готова к действию»*, а заодно и... поднял вопрос о «Железной гвардии».

Антонеску просил Гитлера поддержать его в борьбе против легионеров, играя на том, что, только убрав их из правительства, *«он сможет обеспечить полное использование экономического и военного потенциала Румынии в интересах Германии»*. Гитлер вынужден был

сделать выбор между своими давними приверженцами-легионерами и новым союзником.

И фюрер выбрал... «Красную собаку». В предстоящей войне именно Антонеску, в роли диктатора Румынии, мог принести ему наибольшую пользу. Отдавая должное жестокому маленькому генералу, Гитлер часто говорил: *«Если бы в Европе нашелся второй Антонеску, все пошло бы как нельзя лучше».*

Немалую роль в этом выборе сыграло мнение главы разведывательного управления Генерального штаба Сухопутных войск генерал-полковника Курта фон Типпельскирха, посланного Гитлером «на разведку» в Бухарест в сентябре 1940 г. Вернувшись из Бухареста, Типпельскирх докладывал Гитлеру: *«Генерал Антонеску превосходит руководителя „Железной гвардии“ своей силой воли и интеллектом».* Сделав свой выбор, Гитлер обещал «Красной собаке» поддержку.

Антонеску вернулся из «Бергхофа» в Бухарест и, узнав из достоверных источников, что подготовка к восстанию уже заканчивается, прежде всего, направил Хория Симе «грозное» предупреждение: *«Во время вчерашней встречи фюрер сказал мне: любое нарушение порядка внутри страны, кем бы оно ни было совершено, не может быть терпимо...»*

Предупреждение не дало желаемого эффекта. В эти дни подготовка к восстанию уже была практически завершена, и, кроме того, Сима не предполагал, что Гитлер может предать своих старых друзей, и надеялся на поддержку Германии.

Восстание легионеров

19 января 1941 г. легионеры начали манифестации, используя те же самые лозунги, которые в сентябре 1940 г. помогли им изгнать из страны короля и его любовницу — рыжую жидовку Люпеску. Смешно! Но теперь в «преступных связях с евреями» обвиняли самого генерала Антонеску.

«Красная собака» не остался в долгу и сместил нескольких легионеров с занимаемых ими престижных постов. В ответ на это легионеры начали восстание. «Официальным» и весьма «благоприятным» поводом для восстания послужило убийство одного из германских офицеров. Офицер был убит 20 января 1941 г. среди бела дня на одной из центральных улиц Бухареста. Убийцу задержать не удалось. Легионеры обвиняли кондукатора, кондукатор обвинял легионеров и, заодно, приказал частям румынской регулярной армии занять здания государственных учреждений.

А утром, 21 января 1941 г., вооруженный сброд уже заполнил улицы румынской столицы. Стены домов Бухареста, точно так же как в сентябре 1940 г., покрылись плакатами, призывавшими, на этот раз, к преобразованию Румынии в национал-социалистское государство, подобное Германии, и к немедленной «очистке» страны от евреев.

Начался еврейский погром...

Неужели это могут делать люди?

Еврейские погромы — нападение населения на своих соседей-евреев с целью их грабежа и убийства — не были новшеством. Первое такое известное кровавое нападение произошло в Александрии еще в 38 г. нашей эры, в царствование римского императора Калигулы. Известен погром, произошедший в 629 г. на Святой земле

— в захваченном византийцами Иерусалиме. Многочисленные еврейские погромы прокатились по всей Европе в XIV в. во время эпидемии чумы, в распространении которой, конечно же, обвинили евреев.

Первый жестокий еврейский погром в России произошел в 1821 г. в Одессе. И с тех пор русское слово «погром» вошло в большинство европейских языков. А потом были погромы и в 1859-м в Одессе, и в 1862-м в Аккермане, и в 1871-м снова в Одессе, и в 1881 — 1882—1883 гг. по всему Югу России — в Киеве, Полтаве, Жмеринке, Одессе...

Особенно кровавыми были погромы во время Пасхи — в эти святые дни евреев обычно обвиняли в использовании крови православных младенцев для выпечки ритуального еврейского пресного хлеба — мацы. Таким был трехдневный погром в апреле 1899 г. в Николаеве.

Таким был погром в апреле 1903 г. в Кишиневе. Во время этого кровавого погрома разъяренная толпа замучила и убила 49 человек, более 590 человек были ранены. Кишиневский погром ужаснул весь цивилизованный мир — погром осудил великий русский писатель Лев Толстой, а еврейский поэт Хаим Нахман Бялик, побывав в Кишиневе, под впечатлением увиденного, написал две самые сильные свои поэмы: «Город Смерти» и «Сказание о погроме».

С беспрецедентным реализмом, намеренно вызывая отвращение читателя, Бялик живописует чудовищные подробности погрома:

На деревьях, на камнях, на заборах, на стенах домов брызги крови и высохшие мозги мертвецов.

Много горя пришлось пережить еврейскому народу на своем многовековом пути. Были на этом пути и еврейские гетто, и еврейские погромы. Но этот, Бухарестский погром, в январе 1941 г., отличался от всех предыдущих какой-то особой, патологической, изуверской жестокостью. В зверствах против евреев принимали участие, кроме легионеров, широкие слои румынского населения — рабочие, лавочники, чиновники, студенты, учителя, уголовники разных мастей, и, говорят, что даже священники. Прослышав о том, что в Бухаресте «будут бить жидов», в столицу поспешили крестьяне из окрестных деревень, чтобы принять участие в грабежах и убийствах.

Два долгих дня продолжался погром. Варвары громили магазины, жгли синагоги и дома, насиловали еврейских женщин. Но самым чудовищным в этом бухарестском погроме были пытки. Пытки? Да, пытки! Бессмысленные, бесцельные пытки уже обреченных на смерть людей!

Пытки, которым подверглись в эти дни евреи Бухареста трудно описать, и все, что будет написано, не отразит происходившего. У живых людей вырезали языки, выкалывали глаза, вспарывали животы и вешали окровавленные кишки на шею несчастным в виде галстука. У мужчин отсекали половые органы, женщинам просверливали сверлами груди и даже трупы насиловали.

Самым страшным местом пыток евреев стала городская бойня. Здесь людей, среди которых была и пятилетняя девочка, подвесили за ноги на крюки для мясных туш и прикрепили к их извивающимся телам таблички с надписью: *«Кошерное мясо»*.

Несколько десятков известных в столице евреев, по заранее подготовленным спискам, арестовали, вывезли за город в лес и расстреляли.

На снегу остались лежать 86 трупов. А на следующий день из соседнего села Жилава в лес на санях примчались местные жители — началась оргия грабежа. С окаменевших трупов мародеры сдирали одежду, обувь, нижнее белье, искали «забытые» легионерами золотые безделушки — кольца, сережки, вырывали из мертвых ртов золотые зубы...

Кровавые зверства повторяются

Все это время Антонеску спокойно сидел в своем дворце и спокойно взирал на происходящее за его стенами. Он не спешил дать приказ армии подавить восстание и прекратить еврейский погром. Кондукатора вполне устраивала анархия — устраивали горящие дома и магазины, устраивали трупы людей, валяющиеся на улицах его столицы. Еврейский погром даже был на руку «Красной собаке».

Антонеску вполне сознательно давал возможность легионерам запятнать себя грабежом и насилием, и без всяких угрызений совести говорил своим приспешникам: *«Подождем, пока анархия будет полной. Беспорядки должны захватить железную дорогу. Тогда явятся немцы и будут просить меня восстановить порядок».*

Антонеску знал, что румынская железная дорога должна работать бесперебойно, ведь по этой самой дороге, готовясь к операции «Барбаросса», Гитлер уже подтягивает войска к границам большевистской России. И действительно, когда движение на железной дороге было парализовано, к нему обратился глава германской

военной миссии генерал Георг Хансен с требованием «начать действовать».

Но Антонеску медлит — требования немецкого генерала для него недостаточно. Возомнивший о себе кондукатор хочет, чтобы его «попросил сам фюрер». И фюрер попросил! Вечером, 22 января 1941 г., в Бухарест позвонил Гитлер. Разговор между двумя диктаторами велся через переводчика.

Гитлер сказал: *«Пожалуйста, сделайте это. Мне нужны не фанатики, а здоровая румынская армия».*

Антонеску ответил: *«Скажите фюреру, что порядок будет восстановлен в течение 24 часов».*

События, происходящие в Румынии, были настолько важны для Гитлера, что даже нашли свое отражение в «Военном дневнике» генерал-полковника Гальдера: *«Сообщение о волнениях в Бухаресте и в Румынии. Военная миссия получила указание не вмешиваться в вопросы внутренней политики, но, в случае необходимости, поддержать Антонеску военной силой (если ее попросят)».*

События, происходящие в Румынии, были не менее интересны для Сталина. 1 февраля 1941 г. секретарь советского полпредства в Бухаресте Сергей Михайлов направил в Москву доклад « О вооруженном конфликте, поводом для которого явилось **счастливо совпавшее с этими событиями убийство немецкого майора**».

После вмешательства фюрера, Антонеску показал, на что он способен. В течение одних суток он жестоко подавил восстание легионеров. Вождь «Железной гвардии» Хория Сима и сотни его приверженцев были арестованы и отправлены в Германию. «Красная собака»

стал абсолютным властителем Румынии. За это 124 замученных погромщиками евреев заплатили своей жизнью.

Но самое ужасное в этом чудовищном злодеянии — это то, что кровавые зверства румынских варваров повторяются. Повторяются уже через несколько месяцев и в гораздо больших масштабах. Повторяются в румынском городе Яссы, повторяются в Бессарабии и в Буковине, повторяются в Транснистрии и в многострадальной Одессе.

Глава третья. ГИТЛЕРОВСКАЯ ДЕЗИНФОРМАЦИЯ, или «ШИЛА В МЕШКЕ НЕ УТАИШЬ». Февраль 1941

*Чем четче будут
вырисовываться
подготовительные действия к
операции «Барбаросса», тем
труднее будет сохранять
эффект дезинформации.*

**Фельдмаршал Вильгельм
Кейтель**

**До «внезапного» нападения
остается 140 дней. 1 февраля
1941. Москва**

Приглашение к размышлению

Нарком иностранных дел Вячеслав Молотов принял в Кремле посла Великобритании Стаффорда Криппса, появившегося в Москве в июне 1940 г.

Блестящий юрист и широко образованный человек, лорд Криппс был участником Международного следственного комитета, сопровождавшего проходивший в Берлине процесс о поджоге рейхстага. Тогда, в 1933 г., Криппс жестоко высмеивал «юридическую комедию,

устроенную германским Верховным судом». А в дальнейшем он не раз выступал в поддержку идеи коллективной безопасности и был известен в мире своими симпатиями к Красной Москве. Назначение Криппса послом в СССР было связано с рядом трагических событий, произошедших в эти дни в Европе.

В эти дни Великобритания переживала одну из самых позорных страниц в своей истории. Под непрерывной бомбежкой гитлеровской авиации в спешном порядке из Дюнкерка эвакуировались английские войска. 4 июня 1940 г. германская армия достигла берегов Ла-Манша. Вечером Черчилль выступил в парламенте с еще одной исторической речью:

«Эвакуациями войны не выигрывают. Несмотря на то, что значительные пространства Европы и многие старые и славные государства подпали, или могут подпасть, под власть гестапо и всего отвратительного аппарата нацистского господства, мы не сдадимся и не покоримся. Мы пойдем до конца, мы будем сражаться во Франции, мы будем сражаться на морях и на океанах, мы будем сражаться с возрастающей уверенностью в воздухе; мы будем оборонять наш остров, чего бы это ни стоило, мы будем сражаться на побережье, мы будем сражаться на полях и на улицах, мы будем сражаться на холмах, мы не сдадимся никогда».

В эти дни Черчилль всерьез опасался вторжения. Недаром он говорил о боях *«на побережье, на полях и на улицах, на холмах».* Нацеливая свою страну на битву с жестоким врагом, Черчилль, в то же время, прилагал все усилия для создания будущей антигитлеровской коалиции. И именно в это время он принял решение

послать Стаффорда Криппса в Москву, к Сталину. Это было не простое решение.

Весной 1940 г. Сталин все еще считался «другом» Гитлера.

Русские публично и громогласно восхваляли все захватнические акции Германии, называя их *«оборонительными мероприятиями против поджигателей войны Англии и Франции»*. Но Черчилль был абсолютно уверен в том, что рано или поздно столкновение между Гитлером и Сталиным должно произойти. Британский премьер «полагался на ход событий» и, в преддверии этих событий, пытался наладить более тесные отношения с Россией. Эту сложную миссию он доверил Криппсу.

Первая задача нового посла заключалась в передаче Сталину личного послания Черчилля. Однако выполнить эту, простую, на первый взгляд, задачу, оказалось не так то просто — Сталин, как правило, с иностранными дипломатами лично не встречался. И тогда, чтобы проникнуть к Сталину, Криппс, проявив незаурядную изобретательность, воспользовался ритуалом вручения верительных грамот. Правда, способ, которым он это сделал, гораздо больше подходил для профессионального шпиона, чем для английского лорда — посла Его Величества короля Великобритании Георга VI.

26 июня 1940 г. высокий и элегантный британский посол прибыл в Кремль для вручения верительных грамот наркому Молотову. Вручив верительные грамоты, Криппс неожиданно заявил, что он, в принципе, прибыл в Кремль еще *«по одному весьма конфиденциальному вопросу, который изложен в записке, написанной на*

русском языке от руки...» и положил на стол перед Молотовым листок.

Выждав, пока Молотов прочтет записку и спрячет листок в ящик стола, дипломат заметил, что *«далее он не считает возможным задерживать господина Молотова»*, и величественно удалился.

ИЗ ЗАПИСКИ БРИТАНСКОГО ПОСЛА

«Я получил инструкции от своего правительства добиваться немедленного приема у Вас с тем, чтобы поставить Вас в известность, что я получил весьма важное послание от министра-президента Великобритании на имя г-на Сталина, и мне поручено далее запросить у Вас, г-н председатель, может ли мне быть дана возможность передать в самое ближайшее время послание министра-президента г-ну Сталину лично, ввиду того, что яне вправе передать его каким-либо другим способом... Я вполне признаю, что выраженная мною просьба является крайне незаурядной, но обстоятельства нашего времени таковы, что министр-президент Великобритании счел необходимым в интересах своей собственной страны и, как он полагает, также в интересах СССР, избрать этот крайне исключительный путь, направленный к тому, чтобы г-н Сталин и Вы имели бы перед глазами полное и откровенное изложение политики Великобритании.

Если я получу в какое-то время сообщение от Вас, что я могу принести с собой документы, о которых шла речь, в известное место и в известный час, то я заключу из этого, что Вы начали передачу мной послания министра-президента г-ну Сталину в указанные час и место. Я привезу с собой оригинальное послание на английском языке, равно как сделанный без ручательства

перевод его на русский язык, каковой, я надеюсь, будет вполне точным...»

Сталин недаром любил всякого рода тайны и конспирации — просьба нового британского посла понравилась ему и была удовлетворена.

1 июля 1940 г., в 18 часов 30 минут, Криппс встретился в Кремле со Сталиным и получил возможность передать ему личное послание бывшего непримиримого врага большевистской России Уинстона Черчилля.

ИЗ ЛИЧНОГО ПОСЛАНИЯ ЧЕРЧИЛЛЯ

Премьер-министру Сталину

25 июня 1940 г.

В настоящее время, когда лицо Европы меняется с каждым часом, я хочу воспользоваться случаем — принятием Вами нового посла Его Величества, чтобы просить последнего передать Вам от меня это послание... В прошлом — по сути дела в недавнем прошлом — нашим отношениям, нужно признаться, мешали взаимные подозрения; а в августе прошлого года советское Правительство решило, что интересы Советского Союза требуют разрыва переговоров с нами и установления близких отношений с Германией. Таким образом, Германия стала Вашим другом почти в тот самый момент, когда она стала нашим врагом...

В настоящий момент проблема, которая стоит перед всей Европой, включая обе наши страны, заключается в следующем: как будут государства и народы Европы реагировать на перспективу установления германской гегемонии над континентом...

По существу, политика Великобритании сосредоточена на двух задачах: во-первых, спастись самой от германского господства, которое желает навязать нацистское правительство, и, во-вторых, освободить всю остальную Европу от господства, которое сейчас устанавливает над ней Германия. Только сам Советский Союз может судить о том, угрожает ли его интересам нынешняя претензия Германии на гегемонию в Европе, и если да, то каким образом эти интересы смогут быть наилучшим образом ограждены...

Черчилль составил это послание через три дня после того, как 22 июня 1940 г. на станции Ретонд в Компьенском лесу было подписано соглашение о капитуляции Франции. Это событие стало еще более символическим и еще более унижительным для Франции и Великобритании потому, что Гитлер потребовал произвести подписание соглашения в салон-вагоне маршала Фоша, в том самом, где в 1918 г. было подписано не менее унижительное соглашение о капитуляции Германии.

Теперь Германия стала фактической хозяйкой всей Европы.

В июне 1940 г., задолго до того, как была подписана гитлеровская «Директива № 21», Черчилль приглашает Сталина поразмыслить о претензиях Германии на гегемонию в Европе и об угрозе, которую могут представлять эти претензии для России.

Сталин прекрасно понял намек, содержащийся в послании британского премьера. А Криппс еще усилил впечатление, высказав Сталину устно то, что Черчилль не решился сказать даже в таком сверхсекретном послании.

ИЗ ПРОТОКОЛА БЕСЕДЫ С КРИППСОМ

1 июля 1940

Касаясь вопроса о желании Германии господствовать в Европе, Криппс говорит, что он не имел возможности встретить немцев и говорить с ними, но он имел возможность читать то, что они пишут. Кроме того, согласно информации, полученной от британской секретной службы, у него (Криппса) сложилось прочное мнение, что желание Гитлера одинаково, как в отношении господства на Западе, так и в отношении господства на Востоке.

Сэр Стаффорд Криппс пробудет в Москве все предвоенные месяцы, почти до самого «внезапного» нападения. Со временем его уверенность в том, что Гитлер готовит агрессию против России, только укрепитя. И сам факт пребывания этого неординарного человека в Москве будет иметь огромное значение для развития дальнейших событий, так как тесная связь дипломата с британской разведкой позволяла ему быть одним из самых информированных людей в мире.

Британский посол сознательно не будет делать тайны из известной ему информации, и даже, наоборот, станет охотно делиться ею и со своими коллегами — иностранными дипломатами, и с сотрудниками наркомата иностранных дел, и... с агентами контрразведки НКВД.

Сегодня, 1 февраля 1941 г., сэр Стаффорд Криппс снова приехал в Кремль на беседу с Вячеславом Молотовым.

До «внезапного» нападения остается 134 дня. 7 февраля 1941. Москва

«Козыри» советской контрразведки

Для оценки создавшейся опасной ситуации Сталину не нужны были ни намеки Черчилля, ни сведения, поступающие из Токио, Берлина и Бухареста. Ему было вполне достаточно агентурной информации, добываемой в Москве в иностранных посольствах.

«Разработкой» посольств занималась контрразведка НКВД, во главе которого с 1939 г. стояли два незаурядных во всех отношениях человека — Петр Федотов и Леонид Райхман. Оба они пришли в контрразведку из «органов», оба участвовали в осуществлении сталинских «чисток», оба были людьми жестокими и неразборчивыми в средствах. Профессионализм и опыт формального руководителя контрразведки Петра Федотова дополнялись инициативностью и неумным темпераментом его молодого заместителя Леонида Райхмана.

Изобретательность Райхмана не знала границ — телефонные разговоры всех иностранных посольств прослушивались, радиogramмы перехватывались, дипломатическая почта вскрывалась, иностранные дипломаты иногда добровольно, а иногда и принудительно, становились источниками агентурной информации.

Дипломаты и дипкурьеры

Одним из самых простых и легких трюков Райхмана была вербовка иностранных дипломатов. Для этой цели использовались все возможные методы — алкоголь, деньги, женщины.

Вот и сегодня, 7 февраля 1941 г., в контрразведку поступило сообщение от одного из таких завербованных дипломатов — первого секретаря греческой дипломатической миссии Петра Депастаса. Депастас подтверждал информацию, полученную еще в сентябре 1940 г. из Парижа, — «Германия нападет на Россию до удара по Англии!»:

«7 февраля 1941, №3/57

...За последнее время среди дипкорпуса сильно окрепли слухи о возможности нападения Германии на Советский Союз. По одной версии это произойдет после разгрома немцами Англии, по другой, которая считается наиболее вероятной, Германия нападет на СССР до удара по Англии, с целью обеспечить себе тыл и снабжение, независимо от исхода решительной схватки с Англией...»

Еще одним методом получения информации, широко применяемым Райхманом, был взлом дипломатической почты иностранных государств.

Секретные документы изымались из запечатанных дипломатических вализ, фотографировались, переводились на русский и незамедлительно поступали в Кремль. Вся обработка вализ проводилась настолько профессионально, что никаких следов взлома не оставалось. По свидетельству заместителя начальника внешней разведки НКВД генерала Павла Судоплатова, японская дипломатическая почта, идущая без сопровождения, фотографировалась в созданной НКВД

небольшой лаборатории прямо в почтовом вагоне на пути ее следования из Москвы во Владивосток.

С германской дипломатической почтой творились дела еще более невероятные — вализы вскрывались в Москве в гостинице «Метрополь», где обычно останавливались немецкие дипкурьеры. На время «обработки» вализ, дипкурьеры «изолировались». Их «случайно» запирали в ванной комнате гостиничного номера или они вдруг оказывались в кабине «случайно» застрявшего между этажами лифта. И пока «нерасторопные» работники гостиницы освобождали насмерть перепуганных пленников, содержимое вализ фотографировалось.

Но самую интересную информацию советская контрразведка получала путем прослушивания и записи разговоров, ведущихся сотрудниками иностранных посольств. С этой целью в помещениях посольств устанавливалась специальная аппаратура, делающая их абсолютно «прозрачными» для Кремля. Вполне естественно, что немцы пользовались особым вниманием, и аппаратура прослушивания была установлена не только в особняке посольства в Леонтьевском переулке № 10, но и в частных резиденциях германских дипломатов — в особняке посла фон дер Шуленбурга, в Чистом переулке № 5, в резиденции военного атташе генерала Кёстринга, в Хлебном переулке № 28, и даже в особняках, занимаемых заместителем Кёстринга полковником Кребсом и военно-морским атташе Баунбахом.

Создание разветвленной системы прослушивания было начато советской контрразведкой в середине 1940 г., после получения из-за рубежа первых тревожных

шифровок о подготовке Германии к войне. Естественно, что установка аппаратуры прослушивания в помещениях иностранных посольств и в частных резиденциях дипломатов, была незаконна, как и незаконным было и вскрытие вализ иностранных дипкурьеров. Осуществление этой секретной акции стало возможным благодаря необычному таланту одного особого агента контрразведки, по кличке «Колонист».

Человек — легенда

Под кличкой «Колонист» в эти дни работал в Москве известный советский разведчик, человек, ставший легендой, Николай Кузнецов. Тот самый Кузнецов, который, действуя на оккупированной территории под личиной немца — обер-лейтенанта вермахта Пауля Вильгельма Зиберта, в беспримерных по смелости операциях уничтожит несколько высокопоставленных нацистов, в том числе, советника рейхскомиссариата Украины Гелля, заместителя рейхскомиссара генерала Даргеля, президента Верховного суда Функа, вице-губернатора Галиции Бауэра. По официальной версии Кузнецов погиб в 1944 г., попав в засаду, устроенную украинскими националистами в селе Боратин Львовской области. Многие в этой трагической гибели неясно и вызывает недоумение. Но так или иначе, указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 ноября 1944 г. Кузнецову посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза, и имя разведчика стало широко известно.

В то же время работа Кузнецова в контрразведке в Москве все еще до конца не предана огласке. А ведь именно эта работа, в которой так блистательно

проявился его необычный талант, возможно, и привела его впоследствии к гибели.

Николай Кузнецов прожил короткую жизнь, в которой было, пожалуй, не меньше загадок, чем в его гибели. Одной из загадок было его поразительное знание немецкого языка при полном отсутствии систематического образования. Это превосходное владение немецким, достаточно странное у крестьянского сына, родившегося в заброшенной пермской деревеньке Зырянка, удачно сочеталось с его арийской внешностью и кличкой «Колонист». Скорей всего, Николай (или Никанор?) Кузнецов, действительно, происходил из семьи немецких колонистов и получил свою кличку не случайно.

Человек сомнительного национального и социального происхождения, исключенный из комсомола как сын кулака и «участник белой банды», Кузнецов в 1932 г. был арестован, но в том же году, без всяких причин, освобожден и направлен на работу на один из уральских заводов. В 1938 г. та же картина — арестован, неожиданно освобожден и направлен на работу... в контрразведку. Кузнецов объявился в Москве. Но теперь это был уже не Кузнецов, а некий Рудольф Шмидт — немец, эмигрировавший в Россию вместе с родителями еще в детском возрасте. Два года провел Кузнецов под личиной Рудольфа Шмидта — летчика-испытателя Московского авиационного завода № 22.

Тридцатилетний стройный блондин, завсегда тай театров, выставок, ресторанов, Рудольф Шмидт легко располагал к себе людей и стал заметной фигурой в московском светском обществе. Большую часть своего времени он проводил с сотрудниками германского

посольства, которые очень симпатизировали молодому обрусевшему немцу, в карманах которого всегда водились деньги. Пользуясь этой «дружбой», Кузнецов сумел обеспечить техническому подразделению контрразведки свободный доступ во все резиденции германских дипломатов.

Талантливый актер, Кузнецов обычно вступал в контакт с обслугой одного из германских дипломатов и, дождавшись момента, когда дипломат будет в отъезде, выманивал обслугу из резиденции, давая этим возможность установить в пустующем помещении прослушивающую аппаратуру. Так, обаятельный герр Шмидт влюбил в себя тридцатилетнюю немку Марту — горничную германского военно-морского атташе Норберта Баумбаха. В один из вечеров, когда атташе был в отъезде, он пригласил фрейлейн Марту на долгую «романтическую» прогулку на катере по Москве-реке, оставив тем самым особняк Баумбаха без присмотра.

В другом случае, герр Шмидт сдружился с камердинером германского посла Гейнцем Флегелем и «еще более тесно» с его женой Ирмой. В отсутствие посла Флегель дал возможность симпатичному и щедрому другу семьи осмотреть апартаменты Шуленбурга, о чем «Колонист» немедленно доложил своему куратору капитану Василию Рясному, а Рясной, в свою очередь, представил соответствующий рапорт начальству.

ИЗ РАПОРТА КАПИТАНА РЯСНОГО

В 14 ч 45 мин Гейнц Флегель встретил источник у «Националя». Привез его в своем автомобиле в квартиру Шуленбурга, где источник пробыл до 21 ч 45мин... Источник попросил Флегеля показать квартиру посла.

Флегель провел его по всему дому, идя впереди, с ключом в руках и открывая двери. Квартира посла выглядела следующим образом...

Следующим шагом была установка аппаратуры. Для этой цели в один из рождественских вечеров, 28 декабря 1940 г., Рудольф Шмидт пригласил Гейнца Флегеля и его жену к себе на ужин.

ИЗ РАПОРТА КАПИТАНА РЯСНОГО

28/ХП-40 г. Флегель Гейнц с женой Ирмой были весь вечер у источника. Флегель подарил ист. рождественский подарок — значок нац. соц. партии — орел со свастикой в когтях, такой значок носят все члены СГРП. Кроме того, подарил грампластинки, пепельницу и т.д. В беседе Флегель Гейнц по-прежнему резко антисоветски настроен, советует источ. думать о перебежке в Германию...

На рапорте Рясного полустертая помета: «т. Егорову. В разработку».

Товарищ Егоров, как видно, выполнил свою задачу успешно, так как в дальнейшем записи всех разговоров, происходивших в апартаментах Шуленбурга, исправно поступали в Кремль. Круглосуточное прослушивание разговоров сотрудников иностранных посольств, контроль дипломатической почты, информация, получаемая от иностранных дипломатов, давали возможность Сталину, вне зависимости от сообщений, поступающих из-за рубежа, быть в курсе всего, что касалось подготовки Германии к нападению.

До начала операции «Барбаросса» остается 133 дня. 8 февраля 1941. Берлин

«Красная Капелла» в эфире

Органы советской разведки получают огромный объем агентурной информации. Количество источников поражает! Особенно много подробных и точных сведений поступает из Берлина. Вальтер Шелленберг, даже с каким-то удивлением, вспоминает: *«...Фактически, в каждом министерстве рейха, среди лиц, занимавших ответственные посты, имелись агенты русской секретной службы, которые могли использовать для передачи информации тайные радиопередатчики».*

В 1942 г. нацистам удалось выявить и арестовать большую группу советских агентов, и Рейнхард Гейдрих, по своему обыкновению, дал этой группе музыкальное название — «Красная Капелла». В отличие от «Черной Капеллы», обнаруженной им в 1939 г. и связанной с Западом через Ватикан, «Красная Капелла» работала напрямую с «Красной» Москвой.

В действительности, арестованные участники «Красной Капеллы», так же как и «музыканты Черной Капеллы», не были звеньями какой-то общей шпионской сети, а представляли собой несколько совершенно независимых групп. Некоторые из этих групп принадлежали к внешней разведке НКВД, другие — к военной разведке. В большинстве своем агенты не знали друг друга и действовали в разных странах — в Германии, Бельгии, Франции, Швейцарии... Их свяжет в будущем чья-то злая воля, общая трагическая судьба и

имя, данное им Гейдрихом. Вальтер Шелленберг о «Красной Капелле» писал: *«Ее радиосвязь охватывала всю территорию Европы, протянувшись от Норвегии через Швейцарию до Средиземного моря, и от Атлантического океана до Балтики. Первые „музыканты” — так мы называли радистов — были сотрудниками советского посольства в Париже, которые, после вступления во Францию немецких войск, разъехались по разным странам...»*

Случайно или намеренно, но Шелленберг не упоминает о том, что в «Красную Капеллу», кроме радистов — сотрудников советского посольства в Париже, входила берлинская группа немецких патриотов, сотрудничавших с советской разведкой из чисто идеологических соображений, и немалое число нелегалов, засланных в разное время во многие страны из Москвы.

Дело «Красной Капеллы», учитывая его важность, будет вести сам зловещий шеф гестапо Генрих Мюллер. Только в Берлине будут арестованы 130 человек — ученых, писателей, профессиональных военных. По приговору военного трибунала от 19 декабря 1942 г. 49 человек будут казнены — мужчины повешены, а женщины обезглавлены.

Но сегодня, 8 февраля 1941 г., «Красная Капелла» еще в эфире, и важнейшая секретная информация все еще регулярно поступает в Москву.

СООБЩЕНИЕ НКГБ СССР

Сталину, Молотову, Микояну

№ 18/мСов. секретно

8 февраля 1941

Основание: Сообщение «Степанова» по данным «Корсиканца».

*«Корсиканец» сообщил следующее: ряд фактов указывает на то, что германское военное командование проводит систематическую подготовку к войне против СССР. В беседе с офицером штаба Верховного командования, последний, выражая, очевидно, настроения, существующие в штабе, рассказал, что, **по всем данным Германия, в 1941 г. предполагает начать войну против СССР...***

Цель войны — отторжение от Советского Союза части европейской территории СССР от Ленинграда до Черного моря и создание на этой территории государства, целиком зависящего от Германии.

Военно-хозяйственный отдел статистического управления Германии получил от Верховного командования распоряжение о составлении карт расположения промышленных предприятий СССР по районам. Такие же карты были изготовлены перед войной в отношении Англии, в целях ориентировки при выборе объектов воздушной бомбардировки.

Численность германской армии в настоящее время, по общему мнению, составляет 8 — 9 миллионов человек.

Это сообщение было получено из Берлина от одного из агентов «Красной Капеллы», известного по кличке «Корсиканец», через советского разведчика по кличке «Степанов».

«Корсиканец»

Под кличкой «Корсиканец» в Берлине действует агент внешней разведки немецкий патриот Арвид Харнак. Доктор Харнак, уважаемый член нацистской партии, занимает пост старшего правительственного советника в министерстве экономики, и на подпись к нему поступают важнейшие документы рейха — секретные торговые соглашения, отчеты о валютных операциях и оплате агентов германской разведки. Несмотря на свое высокое положение, Харнак, как истинный патриот Германии, ненавидит нацизм и видит цель своей жизни в освобождении фатерланда от гитлеровского режима.

Человек исключительных способностей, обладатель двух докторских степеней — по юриспруденции и по философии — Харнак долго жил и учился в Америке, где и приобщился к идеям коммунизма. В 1932 г., став уже нелегальным членом германской компартии, он в составе делегации немецких ученых посетил Москву и много времени провел с руководителями Коминтерна. И, видимо, с этого времени он начал получать материальную поддержку от советской разведки.

В 1935 г., став по рекомендации Москвы членом нацистской партии и членом нацистского союза юристов, Харнак уже активно сотрудничает с Москвой, и носит кличку «Балтиец». Связь с Харнаком осуществлял в те дни резидент внешней разведки в Берлине Борис Гордон. В мае 1937 г. Гордон, старый коммунист, герой Гражданской, был, как и многие другие легальные и нелегальные резиденты, неожиданно отозван в Москву, арестован и расстрелян. К Харнаку были посланы новые люди, но и они, по различным причинам, исчезли. Расстреляны были и сотрудники центрального аппарата

внешней разведки, знавшие о работе «Балтийца». Связь с ним прервалась.

Летом 1940 г., в связи с угрозой войны, возникла срочная необходимость восстановления утраченных связей со всеми зарубежными агентами. Советская военная разведка с этой миссией справилась достаточно оперативно и сумела восстановить связь с очень ценной шпионской группой, во главе которой стояла Ильзе Штебе. В то же время агенты внешней разведки все еще оставались не выявленными, и виноват в этом был резидент майор Кобулов.

Человек малообразованный, не имевший опыта и не знавший немецкого языка, Амаяк Кобулов в сентябре 1939 г. стал главой самой важной резидентуры, берлинской, по протекции своего брата, приспешника Лаврентия Берия — Богдана Кобулова. Деловые качества Кобулова-младшего были хорошо известны в Москве, и когда Амаяк запросил разрешение на восстановление связи с «Балтийцем», Центр категорически запретил ему идти на контакт с агентом. Для восстановления утраченных связей в Берлин был послан другой человек — лейтенант госбезопасности Александр Короткое.

«Степанов»

Александр Короткое, кадровый сотрудник внешней разведки, личность, несомненно, неординарная, из своих тридцати лет почти пятнадцать отдал работе в «органах».

Сашка Короткое вырос без отца на темных улицах московской Сухаревки, кишевшей в те годы ворами и убийцами. Не закончив школу, он поступил на работу в ОГПУ «лифтовым» и здесь, на Лубянке, прошел долгий путь от «лифтового» до профессионального

оперативника-боевика. Придет день, и уличный мальчишка Сашка станет генерал-майором и займет пост заместителя начальника Внешней разведки НКВД.

А сегодня Александр Короткое — высокий, худощавый мужчина, с каштановыми вьющимися волосами и красивым лицом, которое неожиданно портит жесткий рот и холодный блеск серо-голубых, всегда чуть прищуренных глаз. Большую часть своей жизни Короткое провел за границей — в Австрии, Швейцарии, Германии, Франции, где он «проходил стажировку» у легендарного боевика Александра Орлова и выполнял особые, исходящие от самого Сталина, задания — боевые операции или, попросту говоря, убийства. Так, в марте 1938 г. в Париже Короткое и его подельник-турок ликвидировали Георгия Агабекова, бывшего резидента советской разведки на Ближнем Востоке. Агабекова хитростью заманили на явочную квартиру и зарезали. Труп уложили в чемодан и выбросили в Сену. Через несколько месяцев таким же способом был зарезан один из ближайших помощников Льва Троцкого, немецкий политэмигрант Рудольф Клемент.

Операции, осуществленные Коротковым в Париже, были чрезвычайно опасны — в случае поимки по французским законам ему грозила гильотина. Но Сашка Короткое был человеком рискованным. Он обладал большой физической силой и холодной волей, был наделен природным умом, а еще, и это, может быть, самое главное, умел действовать безошибочно в самых экстремальных ситуациях. Тело Агабекова так никогда и не было найдено, а к тому времени, когда труп Климента французская полиция выловила из Сены, Короткое давно уже исчез из Парижа.

Летом 1940 г. задача Короткова не была связана с убийством, а заключалась, всего лишь, в восстановлении утраченных связей с агентами. За годы отсутствия связи агент мог быть «перевербован», мог быть уничтожен или заменен другим человеком... Во всех непредвиденных случаях разведчик должен был действовать быстро и решительно, не боясь применить оружие. Лейтенант госбезопасности Короткое идеально подходил для этой задачи.

На встречу с «Балтийцем» Короткое явился без предупреждения. Темным осенним вечером, 17 сентября 1940 г., в двери дома № 16 по Вайрштрассе позвонил высокий молодой мужчина. Харнак, человек осмотрительный, встретил незнакомца настороженно — его европейская внешность и манеры, чистая немецкая речь и даже легкий австрийский акцент — все показалось «Балтийцу» подозрительным. Но Короткое недаром был послан в Берлин — он сумел успокоить агента и убедил его продолжить работу на Москву. Как оказалось, вокруг Харнака, получившего новую кличку «Корсиканец», за эти годы сплотилась группа друзей, объединенных общей ненавистью к нацизму и Гитлеру. Это были люди разных возрастов, разных профессий и разных политических взглядов. Среди них молодой немецкий аристократ, обер-лейтенант авиации Харро Шульце-Бойзен и его жена Либертас, философ и драматург Адам Кукхоф и его жена Грета, скульптор Курт Шумахер с женой, художницей Элизабет, и даже главный бухгалтер концерна «И.Г. Фарбениндустри» Ханс Рупп.

Большую помощь оказывала Харнаку и его супруга — доктор наук Милдред Фиш, которая, разделяя антинацистские взгляды мужа, использовала свой пост руководителя «Союза американских женщин в Берлине»

для сбора информации и вербовки новых агентов. Первое сообщение «Корсиканца», предупреждающее о том, что *«примерно через шесть месяцев Германия осуществит нападение на Россию»*, поступило в Москву уже в начале октября 1940 г.

А недели через две Короткова вызвали в Москву, где он получил уже новое подробное задание на работу с восстановленным агентом.

Удивительно, но в этом задании совершенно не затрагивался вопрос возможности нападения Германии на Россию весной 1941 г.

Вместо этого, Короткой должен был выяснить, что будет делать Германия в случае «затяжки и расширения войны».

Новое задание разведчика занимало три страницы машинописного текста и завершалось обычной формулой: «Читал, усвоил и принял к исполнению». Короткое прочитал задание, запомнил его и поставил под ним свою подпись: «Степанов, 26.XII.40».

Степанов? Это еще одна кличка Короткова. Под этой кличкой Александр Короткое, известный в Берлине как Александр Эрдберг, будет посылать в Москву свои шифровки. В первых числах января 1941 г. Короткое — Эрдберг — Степанов возвратился в Берлин и приступил к выполнению задания. Формально он занимал пост заместителя резидента Кобулова, но, фактически, вся связь с агентами шла через него. От группы Харнака в Москву пошел поток агентурной информации.

А в Москве к этому времени уже была создана специальная аналитическая группа для приема и анализа этой информации. Возглавлял эту группу руководитель

немецкого отделения внешней разведки майор Журавлев.

Литерное дело «Затея»

Вспоминает генерал Павел Судоплатов:

«С ноября 1940 г. мы все находились в состоянии повышенной готовности. К этому времени Павел Журавлев и Зоя Рыбкина завели литерное дело под названием „Затея“, в котором сосредоточивались информационные материалы о подготовке Германии к войне против Советского Союза. С помощью этого дела было легче регулярно следить за развитием немецкой политики, в частности, за ее возрастающей агрессивностью. Информация из этого литерного дела регулярно поступала к Сталину и Молотову, что позволяло им корректировать их политику по отношению к Гитлеру...»

Литерное дело «Затея»! Какое удивительное и какое точное название! Кто же он, этот «Затейник»? И в чем заключается эта «Затея»?

Павел Журавлев и Зоя Рыбкина не были новичками в разведке.

О Журавлеве уже в те дни по Москве ходили легенды. Сорокадвухлетний майор госбезопасности Журавлев, больше половины своей жизни проработавший в разведке, успел уже побывать с секретными миссиями в Чехословакии, в Турции, в Италии. Отлично владевший несколькими европейскими языками, мягкий, вежливый, исключительно честный человек, Журавлев больше походил на ученого, чем на разведчика, и был талантливейшим аналитиком.

Ближайшая помощница Журавлева — младший лейтенант Зоя Рыбкина, так же как Журавлев свободно владевшая немецким, служила в разведке около десяти лет; под кличкой «Ирина» она выполняла задания в Харбине, Хельсинках, Вене, Берлине. Оперативник Рыбкина была на редкость вдумчивым и толковым человеком (в будущем она станет известной детской писательницей Зоей Воскресенской).

Содержание папки литерного дела «Затея» будет увеличиваться с каждым днем, накапливая разведывательные донесения из Берлина.

Нелегал «Вардо»

Разведка НКВД как будто бы не имела причин не доверять немецкому коммунисту Харнаку и, тем более, не имела причин не доверять боевику Короткову. Профессионализм Короткова, его интуиция, его опыт работы с агентами не вызывали сомнения. И все-таки...

Для проверки надежности получаемой от «Степанова» информации в Берлин направляется еще один оперативник НКВД — Елизавета Зарубина.

Зарубина — оперативник особый! Дочь богатых черновицких евреев, редкая красавица, Лиза Розенцвейг получила образование в университетах Парижа и Вены и в совершенстве владела несколькими иностранными языками. Многие в своей жизни могла успеть эта образованная, талантливая и исключительно смелая девушка. Но... она связала свою жизнь с советской разведкой и стала нелегалом «Вардо». Имя Лизы Розенцвейг связано с давней и достаточно темной историей ее «романа» с легендарным Яковом Блюмкиным. Именно ей принадлежит сомнительная честь совращения Блюмкина и заманивания его из Турции в

Россию. Как известно, по приезду в Москву бесстрашный боевик Блюмкин был арестован, обвинен в связях с Троцким и расстрелян.

Яков Блюмкин вошел в историю в 1918 году, когда по заданию партии левых эсеров он проник в германское посольство в Москве и застрелил посланника — графа Вильгельма Мирбаха. Блюмкину было тогда всего 18 лет.

Короткая жизнь Якова Блюмкина была отмечена совершенно невероятными приключениями. Он участвовал в экспедиции Федора Раскольниковца на Каспийском море, был на Тибете, представ там перед Николаем Рерихом под личиной монгольского ламы, более пяти раз получал смертельные ранения и только чудом остался в живых. Выполняя задания внешней разведки НКВД, Блюмкин успел побывать в Сирии, Палестине, Египте, сменил не одну личину, и только любовь могла стоить жизни этому отчаянному одесситу. Когда в Стамбуле, где он тогда обретался, перед ним неожиданно возникла красавица-еврейка Лиза, бесстрашный боевик был сражен, и судьба его решена.

Трудно сказать, мучило ли в дальнейшем Лизу Розенцвейг предательство, которое она совершила по отношению к своему единоверцу. Во всяком случае, вскоре после этой истории, Лиза, вместе со своим настоящим мужем — знаменитым советским разведчиком Василием Зарубиным, уже выполняла секретные задания разведки в Дании, во Франции, в Германии. Теперь она снова в Германии.

В декабре 1940 г. «Вардо» прибыла в Берлин со специальной целью, не обнаруживая себя, проверить, что собой представляют супруги — Арвид и Милдред Харнак — и насколько можно им доверять. По

результатам этой проверки Зарубина направила в Москву подробный отчет, включавший даже описание внешности супругов:

«Она самоуверенная, высокая, голубоглазая, крупная, выглядит типичной немкой, хотя является американкой, принадлежащей к низшим слоям среднего класса; она умна, чувствительна, благонадежна, типичная фрау ярко выраженного нордического типа.

Арвид Харнак происходит из хорошей семьи, откуда вышли богословы и немецкие философы.

Оба они [супруги Харнак] проявляют большую осторожность в установлении контактов, чрезвычайно дипломатичны по отношению к другим людям, производят полное впечатление людей, хорошо подготовленных и дисциплинированных. Они поддерживают тесные связи с мужчинами и женщинами из нацистских кругов... Арвид находится вне подозрений и занимает важный пост в министерстве. Я уверена, если меня только не ввели в заблуждение, что они полностью надежны и, с нашей точки зрения, им можно доверять».

Елизавета Зарубина оставалась в Берлине до самого «внезапного» нападения и, вполне естественно, что и она, со своей стороны, снабжала Москву информацией, касающейся подготовки Германии к войне.

После начала войны «Вардо», вместе со всеми сотрудниками полпредства, была интернирована и только 29 июня 1941 г. вернулась в Москву. А в конце октября 1941 г. супруги Зарубины, под фамилией Зубилины, уже летели в Нью-Йорк. Теперь их невероятная задача заключалась в том, чтобы через специальную «агентуру влияния» воздействовать на американский Конгресс, склоняя США к вступлению в войну против Германии. А

еще — «во всякое время суток быть в курсе намерений и мыслей президента Рузвельта». Именно такой приказ в ночь на 12 октября 1941 г. дал Василию Зарубину лично Сталин.

От «Корсиканца» Сталину

С января 1941 г. цепочка передачи информации — от «Корсиканца» через «Степанова» в Москву к Рыбкиной, Журавлеву — уже готова к действию. И в течение полугода, до самого «внезапного» нападения, эта ценнейшая информация, достоверность которой не могла вызывать, и не вызывала, сомнений, будет накапливаться в папке литерного дела «Затея», анализироваться талантливейшими аналитиками внешней разведки и направляться в Кремль Сталину.

До «внезапного» нападения остается 129 дней. 12 февраля 1941. Москва

Мобилизационный план на 1941г.

В преддверии будущей войны Советский Союз увеличивает численность своих вооруженных сил.

Сегодня Совет народных комиссаров СССР принял проект постановления «О Мобилизационном плане на 1941 г.». В соответствии с планом, мобилизация военнообязанных запаса может быть проведена в одном из двух вариантов — открыто по приказу наркома обороны или скрыто, под видом учебных сборов.

***ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ СНК СССР «О
МОБИЛИЗАЦИОННОМ ПЛАНЕ НА 1941 ГОД»***

12 февраля 1941 г.

Мобплану 1941 г. присвоить наименования: по Красной армии — «Мобплан № 23», по гражданским наркоматам — «Мобплан № 9».

Все мобилизационные разработки по новому Мобплану начать немедленно с расчетом окончания всех работ, как в центре, так и на местах, к 1 июля 1941 г...

При проведении общей мобилизации всех военных округов, численность Красной армии... установить: военнослужащих — 8 682 827чел.

Штатную численность вооружения и боевой техники при общей мобилизации установить: орудий — 61226, танков — 36 879, броневых автомобилей — 10 679, самолетов — 32 628...

Утвердить порядок проведения мобилизации по Мобплану 1941 г. по двум вариантам:

а) ...скрытым порядком, в порядке так называемых Больших учебных сборов (БУС). В этом случае призыв военнообязанных запаса... производить персональными повестками, специальным распоряжением народного комиссара обороны СССР, без объявления для всеобщего сведения приказов НКО;

б) ...открытым порядком, т. е. когда мобилизация объявляется Указом Президиума Верховного Совета СССР (статья 49, пункт «Л» Конституции СССР) — призыв военнообязанных запаса... производить приказами народного комиссара обороны Союза ССР, расклеиваемыми для общего сведения (в порядке ст. 72—73 Закона о всеобщей воинской обязанности)...

Председатель СНК Союза ССР...

Постановление «О Мобилизационном плане на 1941 г.» принято Советом народных комиссаров на базе записки, подписанной наркомом обороны маршалом Тимошенко и новым начальником Генштаба генералом армии Жуковым. В записке расшифровывалась потребность армии в людях, в транспорте и связи, в боевой технике и вещевом имуществе на первый год будущей войны. Наряду с цифрами необходимых количеств фронтовой и тыловой авиации, различных типов танков, автомобилей, тракторов, минометов и радиостанций, были приведены цифры необходимости даже в самых мелких предметах — котелках, поясных ремнях, теплых кальсонах...

Записка предусматривала увеличение численности Красной армии, по сравнению с 1939 г., на 1 856 185 человек.

И еще один важный пункт содержала Записка — потребность покрытия *«предположительных потерь в младшем начальствующем и рядовом составе за первый год войны»*.

При общей численности армии в 8 682 827 человек предположительные потери на первый год войны оценивались в 3 805 461 человек.

**До начала операции
«Барбаросса» остается 126 дней.
15 февраля 1941. Берлин**

Гитлеровская дезинформация, или «Шила в мешке не утаишь!»

Гитлер считал, что одним из главных факторов, гарантирующих успех операции «Барбаросса», должна быть ее секретность. Именно поэтому «Директива № 21» была отпечатана всего в девяти экземплярах, и только три из них вручены главнокомандующим войскам, а остальные шесть экземпляров были надежно спрятаны в железном сейфе штаба Верховного главнокомандования.

Уже в преамбуле к «Директиве № 21» указывалось: *«Решающее значение должно быть придано тому, чтобы наши намерения напасть не были распознаны»*. В четвертом пункте директивы вопрос секретности операции рассматривался еще более подробно:

«Число офицеров, привлекаемых для первоначальных приготовлений, должно быть максимально ограниченным. Остальных сотрудников, участие которых необходимо, следует привлекать к работе как можно позже и знакомить только с частными сторонами подготовки, необходимыми для исполнения служебных обязанностей каждого из них в отдельности. Иначе имеется опасность возникновения серьезных политических и военных осложнений в результате раскрытия наших приготовлений, сроки которых еще не назначены».

Гитлер, конечно, не мог не понимать, что подготовку военной операции такого масштаба скрыть практически невозможно. Ведь эта подготовка должна была занять, по крайней мере, месяцев пять, и охватить, кроме Германии, еще несколько стран — Румынию, Венгрию, Финляндию. Для осуществления операции нужно было провести через пол-Европы, сосредоточить и развернуть на советских границах, от Балтики до Черного моря, многомиллионную армию, тысячи танков,

самолетов, десятки тысяч орудий, автомашин. Нужно было подготовить казармы, построить склады горючего, боеприпасов, продовольствия, обмундирования, построить аэродромы, автомобильные и железные дороги. Все это невозможно скрыть, когда за каждым шагом Германии и ее союзников бдительно следят профессиональные разведки многих стран.

Учитывая все сложности подготовки такой грандиозной операции, для обеспечения ее секретности, с самого начала была сделана ставка не только на скрытность проводимых мероприятий, но и на целенаправленную комплексную дезинформацию, маскирующую истинные цели этих мероприятий.

Подготовка к осуществлению операции «Барбаросса» началась уже в декабре 1940 г., сразу же после подписания «Директивы № 21». И одновременно открылась кампания по дезинформации.

Одну из первых акций по дезинформации Гитлер осуществил лично — в письме к Бенито Муссолини в новогоднюю ночь 1941 г:

«31 декабря 1940

Дуче! Рассматривая общую обстановку, я прихожу к следующим выводам: сама по себе война на Западе выиграна. Необходимо еще приложить последнее, серьезное усилие, чтобы сокрушить Англию...

Я не предвижу какой-либо инициативы русских против нас, пока жив Сталин, а мы сами не являемся жертвами каких-либо серьезных неудач... Я хотел бы добавить к этим общим соображениям, что, в настоящее время, у нас очень хорошие отношения с СССР...

В остальном, дуче, мы не можем принять каких-либо важных решений до марта.

Искренне Ваш Адольф Гитлер».

Опасаясь, что из ближайшего окружения Муссолини может произойти утечка информации, Гитлер даже в письме к своему ближайшему союзнику дает ложную оценку ситуации. И опасения Гитлера не напрасны. По некоторым данным, в эти дни на внешнюю разведку НКВД работал ди Кортелаццо — родной племянник министра иностранных дел Италии — графа Галеаццо Чиано.

В феврале 1941 г., когда подготовка к нападению уже шла полным ходом, штаб Верховного главнокомандования по приказу Гитлера выпустил **специальную директиву по дезинформации.**

Разработчики директивы, точно так же как Гитлер, не питали иллюзий, что подготовку к операции «Барбаросса» удастся сохранить в тайне до самого начала вторжения, и подчеркивали только, что успех будет зависеть от того, как долго эта подготовка сможет оставаться в секрете.

*ИЗ УКАЗАНИЯ ШТАБА ОПЕРАТИВНОГО
РУКОВОДСТВА ОКБ О МЕРОПРИЯТИЯХ ПО
ДЕЗИНФОРМАЦИИ*

15 февраля 1941

Цель маскировки — скрыть от противника подготовку к операции «Барбаросса». Эта главная цель и определяет все меры, направленные на введение противника в заблуждение.

Чтобы выполнить поставленную задачу, необходимо на первом этапе, то есть приблизительно до середины апреля, сохранять ту неопределенность информации о наших намерениях, которая существует в настоящее время. На последующем, втором этапе, когда скрыть подготовку к операции «Барбаросса» уже не удастся, нужно будет объяснять соответствующие действия как дезинформационные, направленные на отвлечение внимания от подготовки вторжения в Англию.

На первом этапе: усилить уже и ныне повсеместно сложившееся впечатление о предстоящем вторжении в Англию... Сосредоточение сил для операции «Барбаросса» объяснять как перемещения войск, связанные с взаимной заменой гарнизонов Запада, Центра Германии и Востока, как подтягивание тыловых эшелонов для проведения операции «Марита» и, наконец, как оборонительные меры по прикрытию тыла от возможного нападения со стороны России.

На втором этапе: распространять мнение о сосредоточении войск для операции «Барбаросса» как о крупнейшем в истории войн отвлекающем маневре, который, якобы, служит для маскировки последних приготовлений к вторжению в Англию...

Чем четче будут вырисовываться подготовительные действия к операции «Барбаросса», тем труднее будет сохранять эффект дезинформации. Несмотря на это, необходимо делать все возможное для введения противника в заблуждение, основываясь не только на общих положениях о сохранении военной тайны, но и на методах, предлагаемых настоящим документом...

Гитлер надеется, что с помощью дезинформационных мероприятий ему удастся все же

затушевать подготовку к нападению на Россию до середины апреля 1941 г. А в дальнейшем он не придумал ничего лучшего, как объяснить сосредоточение миллионной германской армии на советских границах *«приготовлениями к вторжению на английские острова»*.

Примечательно, что аналогичными, абсурдными объяснениями, готовясь к нападению на Россию, пользовался и Наполеон. Летом 1812 г. перед Наполеоном стояла та же задача, что и перед Гитлером — ему предстояло провести через всю Европу к границам России огромную, по тем временам, полумиллионную армию, свою и своих союзников — Австрии и Пруссии. Вся дипломатия Наполеона была направлена на то, чтобы осуществить эту операцию в тайне от русских. Так, в эти дни он посылает в Петербург депешу французскому посланнику Лористону с точными указаниями, когда, кому и что говорить:

«Когда весть о движении наших войск появится в виде неопределенных слухов, следует все решительно отрицать...

Когда нельзя будет отрицать... Вы скажете, что Его Величество действительно сосредотачивает свои силы; что Россия, ведя переговоры, и не желая войны, давным-давно сосредоточила свои войска; что Его Величество тоже не хочет войны, но что ему угодно вести переговоры при одинаковых с Россией условиях».

Примечательно, что руководство кампанией по дезинформации Гитлер поручил начальнику абвера адмиралу Канарису — человеку, который, начиная с 1938 г., прилагал все усилия для того, чтобы ни одна агрессия Бесноватого не была неожиданной для его жертв.

И тем более это должно было касаться агрессии против России, агрессии, которая, как справедливо считали заговорщики «Черной Капеллы», несомненно, должна была закончиться катастрофой для Германии.

После войны большая часть оставшихся в живых сподвижников Гитлера называла Канариса чуть ли не главным виновником поражения Германии. В 1946 г., на Нюрнбергском процессе, адвокат преступника Кейтеля — доктор Отто Нельте, — говорил о Канарисе: *«Действия Канариса имели первостепенное значение для хода войны... Его характер можно оценить не только как двуличный, но и как коварный и подлый. Адмирал был классическим примером салонного конспиратора, охраняемого самой природой его деятельности, которую трудно проконтролировать».*

И в то же время, в период подготовки к операции «Барбаросса» именно Канарис должен был определять каналы и способы распространения дезинформации. Он же руководил передачей инструкций по дезинформации германским атташе в нейтральных и союзных странах. Одну из таких телеграмм-инструкций, чем-то напоминающую депешу Наполеона, в феврале 1941 г. перехватила советская контрразведка:

*ИЗ БЕРЛИНА ГЕРМАНСКОМУ ПОСОЛЬСТВУ В
ТЕГЕРАНЕ*

*Секретная инструкция «С», 12 февраля 1941 г.
Циркулярная телеграмма № 73 для военных атташе При
запросе относительно отправки германских войсковых
частей в Румынию, следует воздержаться от ответа. При
более настойчивых вопросах, ссылайтесь на Берлин. В
случае неизбежности ответа, высказывайте общую точку
зрения. Укажите, что политической причиной посылки*

наших войск в Румынию является то, что мы имеем достоверные сведения о концентрации английских войск всех родов в Греции...

О силе германских войск желательно сохранять неясность. В случае необходимости дать ответ относительно количественного состава войск, поощряйте всякую фантазию.

Сообщите о получении. Шеф отделения атташе Крамарц

Перехват этой телеграммы-инструкции и других документов такого же рода позволил советской контрразведке уже в феврале 1941 г. понять основные принципы гитлеровской кампании по дезинформации. На проведение ее были отпущены огромные средства, на службу были поставлены многие системы рейха — разведка, контрразведка, посольства, печать, радио. Ни один военный план Германии не готовился так тщательно, так фундаментально, в течение столь длительного времени, как план «Барбаросса». Ни одной операции не сопутствовала такая широкая кампания по дезинформации!

И все же в этой, как казалось, тщательно спланированной кампании было достаточно слабых мест. Это и исключительно затяжной характер подготовки к осуществлению операции. И абсурдная идея объяснения сосредоточения германских войск на советских границах подготовкой к вторжению на английские острова. И то, что кампания по дезинформации была поручена абверу во главе с адмиралом Канарисом.

И, наконец, может быть самое главное, в этой войне Гитлеру противостоял особый противник — коварный и

жестокий человек, искусный во лжи и притворстве — Великий Лицедей Иосиф Сталин.

Организация и проведение дезинформационных акций всегда были одной из основных функций советской разведки. Немало успешных крупномасштабных дезинформационных акций разведка провела уже в первые годы Советской власти, немало их будет проведено по указанию и при личном участии Сталина в период войны. Достаточно вспомнить 20-е годы — операции «Трест» и «Синдикат-2», ставшие классическими и вошедшие в учебники разведывательных центров многих стран, или проведенную уже во время войны операцию «Монастырь». С полным основанием можно сказать, что и в предвоенные месяцы Сталин проводил особые акции по дезинформации будущего противника.

Ну, а что касается гитлеровской кампании по дезинформации, то, несмотря на все усилия, она достаточно быстро была распознана, потому что, как гласит старая русская пословица, «Шила в мешке не утаишь».

В самый разгар войны, в августе 1942 г., в Москву на встречу со Сталиным прилетит из Египта Уинстон Черчилль. Черчилль, по его словам, впервые посетил *«-это угрюмое, зловещее большевистское государство, которое я когда-то настойчиво пытался задушить при его рождении и которое, вплоть до появления Гитлера, считал смертельным врагом цивилизованной свободы».*

Британский премьер несколько опасался встречи и переговоров с «Дядюшкой Джо», как теперь стали называть Сталина за рубежом, но неожиданно лидеры двух великих держав быстро нашли общий язык.

В один из вечеров в квартире Сталина в Кремле, за обеденным столом, уставленным, как всегда, обильной закуской и превосходными грузинскими винами, они засиделись далеко за полночь, «по-дружески» беседуя. Касаясь предвоенных взаимоотношений Советского Союза с Германией, Сталин заметил: *«Никто из нас никогда не доверял немцам. Для нас с ними всегда был связан вопрос Жизни или Смерти».*

Сталин сказал Черчиллю правду. Он не доверял немцам, не верил Гитлеру и, тем более, не мог поверить гитлеровской дезинформации.

Великий Лицедей Иосиф Сталин противопоставит гитлеровской дезинформации свой, гораздо более коварный сталинский БЛЕФ.

До «внезапного» нападения остается 123 дня. 18 февраля 1941. Москва

«Фантастические предложения» генерала Павлова

Командующий войсками Западного Особого военного округа генерал-полковник Дмитрий Павлов направил Сталину рапорт, в котором он настоятельно просил вождя дать приказ о создании оборонительных полос вдоль всей границы округа — на глубину до 300 км, до Барановичей.

Дмитрий Павлов в свои 44 года успел принять участие во многих войнах. В Первую мировую он был солдатом, Гражданскую закончил помощником командира полка, а в 1928 г. он уже выпускник Военной академии

имени Фрунзе и командует механизированной бригадой. Павлов воевал с фашистами в Испании, с японцами — на Дальнем Востоке, с финнами — на Северо-Западе. Сегодня генерал-полковник Павлов командует войсками Западного Особого военного округа.

Насыщенная событиями, героическая жизнь. И самый значимый ее период — Испания. Павлов прилетел в Мадрид по приказу Сталина в ноябре 1936 г. вместе с молодым летчиком-истребителем Павлом Рычаговым. В целях конспирации в Испании Павлова называли генералом Де Пабло, а Рычагова — Пабло Паланкар. Генерал Де Пабло стал командиром Интернациональной танковой бригады, а Пабло Паланкар — командиром эскадрильи самолетов. Оба командира проявили в боях чудеса храбрости.

Об исключительном героизме Павлова напишет Михаил Кольцов, бывший в то время корреспондентом газеты «Правда» в Испании.

ИСПАНИЯ В ОГНЕ (ИСПАНСКИЙ ДНЕВНИК)

13 января, 1936

Два дня мы наступаем... Танки отличаются... Де Пабло, танковый генерал, носится по боевым участкам, подстегивает роты и взводы, следит за тем, чтобы машины не задерживались на бензиновой зарядке, чтобы своевременно получали боевые комплекты, а главное — чтобы не прерывалась связь с пехотой...

Де Пабло хочет выехать на самую линию огня, для этого он пересаживается с Мигелем в броневичок. Мигелю влезать удобно, но генерал с трудом умещает свое атлетическое тело в стальной коробке...

Они вышли из броневика и стали на пригорок. Два отдыхающих бойца уговаривают их лечь: минут пять назад вот здесь же, рядом, разорвался снаряд. Де Пабло не согласен. Шут с ними, со снарядами, он должен видеть воочию, как действуют танки, и танки должны видеть его...

Сталин уничтожит их всех, или почти всех, «интернационалистов», всех тех, кто тогда, по его приказу, рисковал своей жизнью в горячей Испании — молодых бесстрашных военачальников, сотрудников НКВД и даже журналистов. Талантливый автор «Испанского дневника» Михаил Фридлянд, известный под фамилией Кольцов, будет арестован и расстрелян вскоре после возвращения из Испании. А командующего Западным Особым военным округом генерала армии Дмитрия Павлова и начальника Управления военно-воздушных сил Красной армии генерал-лейтенанта Павла Рычагова расстреляют «за трусость и измену Родине» вскоре после начала войны, возложив на них вину за катастрофу на Западном фронте.

Но пока генерал Рычагов по приказу Сталина облетает западную границу страны и проводит воздушную разведку сосредоточения гитлеровских войск.

А генерал Павлов готовит свой округ к отражению удара гитлеровской бронированной военной машины. Ему ли, Павлову, старому и опытному танкисту, не знать, насколько этот удар может быть смертоносным и как он опасен! Недаром еще в декабре 1940 г. на совещании высшего командного состава Красной армии Павлов объяснял успехи германской армии наличием мощных танковых соединений, которые при отсутствии прочной

обороны прорывались в глубь территории противника. Зная, что *«война может вспыхнуть в любую минуту»*, Павлов прилагает максимум усилий для повышения обороноспособности Западного Особого военного округа.

На самом деле западная граница Белоруссии еще с лета 1940 г. непрерывно укреплялась. На строительство укреплений ежедневно выходило более 100 000 человек!

Интересно свидетельство бывшего первого секретаря ЦК Компартии Белоруссии Пантелеймона Пономаренко. По словам Пономаренко, в один из летних дней 1940 г. ему позвонил Сталин и приказал прекратить начатые недавно работы по осушению Полесских болот. В преддверии надвигающейся войны, понимая стратегическую важность болот как естественного препятствия для танковых клиньев врага, Сталин приказывает прекратить их осушение!

Нет слов, Сталин, действительно, готовится к войне! Но с точки зрения Павлова, строительство укреплений движется недопустимо медленно, и *«оборонительное состояние округа все еще неудовлетворительное»*. Именно это неудовлетворительное состояние проявилось в Большой военной игре на картах, когда войска «Синих», нанеся Первый удар, сумели развить успех и на восьмые сутки вышли к Барановичам. Тогда, в декабре 1940 г., получив нахлобучку от Сталина, Павлов тяжело переживал поражение, и сегодня, понимая всю опасность надвигающейся катастрофы, он обращается лично к вождю. Не впервой бесстрашный генерал Де Пабло пишет Сталину.

В 1938 г. он также не побоялся, вместе с несколькими друзьями, обратиться к Сталину с письмом, призывая его прекратить репрессии в армии. Тогда шла

речь о жизни его боевых товарищей, сегодня это уже вопрос жизни и смерти Страны. *ИЗ РАПОРТА ПАВЛОВА № 867, от 18 февраля 1941*

...Необходимо Западный театр военных действий по-настоящему привести в действительное оборонительное состояние путем создания ряда оборонительных полос на глубину 200—300 км, построив противотанковые рвы, надолбы, плотины для заболачивания, эскарпы, полевые оборонительные сооружения...

Учитывая, что в обороне страны должны не на словах, а на деле, принять участие все граждане Советского Союза; учитывая, что всякое промедление может стоить лишних жертв, вношу предложение: учащихся десятых классов и всех учащихся высших учебных заведений, вместо отпуска на каникулы, привлекать организовано на оборонительное и дорожное строительство, создавая из них взводы, роты, батальоны под командованием командиров из воинских частей...

Считаю, что только при положительном решении этих вопросов можно и должно подготовить вероятные театры военных действий к войне...

Сталин получил донесение Павлова и, как свидетельствует маршал Жуков, приказал наркому обороны Тимошенко передать генералу следующее: «...при всей справедливости его требований, у нас нет сегодня возможности удовлетворить его „фантастические" предложения».

Сталин знал, что требования Павлова о проведении дополнительных мер по укреплению западных границ страны справедливы, знал, что непринятие этих мер

будет стоить немалых человеческих жертв. И тем не менее он не отдал приказ немедленно приступить к выполнению этих требований.

До начала операции «Барбаросса» остается 120 дней. 21 февраля 1941. Женева

«Когда нападет Гитлер?»

Почти два месяца на письменном столе Сталина в Кремле лежит перевод гитлеровского плана нападения на Россию. Подробный конспект секретной «Директивы № 21» неизвестный доброжелатель прислал советскому военному атташе в Берлине еще в конце декабря 1940 г. Тогда же информация о подготовке Германии к войне поступила от резидентов советской разведки — Рихарда Зорге и Ильзе Штебе.

Намерения Гитлера подтверждались Коротковым, имевшим надежный источник информации, по кличке «Корсиканец». О приближающемся нападении сообщала пограничная разведка, доносившая о сосредоточении германских войск на советской границе, о строительстве казарм, аэродромов, укреплений и о сотнях других явных признаках войны. О будущей войне открыто говорили послы иностранных государств, аккредитованные в Москве.

И, наконец, сегодня в Москву поступило еще одно подтверждение подготовки Германии к нападению, на этот раз из Швейцарии.

АГЕНТУРНОЕ СООБЩЕНИЕ ИЗ ЦЮРИХА

21 февраля 1941

Начальнику разведуправления Генштаба Красной армии По сообщению начальника разведки швейцарского Генштаба Германия имеет на Востоке 150 дивизий. По его мнению, выступление Германии начнется в конце мая.

Дора

Под кличкой «Дора» в Швейцарии уже много лет действует советский шпион, руководитель еще одной крупной резидентуры советской военной разведки — Шандор Радо.

Наш человек нарю де Лозанн

Шандор Радо — венгерский еврей, родился в 1899 г. в Уайпеште — северном предместье Будапешта. В 1918 г., совсем еще юношей, Шандор вступил в коммунистическую партию и всю свою сознательную жизнь с бесконечным доверием и даже с восторгом думал о Стране Советов как о «Земле Обетованной», жил ее борьбой и ее успехами, надеялся и ждал, что ее пример решит судьбу всех угнетенных народов.

В начале 20-х Шандор Радо, совместно с будущим известным советским дипломатом Константином Уманским, организовал агентство «Роста-Вин», задачей которого было на всех европейских языках рассказывать о молодом Советском государстве. В 1921 г. Радо был приглашен в Москву на III конгресс Коммунистического интернационала и здесь, в величественном зале Большого Кремлевского дворца, в первый раз увидел Ленина. Впечатление об этом наивный человек Шандор Радо не сможет забыть всю свою жизнь!

В последующие годы Радо, сделавшись признанным специалистом в области географии и картографии, живет

и работает во многих столицах Европы — в Москве, в Вене, в Берлине. После прихода Гитлера к власти, опасаясь репрессий, он вместе с семьей — женой и двумя сыновьями — эмигрирует во Францию. В Париже он, так же как в Вене, открывает информационное агентство «Инпресс» и продолжает активно сотрудничать с Москвой. Вспоминает Шандор Радо: *«В октябре 1935 г. я приехал из Парижа в Москву по своим научным делам. В ту пору, будучи политэмигрантом, я постоянно жил в Париже, где возглавлял независимое агентство печати — «Инпресс»... «Инпресс» постоянно публиковал сообщения о свирепом терроре в гитлеровской Германии. .. Наряду с журналистской работой... [я] охотно выполнял заказы советских друзей — редакции «Большого Советского атласа» — по редактированию карт иностранных государств. Именно с этой работой и была связана упомянутая выше поездка в столицу Советского Союза».*

Этот приезд в Москву круто изменил жизнь Радо. В этот приезд Радо стал шпионом советской военной разведки. Принимая нелегкое решение, он считал этот путь достойным и был уверен, что только так сумеет внести свой вклад в борьбу с нацизмом.

Жарким летом 1936 г. вместе с семьей Радо прибыл в Швейцарию. Он поселился на окраине Женевы, в скромном мелкобуржуазном районе, на рю де Лозанн. Невысокий, полный мужчина, он походил на обеспеченного буржуа. Для «прикрытия» Радо открыл в Женеве, как ранее в Вене и в Париже, агентство — теперь оно называлось «Гео-Пресс».

В эти горячие дни, когда карта Европы менялась почти каждый час, спрос на географические карты был

огромным, агентство «Гео-Пресс» процветало. А в октябре 1940 г. специальный курьер военной разведки передал Радо еще и крупную сумму денег, позволившую ему развернуть разведывательную работу в широком масштабе.

«Красное Трио»

Агентурная сеть Шандора Радо включала более 60 источников. Объем передаваемой Радо информации был настолько велик, что на него почти круглосуточно работали три радиостанции. На одной из них, помещавшейся в Лозанне, работал ирландский антифашист, завербованный советской разведкой в Испании, Аллан Фут, по кличке «Джим». Две другие были установлены в Женеве, и на них работали сочувствующие России швейцарцы — хозяин радиомастерской Эдмонд Хаммель, по кличке «Эдуард», его жена Ольга, по кличке «МAUD», и еще одна молодая девушка Маргарет Болли, по кличке «Роза».

Германская радиоразведка не могла не обратить внимание на регулярные длительные радиосеансы неизвестных радиостанций, но запеленгованы эти радиостанции были только в начале 1942 г. Правда, еще до того, как они были запеленгованы, в РСХА было заведено специальное литерное дело, и Рейнхард Гейдрих, как обычно, присвоил этому делу музыкальное название. К уже существующим литерным делам «Черная Капелла» и «Красная Капелла», теперь добавилось «Красное Трио», названное так по числу обнаруженных радиостанций.

Задача, поставленная Москвой перед Шандором Радо в 1940 г., была проста и одновременно необычайно сложна. Он должен был ответить всего на один вопрос:

«Когда нападет Гитлер?» Вспоминает Шандор Радо: *«Когда нападет Гитлер ? Таков был главный вопрос, на который советский разведчик обязан был дать ясный ответ в 1940—1941 годах... Командованию Красной армии заранее должно было быть известно, когда это случиться и какими силами враг атакует границы советской страны. Было бы наивным думать, что советское правительство не понимало, куда, в какую сторону рано или поздно двинет свои полчища Гитлер, этот новоявленный вождь Крестового похода против Коммунизма. Конечно, война была неизбежна...»*

Начиная с лета 1940 г., Шандор Радо почти ежедневно передает в Центр сообщения, касающиеся агрессивных планов Гитлера. Вот одна из таких шифровок:

6 июня 1940, Директору

По высказыванию японского атташе, Гитлер заявил, что после быстрой победы на Западе начнется немецко-итальянское наступление на Россию. «Альберт»

Шифровки Радо, за подписью «Альберт» или «Дора», будут поступать в Москву регулярно — до самого «внезапного» нападения. Настанет день, когда Шандор Радо сможет уже совершенно точно ответить на поставленный ему вопрос — «Когда нападет Гитлер?»

Но это случится только за трое суток до «внезапного» нападения — 18 июня 1941 г.:

18 июня 1941, Директору

Нападение Гитлера на Россию назначено на ближайшие дни. «Дора»

«Мария», «Сиси» и «Пакбо»

Сегодня, в феврале 1941 г., шпионская сеть Шандора Радо уже полностью сформирована. Кроме многочисленных источников информации и четырех радистов, в нее входят еще две самостоятельные шпионские группы. Во главе этих групп стоят проверенные сотрудники военной разведки — Рашель Дюбендорфер, по кличке «Сиси», и Отто Пюнтер, по кличке «Пакбо». Но самым лучшим помощником и надежным товарищем для Радо является, конечно, его жена — Хелена.

Дочь немецкого сапожника, Хелена Янсен стала активной коммунисткой еще в ранней юности и даже участвовала в создании Коммунистической партии Германии. По рассказам очевидцев,

Хелена была человеком ярким, необычным и обладала поразительной, какой-то отчаянной храбростью. Так, в январе 1919 г., во время Берлинского восстания, когда группе коммунистов пришлось покинуть их последнюю опору — здание газеты «Форвертс», 18-летняя Хелена, прикрывая отход товарищей, отстреливалась и ушла последней — по крышам соседних домов. А в 1921 г., во время пребывания в Советском Союзе, Хелена участвовала в штурме Кронштадта. Присоединившись к отряду красноармейцев, она, с винтовкой в руках, прошла по льду Финского залива на штурм крепости. В 20-х годах, уже будучи женой Шандора Радо, Хелена жила в Москве, работала в Коминтерне и даже некоторое время являлась одной из сотрудниц Сталина. Теперь Хелена Янсен — полноправный член шпионской сети Радо по кличке «Мария».

Рашель Дюбендорфер, по кличке «Сиси», сотрудничает с военной разведкой уже лет пять-шесть, с 1935 г. Польская еврейка Рашель работает в Международном бюро по труду и использует свое служебное положение для сбора разведывательной информации и вербовки агентов.

Отто Пюнтер — известный в Швейцарии журналист, который, благодаря его специальности, знанию многих языков и удивительному характеру, имеет широкие связи среди дипломатов, сотрудников Лиги Наций и даже иностранных шпионов. Человек с юмором, Пюнтер выбрал для себя весьма оригинальную кличку — аббревиатуру слов «Партийная Канцелярия Бормана» — «Пакбо».

Шпион по кличке «Луиза»

С именем Пюнтера связан еще один, мало известный, но, может быть, самый необычный информатор советской разведки по кличке «Луиза».

Вот и сегодня, 21 февраля 1941 г., явившись на встречу с Шандором Радо, «Пакбо» принес ему для передачи в Москву информацию, полученную от «Луизы». Обычно веселый и жизнерадостный, Пюнтер был взволнован, и Радо, пробежав глазами текст сообщения, сразу понял причину его волнения. По свидетельству Радо, уже через несколько часов после получения сообщения «Луизы» в Москву полетела зашифрованная радиограмма: *«...выступление Германии начнется в конце мая...»*

В шифровке указывался источник передаваемой информации — начальник разведывательной службы

Генштаба Швейцарии. Неужели? Сам всемогущий полковник Роджер Мэссон?

Да! И в этом нет ничего удивительного! Поскольку советский шпион по кличке «Луиза» — это не кто иной, как один из подчиненных полковника Роджера Мэссона — офицер швейцарской разведки Бернгард Майр фон Бальдег.

Бернгард фон Бальдег, молодой адвокат, антифашист, работает на советскую разведку, точно так же как и Отто Пюнтер, из чисто идейных побуждений, и об этой его тайной деятельности, кажется, знают и швейцарская, и британская разведки.

Благодаря самоотверженности фон Бальдега, все, что было известно швейцарской разведке, становилось известно и в Москве. Сегодня уже не тайна, что основным информатором полковника Роджера Мэссона был самый знаменитый шпион Второй мировой вой-Рудольф Рёсслер.

Рудольф Рёсслер, связанный с «Черной Капеллой», с Хансом Гизевиусом, с Хансом Остером, с Вильгельмом Канарисом. И в то же время тесно связанный с швейцарской разведкой. На швейцарскую разведку Рёсслера «вывел» Ксавьер Шниппер. Этих двух необычных людей и талантливых журналистов судьба свела еще в 30-х годах, в Берлине. После прихода Гитлера к власти, когда Рёсслер вынужден был покинуть Германию, именно Шниппер уговорил его поселиться в Люцерне. Маленький живописный Люцерн был родным городом Шниппера, здесь жили его высокопоставленные родители, здесь все его знали, и он знал всех. Именно с помощью Шниппера Рёсслер открыл в Люцерне свое книжное издательство «Вита Нова», и Шниппер стал его

партнером. В 1939 г., когда Швейцария, опасаясь Гитлера, начала расширять свою разведку, сержант швейцарской армии антифашист Ксавьер Шниппер стал сотрудником «Разведывательного бюро Ха», и, по всей вероятности, одновременно с ним, стал сотрудником того же «Бюро Ха» его близкий друг — немецкий эмигрант Рудольф Рёсслер.

В этом, собственно, и заключается тайна тесной связи Рёсслера с швейцарской разведкой. В этом, собственно, и заключается причина, по которой гориллы полковника Мэссона охраняли Рёсслера день и ночь. В этом, собственно, и заключается причина того, что, несмотря на бесчисленные требования гитлеровского РСХА, полковник Мэссон арестовал Рудольфа Рёсслера только в 1943 г., да и то только затем, чтобы укрыть его от гестапо.

На самом деле, ни одному участнику группы Радо, работавшим в Швейцарии, не пришлось испытать тяготы тюремного заключения. Кроме самого Шандора Радо. Советский шпион Шандор Радо, по кличке «Дора», заплатит сполна за все, что он сделал для Страны Советов — в 1945 г., в Париже, он будет арестован советской контрразведкой и проведет в местах не столь отдаленных долгих 10 лет.

Заговорщики «Черной Капеллы» работают на Москву

Существует мнение, что Шандор Радо начал получать информацию от Рудольфа Рёсслера только с ноября 1942 г. Именно в эти дни Рашель Дюбендорфер установила контакт с переводчиком Международного бюро труда, немецким антифашистом Христианом

Шнайдером, получившим в Москве кличку «Тейлор». Через Шнайдера «Сиси» вышла на Рёсслера.

По свидетельству Радо, Рёсслер от личной встречи с ним отказался, но выразил готовность снабжать советскую разведку информацией. И слово свое сдержал. В Москве Рёсслер был известен под кличкой «Люци».

Глава ЦРУ Аллен Даллес, который так часто и с таким неподдельным уважением вспоминает о Рёсслере, свидетельствует: *«Советские люди использовали фантастический источник информации, находящийся в Швейцарии, по имени Рудольф Рёсслер, который имел псевдоним „Люци“. С помощью источников, которые до сих пор не удалось раскрыть, Рёсслеру удавалось получить в Швейцарии сведения, которыми располагало высшее немецкое командование в Берлине, с непрерывной регулярностью, часто менее чем через 24 часа после того, как принимались решения по вопросам Восточного фронта».*

В период решающих битв 1943 г. шифровки со сведениями, полученными от «Люци», будут поступать в Москву почти ежедневно. В них будут содержаться данные изменений, внесенных в оперативные планы вермахта, подробные сведения о дислокации отдельных частей, ожидаемых пополнениях, существующих резервах, включая даже сверхсекретные сведения о потерях германской армии.

Свидетельствует один из главных помощников Шандора Радо — радист Аллан Фут: *«Информация Рёсслера, по крайней мере та, что проходила через мой передатчик, имела кодовую группу цифр, которая означала: „Расшифровать немедленно!“ „Люци“ каждый день снабжал Москву последними сведениями о потерях*

немецких сил на Востоке. Такая информация могла исходить только от Верховного командования вермахта, ни одно другое учреждение в Германии ею не располагало, а „Люци“ передавал ее ежедневно...»

Москва неоднократно будет выражать благодарность «Люци» за вовремя полученную точную информацию, будет щедро платить ему, будет задавать конкретные вопросы, в уверенности, что на них будут получены быстрые и точные ответы:

«7 декабря 1942 — Доре

Какие войсковые части перебрасываются сейчас с Запада и из Норвегии на Восточный фронт и какие с Восточного фронта на Запад и на Балканы? Назовите номера частей.

Каковы планы у ОКВ на Восточном фронте в связи с наступлением Красной армии? Будут ли вестись только оборонительные бои или же ОКВ предусматривает контрудары на каком-нибудь участке Восточного фронта? Если это так — где, когда и какими силами?

Важная задача! Директор».

Все это будет позже, но и сегодня, в феврале 1941 г., задолго до того дня, как Рёсслер начнет работать на Москву и получит кличку «Люци», Москва, фактически, черпает сведения из того же фантастического источника.

Уникальная информация из гитлеровского штаба Верховного главнокомандования и Генерального штаба Сухопутных войск усилиями заговорщиков «Черной Капеллы» поступает к Рудольфу Рёсслеру, от него в швейцарскую разведку и дальше, через «Луизу» (Бернгарда фон Бальдега) к Шандору Радо и... в Москву.

Вот оно это сообщение, полученное сегодня прямым путем от заговорщиков «Черной Капеллы»: **«...выступление Германии начнется в конце мая...»**

До «внезапного» нападения остается 119 дней. 22 февраля 1941. Москва

«Мы знали, что придется отступить!»

Советская разведка, как и вся Красная армия, готовится к приближающейся войне. Начальник разведуправления генерал-лейтенант Голиков дал указание провести специальные «Сборы высшего командного состава военных округов и армий». Сборы проходили в течение месяца в Москве и закончились сегодня, 22 февраля 1941 г.

Целью этих необычных сборов была подготовка разведки приграничных округов к переходу на военное положение. Руководство сборами осуществлял начальник приграничной разведки, профессионал высокого класса, полковник Илья Виноградов. По результатам сборов полковник Виноградов представил руководству Генштаба подробный «План мероприятий по развертыванию разведки округов и армий в военное время». Кроме различных мероприятий по увеличению штатов разведки и обеспечению разведывательных отделов округов новой техникой, план включал еще два чрезвычайно важных пункта, касающихся возможности «вынужденного отступления»:

1. Создание в приграничных военных округах тайных баз с запасом оружия, боеприпасов и военного имущества иностранного образца.

2. Организация резервных агентурных сетей на своей территории на глубину 100—150 километров на случай вынужденного отступления.

По окончании сборов генерал-лейтенант Голиков направил всем начальникам разведывательных отделов приграничных округов и отдельных армий специальную директиву «О приведении разведывательных отделов и их подразделений в мобилизационную готовность к маю 1941 г.».

Директива Голикова прямо свидетельствует о том, что уже в феврале 1941 г. руководство страны принимало в расчет не только «внезапное» нападение Германии на Советский Союз весной 1941 г., но и «вынужденное отступление» Красной армии и потерю территорий на глубину в 100—150 километров.

О том же свидетельствуют слова Вячеслава Молотова: *«Мы знали... что придется отступить. Весь вопрос был в том, куда придется отступить — до Смоленска или до Москвы».*

Знали, что придется отступить! Недаром строили за Уралом «предприятия-дублеры». Но отступить пришлось не до Смоленска, а до самой Москвы...

**До «внезапного» нападения
остается 116 дней. 25 февраля
1941. Москва**

Шаги навстречу будущему союзу

Посол Великобритании в Москве сэр Стаффорд Криппс, следуя указаниям Уинстона Черчилля, продолжает попытки улучшения взаимоотношений с Россией. С этой целью Криппс сегодня прибыл на прием к заместителю наркома иностранных дел Андрею Вышинскому.

Знаменитый сталинский прокурор, бессменный обвинитель и разоблачитель «врагов народа», Вышинский был назначен Сталиным заместителем Молотова в 1940 г. Тиран ценил Вышинского — хитрый и беспринципный юрист умел придать законную форму самому противозаконному делу. И, если принять во внимание отвращение, которое испытывали к Вышинскому сотрудники наркомата иностранных дел, называвшие его «Ягуаром Ягуаровичем», и ненависть, которую питал к нему Молотов, станет вполне понятным, что Вышинский был очень по душе Сталину в роли заместителя наркома. Близость «Ягуаровича» к вождю была известна в Москве и, естественно, не составляла секрета для иностранных дипломатов.

За последние два дня это была уже вторая встреча Криппса с доверенным лицом Сталина. Официальным поводом для первой встречи была абсолютно банальная, можно даже сказать, личная, просьба Криппса. Дело в том, заявил Криппс Вышинскому, что министр иностранных дел Великобритании мистер Антони Иден, находящийся в настоящее время в Египте, предполагает на днях прибыть в Турцию. Ему, Криппсу, предписано встретиться с Иденом в Истамбуле — на этой неделе, в пятницу, 28 февраля — и он просит Вышинского посодействовать ему в получении специального самолета для полета в Турцию. Вышинский, сама любезность, выражает готовность помочь Криппсу, и они продолжают

беседовать о предстоящем полете в Турцию и о погоде, которая, естественно, может быть и «летней», и «нелетной». И тут, как всегда неожиданно, Криппс переходит на совершенно другую тему и сообщает Вышинскому истинную цель своего визита.

Криппс предлагает организовать встречу между господином Иденом и господином Сталиным.

Личная встреча между министром иностранных дел Великобритании — страны, находящейся в состоянии войны с Германией, и главой СССР, поддерживающего с той же Германией дружественные отношения?

Для такой встречи, говорит Криппс, Иден может прибыть в Москву.

Запись Андрея Вышинского: «...Криппс заявил, что по своей личной инициативе, он желал бы узнать мнение т. Сталина о желательности и возможности встречи г-на Идена с т. Сталиным с тем, чтобы при встрече с г-ном Иденом он [Криппс] смог бы выдвинуть предложение г-ну Идену посетить Москву и встретиться с т. Сталиным для обсуждения вопросов англо-советских отношений...

В конце беседы Криппс вновь подчеркнул, что вне зависимости от существующих обстоятельств он стремится к улучшению англо-советских отношений и именно этим объясняется его предложение о встрече г-на Идена с т. Сталиным».

Вышинский не мог ничего ответить Криппсу — организация встречи Идена со Сталиным была вне его компетенции. Но он обещал выяснить возможность такой встречи и дать ответ на следующий день.

Сегодня, в 6 часов вечера, Стаффорд Криппс снова прибыл в наркоминдел.

Запись Вышинского: «..я сообщил К, что вчера я имел возможность доложить правительству о поставленном им по личной инициативе вопросе о возможности приезда в Москву Идена и встрече его с т. Сталиным... Советское правительство считает, что **сейчас еще не настало время для решения больших вопросов путем встречи с руководителями СССР**, тем более, что такая встреча политически не подготовлена.

К. поблагодарил за столь быстрый ответ и после некоторого размышления добавил, что слова «**сейчас еще не настало время**» дают ему основание думать, что такое время может в будущем наступить. Так ли он меня понял ?

На это я ответил, что изложенный мною ответ достаточно ясен, и что, вообще говоря, наступление такого времени когда-либо в будущем не исключено, но в будущее заглядывать трудно.

К. повторил: «Да, действительно, трудно...»

Оба знали, что это грозное Будущее уже не за горами. И оба знали, что в этом Будущем им предстоит быть Союзниками.

Буквально через семь-восемь дней после «внезапного» нападения Германии в Москву прибудет военно-экономическая миссия Великобритании, и будут начаты переговоры об организации взаимопомощи. В то военное время переезд из Лондона в Москву был опасным и длительным путешествием. По свидетельству советского посла Ивана Майского, для того, чтобы

попасть из Лондона в Москву, ему пришлось ехать поездом в Шотландию на британскую военно-морскую базу Инвергордон, а оттуда плыть на военном эсминце на Оркнейские острова — на базу Скапа-Флоу. Затем еще четыре дня плыть по бурному морю на быстроходном английском крейсере «Кент» в Мурманск, а уже из Мурманска, поездом, в Москву. Весь этот путь занимал, примерно, 7—8 суток.

Отсюда следует, что для того, чтобы добраться в Москву в конце первой недели войны, члены Британской военно-экономической миссии должны были выехать из Лондона хотя бы в день «внезапного» нападения Германии на Россию или... накануне нападения???

Не менее сложным являлся маршрут и Советской миссии, во главе с генералом Голиковым, прибывшей в Лондон уже 8 июля 1941 г.

А 12 июля 1941 г., меньше чем через месяц после «внезапного» нападения Германии, британский посол Стаффорд Криппс и нарком иностранных дел Вячеслав Молотов подписали в Москве «Акт о военной взаимопомощи»: *«Оба правительства взаимно обязуются оказывать друг другу помощь и поддержку всякого рода в настоящей войне против гитлеровской Германии. Они далее обязуются, что в продолжении этой войны не будут ни вести переговоров, ни заключать перемирие или мирный договор, кроме как с обоюдного согласия».*

Советский Союз и Великобритания стали Союзниками.

До начала операции «Барбаросса» остается 113 дней. 28 февраля 1941. Берлин

Против России — три группы армий

Из Берлина получено очередное агентурное донесение «Альты», содержащее уже более подробные сведения, касающиеся готовящегося нападения Германии. В частности, в донесении содержится информация о том, что для нападения на Россию гитлеровцы организовали три группы армий, указываются направления предполагаемых главных ударов каждой из групп и даже фамилии маршалов, назначенных командующими.

ИЗ ДОНЕСЕНИЯ РЕЗИДЕНТА

БЕРЛИНСКОЙ НЕЛЕГАЛЬНОЙ РЕЗИДЕНТУРЫ

28 февраля 1941

...посвященные военные круги по-прежнему стоят на той точке зрения, что совершенно определено война с Россией начнется уже

в этом году. Подготовительные мероприятия для этого уже должны быть далеко продвинуты вперед...

Сформированы три группы армий, а именно: под командованием маршалов Бока, Рундштедта и фон Лееба.

Группа армий «Кенигсберг» должна наступать в направлении ПЕТЕРБУРГ, группа армий «Варшава» — в направлении МОСКВА, а группа армий «Позен» — в направлении КИЕВ.

Предполагаемая дата начала действий, якобы, 20мая... Информация о России принадлежит человеку из окружения Геринга. В целом она имеет чисто военный характер и подтверждается военными, с которыми разговаривал «Ариец» ...

В донесении «Альта» называет «неверную» дату нападения Германии на Россию — 20 мая 1941 г.! Что это? Дезинформация? Нет, на 28 февраля 1941 г. это абсолютно верная дата. Эта дата пока еще фигурирует во всех документах гитлеровского командования.

И только через три месяца, 31 мая 1941 г., Гитлеру, в связи с изменившейся ситуацией на Балканах, придется отодвинуть срок нападения с первоначально назначенной даты в мае 1941 г. на новую дату — 22 июня 1941 г.!

Донесение «Альты» основано на документе, выпущенном Главным командованием Сухопутных войск около месяца назад — 31 января 1941 г. — и представляющим следующий шаг в планировании операции «Барбаросса»:

ИЗ ДИРЕКТИВЫ ПО СТРАТЕГИЧЕСКОМУ СОСРЕДОТОЧЕНИЮ И РАЗВЕРТЫВАНИЮ ВОЙСК (ОПЕРАЦИЯ «Барбаросса») Ставка Главного командования 31 января 1941 г.

Напечатано 20 экз. Сухопутных войск Совершенно секретно

Оперативный отдел Только для командования

№ 050/41

В случае если Россия изменит свое нынешнее отношение к Германии, следует в качестве меры

предосторожности осуществить широкие подготовительные мероприятия, которые позволили бы нанести поражение Советской России в быстрой кампании еще до того, как будет закончена война против Англии.

Операции должны быть проведены таким образом, чтобы посредством глубокого вклинения танковых войск была уничтожена вся масса русских войск, находящихся в Западной России. При этом необходимо предотвратить возможность отступления боеспособных русских войск в обширные внутренние районы страны...

Директива № 050/41 подготовлена в Цоссене и, в отличие от «Директивы № 21», напечатанной в 9 экземплярах, напечатана в 20 экземплярах и спущена в войска. Теперь план нападения на Россию, несмотря на его секретность, известен уже очень многим!

Глава четвертая.

ФАЛЬШИВКИ А PRIORI

Война — это путь обмана.

*Поэтому, если ты и можешь
что-нибудь, показывай
противнику, будто не можешь;
если ты и пользуешься
чем-нибудь, показывай ему,
будто ты этим не пользуешься;
хотя бы ты и был близко,
показывай, будто ты далеко;
хотя бы ты и был далеко,
показывай, будто ты близко;
заманивай его выгодой;
приведи его в расстройство и
бери его; если у него всего
полно, будь наготове; если он
силен, уклоняйся от него;
вызвав в нем гнев, приведи его
в состояние расстройства;
приняв смиренный вид, вызови
в нем самомнение; если его
силы свежи, утоми его, если
дружны, разъедини; нападай на
него, когда он не готов;
выступай, когда он не ожидает.*

***Древнекитайский военный
теоретик и полководец
Сунь-Цзы. Трактат о
военном искусстве***

До начала операции «Барбаросса» остается уже 112 дней. 1 марта 1941. Болгария

Германские войска вошли в Болгарию

Земля еще покрыта снегом, а по календарю уже весна: И первый день этой весны 1941 г. ознаменовался еще одним предвестником приближающихся трагических событий. Германские войска вошли в Болгарию.

В ноябре 1940 г., в тот день, когда Молотов покидал Берлин, убежденный в том, что *«фюрер держит камень за пазухой»*, Гитлер, еще не подписав «Директиву № 21», начал активную дипломатическую игру по созданию коалиции стран — участниц будущей войны. В течение нескольких дней, с 15 по 22 ноября 1940 г., он провел ряд встреч с главами и полномочными представителями этих стран — генералом Хороси Осима, царем Борисом III, графом Галеаццо Чиано, кондукатором Ионом Антонеску и даже с представителем строптивного каудильо Испании Франсиско Франко — Серрано Суньером.

Самой многообещающей была встреча с «Красной собакой» Антонеску, выразившим свое неподдельное восхищение фюрером Великой Германии и согласившимся оказать полную поддержку его планам. В отличие от Антонеску, болгарский царь Борис III изворачивался.

Прибыв 17 ноября 1940 г. по приглашению Гитлера в «Бергхоф», Борис, в принципе, не возражал против присоединения к Трехстороннему пакту, но, в то же

время, просил фюрера отсрочить этот шаг, ссылаясь на сложности «внешнеполитического характера».

Гитлер не собирался отказываться от Болгарии — эта балканская страна, так же как и Румыния, была необходима ему в первую очередь для обеспечения безопасности румынских нефтяных скважин Плоешти.

Сталин, со своей стороны, прилагал максимальные усилия для того, чтобы помешать Германии включить Болгарию в пакт и использовать ее в войне против России. Он предложил Борису целый набор «соблазнительных» возможностей для сотрудничества — «гарантии безопасности», «договор о взаимопомощи», поддержку территориальных претензий и, наконец, реальную помощь — валютой, хлебом, вооружением.

Но царь Борис отклонил все щедрые посулы русского соседа, и премьер-министр Болгарии профессор Богдан Филов поручил послу Ивану Стаменову передать Москве «от ворот поворот»: «25 ноября 1940

Болгарское правительство благодарит советское правительство за дружественные чувства, проявленные в отношении Болгарии, но не видит в данное время необходимости в гарантиях СССР, так как никто не угрожает Болгарии».

Болгарский царь Борис III, несмотря на свой воинственный вид и военную форму, был человеком мирным и всеми силами стремился в это тревожное время сохранить нейтралитет, он сумел противостоять Сталину, но не смог противостоять Гитлеру. С каждым днем Берлин усиливал свой нажим на Софию, и ввод германской армии в Болгарию стал лишь вопросом времени. Такое развитие событий не устраивало

Сталина, и, по его указанию, 17 января 1941 г. Молотов предупредил Шуленбурга:

«По всем данным германские войска в большом количестве сосредоточились в Румынии и уже изготовились вступить в Болгарию, имея своей целью занять Болгарию, Грецию и проливы... Советское правительство несколько раз заявляло германскому правительству, что оно считает территорию Болгарии и обоих проливов зоной безопасности СССР, ввиду чего оно не может остаться безучастным к событиям, угрожающим интересам безопасности СССР.

Ввиду всего этого советское правительство считает своим долгом предупредить, что появление каких-либо иностранных вооруженных сил на территории Болгарии и обоих проливов оно будет считать нарушением интересов безопасности СССР».

Аналогичное заявление сделал в Берлине полпред Деканозов. Время шло. И царь Борис, видимо, решил, что в сложившейся ситуации присоединение к Пакту — это меньшее из зол. Вопрос о союзе с Германией был решен.

И, наконец, вчера, 28 февраля 1941 г., Шуленбург сообщил Молотову, что на завтра ожидается подписание соглашения о присоединении Болгарии к Трехстороннему пакту. Детали ему, Шуленбургу, неизвестны, но он предполагает, что форма присоединения будет такой же, как в случае с Венгрией и Румынией. Посол добавил, что, по его мнению, данный факт не противоречит интересам России и не стоит придавать ему большое значение.

А сегодня, 1 марта 1941 г., в 19 часов 45 минут, протокол о присоединении Болгарии к Трехстороннему пакту был подписан, Шуленбург, приехав без приглашения в Кремль и извинившись за неожиданный

визит, сообщил об этом Молотову: *«Посольство получило телеграмму с поручением поставить советское правительство в известность, что германское правительство располагает сведениями о намерении англичан высадиться в Греции. В связи с этим оно решило в ближайшее время ввести свои войска в Болгарию».*

Молотов спросил: *«Германские войска уже вступили в Болгарию?»*

Шуленбург ответил, что, этого еще не произошло, но в ближайшее время может произойти. Германский посол кривил душой — еще вчера особые подразделения вермахта, прибывшие в Софию под видом туристов в гражданской одежде, заняли аэродромы, а германские саперы начали наводить мосты через Дунай для прохода войск.

На рассвете 1 марта 1941 г. по мостам в Турну-Мэгуреле и Гиургию из Румынии в Болгарию хлынули части 12-й германской армии, а аэродромы Варны и Бургаса заполнились «Мессершмидтами» и «Юнкерсами». Грязная коричневая краска, залившая уже почти всю карту Европы, теперь заливает Болгарию.

Кто станет следующей жертвой Бесноватого?

До начала операции «Барбаросса» остается уже 112 дней. 1 марта 1941. Берлин

***Преступления против человечности
запланированы заранее***

Подготовка операции «Барбаросса», в соответствии с ее необычными целями, требовала разработки двух различных планов — плана «Военного похода» и плана «Похода на уничтожение». План «Военного похода» предусматривал разгром вооруженных сил России, с захватом ее территории — «жизненно важного пространства на Востоке», а план «Похода на уничтожение» — «чистку» захваченных территорий путем уничтожения населения — «идеологически и расово чуждых элементов». И если разработкой плана военной кампании занимался штаб Верховного главнокомандования под руководством фельдмаршала Кейтеля, то план «чистки» с не меньшей тщательностью готовился в РСХА под руководством рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера.

Куры-несушки и «Черный орден»

Для Гиммлера, фанатика расизма, «чистка» территорий от «недочеловеков» была и служебной обязанностью, и удовольствием. История о том, как Гиммлер пришел к расизму, могла бы показаться курьезом, если бы она не привела к безумию — к трагедии миллионов расстрелянных, повешенных и сожженных.

Свою блестящую карьеру Гиммлер начинал как подсобный рабочий на маленькой птицеферме. В дальнейшем, «удачно» женившись на дочери мелкого помещика Марге Боден, он неожиданно разбогател и приобрел собственную «роскошную» птицеферму на целых 50 кур-несушек! Занимаясь разведением кур, Гиммлер особое внимание уделял проблемам «элиминации непродуктивных особей» этой птицы. И каково же было удивление птичника, когда он однажды

случайно услышал темпераментную речь Адольфа Гитлера, восхвалявшего те же методы «элиминации», но уже в применении к человеческому обществу.

Гиммлер был потрясен! Он искренне уверовал в то, что люди, для их же блага, должны быть подчинены правилам рационального птицеводства. В памяти будущего рейхсфюрера СС навсегда отпечатались слова фюрера: *«Более сильное поколение отсеет слабых, жизненная энергия разрушит нелепые связи так называемой гуманности между индивидуумами и откроет путь естественному гуманизму, который, уничтожая слабых, освобождает место для сильных».*

В ноябре 1923 г. «специалист рационального птицеводства» участвует в Пивном путче Гитлера, а в январе 1929 г. становится командующим отрядом его личной охраны. В те годы отряд охраны — будущее СС — насчитывал всего 280 человек. И нужно прямо сказать, что Гиммлер вложил в СС всю свою «душу», если, конечно, у этого негодяя была душа. Под руководством Гиммлера СС достигли 300 000 человек и превратились в мощный идеологический и организационный центр нацизма — настоящий «Черный орден»!

Чего только не было в этом «Черном ордене»! Разработкой мистической символики СС Гиммлер занимался лично. Эмблема ордена была образована из сдвоенной древнегерманской руны «Зиг» — мистического знака власти и смерти — атрибута бога войны Тора. А себя Гиммлер вполне искренне считал реинкарнацией основателя первого рейха — Генриха Птицелова. Особое внимание новый Птицелов уделял «чистоте крови» членов СС. При вступлении в СС кандидаты должны были представить официальные свидетельства того, что их

родословная чиста от еврейской крови. А для «выведения генетически чистого от еврейской крови потомства» Гиммлер создал почти настоящие куриные инкубаторы — сеть родильных домов, где незамужние «арийские» женщины должны были рожать детей, зачатых от «племенных быков» — эсэсовцев.

«Хорст Вессель» и «недочеловеки»

Германия многим «была обязана талантам» Гиммлера. Так, именно благодаря Гиммлеру, незатейливая песенка «Хорст Вессель» стала нацистским гимном. И вот как это произошло.

Конец Первой мировой войны застал молодого Гиммлера на самом дне берлинской клоаки. В отличие от Адольфа Гитлера и Рейнхарда Гейдриха, которые также долгое время жили среди отбросов, ему «повезло» гораздо больше. Хайни, как его тогда называли, не пришлось спать в ночлежках и выпрашивать тарелку супа, он сумел неплохо устроиться, живя на заработки престарелой проститутки по имени Фрида Вагнер. Где-то году в 20-м проститутку нашли убитой и ее сутенера Гиммлера обвинили в убийстве. Его судили и, за недостатком улик, оправдали. Но еще задолго до этого знаменательного события, в те дни, когда Фрида и Хайни весело проводили время в компании таких же, как они, подонков, среди их близких друзей значился некий Ханс Хорст Вессель.

В то беззаботное время Вессель, который, кроме своих «основных занятий», был еще и уважаемым членом нацистской партии, сочинил проникнутую нацистским духом песенку.

Пусть весь мир в развалинах ляжет,

К черту, нам на это наплевать.

Сегодня нам принадлежит Германия,

А завтра — весь мир...

Вскоре Хорст Вессель, так же как и проститутка Фрида, был убит — такое часто случалось в грязных притонах Берлина. Вессель был убит, а песня осталась. И символично, что песня, сочиненная сутенером, стала нацистским гимном, а сам Вессель, убитый коллегой-сутенером в драке за обладание проституткой, стал национальным героем Германии.

Хорст Вессель был другом Гимmlера и отблеск его славы падал и на гордого этой славой рейхсфюрера СС. Еще большую славу принесла Гимmlеру опубликованная им в 1934 г. книжонка под названием «Расовая политика». В этом опусе Гимmlер с предельной откровенностью выразил свое расистское мировоззрение. По его утверждению, вся мировая цивилизация явилась результатом усилий представителей арийской расы, результатом борьбы между творцами цивилизации — «чистыми арийцами» и разрушителями цивилизации — «евреями». Для обозначения этих «евреев» — антиподов «арийского сверхчеловека» — Гимmlер изобрел новое емкое слово — «недочеловеки».

Объявив евреев «недочеловеками», отняв у них, по сути, право называться людьми, нацисты тем самым упразднили по отношению к ним все человеческие нормы, все моральные законы, распространяющиеся на людей, и позволили себе по отношению к ним любые, самые невероятные и чудовищные зверства.

Вместе с тем, сам Гимmlер вряд ли мог служить эталоном «чистого арийца». Его одутловатое лицо,

скошенный безвольный подбородок, бескровные губы, маленькие близорукие глазки и неизменная улыбка, похожая на оскал, никак не соответствовали этому облику. Эталоном арийца для Гимmlера служил как раз Гейдрих, тот самый Рейнхард Гейдрих, родословная которого, по слухам, была «запачкана» присутствием в ней «недочеловеков». Убийца Гейдрих многие годы был подручным Гимmlера. В сентябре 1939 г. именно Гейдриха Гимmlер назначил руководителем Главного управления имперской безопасности (РСХА) — чудовищной организации, ставшей орудием гитлеровских массовых злодеяний. И самым чудовищным в этих массовых злодеяниях было то, что они планировались заранее — расписывались до мельчайших подробностей на много лет вперед!

Стратегические планы преступлений

Преступные замыслы рейхсфюрера СС Гимmlера, так же как и патологические мечты Бесноватого Гитлера, всегда сосредотачивались на необозримых пространствах Востока, могущих предоставить великой германской нации необходимое ей «жизненное пространство». Вермахт еще сражался на Западе, Париж еще не был покорен, план операции «Барбаросса» еще не был подписан, когда 25 мая 1940 г. Гимmlер представил Гитлеру соображения, касающиеся обращения с населением захваченных земель, но не Западных, а... Восточных!

ИЗ ЗАПИСЕЙ РЕЙХСФЮРЕРА ГЕНРИХА ГИММЛЕРА

Специальный поезд Совершенно секретно

28 мая 1940 Государственной важности

В субботу, 25 числа сего месяца, я представил фюреру изложенные

мною письменно соображения об обращении с местным населением

Восточных областей. Фюрер прочел все шесть страниц моего проекта,

нашел его вполне правильным и одобрил...

Соображения Гиммлера явились, по сути дела, первым этапом проекта «германизации Востока». В чем заключалась эта «германизация» объяснил сам рейхсфюрер: *«В наши задачи не входит германизация Востока в том смысле, как это понималось раньше, то есть германизация, заключающаяся в обучении населения немецкому языку и немецким законам. Мы хотим добиться того, чтобы на Востоке жили исключительно люди чистой немецкой крови».*

Для достижения этой «благородной» цели необходимо было, после завоевания Восточных территорий, «очистить» эти территории от населяющих их «недочеловеков» и «освободить землю» для немцев. Бредовые идеи Гиммлера легли в основу преступного документа, известного под названием «Генеральный план Ost».

К счастью, подготовка этого плана заняла много времени, и только в июле 1942 г. его окончательный вариант был представлен Гитлеру. Гитлер одобрил план, и Гиммлер был счастлив. Он был настолько счастлив и настолько взволнован, что даже не смог расслабиться и получить свой обычный сеанс лечебного массажа. Личный массажист Гиммлера, небезызвестный Феликс Керстен, прибывший вместе со своим «пациентом» на

оккупированную гитлеровцами Украину, хорошо запомнил этот необычный день:

ИЗ ДНЕВНИКА ФЕЛИКСА КЕРСТЕНА

Полевая штаб-квартира, Украина

16 июля 1942 г.

Сегодня утром мне не удалось провести с Гиммлером лечебный сеанс, так как он не мог достичь той расслабленности, которая необходима для успешного лечения...

«Вы не представляете, как я счастлив, господин Керстен! — так Гиммлер начал разговор со мной. — Фюрер не только выслушал меня, он даже воздерживался от непрерывных замечаний, вопреки своей обычной привычке... Сегодня самый счастливый день в моей жизни...».

И, на самом деле, патологическому убийце Гиммлеру было от чего прийти в восторг — «Генеральный план Ост» предусматривал в течение 30 лет «очистить» завоеванные территории на Востоке почти от 50 миллионов человек!!! Население «ненемецкого происхождения» подлежало частично депортации и частично онемечиванию.

Одним из самых опасных народов были признаны поляки. План предусматривал принудительное выселение 16—20 миллионов поляков, 80—85 % всего населения, в Западную Сибирь и в Южную Америку.

В отличие от поляков, белорусы были признаны «безобидным и безопасным» народом. Из всего населения подлежало депортации на Урал и на Северный Кавказ только 75 %, а людей «нордического типа» этой

национальности предлагалось отправить в рейх в качестве рабочей силы.

Украинцы и чехи, видимо, были признаны еще менее опасными, так как только всего 65 % украинцев и 50 % чехов подлежали выселению. Эстонцы, латыши и литовцы вообще были признаны расово полноценными — они подлежали добровольному переселению или использованию в качестве помощников немецкой администрации.

Хуже всего «обстояло дело» с русским народом. Откровенно признаваясь в том, что вряд ли сумеют «ликвидировать» весь русский народ, составители плана в то же время предлагали несколько путей решения «русской проблемы». Это и раздел территорий, населенных русскими, на различные политические районы, и онемечивание отдельных наиболее «нордических» групп, и, наконец, «подрыв биологической силы народа» путем снижения рождаемости и увеличения смертности детей:

*«Средствами пропаганды, через прессу, радио, кино, листовки, краткие брошюры, доклады и т.п., мы должны постоянно внушать населению мысль о том, что вредно иметь много детей... Кроме того, должна быть развернута широчайшая пропаганда противозачаточных средств. Необходимо наладить широкое производство таких средств... Следует всячески способствовать расширению сети абортариев, а также пропагандировать добровольную стерилизацию, **не допускать борьбы за снижение смертности младенцев** [выделено в тексте], не разрешать обучение матерей уходу за грудными детьми и профилактическим мерам против детских болезней.*

Нужно сократить до минимума подготовку русских врачей по таким специальностям, не оказывать никакой поддержки детским садам и другим подобным учреждениям...»

В «Генеральном плане Ост» каждому народу не немецкого происхождения посвящен отдельный раздел. И кажется удивительным, что в этом плане нет раздела, посвященного еврейскому народу! Неужели нацисты «забыли» о самом главном своем «враге» — о миллионах евреев, населяющих территории Востока? Нет, не забыли! Не могли забыть!

«Генеральный план Ост» и евреи

Еще до того, как окончательный вариант «Плана Ост» был представлен Гитлеру, весной 1942 г. этот вариант плана был передан для ознакомления рейхсминистру по делам оккупированных Восточных территорий Альфреду Розенбергу. Розенберг, в свою очередь, поручил одному из своих подчиненных — начальнику отдела колонизации доктору Эрхарду Ветцелю — изучить план и подготовить замечания.

В замечаниях Ветцель, между прочим, упоминает о евреях, и при этом у высокочтимого доктора нет никаких сомнений в том, что евреи, населяющие Восточные территории, еще до начала выполнения «Плана Ост» уже будут полностью уничтожены.

ИЗ ЗАМЕЧАНИЙ И ПРЕДЛОЖЕНИЙ

ДОКТОРА ЭРХАРДА ВЕТЦЕЛЯ

1/214 секр. Совершенно секретно

Берлин, 27 апреля 1942 Государственной важности

*«... Только если учесть, что примерно **5—6 миллионов евреев, проживающих на этой территории, будет ликвидировано еще до проведения выселения,** можно согласиться с упомянутой в плане Цифрой в 45 миллионов местных жителей не немецкого происхождения...*

Совершенно ясно, что польский вопрос нельзя решить путем ликвидации поляков, подобно тому, как это делается с евреями. Такое решение польского вопроса обременило бы на вечные времена совесть немецкого народа и лишило бы нас симпатии со стороны всех, тем более, что и другие, соседние с нами народы начали бы опасаться, что в одно прекрасное время их постигнет та же участь...»

«Генеральный план Ост» predetermined судьбу всех не немецких народов, населяющих Восточные территории, за исключением евреев. Трагическая судьба евреев будет predetermined другим чудовищным документом — планом «Окончательного решения еврейского вопроса».

Потом— Ванзее

20 января 1942 г. в пригороде Берлина на берегу замерзшего сверкающего на солнце озера Ванзее в белой вилле, украшенной мраморными львами, проходило совещание, целью которого было принятие решение о ... физическом уничтожения миллионов людей! Обсуждался последний этап, который был назван преступниками: «Окончательное решение еврейского вопроса».

Все приглашенные на совещание прибыли точно в назначенное время. Некоторые из них были в форме офицеров СС, другие — в штатском. Одни приехали на личных автомобилях из Берлина, другие прибыли

издалека — из оккупированной Польши, из оккупированных земель Прибалтики и Украины. Эти, прибывшие с Востока, были горды уже приобретенным опытом кровавых массовых убийств.

В уютном зале с овальными зашторенными окнами жарко горит камин. Один за другим входят в зал высокопоставленные нацисты. Щелкают каблуки. Звучат приветствия: «Хайль Гитлер!!! Хайль! Хайль! Хайль!»

Во главе длинного полированного стола обергруппенфюрер СС Рейнхард Гейдрих. Рядом с ним — глава гестапо группенфюрер СС Мюллер и его подручный — оберштурмбаннфюрер СС Адольф Эйхман. Разговоры смолкают. Эйхман, со свойственной ему деловитостью, приготовился вести протокол. Совещание открывает Гейдрих.

Обергруппенфюрер СС информирует присутствующих о том, что еще 31 июля прошлого, 1941 г., вскоре после начала операции «Барбаросса», рейхсмаршал Герман Геринг по распоряжению фюрера, поручил ему, Гейдриху, провести все подготовительные мероприятия по «окончательному решению еврейского вопроса» на оккупированных Германией территориях. Об этой важнейшей миссии Геринг сообщил Гейдриху письмом.

*«Документ ПС-710 Берлин, 31 июля 1941
Начальнику полиции безопасности и СД группенфюреру
СС Гейдриху*

В дополнение к уже переданному Вам с приказом от 24 января 1939 г. заданию осуществлять решение еврейского вопроса в форме эмиграции или эвакуации, наиболее подходящей для современных условий, настоящим поручаю Вам провести всю необходимую

подготовку в организационном, деловом и материально-техническом отношении, для решения еврейского вопроса в целом на территории Европы, подвластной Германии...

Поручаю Вам, далее, в ближайшее время представить мне общий проект подготовительных... мероприятий, для проведения намечаемого окончательного решения еврейского вопроса.Геринг»

Получив письмо Геринга, Гейдрих немедленно приступил к разработке плана массовых убийств. И, одновременно с этим, на Восток полетели приказы, требующие представления докладов об убийствах, уже совершенных в последний месяц на оккупированных территориях большевистской России. Сегодня работа Гейдриха завершена, и план «Окончательного решения еврейского вопроса» готов, и именно этим «радостным» фактом был вызван срочный созыв сборища в Ванзее.

По свидетельствам современников, Гейдрих был прекрасным оратором. Красочно обрисовав всю сложность «еврейской проблемы», он не забыл отметить успехи рейха и свои собственные в деле решения этой проблемы. Сообщил, что до начала войны с Россией из рейха, Австрии и Протектората уже эмигрировало 537 000 лиц еврейской национальности, и, в обмен на право эмигрировать, евреи внесли в казну 9,5 миллиона долларов. Однако в настоящее время эмиграция «недочеловеков» приостановлена по двум причинам. Во-первых, большинство стран в настоящее время отказываются принимать беженцев-евреев, а во-вторых, теперь на Востоке «открылись совершенно новые возможности».

Действительно, на Востоке открылись новые возможности! Рейнхард Гейдрих хорошо знает, о чем он говорит.

Сводки, полученные от командующих Эйнзатцгруппе СС из России, обнадеживают. До конца 1941 г. на оккупированных территориях уже уничтожены почти 2 000 000 евреев!

На оккупированных территориях России «решение еврейского вопроса», фактически, уже осуществляется. И осуществляется успешно. Опыт убийств, уже совершенных в России, показал и Гитлеру, и всей его своре, что — уничтожать миллионы людей **возможно**, «окончательное решение» — **осуществимо!**

И еще, преступники поняли, что все это время, пока они будут осуществлять свою безумную программу уничтожения, весь мир будет стыдливо молчать, прикрываясь незнанием происходящего!

Гейдрих сообщил присутствующим, что по указанию фюрера, для осуществления «окончательного решения», необходимо прежде всего депортировать всех евреев, проживающих в странах Европы, на Восток, и представил подготовленную в его ведомстве сводку точного количества евреев этих стран — 11 000 000 человек!

В процессе депортации на Восток это количество евреев должно существенно уменьшиться «естественным путем». Ну, а те, наиболее стойкие особи, которые все-таки останутся в живых, должны быть подвергнуты «специальной обработке», поскольку именно они представляют опасность и именно они могут стать «зерном воспроизводства еврейской нации».

Шли часы. Стемнело. Зимние дни в Берлине коротки. В обсуждении поставленного Гейдрихом вопроса приняли активное участие все присутствующие. Их выступления были запротоколированы, но протокол не дает точного представления о том, что происходило на этом сборище убийц. Истинный смысл эвфемизмов этого протокола раскрыл человек, который вел этот протокол, — нацистский преступник Адольф Эйхман.

Оберштурмбаннфюрер СС Эйхман сумел в 1945 г. бежать из горящего Берлина. Через пятнадцать лет, в мае 1960 г., он был пойман в Аргентине и доставлен в Израиль, чтобы предстать, наконец, перед судом.

Во время допросов в тюрьме Эйхман рассказал, как в протоколе совещания в Ванзее он заменял слова — «истребление», «депортация», «смерть от истощения», эвфемизмами — «окончательное решение», «специальная обработка», «эвакуация на Восток», «естественный путь». Допросы Эйхмана, длившиеся почти два года, вел родившийся в Берлине еврей — капитан израильской полиции Авнер Лесс. Капитан Лесс вынужден был сотни часов смотреть в глаза человеку, который послал на смерть миллионы евреев, в том числе и его отца, погибшего в газовой камере лагеря Терезиенштадт.

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА ЭЙХМАНА

Лесс: Вы помните о совещании в Ванзее? Вы же там присутствовали.

Эйхман: Да! Так точно! Я даже сам должен был писать приглашения статс-секретарям, то есть Гейдрих сказал мне, кого он хочет позвать.

Лесс: Почему пригласили вас, если ваша роль была столь незначительной?

Эйхман: Господин капитан, я должен был писать приглашения, я должен был представить Гейдриху данные для его речи, все цифры по эмиграции, я же был начальником отдела гестапо...

Лесс: Я цитирую по вашему протоколу выступление Гейдриха: «Следующей возможностью решения надлежит считать теперь, после соответствующего предварительного согласия фюрера, уже не эмиграцию, а эвакуацию евреев на Восток. Эти мероприятия надлежит рассматривать лишь как одну из возможностей с точки зрения важного практического опыта, имея в виду предстоящее окончательное решение». Что это все значит?

Эйхман: Поскольку эмиграция была запрещена, их отправляли на Восток. Это было новой... ну... концепцией, ради которой это совещание статс-секретарей вообще созвали...

Лесс: Что значит здесь — «практического опыта»?

Эйхман: Совещание в Ванзее — мы его называли обсуждением со статс-секретарями — было 20 января 1942 г... **Очень может быть, что они там уже убивали.**

Лесс: Ах, вы, значит, думаете, что «практический опыт» — это уже предпринятые умерщвления евреев? Ведь тогда уже существовали оперативные группы.

Эйхман: Они были уже с... Ну **конечно, уже убивали...** По свидетельству Эйхмана, тогда, в Ванзее, эвфемизмы, скрывающие истинные цели преступников, использовались только для записи в протоколе, а сами

преступники совершенно открыто обсуждали способы, с помощью которых можно завершить уже ведущееся ими успешное искоренение еврейской нации. Участники совещания, считавшие себя цивилизованными людьми, спокойно и холодно обсуждали методы осуществления... массовых убийств.

А потом, уже поздним вечером, когда приглашенные разъехались по домам, в зале, у камина, остались только трое — Гейдрих, Мюллер и Эйхман. Протянув длинные ноги к огню, в мягком кресле полулежит Рейнхард Тристан Ойген Гейдрих — садист, получающий наслаждение от пыток и классической музыки. Рядом с ним развалился упрямый потомок баварских крестьян Генрих Мюллер. И немного поодаль от них, младший по чину, худосочный, темноглазый с перекошенным ртом, Адольф Карл Эйхман — специалист по «еврейскому вопросу», неизвестно каким образом знакомый с древнееврейским языком «ивритом».

Трое преступников, уютно устроившись у потрескивающего камина, отдыхают после долгого рабочего дня, курят и, потягивая дорогой французский коньяк, все продолжают говорить и говорить... об убийстве людей... об убийстве детей.

По-разному сложится судьба этих трех выродков рода человеческого. После совещания в Ванзее Рейнхарду Гейдриху останется совсем немного времени для осуществления своей зловещей миссии. 27 мая 1942 г., недалеко от оккупированной нацистами Праги, он будет ранен бомбой, брошенной в его автомобиль чешскими патриотами, и умрет от полученных ран. Хитрый гестаповец Генрих Мюллер сумеет уйти от расплаты. Согласно одной из версий, в мае 1945 г. он

выбрался из бункера Рейхсканцелярии, где до последних дней находился вместе с Гитлером, и был убит на улицах Берлина. По другой версии Мюллер остался в живых, и после войны его встречали в Бразилии, в Аргентине и, наконец, в Вашингтоне. А вот Вальтер Шелленберг, был абсолютно уверен в том, что Мюллер давно сотрудничал с советской разведкой и, после краха рейха, был вывезен в Москву. Третий преступник — Адольф Эйхман — все же получил по заслугам. По приговору израильского Верховного суда 1 июня 1962 г., в полночь, Эйхман был повешен, тело его сожжено, а прах развеян над водами Средиземного моря.

После совещания в Ванзее к существующим гитлеровским лагерям Берген-Бельзен, Бухенвальд, Дахау, Маутхаузен, Равенсбрюк добавились крупнейшие лагеря смерти Освенцим, Трешлинка, Белжец, Майданек, Собибур, где миллионы евреев Европы были зверски умерщвлены уже «промышленным способом» в газовых камерах.

В августе 1944 г. Эйхман представит Гиммлеру доклад о том, что, несмотря на отсутствие точной статистики, можно считать, что по программе «Окончательное решение» уничтожено 4 000 000 евреев и еще порядка 2 000 000 уничтожено другими способами.

«Барбаросса» требует нового орудия убийств

Но все это будет потом в 1942, 1943, 1944, 1945-м.

А сегодня, в марте 1941 г., акции по уничтожению еврейского населения, проводимые в оккупированной Польше, не дают «желаемых» результатов. Действующие на этой территории оперативные отряды оказались «мало эффективными», а надежды на быстрое

«естественное» уменьшение численности особей, заключенных в гетто, не оправдались.

Гитлер недоволен — подготовка операции «Барбаросса» входит уже в решающую фазу и требует конкретных оперативных планов «очистки» территорий, которые будут захвачены в процессе этой операции. А такие планы все еще не готовы. И действительно, первый вариант «Генерального плана Ост» будет представлен на рассмотрение только 15 июля 1941 г. — уже после начала операции «Барбаросса», а письмо Германа Геринга, в котором впервые упоминается «окончательное решение», как известно, будет написано только 31 июля 1941 г.

Подготовка плана «окончательного решения» будет завершена в начале 1942 г., а «Генерального плана Ост» — только в конце 1942 г.

Пытаясь ускорить решение поставленной фюрером важнейшей задачи, 1 марта 1941 г. рейхсфюрер Гиммлер посетил недавно созданный концентрационный лагерь Аушвиц. Гиммлер должен был оценить потенциал этого лагеря для «промышленного» уничтожения евреев. Свидетельствует комендант лагеря Аушвиц Рудольф Гесс:

«1 марта 1941 г. Гиммлер наконец-то приехал в Аушвиц. Вместе с ним приехал гауляйтер Брахт, глава полиции в Силезии, высшие руководители концерна „И. Г. Фарбениндустри“ и начальник службы лагерей Гликс. Он прибыл раньше остальных и беспрерывно меня предупреждал, чтобы я не рассказывал рейхсфюреру ничего неприятного.

Но как можно было от этого уклониться, если все, что я мог рассказать, сплошные неприятности! С помощью карт и чертежей я рассказал Гиммлеру про

положение, которое было в лагере на момент получения мной поста, про расширение его территории, происшедшее с тех пор, а также про настоящую ситуацию. Разумеется, в присутствии всех посторонних людей я не мог открыто описать ему тревожившие меня недостатки. Но, сидя в машине с Гиммлером во время осмотра лагеря, я весьма основательно дополнил то, что не имел возможности рассказать ранее.

Результат оказался, однако, самым разочаровывающим. Даже когда во время осмотра лагеря, я скромно пытался обратить его внимание на серьезнейшие недостатки, такие, как теснота, нехватка воды и прочее, он меня почти не слушал. Когда я повторил свою просьбу прекратить транспортировки, он грубо от меня отмахнулся».

Преступник Рудольф Гесс тогда, в марте 1941 г., видимо, еще не мог себе представить, чем станет «вверенный его попечению» лагерь и «морочил голову» Гиммлеру пустыми жалобами на тесноту и нехватку воды. Проблемы, занимавшие Гиммлера, были «намного сложнее», недаром же он привез в Аушвиц руководителей концерна «И.Г. Фарбениндустри». Пройдет немного времени и Аушвиц превратится в настоящую фабрику уничтожения людей — лагерь будет расширен, оборудован газовыми камерами, крематориями, подвалами для хранения трупов. До самого конца войны тысячи вагонов со смертниками будут прибывать сюда со всей оккупированной Европы. За годы войны в Аушвице погибнут более 2 000 000 человек.

Но прежде чем это гитлеровское чудовище вступит в строй, на оккупированных территориях Советской

России будут зверски расстреляны, повешены, сожжены, закопаны живыми в землю то же самое число евреев — 2 000 000 человек!

В марте 1941 г. Аушвиц, основанный по приказу Гимmlера около года назад и содержащий всего 10 900 узников, никак не отвечал требованиям его создателя. И, тем более, не отвечал мечтам фюрера. Операция «Барбаросса» требовала уже сегодня нового эффективного орудия, способного «быстро очистить Восточные территории от нескольких миллионов недочеловеков».

И Генриху Гимmlеру предстояло создать это орудие.

До «внезапного» нападения остается уже 107 дней. 6 марта 1941. Москва

«Совершенно конфиденциально»

Британский посол Стаффорд Криппс не прекращает активных действий в направлении улучшения отношений с Россией. Вернувшись из Истамбула, он первым делом отправляется к Андрею Вышинскому для того, чтобы... поблагодарить его за «хорошо организованный полет». И тут же, между прочим, он сообщает Вышинскому о... готовящемся нападении Германии на Советский Союз.

Из записи Вышинского:

«...наиболее важным является план нападения Германии на СССР. Криппс хотел бы сообщить мне об этом совершенно конфиденциально. Ходят слухи, что Германия готовится направить удар против СССР и что все действия Германии на Балканах в настоящее время

имеют своей целью лишь защитить свой балканский фланг в предстоящем нападении на СССР. Криппс, впрочем, не верит этим слухам, но эти слухи за последнее время широко распространяются, и он считает нужным об этом сказать. На чем основываются эти слухи? Вот на чем.

Бесспорно, что Гитлер отказался от плана вторжения на Британские острова: ему приходится отказаться и от своей цели покорения Европы.

Поскольку Англия не побеждена, Гитлеру нужно найти выход из создавшегося и все ухудшающегося положения, и притом еще до того, как американская помощь Англии примет более широкие формы...»

Беседа Криппса с Вышинским длилась около двух часов. За это время британский дипломат сумел сказать многое — и предупредить о приближающемся нападении Германии, и назвать реальные причины, заставившие Гитлера двинуться на Восток, и, даже, намекнуть о том, что вскоре Америка увеличит размеры помощи Великобритании.

До «внезапного» нападения остается уже 105 дней. 8 марта 1941. Москва

Сталин начинает мобилизацию

Еще в феврале 1941 г. Совет народных комиссаров СССР принял проект постановления «О Мобилизационном плане на 1941 год». В соответствии с постановлением мобилизация могла быть проведена в двух вариантах — открыто, по приказу наркома обороны, или скрытно, под

видом Больших учебных сборов — БУС. Теперь это время наступило.

По сообщениям советской разведки 1 марта 1941 г. Гитлер начал призыв дополнительных резервов. И, как будто в ответ на это, Сталин тоже начинает мобилизацию — скрытую мобилизацию! Кстати сказать, в последний раз в Советском Союзе БУС проводились в сентябре 1939 г., в горячие дни, предшествовавшие вторжению в Польшу

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 28 от 8 марта 1941

... Совет народных комиссаров Союза ССР постановляет: разрешить НКО [народному комиссару обороны] призвать на учебные сборы в 1941 г. военнообязанных запаса в количестве 975 870 человек...

Сборы провести в резервных стрелковых дивизиях тремя очередями: первая очередь — с 15 мая по 1 июля...

К 15 мая 1941 г. численный состав Красной армии будет увеличен почти на 1 000 000 человек!

До «внезапного» нападения остается уже 102 дня. 11 марта 1941. Москва

Криппс: «Германия нападет летом»

Контрразведка НКВД продолжает успешно «разрабатывать» иностранные посольства в Москве. Сегодня нарком госбезопасности Меркулов направил в Кремль сведения, полученные от агента, имеющего доступ в британское посольство. Как сообщил агент, на прошлой неделе, 6 марта 1941 г., британский посол Стаффорд Криппс собрал в помещении своего посольства

пресс-конференцию для английских и американских журналистов. Предупредив, что информация носит конфиденциальный характер и не подлежит оглашению в печати, Криппс заявил:

«Советско-германские отношения определенно ухудшаются... Советско-германская война неизбежна.

Многие надежные дипломатические источники из Берлина сообщают, что Германия планирует нападение на Советский Союз в этом году, вероятно, летом...

До сего времени Гитлер пытается избежать войны на два фронта, но если убедится, что не сможет совершить успешного вторжения в Англию, то он нападет на СССР, так как в этом случае он будет иметь только один фронт.

С другой стороны, если Гитлер убедится, что он не сумеет победить Англию до того, как Америка сможет оказать ей помощь, он попытается заключить мир с Англией... Эти условия мира имеют хорошие шансы на то, чтобы они были приняты Англией, потому что как в Англии, так и в Америке имеются влиятельные группы, которые хотят видеть СССР уничтоженным и, если положение Англии ухудшится, они сумеют принудить правительство принять гитлеровские условия мира. В этом случае Германия очень быстро совершит нападение на СССР...»

Несмотря на то, что Криппс предупредил участников пресс-конференции, что его заявление не предназначено для печати, он, несомненно, рассчитывал на то, что оно будет напечатано и попадет в Кремль. Его расчет оправдался.

До начала операции «Барбаросса» остается уже 102 дня. 11 марта 1941. Вашингтон

Ленд-лиз— жертве агрессии

Сенсация! Мировая сенсация! Вещают все радиостанции мира! Кричат заголовки газет! Победа президента Рузвельта! Американский конгресс одобрил «Билль о ленд-лизе»!

Сегодня президент Соединенных Штатов Франклин Делано Рузвельт подписал «Билль о ленд-лизе». Международные комментаторы утверждают, что это событие историческое, что оно, несомненно, изменит соотношение сил на мировой арене и повлияет на ход войны в Европе.

Так оно, фактически, и произойдет. И недаром Уинстон Черчилль назовет принятие «Билля о ленд-лизе» — третьим поворотным пунктом Второй мировой войны — самым значимым после первых двух — падения Франции и отказа Гитлера от вторжения на английские острова.

Около трех месяцев вел президент Рузвельт свой бой за ленд-лиз. Около трех месяцев американский Конгресс, вся Америка, а может быть, и весь мир были заняты этим вопросом. Около трех месяцев вопрос о ленд-лизе не сходил с первых полос газет. И дело было не только в изоляционистах и в национальном герое Америки Чарльзе Линдберге, прославляющем Третий рейх и его фюрера на стадионах и площадях страны.

В те дни в США официально действовало более 750 нацистских организаций, насчитывающих в своих рядах сотни тысяч человек. Все эти организации щедро финансировались Германией. Затраты различных министерств Третьего рейха на пропагандистскую работу в Америке исчислялись миллиардами долларов. В обмен на свои доллары, гитлеровцы требовали от этих организаций распространения нацистских идей и противодействия оказанию помощи противникам Германии.

Только «Германо-американский союз», насчитывающий 300 000 членов, имел более 100 отделений во всех крупнейших городах США.

Другой мощнейшей нацистской организацией была «Американская лига свободы». Многие члены этой так называемой Лиги являлись хозяевами крупнейших финансовых и промышленных монополий, тесно связанных с германским капиталом, — «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн», «Дженерал моторс», «Стандарт ойл», «Чейз Нэшнл банк», «Дженерал фудс корпорейшн», «Сокони вакуум ойл компани».

Открыто поддерживали Германию дипломаты Уильям Буллит и Джордж Кеннеди, сенатор и будущий президент США Гарри Трумен и даже некая миссис Николас Лонгворт — дочь Теодора Рузвельта, бывшего президента в 1901 — 1909 гг.

Но самым опасным противником президента в его борьбе за ленд-лиз был, наверное, всемогущий «медиа-магнат» Уильям Рэндольф Херст.

Херсту принадлежало более 30 газет, 15 еженедельников, 8 радиостанций и 5 кинокомпаний. Газеты и журналы Херста и он сам, как личность,

пользовались огромной популярностью в Америке. Херст поражал воображение «средних американцев» и своим сказочным состоянием, и своим образом жизни — миллионами долларов, выброшенных на строительство замков, на покупку греческих статуй и экзотических животных, на молодую любовницу-актрису Марион Дэвис.

Газеты и журналы Херста, пестревшие цветными фотографиями великого фюрера и наполненные славословиями гитлеровской Германии, читали более 20 миллионов человек. Бороться с Херстом было действительно трудно.

Ленд-лиз— стране, борющейся с агрессором

Фактически президенту Рузвельту все эти три месяца приходилось лавировать между тремя различными группами американцев. Одна из них — небольшая, но влиятельная группировка полностью солидаризировалась с нацизмом и поддерживала Гитлера. Вторая, самая многочисленная, в которую входило большинство американцев, все еще поддерживала «Закон о нейтралитете» и протестовала против участия Америки в войне, в чем бы это участие ни выразалось. И, наконец, третья — небольшая прогрессивная группа людей — призывала к поддержке «всех миролюбивых наций, борющихся с агрессором».

Американское общество раскололось.

Особенное возмущение большинства вызвал тот факт, что «Билль о ленд-лизе» в его первоначальной формулировке давал президенту возможность оказывать помощь не только странам, находящимся в войне с Германией, как, например, Великобритания, но и странам, которые в будущем могут подвергнуться

нападению, как, например, большевистская Россия. И этого боялись не только изоляционисты.

Даже люди, призывавшие к поддержке «миролюбивых наций», приходили в ужас при мысли, что американские самолеты и танки, американские корабли и стратегическое сырье попадут в руки Сталина. Ненависть к Сталину прочно укоренилась в американском обществе. Для среднего американца Сталин, глава тоталитарного государства, был таким же агрессором, как и Гитлер. Сталин подписал с Гитлером «Пакт о ненападении» и «Договор о дружбе». Сталин разделил вместе с Гитлером Польшу, Сталин аннексировал Прибалтику, захватил Бессарабию и Буковину, совершил предательское нападение на Финляндию. Война с Финляндией нанесла последний удар по международным позициям Советского Союза и лично по Сталину.

В декабре 1939 г. газета «Нью-Йорк тайме» писала: *«В дымящихся развалинах, в которые превращена Финляндия, лежит то, что осталось от испытывавшегося миром уважения к правительству России...»*

А журнал «Тайм» пошел даже дальше: Сталин *«совместно с Гитлером является самым ненавидимым человеком в мире».*

Уже через две недели после нападения на Финляндию, 14 декабря 1939 г., Советский Союз был исключен из Лиги Наций. Сегодня противники России стремятся исключить ее и из числа возможных получателей американской помощи. Преследуя эту «благородную» цель, они внесли в представленный конгрессу «Билль о ленд-лизе» весьма существенную Поправку, которая заранее лишала Россию возможности

получить любую помощь, в любом случае и при любых обстоятельствах.

И снова в Америке начались дебаты. И в конгрессе. И на страницах печати. Нападет ли Гитлер на Россию или не нападет? И когда нападет? Выстоит ли Россия? Или не выстоит? С ленд-лизом или без него?

Опасаясь, что борьба с конгрессом может закончиться для Рузвельта отставкой, друзья президента советовали ему пойти на компромисс и согласиться с исключением России из перечня стран, которым в будущем может быть оказана помощь. Но Рузвельт был непреклонен. И, в конце концов, он победил. Большинство голосов Поправка была отвергнута.

Против внесения Поправки в палате представителей проголосовали 185 человек, а в сенате — 56 человек. Таким образом, за возможность в будущем оказать военную помощь России проголосовали 66 % депутатов палаты представителей и 61 % сенаторов. Результаты голосования были не так уж и хороши. Президента поддержали, фактически, только две трети конгресса. Да и нападки в прессе не прекращались.

Дом соседа уже дымится

Но, несмотря ни на что, Рузвельт ликовал — он выиграл битву. Он знал, что придет время и его детище — ленд-лиз — нанесет смертельный удар по Бесноватому фюреру. Подписав «Билль о ленд-лизе», президент заявил: *«Это решение кладет конец всем попыткам умиротворения в нашей стране, всем призывам поладить с диктатором, конец компромиссу с тиранией и силами угнетения».*

Рузвельт твердо решил помочь Черчиллю выиграть войну против Гитлера и уже начал, еще до решения конгресса, осуществлять эту помощь. Рузвельт твердо решил оказать помощь Сталину выиграть войну, когда Россия станет очередной жертвой агрессии Гитлера. А в том, что это вскоре произойдет, он был уверен.

«Дом» Сталина уже, фактически, «дымился». Этот «дым» видел весь мир — все «соседи». Так неужели этот «дым» не видел «хозяин дома» ?

До начала операции «Барбаросса» остается уже 100 дней. 13 марта 1941. Бухарест

«Наша военная машина не может стоять без дела»

На этот раз информация о подготовке Германии к нападению поступила из Бухареста от третьего секретаря полпредства Григория Еремина. Советский агент, врач по профессии, носящий кличку «Купец», рассказал Еремину, что несколько дней назад к нему на прием пришел больной немец — обергруппенфюрер СС, прибывший из Берлина в командировку.

Не зная, что врач, к которому он обратился, еврей, эсэсовец отнесся к нему с симпатией и много болтал. Воспользовавшись откровенностью немца, «Купец» задал ему вопрос: *«Когда мы пойдём на Англию?»*

В ответ эсэсовец разразился целой тирадой: *«О марше на Англию нет и речи. Фюрер теперь не думает об этом. С Англией мы будем продолжать бороться авиацией и подводными лодками. Но мы имеем 10 миллионов*

парней, которые хотят драться и подымают от скуки. Они жаждут иметь серьезного противника. Наша военная машина не может быть без дела».

«Купец» намекнул эсэсовцу на опасность войны на два фронта. На что обергруппенфюрер ответил: *«Так было раньше, но теперь мы не имеем двух фронтов. Теперь положение изменилось... Англия уже не фронт. Теперь главный враг — Россия...»*

Как видно из помет, оставленных на документе генерал-лейтенантом Голиковым, сообщение с примечаниями передано Сталину. Одновременно с этим, Голиков направил телеграмму в Бухарест с обычным требованием к резиденту военной разведки — уточнить информацию, полученную от «Купца», дать оценку этой информации и даже сообщить, как выглядит румынский врач — «Купец».

Вермахт— соучастник преступлений

Организацию нового эффективного «орудия уничтожения» для «очистки» территорий Гиммлер поручил Мюллеру. Группенфюрер СС Генрих Мюллер был начальником гестапо — чудовищной организации, которая стала символом нацистского режима. Мюллер был причастен ко всем преступлениям гестапо, он олицетворял собой гестапо, его так и называли «Гестапо-Мюллер».

Не имея, фактически, никакого специального образования, Мюллер с девятнадцати лет служил в баварской полиции. Там он и познакомился с убийцей Гейдрихом и вместе с ним был переведен в Берлин. «Гестапо-Мюллер» вызывал отвращение большинства сталкивающихся с ним людей. Причем, не только тех, кто

по несчастью попал в его кровавые руки, а даже своих же коллег — эсэсовцев.

Вальтер Шелленберг говорил о Мюллере: *«Маленький коренастый начальник гестапо, с угловатым черепом, с тонкими, сжатыми губами и холодными карими глазами, которые почти постоянно были прикрыты подергивающимися веками, вызывал у меня не только отвращение, но делал меня беспокойным и нервным. Его большие руки с толстыми узловатыми пальцами оставляли жуткое впечатление».*

Но, видимо, именно эти качества Мюллера импонировали его прямому начальнику Гейдриху. По свидетельству сослуживцев, Гейдрих весьма благосклонно относился к Мюллеру, считал его ценным работником и поручал ему самые мерзкие дела.

Весной 1941 г. «Гестапо-Мюллер» занимался организацией «орудия уничтожения», предназначенного для «очистки» территорий, которые будут захвачены в процессе операции «Барбаросса».

Эйнзатцгруппе СС— новое орудие уничтожения

В основу нового «орудия уничтожения» была заложена та же идея специальных мобильных подразделений полиции безопасности, которые уже действовали в 1939 г. в Польше. Но теперь эти подразделения были усовершенствованы, и задачи были четко определены.

Для более эффективного осуществления «очистки» территория большевистской России, подлежащая захвату, была подразделена на четыре отдельных района: Прибалтика, Смоленск — Москва, Украина —

Киев и Юг Украины. За каждым районом была закреплена отдельная эйнзатцгруппе, обозначенная литерами — **A, B, C, D.**

Каждая такая эйнзатцгруппе включала порядка 1000 человек и подразделялись на команды — эйнзатцкоммандо, зондеркоммандо, форкоммандо. Число команд в каждой эйнзатцгруппе было пропорционально количеству еврейского населения соответствующего района, то есть пропорционально числу планируемых убийств.

Новые эйнзатцгруппе должны были действовать не только в тыловой зоне, оставленной ушедшей вперед армией, но и непосредственно в зоне военных действий. Циничный расчет создателей «орудия уничтожения» заключался в том, что в зоне военных действий будет значительно легче осуществить и массовые убийства гражданского населения.

Все было, однако, не так-то просто! Ввод отрядов убийц в зону военных действий, где выполняет свои задачи армия, был новым и необычным делом, и требовал взаимодействия СС и армии. Учитывая это обстоятельство, к разработке плана уничтожения гражданского населения, по приказу фюрера, подключилось Верховное главнокомандование вооруженных сил Германии.

«Специальные задачи» Пункта «B»

13 марта 1941 г. Верховное главнокомандование вооруженных сил выпустило одно из первых и, возможно, самых роковых приложений к плану «Барбаросса» — «Инструкцию об особых областях».

В эту, так называемую Инструкцию, где речь шла об обычных вопросах подготовки военной кампании, был введен особый Пункт «Б», касающийся нового «орудия уничтожения».

ИНСТРУКЦИЯ ОБ ОСОБЫХ ОБЛАСТЯХ

Верховное главнокомандование
Секретное командное дело

вооруженных сил
Относится к руководству

44125/ 41, Только через офицера

13 марта 1941 г. Изготовлено в 5 экземплярах

Пункт « Б »

На театре военных действий рейсхфюрер СС получает, по поручению фюрера, специальные задачи по подготовке политического управления, которые вытекают из окончательной и решительной борьбы двух противоположных политических систем.

В рамках этих задач, рейсхфюрер СС действует самостоятельно, на свою ответственность. В остальном, исполнительная власть Верховного командования армии и уполномоченных им должностных лиц ничем больше не затрагивается. Рейсхфюрер СС должен обеспечить, чтобы выполняемые им задачи не мешали ходу военных операций.

Дальнейшие детали Главное командование армии должно согласовать непосредственно с рейсхфюрером СС.

Уже при первом прочтении этого пункта Инструкции становится ясно, что его формулировка недоступна для понимания неподготовленного человека. Что это за «Специальные задачи», которые получает рейсхфюрер

СС по поручению фюрера? В чем заключаются «действия» рейхсфюрера СС, которые он совершает «на свою ответственность» ?

Эти туманные формулировки были использованы в Инструкции, конечно, не случайно — слишком ужасными были планируемые зверства против беззащитных граждан, чтобы можно было писать о них открыто! И это понимали даже сами составители. Все документы, касающиеся убийств гражданского населения, преступники пока что писали с применением эвфемизмов. Так, уже в 1939 г. уничтожение еврейского населения Польши было названо просто «очисткой». Так, в 1942 г. на сходке банды убийц в Ванзее, Адольф Эйхман в своем протоколе полное уничтожение целого народа назовет просто — «окончательное решение». Гитлеровские убийцы создали целый «язык эвфемизмов» — «язык убийц», не содержащий понятий, семантически связанных с действиями, уголовно наказуемыми и противоречащими международным соглашениям. Именно на этом «языке» и сформулирован Пункт «Ь» в «Инструкции об особых областях».

Скрытый смысл Пункта «Ь» становится понятным, если перевести его с «языка убийц» на обычный человеческий язык:

Рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер, по поручению фюрера, вводит в особые области — зону военных действий — на свою ответственность непосредственно вслед за наступающими войсками вермахта и параллельно вермахту, специальные мобильные полицейские подразделения — Эйнзатцгруппе СС, подчиненные Главному имперскому управлению безопасности и

предназначенные для выполнения «специальных задач» — массового уничтожения гражданского населения, в первую очередь — евреев и коммунистов.

«Инструкцию об особых областях» подписал начальник штаба Верховного главнокомандования Вильгельм Кейтель.

Лишенный стратегического таланта полковник, ставший по воле фюрера в 1938 г. начальником штаба, генералом, а затем и фельдмаршалом, Вильгельм Кейтель был безгранично предан Гитлеру и мыслил теми же расистскими категориями. Фельдмаршал Кейтель, профессиональный военный, всегда называвший себя «солдатом» и кичившийся своей «солдатской честью», на самом деле, так же как и рейхсфюрер СС Гиммлер, так же как и убийца Гейдрих, так же как и гестаповцы Мюллер и Эйхман, был солидарен с Гитлером и убежден в необходимости «очистки» оккупированных территорий от «недочеловеков».

По приговору Международного трибунала 16 октября 1946 г. гитлеровский фельдмаршал Кейтель будет повешен. А пока...

В ближайшие месяцы верный «солдат фюрера» подпишет еще не одну инструкцию, еще не один приказ и не одну директиву, узаконивающую уничтожение гражданского населения. По существу с 13 марта 1941 г., с того самого дня, когда начальник штаба Верховного главнокомандования вооруженных сил подписал «Инструкцию об особых областях», вермахт, де-юре, стал соучастником гестапо — и в планировании, и в осуществлении преступлений.

До начала операции «Барбаросса» остается уже 98 дней. 15 марта 1941. Берлин

Протеже рейхсмаршала Геринга — советский шпион

Еще в январе 1941 г. Лаврентий Берия докладывал Сталину, что военно-воздушным силам Германии приказано начать регулярные разведывательные полеты над территорией Советского Союза. С тех пор прошло три месяца, и германская авиация уже ведет интенсивную аэрофотосъемку военных объектов на всей приграничной советской территории. Донесения о систематических нарушениях границы регулярно поступают и из приграничных военных округов, и от военно-морской разведки. Агентурные сообщения из Берлина, в свою очередь, извещают, что гитлеровское командование довольно результатами своей воздушной разведки. Вчера, 14 марта 1941 г., Сталин получил еще одно агентурное сообщение по этому вопросу.

ИЗ СООБЩЕНИЯ НКГБ СТАЛИНУ, МОЛОТОВУ, БЕРИЯ

№ 488/м, 14 марта 1941

По сведениям, полученным источником от референта штаба германской авиации Шульце-Бойзена, операции германской авиации по аэрофотосъемкам советской территории проводятся полным ходом.

Немецкие самолеты совершают полеты на советскую сторону с аэродромов в Бухаресте, Кенигсберге и Киркинесе (Северная Норвегия) и производят фотографирование с высоты 6000м. В

*частности, немцами заснят Кронштадт. Съемка дала хорошие результаты... Германский журналист, профессор высшей политической школы в Берлине — Эгмонт Цехлин, располагающий большими связями в службе безопасности и во внешнеполитическом отделе национал-социалистской партии, сообщил тому же источнику, что от двух германских генерал-фельдмаршалов ему, якобы, известно, что немцами **решен вопрос о военном выступлении против Советского Союза весной этого года...***

Сообщение, представленное руководству было получено внешней разведкой НКВД из Берлина от Александра Короткова, который, в свою очередь, получил его от «Корсиканца» — доктора Харнака. Источником Харнака служил один из членов его группы — обер-лейтенант Шульце-Бойзен, известный в Москве под кличкой «Старшина».

Харро Шульце-Бойзен — это еще одна неординарная личность, сотрудничавшая с советской разведкой. Немецкий аристократ, внучатый племянник и крестник знаменитого основоположника германского флота гросс-адмирала Альфреда фон Тирпица, Шульце-Бойзен был отличным летчиком и смелым, решительным и высокообразованным человеком. Он изучал право в университетах Фрайбурга и Берлина, владел многими иностранными языками — французским, английским, шведским, норвежским, датским, голландским и даже русским. Еще будучи студентом, Харро понял истинную суть нацизма и, вместе со своим другом — евреем Анри Эр-лагдером, начал издавать антинацистский журнал «Дер Гегнер» — «Противник». Под «противником» подразумевался, естественно, нацизм. После прихода Гитлера к власти, в 1933 г.,

журнал был запрещен, а Шульце-Бойзен и Эрлагдер арестованы. Друзей пытали. Анри был забит до смерти на глазах у Харро, который, оставшись в живых, возненавидел Гитлера и его варварский режим.

В 1935 г., по большой любви, Харро Шульце-Бойзен женился на красавице Либертас, внучке князя Филиппа фон Эйленбурга. Трогательной была любовь этих двух молодых идеалистов, стоявших на пороге такой счастливой и яркой жизни и отдавших эту жизнь, как они были уверены, «за людей!». В 1942 г., после провала «Красной Капеллы», в страшной камере смертников берлинской тюрьмы Плетцензее Харро Шульце-Бойзен напишет:

Спроси себя в этот час роковой: А стоило жизнь так пройти? Ответ один, он такой простой: Мы были на верном пути.

И, как эхо, отзовется на слова любимого мужа Либертас. В своем последнем письме к матери она напишет: «...все потоки моей яркой жизни сливаются воедино, сбудутся все желания, я навсегда останусь в Вашей памяти молодой. Мне уже больше не надо расставаться с моим Харро. Мне уже больше не надо страдать. Мне дано умереть, как Христу — за людей!..»

Мать Либертас, графиня Виктория цу Эйленбург унд Гертефельд, многие годы поддерживала дружеские отношения с рейхе-маршалом Германом Герингом. Так уж случилось, что замок Эйлен-бургов — «Либенберг» находился неподалеку от имения Геринга — «Каринхалле».

Благодаря протекции всесильного рейхсфюрера Геринга обер-лейтенант Шульце-Бойзен, несмотря на его антинацистское прошлое, сумел занять видный пост в

люфтваффе и оказать неоценимые услуги Советской России. Харро Шульце-Бойзен не был коммунистом, он был патриотом Германии и пошел на сотрудничество с советской разведкой совершенно сознательно, считая, что только так может спасти фатерланд от гитлеровской нечисти.

Привлеченный к шпионской работе доктором Харнаком, Шульце-Бойзен в короткий срок сумел создать собственную разведывательную сеть, в которую вошли около 20 человек, в большинстве офицеров и людей, связанных с военной промышленностью.

Профессионалы внешней разведки НКВД не могли не понимать ценности информации, получаемой от группы Шульце-Бойзена. Недаром информация «Старшины» немедленно передавалась Сталину.

Александр Коротков обычно получал материалы Шульце-Бойзена через Харнака — в шифровке, поступившей в Москву вчера,

14 марта 1941 г., так и указывалось — «Агентурное сообщение „Корсиканца“ по сведениям, полученным источником от референта штаба германской авиации Шульце-Бойзена...» Но вот сегодня,

15 марта 1941 г., в Берлин неожиданно пришло указание Центра — минуя Харнака, установить прямую связь с Шульце-Бойзеном. Прямая связь с агентом, да еще с офицером люфтваффе, находящемся в эти дни уже на казарменном положении, чрезвычайно осложняла миссию Короткова и делала ее опасной для обоих — и для советского разведчика, и для немецкого патриота.

Но Москва шла на риск. К середине марта 1941 г. подготовка нападения Германии на Советский Союз уже

не вызывала сомнений, и это требовало максимального ускорения передачи информации, особенно из такого важного источника как штаб люфтваффе. Сегодня даже один день мог иметь значение! И поэтому так необходима была прямая связь с Шульце-Бойзенем.

Короткое встретится с Шульце-Бойзенем на следующей неделе — 25 марта 1941 г. И с этого дня, все последующие месяцы — до самого «внезапного» нападения — от «Старшины» почти ежедневно будет поступать информация особой важности, а Александр Коротков станет одной из ключевых фигур Отечественной войны, одним из тех, кто назовет день «внезапного» нападения Германии на Россию.

До «внезапного» нападения остается уже 98 дней. 15 марта 1941. Москва

Дотошный Голиков

Сообщения о подготовке Германии к нападению продолжают поступать нарастающим потоком. Сегодня, 15 марта 1941 г., к Голикову поступило два таких сообщения — от резидентов военной разведки. Одно из них — из Бухареста от секретаря советского полпредства Григория Еремина, по кличке «Ещенко», а второе — из Будапешта от военного атташе полковника Николая Ляхтерова, по кличке «Марс».

«Ещенко», который в своей предыдущей шифровке, поступившей всего два дня назад, 13 марта 1941 г., сообщил информацию, полученную от румынского врача,

агента по кличке «Купец», сегодня передает сведения, полученные от румынского адвоката по фамилии Сокор.

На прошлой неделе Сокор, по его словам, имел беседу с заместителем министра внутренних дел Румынии полковником Александром Риошану — близким другом кондукатора Антонеску. Риошану сказал адвокату Сокору: *«Главный штаб румынской армии вместе с немцами занят сейчас разработкой плана войны с СССР... Эту войну следует ожидать через три месяца...»*

«Марс», в отличие от «Ещенко», сообщавшего о слухах, приводит конкретные данные о перебросках германских войск и сосредоточении их на границе Советского Союза:

«Начальнику разведуправления Генштаба 15.03.1941

По моим сведениям и данным югославского и турецкого военных атташе, в Румынии и Болгарии на 14 марта немецких войск имеется 550 тысяч человек, из них около 300 тысяч в Болгарии. С 12 марта в Румынию перебрасываются до 50 немецких эшелонов с войсками в сутки, с людским составом и конным транспортом, из них до 10 эшелонов в сутки проходят через Деж на Яссы ... Считаю, что вдоль западной границы СССР немцы имеют до 100 дивизий, включая Румынию. Марс».

На документах сохранились резолюции Голикова. На сообщении «Ещенко»: *«Вызвать к 16.00 полк. Коротких для дачи мне справки о Согоре. Разослать по списку №2 тт. Сталину, Молотову, НКО [Наркомму обороны], НГШ [Начальнику Генштаба], Ворошилову, Кузнецову, Берия. Голиков».*

На сообщении «Марса»: *«т. Дронову. Получено с этим уже 3 ответа на мой запрос. Нужно сопоставить и разобрать. Доложите мне сегодня. Голиков».*

Генерал-лейтенант Голиков снова и снова проверяет и перепроверяет всю поступившую к нему агентурную информацию.

Так, в декабре 1940 г. он требует от берлинской резидентуры уточнить и сообщить ему — *«кто эти высокопоставленные круги»*, от которых советский агент барон фон Шелия получил информацию *«о подготовке наступления весной 1941 г.»*, и не успокаивается, пока не получит подтверждение о том, что информация проверена и Гитлер наверняка нападет весной. Так, получив в феврале 1941 г. сообщение из Белграда о начавшемся сосредоточении германских войск на советских границах, Голиков требует доложить ситуацию *«с картой»*. Голикова интересует, как выглядит румынский врач, по кличке *«Купец»*, требует дополнительную справку о румынском адвокате Согоре.

И так проверяется каждое агентурное донесение, каждая шифровка источника! После проверки наступает этап анализа информации и сверки ее с той же информацией, полученной от других источников. Огромная, скрупулезная, ежедневная работа!

Вот как Голиков расскажет об этом историку Александру Некричу:

«Первые предупреждения [о готовящемся нападении] поступили по линии советской военной разведки гораздо раньше марта 1941 г. Разведывательное управление проводило огромную работу по добыванию и анализу сведений по различным

каналам о намерениях гитлеровской Германии, особенно против советского государства.

Наряду с добыванием и анализом обширных агентурных данных, РУ тщательно изучало международную информацию, зарубежную прессу, отклики общественного мнения, немецкую и других стран военно-политическую и военно-техническую литературу и т.п. Советская военная разведка располагала надежными и проверенными источниками получения секретной информации в целом ряде стран, в том числе и в самой Германии».

И вся эта огромная работа делалась для того, чтобы не допустить ни малейшей неточности, ни малейшей ошибки, чтобы своевременно предоставить Сталину надежную и максимально точную информацию.

Ведь Голиков отлично сознавал, что от точности этой информации зависела не только судьба страны, но его, Голикова, собственная судьба.

До «внезапного» нападения остается уже 95 дней. 18 марта 1941. Москва

Теперь дело за Сталиным!

Уже целую неделю, с 11 марта 1941 г., «Билль о ленд-лизе» не сходит с первых полос газет. Явную тревогу вызывает этот закон в Германии.

Тема настолько серьезна, что главный гитлеровский пропагандист Йозеф Геббельс сделал об этом несколько записей в своем «Дневнике».

14 марта 1941, пятница. Рузвельт подписал закон о ленд-лизе. В подробном послании конгрессу он высказывает свои гнусные намерения. Все они жестоко нацелены на продолжение войны... Лондон, разумеется, ликует.

18 марта 1941, вторник. Англия делает из помощи США большую сенсацию: мол, это — «поворотная точка войны». Мы всячески стараемся справиться с этим психозом.

Гитлеровская пропагандистская машина работает на полную мощность, стараясь уменьшить значение ленд-лиза, и этим только подливает масло в огонь. Все иностранные газеты называют день подписания «Билля о ленд-лизе» историческим днем — «поворотной точкой войны», и также назовет это событие Уинстон Черчилль.

Немало внимания уделяют газеты и вопросу Поправки, лишаящей Россию возможности получить ленд-лиз. Поправку пытались внести в Билль противники России, однако усилиями президента она была отвергнута. Рузвельт выиграл свою битву — «при определенных обстоятельствах» он сможет предоставить России ленд-лиз.

Теперь дело за Сталиным. Удастся ли Сталину «повернуть обстоятельства» так, чтобы Рузвельт мог предоставить ему помощь?

До «внезапного» нападения остается три месяца. 20 марта 1941 Москва

Фальшивкиаргіоі, или Загадка Филиппа Голикова

Сегодня, 20 марта 1941 г., в Москве, в кремлевском кабинете Сталина, проходит исключительно важное совещание. На повестке дня самая актуальная на сегодняшний день тема: *«Возможное нападение гитлеровской Германии на Советский Союз»*.

Сталин медленно прохаживается по кабинету, а за длинным столом уже сидят все участники совещания — Молотов, Маленков, Берия, Ворошилов, Тимошенко, Шапошников, Жуков. Все они, так или иначе, связаны с разведкой, и тема сегодняшнего совещания для них не нова и не неожиданна. Слишком много явных «признаков» уже несколько месяцев указывают на то, что Германия готовится к нападению, и настало время обсудить создавшуюся серьезную ситуацию.

Докладывает начальник разведуправления генерал-лейтенант Филипп Голиков, и название его доклада вполне соответствует теме совещания: *«Высказывания и варианты боевых действий Германии против СССР»*. К тексту доклада прилагается карта-схема, подготовленная в ГРУ: *«Возможные варианты нападения Германии на СССР»*.

Доклад Голикова основан на сотнях сообщений зарубежных легальных резидентур, на сотнях шифровок, полученных от нелегалов, на всей базе данных, собранных в информационном отделе ГРУ за последние

восемь месяцев. Все агентурные донесения по мере их поступления были разосланы участникам совещания, и они уже успели их изучить.

Голиков пересказывает... «слухи»

Голиков начинает свой доклад. И уже первая его фраза звучит как-то странно. Начальник военной разведки, кажется, начисто забывает обо всех надежных источниках, из которых он вот уже более полугода черпает свою агентурную информацию, забывает обо всей проделанной им и его сотрудниками огромной работе по проверке и анализе этой информации и утверждает: *«Большинство агентурных данных, касающихся возможности войны с СССР весной 1941 г., исходит от англо-американских источников, задачей которых на сегодняшний день, несомненно, является стремление ухудшить отношения между СССР и Германией».*

После такого, прямо скажем, неожиданного вступления Голиков, вместо того, чтобы ознакомить участников этого судьбоносного совещания с донесениями разведки, начинает подробно пересказывать различные «слухи», приводит высказывания английских, французских, греческих журналистов и другие сведения из подобных же «достоверных источников»: *«Геринг, якобы, согласен заключить мир с Англией и выступить против СССР... Японский ВАТ передает, что Гитлер, якобы, заявил, что после быстрой победы на Западе он начинает наступление против СССР... В Берлине говорят о каком-то крупном разногласии между Германией и СССР... говорят, что после Англии и Франции наступит очередь СССР... Турецкая газета „Сон Поста“ сообщает... Югославский*

ВАТ считает... Греческий журналист сообщил... Среди немецких офицеров ходят слухи...»

Все эти слухи и высказывания могли быть интересными и полезными, если бы они обсуждались в декабре 1940 г., а не в марте 1941 г., когда и Сталин, и все присутствующие в его кабинете уже успели получить через того же Голикова достоверные сведения о планируемом нападении Германии весной или ранним летом 1941 г. Но, как оказалось, и слухи, и высказывания были только преамбулой к докладу. Закончив со «слухами», Голиков перешел к основному и самому важному в эти дни вопросу. Нет, не к вопросу о том, готовится ли Германия к нападению. И не к вопросу о том, когда это «внезапное» нападение произойдет. А к вполне конкретному вопросу — *«о предполагаемых действиях гитлеровской Германии при нападении на Советский Союз»*.

Начальник военной разведки сегодня, 20 марта 1941 г., знакомит руководство страны с разработанным германскими генштабистами планом нападения на Советский Союз, знакомит руководство страны с планом «Барбаросса»!

План «Барбаросса» обсуждают в Кремле

Пользуясь подготовленной в ГРУ схемой, Голиков представляет участникам совещания три возможных варианта действий германской армии при нападении на СССР.

ИЗ ДОКЛАДА НАЧАЛЬНИКА ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ

6 / н, 20 марта 1941

Вариант № 1 — по данным анонимного письма, полученного нашим полпредом в Берлине, от 15 декабря 1940 г. (Приложение № 1).

Вариант № 2 — по данным КОВО [Киевского Особого военного округа], от декабря 1940 г. (Приложение № 2).

Вариант № 3 — по данным нашего агентурного донесения, на февраль 1941 г. (Приложение № 3).

Первые два варианта возможных действий Германии практического значения не имеют, поскольку сведения о них были получены еще три месяца назад, в декабре 1941 г., и, по свидетельству маршала Жукова, отражали лишь различные стадии планирования операции.

Но «Вариант № 3», действительно, был важен. Этот вариант был основан на агентурном донесении, поступившем в Москву 28 февраля 1941 г., и источником его была немецкая коммунистка Ильзе Штебе. Голиков процитировал только часть сообщения Иль-зе, но в приложении к письменному варианту его доклада оно приводится полностью. А Сталин и все присутствующие уже имели возможность ознакомиться с ним, тогда же, в феврале 1941 г., в день его поступления:

«...Для наступления на СССР создаются три армейские группы: 1-я группа, под командованием генерал-фельдмаршала Бока, наносит удары в направлении Ленинграда; 2-я группа, под командованием генерал-фельдмаршала Рундштедта, — в направлении Москвы и 3-я группа, под командованием генерал-фельдмаршала Лееба, — в направлении Киева.

Начало наступления на СССР ориентировочно 20 мая».

В сообщении «Альты» была неточность: фельдмаршал Бок указан командующим группы «Север», в то время как он был назначен командующим группы «Центр», фельдмаршал Рундштедт, ошибочно названный «Рундштутом», указан командующим группы «Центр», в то время как он был назначен командующим группы «Юг», а фон Лееб указан командующим группы «Юг», в то время как он был назначен командующим группы «Север». Но ни «перепутанные» фамилии командующих и ни приведенная, первоначально принятая, дата нападения — 20 мая 1941 г. — не умаляли значимости этого сообщения, раскрывавшего, фактически, всю суть гитлеровской авантюры.

Правда, одного сообщения, даже такого достоверного, каким считались сообщения Ильзе Штебе, для оценки сложившейся сложнейшей ситуации было недостаточно. И Голиков подкрепил сообщение «Альты» дополнительными сведениями, полученными из других источников:

«Коммерческий директор германской фирмы „Тренча майне лимитед“ [заявил, что] нападение на СССР произойдет через Румынию...

Венгрия и Румыния разрешили Германии пользоваться всеми путями сообщения для переброски войск, а также разрешили ей строить новые аэродромы, базы для мотомехчастей и склады для амуниции».

«Все румынские войска и военно-технические сооружения находятся в распоряжении германского командования».

«Вообще Гитлер никогда не изменял своей программе, изложенной в книге „Моя борьба“, и эта программа является целью войны»...

И, наконец, последнее сообщение, полученное из Берлина от военного атташе генерал-майора Василия Туликова: *«... по данным вполне авторитетного источника, начало военных действий против СССР следует ожидать между 15 мая и 15 июня 1941 г».*

На этой драматической ноте доклад начальника военной разведки был закончен, и ни у кого из присутствующих, казалось, не могло возникнуть сомнений в том, что гитлеровская гидра «о трех головах» — «Север», «Центр» и «Юг» — неминуемо нападет на Россию этой весной.

И тут, вопреки всей имеющейся информации, вопреки всем фактам, вопреки логике и здравому смыслу, генерал-лейтенант Филипп Голиков делает совершенно неожиданный Вывод.

Загадка Вывода, или Загадка Голикова

Вывод Голикова должен был бы показаться Сталину и всем участникам совещания просто невероятным, но, вместе с тем, никто из присутствующих не возмутился, не возразил ему и не поправил его:

«На основании всех приведенных выше высказываний и возможных вариантов действий весной этого года считаю, что наиболее возможным сроком начала действий против СССР являться будет момент после победы над Англией или после заключения с ней почетного для Германии мира.

Слухи и документы, говорящие о неизбежности весной этого года войны против СССР, необходимо

расценивать как дезинформацию, исходящую от английской и даже, может быть, германской разведки».

Но неужели **все** агентурные сведения, поступившие из разных стран — из Германии и Румынии, из Англии и Франции, из Швейцарии и Бельгии, из Японии и Китая, из Болгарии, Венгрии, Югославии, Финляндии, Турции — все это дезинформация? Неужели же **все** легальные резиденты военной разведки — боевые командиры — генералы Василий Чуйков, Иван Сулопаров, Александр Самохин, полковники Николай Титов, Николай Ляхтерев, Иван Скляр, Иван Смирнов, Григорий Еремин — снабжают Москву дезинформацией?

Неужели все немецкие коммунисты, проверенные и перепроверенные, десятки лет сотрудничавшие с советской разведкой, враз стали предателями? Неужели и Рихард Зорге, и Ильзе Штебе, и Шандор Радо нагло лгут? Неужели и платные информаторы — «Ариец» из Берлина и «Купец» из Бухареста — тоже лгут, в один голос?

Вывод Голикова уже более 60 лет, со дня окончания Второй мировой войны, представляет собой загадку, и объясняют ее по-разному.

Существует мнение, что Голиков, человек, не имеющий опыта и мало что смысливший в разведке, действительно верил в то, что вся приведенная им информация является дезинформацией. Но генерал-лейтенант Голиков вовсе не был профаном!

Филипп Голиков закончил Военную академию имени Фрунзе еще в 1933 г. и уже более 20 лет служил в Красной армии на командных и политических постах. Да и как мог этот человек, проверявший и перепроверявший каждое агентурное сообщение, считать эти сообщения

дезинформацией и, вместе с тем, систематически пересылать их в Кремль?

Другое объяснение «загадки вывода» основывается на том, что Голиков, зная, что имеющаяся у него информация достоверна, пытался обмануть Сталина и представить ее как дезинформацию. Но возможно ли это? Голиков пытается обмануть Сталина? Обмануть человека, перед которым трепещут гораздо более могущественные, бесстрашные и значимые для Тирана люди?

Вспоминает маршал Георгий Жуков: *«...конечно, надо реально себе представлять, что значило тогда идти наперекор Сталину в оценке общеполитической обстановки. У всех на памяти еще были минувшие годы, и заявить вслух, что Сталин не прав, что он ошибается, попросту говоря, могло тогда означать, что, еще не выйдя из здания, ты уже поедешь пить кофе к Берия».*

За два последних года, с июля 1938 г. по июль 1940 г., были арестованы и расстреляны пять начальников ГРУ. Голиков был шестым по счету. В 1938 г. были арестованы Первый и Второй — легендарный начальник разведуправления Ян Берзин и сменивший его, пламенный коммунист, организатор Красной гвардии в Одессе, Семен Урицкий. В 1939 г. был расстрелян Третий — чекист Семен Гиндин, занимавший этот пост всего восемь месяцев. В 1940 г. та же участь постигла Четвертого — кадрового офицера, потерявшего ногу в битвах Гражданской Александра Орлова. И, наконец, последний, Пятый, 34-летний Иван Проскуров — генерал-майор авиации, командир бригады скоростных бомбардировщиков в Испании, был арестован в июле 1940 г. и расстрелян в начале 1941 г.

После ареста молодого генерала Проскурова, Голиков занял его кабинет. Мог ли он, Голиков, каким бы сильным человеком он ни был, сидя в этом кабинете, в этом кресле, не помнить о трагической судьбе своих предшественников? Могли не страшиться такой судьбы? Мог ли не страшиться судьбы коллег из внешней разведки НКВД? Судьбы Артузова — непревзойденного мастера провокаций, руководителя знаменитой операции «Трест», расстрелянного в 1937 г.

Нет, Голиков не мог не страшиться. Каждое его слово, каждое его действие свидетельствует об этом.

«Воля Хозяина», «Приказ Хозяина» — вот что определяло действия марионетки — Голикова.

Именно это полнейшее подчинение его воле читал Сталин в маленьких серовато-голубых глазах Голикова. И именно это, полнейшее подчинение воле Тирана, позволило Шестому начальнику ГРУ избежать расстрела. После нападения Германии, вина за «внезапность» которого в какой-то мере лежала и на Голикове, Сталин, вопреки своему обыкновению, не расстрелял человека, который слишком много знал, а отправил его «от греха подальше» — в Лондон и Вашингтон — заниматься вопросами ленд-лиза. А в 1943 г., убранный за трусость со Сталинградского фронта, Голиков будет назначен начальником Управления кадров Красной армии и, одновременно, заместителем наркома обороны — заместителем самого Сталина! В этой должности бывший начальник военной разведки Голиков будет заниматься насильственной репатриацией и интернированием советских военнопленных. Тех самых солдат и командиров, которые были преданы в первые дни войны и попали в гитлеровский плен и по его, Голикова, вине.

Голиков проживет долгую жизнь. За «заслуги» перед страной он будет отмечен Золотой Звездой Героя, награжден четырьмя орденами Ленина и станет маршалом.

Но злополучный Вывод будет продолжать преследовать маршала до конца его жизни.

Загадка Кукловода

После смерти Стачина, в 60—70 годы, маршалу в отставке Голикову часто приходилось оправдываться и объяснять обстоятельства, заставившие его сделать этот невероятный Вывод.

В феврале 1964 г. Голиков обратился к тогдашнему начальнику ГРУ генерал-полковнику Петру Ивашеву с просьбой разрешить ему ознакомиться с письменным текстом доклада, представленного им в Кремль 20 марта 1941 г. Маршал указал и причину этой необычной просьбы — он, дескать, заканчивает работу над книгой «В Московской битве» и хочет восстановить в памяти содержание документа. Разрешение было получено. Голиков ознакомился с документом, о чем и была составлена соответствующая справка:

26 апреля 1964

*По разрешению начальника ГРУ т. ГОЛИКОВ был в апреле 1964 г. ознакомлен с этим документом. Он его признал. Внимательно прочитал, заметил, что все правильно изложено. **В отношении выводов сказал, что они значения не имеют.***

*Начальник ЦАМО РФ Выводы значения не имеют!!! Почему? Для кого и когда? **Сейчас, в 1964-м? Или тогда — в марте 1941-го?***

А вот и другое объяснение, которое маршал Голиков давал современникам, донимавшим его «скользкими» вопросами: **«Я своей работой выполнял задание ЦК партии»**. Маршал говорил правду. Он, действительно, выполнял задание ЦК. Он выполнял задание Сталина! Не было и не могло быть Загадки Голикова, была лишь одна загадка — Загадка Сталина.

Вспоминает подполковник Владимир Новобранец, бывший в те дни начальником информационного отдела военной разведки:

«Голиков часто ходил на доклад к Сталину, после чего вызывал меня и ориентировал в том, что думает Хозяин. Очень боялся, чтобы наша информация не разошлась с мнением Сталина».

Вывод, сделанный Голиковым 20 марта 1941 г., мог отражать мнение только одного человека — мнение Сталина. Только диктатор мог, вопреки всякой логике и здравому смыслу, принять решение объявить не только слухи, но и документы о неизбежности нападения Германии дезинформацией.

Это Сталин приказал Голикову написать, а, может быть, и сам продиктовал ему его невероятный Вывод. Это Сталин был Кукловодом, а Голиков был только Марионеткой.

Впрочем, для Сталина все окружающие его люди были марионетками. По его воле в 1929 г., в Стамбуле, марионетка — Лиза Розенцвейг соблазнила Якова Блюмкина и привезла его в Москву на смерть. По его воле в 1937 г., в Роттердаме, марионетка — Павел Судоплатов уничтожил Евгения Коновальца. По его воле в 1938 г., в Париже, марионетка — Александр Короткое зарезал Агабекова и Клемента. По его воле в 1940 г., в

Мексике, еще одна послушная ему марионетка расколола голову Льва Троцкого. В ноябре 1940 г., в Берлине, на встрече Молотова с Гитлером, вопросы Гитлеру задавал Кукловод голосом марионетки Молотова.

Так и сегодня, на совещании в Кремле по вопросу «Возможного нападения гитлеровской Германии на Советский Союз», исторический и совершенно абсурдный Вывод Голикова сделал, несомненно, Кукловод, и только голос был голосом марионетки.

Считать все полученные агентурные донесения «дезинформацией»! Какое простое и вместе с тем коварное решение! Но для диктатора и этого уже, по-видимому, недостаточно.

Предвидя, что в ближайшее время количество донесений, предупреждающих о готовящемся нападении, будет увеличиваться, Сталин приказывает и в будущем все подобные документы **а priori считать фальшивками.**

Об этом невероятном распоряжении Голиков направит всем резидентам военной разведки специальную директиву: **«Все документы, указывающие на близкое начало войны, должны рассматриваться как фальшивки...»**

Только Сталин мог приказать абсолютно всю агентурную информацию без исключения считать фальшивками. Но зачем же это понадобилось Сталину?

«Единственный из всех живущих...»

Сталин, по мнению многих выдающихся современников, вместе с присущей ему беспредельной жестокостью, цинизмом и полным отсутствием морали, обладал исключительным природным талантом быстро

схватывать и правильно оценивать стратегическую ситуацию.

В этом смысле интересно свидетельство Черчилля. В 1942 г., во время своего визита в Москву, Черчилль поделился со Сталиным планом операции «Торч», которую англичане собирались провести в Северной Африке. Чтобы проиллюстрировать эту сложнейшую операцию, Черчилль, искусный художник, нарисовал крокодила и, в нескольких словах, объяснил Сталину суть задуманной операции.

Сталин мгновенно все понял. Черчилль был поражен:

«В этот момент Сталин, по-видимому, внезапно оценил стратегические преимущества операции „Торч“. Он перечислил четыре основных довода в ее пользу.

Во-первых, это нанесет Роммелю удар с тыла; во-вторых, это запугает Испанию; в-третьих, это вызовет борьбу между немцами и французами во Франции; в-четвертых, это поставит Италию под непосредственный удар.

Это замечательное заявление произвело на меня глубокое впечатление. Оно показало, что русский диктатор быстро и полностью овладел проблемой, которая до этого была новой для него. Очень немногие из живущих людей могли бы в несколько минут понять соображения, над которыми мы так настойчиво бились на протяжении ряда месяцев. Он все это оценил молниеносно...»

Вопрос возможности нападения Германии на Советский Союз, сроки этого нападения, направления и сила будущих гитлеровских ударов были в эти

предвоенные дни самыми важными для Сталина. Вместе с ним над этими вопросами «ломали голову» все находившиеся в этот день, 20 марта 1941 г., в его кремлевском кабинете. Это и многоопытный Молотов, и коварные Берия и Маленков, это и побывавшие уже в боях Тимошенко и Жуков, и стратег Шапошников. Все они в течение последних девяти месяцев ежедневно получали многочисленные агентурные донесения о приготовлениях Германии к нападению.

Только часть из этих донесений поступала в Кремль по линии военной разведки, через Голикова. Но была еще и другая, не менее важная, часть, которая поступала по линии внешней разведки, через Берия — это и сведения, полученные Александром Коротковым от участников «Красной Капеллы» — доктора Харнака и обер-лейтенанта Шульце-Бойзена.

И это еще не все. Большой объем информации добывала в Москве контрразведка НКВД с помощью «Колониста»-Кузнецова. И были еще и вполне реальные «признаки» готовящегося вторжения, сообщаемые пограничной разведкой. И была еще информация, которая шла по линии министерства иностранных дел через Молотова — от советских дипломатов, в частности, из Берлина от полпреда Владимира Деканозова.

Несколько донесений о том, что Гитлер отказался от нападения на Англию и все действия в этом отношении являются лишь демонстрацией, скрывающей переброску основных германских сил на Восток, были получены еще в сентябре 1940 г. из различных источников — из Бухареста, Парижа, Берлина. Донесения такого содержания шли до конца 1940 г. и продолжали поступать в 1941 г.

Ни один здравомыслящий человек, располагавший такой беспрецедентной по объему и по достоверности информацией, поступившей из сотен различных, не связанных друг с другом источников, не мог считать ее дезинформацией. Тем более не мог считать эту информацию дезинформацией такой человек, каким был Иосиф Сталин.

Сталинский «Сценарий»

Лучше многих других Сталин знал, что нападение Германии неизбежно. Кто, как не Сталин, знал, что Гитлер уже многие годы вынашивает планы захвата Восточных территорий. Кто, как не Сталин, прекрасно знал, что сегодня Гитлер уже перешел к осуществлению этих планов. Недаром же Сталин еще 14 ноября 1940 г., в день возвращения Молотова из Берлина после «прощупывания» Гитлера, на заседании Политбюро заявил: *«Могло ли случиться, что Гитлер на какое-то время мог отказаться от планов агрессии против СССР, провозглашенных в его „Майн Кампф“? Разумеется, нет!»*

Сегодня, в марте 1941 г., Гитлер пытается поставить Сталина в безвыходное положение, пытается навязать ему сценарий вступления в войну. Но Сталин не привык оказываться в безвыходном положении. И вот, что говорит об этих его чертах Черчилль: *«Он [Сталин] обладал глубокой, лишенной всякой паники, логической и осмысленной мудростью. Он был непревзойденным мастером находить в трудную минуту выход из самого безвыходного положения...»*

И сегодня Сталин уже принял решение. Война с Германией, когда начнется, она начнется не по сценарию, навязанному Гитлером, а по его собственному, сталинскому, «Сценарию».

Этот «Сценарий» примет во внимание расстановку сил на международной арене и учтет экономический и военный потенциал возможных будущих союзников России в борьбе против Гитлера.

Этот «Сценарий» учтет и то, что на прошлой неделе, 11 марта 1941 г., произошло величайшее историческое событие — в борьбу против Гитлера вступили Соединенные Штаты Америки!

На прошлой неделе американский конгресс утвердил «Билль о ленд-лизе», по которому государства, подвергшиеся гитлеровской агрессии, смогут получить военную и экономическую помощь. И у России тоже есть шанс получить эту помощь, но... только в том случае, если она не будет нападающей стороной, а сама подвергнется нападению.

У России есть шанс получить ленд-лиз, если она станет ЖЕРТВОЙ ГИТЛЕРОВСКОЙ АГРЕССИИ! Только в том случае, если она будет вести справедливую освободительную войну против агрессора!

С этого дня гитлеровской ДЕЗИНФОРМАЦИИ будет противопоставлен гораздо более хитрый и коварный сталинский *БЛЕФ*, призванный ввести в заблуждение весь мир — врагов и друзей — и Бесноватого фюрера, и мудрейшего Уинстона Черчилля, и умнейшего Франклина Рузвельта, и «пламенных» коммунистов всех стран, и свой многострадальный народ.

Теперь никакие предупреждения о приближающемся нападении Германии уже не нужны — они уже не скажут ничего нового и могут только помешать осуществлению «Сценария». Признание того, что Гитлер готовится к нападению, невыгодно Сталину. Невыгодно по многим причинам. Во-первых, такое

признание может ускорить нападение Гитлера. Во-вторых, это может помешать строительству предприятий-дублеров и вызвать необходимость принятия нежелательных превентивных мер военного характера. И в-третьих, будущая «жертва» как будто бы не должна знать заранее о планах агрессора, иначе вряд ли ее можно будет считать такой уж «невинной овечкой».

С этого дня Сталин будет нагло и открыто БЛЕФОВАТЬ. С этого дня Сталин будет делать вид, что он «верит» Адольфу Гитлеру, «верит» всей распространяемой Гитлером дезинформации. С этого дня Сталин будет делать вид, что он «верит» в то, что сосредоточение миллионной германской армии на советских границах — это «приготовление к вторжению на английские острова», от которого, как это хорошо знает Сталин, Гитлер отказался еще в сентябре 1940 г.

С этого дня Сталин будет упорно и во всеуслышание отрицать всякую возможность того, что Гитлер, который, как известно, нарушал все подписанные им договоры, может нарушить Пакт о ненападении и напасть на «дружественную» Германии страну.

С этого дня и до самого «внезапного» нападения, Сталин будет делать вид, что он «не верит» никаким донесениям разведки. С этого дня, вся агентурная информация, поступающая в Москву по всем каналам, а priori должна будет расцениваться как «дезинформация».

С этого дня, в ответ на донесения резидентов за кордон полетят неожиданные шифровки: *«Мы сомневаемся в правдивости вашей информации».*

С этого дня, на сообщениях разведчиков появятся резолюции: *«В перечень сомнительных и*

*дезинформационных сообщений». Или еще похуже:
«Можете послать ваш источник к еб... й матери!»*

До начала операции «Барбаросса» остается уже три месяца. 20 марта 1941. Вашингтон

Снова «Черная Капелла»!

В тот самый день, 20 марта 1941 г., когда на совещании в Кремле все агентурные сообщения о готовящемся нападении Германии на Россию, а priori были названы «дезинформацией», советского полпреда в Вашингтоне Уманского неожиданно пригласили в Госдепартамент.

Константин Уманский был назначен полпредом в США в 1939 г. Несмотря на достаточно прохладные отношения, существовавшие в этот период между Америкой и Россией, тридцатисемилетний Уманский пользовался в Вашингтоне симпатией. Обаятельный человек, эрудит, в совершенстве владевший многими языками, знаток живописи, любитель поэзии, музыки и театра, Уманский бывал в Белом доме и общался с Рузвельтом.

Не меньший вес имел Уманский и в Москве. Сталин в то время, казалось, благоволил к молодому дипломату, с которым поддерживали дружеские отношения такие известные деятели культуры как Пабло Неруда, Диего Ривера, Анна Зегерс. Уманский принимал в Москве многих зарубежных гостей, слетавшихся в те годы в «красную столицу» — Бернарда Шоу, Лиона

Фейхтвангера, Анри Барбюса — и был неизменным участником встреч с ними Сталина.

В 1941 г. Уманский был в Вашингтоне. По свидетельству госсекретаря Корделла Хэлла, уже в феврале 1941 г. он получил указание президента ознакомить Уманского с содержанием агентурного сообщения, поступившего из Германии. Речь шла об информации американского торгового атташе в Берлине Сэма Эдисона Вудса. О той сверхсекретной информации, которую Вудс получил от заговорщиков «Черной Капеллы» — сотрудника абвера графа Хельмута фон Мольтке, бывшего президента Рейхсбанка Ялмара Шахта и начальника военно-экономического управления штаба Верховного главнокомандования Георга Томаса.

Провести беседу с советским полпредом Корделл Хэлл поручил своему заместителю Сэмнеру Уэллесу. Трудно сказать, почему Хэлл не выполнил указание президента лично. Обычно он так не поступал — по свидетельству современников, престарелый госсекретарь недолюбливал своего «молодого» пятидесятилетнего заместителя, слывшего сторонником политики «умиротворения» фюрера. Но на этот раз, в виду болезни Хэлла, с Уманским встретился Сэмнер Уэллес, и важность сообщения, переданного им полпреду, трудно переоценить: **«...воздушные налеты на Англию служат ширмой для подлинных и подробно разработанных планов и приготовлений для внезапного и сокрушительного нападения на Россию...»**

Несомненно, что эта информация была немедленно передана в Москву, и попала она к Сталину задолго до сегодняшнего дня, задолго до того совещания в Кремле,

когда все агентурные сообщения и любые предупреждения приказано было считать «фальшивками». И вот сегодня, 20 марта 1941 г., Уманского снова вызвали в Госдепартамент, и беседовать с ним снова будет Сэмнер Уэллес.

Информация, которую на этот раз сообщил Уманскому Уэллес, была уже вполне конкретной — речь шла о гитлеровской «Директиве № 21». По словам Уэллеса, Госдепартаменту стало известно из заслуживающих доверия немецких источников, что Гитлер принял окончательное решение весной этого года совершить нападение на Россию.

Уэллес ознакомил Уманского, а возможно, и передал ему подробный план нападения с указанием направлений трех главных ударов, а также план эксплуатации территорий России и Украины, после того, как они будут захвачены.

План операции «Барбаросса», представший глазам советского полпреда, выглядел настолько устрашающим что Константин Уманский не сумел скрыть своего волнения.

Вспоминает Уэллес: *«Мистер Уманский побледнел... Он молчал некоторое время, а затем просто сказал: „Я полностью осознаю серьезность сделанного вами сообщения... и немедленно сообщу своему правительству о нашем разговоре“».*

Свидетельство Уэллеса дополняет Корделл Хэлл: *«Уманский обещал переслать эти сведения своему правительству и, без сомнения, сделал это».* Да, Уманский сделал это.

Константин Уманский был еще одним человеком, который задолго до «внезапного» нападения передал Сталину полное содержание гитлеровской «Директивы № 21».

И, может быть, именно этим он подписал себе смертный приговор.

Почти все, кто «знал» истинные причины трагедии, произошедшей 22 июня 1941 г., по странной «случайности» погибли или были расстреляны как «труссы» и «предатели». Все те, кто «знал», кроме тех — немногих, собравшихся за прямоугольным столом в кремлевском кабинете Сталина 20 марта 1941 г. и, так же как и сам Сталин, несущих ответственность за эту трагедию.

Вскоре после «внезапного» нападения Германии Уманского отозвали из Вашингтона, и на его место был назначен уволенный Сталиным в 1939 г., в угоду Гитлеру, Максим Литвинов. Уманский вернулся в Москву. И здесь его постигла личная трагедия — при странных обстоятельствах была убита его единственная пятнадцатилетняя дочь — красавица Нина. Убийцей девочки оказался ее товарищ — сын наркома авиационной промышленности Алексея Шахурина. После совершения преступления юноша пустил себе пулю в висок.

Не успев оправиться от горя, Уманский был вынужден отправиться к новому месту службы — в Мексику. А в 1945 г. он неожиданно получил новое назначение — представлять Советский Союз в Коста-Рике.

25 января 1945 г. вместе с женой Раисой Уманский вылетел в Коста-Рику. Самолет, вылетевший с аэродрома

Мехико, взорвался в воздухе. Говорят, что в чемодан посла кто-то подложил взрывчатку.

До начала операции «Барбаросса» остается еще 86 дней. 27 марта 1941. Берлин

Информация «Старшины» надежна

Младший лейтенант Зоя Рыбкина из первого управления наркомата госбезопасности, с присущей ей аккуратностью, подшила в литерное дело «Затея» еще одно агентурное донесение Харнака. Копии этого донесения были разосланы, как обычно, Сталину, Молотову, Берия и Тимошенко.

27 марта 1941 725/м

Исп. тов. Рыбкина, 1 отд. 1 Упр. НКГБ

Основание: сообщение «Корсиканца» от 24/3-41 г.

Работник министерства авиации Германии в беседе с нашим источником сообщил: В германском генеральном штабе авиации ведется интенсивная работа на случай военных действий против СССР. Составляются планы бомбардировки важнейших объектов Советского Союза. Предполагается в первую очередь бомбардировать коммуникационные мосты, с целью воспрепятствовать подвозу резервов. Разработан план бомбардировки Ленинграда, Выборга и Киева.

*Среди офицеров штаба авиации существует мнение, что военное **выступление против СССР якобы приурочено на конец апреля или начало мая.** Эти сроки связывают с намерением немцев сохранить для*

себя урожай, рассчитывая, что советские войска при отступлении не смогут поджечь еще зеленый хлеб.

Сообщение Харнака основано на информации, полученной им от обер-лейтенанта Харро Шульце-Бойзена. Это сообщение, видимо, будет последним сообщением «Старшины», переданным через «Корсиканца», потому что в день получения сообщения, 25 марта 1941 г., Короткое наконец-то встретился лицом к лицу с Шульце-Бойзеном.

Встречу организовал Харнак. Короткое ожидал Шульце-Бойзена в берлинском парке Тиргартен — он хорошо подготовился к встрече и должен был сразу узнать агента. И все-таки он был несказанно поражен, когда в условленный час к нему подошел высокий офицер в нарядной форме люфтваффе. Такого типичного гитлеровского офицера никак невозможно было представить себе в роли советского шпиона!

И все-таки это был советский шпион — обер-лейтенант Харро Шульце-Бойзен, член национал-социалистской партии, офицер германского Главного штаба люфтваффе и... советский шпион, известный в Москве под кличкой «Старшина».

Буквально с первых минут разговора с Шульце-Бойзеном Короткое понял, или скорее почувствовал, что он имеет дело с совершенно исключительным человеком — честным, прямым и бесстрашным до безрассудности. Весь профессиональный опыт подсказывал Короткову, что Шульце-Бойзен — человек надежный и получаемой от него информации можно доверять. Об этом важнейшем выводе Короткое немедленно доложил в Центр:

«В прошлый четверг „Корсиканец“ свел нас со „Старшиной“. Впечатление такое, что он готов полностью информировать нас обо всем, что ему известно. На наши вопросы отвечал без всяких уверток и намерений что-либо скрыть... Довольно сложно будет обстоять дело со связью. „Старшина“ находится на казарменном положении, в город может вырываться в неопределенные, непредвиденные заранее дни, в большинстве случаев еще засветло, иногда, возможно, в форме, как это было в первый раз...»

Личные встречи с обер-лейтенантом Шульце-Бойзенем, несомненно, были опасны и для Короткова, и для Шульце-Бойзена.

Но война приближалась, и оперативная информация из германского Главного штаба авиации была жизненно необходима. И с этого дня Александр Короткое будет регулярно направлять в Центр, кроме агентурных сообщений «Корсиканца», сообщения «Старшины».

До начала операции «Барбаросса» остается уже 86 дней. 27 марта 1941. Вашингтон

Фантастическая сумма!

Психоз по поводу ленд-лиза, о котором с таким возмущением упоминает в своем «Дневнике» Йозеф Геббельс, продолжается! Сегодня, 27 марта 1941 г., этот психоз, кажется, достиг своего апогея!

Сегодня американский конгресс санкционировал первое ассигнование на военную помощь странам, подвергшимся агрессии:

7 000 000 000 долларов!

Теперь ленд-лиз стал реальным инструментом, дающим возможность Рузвельту подключиться к борьбе против Гитлера, даже без ведения прямых боевых действий. Гордый этой победой, президент заявил журналистам: *«Английский народ и его греческие союзники нуждаются в судах. Из Америки они получают суда. Им нужны самолеты. Они получают самолеты от Америки. Им нужно продовольствие. Они получают продовольствие от Америки. Им нужны танки, орудия, боеприпасы... Из Америки они получают танки, орудия, боеприпасы...»*

7 000 000 000 долларов! Эта десятизначная цифра поражала!

Но впечатление от миллиардов стало еще более грандиозным, когда из Америки в Англию пошли караваны судов, груженные танками, самолетами, боеприпасами, продовольствием. И тогда всему миру стало ясно, что ленд-лиз — это не пустые слова и обещания.

Германия всеми силами стремилась препятствовать американским поставкам. Волчи стаи гитлеровских субмарин нападали на караваны, топили суда. Газетные полосы пестрели названиями потопленных кораблей, именами погибших капитанов, подробными перечнями сотен тысяч тонн груза, ушедшего на дно. Действительно, часть этих грузов уходила на дно. Но большая их часть в Англию попадала.

Война между Россией и Германией уже не за горами. И в тот день, когда начнется эта война, России тоже понадобится помощь. Правда, сегодня, в марте 1941 г., возможность того, что Россия получит в будущем помощь

по ленд-лизу, все еще кажется проблематичной. Об этом открыто пишут все американские газеты, об этом знает Рузвельт, об этом осведомлен Сталин. Возможность превратится в реальность в том, и только в том случае, если Россия сумеет сбросить с себя закрепившееся за ней «клеймо агрессора», изгнанного из Лиги Наций, и превратится в «жертву агрессии».

По задуманному Сталиным «Сценарию» именно такой предстанет перед миром Россия в день нападения Германии — 22 июня 1941 г.

До «внезапного» нападения остается уже 84 дня. 29 марта 1941. Москва

Разведчики сверяют «факты»

Две важнейшие советские разведки — военная разведка ГРУ и внешняя разведка НКВД — регулярно обмениваются информацией, связанной с подготовкой Германии к нападению, сверяя имеющиеся в их распоряжении сведения и повышая степень надежности информации.

Так, вчера, 28 марта 1941 г., нарком госбезопасности Всеволод Меркулов поручил начальнику внешней разведки Павлу Фитину передать в наркомат обороны спецсообщение *«О продвижении немецких войск к границам Советского Союза и о военных приготовлениях в приграничных пунктах»*. Изучив материалы «конкурентов», генерал-лейтенант Голиков направил в первое управление НКГБ записку с оценкой полученных сведений.

29 марта 1941, № 660351

Ваши данные о переброске за последнее время германских войск и воинских грузов к границам СССР правдоподобны. Они подтверждаются рядом наших источников... Желательно вашими средствами усилить наблюдение за перебросками германских войск в Восточную Пруссию, Генерал-губернаторство, Венгрию, Словакию и Румынию.

Записка Голикова свидетельствует о том, что, несмотря на соперничество, существовавшее между разведками, они тесно сотрудничали между собой. Тон записки конструктивен и нет упоминания о том, что полученную информацию следует считать «дезинформацией». Даже, наоборот: Голиков подтверждает, что сведения НКВД «правдоподобны». А ведь всего за неделю до этого, 20 марта 1941 г., тот же Голиков требовал считать все документы, свидетельствующие о неизбежности войны с Германией, «дезинформацией»!

До начала операции «Барбаросса» остается уже 83 дня. 30 марта 1941. Берлин

Мир не понял или... не захотел понять?

Гонения на евреев — законодательные, административные, полицейские и экономические, начавшиеся сразу же после прихода нацистов к власти, все годы сопровождались и поддерживались грубой антиеврейской пропагандой. Эта разнузданная пропаганда преследовала несколько целей. Во-первых, она должна была подготовить общественное мнение

внутри Германии к принятию самых радикальных мер против евреев. Во-вторых, она должна была запугать немецких евреев и принудить их к бегству из страны. И в-третьих, она должна была внушить всему миру отвращение к «гнусной сущности еврейства», заразить весь мир своим зоологическим антисемитизмом.

Для осуществления этих целей министр просвещения и пропаганды — непревзойденный лжец и демагог, доктор Йозеф Геббельс — создал гигантскую пропагандистскую машину. Германские радиостанции работали круглосуточно. Газеты, журналы и книги издавались миллионными тиражами, над улицами развевались антисемитские транспаранты, стены домов были оклеены антисемитскими плакатами, из рук в руки передавались антисемитские листовки. Антисемитская фальшивка «Протоколы сионских мудрецов» и проникнутая ненавистью к евреям «Майн Кампф» распространялись по всему миру.

В ноябре 1937 г. в Мюнхене в торжественной обстановке была открыта выставка, получившая название «Вечный жид», где посетители увидели громадные уродливые «еврейские» носы, увидели «еврейские» оскаленные рты, толстые губы, длинные уши. Увидели карикатурные портреты «знаменитых евреев» — Чарли Чаплина, Альберта Эйнштейна, Льва Троцкого. Выставка пользовалась успехом, и в декабре 1937 г. она была переведена в Берлин. Здесь, в Берлине, с ней «имел счастье» познакомиться американский посол Уильям Додд и многие иностранные дипломаты и журналисты.

И дипломаты, и журналисты в обязательном порядке должны были присутствовать и на

многотысячных митингах, где открыто пропагандировалась ненависть к евреям. В течение многих часов они обязаны были выслушивать истерические вопли Гитлера и его главного пропагандиста, посылавших проклятия всему мировому еврейству.

Как только эти глашатаи «высшей расы» не называли евреев — и «врагами человечества», и «разрушителями цивилизации», и «гнилостными бактериями, приносящими вырождение человечеству»! Какие только фантастические преступления они не приписывали евреям! Какие только кары не призывали на их головы, открыто ратуя за «выкорчевывание» и «искоренение» всей еврейской расы!

Запуганные гитлеровской пропагандой, лишенные работы и крова, лишенные гражданства, ставшие потенциальными мертвецами, евреи бежали из Германии. Бежали во Францию, Англию, Швейцарию, Голландию, Бельгию. Бежали в Италию, Чехословакию, Венгрию. Просили убежища, молили о помощи. Количество беженцев уже превысило 100 000 человек. Такой огромный поток бездомных и обездоленных испугал благополучные «цивилизованные» страны.

6 июля 1938 г. по инициативе Соединенных Штатов на французском курорте Эвиан ле Бен была созвана специальная международная конференция по проблемам еврейских беженцев. В ее работе приняли участие 32 страны. Среди этих стран, по вполне понятным причинам, не было Германии, Италии и Японии и по «непонятым» причинам не было «защитника угнетенных народов» СССР.

Один за другим поднимались на трибуну представители «цивилизованных» стран. Они выражали «понимание» трагического положения беженцев, а затем начинали пространно объяснять, что правительство их страны было бы счастливо принять некоторое количество евреев, принять еврейских детей, но, к сожалению...

Будущий премьер-министр Государства Израиль Голда Меир присутствовала в Эвиане в качестве наблюдателя, и ей пришлось пережить там немало тяжелых минут. Она вспоминает: *«Сидеть в этом великолепном зале и слушать делегатов тридцати двух стран, которые по очереди вставали, чтобы сказать, как хотелось бы им принять большое число беженцев и как ужасно, что они не в состоянии сделать этого, было тяжелейшим испытанием. Думаю, что человек, не испытавший этого на себе, не в состоянии понять все, что чувствовала я в Эвиане — печаль, гнев, отчаяние и ужас».*

Представитель Соединенных Штатов начал свою речь с того, что «дискриминация национальных меньшинств и попрание элементарных прав человека противоречит фундаментальным основам человеческой цивилизации», и тут же поторопился сказать, что... Америка уже сделала все возможное для беженцев и использовала всю действующую «иммиграционную квоту». Эта, так называемая, «иммиграционная квота» была установлена в США еще в 20-х годах и составляла 154 000 человек. Львиная часть «квоты» — 84 000 человек — состояла из граждан Великобритании и Ирландии, которым не было большой необходимости искать убежища в Америке. На долю еврейских беженцев

оставалось 27 000 человек, да и то, эта малая часть «квоты» не всегда использовалась полностью.

Примечательным было выступление и представителя Великобритании лорда Виттертона, который прямо заявил о невозможности размещения беженцев на территории Англии, на территориях английских колоний, в частности, на территории подмандатной Палестины.

ИЗ ОТЧЕТА О КОНФЕРЕНЦИИ В ЭВИАНЕ

... Касаясь выдвинутого на конференции предложения «шире, без всяких ограничений раскрыть двери Палестины» и тем самым окончательно решить проблему еврейской эмиграции из Германии и Австрии, лорд Виттертон заявил, что оно «абсолютно неприемлемо. Во-первых, территория Палестины не так уж велика для того, чтобы принять всех вынужденных иммигрантов. Во-вторых, нельзя не учитывать достаточно сложную внутривнутриполитическую и межэтническую ситуацию в этой стране...»

Франция заявила, что наплыв иммигрантов в страну «достиг своего критического уровня» и что денежных средств для обустройства новых беженцев у нее не имеется. Аналогичную позицию заняла Бельгия. Представитель Канады заявил, что в его стране существует высокий уровень безработицы, и это не позволяет ей принимать иммигрантов. Представитель Австралии был более оригинален — он объяснил свой отказ тем, что в его стране нет проблем расового порядка, и он не хочет эти проблемы «импортировать».

Захлопнул двери Страны Советов перед беженцами и Сталин. Федор Раскольников, тот самый советский дипломат, который за месяц до своей странной смерти в

«Открытом письме» клеймил Сталина за устроенные им в России «средневековые процессы ведьм», не мог простить Тирану и то, что, не дав еврейским беженцам приюта, он, фактически, обрекал их на гибель:

«Еврейских рабочих, интеллигентов, ремесленников, бегущих от фашистского варварства, Вы равнодушно предоставили гибели, захлопнув перед ними двери нашей страны, которая на своих огромных просторах может приютить многие тысячи иммигрантов».

Только Голландия и Дания согласились разрешить временный въезд ограниченному числу беженцев, да еще Доминиканская Республика выразила желание принять несколько тысяч иммигрантов для расселения в дальних необжитых областях. На самом деле, как справедливо заметил будущий первый президент Государства Израиль Хаим Вейцман, мир разделился на два лагеря — *«страны, стремившиеся избавиться от своих евреев, и страны, не желавшие принять их к себе».*

И лучше всего, кажется, мысль Вейцмана выразила лондонская газета «Дейли Телеграф», которая вообще усомнилась в том, что еврейские беженцы смогут когда-нибудь найти себе где-нибудь место под солнцем: *«Не следует питать особых иллюзий насчет того, что еврейским эмигрантам найдется в обозримом будущем место в цивилизованной части мира».*

Это позорное безразличие к судьбе людей, фактически, позволило Гитлеру перейти к следующему этапу «решения еврейского вопроса» — физическому уничтожению евреев. Кровавый еврейский погром не заставил себя ждать.

«Хрустальная ночь»

В ночь с 9 на 10 ноября 1938 г. озверелая толпа напала на еврейские синагоги, дома, магазины. Грабила, увечила, убивала...

Это был первый еврейский погром в Германии, который вошел в историю под названием «Хрустальная ночь». Официальным поводом для погрома послужило убийство советника германского посольства в Париже Эрнста фон Ратта. Ратт, по несчастью, был убит евреем — семнадцатилетним юношей Гершелем Гриншпаном. Как писали газеты, Гриншпан совершил это убийство из мести за своих родителей, депортированных нацистами в Польшу. Но это, по всей вероятности, была не полная правда. Скорее всего, незадачливый юноша стал жертвой провокации — нацистам просто нужен был повод для погрома!

В ту страшную «Хрустальную ночь» было сожжено 267 синагог, разрушено 815 еврейских магазинов, убито более 90 человек, арестовано и брошено в концентрационные лагеря почти 30 000. И все это было только начало! Только первая кровь на чистеньких улочках немецких городков. Скоро евреев будут убивать тысячами, десятками, сотнями тысяч, скоро будут уничтожать миллионы. С болью и отвращением напишет о событиях «Хрустальной ночи» член «Черной Капеллы» Ханс Гизевиус.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ГИЗЕВИУСА

Погром — это слово звучит почти мягко для характеристики того, что повсеместно затем разыгралось. Почти ни одна еврейская квартира не осталась не разгромленной, ни одно торговое заведение не разграбленным, ни одна синагога не подожженной...

Тот, кто собственными глазами видел, как в этот праздник нацистского движения разнузданная чернь устремилась на улицу, как одержимый бессмысленной жадой разрушения сброд громил все, что ни попадя, никогда не забудет тех ужасных часов...

Нет, то отнюдь не был праведный народный гнев! Это подстрекаемые подонки вымещали свою ярость на беззащитных людях...

На другой день — явно с издевкой — евреев обязали возместить нанесенный в результате этого «возбуждения ими публичного раздражения» миллиардный ущерб, чем государство, официально санкционировало уже давно практиковавшийся грабеж: их имущества...

Во всем мире окончательно исчезло сомнение в том, куда ведет коричневый курс. Если сегодня он несет смерть и прозябание евреям, то завтра или послезавтра будут предъявлены к оплате и другие счета, которые вот уже пятнадцать лет написаны Гитлером в его «Майн Кампф».

После «Хрустальной ночи» эмиграция евреев из Германии превратилась в массовое бегство. По официальным подсчетам Лиги Наций с 1933-го по 1939-й год из 500 000 евреев, населявших Германию, эмигрировало 329 000.

А мир равнодушно смотрит на это безумие. Правда, президент Рузвельт после «Хрустальной ночи» все-таки выразил свое возмущение тем, что в XX в. может происходить такое варварство. Правда, в Нью-Йорке прошло несколько демонстраций с требованием заставить Гитлера прекратить кровавые акции против

евреев. Но этим все и ограничилось. Германия не была осуждена миром.

Опрос общественного мнения, проведенный в Америке в конце 1938 г., показал, что 85 % американцев были против увеличения «иммиграционной квоты» для евреев, а 67 % — вообще считали, что иммиграцию евреев нужно полностью запретить.

В начале 1939 г. сенатор Роберт Вагнер предложил американскому конгрессу принять специальный закон о разрешении въезда в страну 20 000 еврейских детей из Германии сверх существующей ежегодной «квоты». Аналогичный гуманный акт уже совершила Великобритания, приняв 10 000 детей, и Голландия, приняв 1700 детей. Прием еврейских детей в США даже не должен был обременить государство, поскольку многие американские семьи, еврейские и христианские, выразили готовность усыновить детей. Но снова, как и в 1938 г., опрос общественного мнения показал, что 66% американцев были против приема еврейских детей, даже если это будет сделано как одноразовый жест милосердия. И это не удивительно — ведь параллельно с 750-ю нацистскими организациями США действовали еще более 100 чисто антисемитских организаций, под различными «привлекательными» названиями — «Социальная справедливость», «Серебряная рубашка», «Защитники христианской веры». Все эти организации, полностью финансируемые Германией, не теряли времени даром. Уровень антисемитизма в Америке в эти дни был чрезвычайно высок, и этим, в основном, и объяснялось отрицательное отношение американцев к возможности приема еврейских беженцев.

В конце 1941 г. нацисты запретят эмиграцию евреев из Германии и Австрии и этим «освободят цивилизованные страны» от необходимости обременять себя заботами о еврейских беженцах. Но пока, в преддверии Второй мировой войны, 20 000 еврейских детей не получили права на въезд в Соединенные Штаты. Не получили права на спасение, на жизнь.

Зато Гитлер после «Хрустальной ночи» прекрасно понял, что любые преступления против евреев ему сойдут с рук, что любые преступления против евреев ему дозволены, и он в дальнейшем не станет даже особенно скрывать от равнодушного мира свои «грандиозные» планы по физическому уничтожению всей еврейской расы.

Результатом войны будет— уничтожение

30 января 1939 г. бывший ефрейтор 1-й роты 16-го Баварского пехотного полка Адольф Гитлер праздновал годовщину провозглашения его канцлером Великой Германии. Произнося по этому случаю торжественную речь, он не мог обойти молчанием постоянно волнующий его «еврейский вопрос». Не оставил он без внимания и «позорный спектакль», который играет демократический мир по отношению к еврейскому народу.

ИЗ РЕЧИ ГИТЛЕРА 30 ЯНВАРЯ 1939

В связи с еврейским вопросом я должен сказать следующее.

Сегодня весь демократический мир играет позорный спектакль: выражая сочувствие бедному, замученному еврейскому народу, он продолжает быть жестокосердным и равнодушным, когда дело доходит до оказания помощи, отказываясь от исполнения очевиднейшего в

этой ситуации долга. Доводы, которые приводятся в оправдание отказа от помощи, фактически говорят в нашу пользу — в пользу немцев и итальянцев. Вот эти доводы: «Мы (то есть демократы) не в состоянии принять евреев».

Однако в этих империях плотность населения меньше 10 человек на квадратный километр. При этом в Германии, где приходится 135 человек на квадратный километр, они предлагают найти для евреев место!

Они заявляют: «Мы не можем принять их, если Германия не готова выделить для эмигрантов некоторый капитал».

Германия была столетиями настолько добра, что принимала у себя эти элементы, хотя у них не было ничего, кроме заразных болезней — политических и физических...

Когда весь остальной мир с ханжеской миной кричит о варварском изгнании из Германии такого «незаменимого» и такого в высшей степени «культурно-ценного» элемента, мы можем только удивляться его реакции на эту ситуацию. Ибо демократы должны быть благодарны, что мы отпускаем этих «прекрасных носителей» культуры и отдаем их в распоряжение остального мира.

В соответствии с собственными заявлениями, они не смогут найти никакого оправдания своему отказу принять эту «ценнейшую расу» в своих странах.

Я думаю, что чем раньше эта проблема будет решена, тем лучше; ибо в Европе не наступит равновесие, пока не будет решен еврейский вопрос...

Одну вещь я хочу сказать в этот день, который, может быть, памятен не только нам, немцам: в течение своей жизни я часто выступал пророком, за что меня обычно осмеивали. В период моей борьбы за власть я сказал, что однажды возглавлю государство и нацию и тогда, наряду со многими другими, решу еврейскую проблему.

Именно евреи первые встретили мои пророчества смехом. Их смех, некогда громкий, теперь, как я полагаю, застрял у них в горле. И сегодня я опять буду пророком: если еврейские международные финансисты в Европе и за ее пределами сумеют еще раз втянуть народы в мировую войну, то результатом войны будет не большевизация мира и, следовательно, триумф еврейства, а уничтожение еврейской расы в Европе...

Речь Гитлера в январе 1939 г. не помешала правительству Великобритании в мае 1939 г. утвердить «Белую книгу», ограничивающую число еврейских беженцев в Палестину до 75 000 человек. Речь Гитлера в январе 1939 г. не помешала президенту Франклину Рузвельту в июне 1939 г. не разрешить 900 еврейским беженцам, прибывшим в Америку на пароходе «Сент-Луис», сойти на берег. Речь Гитлера в январе 1939 г. не помешала Иосифу Сталину в августе 1939 г. заключить с Бесноватым Пакт о ненападении и этим помочь "му развязать мировую войну.

И если в январе 1939 г. Гитлер только грозил уничтожить всю «еврейскую расу», то в сентябре этого года в растерзанной Польше убийцы из мобильных отрядов уже начали уничтожение, и первыми жертвами 3 сентября 1939 г. стали расстрелянные 3500 евреев польского местечка Бохния.

«Моя задача — уничтожение!»

В 1940 г. в Нью-Йорке вышла книга «Голос разрушения». Автор ее, Герман Раушенинг, был многие годы приверженцем и другом Гитлера. В конце концов Раушенинг возненавидел нацизм, эмигрировал в Америку и, со всей откровенностью, поведал миру о варварских планах, которыми делился с ним в многочасовых беседах фюрер.

ИЗ КНИГИ «ГОЛОС РАЗРУШЕНИЯ»

Мы обязаны истреблять население, — продолжал он [Гитлер], возбуждаясь, — это входит в нашу миссию охраны германского населения. Нам придется развить технику истребления населения. Если меня спросят, что я подразумеваю под истреблением населения, я отвечу, что я имею в виду уничтожение целых расовых единиц. Именно это я и собираюсь проводить в жизнь, — грубо говоря, это моя задача. Природа жестока, следовательно, мы тоже имеем право быть жестокими. Если я посылаю цвет германской нации в пекло войны, без малейшей жалости проливая драгоценную немецкую кровь, то, без сомнения, я имею право уничтожить миллионы людей низшей расы, которые размножаются, как черви.

Книга Раушенинга произвела сенсацию и была переведена на многие языки. Достигла она и Москвы, и в 1946 г., на процессе в Нюрнберге, Советский Союз представил ее Международному трибуналу, как доказательство того, что уничтожение беззащитного гражданского населения гитлеровцы планировали заранее. Но тогда, в 1940 г., после опубликования книги Раушенинга, раскрывающей безумные планы Бесноватого, мир снова сделал вид, что ничего не понял.

Сегодня, в марте 1941 г., безумные планы Гитлера по уничтожению «целых расовых единиц» уже близки к осуществлению в рамках готовящейся операции «Барбаросса». Гестаповец Мюллер уже закончил организацию нового эффективного «орудия уничтожения» — Эйнзатцгруппе СС. Территория России, которая будет захвачена в процессе «Барбаросса» уже разделена по уничтожению евреев на четыре района. А «солдат фюрера» — фельдмаршал Кейтель — уже подписал «Инструкцию об особых областях», дающую право Эйнзатцгруппе на захваченных территориях выполнять «специальные задачи».

«Борьба на уничтожение»

Гитлер не считал нужным держать свои грандиозные планы в секрете от высших генералов вермахта, которым через два с лишним месяца придется приводить их в исполнение. И 30 марта 1941 г. на особом расширенном совещании он прямо и недвусмысленно скажет им о том, что предстоящая война с большевистской Россией будет «борьбой на уничтожение»!

В этот день зал совещаний Рейхсканцелярии был заполнен до отказа. Желавших участвовать в совещании было так много, что фельдмаршалу Кейтелю с трудом удалось добиться, чтобы подчиненные ему начальники управлений штаба Верховного главнокомандования были приглашены на это важное совещание и смогли услышать фюрера.

Ровно в 11 появился Гитлер. Он был необычайно собран и энергичен, и произнесенная им двухчасовая тщательно обдуманная речь хорошо запомнилась всем присутствующим, Франц Гальдер, как обычно, записал ее в своем «Дневнике».

**ИЗ «ВОЕННОГО ДНЕВНИКА» ГАЛЬДЕРА 30 марта
1941**

11.00 — совещание генералитета у фюрера... Наши задачи в отношении России: разгромить ее вооруженные силы, разрушить ее государство... Борьба двух мировоззрений. Фюрер дает уничтожающую оценку большевизма: равнозначен социальному преступлению. Коммунизм — чудовищная угроза будущему. Мы должны отказаться от точки зрения солдатского товарищества с ним. Коммунизм не был нашим камарадом раньше, не будет он им и впредь. Речь идет о борьбе на уничтожение. Борьба эта будет очень отличаться от той, которая ведется на Западе. На Востоке суровость — это милосердие ради будущего.

По свидетельству Кейтеля, Гитлер представлял себе, что его слова могут быть восприняты генералами с некоторым «удивлением», и потому закончил свою речь знаменитой фразой: *«Я вовсе не требую, чтобы генералы понимали скрытый смысл моих приказов, я требую безоговорочного повиновения...»*

Спустя несколько дней, после совещания, Вильгельм Кейтель случайно встретился с главнокомандующим Сухопутными войсками Вальтером фон Браухичем. Фельдмаршалы обменялись впечатлениями о последней речи фюрера. Браухич не скрыл от Кейтеля, что офицерам трудно согласиться с методами ведения войны, о которых говорил фюрер, и спросил коллегу: *«Будут ли изданы соответствующие приказы?»*

Кейтель успокоил Браухича и сказал: *«Подобные документы не только излишни, но и представляют собой немалую угрозу. В конце концов, все слышали, что сказал фюрер, этого вполне достаточно. Я решительно*

против любой бумаги в таком щекотливом и небезопасном деле». Но начальник штаба Верховного главнокомандования ошибался.

Речь Гитлера 30 марта 1941 г. станет знаковым событием в мировой истории, а высказанные в ней преступные идеи будут положены в основу вполне официальных чудовищных приказов и распоряжений. Эти приказы и распоряжения, требующие от солдат и офицеров германской армии «особого отношения к гражданскому населению», подпишут и фельдмаршал Вильгельм Кейтель, и фельдмаршал Вальтер фон Браухич.

Приказы и распоряжения Гитлера будут размножены и спущены на исполнение в войска и подробно разъяснены сотням тысяч исполнителей, сотням тысяч убийц, задолго до начала варварства. Преступления нацистов против человечности не начались внезапно. Преступления нацистов, совершенные на территории Советской России, готовились многие годы. Эти преступления можно было предотвратить!

Глава пятая. «РУКА МОСКВЫ» СМЕШАЛА КАРТЫ ФЮРЕРА. Апрель 1941

*Я не сделаю такой ошибки, как
Наполеон. Когда я пойду на
Москву, то выступлю
достаточно рано, чтобы достичь
ее до зимы.*

Адольф Гитлер

**До «внезапного» нападения
осталось 78 дней. 4 апреля 1941.
Москва**

***На советской границе— 84 германские
дивизии!***

В апреле 1941 г. даже веселая и звонкая весенняя капель, обычно радующая человека, напоминала звон железа. Через всю Европу, с Запада на Восток, к советской границе двигалась многомиллионная гитлеровская армия. Передвижение такой армады не могло остаться незамеченным, и в Кремль буквально ежедневно поступали сообщения разведки:

ОБ УСИЛЕНИИ ГРУППИРОВКИ НЕМЕЦКИХ ВОЙСК

4.04.1941 № 660370-сс

В течение всего марта немецким командованием осуществлялись усиленные переброски войск в пограничную полосу СССР... Общее количество германских войск на границе с СССР: пехотных дивизий — 61, моторизованных — 6, танковых — 6—7. Всего 72—73 дивизии. К этому составу немецких войск нужно добавить немецкие войска в Молдавии и Северной Добрудже в общем количестве около 9 пехотных и одной моторизованной дивизии.

Общее количество немецких дивизий всех типов в приграничной полосе с СССР достигает 83—84 дивизий, не считая войск, сосредоточенных в Чехии, Моравии и в центре Румынии.

Голиков

В приложении к спецсообщению приведена «Схема» и указана рассылка: Сталину, Ворошилову, Молотову, Тимошенко, Берия, Кузнецову, Буденному, Кулику, Шапошникову, Мерецкову, Жукову, Жданову, Запорожцу, Ватутину.

До начала операции «Барбаросса» осталось 78 дней. 4 апреля 1941. Берлин

Война нервов

Каждой германской военной кампании всегда предшествовал особый этап — психологическая подготовка, так называемая Война нервов.

Этому этапу своей агрессии Гитлер придавал большое значение и неоднократно, в различное время, объяснял необходимость и важность Войны нервов:

«Раньше, чем армии вступят в бой, необходимо, чтобы вражеская нация была деморализована, чтобы она была подготовлена к капитуляции и приведена к пассивности...»

Одной из составляющих Войны нервов должна была быть пропагандистская кампания, направленная против жертвы будущей агрессии. Так было перед аншлюсом Австрии и перед захватом Чехословакии. Так было перед нападением на Польшу.

В августе 1939 г. не проходило дня, чтобы немецкие газеты не поднимали вопля о «преследованиях», которым, якобы, подвергается немецкое национальное меньшинство в Польше. С каждым днем газетные статьи становились все более сенсационными, все более провокационными и не оставляли сомнения в том, что Германия готовится к решительным действиям.

За два месяца до нападения Германии на Францию, в марте 1940 г., в Париж по долгу службы прибыл заместитель госсекретаря США Сэмнер Уэллес. Он был поражен атмосферой, царящей в этом, обычно искрящемся весельем, городе. Вспоминает Уэллес: *«Казалось, даже на зданиях лежала печать той же угрюмой апатии, которую можно было прочесть на лицах большинства прохожих, встречавшихся на малоллюдных улицах. Всех охватило предчувствие ужасного бедствия.*

Я имел возможность беседовать со множеством парижан... Как это ни трагично, у большинства из них отсутствовало даже желание быть мужественными».

В начале апреля 1941 г. подготовка к операции «Барбаросса» уже входила в решающую фазу, и скрывать ее практически уже не было возможности. Это, однако, не смущало Гитлера и не могло помешать

осуществлению операции, так как для принятия адекватных мер Сталину все равно уже не хватало времени.

Но поскольку подготовка к нападению становилась явной, Гитлер, по своему обыкновению, приказывает начать Войну нервов, целью которой было, с одной стороны, подготовить немецкий народ к будущей войне, а, с другой, утратить и деморализовать Россию. Война нервов должна была вывести Сталина из равновесия и спровоцировать его на действия, которые могли бы оправдать будущее нападение Германии необходимостью Превентивного удара.

В апреле 1941 г. все гитлеровские средства массовой информации почти одновременно начали целенаправленную пропаганду против большевистской России. И если у кого-либо в мире еще оставались сомнения относительно намерений Гитлера, то развернувшаяся Война нервов явно указывала на жертву будущей агрессии.

Советский полпред в Берлине Деканозов, докладывая Сталину об усиливающейся с каждым днем подготовке Германии к нападению, сообщал и о начавшейся открытой Войне нервов.

ШИФРОТЕЛЕГРАММА ОСОБАЯ

Из Берлина, 4.04.1941

Только лично Молотову

1 апреля по линии соседа послана в Москву телеграмма о результатах последней беседы соседского работника с источниками «К» [Корсиканец] и «С» [Старшина]. Телеграмма эта, наряду с предыдущими сообщениями «К», имеет важное значение, так как в

более определенной форме говорит о готовящейся антисоветской акции немцев, как о ближайшей перспективе.

Из моих предыдущих разовых сообщений по разным поводам Вам также известно об усилении за последнее время сведений по поводу антисоветских намерений немцев...

Что касается слухов и всякого рода сведений о предстоящем столкновении СССР с Германией, о готовящемся германском нападении на СССР, то эти слухи и сведения сейчас идут к нам ежедневно по разным каналам. В настоящее время в Германии, особенно здесь, в Берлине, немцы ведут по отношению к нам настоящую, как они говорят в подобных случаях, Войну нервов, внедряя во все слои населения слухи о неизбежной войне с СССР...

Далее Деканозов приводит многочисленные примеры высказываний различных лиц, из различных кругов немецкого общества, о неизбежности войны и факты, явно свидетельствующие о приближающемся нападении Германии: «Особого нашего внимания заслуживает продолжающаяся в Германии мобилизация запасных и призыв 1922 года рождения...

По моему предложению Тупиков направил в Кенигсберг своего помощника Бажанова и одного своего спецработника из торгпредства. Вернувшись на днях, Бажанов сообщил мне, что и в Мемеле, и в самом Кенигсберге освобождены все клубы и школы и заняты войсками... Я посылал Вам недавно «пособие» по изучению русского языка, распространяемое среди германских солдат... Обычно не проходит дня, чтобы в полпредство не поступила какая-нибудь анонимка с

предупреждением о грозящей СССР опасности со стороны Германии...

Во всем этом одно мне представляется несомненным: немцы ведут против нас эту Войну нервов и по всем данным намереваются ее продолжать и углублять, чтобы запугать нас войной, подготовить наше моральное подавление и тем самым оказать давление на нашу политику.

В начале апреля 1941 г. гитлеровская Война нервов была уже в полном разгаре. Но достигла ли она желаемых результатов? Повлияла ли на моральное состояние граждан Страны Советов, так же как в свое время повлияла на чехов, поляков, французов?

Нет, и по очень простой причине. Граждане Страны Советов не могли быть деморализованы, не могли быть в панике, потому что они об этой Войне нервов и не подозревали! По приказу Сталина советские средства массовой информации — газеты, журналы, радио — не только хранили молчание о приближающейся войне, но продолжали, на удивление всему миру, «прославлять» существующие дружеские отношения с Германией.

Все мероприятия, проводимые Сталиным по подготовке к войне, тщательно скрывались не только от врага, но и от собственного народа. Вся переписка наркоматов иностранных дел, обороны, госбезопасности, касающаяся приближающегося нападения Германии, зашифровывалась. Это касалось не только материалов, поступавших из-за рубежа, но и внутренней переписки. Так, например, сегодня, 4 апреля 1941 г., заместитель начальника внешней разведки полковник Судоплатов требует от наркоматов союзных республик, в целях сохранения секретности сведений о сосредоточении

германских войск на советской границе, все материалы, касающиеся этого вопроса, направлять в Москву по внутренней почте зашифрованными: *«т. Журавлеву. Дайте указание наркомам — приказать, чтобы такого рода материалы присылать только шифром. Судоплатов»*.

Создается впечатление, что гитлеровский план «внезапного» нападения на Россию сохранялся в Москве в гораздо большей секретности, чем в Берлине!

До «внезапного» нападения осталось 78 дней. 4а преля 1941. Москва

Момент может быть упущен

Сегодня в Москву поступило сообщение, которое можно считать одним из самых важных агентурных сообщений на это время. Источниками этого сообщения были Шульце-Бойзен и Харнак.

№ 885/м, 4 апреля 1941

*Источник, работающий в Главном штабе германской авиации, сообщает: **главный штаб авиации подготовил и окончательно разработал план нападения на Советский Союз...***

Так как советская промышленность разбросана на огромной территории и бомбардировкой ее не удастся в короткий срок нарушить нормальную военно-хозяйственную жизнь страны, то оперативный план немецкой авиации основан на концентрированном ударе по узловым железнодорожным пунктам центральной полосы Европейской части СССР и Украины... По сведениям, полученным тем же источником от сотрудника министерства авиации, работающего в отделе по разработке оперативных инструкций для

личного состава, выступление Германии против Советского Союза решено окончательно и последует в скором времени...»

Источник, работающий в Германском Министерстве Хозяйства, сообщает: «С 15 апреля должна будет начаться якобы антисоветская кампания в прессе. Будет опубликовано распоряжение о прекращении с 10 апреля всех частных перевозок по немецким железным дорогам. Ввоз в Германию каучука с Востока решено направлять уже не транзитом через СССР, как раньше, а морским путем, не считаясь с риском, вызываемым действиями Английской морской блокады».

Источник, работающий в главном штабе германской авиации, сообщил: «Югославские события чрезвычайно серьезно восприняты в руководящих германских кругах...

В штабе авиации полагают, что операции против Югославии могут занять 3—4 недели; это вызовет отсрочку действий против СССР, и благоприятный момент может быть упущен».

Сообщения Шульце-Бойзена и Харнака касаются всех самых важных вопросов, интересующих в эти дни Кремль.

Прежде всего, в них приводится полное подтверждение факта нападения Германии на Россию весной 1941 г. Далее раскрывается план Главного штаба авиации по организации бомбардировок военных и хозяйственных объектов Советского Союза. Приводятся сведения о начинающейся с 10 апреля концентрации германских войск у советских границ и о начале кампании Войны нервов.

Очень важен намек на «югославские события», могущие вызвать отсрочку нападения... По оценке штаба авиации, отсрочка нападения на три-четыре недели переносит планируемое «внезапное» нападение Германии с весны на лето — с середины мая на середину июня 1941 г., а в этом случае благоприятный момент для нападения может быть упущен!

До «внезапного» нападения осталось 77 дней. 5 апреля 1941. Москва

«Огня не открывать!»

Первая информация Шульце-Бойзена о том, что штаб германской авиации дал распоряжение о проведении разведывательных полетов над территорией России, поступила в Москву в конце января 1941 г. В те дни Сталин дал приказ о принятии немедленных мер по охране воздушного пространства страны, и Совет народных комиссаров принял специальное постановление «Об организации противовоздушной обороны». Но несмотря на все принятые меры, самолеты германской разведывательной «Эскадрильи Ровель», оснащенные первоклассным фотооборудованием, продолжали совершать полеты над советской территорией, и с каждым днем эти полеты становились все более наглыми. Вспоминает нарком Военно-морского флота адмирал Николай Кузнецов: *«В конце февраля — начале марта немецкие самолеты снова несколько раз грубо нарушили советское воздушное пространство. Они летали с поразительной дерзостью, уже не скрывая, что фотографируют наши военные объекты».*

Адмирал Николай Кузнецов славился своей исключительной честностью и прямоотой. Мальчишка из глухой деревушки Медведка, с детства мечтавший о путешествиях и подвигах, он еще в 1919 г. добровольцем пошел на флот. Потом — учеба в Ленинградском военно-морском училище, нелегкая морская служба на боевых кораблях Черноморского флота, Испания, Тихоокеанский флот и, наконец, в 1939 г. тридцатисемилетний Кузнецов становится наркомом.

Сталин благоволил к Кузнецову. Да и, казалось, нельзя было не чувствовать расположения к этому статному красавцу, обладавшему обворожительной улыбкой и, вместе с тем, стальной волей.

В начале марта 1941 г., когда нарушения воздушных границ германскими самолетами стали почти ежедневными, адмирал Кузнецов отдал однозначное указание флотам: *«Открывать огонь по нарушителям без всякого предупреждения!»* Директива наркома поступила на флоты 3 марта 1941 г. и, в соответствии с ней, германские самолеты-нарушители были несколько раз обстреляны. Сталин, конечно, знал об этих инцидентах, но никак на них не реагировал и стрельбу по самолетам не запрещал.

Вспоминает адмирал Кузнецов: *«Кстати говоря, Сталин, узнав о моем распоряжении, ничего не возразил, так что, фактически, в эти дни на флотах уже шла война в воздухе: зенитчики отгоняли огнем немецкие самолеты, а наши летчики вступали с ними в схватки на своих устаревших „Чайках“».*

Война в воздухе шла весь март 1941 г. Как известно, и 17, и 18 марта 1941 г. советские зенитчики еще обстреливали германские самолеты над Либавой.

И вдруг, сразу после того, как 20 марта 1941 г., в Кремле, прошло то знаменитое совещание, на котором вся агентурная информация, сообщавшая о подготовке Германии к нападению, была признана «дезинформацией», отношение Сталина к обстрелу самолетов-нарушителей неожиданно изменилось.

К удивлению Кузнецова, он был срочно вызван к Сталину.

Вспоминает Кузнецов: *«Меня спросили, на каком основании я отдал распоряжение открывать огонь по самолетам-нарушителям. Я пробовал объяснить, но Сталин оборвал меня. Мне был сделан строгий выговор и приказано немедленно отменить распоряжение».*

По приказу Сталина, 1 апреля 1941 г. главный морской штаб отдал флотам новую директиву:

«Огня не открывать, а высылать свои истребители для посадки самолетов противника на аэродромы».

Этот странный, с точки зрения адмирала Кузнецова, приказ не изменился и после того, как вчера, 4 апреля 1941 г., тот же обер-лейтенант люфтваффе Харро Шульце-Бойзен сообщил, что Главный штаб германской авиации уже разработал план бомбардировок территории России, целью которых будет нарушение народнохозяйственной жизни страны. Для осуществления этого плана гитлеровцам были необходимы сведения о расположении наиболее важных военных и хозяйственных объектов — электростанций, заводов, железнодорожных узлов. Разведывательные полеты должны были усилиться. И для России жизненно важно было эти полеты не допустить. Сталинский приказ шел в

противоречие со всей существующей информацией и со всей сложившейся обстановкой.

Но сталинские приказы не подлежали обсуждению!

Вспоминает Кузнецов: *«Результаты нетрудно было предвидеть. Немцы, чувствуя, что мы осторожничаем, стали вести себя еще более вызывающе. 5 апреля очередной фашистский разведчик появился над Либавой. В воздух поднялись наши истребители. Они начали „приглашать“ фашиста на посадку. Фашист, конечно, не подчинился.*

Наши батареи дали, как требовало предписание, двадцать предупредительных выстрелов. Разведчик ушел, а германское посольство в Москве заявило протест: дескать, обстреляли мирный самолет, летавший «для метеорологических наблюдений».

С этого дня, и до самого «внезапного» нападения, в течение двух с половиной месяцев, германские самолеты будут проникать вглубь советской территории совершенно беспрепятственно.

До «внезапного» нападения осталось 77 дней. В ночь с 5 на 6 апреля 1941. Москва

«Рука Москвы» смешала карты

Уже несколько дней Сталин знал о том, что Германия готовится к нападению на Югославию. Эти сведения не могли удивить его. О происходящем в Югославии в Москве знали, наверное, гораздо лучше, чем в Берлине. Сегодня, в полночь, раздался

телефонный звонок Деканозова — нападение завтра, на рассвете.

Получив это сообщение, Сталин срочно вызвал к себе находившихся в эти дни в Москве представителей правительства Югославии — доктора Милана Гавриловича, полковника Драгутина Савича и Божиана Симича. Для югославов поздний вызов в Кремль был неожиданным. В течение нескольких последних дней они вели безуспешные переговоры с Вышинским о подписании договора о взаимодействии с Россией, и за все это время ни разу не были приняты Молотовым.

Но сегодня, в Кремле, в кабинете Молотова, югославов встретил сам Сталин и сразу же предложил им подписать готовый проект договора.

Переговоры не заняли много времени, и около 3 часов ночи между Королевством Югославия и Советским Союзом был подписан Договор о дружбе и ненападении. Договор был подписан, несмотря на то, что Сталин знал, что этот Договор уже ничем не сможет помочь маленькой стране — очередной жертве гитлеровской агрессии. Так зачем он разыгрывал эту комедию?

Тайная встреча в Перловке

Еще в конце 1940 г., в самом начале подготовки к Русскому походу, Гитлер начал оказывать активное давление на Балканские страны, заставляя их различными способами присоединиться к Трехстороннему пакту. После Болгарии, подписавшей пакт 1 марта 1941 г., фюрер взялся за Югославию. Весной 1941 г. Югославия была единственной страной на Балканах, которой удавалось все еще вести сложную политическую игру и не портить отношения ни с

Берлином, ни с Москвой, ни с Лондоном. Но 1 марта 1941 г. ситуация изменилась.

Вошедшие в Болгарию моторизированные части 12-й германской армии достигли границ Югославии, и страна оказалась окруженной со всех сторон. Настал час, когда необходимо было сделать выбор.

Между тем, Гитлер действовал в своей обычной манере — он пригласил югославского регента принца Павла посетить «Бергхоф». 4 марта 1941 г. Павел тайно выехал из Белграда на встречу с Гитлером.

А дальше все уже шло, как по нотам. Запугав Павла, Гитлер посулил ему, в обмен на сотрудничество, югославскую корону и, вдобавок к ней, еще и город Салоники. Югославская корона, по праву, принадлежала наследнику престола — юному принцу Петру, сыну убитого в октябре 1934 г. короля Александра, а город Салоники принадлежал Греции. Но такие мелочи никогда не смущали Гитлера. И он широким жестом обещал подарить все это Павлу. Павел не смог устоять и в свою очередь обещал последовать примеру болгарского царя Бориса.

Но, несмотря на обещание регента, формальное присоединение Югославии к Трехстороннему пакту переносилось со дня на день. А Великобритания и Россия делали все возможное, чтобы этому помешать. Уинстон Черчилль даже направил своему коллеге — премьер-министру Югославии Драгише Цветковичу — личную телеграмму:

«22 марта 1941

Ваше превосходительство!

Полный разгром Гитлера и Муссолини в конечном счете неизбежен. Ни один разумный и дальновидный человек не может сомневаться в этом, после того, как английская и американская демократии выразили свою решимость добиться этого разгрома.

В мире всего 65 миллионов злобных гуннов, и большинство их занято теперь подавлением австрийцев, чехов, поляков и многих других древних народов, которые они терроризируют и грабят. Численность населения Британской империи и Соединенных Штатов достигает почти 200 миллионов человек, даже если считать одни только метрополии и Британские доминионы.

Британская империя и Соединенные Штаты обладают большими богатствами и большими техническими ресурсами, они производят больше стали, чем все остальные страны мира, взятые вместе. Они полны решимости не допустить, чтобы преступные диктаторы — один из которых уже понес невосполнимый урон — растоптали своими сапогами дело свободы или повернули вспять колесо мирового прогресса...

Я надеюсь, что Вы, Ваше превосходительство, учтете ход мировых событий и окажетесь на высоте».

Но ничто уже, казалось, не могло помешать Гитлеру подчинить себе и эту, последнюю оставшуюся нейтральной балканскую страну.

24 марта 1941 г. премьер-министр Драгиша Цветкович и министр иностранных дел Александр Цинцар-Маркович выехали в Австрию на церемонию присоединения Югославии к Трехстороннему пакту. Для сохранения секретности «операции» министры сели в Белграде на пригородный поезд, как будто отправляясь

на загородную прогулку, а затем уже, на одной из маленьких станций, пересели на экспресс, идущий в Вену. На следующий день, 25 марта 1941 г., ровно в 12 часов пополудни, в замке Бельведер, в присутствии всех заинтересованных сторон — Гитлера, Риббентропа, Чиано и Осима — состоялось, наконец, торжественное подписание протокола присоединения Югославии к пакту.

После окончания церемонии подписания Гитлер вызвал к себе сопровождавшего его в Вену фельдмаршала Кейтеля. Вспоминает Вильгельм Кейтель: *«Он [фюрер] пребывал в благостном настроении и был вполне удовлетворен развитием политических событий. «Думаю, что больше никаких неожиданностей на Балканах не предвидится», — сказал он с видимым удовольствием. Ночью мы выехали в Берлин».*

О том, что Югославия готова заключить формальный союз с Гитлером, в Москве узнали задолго до его подписания. Есть свидетельства, что еще 20 марта 1941 г., в Перловке под Москвой, на вилле британского посла Стаффорда Криппса, состоялась тайная встреча между Андреем Вышинским и главой Сербской аграрной партии доктором Миланом Гавриловичем. Гаврилович, бывший, кроме всего, еще и агентом советской внешней разведки, сообщил участникам встречи «новости», привезенные им только вчера из Белграда. Агент рассказал о том, что правительство Югославии приняло решение присоединиться к Трехстороннему пакту, а также о том, что группа сербских патриотов-антигитлеровцев, во главе с командующим военно-воздушных сил генералом Душаном Симовичем, готовится свергнуть это правительство.

И Криппс, и Вышинский выразили готовность, от лица Великобритании и России, поддержать путчистов и заключить договор с новым правительством Югославии, как только оно будет создано.

Удивительной была эта тайная встреча в Перловке! В тот самый день, 20 марта 1941 г., когда на совещании в Кремле все агентурные сообщения, говорящие о готовящемся нападении Германии на Советскую Россию, были названы дезинформацией, в Перловке под Москвой уже, фактически, действовала Антигитлеровская коалиция! Как будто бы, «внезапное» нападение уже совершилось! Как будто бы, Москва и Лондон уже по одну сторону баррикад против Берлина!

«Да здравствуют Сталин и Молотов!»

А в Югославии все произошло именно так, как и предполагалось на встрече в Перловке. 25 марта 1941 г. в полдень Югославия стала формальной союзницей Германии, а еще через несколько часов, в ночь с 26 на 27 марта 1941 г., группа офицеров, во главе с генералом Душаном Симовичем, захватила власть. Незадачливый регент Павел пытался бежать в Загреб, но был задержан путчистами и возвращен в Белград. Здесь, в штабе генерала Симовича, он подписал акт отречения и в ту же ночь покинул страну. Арестован был и доктор Цветкович. Он также был доставлен в штаб Симовича, где его заставили объявить об отставке.

Премьер-министром нового правительства стал Симович, а семнадцатилетний наследник престола был провозглашен королем Петром II. Говорят, что за день до этого отчаянный мальчишка Петр спустился из окна королевского дворца по водосточной трубе и удрал из-под стражи, приставленной к нему регентом.

Военный переворот в Югославии готовился, конечно, не один день, и в его осуществлении явно чувствовалась «Рука Москвы». Еще за несколько месяцев до этого рокового для Гитлера дня Сталин принял решение задействовать план военного переворота в Югославии, который он вынашивал еще с 1938 г. Тогда по ряду причин от этого плана пришлось отказаться. Теперь его время пришло.

Для организации переворота в Белград из Москвы были посланы опытейшие в «таких делах» сталинские эмиссары. Один из них, полковник Михаил Мильштейн, которого специально вызвали из Нью-Йорка, где он, числясь секретарем полпредства Михаилом Мильским, фактически, исполнял секретные задания Сталина. Другой эмиссар — человек Лаврентия Берия, чекист с 20-летним стажем, капитан госбезопасности Михаил Аллахвердов, успел уже побывать нелегальным резидентом внешней разведки во многих странах мира и выполнил не одно секретное задание.

Вспоминает генерал Павел Судоплатов:

«Между тем, по словам Берия, Сталин и Молотов решили, по крайней мере, оттянуть военный конфликт и постараться улучшить положение, применив тот план, от которого отказались в 1938 г. План этот предусматривал свержение югославского правительства, подписавшего договор о сотрудничестве с Гитлером.

И вот, в марте 1941 г. военная разведка и НКВД, через свои резидентуры активно поддержали заговор против прогерманского правительства в Белграде... Полковник Мильштейн, заместитель начальника военной разведки, был послан в Белград, чтобы оказать помощь в военном свержении

прогерманского правительства. С нашей стороны в этой акции участвовал Аллахвердов.

К этому моменту, с помощью МИДа в Москве нам удалось завербовать югославского посла в Советском Союзе Гавриловича. Его совместно разрабатывали Федотов, начальник контрразведки и я».

Мильштейн и Аллахвердов, видимо, постарались. Иначе, как возможно объяснить тот факт, что уже на следующее утро после переворота во всех городах Югославии начались просоветские демонстрации. В Белграде перед советским полпредством уже в 7 часов утра празднично разодетая толпа скандировала: «*Да здравствуют Сталин и Молотов! Долой Гитлера!*» Несколько легковых машин, украшенных нацистской свастикой, были перевернуты. Германский военно-воздушный атташе был избит до такой степени, что ему пришлось лечь в больницу. А когда германский посланник приехал в белградский собор, чтобы присутствовать на торжественном богослужении в честь молодого короля Петра II, толпа, собравшаяся перед собором, плевала ему в лицо. Для Гитлера югославский переворот явился громом среди ясного неба. Он воспринял все, что произошло, как пощечину, как личное оскорбление, полученное им на глазах всего мира не только от Югославии и Великобритании, но и от СССР! Не было никаких сомнений, что, сговорившись за его спиной, переворот организовали Черчилль и Сталин! В порыве ярости, Гитлер принимает решение, на которое, возможно, и рассчитывали вдохновители и организаторы переворота.

В стратегическом плане это решение будет иметь для Германии, и лично для Гитлера, трагические последствия.

Начало операции «Барбаросса» отодвигается

В то утро, 27 марта 1941 г., когда в Белграде ликующая толпа кричала «Да здравствуют Сталин и Молотов!», Гитлер вызвал своих генералов в Рейхсканцелярию. Этот вызов был настолько неожиданным и срочным, что Риббентроп и Гальдер даже несколько опоздали, что совершенно не было в их привычках.

Гитлер вошел в зал совещаний, потрясая телеграммой, полученной из Белграда, и уже с порога, брызгая слюной, закричал: *«Немедленно атаковать Югославию!»*

Дело, однако, обстояло не так просто. Сосредоточение германских войск на границе с Россией уже шло полным ходом, и нападение на Югославию могло сорвать график подготовки операции «Барбаросса».

Вспоминает Кейтель: *«Я заметил, что дату начала войны на Востоке переносить нельзя, так как сосредоточение войск по максимально уплотненному графику уже идет полным ходом, и мы не сможем взять оттуда никаких сил...»*

Именно поэтому [ответил Гитлер] он и вызвал Браухича и Гальдера: выход должен быть найден! Он, как говорится, вошел в раж...»

Гитлер действительно «вошел в раж» и, как записано в секретном протоколе штаба Верховного Командования, громогласно объявил об одном из самых

роковых своих решений: *«Начало операции по плану „Барбаросса“ придется отодвинуть на более поздний срок, в пределах четырех недель».*

По приказу Гитлера в оперативном отделе штаба Верховного главнокомандования и в Генеральном штабе Сухопутных войск началась срочная переработка уже готового плана вторжения в Грецию и подготовка нового плана уничтожения Югославии. Эти планы должны были быть увязаны с планом «Барбаросса» и учитывать перенос принятой даты нападения на Россию с мая на июнь 1941 г.

А пока начальник оперативного отдела ОКБ майор Альфред Йодль не спит ночами, готовя военные планы, вокруг Югославии идет большая политическая игра. Эмиссары Черчилля, срочно прибывшие в Белград с целью заключить договор с новым правительством Югославии, разочарованно сообщают в Лондон: *«Оказалось совершенно невозможным заставить Симовича подписать какое бы то ни было соглашение».*

Переговоры о подписании Договора с Советским Союзом также продвигались медленно, но это, видимо, происходило как раз по вине Москвы. Андрей Вышинский ежедневно, а иногда и по несколько раз в день, встречался с посланником Югославии Гавриловичем, ставшим уже министром без портфеля в новом югославском правительстве. С 3 апреля 1941 г. в переговорах участвовали и специально направленные в Москву полномочные представители — Драгутин Савич и Божин Симич. Но Москва не торопилась...

И вдруг, 5 апреля 1941 г., глубокой ночью, Договор подписан. Правда, не Договор о взаимопомощи, на котором настаивала Югославия и который обязывал бы

Советский Союз, в случае нападения Германии на Югославию, предпринять немедленные военные действия, а гораздо менее конкретный — Договор о дружбе и ненападении. По иронии судьбы, этот договор, так же как и протокол об участии Югославии в пакте, просуществует всего несколько часов.

После подписания Договора, Милан Гаврилович и его соратники оставались в Кремле до 7 часов утра, обсуждая со Сталиным за празднично накрытым столом размеры помощи, которую Россия сможет оказать Югославии. Их оживленная беседа еще не была окончена, когда Гитлер нанес свой обещанный жестокий удар по Белграду. Как всегда, в воскресенье, на рассвете... На этот раз фюрер действовал особенно грубо, без обычных провокаций. На этот раз ему уже, видимо, было наплевать, кого назовут агрессором.

Русский Медведь отлично соображает!

Страшную картину нападения Германии на Югославию рисует Черчилль:

«Утром 6 апреля над Белградом появились германские бомбардировщики. Летя волнами с оккупированных аэродромов в Румынии, они в течение трех дней методически сбрасывали бомбы на югославскую столицу. На бреющем полете, не опасаясь сопротивления, они беспощадно разрушали город. Эта операция получила название „Кара“. 8 апреля, когда настала, наконец, тишина, свыше 17тысяч жителей Белграда лежали мертвыми на улицах города и под развалинами».

Балканская кампания Гитлера была встречена в Москве почти с нескрываемым удовлетворением, хотя и не вызвала никакой официальной реакции. Только 7

апреля 1941 г. газета «Правда» на последней странице напечатала небольшое сообщение ТАСС из Берлина о том, что германские войска начали военные операции против Югославии и Греции. О массовой бомбардировке Белграда — мести Гитлера за «неслыханное оскорбление» — газета умолчала.

Как и рассчитывал Сталин, Балканская кампания затянулась.

Несмотря на то, что Гитлер, понимая необходимость быстрее окончания кампании, задействовал громадные воинские силы, греки и югославы сражались отчаянно, и победы германским войскам давались нелегко. Только 17 апреля 1941 г. последние югославские части капитулировали у Сараево, и только 27 апреля 1941 г. над древним афинским Акрополем взвился нацистский флаг.

К этому времени англичане, перебросившие вначале на помощь Греции из Египта экспедиционный корпус в 60 000 человек, уже успели эвакуировать остатки этих войск из маленьких гаваней Аттики и Пелопоннеса в Англию. Король Петр II и генерал Душан Симович тоже бежали в Англию — там они сформируют югославское правительство в изгнании.

В итоге «победоносной» Балканской кампании гитлеровская Германия еще раз перед всем миром продемонстрировала мощь своей военной машины и улучшила свое стратегическое положение. Но это была, конечно, пиррова победа.

«Рука Москвы» смешала карты Гитлера и отодвинула день начала операции «Барбаросса» на целых пять недель!

Теперь Гитлер вынужден будет начать Русский поход не во второй половине мая 1941 г., как он планировал, а во второй половине июня, всего на два дня раньше, чем это сделал его кумир Наполеон в 1812 г.

Гитлер хорошо понимал, чем это может ему грозить — ведь недаром еще в ноябре 1940 г. он произнес свою знаменитую фразу: *«Я не сделаю такой ошибки, как Наполеон. Когда я пойду на Москву, то выступлю достаточно рано, чтобы достичь ее до зимы».*

До начала операции «Барбаросса» остается уже 75 дней. 7 апреля 1941. Турция

«Пусть придут!»

Еще вчера, на импровизированном небольшом банкете по случаю подписания советско-югославского Договора о дружбе и ненападении, Сталин неожиданно получил еще одно предупреждение о приближающемся нападении Германии.

Югославский посол Милан Гаврилович рассказал Сталину, что еще месяц назад, в начале марта 1941 г., во время переговоров с югославским регентом Павлом в «Бергхофе», Гитлер счел нужным уведомить Павла о своем грандиозном плане «Барбаросса» и о том, что дни большевистской России сочтены.

Сведения о ночном разговоре Сталина с Гавриловичем немедленно стали достоянием дипломатического корпуса Москвы. Сталин тоже смог узнать о «своем разговоре» из... агентурного сообщения контрразведки! Контрразведка уже сегодня, 7 апреля

1941 г., перехватила телеграмму посла Турции в Москве Хайдара Актая, сообщавшую эти важнейшие сведения в Стамбул.

ИЗ ТЕЛЕГРАММЫ ТУРЕЦКОГО ПОСЛА

*Из тех же источников поступают сведения о том, что **немцы готовятся к нападению на Россию.** Югославский посол позавчера в Кремле после подписания договора о дружбе беседовал со Сталиным и сделал ему некоторые заявления в духе тех, о которых я сообщал... Сталин выслушал его заявление с большим интересом и, дважды поблагодарив посла за информацию о сроках возможного нападения, сказал: «Мы готовы, если им угодно — пусть придут!»*

Английский посол, узнав из белградских источников о том, что месяца два назад во время свидания принца Павла с Гитлером последний сказал Павлу, что собирается напасть на Советский Союз, по телеграфу из Афин попросил Идена проверить эти слухи.

Иден в своем ответе указал, что он через короля Георга навел справки у принца Павла, который подтвердил, что Гитлер ему действительно сказал о своем решении начать наступление на Россию в середине июня.

Скорее всего, что и Сталин знал о разговоре Гитлера с Павлом значительно раньше — ведь Милан Гаврилович, агент внешней разведки НКВД, несомненно, уже успел еще до встречи со Сталиным сообщить эти сведения своему начальству.

До «внезапного» нападения осталось 72 дня. 10 апреля 1941. Москва

Танки перекрашены в зеленый цвет

Еще одним источником информации о намерениях и действиях Германии в отношении России были задержанные органами госбезопасности гитлеровские шпионы. За последние четыре месяца, с декабря 1940 г., в западных областях Украины, в Белоруссии и в Прибалтийских республиках были раскрыты 67 шпионских баз абвера и задержано 1596 шпионов.

Шпионы абвера, допрошенные «с пристрастием» сталинскими следователями, сообщили немало важнейших сведений о происходящем по ту сторону Западной границы.

ИЗ СООБЩЕНИЯ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ НКГБ СССР

10 апреля 1941, № 2/ 7/2575

Данными закордонной агентуры и показаниями нарушителей границы устанавливается, что концентрация частей германской армии на границе с Советским Союзом продолжается. Одновременно идет форсированное строительство оборонных сооружений, аэродромов, стратегических железнодорожных веток, шоссейных и грунтовых дорог.

Город Сувалки. В бывших казармах 41-го пехотного полка польской армии (ул. Костюшки) и бывшей гимназии расквартирована пехота. На этой же улице в казармах бывшего 2-го полка польских уланов и на ул. 3 Мая, в казармах бывшего 3-го полка уланов —

кавалерийские части. В казармах на Филипповской ул. — артиллерийская часть, во дворе 25—30 пушек. В казармах на Августовской ул. расположен военный госпиталь, во дворе грузовых машин.

Деревня Турово — расквартирован один полк пехоты.

Местечко Хотылово — в лесу расположена танковая часть, имеющая в своем составе до 100 танков. Танки этой части зимой были выкрашены в белый цвет, а теперь — в зеленый...

Огромное число шпионов, засылаемых абвером на советскую территорию, имело, как это ни странно, и положительную сторону. Допросы пойманных шпионов позволяли получить подробную информацию о каждом городе, местечке, селе, о каждой полке, о каждой танковой части, вплоть до числа танков. Показания пойманных шпионов абвера еще и еще раз подтверждали непреложный факт — Гитлер готовится к нападению!

До «внезапного» нападения осталось 69 дней. 13 апреля 1941. Москва

Кому был нужен Пакт о нейтралитете?

Сегодня, 13 апреля 1941 г., в Москве произошло одно из самых невероятных событий в истории дипломатии.

Шестидесятилетний благообразный японец, эмиссар императора Хирохито, министр иностранных дел Страны восходящего солнца, уважаемый кавалер ордена Священного сокровища первой степени, напившись, как

говорится, до положения риз... пел в Кремле по-русски «Шумел камыш»!

Этот странный факт подтверждают многочисленные свидетели. И даже Вячеслав Молотов говорит: «Было, было дело...» Йосукэ Мацуока действительно был пьян и действительно пел эту знаменитую русскую песню, но у него были для этого вполне «уважительные» причины.

Прошел уже целый месяц с тех пор, как Мацуока покинул Японию и, по поручению премьер-министра принца Фумимаро Коноэ, отправился в Европу. И вот сегодня, наконец, его вояж окончен — Мацуока возвращается на родину, возвращается победителем — он выполнил миссию, возложенную на него принцем Коноэ, — подписал со Сталиным Пакт о нейтралитете.

Принц Фумимаро Коноэ был для Йосукэ Мацуока не только уважаемым главой правительства, он был его единомышленником и другом. Мацуока принадлежал к тому самому узкому кружку близких людей Коноэ, к которому принадлежал... агент советской разведки Ходзуми Одзаки и его друзья — Кинкадзу Сайондзи и Кэн Инукаи. Душой этого кружка, его политическим и нравственным главой был премьер-министр Фумимаро Коноэ, прозванный «Меланхолическим принцем», — одна из самых загадочных фигур Японии времен Второй мировой войны.

Потомок древней аристократической фамилии, фантазер, романтик и гуманист, Коноэ обладал необычным глобальным мировидением, и делом всей его жизни был некий, можно сказать, утопический геостратегический проект создания «Сферы процветания Великой Восточной Азии».

Мацуока познакомился с Коноэ много лет назад, в январе 1919 г., на Парижской мирной конференции, на которую они оба прибыли в составе делегации, возглавляемой их патроном — Ким-моти Сайондзи. С тех пор и началась их дружба.

В июле 1940 г., когда принц Коноэ вторично стал премьер-министром, он сделал Йосукэ Мацуока министром иностранных дел — Коноэ хотел иметь рядом с собой преданного человека, единомышленника, способного принять участие в осуществлении его великого геостратегического проекта. И не случайно понятие «Сфера процветания Великой Восточной Азии» впервые прозвучало 1 августа 1940 г. в декларации нового министра иностранных дел — Йосукэ Мацуока, а одним из составителей этой декларации был советник принца Коноэ и советский шпион Ходзуми Одзаки. Идея «процветания Азии», как это ни странно, вошла и в преамбулу к Трехстороннему пакту, подписанному Коноэ с Гитлером и Муссолини 27 сентября 1940 г.: *«Создание и поддержание нового порядка, необходимого для того, чтобы народы в соответствующих районах Великой Восточной Азии и Европы могли пожинать плоды сосуществования и взаимного процветания».*

Вряд ли эти слова выражали сущность «нового порядка», который готовил Бесноватый фюрер для Европы и Азии, но говорят, что мечтатель принц Коноэ действительно думал о мире и желал мира.

Правда, не все в милитаристской Японии и даже не все в правительстве Коноэ думали так же. Одним из противников политики принца был военный министр генерал Хидэки Тодзио, по прозвищу «Бритва». Жестокий и честолюбивый человек, пользующийся большим

влиянием в агрессивных кругах Японии, Тодзио во многом определял внешнюю политику страны. В октябре 1941 г. генерал Тодзио осуществит свою мечту и станет премьер-министром и втянет Страну восходящего солнца в Мировую войну, которая завершится страшной атомной трагедией.

Мацуока и Сталин

В марте 1941 г. Мировая война уже, фактически, была в разгаре. В эти дни гитлеровская Германия почти закончила приготовления к нападению на Россию, и в Японии знали об этом. В окружении императора Хирохито непрерывно шли тайные дискуссии по вопросу возможного участия Японии в войне. По мнению многих агрессивно настроенных политиков, будущая война открывала перед Японией весьма привлекательные перспективы. В то время как более осторожные и здравомыслящие люди, в их числе был и принц Коноэ, считали, что эта война может закончиться для Японии катастрофой.

Ситуация была достаточно сложной. Япония уже много лет вела войну в Китае, в начале 1941 г. она оккупировала Индокитай, принадлежавший разгромленной Гитлером Франции. Соблазнительным было бы прибрать к рукам и азиатские колонии Британской империи, которая, как казалось, стояла на пороге гибели. Советский Дальний Восток в этом плане был гораздо более трудным орешком — даже в том случае, если Россия вынуждена будет воевать на западе с Гитлером. Позорное поражение Квантунской армии в 1939 г. на Халхин-Голе еще не забылось! Нет, начинать войну с Россией на этом этапе явно не имело смысла.

Ну, а как же тогда обязательства по Трехстороннему пакту? Гитлер может потребовать участия Японии в войне, и тогда страна должна будет воевать одновременно на нескольких фронтах. Сможет ли Япония это выдержать?

В этой сложной ситуации Коноэ принял решение направить в Европу Йосукэ Мацуока. Задачей Мацуока было посетить Берлин и Рим и в личных беседах с союзниками — Гитлером и Муссолини — выяснить возможность **неучастия** Японии в войне против России.

Путь японского министра в Европу лежал через Москву. И в Москве Мацуока должен был выполнить еще одну, самую главную — тайную миссию. В Москве Мацуока должен был встретиться с главой большевистской России. Мацуока должен был убедить его подписать с Японией Пакт о нейтралитете, закрепив неучастие Японии в войне формальным актом и обезопасив этим страну от войны с Россией.

12 марта 1941 г. Йосукэ Мацуока покинул Токио и, проехав поездом через всю Сибирь, 23 марта прибыл в Москву.

Это был не первый визит Мацуока в Россию. В 1912-1913 гг. он даже жил в Петербурге и, занимая пост секретаря посольства, с интересом изучал русскую культуру и русский язык. Мацуока бывал в России и в последующие годы, уже после революции. В 1932 г., проездом из Токио в Женеву, где он должен был представлять Японию в Лиге Наций, он остановился в Москве и даже видел Сталина — на трибуне Мавзолея на Красной площади во время Первомайского парада.

Теперь Мацуока встретится с большевистским вождем лицом к лицу.

Охваченный волнением 24 марта 1941 г. Йосуке Мацуока прибыл в Кремль. Сталин произвел на японского министра огромное впечатление — именно то впечатление, которое Тиран хотел произвести и всегда производил на зарубежных гостей. Беседа велась в присутствии Молотова и посла Японии генерал-лейтенанта Иосицугу Татекава и носила неформальный, даже несколько дружеский характер. Говорил, в основном, Мацуока. Он рассказывал Сталину о Тэннэ — императоре Японии Хирохито, которого японцы любят и почитают как Бога, о премьер-министре принце Коноэ, о его друзьях-соратниках и о его необычных геостратегических идеях, которые японец, объясняя Сталину, называл «моральным коммунизмом». Говорил о политике принца, ориентированной на добрососедские отношения с Россией.

Сталин слушал японца внимательно, не перебивал его и ничем не показывал, что прекрасно осведомлен об идеях Коноэ, которые доктор философии Рихард Зорге с таким талантом освещал в своих аналитических обзорах. Но японцу пока незачем было знать об этом. Да и, вообще, на этот раз в Кремле ни о чем конкретном говорено не было.

И только прощаясь и благодаря за любезный прием, Мацуока попросил разрешения Сталина, после своего возвращения из Германии, остановиться на несколько дней в Москве и провести переговоры относительно улучшения отношений между Японией и Россией.

Мацуока и Гитлер

Через два дня Мацуока был уже в Берлине, и 27 марта 1941 г., вечером, состоялась его встреча с Гитлером. На встрече кроме Риббентропа присутствовал и специально прибывший с этой целью из Токио хорошо знакомый Мацуока германский посол Отт.

В этот вечер Гитлер выглядел изнуренным и был в ужасном настроении — ведь только сегодня утром он получил телеграмму из Белграда с уведомлением о состоявшемся в Югославии перевороте. И, может быть, именно поэтому фюрер начал свой обычный многочасовой монолог с перечисления военных побед Германии — с начала войны уничтожено 60 польских, 6 норвежских, 18 голландских, 22 бельгийских и 138 французских дивизий, англичане окончательно изгнаны с Континента и так далее, и так далее...

Беседа Мацуока с Гитлером существенно отличалась от его беседы со Сталиным. И если в Кремле в основном говорил японец, а Сталин слушал, то в Рейхсканцелярии говорил Гитлер, а Мацуока вынужден был выслушивать его разглагольствования. Хвастливые речи Гитлера о военной мощи Германии не убедили умного японца. Понял он и то, что Гитлер не искренен со своими союзниками. Мацуока был отлично осведомлен о планах Германии в отношении России, а Гитлер ни словом не обмолвился о готовящейся операции «Барбаросса».

В эти дни фюрер не был заинтересован в участии Японии в войне.

Русский поход — это его Поход! Гитлер не сомневался в том, что Россия будет разгромлена в течение двух-трех месяцев, и не собирался делить с японцами ни лавры победителя, ни «шкуру Русского Медведя»! Еще 5 марта 1941 г. Гитлер подписал

«Директиву № 24», предписывающую заставить Японию предпринять активные действия против Великобритании и Америки на Дальнем Востоке.

В пятом пункте «Директивы № 24» указывалось: *«Японцам не следует делать никаких намеков касательно операции Барбаросса».*

В свете принятого им решения, Гитлер в течение двух часов упрямо убеждал японского министра в необходимости для его страны действовать в направлении Сингапура. Учтиво выслушав Гитлера, старейший японский дипломат ничем не обнаружил своей радости, не сказал ни одного лишнего слова и не обещал ничего определенного. Но, в принципе, обе стороны поняли друг друга и, не говоря об этом, согласились — в войне с Россией Япония на данном этапе не участвует!

Из Берлина Мацуока отправился в Рим, где встретился с Муссолини, с графом Чиано и с Папой Пием XII. Затем снова Берлин — и в Москву!

«Дипломатический блицкриг»

Теперь Мацуока должен был выполнить самую трудную часть своей тайной миссии — закрепить неформальную договоренность с Гитлером формальным договором со Сталиным!

Мацуока вернулся в Москву 8 апреля 1941 г. До возвращения в Японию оставалось всего несколько дней, и он постарался использовать их с наибольшей пользой и удовольствием — Бог знает, когда ему еще придется побывать в России! Мацуока посетил несколько московских музеев, сходил во МХАТ на чеховские «Три сестры» и даже съездил на один день в милый его сердцу

Петербург, который теперь стал называться «Ленинград». А еще, с разрешения Сталина, Мацуока встретился с генералом Георгием Жуковым. Любознательному японцу просто захотелось своими глазами увидеть человека, имя которого после разгрома 6-й японской армии было «так хорошо знакомо» японцам.

Дни, проведенные Йосукэ Мацуока в России, были счастливыми и интересными для него. Но основная цель его поездки все еще не была достигнута. Почти ежедневные встречи с Молотовым были безрезультатными.

И вот, наконец, в последний день своего пребывания в Москве Мацуока прибыл в Кремль засвидетельствовать перед отъездом свое почтение Сталину. Японец был настроен решительно. Сталин, со своей стороны, уже знал, чем закончились переговоры в Берлине. Рихард Зорге уже успел передать в Москву все, что сообщил ему возвратившийся в Токио Отт. Времени для дипломатической игры уже не оставалось — завтра вечером ночным Транссибирским экспрессом Мацуока уезжал в Японию, и Сталин был, так же как и японец, готов к «завершению сделки».

Инициативу взял на себя Мацуока. Без всяких хитростей и уловок, напрямик, японец заявил Сталину, что он желал бы заключить с Москвой Пакт о нейтралитете. Причем он заинтересован заключить этот пакт немедленно, осуществив «дипломатический блицкриг».

Такая ассоциация пришла на ум японцу, возвратившемуся из Германии, которая готовила России «военный блицкриг»!

ИЗ ПРОТОКОЛА БЕСЕДЫ СТАЛИНА С МАЦУОКА

Сов. секретно, 12 апреля 1941

Мацуока считает подписание «Пакта о нейтралитете» полезным и целесообразным не только для Японии, но и для СССР, и полагает, что было бы эффективным подписать такой пакт именно в данный момент. Однако его желание не увенчалось успехом. Завтра он покидает столицу СССР, хотя ему и досадно, что пакт не подписан. Тем не менее его пребывание в СССР дало ему многое...

Двукратная встреча с т. Сталиным породила в нем такое чувство, что он стал считать себя близким знакомым для т. Сталина...

На этом этапе, неожиданно, как это часто бывало во время дипломатических переговоров, которые вел Сталин, невозможное стало возможным. Великий Лицедей Сталин сделал широкий жест и, «только ради уважаемого гостя», согласился подписать Пакт о нейтралитете.

«Только ради уважаемого гостя» Сталин согласился подписать акт, который, в преддверии приближающейся смертельной схватки с Германией, нужен был ему самому, как воздух.

ПРОДОЛЖЕНИЕ БЕСЕДЫ СТАЛИНА С МАЦУОКА Тов. Сталин говорит, что все беседы, которые вел Мацуока т. Молотовым, и сегодняшняя вторая беседа с Мацуока убедили его в том, что в переговорах о пакте нет дипломатической игры и что действительно Япония хочет серьезно и честно улучшить отношения с СССР... Далее т. Сталин говорит, что он с удовольствием слушал Мацуока, который честно и прямо говорит о том, чего он хочет. С

удовольствием слушал, потому что, в наше время и не только в наше время, не часто встретишь дипломата, который откровенно говорил бы, что у него на душе. Как известно, еще Талей-ран говорил при Наполеоне, что язык дан дипломату для того, чтобы скрывать свои мысли. Мы, русские большевики, смотрим иначе и думаем, что и на дипломатической арене можно быть искренними и честными.

Тов. Сталин говорит, что он не хотел бы затруднять положение Мацуока, который вынужден довести до конца борьбу со своими противниками в Японии, и готов облегчить его положение, чтобы он, Мацуока, добился здесь «дипломатического блицкрига».

Итак, обе высокие договаривающиеся стороны пошли на уступки друг другу в спорном вопросе об острове Сахалин; Мацуока, с помощью Молотова через московский Центральный телеграф, добился срочного телефонного разговора с Токио и получил «добро» от принца Коноэ, и от самого Великого Тэннэ, и...

Неожиданно для всего мира, 13 марта 1941 г., в 2 часа пополудни, Пакт о нейтралитете был подписан и «дипломатический блицкриг» завершен.

«Шумел камыш»

Подписание Пакта о нейтралитете с Японией стало большой дипломатической победой Сталина. Перед самым нападением Германии на Россию он, фактически, лишил Гитлера одного из его сильнейших союзников в будущей войне!

О значении пакта свидетельствует Генри Киссинджер: «13 апреля **1941** г. он [Сталин] заключил в Москве договор о ненападении [о нейтралитете], следуя,

в основном, той же самой тактике в отношении роста напряженности в Азии, какую он применил в отношении Польского кризиса восемнадцатью месяцами ранее. В каждом из этих случаев он устранял для агрессора риск борьбы на два фронта и отводил войну от советской территории, подстрекая, как он считал, капиталистическую гражданскую войну в других местах.

Пакт Гитлера—Сталина дал ему двухлетнюю передышку, а договор о ненападении с Японией позволил через шесть месяцев перебросить армейские части с Дальнего Востока для участия в битве под Москвой, битве, которая решила исход войны в его пользу».

Такая важная дипломатическая победа должна была быть «отмечена», и, после подписания пакта, в Кремле, в кабинете Молотова была организована грандиозная выпивка. Иосукэ Мацуока, привыкший к миниатюрным чашечкам японской сакэ, не выдержал сталинского застолья. К концу пиршества он еле стоял на ногах и вместе со Сталиным и Молотовым даже пел «Шумел камыш».

В таком непрезентабельном виде японского министра вечером привезли на Ярославский вокзал к стоящему под парами Транссибирскому экспрессу. И тут, на перроне, на глазах иностранных дипломатов, пришедших проводить коллегу, на глазах иностранных журналистов, падких на сенсации, и произошла очередная, умело срежиссированная Сталиным «комедия».

Когда до отхода экспреса оставалось несколько минут, на перроне неожиданно появился Сталин. Он был в необычайно приподнятом настроении. Говорил громким

голосом. Расхаживал по перрону под руку с Мацуока, обнимал иностранных послов, пожимал руки железнодорожным служащим, улыбался пассажирам. Как и надеялся Великий Режиссер, эффект был достигнут — об этой «комедии» писали все газеты мира, о ней оставили свои свидетельства современники и очевидцы.

Уинстон Черчилль: «Шуленбург рассказал о демонстрации единства и товарищества, устроенной Сталиным на вокзале перед отъездом Мацуока в Японию.

Поезд задержался на час из-за приветствий и церемоний, которых явно не ожидали ни японцы, ни немцы. Появились Сталин и Молотов, которые удивительно дружелюбно приветствовали Мацуока и других японцев и пожелали им счастливого пути.

Затем Сталин публично спросил о германском после. «А найдя меня, — заявил Шуленбург, — он подошел и обнял меня за плечи и сказал: «Мы должны оставаться друзьями, вы должны сейчас сделать все, все ради этой цели».

Позже Сталин обратился к германскому военному атташе, удостоверившись сперва, что он говорит именно с ним, и сказал: «Мы останемся с вами друзьями в любом случае».

«Сталин, — добавляет Шуленбург, — несомненно, обратился с эти приветствием к полковнику Кребсу и ко мне умышленно и тем самым сознательно привлек внимание большого числа присутствовавших».

Эти объятия были напрасным притворством. Сталин, несомненно, должен был знать из своих собственных источников о колоссальном развертывании германских

сил вдоль всей русской границы, которое сейчас начала замечать английская разведка.

Это было всего за 10 недель до начала ужасающего наступления Гитлера на Россию. До него оставалось бы всего 5 недель, если бы не задержка, вызванная боями в Греции и в Югославии».

О том же вспоминает Хасегава — личный секретарь Йосукэ Мацуока, сопровождавший его в поездке:

«Сталин и Мацуока... которые только что подписали пакт о нейтралитете между Японией и Советским Союзом, очевидно, охваченные волнением, обнялись „по русскому обычаю“. Это изумило иностранных дипломатов, которые собрались на платформе для проводов Мацуока. Не менее изумлены были также работники комиссариата иностранных дел, один из которых что-то шепнул Сталину на ухо.

Сказав: «Ничего!», Сталин вошел в роскошный вагон и в вагон-ресторан, предоставленный в распоряжение Мацуока, где он пожал всем руки...»

О том же пишет американский корреспондент Джон Скотт, участвовавший в проводах Мацуока: *«Наверное, в третий раз обменявшись рукопожатием, они обнялись... В вагоне Сталин сказал Мацуока: „Вы азиат, и я азиат“. Он показал рукой на платформу, где стояли дипломаты, и произнес: „А они европейцы“. Оба азиата снова рассмеялись».*

О том же Вячеслав Молотов: *«Сталин был крупнейший тактик... Большое значение имели переговоры с японским министром иностранных дел Мацуокой.*

В завершение его визита Сталин сделал один жест, на который весь мир обратил внимание: сам приехал на вокзал проводить японского министра. Этого не ожидал никто, потому что Сталин никогда никого не встречал и не провожал. Японцы, да и немцы, были потрясены. Поезд задержали на час. Мы со Сталиным крепко напоили Мацуо-ку и чуть ли не внесли его в вагон. Эти проводы стоили того, что Япония не стала с нами воевать. Мацуока у себя потом поплатился за этот визит к нам».

Мацуока едет в Токио. Он в эйфории — на каждом полустанке он шлет приветственные телеграммы — в газету «Правда», Вячеславу Молотову и своему «новому другу» Иосифу Сталину:

«...Прошу разрешить мне заверить Вас, что я уношу с собой самые приятные воспоминания о своем временном, явившимся наиболее долгим в течение моей нынешней поездки, пребывании в Вашей великой стране, где я был удостоен сердечного приема, и где я с восторгом и пониманием увидел прогресс, достигнутый в жизни народов СССР.

Сцена нецеремонных, но сердечных, поздравлений по случаю подписания Пакта останется, без сомнения, одним из счастливейших моментов моей жизни, а любезность Вашего Превосходительства, выразившаяся в Вашем личном присутствии на вокзале при моем отъезде, всегда будет оцениваться мною, как знак подлинной доброй воли, не только по отношению ко мне одному, но также и к нашему народу.

Я могу также добавить, что девизом всей моей жизни было и будет всегда быть верным своим словам...»

Ирония судьбы

В конце апреля 1941 г. Иосукэ Мацуока прибыл в Токио.

На вокзале его встречал принц Коноэ и по дороге в город рассказал другу о недовольстве, с которым встретили милитаристские круги Японии подписанный в Москве пакт. Это недовольство превратилось в открытое возмущение после «внезапного» нападения Германии на Россию и первых, потрясающих воображение побед Гитлера.

Через три недели после начала войны между Германией и Россией, 16 июля 1941 г., политическая карьера Мацуока закончилась — свое новое третье правительство Коноэ сформировал без него.

Принц Фумимаро Коноэ все еще пытался удержать Страну восходящего солнца от активного вмешательства в бойню Второй мировой войны. Пытался ценой вывода японских войск из Китая достичь соглашения с западными странами. Но 17 октября 1941 г. милитаристы Японии вынудили Коноэ уйти в отставку.

И это была не просто отставка — это было крушение! За два дня до отставки, 15 октября 1941, был арестован советник и друг Коноэ — Хадзуми Одзаки. Его обвинили в шпионаже и измене родине.

А еще через три дня был арестован советский шпион Рихард Зорге и еще несколько человек из ближайшего окружения Коноэ, и среди них особенно близкие принцу — Кэн Инукай и Кинкадзу Сайондзи. Все они были обвинены в принадлежности к шпионской организации, действующей по приказу Коминтерна. Враги «Меланхоличного принца» открыто требовали и

его ареста, называли его «суперпредателем» и обвиняли в передаче врагам военных и государственных тайн. Коноэ с помощью императора Хирохито избежал ареста, но не прекратил попыток «спасения нации». Уже после Перл-Харбора и за много дней до атомной катастрофы он выражал желание лететь в Москву. Надеялся, что «давняя дружба» Сталина с Мацуока поможет ему найти путь к мирным переговорам с американцами. Но у Сталина был свой взгляд на «дружбу», и встреча, которая, может быть, могла бы предотвратить атомную катастрофу, не состоялась.

6 августа 1945 г. американский бомбардировщик по имени «Энола Гей» сбросил атомную бомбу на Хиросиму. 9 августа 1945 г. вторая атомная бомба взорвалась над Нагасаки. И в тот же день было опубликовано заявление Советского правительства, что оно с 9 августа 1945 г. будет считать себя в состоянии войны с Японией.

Когда закончилась эта война, на процессе военных преступников в Токио, по иронии судьбы, на скамье подсудимых оказались рядом — генерал Хидэки Тодзио, по приказу которого японцы бомбили Перл-Харбор, и... Иосукэ Мацуока, заключивший с Россией Пакт о нейтралитете. Принц Фумимаро Коноэ тоже должен был сидеть рядом с ними, но он еще до ареста, по обычаю самураев, совершил акт «сепуко». Генерала Хидэки Тодзио повесили, а дело Мацуока было прекращено. Говорят, что он умер в тюрьме.

До начала операции «Барбаросса» осталось 63 дня. 19 апреля 1941 Берлин

«Почему Москва не поверила?»

Бывший заместитель начальника внешней разведки НКВД генерал-лейтенант Павел Судоплатов пишет в своих воспоминаниях о том, что 18 апреля 1941 г. он поторопился направить во все страны Европы «Специальную директиву», в которой обязывал всех резидентов внешней разведки перейти на режим военного времени: *«Всемерно активизировать работу агентурной сети и линий связи, приведя их в соответствие с условиями военного времени».*

Судоплатов также утверждает, что и военная разведка направила в Европу аналогичную директиву.

В эти тревожные предвоенные дни вся советская разведка работала в исключительно напряженном режиме. И особенно это касалось берлинских легальных и нелегальных резидентур. Приближающаяся с каждым днем война и ожидаемое в связи с этим закрытие советских организаций в Германии и эвакуация их сотрудников требовала коренного изменения методов работы с агентурной сетью.

По приказу Центра, в целях конспирации, следовало расчленить нелегальные резидентуры на небольшие группы и перевести их на прямую радиосвязь с Москвой. Все необходимое — деньги, радиоаппаратура, шифры — должны были быть получены из Москвы уже в ближайшее время. В рамках этих мероприятий Александр Коротков выходит на личный контакт с человеком,

входящим в группу Арвида Харнака и носящим кличку «Старик». Этот контакт, очень опасный для разведчика, стал возможным только после получения результатов специальной проверки агента, проведенной через генерального секретаря исполкома Коминтерна Георгия Димитрова.

ПИСЬМО № 48, БЕРЛИН, «ЗАХАРУ» 18 апреля 1941

Ваше письмо № бот 18.IV.41 г. со всеми приложениями получено.

Мы запрашивали тов. Д. о всех людях из группы «Корсиканца» и получили ответ, что «Корсиканец» им известен как коммунист, состоящий негласно в КПГ. По имеющимся у них сведениям, «Корсиканец» в 1936 г. был в Париже и пытался наладить связь с членами компартии. При случае выясните у него, так ли это...

«Старик» характеризуется следующим образом: был известным режиссером и писателем. По мотивам общего кризиса буржуазной культуры (который он сильно переживал) приблизился к союзу работников умственного труда, был человеком, который старался честно и правдиво уяснить себе ряд жизненных и общественных вопросов.

Что касается «Старика», то «Корсиканец» должен только свести Вас с ним, после чего сразу же взять курс на отрыв «Старика» от «Корсиканца». Нужно сделать так, чтобы «Корсиканец» сам объяснил «Старику» необходимость в целях конспирации прекратить их личную связь, а также прекратить всякую партийную работу...

«Старик»

Под кличкой «Старик» скрывался известный немецкий писатель драматург и философ, автор романа «Немец из Байенкура» и пьесы «Тиль Уленшпигель» — Адам Кукхоф. Это был тихий, застенчивый человек, обладавший громадными знаниями, глубоким умом и редким своеобразием мышления. В 1912 г. Кукхоф защитил докторскую диссертацию на тему «Шиллеровская теория трагического». В его облике, действительно, было нечто трагическое.

С приходом к власти Гитлера все мечты и надежды молодого доктора философии рухнули. И Адам Кукхоф, бывший и раньше противником нацизма, стал теперь в ряды борцов с Гитлером. С супругами Харнак Кукхоф познакомился в конце 20-х, в Америке, где его жена, журналистка Грета Лорке, училась в Висконсинском университете. Сегодня Грета вместе с мужем входит в группу Харнака и носит кличку «Кан».

Сегодня, 19 апреля 1941 г., вечером, на квартире Харнака, Александр Коротков встретился со «Стариком», который произвел на него очень благоприятное впечатление. Об этой встрече Коротков сообщил в Москву: *«Старик» производит впечатление культурного, образованного человека, на взгляды которого оказало влияние чтение трудов Ленина. Он и сейчас хранит некоторые его произведения. Считает себя коммунистом, и поведение подтверждает его слова».*

Отзыв Короткова подтвердил характеристику «Старика», полученную ранее из Коминтерна. И теперь Коротков будет передавать в Москву, кроме агентурных сообщений «Корсиканца» и «Старшины», еще и информацию, полученную от «Старика».

«Красное» и «Черное»

Группа «Старика» состояла примерно из 20 человек. Все они принадлежали к творческой интеллигенции Берлина, в которую ходил в свое время журналист и театральный критик Рудольф Рёсслер. Одним из членов этой группы был Адольф Гримме.

Адам Кукхоф и Адольф Гримме были друзьями еще со студенческих лет, когда они оба учились в Галльском университете и активно участвовали в студенческом «Литературном обществе». В 1930 г. Гримме, ставший министром просвещения Пруссии, пригласил Кукхофа на должность первого драматурга Берлинского государственного театра. А сегодня Гримме, потерявший по милости Гитлера министерский портфель, является одним из борцов против нацистского режима. Примыкая с одной стороны к группе Кукхофа, то есть к «Красной Капелле», Гримме также связан с Карлом Герделером и, через него, с «Черной Капеллой».

Карл Фридрих Герделер был одной из самых значимых фигур среди заговорщиков «Черной Капеллы». Но путь этого, несомненно, выдающегося человека к почти явной борьбе против главы государства был не легок и не прост. В 1933 г. Герделер, в то время влиятельный обер-бургомистр Лейпцига, считал себя приверженцем нацизма и приветствовал приход Гитлера к власти. В дальнейшем он был назначен фюрером комиссаром цен и приобрел еще большее влияние.

Но шли годы, и Гердлер, так же как и многие его друзья, понял преступную сущность нацизма. К чести обер-бургомистра Лейпцига нужно сказать, что почти больше всего его возмущало зверское отношение гитлеровского режима к евреям. В 1937 г. Карл Герделер ушел в отставку в знак протеста против того, что

нацисты потребовали заменить статую основателя первой германской консерватории композитора Феликса Мендельсона, многие годы стоявшую перед Лейпцигским концертным залом, на памятник кумира Гитлера композитора Рихарда Вагнера. А в 1938 г. Герделер уже вошел в группу заговорщиков «Черной Капеллы», став одним из главных сторонников «физического уничтожения Гитлера». Именно Герделер в 1938 г., перед вторжением в Чехословакию, летал в Лондон, в 1939 г., перед нападением на Польшу, ездил в Цюрих, а в 1940 г., перед Походом на Запад, — в Брюссель, делая все для того, чтобы предупредить мир о планах Бесноватого. После запланированного заговорщиками убийства Гитлера в 1944 г. именно Герделер должен был стать канцлером новой Германии.

Руководство внешней разведки было очень заинтересовано в «разработке» личности такого ранга, как Герделер. Ему даже была присвоена кличка «Голова», а его другу Гримме — кличка «Новый».

Сведения о том, что в Берлине существуют несколько группировок высших офицеров вермахта и высокопоставленных гражданских лиц, принявших решение устранить Гитлера, были не новы для Кремля. Сведения об этих группировках, которые в Москве называли «монархические антигитлеровские группировки», с января 1941 г. хранились в литерном деле «Затяя». Удивительно, но советская разведка знала даже о секретных переговорах, которые вел в Ватикане эмиссар адмирала Канариса адвокат Йозеф Мюллер-Оксензепп с британским послом Френсисом Д'Арси Осборном. Эти переговоры в Москве называли

«католической акцией» и считали, что во главе ее стоит Герделер.

«Разработка» Герделера в начале 1941 г. была поручена Арвиду Харнаку и его двоюродному брату, бывшему бургомистру одного из германских городов, Эрнсту Харнаку. Но сегодня контакты с Герделером Москва предпочитает осуществлять через «Старика», о чем и уведомляет резидента Амаяка Кабулова.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПИСЬМА № 48

В процессе Ваших разговоров со «Стариком» определите, имеется ли возможность установить через него контакт с группой «Головы» и целесообразно ли использовать «Старика» исключительно по линии разработки «монархических антигитлеровских группировок».

Неужели Кремль через Карла Герделера, по кличке «Голова», имел прямой контакт с заговорщиками «Черной Капеллы»?

Последняя просьба Харнака

Так же, как и все участники «Красной Капеллы», Адам Кукхоф будет арестован в 1942 г. Несмотря на свою кажущуюся интеллигентскую слабость, он сумеет выдержать все пытки гестапо и пойдет на смерть, не выдав друзей — Герделера и Гримме.

Но Карл Герделер все равно будет арестован, подвергнут нечеловеческим пыткам и повешен, а Адольф Гримме, по счастливой случайности, останется в живых. Избежит смерти и жена Кукхофа — Грета Лорке. В своих воспоминаниях Грета с горечью напишет о последней

просьбе Арвида Харнака — советского шпиона по кличке «Корсиканец».

*«Арвид Харнак был потрясен тем, что, несмотря на все пересланные им в Москву агентурные сообщения, за которые он сейчас расплачивается жизнью, нападение Германии оказалось для Кремля „внезапным“. Эта, совершенно необъяснимая для него трагедия настолько на него повлияла, что даже в последние дни своей жизни, в ожидании казни в тюрьме Плетцензее, он просил друзей, если кому-нибудь из них удастся остаться в живых, узнать: **«Почему Москва не поверила сообщениям и почему не подготовилась к войне?»**»*

До «внезапного» нападения остался 61 день. 21 апреля 1941 Москва

На повестке дня— эвакуация Москвы

Приказ Сталина о прекращении обстрела германских самолетов, нарушающих воздушное пространство страны, увеличил число разведывательных полетов люфтваффе. Так, с начала апреля 1941 г. германские самолеты-разведчики 43 раза совершали полеты над территорией Советского Союза.

***ИЗ СООБЩЕНИЯ НКВД СССР В ЦК ПАРТИИ. 21
АПРЕЛЯ 1941***

За период с 1 по 19 апреля германские самолеты 43 раза нарушали государственную границу, совершая разведывательные полеты над нашей территорией на глубину 200 км. Большинство самолетов фиксировалось

над районами: Рига, Кретинга, Таураге, Ломжа, Рава-Русская, Перемышль, Ровно.

Вопрос противовоздушной обороны, который рассматривался на Политбюро ЦК 25 января 1941 г., снова стал на повестку дня. Но теперь, по какой-то причине, речь шла исключительно о противовоздушной обороне Москвы.

Совет народных комиссаров вынес постановление. «О мерах по улучшению местной противовоздушной обороны г. Москвы». В соответствии с этим постановлением, был разработан беспрецедентный по своей эффективности план обороны столицы, по которому предусматривалось отражение воздушных ударов противника, осуществляемых с любого направления, в любое время суток, при любых погодных условиях и при любой высоте полета.

Параллельно с вопросом о противовоздушной обороне Москвы в Кремле рассматривался также и вопрос о необходимости, при определенных обстоятельствах, срочной эвакуации населения из столицы. Для заблаговременной подготовки эвакуации тогда же была создана специальная комиссия под названием: «Специальная комиссия по эвакуации населения из города Москвы в военное время».

Во главе комиссии был поставлен ответственный партийный функционер, организатор сталинских «чисток» в Москве, председатель Исполкома Моссовета Василий Пронин.

До начала операции «Барбаросса» осталось 59 дней. 23 апреля 1941. Лондон

«Я знал, что война начнется, но...»

Где-то 19-го, а может быть, и 20 апреля 1941 г., Сталин получил короткую записку из Лондона, которую вот уже 60 лет принято называть — предупреждение Черчилля:

«Я располагаю достоверными сведениями от надежного агента, что, когда немцы сочли Югославию пойманной в свою сеть, то есть после 20 марта, они начали перебрасывать из Румынии в Южную Польшу три из своих пяти танковых дивизий.

Как только они узнали о Сербской революции, это движение было отменено. Ваше Превосходительство легко поймет значение этих фактов».

Премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль решил вмешаться в ход исторических событий и поделиться с будущим союзником «достоверными сведениями от надежного агента». «Надежный агент» Черчилля был действительно «абсолютно надежным», хотя бы потому, что он был не человеком, а был машиной, носившей название «Энигма».

«Энигма» представляла собой электромеханическую шифровально-дешифровальную машину, работающую в автономном режиме, с ручным вводом данных, которую Германия применяла во время Второй мировой войны для шифровки своей секретной информации.

К началу войны немцы уже использовали около 20000 таких машин и были убеждены, что закодированные с помощью «Энигмы» радиogramмы не поддаются дешифровке, так как сменяющиеся диски машины обеспечивали кодирование, практически, неповторяющимся шифром.

Однако в ходе войны большинство шифров «Энигмы» были все-таки взломаны, и произошло это в Лондоне. Первый шаг в направлении разгадки тайны «Энигмы» был сделан в 1939 г. на базе материалов, полученных британской разведкой от польских криптологов — Мариана Раевски, Ежи Рожицки и Хенрика Зигальски. Эти талантливые молодые ученые сумели вовремя сбежать в Лондон и передать англичанам имеющуюся в их распоряжении документацию машины. Дальнейшая работа велась уже в британской Государственной кодо-шифровальной школе или в так называемом Блетчли-Парке.

Блетчли-Парк представлял собой огромное красно-коричневое кирпичное здание, утыканное антеннами и окруженное множеством уродливых бараков, соединенных с главным зданием сетью темных переходов. В 1939 г. в Блетчли было около 1800 сотрудников, а к концу войны эта цифра доходила уже до 10000 человек.

Блетчли-Парк стал пристанищем множества криптологов, математиков, шахматистов, лингвистов и просто эксцентричных людей, обладавших острым умом и неординарным мышлением. Одним из них был гениальный английский математик Аллан Тьюринг. Говорят, что эксцентричность Тьюринга превосходила его гений. Так, опасаясь, что кто-нибудь из его коллег,

по словам Тьюринга, «слямзит» его кофейную кружку, он приковал ее цепью к батарее центрального отопления.

На все заработанные деньги Тьюринг, опасаясь остаться нищим, покупал серебро и для сохранения закапывал его в лесу, неподалеку от Блетчли. Но, тщательно спрятав клад, странный человек сразу же забывал, где именно он это сделал! Жизнь талантливого ученого оборвалась трагически. Уволенный из Блетчли и привлеченный к ответственности за гомосексуализм, сорокадвухлетний Тьюринг покончил жизнь самоубийством. Благодарное человечество и по сей день чтит память Тьюринга — странного рассеянного человека, внесшего огромный вклад в создание современной вычислительной техники и вошедшего в историю как гений, взломавший код шифровальной машины «Энигма».

Тогда, в 1939 г., под руководством Тьюринга группа специалистов сконструировала так называемую Бронзовую богиню — первый в мире, достаточно примитивный, по современным представлениям, компьютер, позволивший имитировать работу «Энигмы» и расшифровывать закодированный ею текст. Получаемая в результате расшифровки германских радиogramм информация была настолько ценной и считалась настолько секретной, что ни один из существующих грифов — «Секретно», «Совершенно секретно» или «Сверхсекретно» — для нее, как казалось, не подходил. И тогда ответственный за сохранение тайны «Энигмы», сотрудник британской разведки МИ-6 Фред Уинтерботэм присвоил этой информации совершенно новый, особый, гриф — «Ультрасекретно».

Так родилась знаменитая разведывательная система «Ультра», включавшая перехват, дешифровку, перевод и анализ перехваченной секретной германской информации.

Первый успешный экзамен «Ультра» выдержала в 1940 г. — во время гитлеровского Похода на Запад. Перехваченная и расшифрованная радиограмма командующего Сухопутными войсками генерал-фельдмаршала Браухича послужила для Черчилля сигналом к ускорению эвакуации британских войск из Дюнкерка. Большую роль сыграла информация «Ультра» и во время битвы за Англию.

Черчилль, страстный любитель разведки и всяческих тайных операций, с большим интересом относился к информации «Ультра» и даже вместе с директором МИ-6 Стюартом Мензисом посетил однажды Блетчли и полюбовался созданной Тьюрингом Бронзовой богиней.

Задержавшаяся депеша

С тех пор, как апартаменты Черчилля на Даунинг-стрит пострадали от гитлеровской бомбежки, он перенес свой рабочий кабинет в подземное помещение, находящееся под зданием правительства. Рядом с кабинетом был небольшой секретный железобетонный бункер, а в нем — стол, кресло, походная кровать и... телефоны, телефоны, телефоны. Здесь, в этом секретном железобетонном бункере, в полном одиночестве Черчилль планировал свои военные и политические акции, здесь он писал письма в Америку — президенту Рузвельту, а с недавнего времени, и в Советский Союз — Сталину.

«Предупреждение Черчилля», посланное Сталину в апреле 1941 г., было написано именно здесь, в бункере, и составлено на основе информации «Ультра», полученной из Блетчли.

По свидетельству Черчилля, он придавал настолько большое значение разведке, что никогда не довольствовался «отобранными и обработанными» агентурными материалами, а также как и Сталин требовал предоставления ему «всей информации, всех подлинных документов в первоначальном виде».

С августа 1940 г. майор Десмонд Мортон ежедневно готовил специальную подборку агентурных сообщений, на базе которых Черчилль составлял собственное мнение, и это давало ему возможность *«понимать грядущее значительно раньше других»*. Так в конце марта 1941 г. он получил информацию о переброске германских танковых войск из Бухареста в Краков. Вспоминает Черчилль:

«Для меня это было вспышкой молнии, осветившей все положение на Востоке. Внезапная переброска к Кракову столь больших танковых сил, нужных в районе Балкан, могла означать лишь намерение Гитлера вторгнуться в мае в Россию. Отныне это казалось мне его несомненной основной целью.

Тот факт, что революция в Белграде потребовала их возвращения в Румынию, мог означать, что сроки будут передвинуты с мая на июнь».

Черчилль был взволнован — в намерении Гитлера вторгнуться в Россию он вполне справедливо увидел спасение Англии. Испытывая чувство облегчения, он решает предупредить будущего союзника об опасности и посылает Сталину короткую телеграмму, надеясь, что она

заставит Кремлевского Властителя задуматься и принять необходимые меры.

Телеграмма была отправлена в Москву на имя британского посла Криппса почти три недели тому назад, 3 апреля 1941 г., и снабжена припиской:

Премьер-министр — Стаффорду Криппсу, 3 апреля 1941 г.

Передайте от меня Сталину следующее письмо при условии, что оно может быть вручено лично Вами.

По странному стечению обстоятельств, телеграмма Черчилля попала к Сталину только в конце апреля 1941 г. За это время в мире произошло множество событий — 6 апреля 1941 г. Сталин заключил с Югославией Договор о дружбе, в тот же день Гитлер напал на Югославию и Грецию; 13 апреля 1941 г. пал Белград, и в тот же день Сталин заключил с Японией Пакт о нейтралитете... «Предупреждение Черчилля» с каждым днем теряло свою актуальность. Что же произошло? Чем была вызвана задержка в передаче телеграммы Сталину?

На этот счет существует объяснение самого Стаффорда Криппса, изложенное им в письме от 12 апреля 1941 г. По словам Криппса, еще до получения телеграммы Черчилля, то есть между 5 и 10 апреля 1941 г., он передал Вышинскому свое личное пространное письмо на ту же тему. И если бы теперь, писал Криппс, он передал бы Сталину через Молотова телеграмму Черчилля, выражающую ту же мысль в более краткой и менее энергичной форме, единственным результатом было бы ослабление впечатления. Тем более что о фактах, изложенных в телеграмме, Сталин, несомненно, был осведомлен.

Получив объяснение посла, Черчилль был возмущен. Стаффорд Криппс совершил непростительный и беспрецедентный в истории английской дипломатии поступок — он не выполнил указание премьер-министра.

Не обращаясь непосредственно к нарушившему свои обязанности послу, Черчилль шлет в Форин-офис один за другим запросы «по поводу письма к Сталину»:

Премьер-министр — министру иностранных дел, 16 апреля 1941 г.

Я придаю особое значение вручению этого личного послания Сталину. Я не могу понять, почему этому противятся. Посол не сознает военной значимости фактов. Прошу Вас выполнить мою просьбу.

И снова: «18 апреля 1941. Вручил ли сэр Стаффорд Криппс Сталину мое личное письмо с предостережением насчет германской опасности ?

Меня весьма удивляет такая задержка, учитывая то значение, которое я придаю этой крайне важной информации».

Прошло почти две недели дорогого времени, и только 30 апреля 1941 г. Черчилль получил сообщение министра иностранных дел Антони Идена о том, что его послание вручено Сталину: «Сэр Стаффорд Криппс направил послание Вышинскому 19 апреля, а Вышинский уведомил его письменно 23 апреля, что оно вручено Сталину...»

Итак, Сталин все-таки получил «Предупреждение Черчилля». На этом рассказ о том, как и почему он получил это «Предупреждение» с таким опозданием, можно было бы закончить, если бы не одна деталь. Дело в том, что уважаемый сэр Стаффорд Криппс в своем

объяснении, мягко выражаясь, несколько «искажил» ход событий.

Вопреки утверждениям Криппса, телеграмма, посланная Черчиллем 3 апреля 1941 г., поступила в Москву 4 или, максимум, 5 апреля 1941 г. И, начиная с 5 апреля, Криппс, желая лично встретиться со Сталиным для передачи телеграммы, безрезультатно добивался аудиенции. Все эти дни Криппс не мог попасть на прием даже к Молотову — на все настойчивые просьбы о встрече с Молотовым из его секретариата поступал одинаковый ответ: «Нарком не может Вас принять».

Британский посол терялся в догадках. Он не знал, чем вызвано подобное неловкое положение — является ли этот отказ недоразумением или он имеет серьезную политическую подоплеку, направлен ли он против него, Криппса, лично, или против его страны. При таких обстоятельствах посол, естественно, не мог передать телеграмму Черчилля ни лично Сталину, ни Молотову. Да и свое письмо, которое, по его словам, он передал Вышинскому еще до получения телеграммы, он передать не мог.

И только 18 апреля 1941 г. Стаффорд Криппс попал, наконец, на прием к заместителю наркома Андрею Вышинскому. Разговор с Вышинским получился нелегким. На этот раз Криппс пренебрег всеми правилами этикета и выразил Вышинскому свое возмущение. Встреча продолжалась 1 час 15 минут. И только теперь Криппс сумел передать Вышинскому и свою подробную, на 14 листах, записку, и телеграмму Черчилля.

«Неловкое» положение Криппса, скорее всего, объяснялось тем, что в эти дни в Москве шли переговоры о подписании Пакта о нейтралитете с Японией, и

официальные встречи с послом Великобритании были явно нежелательны.

«Предупреждения» были не нужны!

Но даже если бы телеграмма Черчилля попала к Сталину вовремя, в начале апреля 1941 г., она не могла бы произвести на вождя никакого впечатления. Кому, как не Сталину, были известны «планы и цели» Гитлера, кто, как не Сталин, видел опасность приближающейся войны, и у кого в эти дни были самые эффективные источники информации!

Правда, в отличие от «Энигмы» Черчилля, источниками информации Сталина служили люди, но зато какие люди! Харнак, Шульце-Бойзен, Кукхоф, Штебе, Радо, Зорге... Каждый из них готов был пожертвовать жизнью во имя победы над Гитлером! Нет, Сталину в конце апреля 1941 г., за два месяца до «внезапного» нападения, не нужны были никакие «предупреждения»!

Примечательный разговор по этому поводу состоялся между Черчиллем и «Дядюшкой Джо» во время визита британского премьер-министра в Москву в августе 1942 г. Черчилль настолько был горд своей телеграммой, предупредившей, как он считал, будущего союзника об опасности нападения Германии, что он даже упомянул об этой телеграмме в одной из своих речей в парламенте, а отправляясь в Москву, не забыл положить копию этой телеграммы в карман пиджака.

Сталин же вообще не придавал этой телеграмме никакого значения, и, когда ему доложили о выступлении Черчилля в парламенте, он не знал, или сделал вид, что не знал, о чем речь. Вспоминает Черчилль:

«Во время одной из моих последних бесед со Сталиным я сказал: „Лорд Бивербрук сообщил мне, что, во время его поездки в Москву в октябре 1941 г., Вы спросили его: «Что имел в виду Черчилль, когда заявил в парламенте, что он предупредил меня о готовящемся германском нападении?»»

«Да, я действительно заявил это, — сказал я, — имея в виду телеграмму, которую я отправил Вам в апреле 1941 г.».

И я достал телеграмму, которую сэр Стаффорд Криппс доставил с опозданием. Когда телеграмма была прочтена и переведена Сталину, тот пожал плечами: «Я помню ее. Мне не нужно было никаких предупреждений. Я знал, что война начнется, но я думал, что мне удастся выиграть еще месяцев шесть или около этого»».

На этот раз Сталин сказал Черчиллю правду, но, конечно, не всю правду. В апреле 1941 г., когда к нему поступило «Предупреждение Черчилля», он действительно знал, что война начнется и ему действительно не нужны были никакие предупреждения. Но неужели же в эти дни вождь надеялся, что ему удастся оттянуть нападение агрессора, уже изготовившегося к прыжку, до зимы?

До начала операции «Барбаросса» осталось 57 дней. 26 апреля 1941. Берлин

Военный атташе «ломится в открытую дверь»

Генерал-майор Василий Тупиков, советский военный атташе и, одновременно, легальный резидент военной

разведки по кличке «Арнольд», прибыл в Берлин в середине декабря 1940 г. Именно Тупиков тогда же, в декабре 1940 г., за 174 дня до «внезапного» нападения, первым информировал Центр о подписанной Гитлером «Директиве № 21» и переслал в Москву полученное им анонимное письмо с положениями этой сверхсекретной директивы.

Уже на следующий день информация, переданная Тупиковым, была подтверждена агентурными донесениями Рихарда Зорге и Ильзе Штебе.

В последующие месяцы — январе, феврале, марте 1941 г. — военный атташе почти ежедневно направлял телеграммы и донесения, свидетельствующие о подготовке Германии к войне. И сегодня в Москву снова поступила «Записка» Туликова, касающаяся этого важнейшего вопроса и адресованная его непосредственному начальнику Голикову:

ЗАПИСКА СОВЕТСКОЮ ВОЕННОГО АТТАШЕ В ГЕРМАНИИ

25/26 апреля 1941

За 3,5 месяца моего пребывания здесь я послал Вам до полутора сотен телеграмм и несколько десятков письменных донесений различных областей, различной достоверности и различной ценности. Но все они являются крупинками ответа на основной вопрос: стоит ли, не в качестве общей перспективы, а конкретной задачи, в планах германской политики и стратегии война с нами; каковы сроки начала возможного столкновения; как будет выглядеть германская сторона при этом ?

Я привел количество посланных донесений. Вы не заподозрите, что я плодovitость на донесения

отождествляю с чем-то положительным в работе. Но изучение всего, что за три с половиной месяца оказалось допустимым, привело меня к определенному выводу, который и докладываю Вам. Если окажется, что с изложением этих моих выводов я ломлюсь в открытую дверь — меня это никак не обескуражит. Если я в них ошибаюсь, и Вы меня поправите — я буду очень благодарен.

Генерал-майор Василий Тупиков, молодой талантливый генерал, выпускник Военной академии имени Фрунзе, на базе собранной им разведывательной информации анализирует сложившуюся опасную ситуацию. Тупиков сообщает о продолжающейся Войне нервов, о которой докладывал в Центр в начале апреля 1941 г. Владимир Деканозов. По словам Туликова, сегодня, в конце апреля 1941 г., разнузданная пропаганда войны достигла настоящего апогея. Как опасные «признаки» приближающегося нападения Германии Тупиков отмечает продолжающееся массированное сосредоточение германских войск на Востоке. По сути, как справедливо указывает военный атташе, огромную, еще небывалую в мире, 9-миллионную армию, которую держит под ружьем и кормит Германия, нигде, кроме русского театра войны, просто невозможно применить.

Вывод Туликова однозначен: «В германских планах сейчас ведущейся войны, СССР фигурирует как очередной противник. Сроки начала столкновения — возможно более короткие и, безусловно, в пределах текущего года...»

«Записка» Туликова поражает своей глубиной и точностью оценок. Сведения, приведенные в «Записке»,

лягут в основу *«спецсообщения № 660477-сс»*, которое представит Голиков 5 мая 1941 г.

И все же, есть что-то странное в этой «Записке».

Весь тон ее свидетельствует о том, что Василий Тупиков знает — **Москва не заинтересована в получении дополнительной информации о приближающемся нападении Германии!!!**

Генерал даже «извиняется» за большое количество телеграмм и донесений, которые он переслал в Москву в течение последних месяцев. Он также выражает надежду на то, что если он «ошибается», то его только поправят, и что за всю проделанную им огромную работу он не понесет более страшного наказания.

Но, несмотря на опасения за свою судьбу, совершенно оправданную по тем временам, Тупиков все-таки не может не сообщить в Москву свой вывод. Военный атташе генерал-майор Василий Тупиков остается верным своему гражданскому долгу!

После «внезапного» нападения вместе с сотрудниками полпредства Василий Тупиков вернется на Родину, будет назначен начальником штаба Юго-Западного фронта и погибнет в бою при выходе из окружения, в роще Шумейково под Киевом.

**До начала операции
«Барбаросса» осталось 54 дня. 28
апреля 1941. Берлин**

***«Соглашение о взаимодействии», или
«Соглашение о соучастии в преступлениях»***

Подготовка к операции «Барбаросса» входит в завершающую фазу. Заканчивается и формирование Эйнзатцгруппе СС. Как указывалось в «Инструкции об особых областях», выпущенной 13 марта 1941 г. гитлеровским Верховным главнокомандованием, специфика задач, поставленных перед Эйнзатцгруппе, вынуждает их к быстрому передвижению вслед за частями сухопутных войск, ведущих боевые действия, и к выполнению своих **особых задач** оперативных зонах параллельно с войсками.

Впервые в истории боевые действия армий и запланированное заранее массовое убийство гражданского населения будут проходить одновременно! Цель этой новой, потрясающей воображение идеи — получение новых, более эффективных возможностей уничтожения миллионов людей!

Однако осуществление этой идеи создает целый ряд объективных трудностей, связанных, в первую очередь, с разделением ответственности между вермахтом и частями СС. Переговоры с вермахтом были поручены шефу гестапо группенфюреру СС Генриху Мюллеру, так как именно Мюллер должен будет осуществлять профессиональное руководство убийцами.

«Гестапо-Мюллер» начал переговоры с представителем вермахта главным квартирмейстером сухопутных войск генерал-майором Эдуардом Вагнером в марте 1941 года, вскоре после выхода в свет «Инструкции об особых областях». Переговоры продвигались туго.

Мюллер был упрям. А Вагнер, казалось, и не собирался подписывать какие-либо соглашения с гестапо. Для этого у маленького генерала были свои

причины. Генерал-майор Вагнер, профессиональный военный, обычно спокойный и уравновешенный человек, был известен друзьям из «Черной Капеллы» своей яркой ненавистью к нацизму. В 1944 г. мужественный генерал примет участие в Июльском заговоре против Гитлера и, не желая быть повешенным, пустит себе пулю в висок.

К середине апреля 1941 г. стало ясно, что переговоры Мюллера с Вагнером зашли в тупик. Это было весьма неприятно для руководителей РСХА, так как времени для подготовки к убийствам было мало — до начала операции «Барбаросса» оставалось чуть больше двух месяцев.

Желая сдвинуть переговоры с мертвой точки, группенфюрер СС Рейнхард Гейдрих отстранил от переговоров Мюллера и поручил выполнить эту миссию его подчиненному — начальнику отдела IV гестапо бригадефюреру СС Вальтеру Шелленбергу.

Архитектор «Соглашения»

Мюллер был возмущен предпочтением, оказанным его подчиненному. Эти два преступника, Мюллер и Шелленберг, много лет до смерти ненавидели друг друга, и только покровительство Гимmlера и «симпатия» Гейдриха спасали Шелленберга от кровавых рук Мюллера.

«Блистательная» карьера Вальтера Шелленберга началась еще в 1933 г., когда после окончания юридического факультета Боннского университета он вступил в нацистскую партию и стал агентом СД, или, попросту говоря, «стукачем». Сегодня Шелленберг еще подчиненный Мюллера, но с июня 1941 г. бывший стукач

будет назначен начальником престижного VI управления РСХА — внешней разведки рейха.

Вальтер Шелленберг, даже на фоне эсэсовских офицеров, выделялся своей подлостью и полным отсутствием каких-либо принципов морали. Сын обедневшего фабриканта, выскочка, получивший образование на деньги жены-прачки и упрятавший ее впоследствии в сумасшедший дом, маленький, болезненный и достаточно ничтожный человек, Шелленберг кичился своей принадлежностью к «элите», своей образованностью и своими, как он считал, выдающимися способностями.

В хитрости и изворотливости Шелленбергу, действительно, нельзя было отказать, как и в уникальной способности составлять противозаконные документы, носящие видимость законности.

Именно эти «выдающиеся» способности Шелленберга послужили причиной того, что Гейдрих поручил ему дальнейшие переговоры с Вагнером. Хотя немалую роль здесь сыграл и тот факт, что «особые задачи» Эйнзатцгруппе СС были хорошо известны Шелленбергу — в 1939 г. молодой гестаповец сопровождал Генриха Гиммлера в его поездке в оккупированную Польшу и принимал участие в «урегулировании конфликтов» между офицерами вермахта и эсэсовцами.

Сегодня от успеха миссии Шелленберга зависит успех всего задуманного Гитлером грандиозного плана массового уничтожения «недочеловеков» на будущих оккупированных территориях большевистской России.

«Соглашение о соучастии в преступлениях»

Бригадефюрер СС Шелленберг встретился с генерал-майором Вагнером и, со свойственной ему хитростью и изворотливостью, заставил Вагнера дать согласие на взаимодействие вермахта с СС.

Под нажимом Шелленберга, спекулировавшего «приказом фюрера», Вагнер понял, что тянуть время дальше опасно, и согласился не только на подписание официального соглашения, но даже на то, чтобы проект этого соглашения подготовил сам Шелленберг.

Свидетельствует Вальтер Шелленберг: *«Проекту я предпослал своего рода преамбулу. В ней приводились выдержки из приказа фюрера об „Использовании мобильных подразделений полиции безопасности и СД в составе сухопутных частей вермахта для обеспечения безопасности войсковых тылов“. Выступая, таким образом, в роли исполнителя воли фюрера, я использовал эту преамбулу в качестве юридического обоснования всего проекта».*

Гейдрих одобрил подготовленный Шелленбергом проект и отправился вместе с ним к Вагнеру на Бендлерштрассе для окончательного согласования и подписания «Соглашения о взаимодействии».

По свидетельству Шелленберга, Вагнер и Гейдрих поздоровались друг с другом довольно официально и натянуто, но в ходе беседы все же как-то наладили взаимный контакт и, после недолгих дебатов, «Соглашение о взаимодействии сухопутных частей вермахта и Эйнзатцгруппе СС» было, наконец, подписано.

Казалось, что теперь все проблемы улажены и все вопросы решены.

Но, к изумлению Шелленберга, Гейдрих, вместо того, чтобы распрощаться, попросил у Вагнера разрешения переговорить с ним наедине. Шелленберг:

«К изумлению моему и Вагнера, Гейдрих попросил генерала переговорить с ним наедине. В ответ на удивленный взгляд Вагнера, Гейдрих сказал: „Речь идет о приказе фюрера“. Вагнер кивнул и сказал: „Ах, вот как!“ Я, однако, видел, как изменилось его лицо. Взгляд его стал холодным и серьезным, он непроизвольно выпрямился в тяжелом кожаном кресле. Гейдрих ждал, пока я покину комнату».

По свидетельству Шелленберга, он вышел из кабинета Вагнера и довольно долго ходил по коридору. Сквозь массивные двойные дубовые двери кабинета он слышал голоса, которые поднимались порой до крика.

Прошло около получаса, и они вышли из кабинета — огромный нескладный эсэсовец Гейдрих и маленький полноватый генерал Вагнер. Рейнхард Гейдрих был, как обычно, невозмутим. Лицо Эдуарда Вагнера покраснело. Только сейчас, после циничного объяснения Гейдриха, Вагнер понял истинный смысл подписанного им чудовищного «Соглашения».

Почему покраснел генерал Вагнер?

«Соглашение о взаимодействии сухопутных частей вермахта с Эйнзатцгруппе СС» в войне против большевистской России было облечено в форму приказа и сегодня, 28 апреля 1941 г., подписано Главнокомандующим Сухопутных войск генерал-фельдмаршалом Вальтером фон Браухичем. Тем самым фон Браухичем, который всего месяц назад, после совещания у Гитлера 30 марта 1941 г., не мог поверить,

что по вопросу «уничтожения» могут быть изданы какие либо официальные приказы.

Правда, документ, подписанный Браухичем, был сформулирован все еще на «языке убийц» и не давал ответа на вопрос, что же произошло за закрытой дверью кабинета Вагнера? О чем в течение получаса так громко спорили Гейдрих и Вагнер? В чем заключался «устный приказ фюрера»? Почему Вальтер Шелленберг после войны так упорно настаивал на том, что он, Шелленберг, не присутствовал при разговоре? Какие «секреты» могли быть у Гейдриха от Шелленберга, который по его поручению подготовил проект «Соглашения» на базе того же «устного приказа фюрера»? И, самое главное, в чем истинный смысл «Соглашения»?

Неужели же только в предоставлении Эйнзатцгруппе СС права самостоятельных действий в оперативной зоне? Неужели же только в снабжении убийц продовольствием, в предоставлении им транспорта, в организации связи или?..

Или солдаты вермахта должны были по «Соглашению» принимать прямое участие в массовых убийствах гражданского населения! И именно это требование фюрера вывело из себя генерала Вагнера. И именно это требование заставило Шелленберга в дальнейшем, спасая свою жизнь, сочинить сказку о том, что Гейдрих приказал ему покинуть кабинет генерала, и утверждать, что ему ничего не было известно об устном приказе фюрера.

Не имея возможности отрицать общеизвестные факты вопиющих преступлений, совершенных убийцами из Эйнзатцгруппе СС в тесном взаимодействии с солдатами вермахта, и пытаюсь доказать свою

непричастность к этим преступлениям, Шелленберг невольно подтверждает человеконенавистническую сущность «Соглашения».

ИЗ ЗАЯВЛЕНИЯ ПОД ПРИСЯГОЙ ВАЛЬТЕРА ШЕЛЛЕНБЕРГА

26 ноября 1945

...Сегодня я прочел «Отчет № 6 о деятельности Эйнзатцгруппе полиции безопасности и СД на оккупированной территории СССР» (за время с 1 по 31 октября 1941 г.), а также «Сводный отчет Эйнзатцгруппе А» за время с июня до 15 октября 1941 г. Из содержания этих отчетов следует, что деятельность Эйнзатцгрупп и Эйнзатцкоманд полиции безопасности и СД состояла, главным образом, в массовых убийствах евреев, коммунистов и других элементов сопротивления.

Из приложения к тому же отчету, которое озаглавлено «Сводка о числе казненных», и, в особенности, из цифр, приведенным по отдельным последовательно завоеванным районам, с очевидностью, следует, что полное введение в действие полиции безопасности и СД, сопровождавшееся массовыми убийствами (истреблением) всех элементов сопротивления во фронтовой полосе, начались немедленно после начала наступления против России.

Я признаю правдивость и достоверность обоих вышеупомянутых отчетов. Поэтому сегодня я должен выразить мое твердое убеждение, что во время своего секретного разговора наедине Вагнер и Гейдрих обсудили и наметили будущую широкую деятельность Эйнзатцгрупп и Эйнзатцкоманд в составе действующей армии, включая сюда планомерные массовые убийства.

Упомянутое выше, тесное сотрудничество между действующей армией и Эйнзатцгруппе с первых же дней русской кампании, приводит меня к непоколебимому заключению, что Верховное главнокомандование вооруженными силами еще до ее начала в обычном служебном порядке осведомило командующих группами армий и отдельных армий, предназначенных для участия в кампании, о предстоящей задаче Эйнзатцгруппе и Эйнзатцкоманд полиции безопасности и СД, включая планомерное, массовое уничтожение евреев, коммунистов и всех других элементов сопротивления.

Советский шпион в гестапо

Преступный характер «Соглашения о взаимодействии», который поневоле признает даже сам его архитектор Шелленберг, естественно, требовал сохранения этого документа в строгой секретности. Но действительность подчас превосходит самые невероятные фантастические идеи — чем секретнее был документ гестапо, тем скорее его фотокопия попадала в Москву. И кто бы мог заподозрить, что эти сверхсекретные документы выносил из гестапо и передавал советской разведке один из старейших и самых добросовестных сотрудников того же гестапо — инспектор Вилли Леман.

О том, как это происходило, рассказал непосредственный начальник хауптштурмфюрера СС Лемана — бригадефюрер СС Вальтер Шелленберг: «В нашем отделе, ведавшем этой работой, служил пожилой, тяжело больной сахарным диабетом инспектор Л., которого все на службе за его добродушие звали Дядюшкой Вилли... За время своего сотрудничества с русскими Л. передал им столько обширного и важного

материала, что мы вынуждены были во многих областях провести серьезную реорганизацию.

На допросе он признался, что передавал своим партнерам не только устную информацию, но и важные документы. Бумаги он обычно носил за подкладкой шляпы. «Хозяин» [так Шелленберг называет связного советской разведки], имевший внешность преуспевающего человека, носил такую же шляпу. Когда он выходил из ресторана, где происходила встреча, они незаметно обменивались шляпами. Сведения в тот же вечер переправлялись в Москву...»

«Дядюшка Вилли», инспектор Л., или гауптштурмфюрер СС Вилли Леман, работал на внешнюю разведку НКВД... с 1929 г.! В те дни сорокалетний отставной флотский старшина и начинающий полицейский искал источники улучшения своего финансового положения. Леман был женат, бездетен, вел скромную жизнь немецкого бюргера, и все же мизерная зарплата полицейского, в 300 марок в месяц, не могла удовлетворить его потребности, так как большая ее часть уходила на маленькие радости его бесцветной жизни — игру на скачках и пиво.

Советским разведчикам не пришлось даже прилагать особых усилий для вербовки Лемана — он сам нашел путь к сотрудничеству, подослав в полпредство своего приятеля, некоего Эрнеста Кура — пьяницу и мелкого афериста, уволенного из полиции за грязные делишки. Несмотря на свою непрезентабельную внешность и сомнительные предложения, Кур сумел договориться с сотрудниками полпредства, и в сентябре 1929 г. и он, и Вилли Леман стали агентами советской

внешней разведки, получив кодовые номера — А/70 и А/201.

Неожиданно «новое приобретение» берлинской резидентуры оказалось очень ценным. В 1933 г. Леман был переведен из Баварской полиции в гестапо. По возрасту и по состоянию здоровья он уже не подходил для оперативной работы, но зато был незаменим в канцелярии — и это вполне устраивало Москву. Материалы, которые начал передавать Леман, носивший теперь кличку «Брайтен-бах», были настолько ценными, что в 1934 г. для связи с ним из Парижа в Берлин были переведены лучшие советские шпионы — супруги Лиза и Василий Зарубины.

«Брайтенбах» передал Зарубиным ряд совершенно уникальных сведений, касавшихся структуры, кадров и деятельности гестапо, включая секретные радиошифры. Контакт с Леманом продолжался в течение десяти лет. За это время, получая от советской разведки «постоянный оклад» в 580 марок, почти в два раза превышающий зарплату, которую платило ему гестапо, он сумел передать в Москву огромное количество агентурных сообщений и подлинных документов. Среди них сведения о местонахождении секретного завода по производству отравляющих веществ, информацию о закладке на верфях рейха семидесяти подводных лодок, информацию о новых типах истребителей и бомбардировщиков с цельнометаллическим фюзеляжем, об опытах по созданию синтетического бензина, о новом огнеметном оружии. Уже в начале 1937 г. Леман передал информацию о том, что в Германии начата работа по созданию нового вида оружия — ракет, способных

поражать цели на расстоянии сотен километров. Речь шла о ракетах «Фау».

Материалы, переданные Вилли Леманом за все годы сотрудничества с Москвой, составили в общей сложности 14 томов! Достоверность и точность этой информации способствовали тому, что «Брайтенбах» как источник пользовался большим доверием руководства внешней разведки. Не меньшим доверием пользовался «Дядюшка Вилли» и в гестапо — так однажды он за свое усердие получил даже ценный подарок — портрет «обожаемого» фюрера.

В 1937 г. Зарубиных, как и многих других советских разведчиков, отозвали в Москву. Связь с «Брайтенбахом» осуществлялась еще некоторое время, а затем прервалась. «Дядюшка Вилли», нуждаясь в деньгах на тотализатор и пиво, пытался по собственной инициативе возобновить контакт, подбрасывая в полпредство записки туманного содержания. Но Москва молчала.

И только в сентябре 1940 г. связь с «Брайтенбахом» восстановил все тот же знаменитый Александр Короткое. Удостоверившись, что Вилли проживает по старому адресу и работает на том же месте, Коротков позвонил по телефону, указанному в одной из подброшенных в полпредство записок, и условился о встрече со старым шпионом. Они встретились в маленькой пивнушке у вокзала, как-то сразу узнали друг друга и за кружкой пива быстро решили все организационные вопросы. С этого дня и до самого «внезапного» нападения «Дядюшка Вилли», стремившийся «отработать» свои 580 марок, передал советской разведке тысячи страниц важнейших секретных документов гестапо.

Но какие секретные документы гестапо мог передать «Брайтенбах» в предвоенные месяцы 1941 г.? В первую очередь это были документы, связанные с подготовкой нападения на Россию, которые разрабатывало гестапо в рамках операции «Барбаросса», и документы, касающиеся организации «Орудия уничтожения»!

Одним из таких документов было «Соглашение о взаимодействии частей вермахта с Эйнзатцгруппе СС», обязывающее восьмимиллионный вермахт участвовать в уничтожении евреев.

«Соглашение» не могло пройти мимо Лемана — оно готовилось здесь же, в том же самом отделе IV-E — гестапо, в котором служил Леман, а переговоры о подписании «Соглашения» вел прямой начальник Лемана — Вальтер Шелленберг.

С первых дней операции «Барбаросса» на оккупированных гитлеровцами территориях начнется заранее спланированное и хорошо подготовленное хладнокровное массовое убийство гражданского населения, и то, что это вскоре произойдет, и даже, как именно это произойдет, уже хорошо известно в Кремле.

До начала операции «Барбаросса» осталось 52 дня. 30 апреля 1941. Берлин

Первая цель — приграничные аэродромы

Теперь агентурные сообщения из Берлина поступают почти каждый день, а иногда и по несколько раз в день. По большей части, в них содержится

информация, полученная от «Корсиканца». «Старшины» и «Старика», или информация из гестапо, полученная от «Брайтенбаха». Иногда эта информация занимает несколько страниц, а иногда она содержит всего несколько строк.

Теперь в агентурных сообщениях речь уже не идет о том, что Германия готовится к нападению. Этот вопрос не вызывает сомнений и не нуждается в каком-либо подтверждении. Теперь речь идет уже о вполне конкретных будущих военных действиях.

СООБЩЕНИЕ БЕРЛИНСКОЙ РЕЗИДЕНТУРЫ НКГБ СССР

[Апрель 1941]

Источник «Старшина» сообщает: штаб германской авиации на случай войны с СССР наметил к бомбардировке первой очереди ряд пунктов на советской территории с целью дезорганизации подвоза резервов с востока на запад и нарушения путей снабжения, идущих с юга на север. В этот план включены следующие железнодорожные узлы: Киев, Харьков, Валуйки, Лиски, Львов, Курск, Касторное, Воронеж, Брянск, Елец, Грязи, Мичуринск, Тула, Вязьма, Сухиничи, Гомель.

Кроме этого, бомбардировке в первую очередь должны подвергнуться советские аэродромы, расположенные на западной границе СССР.

Немцы считают слабым местом обороны СССР наземную службу авиации и поэтому надеются путем интенсивной бомбардировки аэродромов сразу же дезорганизовать ее действие...

Информация «Старшины» не должна была удивить Кремль. Именно так Гитлер действовал всегда. Именно

так Гитлер действовал при нападении на Польшу и Югославию. Именно так Гитлер будет действовать и при нападении на Россию.

«Внезапное» нападение Германии 22 июня 1941 г. начнется именно так, как сообщала берлинская резидентура советской внешней разведки сегодня — за 52 дня до нападения.

«Внезапное» нападение начнется с бомбовых ударов по 66-ти аэродромам приграничных округов. Расположение этих аэродромов уже установлено и выверено разведывательной «Эскадрильей Ровель» во время ее беспрепятственных полетов над советской территорией. В распоряжении люфтваффе имеются и панорамные фотоснимки, и крупномасштабные карты всей приграничной полосы на глубину до 250—300 км. На этих картах отмечены все аэродромы, все железнодорожные узлы, все порты, все главные дороги и все мосты. После «внезапного» нападения, к полудню первого дня войны, Советский Союз потеряет свыше 1200 самолетов, и 900 из них будут уничтожены первым бомбовым ударом по аэродромам. Прославленный советский авиаконструктор, создатель истребителей «Як» и бомбардировщиков «ББ» и «УТ» Александр Яковлев, вспоминая о катастрофе первых часов войны на аэродромах, скажет: *«Все это говорило о том, что мы были застигнуты врасплох. С этой мыслью никак не хотелось мириться...»*

До начала операции «Барбаросса» остается 52 дня. 30 апреля 1941. Москва

«Жребий брошен!»

Из Берлина в Москву вернулся фон дер Шуленбург. Посол отправился в Германию недели две назад, якобы в отпуск.

В те дни в Москве уже шли упорные слухи о приближающейся войне, и фон дер Шуленбург, противник этой войны, решил сделать попытку убедить Гитлера отказаться от нападения на Россию, объяснив ему все опасности Русского похода.

С этой целью посол повез в Германию специально подготовленную сотрудниками посольства «Памятную записку», в которой шла речь об огромных пространствах России, о ее неисчерпаемых людских ресурсах, о способности народа переносить лишения и, наконец, о русской зиме. «Записка» Шуленбурга должна была напомнить Гитлеру, что за всю свою многовековую историю Россия не раз бывала бита, но никогда не была разбита, и предупредить, что война против России может стать катастрофой для Германии.

Встреча Шуленбурга с Гитлером состоялась 28 апреля 1941 г. Войдя в кабинет фюрера, Шуленбург сразу же обратил внимание на то, что на его письменном столе лежит присланная из Москвы «Памятная записка», но понять, прочел ли ее Гитлер, посол не смог. Беседа с Гитлером, запись которой впоследствии сделал сам посол, протекала совсем не так, как хотелось бы германскому дипломату. Гитлер был явно неискренен, и

Шуленбургу не удалось ни в чем убедить или переубедить его:

«...Фюрер сказал, что еще не выяснено, кто именно является закулисным инспиратором переворота в Югославии — Англия или Россия! По его мнению, это были англичане, между тем как у Балканских народов сложилось впечатление, что это была Россия!..

Фюрер подчеркнул, что русские начали сосредоточение и развертывание войск, без всякой необходимости сконцентрировав в Прибалтике большое число дивизий.

Я ответил, что речь идет здесь о знакомом русском стремлении к 300-процентной безопасности. Если мы с какой-либо целью послали бы одну немецкую дивизию, они с той же целью перебросили бы туда десять дивизий, чтобы быть вполне уверенными в своей безопасности. Не могу поверить, что Россия когда-либо нападет на Германию. Фюрер сказал, что события в Сербии служат ему предостережением. То, что происходит там, является для него примером политической ненадежности этого государства...»

Беседа закончена. Разочарованный посол уходит.

И уже у самой двери его догоняет реплика Гитлера: *«И еще одно, Шуленбург, — вести войну против России я не собираюсь!»*

Но, несмотря на эту достаточно странную реплику, Шуленбург покидал Германию с твердым убеждением, что война на пороге. В Москве, на аэродроме, посла встречал советник германского посольства Густав Хильгер. Вспоминает Хильгер: *«Когда 30 апреля посол вернулся в Москву, он отвел меня в сторону на*

аэродроме и прошептал: „Жребий брошен. Война — дело решенное!“

Только по дороге в посольство он сообщил мне о последней реплике Гитлера. На мой удивленный вопрос, как же это согласуется с его первыми словами, Шуленбург ответил: „Гитлер намеренно обманывал меня“».

Гитлер действительно намеренно обманывал Шуленбурга — он не доверял ему. В архивах советского комитета госбезопасности сохранились материалы, свидетельствующие о том, что «нацистское руководство было недовольно деятельностью Шуленбурга и рассматривало возможность акции против него со стороны гестапо».

Недоверие к Шуленбургу имело свои основания.

Граф Фридрих Вернер фон дер Шуленбург — представитель старинного аристократического рода, интеллектуал, получивший образование в Лозаннском, Мюнхенском и Берлинском университетах, доктор философии, служил в министерстве иностранных дел в течение 40 лет. За всю свою долгую дипломатическую карьеру Шуленбург успел объездить полмира — он был вице-консулом в Барселоне и Варшаве, консулом в Тифлисе и Дамаске, посланником в Тегеране и Бухаресте. Последние семь лет он занимал пост германского посла в Москве.

Люди, знавшие посла, свидетельствовали о том, что Шуленбург, наряду с обширными знаниями, обладал необыкновенным обаянием и сразу же завоевывал симпатию любого человека, вступавшего с ним в контакт. Патриот Германии, человек чести и долга, Шуленбург был противником Гитлера и нацистского режима — по

своим взглядам он принадлежал к группе германских дипломатов, которых объединял статс-секретарь Эрнст фон Вайцзеккер. Эта группа, в которую входил бывший посол в Италии фон Хассель, советник посольства в Лондоне Кордт и его брат — начальник канцелярии Эрих Кордт и посол в Японии Отт, была тесно связана с «Черной Капеллой» и под самым носом ненавидимого ими Риббентропа по возможности старалась срывать планы Гитлера.

Шуленбург, в той или иной мере, все эти годы был причастен к заговорам против Гитлера — он приходился родным дядей Францу Дитлофу фон дер Шуленбургу — заместителю префекта берлинской полиции, по прозвищу «Красный граф», которому еще в 1938 г. был поручен арест и «физическое устранение Преступника и Авантюриста».

По плану заговорщиков, в случае успеха Июльского заговора, Шуленбург должен был занять пост министра иностранных дел в новом национальном правительстве Германии, главой которого должен был стать Герделер, а министром внутренних дел — Гизевиус. После провала заговора оба графа фон дер Шуленбург, сорокадвухлетний Франц и семидесятилетний Вернер, будут арестованы гестапо и в 1944 г. повешены в берлинской тюрьме Плетцензее.

Сегодня, 30 апреля 1941 г., граф фон дер Шуленбург все еще германский посол в Москве. За семь лет он «прижился» в Советском Союзе, любит Москву, знает немного русский. Среди подчиненных ему 200 сотрудников посольства у Шуленбурга много друзей и немало единомышленников. Один из них — советник Густав Хильгер.

Сын обрусевшего немца, Хильгер родился в царской России, как говорят, в Москве, или, по свидетельству Молотова, в Одессе. Он свободно владеет русским, и даже лицом и характером скорее похож на русского человека, чем на немца. Сотрудником германского посольства Хильгер стал еще в 1923 г., задолго до прихода к власти Гитлера. Но в Германии он бывает редко, так как, по собственным его словам, с отвращением относится к гитлеровскому режиму. В этом отвращении к нацистам он солидарен с Шуленбургом. Шуленбург доверяет Хильгеру, и поэтому он так открыто сказал ему сегодня на аэродроме:

«Жребий брошен! Война — дело решенное!»

Гитлер не сумел обмануть опытного дипломата и проницательного человека Вернера Шуленбурга. Ну, а кроме этого, у Шуленбурга в Берлине было достаточно друзей, принадлежавших к «Черной Капелле», — они и рассказали ему о новой, такой опасной гитлеровской аванюре.

Чувствуя свое полное бессилие предотвратить катастрофу, Шуленбург возвратился в Москву. И теперь последнее, что он еще может предпринять, — это предупредить Кремль: *«Война — дело решенное!»*

Глава шестая. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОБЕДА — ЗАЛОГ ПОБЕДЫ ВОЕННОЙ. Май 1941

*Война есть продолжение
политики, но только другими
средствами.*

*Военный теоретик и историк,
пруссский генерал Карл фон
Клаузевиц*

*Политика — это причина, а
война — лишь ее орудие, а не
наоборот. Следовательно, нам
остается лишь подчинить
военные взгляды политическим.*

В. И. Ленин

**До «внезапного» нападения
остался только 51 день. 1 мая
1941. 10ч утра. Москва**

«Если завтра война!»

Май 1941 г. ворвался в Москву оглушительной музыкой маршей, огнем полыхающих знамен, громовыми криками «Ура!!!». В честь 1 Мая — Международного праздника трудящихся — на Красной площади идет военный парад. Под гром оркестров чеканят шаг курсанты военных училищ. С винтовками наперевес

проходят части НКВД. Весенний ветер треплет ленточки на бескозырках морских десантников.

Каски, пилотки, бескозырки. Радостные, гордые мальчишеские лица. Скоро, очень скоро эти мальчики будут брошены в кровавое месиво войны. Счет уже идет на дни. Но сегодня... парад!

Вслед за войсками идет «Осоавиахим» — вооруженные добровольные оборонные отряды. Сегодня в них насчитывается 14 000 000 человек, завтра они станут ополченцами — защитниками Отечества. Из-за темно-коричневого кирпичного здания Исторического музея выезжают вооруженные пулеметами мотоциклисты. За ними мощные тупоносые гусеничные тягачи тащат гаубицы и зенитные орудия. За ними, скрипя и лязгая гусеницами по гранитной брусчатке Красной площади, ползут танки. А в хмуром, не по-весеннему, небе уже ревут самолеты.

Боевую технику сменяют физкультурники — гордость Страны Советов. И, вслед за ними, из боковых улиц на Красную площадь вливаются праздничные пестрые колонны демонстрантов.

Ревут репродукторы: «Великому Сталину слава!!! Ура-а! Ура-а-а!»

Проходя мимо Мавзолея, люди невольно замедляют шаг, поворачивают головы, стараются разглядеть стоящего на трибуне вождя. Сталин улыбается, поднимает руку в приветствии. Рядом с ним нарком обороны маршал Тимошенко и соратники — Молотов, Ворошилов, Берия, Маленков.

На трибунах для гостей — иностранные дипломаты, военные атташе. Среди них вернувшийся вчера из

Берлина в Москву германский посол фон дер Шуленбург и советник Хильгер. Среди них и германский военный атташе генерал Кёстринг и его заместитель — полковник Креббс.

Эрнст Кёстринг — фигура примечательная. Сын обрусевшего немца, он родился в России, долго жил и учился в Москве. После революции Кёстеринг — офицер Белой армии — бежал в Германию, а в 1935 г. вернулся в Москву в качестве германского дипломата. У советской контрразведки нет никаких иллюзий в вопросе о том, чем будет заниматься Кёстеринг на Первомайском параде — ведь еще на прошлой неделе, 25 апреля 1941 г., контрразведчикам удалось подслушать телефонный разговор между генералом Кёстрингом и его заместителем полковником Креббсом:

Креббс: Они еще не замечают, что мы готовимся к войне. А вы видели какие войска прибывают на парад?

Кёстринг: Дивизии НКВД. Войска воздушного флота... танки. Креббс: А орудия? Кёстринг: Тоже.

Креббс: Что же, для подсчета мы можем использовать парад блестяще. Посидим на параде и постараемся все записать.

Но, видимо, Первомайский парад 1941 г. был настолько важен Гитлеру, что «в помощь» Кёстрингу и Креббсу он направляет в Москву еще одного особого шпиона — Вальтера Шелленберга! Шелленберг прибыл в Москву в штатском, под личиной представителя химической промышленности и, естественно, присутствует на параде. Все его внимание сосредоточено на военной технике и на «атмосфере» парада. А «атмосфера» военного парада 1941 г. не вызывала сомнений. По идее вождя, парад должен был

продемонстрировать всему миру, что СССР — могучая, но миролюбивая держава! Говорят, что соратники советовали Сталину не проводить парад — опасались, что в это смутное время он может быть расценен мировой общественностью как «бряцание оружием». Но вождь принял решение не нарушать традиции и именно с помощью военного парада продемонстрировать «миролюбие Страны Советов». Вспоминает один из участников парада немецкий коммунист Вольфганг Леонгард: *«Часа через два мы проходили колоннами по Красной площади. „Да здравствует мирная политика Советского Союза!“ — неслось из репродукторов. „Мир! Мир!!!“ — никогда еще эти слова не повторялись с такой настойчивостью».*

Эта идея «мира» явственно прозвучала и в торжественной речи наркома обороны Тимошенко: *«Товарищи!*

В этом году трудящиеся нашей страны и всего мира встречают Первое мая в исключительно сложной международной обстановке... Мы стоим за мир, за укрепление дружественных, добрососедских отношений со всеми странами, которые стремятся установить такие же отношения с Советским Союзом. Однако большевистская партия, советское правительство и весь наш народ ясно учитывают, что наша страна находится в капиталистическом окружении, что международная обстановка сильно накалена и чревата всякими неожиданностями. Поэтому весь советский народ, Красная армия и Военно-морской флот должны быть в состоянии боевой готовности...»

Парад закончен. Завтра утром Вальтер Шелленберг и Ханс Креббс улетят в Берлин. Они обязаны в срочном

порядке представить Гитлеру подробный доклад обо всем, что они увидели на параде.

ИЗ «ВОЕННОГО ДНЕВНИКА» ФРАНЦА ГАЛЬДЕРА

5 мая 1941

Полковник Креббс вернулся из Москвы, где он замещал Кёстринга.

Русский офицерский корпус решительно плох (производит депрессивное впечатление). По сравнению с 1933 г. картина резко негативная. России понадобится двадцать лет для того, чтобы достичь ее прошлого уровня.

Сейчас армия находится в стадии перевооружения. Новые штурмовики, новые бомбардировщики дальнего действия намеренно сконцентрированы близко к германским границам.

Составы, груженные материалами для фортификационных сооружений, также движутся к границам. Но, в то же время, нет никаких свидетельств о концентрации войск.

Полковник Креббс доложил Гитлеру о «низком уровне» Красной армии.

И это естественно. Ведь гитлеровским шпионам не пришлось увидеть на военном параде ни советских новейших танков «Т-34», ни многотонных неуязвимых «КВ», ни будущих знаменитых «Катюш», ни много другого из того, что Сталин «припрятал» до поры до времени. Вся эта новейшая техника будет «сюрпризом» для германской армии. По свидетельству немецких солдат и офицеров, участников первых танковых

сражений на Юго-Западном фронте, русские танки представляли собой «нечто невиданное»!

Но пока Гитлер услышал именно то, что хотел услышать, и был доволен. Полковник Креббс, вообще, произвел на фюрера очень хорошее впечатление, и это, наверное, решило его судьбу. А судьба Хансу Креббсу выпала действительно необычайная. В самом конце этой войны, в апреле 1945 г., генерал-лейтенант Креббс станет последним начальником Генштаба рейха и будет одним из немногих германских офицеров, оставшихся с Гитлером до самого конца в бункере смерти.

20 апреля Креббс примет участие в «праздновании» последнего дня рождения фюрера, 28 апреля — в церемонии его бракосочетания с Евой Браун, а 30 апреля 1945 г. — в сожжении его трупа. 1 мая 1945 г. Креббс будет послан парламентаром к Жукову, и именно от Креббса Москва узнает о самоубийстве Гитлера. Поняв, что перемирия достичь невозможно, Креббс вернется в бункер и пустит себе пулю в висок.

Останки генерала Креббса в тот же день, 1 мая 1945 г., будут зарыты во дворе Рейхсканцелярии вместе с обгорелыми трупами Адольфа Гитлера, его жены Евы Браун, вместе с ублюдком Геббельсом и преступницей Магдой Геббельс, отравивших своих шестерых малолетних детей.

Но пока в начале мая 1941 г. ничто еще не предвещало такого поворота судьбы, и Креббс с удовольствием докладывал Гитлеру о «слабости русской армии», предвкушая легкую победу над большевистской Россией и свое победное возвращение в Москву.

Германский посол фон дер Шуленбург не стал сообщать в Берлин свои впечатления о военном параде, а ограничился информацией о «слухах».

В ИМПЕРСКОЕ МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

2 мая 1941

Я и высшие чиновники моего посольства постоянно боремся со слухами о неминуемом немецко-русском военном конфликте, так как ясно, что все эти слухи создают препятствия для продолжающегося мирного развития германо-советских отношений. Пожалуйста, имейте в виду, что попытки опровергнуть эти слухи здесь, в Москве, остаются неэффективными поневоле, если эти слухи беспрестанно поступают сюда из Германии и если каждый прибывающий в Москву или проезжающий через Москву не только привозит эти слухи, но и может даже подтвердить их ссылкой на факты. Шуленбург

Шуленбург был прав — слухи о предстоящей войне с каждым днем становились все настойчивей. Гитлеровская Война нервов приносила свои плоды. Начинаясь май 1941 г., в котором самой популярной песней уже стала песня «Если завтра война!».

До «внезапного» нападения осталось только 47 дней. 5 мая 1941. Москва

На советской границе до 107 германских дивизий!

Сегодня в Кремль поступили одновременно два агентурных сообщения. Одно из них из НКВД, а другое из

ГРУ. Обе разведки пришли к одному и тому же выводу — подготовка Германии к нападению вступила в новую фазу и идет уже открыто.

Войска движутся на восток, как ночью, так и днем. По железным дорогам идут составы, груженные тяжелой артиллерией, танками, грузовыми машинами, частями самолетов. Гражданские перевозки запрещены. Количество германских войск на советской границе, увеличившееся в течение марта 1941 г. с 70 до 84 дивизий, в течение последнего месяца достигло 107 дивизий!

ИЗ СПЕЦСООБЩЕНИЯ № 660477-сс

Разведуправления Генштаба Красной армии

«О группировке немецких войск на Востоке и на Юго-Востоке на 5 мая 1941 г.».

Общее количество немецких войск против СССР на 5-е мая достигает 103—107 дивизий...

В подготовке театра военных действий усиленно осуществляется строительство всех видов. Строятся вторые железнодорожные линии стратегических путей в Словакии, Протекторате, Румынии. Ведется усиленное строительство складов боеприпасов, горючего и других видов военного обеспечения. Расширяется сеть аэродромов и посадочных площадок. Кроме того, по всей границе, начиная от Балтийского моря до Венгрии, идет выселение с приграничной зоны населения...

Начальник разведывательного управления Голиков

Получив такое сообщение от начальника военной разведки, высшее руководство страны должно было

понять, если оно до сих пор еще не поняло, война на пороге!

До начала операции «Барбаросса» осталось только 47 дней. 5 мая 1941. Бухарест

Срок «внезапного» нападения перенесен на середину июня!

В последний день апреля 1941 г. Гитлер проводил очередное совещание по операции «Барбаросса». Речь шла о необходимости ускорить сосредоточение войск — о графике ускоренного движения поездов, о сроках переброски последних танковых дивизий. Среди других важных вопросов Гитлер коснулся также необходимости начать конкретные переговоры с будущими союзниками — Венгрией, Финляндией и Румынией. Самым серьезным был вопрос о Румынии. Фюрер дал указание командующему 11-й германской армией генерал-полковнику Риттеру фон Шоберту принять командование румынскими войсками и указал точный срок — не позднее 15 мая 1941 г., точнее — за шесть недель до начала операции «Барбаросса»!

ИЗДНЕВНИКА ФРАНЦА ГАЛЬДЕРА

30 апреля 1941. Формулировка для переговоров с Венгрией, Финляндией и Румынией: «Главные события возможны на Востоке... Россия относится к нам в последнее время очень недружественно, и мы должны быть готовы ко всяким неожиданностям». Переговоры, вероятно, смогут начаться около 23 мая... Фон Шоберт

должен принять командование за шесть недель до начала операции, то есть самое позднее 15 мая...

Уже на следующий день после совещания, 1 мая 1941 г., указания фюрера нашли свое отражение в решениях штаба Верховного главнокомандования.

Отдел обороны страны **Совершенно секретно**

Только для командования

График «Барбаросса»:

Фюрер решил: начало «Барбаросса» — 22 июня. С 23 мая — введение в действие плана максимальных перевозок войск.

Соотношение сил по плану «Барбаросса»:

Полоса «Север»: германские и русские силы примерно равны.

Полоса «Центр»: сильное германское превосходство.

Полоса «Юг»: русское превосходство.

Оценка реализации плана «Барбаросса»:

Предположительно, ожесточенные приграничные сражения, продолжительность — до 4 недель. В дальнейшем же ходе операции можно рассчитывать на более слабое сопротивление.

Оценка русского солдата:

Русский будет обороняться там, где он поставлен, до последнего. Итак, назначенный ранее срок начала операции 15 мая 1941 г. отменен! Начало операции перенесено на 22 июня 1941 г.! И не прошло и пяти дней после этого значимого события, как новый срок нападения Германии — середина июня 1941 г. — стал

известен в Москве. Сведения поступили из Бухареста от резидента военной разведки полковника Еремина, а источником информации был «АБЦ». 5 мая 1941 г. «АБЦ» сообщает:

«... Один штабной офицер расположенного в Румынии восьмого немецкого авиационного корпуса, который несколько дней назад приехал из Берлина, заявил, что раньше для начала немецких военных акций против СССР предусматривалась дата 15мая, но, в связи с Югославией, срок перенесен на середину июня...»

Сообщение «АБЦ», фактически, почти за два месяца до «внезапного» нападения называет его точный срок! Это сообщение имеет огромную важность. Но можно ли ему доверять?

К несчастью, сообщение получено не из Берлина, не из Женевы и не из Токио, где действуют советские шпионы, имеющие доступ к самой секретной информации, а из Румынии. И источником ее является какой-то «АБЦ».

Сообщение, действительно, получено из Румынии, но источником его как раз является... немец — сотрудник германского посольства в Бухаресте. Под кличкой «АБЦ» скрывается еще один многолетний проверенный шпион советской военной разведки, немецкий коммунист Курт Велкиш. Так же как Ильзе Штебе и Рудольф фон Шелиа, он был завербован в 1935 г., в Варшаве Рудольфом Херрнштадтом.

В те годы Курт Велкиш, молодой журналист, внештатный корреспондент газеты «Бреслауер нойес нахрихтен», принадлежал к тому же эксклюзивному кружку антигитлеровцев, местом встреч которых служил

гостеприимный дом германского посла графа фон Мольтке.

После отъезда Херрнштадта из Варшавы Велкиш перешел на связь к «Альте», а после оккупации Польши, как все его коллеги, вернулся в Берлин. С февраля 1940 г. Курт Велкиш находится в Бухаресте, занимает пост советника отдела прессы германского посольства и количество переданных им в последние месяцы в Москву подтвержденных агентурных сообщений исчисляется сотнями.

Сегодняшнему сообщению «АБЦ» можно верить! А это значит, что Гитлеру, действительно, пришлось, «в связи с Югославией», перенести дату нападения на Россию, и «Рука Москвы» свою задачу выполнила! И это значит, что Гитлеру придется начать свой Великий Русский поход почти в тот же самый день, что и Наполеон Бонапарт!

До «внезапного» нападения осталось только 47 дней. 5 мая 1941. Москва

Контурь сталинского «Сценария»

Сегодня вечером в Кремле проходит торжественный прием для выпускников военных академий Красной армии. У Боровицких ворот Кремля охрана внимательно рассматривает именные приглашения, проверяет возможность наличия оружия.

А в зале Большого Кремлевского дворца уже собралось более двух тысяч человек. В первых рядах — увешанные орденами маршалы, наркомы, начальники и

преподаватели академий, за ними — заслуженные красные командиры и, наконец, в последних рядах — молодежь — выпускники и слушатели академий. Атмосфера торжественная.

Ждут Сталина. Последний раз на таком приеме вождь выступал шесть лет назад, в 1935 г.

В сопровождении соратников Сталин входит в зал. Все встают. Сталин начинает свою речь. И в зале повисает тишина — Сталина всегда все очень внимательно слушают. По свидетельству современников, вождь говорил тихо и очень медленно, но при этом исключительно четко формулировал свои мысли, да еще и подчеркивал их значимость особым характерным жестом здоровой правой руки. Редкие речи Сталина всегда производили на слушателей огромное впечатление и всегда многократно цитировались в советской и зарубежной прессе. Вот и об этой речи завтра напишет газета «Правда»:

«Товарищ Сталин в своем выступлении отметил глубокие изменения, происшедшие за последние годы в Красной армии, и подчеркнул, что на основе опыта современной войны Красная армия перестроилась организационно и серьезно перевооружилась. Товарищ Сталин приветствовал командиров, окончивших военные академии, и пожелал им успехов в работе. Речь товарища Сталина, продолжавшаяся 40 минут, была выслушана с исключительным вниманием».

В сообщении «Правды» нет самого главного — за сорок минут Сталин успел сказать много больше. Он вспомнил прошлое России, коснулся настоящего и даже в какой-то мере поднял завесу над будущим!

Не заглядывая в лежащие перед ним листки с отпечатанным текстом, глухим и тихим голосом вождь вел разговор с замершим залом. В обычной своей манере он задавал вопросы и тут же сам давал на них емкие и точные ответы: *«Что представляла из себя Красная армия 34 года тому назад?.. Чем стала Красная армия в настоящее время?»*

Сталин отмечает достижения в перевооружении пехоты, танковых и артиллерийских войск, авиации, рассказывает об изменениях в организации Красной армии и неожиданно переходит к вопросу последних побед германской армии: *«Вас спросят, где причины, почему Европа перевернулась, почему Франция потерпела поражение, почему Германия побеждает? Почему у Германии оказалась лучшая армия? Это факт, что у Германии оказалась лучшая армия и по технике, и по организации. Чем это объяснить? Ленин говорил, что разбитые армии хорошо учатся. Эта мысль Ленина относится и к нациям. Разбитые нации хорошо учатся».*

Свободно оперируя фактами из истории войн Англии, Франции и Германии в XIX и XX вв., вождь останавливается на факторах, определяющих, с его точки зрения, победу в войне:

«Вообще имеются две стороны в этом вопросе. Мало иметь хорошую технику, организацию, надо иметь больше союзников...

Чтобы готовиться хорошо к войне, не только нужно иметь современную армию, но надо войну подготовить политически.

Что значит политически подготовить войну? Политически подготовить войну — это значит иметь в достаточном количестве надежных союзников...»

И тут Сталин переходит к еще одному важнейшему вопросу, связанному с легендой о «непобедимости германской армии»:

«Действительно ли германская армия непобедима ? Нет, в мире нет непобедимых армий! Германия начала войну и шла в первый период под лозунгом освобождения от гнета Версальского мира. Этот лозунг был популярен, встречал поддержку и сочувствие всех обиженных Версалем. Сейчас германская армия идет с другими лозунгами. Она сменила лозунги освобождения от Версаля на захватнические.

Германская Армия не будет иметь успеха под лозунгами захватнической завоевательной войны. Эти лозунги опасные!

Наполеон I, пока он вел войну под лозунгами освобождения, встречал поддержку, имел сочувствие, имел успех.

Когда Наполеон I перешел к завоевательным войнам, у него нашлось много врагов, и он потерпел поражение.

Поскольку германская армия ведет войну под лозунгом покорения других стран, подчинения других народов, такая перемена лозунга не приведет к победе».

«Примиренческая» или «Наступательная»?

Несмотря на то, что речь Сталина не стенографировалась, не транслировалась по радио и, фактически, не была опубликована, а участников

торжественного приема строго предупредили, что записывать запрещается, уже на следующее утро слухи об этой речи распространились. Многие из участников приема, вернувшись в эту ночь из Кремля, по памяти записали речь вождя и, видимо, не смогли удержаться, чтобы не поделиться ее содержанием с друзьями и близкими. Но вот что интересно — разные люди комментировали речь Сталина по-разному. Некоторые **на зывали эту речь сугубо «примиренческой»**, цитировали слова Сталина, свидетельствующие о желании, действуя по дипломатическим каналам, отсрочить войну и, может быть, даже пойти на компромисс с Германией. Другие утверждали, что речь была агрессивной, **«наступательной»**.

Создается впечатление, что в этот день, 5 мая 1941 г., Сталин произнес не одну, а две совершенно разные по смыслу речи. И это действительно так!

Дело в том, что после официальной части приема состоялся праздничный банкет или, как, шутя, выразился Сталин, — *«скромный товарищеский ужин»*. Для руководства страны и высших военачальников столы были приготовлены в Георгиевском зале, а выпускники академий расположились в Грановитой палате и во Владимирском зале. Выпили немало. Было шумно и весело.

Но особенно оживленным выглядел Сталин, он чувствовал себя радушным хозяином и по своему обычаю провозглашал тост за тостом:

«Разрешите поднять тост за наши руководящие кадры академий, за начальников, за преподавателей, за

ликвидацию отставания в деле изучения современной материальной части!»

«За здоровье артиллеристов! Артиллерия — самый важный род войск. Артиллерия — бог современной войны... За здоровье танкистов!

За здоровье авиаторов! За здоровье конников! За здоровье наших связистов, за здоровье наших славных пехотинцев!..»

Настал и черед гостей произносить тосты. Первым поднялся генерал-лейтенант Михаил Хозин и предложил тост: *«За мирную сталинскую внешнюю политику!»*

И тут произошло неожиданное...

Произнося этот достаточно обычный «лозунг», генерал-лейтенант Хозин никак не мог предположить, что он идет «против линии партии» — все «правильные» на тот момент «мирные лозунги» были опубликованы в газете «Правда» задолго до Первомайских праздников. Именно эти «мирные лозунги» гремели из репродукторов в день Первомайского парада на Красной площади. Но, видимо, то, что было «правильно» для газеты «Правда» и для парада на Красной площади, было «неправильно» для собравшихся сегодня в Кремле командиров Красной армии, которым уже очень скоро придется вступить в кровопролитную схватку с врагом. Генерал-лейтенант Хозин «ошибся в лозунге». Обычная выдержка изменила Сталину. Он резко встал и, вопреки всем правилам грузинского застолья, грубо прервал произносящего тост: ***«Этот генерал ничего не понял! Он ничего не понял!»*** Растерявшийся начальник академии поспешил сесть, а Сталин, «исправляя» тост незадачливого генерала, произнес вдохновенную «наступательную» речь. Вместо тоста: *«Разрешите внести поправку. Мирная*

политика обеспечивала мир нашей стране. Мирная политика дело хорошее. Мы до поры до времени проводили линию на оборону — до тех пор, пока не перевооружили нашу армию, не снабдили армию современными средствами борьбы.

А теперь, когда мы нашу армию реконструировали, насытили техникой для современного боя, когда мы стали сильны, — теперь надо перейти от обороны к наступлению. Проводя оборону нашей страны, мы обязаны действовать наступательным образом.

От обороны перейти к военной политике наступательных действий. Красная армия есть современная армия, а современная армия — армия наступательная!» Идеи, высказанные Сталиным в его импровизированном «тосте», были гораздо более «агрессивны», чем идеи, сформулированные им в официальной речи. К пониманию причин этого различия, может быть, ближе всех подошел советник германского посольства «5 мая 1941 г. в Кремле состоялся прием для молодых выпускников шестнадцати академий Красной армии. По сообщениям, имевшимся у посольства, Сталин произнес на этом банкете речь, в которой подчеркнул превосходство германского военного потенциала над советским, чем, по мнению наших информаторов, совершенно явно хотел подготовить слушателей к необходимости компромисса с Германией.

Этому резко противоречили те сообщения, которые сделали мне уже во время войны три попавших в плен старших советских офицера, также присутствовавших на этом приеме. По их словам, генерал-лейтенант Хозин хотел произнести тост за мирную политику СССР, на что Сталин отреагировал резко отрицательно, сказав, что

теперь с этим оборонительным лозунгом надо покончить, ибо он устарел. Красная армия, сказал он, должна привыкнуть к мысли, что мирная политика кончилась и наступила эра расширения фронта социализма силой. Тот, кто не признает этого — обыватель и дурак. Надо покончить, наконец, и с восхвалением германской армии.

Мне так никогда и не удалось получить достоверное объяснение различия между этими двумя сообщениями. За правильность сведений офицеров говорит тот факт, что их рассказы совпадали друг с другом, хотя у них не было никакой возможности заранее согласовать друг с другом свои показания.

Поэтому допустимо предположить, что Сталин намеренно устроил так, чтобы первое сообщение попало в руки посольства, и, тем самым, Гитлеру было бы дано доказательство его миролюбивой политики».

Одно знаменательное событие — торжественный прием в Кремле 5 мая 1941 г. — и две, совершенно различные речи, произнесенные вождем. Первая, официальная, и что бы о ней ни говорили, **«примиренческая»**, иначе начальник военной академии генерал-лейтенант Хозин не посмел бы произнести тост *«За мирную сталинскую политику»* — не дураком же он был, на самом деле! И вторая — произнесенная, правда, после множества «тостов», но явно **«наступательная»**. Так ее поняли все сидевшие в Георгиевском зале и сумевшие услышать эту речь лучше других, тех, которые выпивали и веселились в соседних залах.

Секретарю Исполкома Коминтерна Димитрову хорошо запомнились слова Сталина о необходимости подготовки к войне: *«Наша политика мира и*

безопасности есть в то же время политика подготовки войны... Надо готовиться к войне...»

Тяжелое впечатление произвело выступление Сталина и на адмирала Кузнецова: *«Сталинское выступление не оставляло сомнений в неизбежности и близости войны».*

Аналогичное чувство возникло у Чадаева: *«...С торжественного заседания все расходились с озабоченными лицами и тревожным чувством на душе. Слова Сталина «дело **идет к войне**»глубоко запали в сердце каждого».*

А маршал Жуков, даже через много лет, будет утверждать, что *«**наступательная**»*речь Сталина, произнесенная с бокалом вина в руке, послужила для Генштаба приказом на разработку одного из самых важных документов этой войны, известного как *«Соображения по плану стратегического развертывания сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками».*

Официальная речь Сталина на торжественном приеме и «тост» его на банкете, был ли он задуман заранее или импровизирован, неопровержимо доказывают, что вождь не только был убежден в том, что война с Германией должна разразиться в ближайшее время, но и имел уже свой, хорошо продуманный *«Сценарий»* этой войны.

Контурь сталинского «Сценария»

Первые контурь сталинского *«Сценария»* можно было различить еще месяца полтора назад, 20 марта 1941 г. В тот знаменательный день, 20 марта 1941 г., когда генерал-лейтенант Филипп Голиков сделал свой

парадоксальный доклад в Кремле, и было принято решение всю поступающую в Москву агентурную информацию а priori считать фальшивками, должно было стать понятно, что сталинский «Сценарий» будет основан на грандиозном БЛЕФЕ.

Начиная с того знаменательного дня все предвоенные месяцы Сталин будет блефовать — будет делать вид, что он «не верит» никаким донесениям советской разведки, никаким «предупреждениям», никаким «признакам» приближающегося нападения. Сталин будет делать вид, что он «не верит» в нападение Гитлера даже когда на западной границе страны будут уже слышны ревущие моторы танков, даже когда вся граница уже будет объята огнем, когда вслед за бомбовыми ударами по беззащитным городам Прибалтики, Белоруссии, Украины через границу ринется лавина германских танков.

Этот невиданный, грандиозный, нераспознанный до сегодняшнего дня БЛЕФ, как нельзя лучше, отвечал всему сталинскому характеру, всей личности Великого Лицемера и Великого Лицедея — Иосифа Сталина.

В тот знаменательный день, когда вся агентурная информация, по воле Великого Лицедея, в одночасье «превратилась в фальшивки», должно было стать понятным, что нападение гитлеровской Германии для миролюбивой России будет совершенно «неожиданным». В тот знаменательный день должно было стать понятным, что сталинский «Сценарий» будет построен так и таким образом, чтобы Германия была «официально» признана агрессором, а не ожидавшая этого вероломного нападения Россия — жертвой агрессии.

В сегодняшних выступлениях Сталина на торжественном приеме в Кремле тема «опасности прослыть агрессором» прозвучала еще более настойчиво. Причем «удобное», вызывающее всеобщее сочувствие положение «жертвы» Сталин связал напрямую с важнейшим вопросом необходимости политической подготовки к войне и необходимости приобретения мощных в экономическом отношении союзников.

И уже совсем не случайно Сталин напомнил участникам торжественного приема о Наполеоне Бонапарте. Как видно, вождь, точно так же как и Гитлер, не мог в эти дни не думать о Наполеоне.

По свидетельству современников, Сталин любил историю. Он прекрасно знал историю войн, специально изучал кампанию 1812 г. и не мог не помнить слова Льва Толстого, отметившего две основных причины поражения Наполеона: *«Теперь нам ясно, что было в 1812 г. году причиной гибели французской армии. Никто не станет спорить, что причиной гибели французских войск Наполеона было с одной стороны вступление их в позднее время без приготовления к зимнему походу в глубь России, а с другой стороны, характер, который приняла война от сожжения русских городов и возбуждения ненависти к врагу в русском народе...»*

Причины поражения армии Наполеона, начавшего свой Русский поход в слишком позднее для России время года, были многократно описаны военными теоретиками прошлого, детально проанализированы гитлеровскими генштабистами, и Гитлер, точно так же как Сталин, прекрасно знал об этих причинах. Ведь не напрасно же в ноябре 1940 г. он произнес свою знаменитую фразу: *«Я не сделаю такой ошибки, как Наполеон. Когда я пойду на*

Москву, то выступлю достаточно рано, чтобы достичь ее до зимы».

И не случайно, Сталин напомнил участникам торжественного приема о Наполеоне. Для Сталина имя «Наполеон» связывалось с нашествием супостата на Русскую землю, с трагическим отступлением русской армии на первом этапе войны, с героической борьбой русского народа и, наконец, с исторической победой России над «Чудовищем».

Сталинский «Сценарий» вберет в себя весь опыт Отечественной войны 1812 г., все компоненты «противостояния Чудовищу», принесшие России историческую победу. Говорят, что плакат «Родина-мать зовет!» и песня Василия Лебедева-Кумача «Священная война», появившиеся уже в первые дни войны, были подготовлены заранее. Говорят, что задолго до «внезапного» нападения Сталин лично дал указание подготовить этот плакат и эту песню и, возможно, даже продиктовал «ключевые слова» — и для плаката, и для песен.

Будущая война русского народа против «нового Чудовища», по сталинскому «Сценарию», должна будет стать отечественной войной, такой же героической и такой же победной, какой была Отечественная война 1812 г. против Наполеона.

**До «внезапного» нападения
осталось только 46 дней. 6 мая
1941. Москва**

«Беспрецедентный» поступок посла

По свидетельству Анастаса Микояна, на одном из последних заседаний Политбюро ЦК Сталин сообщил соратникам о том, что полпред Владимир Деканозов, находящийся в эти дни в Москве, в частном порядке встречался с германским послом фон дер Шуленбургом и имел с ним весьма интересную беседу. Граф фон дер Шуленбург действительно воспользовался тем, что Деканозов находится в Москве, а нацистская ищейка Ханс Креббс после Первомайского парада укатил в Берлин, и пригласил Деканозова на «завтрак» в свою загородную резиденцию.

Германский посол принял мужественное решение предупредить руководство Кремля о готовящемся нападении Германии и считал, что безопаснее всего это было сделать через Деканозова, якобы в частном порядке.

Поступок посла часто называют беспрецедентным в истории дипломатии, поступок посла называют предательством, но для графа Вернера фон дер Шуленбурга, патриота Германии, это никоим образом не было предательством — это было делом долга и делом чести. Многие его родственники и друзья поступали так же

Да и беспрецедентным этот поступок не был — многие германские дипломаты — противники Гитлера, неоднократно поступали так же. Все эти годы статс-секретарь фон Вайцеккер, братья Теодор и Эрих Кордт, а также бывший посол в Италии Ульрих фон Хассель предупреждали западные государства об агрессивных планах Бесноватого. Известны откровенные беседы фон Вайцеккера с Верховным комиссаром Лиги Наций в Данциге Карлом Буркхардтом. Известны встречи

Теодора Кордта с министром иностранных дел Великобритании Галифаксом и советником Ванситартом.

Известны и случаи приглашения иностранных дипломатов на тайные «завтраки», «обедаы» и «ужины» в личные резиденции высокопоставленных чиновников Третьего рейха.

Так, 9 мая 1940 г., перед Наступлением на Запад, нидерландский военный атташе полковник Гизбертус Джакобус Сас был приглашен на «обед» в частный дом, расположенный в пригороде Берлина Целендорфе и принадлежащий заместителю начальника абвера полковнику Хансу Остеру. За «обедом» полковник Остер совершенно открыто сообщил представителю иностранного государства о том, что нападение Германии на его страну начнется завтра на рассвете.

Опасаясь, что Гитлер может еще отменить нападение, которое уже не один раз откладывалось, Остер после «обеда» для проверки поехал на Банделлерштрассе в штаб-квартиру Верховного главнокомандования. Выяснив, что нападение состоится, он прямо из штаба позвонил по телефону Сасу и прокричал: *«Никаких изменений! Свинья отбыла на Западный фронт»*. «Свиньей» бесстрашный полковник назвал, конечно, фюрера.

Граф Вернер фон дер Шуленбург, точно так же как и полковник Ханс Остер, на многое был готов ради фатерланда. В самый разгар войны, в 1943 г., 68-летний граф был готов, рискуя жизнью, перейти линию фронта и встретиться со Сталиным. Об этом фантастическом плане знали многие заговорщики «Черной Капеллы», и, в конце концов, этот план стал известен гестапо. После провала Июльского заговора Эрнст Кальтенбруннер, сменивший

убитого чешскими партизанами Гейдриха на посту главы РСХА, представил Гитлеру специальное донесение, касающееся Шуленбурга и его роли в деятельности «Черной Капеллы»:

«Осенью 1943 г. Гёрделер и Тресков обсуждали возможность перебросить бывшего посла графа фон дер Шуленбурга через линию Восточного фронта. Идея, которую отстаивал генерал-майор Хеннинг фон Тресков, была примерно такова: Шуленбург — один из немногих немцев, лично знающих Сталина, а потому именно он должен вновь установить с ним контакт. Если Шуленбург придет со Сталиным к положительному результату, следует осуществить в Германии военную акцию по свержению [Гитлера]. Имело значение то обстоятельство, что Шуленбург всегда отговаривал от войны против России».

Можно только себе представить, как бесновался Гитлер, получив донесение Кальтенбруннера. Можно только себе представить, какие муки пришлось пережить престарелому графу Шуленбургу перед казнью в «Доме смерти» берлинской тюрьмы Платцензее.

Итак, в мае 1941 г. в Москве граф фон дер Шуленбург не сделает ничего из ряда вон выходящего, когда пригласил Деканозова на «завтрак».

Получив приглашение и заручившись разрешением Сталина, Деканозов поехал в Астафьево, где находилась подмосковная резиденция посла.

За завтраком в огромной столовой, обставленной антикварной мебелью, устланной дорогими коврами и увешанной картинами в золоченых рамах, произошел удивительный разговор. Седовласый немец вначале рассказал Деканозову содержание своей последней

беседы с Гитлером, а затем, уведомив сталинского эмиссара о том, что он действует как частное лицо, начал разъяснять ему всю серьезность ситуации, когда слухи о предстоящем военном столкновении между Германией и Россией уже открыто муссировались в Берлине.

Владимир Деканозов был поражен откровенностью посла. Он, естественно, не мог отвечать ему такой же откровенностью. А потому и поведение, и ответы Деканозова показались участвующему в завтраке советнику Хильгеру «удручающей тупостью»: *«Хотя мы с самого начала не оставили у Деканозова никаких сомнений в том, что действуем на свой собственный страх и риск, он **с совершенно удручающей тупостью** снова и снова спрашивал, говорим ли мы по поручению имперского правительства. В противном случае, твердил он, он не может передать нашу точку зрения своему правительству. Он явно не мог себе представить, что мы сознательно подвергали себя огромной опасности ради попытки сохранить мир.*

Казалось, он считал, что мы действуем по наущению Гитлера и пытаемся толкнуть Кремль на такой шаг, который противоречит советским интересам».

Вне зависимости от того, что «показалось» Хильгеру, Деканозов, конечно, прекрасно понял все сказанное и не сказанное Шуленбургом и, как всегда, немедленно и подробно доложил обо всем Сталину.

5 мая 1941

Сов. секретно

Особая папка

Записал Владимир Деканозов.

Он, Шуленбург, в своей беседе с Гитлером заявил также последнему, что слухи о предстоящем военном конфликте Советского Союза с Германией, которые, начиная с января этого года, так усиленно циркулируют в Берлине и в Германии вообще, конечно, затрудняют его, Шуленбурга, работу в Москве. Шуленбург спросил меня при этом, знаю ли я об этих слухах. Я ответил утвердительно. Я также спросил Шуленбурга, может ли он сказать, что такие слухи имеют место и в Москве, как они имеют место в Берлине. Шуленбург ответил отрицательно...

Я спросил Шуленбурга, откуда идут эти слухи и что же, по его мнению, конкретно нужно сделать для противостояния им. Я поинтересовался также, что ответил Гитлер Шуленбургу по поводу распространившихся в Германии слухов об обострении советско-германских отношений и о предстоящем, якобы, конфликте между Германией и Советским Союзом. Шуленбург заявил, что на вопрос об этих слухах Гитлер ему ответил, что он, Гитлер, вынужден был принять меры предосторожности на Восточной границе.

Однако, по мнению Шуленбурга, источник слухов сейчас не имеет значения. Со слухами нужно считаться как с фактом. Он не знает, что можно было бы предпринять, чтобы пресечь их. Он не думал об этом и не имеет на этот счет никаких указаний из Берлина и вообще ведет со мной этот разговор в частном порядке...

Как известно, Сталин нашел нужным сообщить о разговоре Шуленбурга с Деканозовым на очередном заседании Политбюро. И при этом, как всегда в последнее время, не забыл назвать все сказанное германским послом «дезинформацией». Как вспоминает

Микоян: «...Сталин просто отмахнулся от этого важного сообщения, посчитав его очередной немецкой дезинформацией».

Но, тем не менее, вождь приказал Деканозову продолжать «частные» контакты с германским послом.

До начала операции «Барбаросса» остается только 45 дней. 7 мая 1941. Токио

Война с Англией не помешает войне против СССР

Вчера в Москву из Токио дипломатической почтой прибыло очередное агентурное сообщение «Рамзая». Это сообщение снова, в который раз, подтверждало угрозу нападения Германии.

6 мая 1941

Начальнику разведуправления Генштаба Красной армии

...Отт заявил мне, что Гитлер исполнен решимости разгромить СССР и получить Европейскую часть Советского Союза в свои руки в качестве зерновой и сырьевой базы для контроля со стороны Германии над всей Европой. Первая дата — время окончания сева в СССР. После окончания сева война против СССР может начаться в любой момент, так что Германии останется только собрать урожай...

Возможность возникновения войны в любой момент весьма велика, потому что Гитлер и его генералы

уверены, что война с СССР нисколько не помешает ведению войны против Англии.

[Немецкие генералы оценивают боеспособность Красной Армии настолько низко, что они полагают, что Красная Армия будет разгромлена в течение нескольких недель. Они полагают, что система обороны на германско-советской границе чрезвычайно слаба.]

Пометы: *«НО-9. Дать в 5 адресов (без вычеркнутого).*

Голиков 6.05.41»

Прежде чем передать в Кремль агентурное сообщение «Рамзая», Голиков вычеркнул из него абзац, который выделен в приведенном тексте квадратными скобками. Как видно, он посчитал, что Сталина вряд ли может интересовать гитлеровская оценка Красной армии, тем более что Сталин уже был знаком с этой оценкой. В то же время, вычеркнув этот бесполезный, с его точки зрения, абзац, Голиков как бы выделил и подчеркнул другую важнейшую информацию о том, что *«война с СССР нисколько не помешает ведению войны против Англии»*.

Сталин знает давно, с конца сентября 1940 г., что Гитлер уже отказался от вторжения на английские острова. Однако отказ от вторжения еще не означает прекращение войны!

Война с Англией все-таки продолжается, и в случае, если Германия решится напасть на Россию, ей придется все-таки воевать на два фронта!

Но это, видимо, не пугает Гитлера. Из полученного сегодня сообщения «Рамзая» Сталин должен был сделать

простой логический вывод: война с Англией не помешает Гитлеру напасть на Россию!

До «внезапного» нападения остается только 45 дней. 7 мая 1941. Москва

Сталин «у руля»

Участники торжественного приема в Кремле в тот памятный вечер, 5 мая 1941 г., еще не знали, что Сталин выступал перед ними уже в новой ипостаси. За день до этого, 4 мая 1941 г., на закрытом заседании Политбюро, Генеральный секретарь ЦК партии — вождь Страны Советов — Иосиф Сталин был назначен еще и главой правительства — председателем Совета народных комиссаров СССР.

Сообщение об этом событии появилось в газетах только сегодня, спустя три дня после этого назначения, которое, как казалось, было чисто формальным и ничего не меняло, так как вождь и так обладал всей полнотой власти в стране. Однако в мире это назначение вызвало широкий отклик. Строились различные домыслы, выдвигались гипотезы. Не осталось незамеченным и то, что в тот же самый день, 4 мая 1941 г., когда Сталин «принял на себя» обязанности главы правительства, произошло еще одно, возможно менее значимое, событие. Начиная с этого дня, полномочные представители Страны Советов, которые в течение многих лет назывались «полпредами», будут называться так же, как и во всем мире, — «послами».

И что бы там ни говорили, какие бы гипотезы ни выдвигали, ни у кого уже не осталось сомнений в том,

что в ближайшие недели Россия станет ареной трагических мировых событий, и именно в этом таилась суть изменения амплуа «актеров». И именно в этом была причина того, что человек, стоящий в эти дни у руля государства, не мог носить титул самозванного «вождя», типа «фюрера», «дуче» или «кондукатора».

В 1939 г., когда Сталин вел переговоры о заключении Пакта о ненападении с эмиссаром фюрера — самозванным бароном фон Риббентропом, — официальный статус «вождя* не смущал его и был для него вполне достаточным. Но теперь обстоятельства изменились.

Человек, стоящий в эти дни у руля Советского государства, должен быть равным по статусу президенту, избранному народом, или премьер-министру, назначенному королем. Человек, стоящий в эти дни у руля Советского государства, должен иметь статус, позволяющий ему «на равных» входить в контакт — переписываться, встречаться, подписывать договоры — с главами самых влиятельных государств мира, с признанными лидерами мирового сообщества.

Этот человек уже не может быть «кинто», узурпировавшим власть в стране. Этот человек должен быть облечен не только действительной, но и формальной властью!

В мае 1941 г., за полтора месяца до «внезапного» нападения Германии, Великий Лицедей Иосиф Сталин готовится к новой роли — готовится стать полноправным членом Большой Тройки!

До «внезапного» нападения остается только 44 дня. 8 мая 1941. Москва

Оттянуть войну!

Получив подробные инструкции от Сталина, Деканозов сегодня снова встретился с фон дер Шуленбургом. На этот раз встреча проходила в Москве, в Леонтьевском переулке, в особняке германского посольства, нашпигованного прослушивающими устройствами. Беседа снова, так же как и два дня назад, во время первой встречи в Астафьево, шла «всего лишь о слухах», связанных «с возможным военным конфликтом между СССР и Германией». Но обе стороны прекрасно понимали, что эти «слухи» основаны на вполне реальных «фактах», свидетельствующих о реальности военного конфликта.

Беседа снова, так же как и два дня назад, шла о «принятии контрмер по прекращению слухов о военном конфликте». Но обе стороны подразумевали под этим принятие мер по предотвращению самого конфликта. Обе стороны надеялись, что принятие контрмер против слухов сможет отсрочить начало операции! А каждый день такой отсрочки мог иметь решающее значение!

Как известно, в результате Югославской кампании Гитлер вынужден был уже один раз отодвинуть установленный им срок нападения на Россию — с 15 мая на 22 июня 1941 г. Эта дата была, по сути, последним днем сезона, когда еще существовала реальная возможность начать Русский поход. И теперь каждая, даже самая незначительная, отсрочка увеличивала

опасность для германской армии быть застигнутой русской осенней распутицей и русской суровой зимой. И теперь каждая, самая незначительная отсрочка могла сделать военную операцию против России в этом, **1941г.**, невозможной!

По указанию Сталина, для «прекращения слухов» Деканозов предлагает Шуленбургу склонить Гитлера к опубликованию в прессе некоторого «Совместного коммюнике», подтверждающего существование дружественных отношений между Германией и Россией и опровергающего слухи о будущем военном конфликте между ними.

Шуленбург выслушал Деканозова с большим вниманием, но идея опубликования коммюнике не вызвала в нем воодушевления. Опытный дипломат знал, что Гитлер уже заканчивает подготовку к нападению и ни в коем случае не пойдет на опубликование «миролюбивого коммюнике».

Вместо коммюнике посол предлагает другой способ «прекращения слухов». По мнению Шуленбурга, следует использовать назначение господина Сталина главой правительства — обратиться с его личными письмами к главам правительств иностранных держав и провозгласить, что «Советский Союз будет и дальше проводить дружественную этим странам политику». При этом Шуленбург подчеркнул, что действовать нужно «очень быстро»!

В этот же день, вечером, Деканозов, вместе с Молотовым и Вышинским, принят Сталиным. Вопрос был настолько серьезным, что его обсуждение заняло около трех часов. Идею обращения с личными письмами к

главам правительств иностранных держав Сталин отверг, так как эта идея никак не способствовала достижению его цели.

По решению вождя, Деканозов должен был в ближайшие дни снова встретиться с германским послом и предложить ему **еще** один, альтернативный, вариант «контрмер по прекращению слухов». Вместо «Совместного коммюнике» и вместо «личных писем Сталина» — взаимный обмен «дружественными письмами» между Гитлером и Сталиным.

По замыслу Сталина, Гитлер в своем «дружественном письме» должен был подтвердить «миролюбивую политику» Германии по отношению к России. По замыслу Сталина, такое «дружественное

письмо», точно так же как и «совместное коммюнике», могло бы затормозить осуществление гитлеровских агрессивных планов, оттянуть нападение или даже предотвратить его, по крайней мере, в этом году!

До начала операции «Барбаросса» остается только 42 дня. 10 мая 1941. Берлин

Неужели Россия спит?

Слухи о приближающемся нападении Германии на Россию циркулировали в эти дни не только в Берлине. Эти упорные слухи уже циркулировали и в Лондоне, и в Вашингтоне, и в Риме, и в Бухаресте. Эти упорные слухи уже, фактически, переполняли весь мир. И непонятной была лишь реакция Москвы. В советской печати не было

даже намек на то, что Москва догадывается о приближающемся нападении. Советские дипломаты не вручали никаких предупреждающих нот, советское правительство не призывало общественность «остановить агрессора».

Сталин продолжал блефовать! Он не только «не верил» никаким донесениям, никаким предупреждениям и никаким признакам, он не верил так и таким образом, что об этом его «неверии» знал весь мир! Великий Лицедей «не верил» так, что этому его «неверию» удивлялся весь мир!

Некоторым казалось, что «Россия спит», другие считали, что «Русский Медведь потерял способность соображать».

В результате этого «публичного неверия», Россия, еще не став «жертвой агрессии», уже начала пользоваться сочувствием всего мира. Многие главы государств, политические деятели, дипломаты, писатели, журналисты, иностранные коммунисты и даже простые люди различных стран пытались предупредить Сталина о надвигающейся опасности, которую лишь он один «не видит», в которую лишь он один «не верит».

Вот и сегодня в Кремль было передано очередное анонимное письмо.

10 мая 1941 Совершенно секретно

«Захар» 8 мая из Берлина сообщил, что слухи о нападении Германии на Советский Союз усиливаются... В полпредство поступило анонимное письмо следующего содержания:

«Товарищу Сталину и Молотову. Очень спешно.

Будьте настороже, Россия, скоро Гитлер нападет на вас. Вы, Россия, теперь следующая жертва. После будет поздно, так как вся Россия спит. Вступайте скорее в пакт с Америкой и Англией...

Я говорю коротко, дорогие товарищи Сталин и Молотов, освободите нас от коричневой чумы Гитлера здесь, в Германии, так как мы жаждем свержения Гитлера, чтобы счастливо жить, как ваш русский народ. Дорогой и любимый вождь Сталин. Рот Фронт».

Весь тон этого, такого трогательного письма свидетельствует о том, что писал его простой человек — рабочий, возможно, член находящейся в подполье Коммунистической партии Германии. Этот честный человек был искренне обеспокоен явной опасностью, грозящей России, был искренне обеспокоен тем, что, в преддверии этой опасности «вся Россия спит»!

До начала операции «Барбаросса» остается только 42 дня. 10 мая 1941. Лондон

Не идентифицированный «Рейд X-42»

Было около 18 часов вечера, когда с испытательного аэродрома в Аугсбурге под Мюнхеном поднялся в воздух маленький двухмоторный истребитель «Мессершмитт-110» с черными крестами люфтваффе на фюзеляже. Он взял курс на Северо-Запад и вскоре исчез в сумерках.

К 22 часам истребитель достиг берегов Шотландии, и здесь, у города Ньюкасл, был засечен британской радиолокационной станцией «Чейн-Хоум». На перехват

вылетели «Спитфайеры» из 72-й Королевской эскадрильи в Эклингтоне, но скоростной «Мессершмитт-110» сумел уйти от преследователей. Теперь самолет-нарушитель был обозначен как не идентифицированный «Рейд X-42», и его полет был взят под жесткий контроль. А еще через час, в 23.07, пост противовоздушной обороны у Иглшем Мур уже докладывал, что замеченный ранее неизвестный самолет вошел в штопор и врезался в землю. Летчик успел выброситься с парашютом и был задержан бойцами местной гражданской обороны.

Еще один, обычный для этих дней, случай — немецкий летчик попал в плен к англичанам. На этом рассказ можно было бы и закончить, тем более что он, на первый взгляд, не имеет никакого отношения к подготовке операции «Барбаросса». Однако в действительности...

До «внезапного» нападения осталось только 40 дней. 12 мая 1941. Москва

«Не выдавайте меня!»

Время уже приближалось к полудню, когда Деканозов снова прибыл в Астафьево на «завтрак» к германскому послу. На этот раз его задача была убедить посла организовать обмен дружественными письмами между Гитлером и Сталиным. Однако уже с первых минут встречи Деканозову стало ясно, что, хотя со времени его последнего разговора с послом прошло всего несколько дней, ситуация значительно изменилась.

Шуленбург даже намекнул ему о причинах этого. Сегодня утром специальный курьер из Берлина доставил

ему, Шуленбургу, секретное письмо от его начальника и друга — статс-секретаря фон Вайцзеккера. И, хотя посол счел нужным подчеркнуть, что в письме «ничего нового и интересного не было», как видно, это письмо все же содержало «**нечто**», заставившее посла прекратить свою «подпольную деятельность». Тем более что эта, такая опасная для него деятельность сегодня, когда до «внезапного» нападения осталось чуть больше месяца, была совершенно бесполезной. Теперь и тон посла был уже совершенно иным.

Выслушав предложение Деканозова об обмене «дружественными письмами», Шуленбург с бесстрастным лицом, но в очень решительной форме отмежевался от всех высказанных им ранее предложений «о принятии мер по прекращению слухов» и отказался даже в дальнейшем вести какие-либо переговоры по этому вопросу с кем бы то ни было.

Записано Деканозовым 12 мая 1941, Особая папка

Шуленбург выслушал мое заявление довольно бесстрастно и затем отметил, что он, собственно, разговаривал со мной в частном порядке и сделал свои предложения, не имея на то никаких полномочий. Он вел эти переговоры со мной как посол в интересах добрых отношений между нашими странами. Он, Шуленбург, не может продолжать этих переговоров в Москве с Молотовым, так как не имеет соответственного поручения от своего правительства...

Дальнейшая беседа дипломатов во время «завтрака» принимала все более отвлеченный характер. Шуленбург рассказывал фривольные анекдоты и вспоминал курьезы международной дипломатии, а присутствующий при разговоре Хильгер восхищался

памятью посла и утверждал, что граф наверняка напишет обо всем этом в своих мемуарах. Создавалось впечатление, что разговор этот ведется неспроста, и что в очень скором времени граф фон дер Шуленбург действительно сможет «на досуге» заняться мемуарами — в своем родовом замке в Баварии.

Прощальная беседа продолжалась около двух часов. В конце ее Шуленбург вновь повторил, что все свои предложения он делал, не имея на то никаких полномочий, и даже попросил «не выдавать» его и не рассказывать никому, что он вообще вносил какие-либо предложения «о принятии мер против слухов».

В тот же вечер, в присутствии Молотова, Деканозов подробно доложил Сталину о беседе с Шуленбургом. Рассказал и о «мемуарах», которые в скором времени будет писать «бывший» посол Германии далеко от Москвы в его родовом имении в Баварии.

Доклад Деканозова продолжался около сорока минут. Результаты переговоров «за завтраком» на этот раз оказались неутешительными. Попытка Сталина оттянуть еще на какое-то время войну путем обмена с Гитлером «дружественными письмами» потерпела неудачу.

Деканозову больше нечего было делать в Москве. Получив от Сталина новые инструкции, завтра он вылетает в Берлин — там его ждет еще одна, может быть, самая сложная и важная в его жизни, историческая миссия.

До начала операции «Барбаросса» остается только 39 дней. 13 мая 1941. Берлин

«Камень за пазухой»

Сенсация! Мировая сенсация! Немецкий летчик, выбросившийся с парашютом в Западной Шотландии, оказался... Гессом! Неужели это возможно? Неужели Рудольф Гесс — заместитель фюрера, «Наци № 2» — совершил перелет, а может быть, побег в стан врага?

Со времени приземления Гесса в Шотландии прошло уже около двух суток, когда германское радио передало первое сообщение об этом странном происшествии: *«Партайгеноссе Гесс, которому, ввиду его болезни, с годами все усугублявшейся, фюрер категорически запретил всякого рода полеты, на днях, нарушив приказ, сумел завладеть самолетом. В субботу, 10 мая, примерно в 18.00, Гесс отправился из Аугсбурга в полет, из которого до сих пор не вернулся.»*

Оставленное им письмо, к несчастью, свидетельствует о признаках психических нарушений и позволяет заключить, что Гесс стал жертвой галлюцинаций. Фюрер немедленно отдал приказ об аресте его адъютантов, которые знали о полете и о запрете фюрера и все же не помешали полету и немедленно не доложили о случившемся. В свете этих печальных обстоятельств, национал-социалистское движение вынуждено констатировать, что партайгеноссе Гесс разбился...»

А сегодня, 13 мая 1941 г., уже все утренние газеты мира были заполнены этой сенсационной новостью. На

первых страницах — фотографии Гесса, подробности его детства в Египте, намеки на его гомосексуальные наклонности и на его «особые отношения с Гитлером». Большое внимание уделяли в мире антисемитским взглядам Гесса и его роли в создании «Майн Кампф». Советская печать мало писала о Гессе. Возможно, именно потому, что Сталин придавал этому событию особое значение.

Полет Гесса был загадкой. Никто, на самом деле, не знал, что в действительности произошло! С какой целью Гесс полетел в Англию? Стоит ли верить германской прессе, трубящей о том, что Гесс совершил этот странный поступок в припадке сумасшествия? Стоит ли верить тому, что Гитлер «рычал, как зверь», узнав о поступке Гесса, и грозился повесить старого друга, который стал изменником?

Адольф Гитлер любил Рудольфа Гесса, он называл его ласково «Мой Руди» или «Гессерел». Рудольф Гесс тоже любил Адольфа Гитлера, и не просто любил, а боготворил его, преклонялся перед ним. Никто не знал Гитлера лучше, чем Гесс. Никто не понимал Бесноватого лучше, чем Гесс. Вместе с Гитлером он участвовал в Пивном путче, вместе с Гитлером сидел в Ландсбергской тюрьме и под его диктовку писал печально знаменитую «Майн Кампф».

Рудольф Гесс был безраздельно предан своему кумиру, вся вселенная заключалась для него в одном имени — Адольф. Мог ли он решиться без ведома Адольфа, или в пику ему, на такой рискованный и опасный шаг, как перелет во время войны в стан врага? Нет! Однозначно, нет! Это представляется невозможным.

Но тогда он действовал по приказу Гитлера! В чем мог заключаться этот приказ? Что мог предложить эмиссар Гитлера Великобритании за 40 дней до начала операции «Барбаросса»?

Мир с Германией? Союз с Германией? Совместный поход против большевистской России? А почему бы и нет?

В Лондоне Гесс надеялся на поддержку и помощь своего коллеги — офицера королевских военно-воздушных сил герцога Гамильтона, с которым он познакомился на Олимпийских играх в Берлине, и который, по слухам, был близким другом премьер-министра Черчилля. Тогда, в 1936 г., высокочтимый герцог и не скрывал своих симпатий к нацистам. Впрочем, он был не одинок — многие английские аристократы ратовали в те годы за союз с Гитлером, английское нацистское лобби было ничуть не меньше американского.

Собираясь в свой опасный полет, Гесс намеревался приземлиться неподалеку от родового поместья Гамильтонов — «Дангвилл Касл», но не найдя в темноте подходящего места для посадки, вынужден был выпрыгнуть с парашютом. О том, что случилось дальше, с кем и о чем вел переговоры Гесс, сведения разноречивы. И, видимо, Сталин не зря опасался результатов этих переговоров, если и сегодня, более 60 лет спустя, все архивные документы, касающиеся «Миссии Гесса», засекречены, и срок их секретности продлен до 2017 г.!

Вскоре после войны, во время Нюрнбергского процесса, Гесс, начав давать свидетельские показания, хотел было вернуться к событиям мая 1941 г., но едва

лишь он произнес начало опасной фразы — «Весной 1941 года...», как тут же был прерван председателем Трибунала англичанином лордом Лоуренсом. В дальнейшем, сидя в течение 46 лет в берлинской тюрьме Шпандау, Гесс уже хранил молчание. Он так и унес свою тайну в могилу.

О смерти 93-летнего «Наци № 2» существует много версий — по одной он покончил жизнь самоубийством, по другой — был задушен, а по третьей, еще более невероятной, 17 августа 1987 г. в тюрьме Шпандау скончался вовсе не Рудольф Гесс, а его двойник. Кто знает?!

Ну, а тогда, в мае 1941-го?

В то время Сталин был уверен, что заместитель фюрера уполномочен вести переговоры с Великобританией о заключении мира и опасался, что страна, измученная ежедневными бомбардировками люфтваффе, ставшими особенно жестокими именно в эти последние дни, может пойти на предложенный Гитлером мир. Сталин опасался, что Великобритания может обеспечить Германии свободу действий для нападения на Россию, точно так же как он сам в 1939 г., заключив Пакт о ненападении, предоставил Гитлеру свободу действий для агрессии против Польши. Сталин опасался, что при определенном раскладе Великобритания может пойти еще дальше и стать союзницей Гитлера в войне против России. Сталин опасался, что Черчилль держит Гесса как «камень за пазухой».

Однажды вождь сам скажет об этом: *«Небезызвестный Гесс для того, собственно, и был направлен в Англию немецкими фашистами, чтобы*

убедить английских политиков примкнуть к всеобщему походу на СССР».

Полет Гесса в Англию еще раз убедил Сталина в правильности выбранного им пути в преддверии надвигающегося нападения Германии.

До начала операции «Барбаросса» осталось только 39 дней . 13 мая 1941. Берлин

Убийцы «в законе»

После долгих переговоров между гестапо и вермахтом, в конце апреля 1941 г., все организационные вопросы, наконец, были решены, и «Соглашение о взаимодействии» было подписано. Теперь убийцы из Эйнзатцгруппе СС получили возможность, при полном содействии и соучастии вермахта, осуществлять уничтожение гражданского населения буквально с первых часов операции «Барбаросса».

Правда, один весьма существенный вопрос все еще оставался нерешенным. Этот вопрос касался «юридического обоснования законности» этих заранее запланированных массовых убийств. Такое «юридическое обоснование» должно было освободить германских солдат и офицеров, совершающих убийства, от ответственности и дать им возможность убивать, зная, что любое, совершенное ими зверство правомерно, законно и останется безнаказанным.

Безнаказанность, как известно, стимулирует совершение преступлений. Безнаказанность стимулирует пробуждение самых низменных инстинктов человека, и

особенно это относится к человеку, возвращенному на ненависти к другим, отличным от него людям, отличным по расе, по вере, по языку, по цвету кожи. Такой человек, да еще убежденный в том, что совершаемые им убийства останутся безнаказанными, будет убивать с еще большей жестокостью.

Для обоснования законности убийства гражданского населения сегодня, 13 мая 1941 г., фельдмаршал Вильгельм Кейтель выпустил еще одно приложение к плану «Барбаросса» — «Распоряжение об особой подсудности в районе „Барбаросса“ и об особых мероприятиях войск».

Примечательно, что это «Распоряжение» было подготовлено не в гестапо, а в штабе Верховного главнокомандования армии, и подписано не эсэсовцем Гейдрихом, а фельдмаршалом Кейтелем.

Так что «Распоряжение об особой подсудности» касалось не только убийц из Эйнзатцгруппе СС, но и каждого солдата германской армии. Это «Распоряжение» санкционировало любое зверство, любое воинское преступление по отношению к гражданскому населению, совершаемое любым немцем — убийцей из Эйнзатцгруппе СС, солдатом германской армии или даже человеком, носящим гражданскую одежду.

ИЗ «РАСПОРЯЖЕНИЯ»

Об особой подсудности в районе «Барбаросса»

Верховное главнокомандование вермахта 13 мая 1941

Возбуждение преследования за действия, совершенные военными служащими и обслуживающим персоналом по отношению к враждебным гражданским лицам, не является обязательным, даже в тех случаях,

*когда эти действия одновременно составляют воинское преступление... Войсковые начальники в пределах своей компетенции ответственны за то, чтобы все офицеры подчиненных им частей своевременно и тщательно были проинструктированы об основах настоящего Распоряжения; чтобы судебные советники своевременно были поставлены в известность, как о настоящем Распоряжении, так и об **устных указаниях, которыми главнокомандующим были разъяснены политические намерения руководства.***

Начальник штаба Верховного

командования вооруженными силами Кейтель

И как будто бы этого чудовищного «Распоряжения» было недостаточно, к нему еще были добавлены и «устные указания»! Можно только себе представить, в чем заключались эти устные указания!

Истинная сущность «Распоряжения об особой подсудности» была обнажена на Нюрнбергском процессе в ходе допроса фельдмаршала Кейтеля, подписавшего этот документ.

Допрос преступника вел Главный государственный обвинитель от СССР Роман Руденко. За много дней до того, как советник юстиции Руденко был назначен государственным обвинителем на этом процессе, он занимал пост прокурора Украины и с июня 1943 г. возглавлял комиссию по расследованию злодеяний гитлеровцев на этой земле. Так что Роман Руденко, можно сказать, видел воочию, к каким результатам привело «Распоряжение об особой подсудности».

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА КЕЙТЕЛЯ

Стенограмма заседаний Международного военного трибунала

5, 6 и 8 апреля 1946

Руденко: Перехожу к вопросам зверств и вашего отношения к этим преступлениям... Прежде всего, я обращаюсь к документу: «Распоряжение о применении военной подсудности в районе „Барбаросса"». Вы помните этот документ? Он был составлен 13 мая 1941 г. Это больше чем за месяц до начала войны с Советским Союзом... Вы подписывали этот документ?

Кейтель: Да. Я никогда не оспаривал этого. Это был приказ, который был дан мне Гитлером. Гитлер отдал этот приказ мне, и я поставил свою подпись.

Руденко: Вы, фельдмаршал, считали этот приказ неправильным и все же подписали его?

Кейтель: Я не могу вам сказать больше того, что я подписал этот приказ и что тем самым я взял на себя определенную долю ответственности.

Руденко: Этот приказ датирован 13 мая 1941 г., то есть издан больше чем за месяц до начала войны. Таким образом, вами заранее планировалось убийство людей?

Кейтель: Правильно то, что этот приказ действительно был издан за четыре недели до начала похода по плану «Барбаросса» и что за четыре недели до этого о нем сообщили генералам. Они знали об этом уже за несколько недель до начала войны.

Как было доказано на Нюрнбергском процессе, «Распоряжение об особой подсудности» возвело беспрецедентное в истории беззаконие в ранг государственного закона, а совершение воинских

преступлений — в ранг служебных обязанностей и воинского долга. «Раса господ» получила из рук своего фюрера юридическое право безнаказанно убивать женщин и детей!

И если «Директива № 21», отпечатанная всего в 9 экземплярах и надежно упрятанная в сейфе, уже через несколько дней после ее подписания перестала быть тайной для мира, то могло ли остаться в секрете «Распоряжение», изготовленное в 109 экземплярах и разосланное в войска?

До «внезапного» нападения осталось только 39 дней. 13 мая 1941. Москва

Экстраординарные меры «без шума»

По свидетельству современников, лицемерие Сталина было его второй натурой. Великий Лицемер почти всегда говорил одно, а делал совсем другое, в большинстве случаев прямо противоположное тому, что он говорил. Так было и в эти дни.

Несмотря на все разговоры о «дезинформации» и о «фальшивках», несмотря на публичное «неверие» в возможность войны с Германией, Сталин готовит свою страну к этой войне. Готовит упорно, ежедневно и ежечасно. Готовит во всех аспектах — политическом, экономическом и военном. И недаром впоследствии девяностолетний соратник вождя Вячеслав Молотов будет упрямо повторять: *«А к войне мы готовились и были готовы!»*

Россия готовилась к войне. На Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке строились сталинские предприятия-дублеры. В многочисленных конструкторских бюро создавались лучшие в мире самолеты — истребители «Як-1», «МиГ-3», «ЛаГГ-3», пикирующий бомбардировщик «Пе-2», штурмовик «Ил-2», лучшие в мире танки «Т-34» и «КВ-1», новейшие ракетные установки «БМ-13». Каждые сутки на заводах страны выпускалось до 20 скоростных истребителей «МиГ-3», до 20 «Т-34» и многотонных «КВ». И о каждом выпущенном танке, о каждом выпущенном самолете ежедневно докладывали Сталину.

Страна работала в исключительно напряженном режиме, круглосуточно, практически без выходных дней. Ускоренным темпом выпускались все виды боеприпасов, накапливались горюче-смазочные материалы. Создавались запасы нефти и угля, чугуна и стали, цветных металлов, пшеницы и ржи, продовольствия и фуража.

Более двадцати миллионов советских граждан изучали основы противовоздушной и противохимической обороны. Свыше шести миллионов человек сдали нормы нового спортивного комплекса «Готов к труду и обороне», включавшего стрельбу, гранатометание и штыковой бой. Миллионы женщин и мужчин учились на курсах медицинских сестер и санитаров в обществе «Красного креста и красного полумесяца». Около четырнадцати миллионов человек готовились стать снайперами, пилотами, парашютистами, радистами в кружках добровольной военно-патриотической организации «Осоавиахим». Около двух миллионов женщин и подростков прошли специальное обучение при заводах и в школах рабочей молодежи и были готовы

заменить у станков мужчин, когда им придется взять в руки оружие.

Страна жила войной, неизбежностью войны, необходимостью каждую минуту думать о войне, быть готовым к войне. Страна пела песни о войне, слушала лекции о войне, читала книги и смотрела кинофильмы о войне. И почти в каждой семье были отцы и сыновья, уже надевшие военную форму.

Еще в феврале 1941 г. Совет народных комиссаров СССР принял постановление «О Мобилизационном плане на 1941 г.», а в начале марта началась скрытая мобилизация резервистов под видом учебных сборов. Сегодня уже отобилизовано порядка 800 000 человек. Наступило время выдвижения войск в приграничные военные округа.

Свидетельствует генерал армии Сергей Штеменко, занимавший в 1941 г. пост помощника начальника оперативного отдела Генштаба:

«Наконец, еще один вопрос из тех, которые часто ставятся перед нами, военными, и от ответа на которые мы почему-то предпочитаем уклоняться: допускалась ли нами сама возможность нападения на нас Германии в 1941 г. и делалось ли что-либо практически для отражения этого нападения? Да, допускалась! Да, делалось!.. ...перед самым началом войны в пограничные округа под строжайшим секретом стали стягиваться дополнительные войска.

Из глубины страны на запад перебрасывалось пять армий: 22-я под командованием генерала Ф. А. Ершакова, 20-я под командованием Ф. Н. Ремезова, 21-я под командованием В. Ф. Герасименко, 19-я под командованием И. С. Конева и 16-я армия под

командованием М. Ф. Лукина. Всего перемещалось 28 дивизий...»

Выдвижение войск шло скрытно, и так же скрыто необходимо было принять их и разместить в подготовленных заранее лагерях.

Сегодня, 13 мая 1941 г., в Киевский Особый военный округ поступила директива Жукова, обязывающая командующего войсками округа Кирпоноса подготовиться к принятию новых воинских частей.

№ 503904, Совершенно секретно

13 мая 1941, Экз. № 1

Народный комиссар обороны Союза ССР приказал: принять и разместить в лагерях на территории округа одно управление стрелкового корпуса с корпусными частями и одним артполком, четыре двенадцатитысячные стрелковые дивизии и одну горнострелковую дивизию из состава СКВО [Северо-Кавказского военного округа]...

Управление стр. корпуса, все корпусные части и дивизии придут с имуществом НЗ, учебным и лагерным имуществом. Семьи командного состава всех соединений остаются в пунктах постоянной дислокации своих соединений... Подготовку лагерей и размещение частей провести без шума, приняв все меры к сокрытию номеров соединений и принадлежности к СКВО...

Начальник Генерального штаба генерал армии Жуков

Подготовка к войне шла «без шума». Скрытно выдвигались на Запад новые воинские части, скрытно готовились для них лагеря, и принимались все

необходимые меры к сокрытию номеров соединений и их назначения.

Но, несмотря на все принятые меры, массированное передвижение русских войск не осталось секретом для германской разведки, точно так же как сосредоточение германских войск не было секретом для разведки советской. И не случайно 1 мая 1941 г. в протоколе совещания германского штаба появилась запись: *«Русское сосредоточение и развертывание: дальнейшие крупные передвижения войск к германо-русской границе»*.

Правда, выдвижение русских войск мало тревожило Гитлера. По плану «Барбаросса» ожесточенные сражения с главными силами русских должны были происходить как раз на границе и в ходе именно этих сражений Красная армия должна была быть полностью уничтожена.

До начала операции «Барбаросса» осталось только 38 дней. 14 мая 1941. Лондон

«Кембриджская Пятерка» — предмет мечтаний любой разведки!

Между тем шумиха по поводу «Миссии Гесса» не прекращается. Особенно усердствует английская пресса. Некоторые газеты даже изображают заместителя германского фюрера как «искреннего» и «честного» человека, «доброго семьянина» и «идеалиста», прибывшего в Лондон с «Миссией мира». Различные

сведения, касающиеся этой «Миссии мира», начинают поступать и в Москву.

№ 376, 14мая 1941

«Вадим» сообщает из Лондона: по данным «Зенхен», Гесс прибыв в Англию, заявил, что он намеревался, прежде всего, обратиться к Гамильтону, знакомому Гессу по совместному участию в авиасоревнованиях 1934 г. Гамильтон принадлежит к так называемой Кливлендской клике. Гесс сделал ставку именно на Гамильтона.

Кирк Патрику, первому опознавшему Гесса чиновнику «Закоулка», Гесс заявил, что привез с собой мирные предложения. Сущность мирных предложений нам пока не известна...

Для оценки важности полученной информации необходимо, прежде всего, понять, кто скрывается под кличками «Вадим» и «Зенхен», и какая организация названа здесь «Закоулком».

Лет семь или восемь назад двадцатилетний английский аристократ Гарольд Ким Филби, закончив престижный Тринити колледж Кембриджского университета и не найдя работы в Лондоне из-за своих прокоммунистических взглядов, отправился в Австрию. По официальной версии — для усовершенствования немецкого языка. В Вене Филби вскоре начал работать в «Международной организации помощи борцам революции в капиталистических странах», так называемом МОПРе. Правда, рутинная работа на благо «борцов революции» в те дни мало занимала молодого повесу, и большую часть своего времени он посвящал роману с красивой женщиной по имени Алиса.

Алиса, или Литци, как называли ее дома, была дочерью польского еврея Исраэля Кольмана, а еще, как оказалось, она была коммунисткой и секретным агентом Коминтерна. Женившись на Литце и поощряемый ею, Филби со всей своей кипучей энергией окунулся в подпольную работу — он помогал коммунистам и евреям покинуть Австрию, снабжал их деньгами, переправлял через границу, и в мае 1934 г., когда супруги переехали в Англию, он уже полностью был готов к сотрудничеству с Москвой. От нелегала советской разведки Арнольда Дейча Филби получил свое первое задание, суть которого заключалась в организации подпольной шпионской группы. Так родилась знаменитая в истории разведки «Кембриджская Пятерка».

Невероятная «Пятерка»

В «Кембриджскую Пятерку», кроме Кима Филби, вошли Гай Бёрджесс, Энтони Блант, Дональд Маклин и Джон Кернкросс. Все они, так же как Филби, были выпускниками Кембриджа. Все они были молоды, талантливы, материально обеспечены и, на первый взгляд, благополучны. Всех их ожидала блестящая карьера и завидное будущее. И вместе с тем, все они были заражены коммунистической, какой-то бунтарской идеологией, а некоторые из них были еще и известны своей неординарной сексуальной ориентацией.

Привлечение людей такого рода к шпионской работе облегчалось тем, что нетрадиционная сексуальная ориентация в Англии 40-х годов означала презрение общества, конец карьере и даже тюремное заключение. Достаточно вспомнить трагическую судьбу гениального английского математика — Алана Тьюринга,

который под давлением общественного мнения покончил жизнь самоубийством.

Друзья Кима Филби по Кембриджу — Гай Бёрджесс и Энтони Блант, также были гомосексуалистами, членами тайного общества «Апостолы», и именно к ним, прежде всего, по совету Дейча, обратился Филби с предложением начать сотрудничество с советской разведкой.

Шотландец Гай Фрэнсис де Монси Бёрджесс, сын вице-адмирала королевского флота, и английский аристократ Энтони Фредерик Блант, троюродный брат английской королевы, стали для Москвы «идеальными идеологическими шпионами» — надежными, преданными, умеющими хорошо скрывать свои действия и маскировать свои чувства.

Гай Бёрджесс получил кличку «Медхен» — «Девочка», а Энтони Блант — кличку «Тони». Бёрджесс — человек неумяного темперамента, скандалист, драчун и пьяница, обладавший редким умом и странной магической властью над людьми, сумел совратить и завербовать еще одного выпускника Кембриджа — Маклина. Дональд Дюард Маклин (младший), сын видного британского политика сэра Дональда Маклина, стал четвертым членом «Пятерки» и получил кличку «Стюарт».

Пятого члена «Пятерки», Джона Кернкросса, привлек к шпионской работе Энтони Блант, бывший в прошлом преподавателем Джона по французской литературе. Кернкросс, выходец из мелкобуржуазной семьи, не принадлежал к аристократическому кругу и не располагал денежными средствами, необходимыми для учебы в Кембридже. Но, благодаря своим выдающимся

способностям, он был все-таки принят в этот престижный университет и стал там одним из лучших студентов. Друзья считали Кернкросса, получившего кличку «Карел», человеком малоприятным в личном плане, но оказывали ему уважение, считаясь с его исключительным умом и твердыми коммунистическими убеждениями.

На ключевых позициях

Сегодня, в мае 1941 г., все члены «Кембриджской Пятерки» являются давними и проверенными шпионами советской разведки, и по приказу Москвы уже успели внедриться в различные государственные структуры Великобритании. Энтони Блант стал сотрудником британской военной разведки — «МИ-5», Гай Бёрджесс — ведущим журналистом «Би-Би-Си». Дональд Маклин, занимавший в последние годы пост секретаря британского посольства во Франции, в день, когда германские войска вошли в Париж, успел уничтожить все посольские документы и, вместе со своей беременной женой Мелиндой, бежать в Англию. Отвага Дональда и Мелинды, родившей после побега мертвого ребенка, была высоко оценена в Лондоне, и Маклин занял престижный пост второго секретаря министерства иностранных дел — Форин Офис, или, как называют его в Москве, «Закоулка». А Джон Кернкросс в последнее время стал личным секретарем основателя британской разведки — лорда Мориса Хэнки, особое положение которого давало ему, как личному секретарю, доступ к материалам чрезвычайной, стратегической важности, включая атомные секреты. В мае 1941 г. большинство сообщений личного секретаря лорда Хэнки, естественно, было посвящено подготовке Германии к нападению на Россию, но «звездный час» Кернкросса наступит в 1942 г., когда он будет переведен в Блетчли-Парк и получит

доступ к сверхсекретной информации «Ультра». Советский шпион будет назначен редактором материалов, полученных с помощью той самой, созданной Тьюрингом «Бронзовой Богини», которая так удачно имитировала работу германской машины «Энигма». И до самого конца войны Кернкросс будет передавать копии этих материалов в Москву.

Таким образом, все члены «Кембридской Пятерки» представляли огромную ценность для Москвы. Но самым ценным, конечно, был человек, которого можно назвать архитектором «Пятерки» — Ким Филби, по кличке «Зенхен» — «Сынок».

Потомственный шпион

Гарольд Адриан Рассел Ким Филби был не обычным шпионом — это был шпион по призванию и, можно даже сказать, потомственный шпион. Отец Кима — Гарри Сент-Джон Бриджер Филби, знаменитый ученый и большой авантюрист — был в течение многих лет сотрудником британской разведки и двойным шпионом, с успехом продававшим секреты своей родины иностранным державам. Сент-Джон долгие годы жил в различных странах Востока. Приняв мусульманство, он сменил свое звонкое английское имя на Хадж Абд-Аллах, взял в жены черную рабыню и стал доверенным лицом короля Саудовской Аравии Ибн Сауда.

Единственный сын Сент-Джона от первой, английской жены Гарольд, или Ким, как называл его отец, родился в Индии. От отца он унаследовал любовь к женщинам и страсть к приключениям. Многие годы Ким вел опасную двойную жизнь и эта, ничем, фактически, не оправданная, добровольно взятая на себя ноша навсегда осталась загадкой. Свидетельствует Аллан Даллес:

«Говоря о трагических последствиях измены Филби, не следует забывать, что он не был безродным чужаком, не имевшим корней, как это часто бывает со шпионами; его никто не шантажировал, не подставлял, не соблазнял большими деньгами. Он принадлежал к богатой и образованной элите своей страны. Перед ним открывались все двери. По причинам, которые легко изложить, но трудно понять, он выбрал путь предательства...»

Став в 1934 г. советским шпионом, Ким Филби для видимости порвал все связи с коммунистами и, с помощью отца Сент-Джона, ставшего тем временем поклонником Гитлера, вошел в общество англо-германской дружбы, начал сотрудничать с пронацистским журналом Хаусхофера «Геополитик» и даже несколько раз побывал в Берлине, где был принят Риббентропом и Геббельсом. В 1937 г. по заданию советской разведки Филби едет в Испанию. И из самого пекла гражданской войны он шлет свои блестящие журналистские репортажи в лондонский «Тайме» и не менее блестящие шпионские донесения в Москву.

А в 1940 г., вернувшись в Лондон, советский шпион становится сотрудником британской разведки — «МИ-6» — Секрет Интеллидженс Сервис, во главе которого стоит знаменитый полковник Стюарт Мензис.

Сэр Стюарт Мензис, сын фрейлины королевы, завсегда аристократических клубов, любитель лошадей и шотландского виски, был давним другом авантюриста Сент-Джона Филби. С младшим Филби он тоже был знаком много лет, симпатизировал ему и даже прочил его себе в преемники, считая, что у Кима есть все данные для того, чтобы возглавить «МИ-6». Советский

шпион во главе британской разведки!!! Нет, этой невероятной мечте Москвы не суждено было сбыться.

Но и сегодня, в мае 1941 г., возможности Филби достаточно велики. Так, например, система «Ультра», включающая перехват, дешифровку, перевод и анализ перехваченной секретной германской информации, входит в «МИ-6» и подчиняется непосредственно Стюарту Мензису. Будучи сотрудником «МИ-6», Ким Филби имеет все возможности информировать Москву и о существовании секретного объекта — Блетчли-Парк и даже пересылать в Москву агентурные сведения, полученные с помощью системы «Ультра».

Ценность информации, к которой имела доступ в предвоенные дни «Кембриджская Пятерка» трудно переоценить. Достоверность этой информации подтверждается тем, что и после «внезапного» нападения Германии пятеро шпионов в течение многих лет продолжали сотрудничать с советской разведкой. А надежность этих шпионов подтверждается трагическим финалом жизни каждого из них.

Реквием

Пройдут годы. Закончится Вторая мировая война. Друзья из «Кембриджской Пятерки» продвинулись по служебной лестнице, начнут выезжать за рубеж — во Францию, в Соединенные Штаты. Энтони Блант будет назначен хранителем картин Виндзорского и Букингемского дворцов, станет советником короля Георга VI и получит звание рыцаря. Ким Филби возглавит миссию по связям британской разведки с ЦРУ и ФБР, будет работать в контакте с Алланом Даллесом и Эдгаром Гувером. Гай Бёрджесс станет личным помощником министра иностранных дел. Дональд Маклин и Джон

Кернкросс займут престижные посты в министерствах — иностранных дел и финансов.

Таковыми станут шпионы из «Кембриджской Пятерки» к 50-м годам XX столетия — налаженная жизнь, твердое положение в обществе, уважение, материальная обеспеченность... и продолжающееся сотрудничество с советской разведкой. Ничто, казалось, не предвещало опасности разоблачения, и все же...

В 1953 г. грянул гром. В связи с угрозой провала, Маклин и Бёрджесс вынуждены были бежать в Москву. Английские аристократы с почетом были встречены в российской столице, но они не прижились в Москве, грустными были последние годы их жизни вдали от родины, и похоронить себя они завещали в Лондоне. После бегства скандального Маклина и Бёрджесса генерал-майор Мензис был с позором уволен из разведки, да и у Филби уже не было шансов стать руководителем «МИ-6». В 1963 г. и он был вынужден укрыться за «железным занавесом». Жизнь Филби в Москве сложилась, видимо, более счастливо, чем у его друзей, — в отличие от них, он не пил, женился на русской женщине, много работал, был награжден советскими орденами и похоронен в России.

О связи сэра Энтони Бланта с Москвой британская контрразведка знала, как видно, многие годы, но из-за родственных связей шпиона с королевской семьей никакие меры против него не принимались. И только в 1979 г. Маргарет Тетчер вынуждена была признать, что во время Второй мировой войны сэр Энтони Блант работал на Москву. О том, что и Джон Кернкросс был связан с Москвой, Тетчер призналась в 1981 г. И Блант, и

Кернкросс провели последние годы своей жизни почти в полном одиночестве и скончались в Лондоне.

Опасность «Миссии Гесса»

Сегодня, в мае 1941 г., руководство работой «Кембриджской Пятерки» осуществляет один из секретарей советского посольства в Лондоне, резидент внешней разведки майор Анатолий Горский. Опытный разведчик, Горский курирует «Пятерку» с 1936 г. и будет продолжать курировать этих агентов в течение всей войны. В 1944 г., вслед за своими «подопечными», он отправится в Вашингтон, и уже оттуда будет снабжать Москву уникальной информацией, в том числе и касающейся разработки атомной бомбы.

Сегодня задача Горского не ограничивается руководством «Пятеркой». По некоторым данным, Арнольду Дейчу в свое время удалось завербовать в Лондоне не пять и не десять, а более двадцати так называемых идеологических агентов! Все они, тогдашние студенты Кембриджского и Оксфордского университетов, теперь, так же как Ким Филби и его друзья, занимают ведущие посты в британском истеблишменте. В отличие от членов «Кембриджской Пятерки», эти люди не были разоблачены, и их имена, наверное, никогда не станут известными, но сегодня они активно работают на Москву. Объем агентурной информации, получаемой из Лондона, настолько велик, что центр «жалуется» на трудности обработки. Об интенсивности работы лондонских агентов можно судить по сводному отчету за май 1941 г., в котором, в частности, упоминается о передаче 60 пленок с материалами Кернкросса, среди которых — протоколы заседаний военного кабинета Черчилля, еженедельные сводки «МИ-6» и еженедельные доклады политической

разведки, а также все входящие и исходящие телеграммы министерства иностранных дел.

Поступившая сегодня в Москву шифровка, касающаяся «Миссии Гесса», также получена от майора Горского, скрывающегося под кличкой «Вадим». На сообщении «Вадима» сохранилась паническая помета Журавлева: *«т. Рыбкиной. Телеграфируйте в Берлин, Лондон, Стокгольм, Америку, Рим. Постарайтесь выяснить подробности предложений [предложений Гесса]»*.

Майор Журавлев нервничает не напрасно — «Миссия Гесса» создает совершенно новую и опасную для Советской России ситуацию — возможность военного союза между Германией и Великобританией.

Об этой опасности через много лет скажет Молотов: *«Разведка НКВД донесла нам, что Тесс от имени Гитлера предложил Великобритании заключить мир и принять участие в военном походе против СССР.*

Если бы мы в это время развязали войну против Германии, двинув свои войска в Европу, тогда бы Англия без промедления вступила бы в союз с Германией... И не только Англия. Мы могли оказаться один на один перед лицом всего капиталистического мира...»

Предмет мечтаний

В течение многих лет «Кембриджская Пятерка» представляла для Москвы неиссякаемый источник самой разнообразной политической, военной и экономической информации. Так было в предвоенные, в военные и даже в послевоенные годы. Но самым важным и плодотворным был предвоенный период, в эти дни из Лондона были

получены многие тысячи уникальных оригинальных сверхсекретных документов.

И если принять во внимание материалы, поступающие в Москву из Берлина, из Токио, из Женевы и из многих других оставшихся неизвестными источников, то станет понятной «зависть», о которой высказался Аллан Даллес: «Информация, которую посредством секретных операций смогли добывать советские разведчики во время Второй мировой войны, содействовала военным усилиям Советов и представляла такого рода материал, который являлся предметом мечтаний для разведки любой страны».

До «внезапного» нападения осталось только 38 дней. 14 мая 1941. Москва

И напоминание, и предупреждение

В Москве, в здании Исторического музея, открылась выставка, посвященная Отечественной войне 1812 г. Открытие выставки именно в эти дни не могло, естественно, быть случайностью. Открытие этой выставки соответствовало духу времени — Россия снова, как и в 1812 г., стояла на пороге жестокой войны.

Выставка, посвященная войне 1812 г., была и напоминанием, и предупреждением тем, кто собирается совершить агрессию против России, тем, «кто с мечом к нам придет...»

Московские газеты отмечали исключительно удачную экспозицию выставки. Толпы людей ежедневно заполняли просторные залы Исторического музея. Они с

интересом рассматривали портреты прославленных полководцев — Кутузова, Барклая-де-Толли, Багратиона, картины позорного бегства армии Наполеона из горящей Москвы, слушали взволнованное повествование экскурсовода: *«Поначалу 1812 г. французский император Наполеон Бонапарт, не сумев покорить Англию, решился начать войну против России. Война с Русским Медведем готовилась с большой тщательностью. И все же Наполеон, считавшийся гениальным полководцем, допустил несколько роковых ошибок.*

Одной из главных ошибок Бонапарта было то, что он посчитал возможным разгромить огромную необозримую Россию в течение двух месяцев и еще до наступления зимы войти в Москву. Исходя из этого, фактически невыполнимого плана, осуществлялась и подготовка кампании — великая армия Наполеона не была оснащена для ведения войны в зимних условиях. Еще одна роковая ошибка заключалась в том, что, по ряду не очень существенных причин, начало военных действий было отложено на целых два месяца! И только 23 июня 1812 г. французская армия переправилась через Неман, чтобы нанести удар, через Вильно и Смоленск, на Москву».

Экскурсовод рассказывал о том, как Бонапарт жаждал боя, как мечтал разбить врага в решительном приграничном сражении, и как русские, уклоняясь от этого сражения, все отступали и отступали вглубь своей необъятной страны. Захват Москвы не стал для Наполеона праздником победы. Напрасно узурпатор ждал, что русские «бояре» преподнесут ему на золоченом блюде ключи от своей столицы. Среди дымящихся руин опустошенной Москвы Бонапарт расстался с мечтой о покорении мира. Отсюда, от

Москвы, 19 октября 1812 г. началось отступление французов. Бескрайние просторы заснеженной России стали бесславной могилой великой армии Наполеона.

Выставка, посвященная Отечественной войне 1812 г., совершенно ясно вызывала одну мысль: *«Такая судьба ждет каждого, кто захочет покорить Россию».*

До «внезапного» нападения осталось только 37 дней. 15 мая 1941. Москва

На советской границе уже 119 германских дивизий!

В Кремль поступило очередное спецсообщение Голикова. Количество Германских войск, сосредоточенных на советских границах, с марта увеличилось на 49 дивизий, причем только за последние десять дней прибыло еще 12 дивизий! Общее количество вражеских войск теперь составляет 119 дивизий, и это, не считая армий Румынии и Венгрии!

ИЗ СПЕЦСООБЩЕНИЯ

Разведуправления Генштаба Красной Армии

№ 660477-сс, 15мая 1941 г.

Перегруппировка немецких войск за первую половину мая характеризуется продолжающимся усилением группировки против СССР на протяжении всей западной и юго-западной границы, включая и Румынию... Общее количество немецких войск против СССР достигает 114— 119 дивизий... Увеличение германских войск на границе с СССР продолжается.

Начальник Разведуправления

*Генштаба Красной армии Генерал-лейтенант
ГОЛИКОВ*

*Рассылка: СТАЛИНУ, МОЛОТОВУ, ВОРОШИЛОВУ,
ТИМОШЕНКО, БЕРИЯ, КУЗНЕЦОВУ, ЖДАНОВУ, ЖУКОВУ,
БУДЕННОМУ...*

До «внезапного» нападения осталось только 32 дня. 19 мая 1941. Москва

Политическая победа — залог победы военной

Было около 8 часов вечера, когда нарком обороны Тимошенко и начальник Генштаба Жуков прибыли в Кремль на доклад к Сталину.

В приемной вождя их уже ожидал полковник Василевский, который привез из Генштаба нужный им для доклада документ, носящий название «Соображения по плану стратегического развертывания Вооруженных сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками».

Рукой Василевского...

В том, что должно было произойти в этот майский вечер в кабинете Сталина, не было ничего экстраординарного. С августа 1940 г. Сталину были уже доложены три таких концептуальных документа, сегодняшней должен был быть четвертым. Все они были представлены в виде записок и носили примерно одинаковое название — «Соображения по плану стратегического развертывания Вооруженных сил Советского Союза на Западе и Востоке». И только эта,

последняя записка, датированная 15 мая 1941 г., носила название, в котором в качестве противника в будущей войне уже однозначно указывалась гитлеровская Германия. Несмотря на разные подписи составителей, стоящие под записками, форма всех четырех документов была одинакова и, видимо, установлена еще Борисом Шапошниковым в бытность его начальником Генштаба, и все они, по сути, являлись планами действия советских вооруженных сил в будущей войне. Каждый из четырех документов, разработкой которых всегда занимался один и тот же человек — ученик Шапошникова Василевский, — являлся продолжением предыдущего, уточненным в соответствии с изменившейся ситуацией. Подготовка первого варианта плана началась еще летом 1940 г. под руководством Шапошникова в те дни, когда разведка начала передавать в Москву первые «слухи», свидетельствующие о том, что Гитлер обратил свои взоры на Восток.

Подготовка военного плана — дело сложное и кропотливое, и даже в тех случаях, когда генштабисты достаточно квалифицированы и работа идет напряженно по 16—18 часов в сутки, такая подготовка может занять несколько месяцев. И основная проблема заключается в том, что за время этой работы ситуация на мировой арене может измениться, и план, после его завершения, потребует переработки.

Так, фактически, произошло и с планом Шапошникова, который был представлен Сталину в конце августа 1940 г., когда ситуация уже изменилась — Гитлер оккупировал Францию, а Сталин почти в то же самое время отодвинул свои границы на сотни километров на Запад.

План Шапошникова пришлось переработать, и в начале октября 1940 г. он был снова представлен Сталину уже за подписью сменившего Шапошникова генерала армии Мерецкова. Именно этот оперативный военный план «проигрывался» на крупномасштабных картах в процессе Большой военной игры в январе 1941 г. Результаты игры, как известно, не удовлетворили Сталина. После памятного разбора в Кремле Мерецков был смещен, а новый начальник Генштаба Жуков начал свою блестящую карьеру с разработки еще одного варианта военного плана. Тем более что к этому времени в мире произошло еще несколько значимых событий — как стало известно из поступивших в Москву агентурных сообщений, Гитлер уже отказался от вторжения на английские острова и, приняв решение о нападении на Россию, подписал «Директиву № 21».

Теперь «внезапное» нападение Германии стало только вопросом времени, и нужен был новый план стратегического развертывания советских вооруженных сил.

Первый жуковский вариант оперативного военного плана был представлен Сталину 17 марта 1941 г. Но и на этот раз калейдоскоп мировых событий опередил генштабистов. За две недели до завершения работы над этим вариантом плана, 1 марта 1941 г., германские войска вошли в Болгарию, и вся карта Западной Европы уже окончательно приобрела зловещий коричневый окрас. Ни у кого уже не было сомнений, что следующей жертвой Гитлера будет Россия.

По донесению, полученному 28 февраля 1941 г. от Ильзе Штебе, для нападения на Россию в Берлине были уже сформированы три группы армий — «Север»,

«Центр» и «Юг», назначены командующие этими группами — фельдмаршалы фон Лееб, фон Бок и фон Рундштедт и определены направления главных ударов. В ответ на эти действия Гитлера, Сталин еще три дня назад, 8 марта 1941 г., дал добро на проведение скрытой мобилизации почти миллиона человек.

Оперативный военный план снова нуждался в переработке. Прошло еще два месяца интенсивной, почти круглосуточной работы, и сегодня, 19 мая 1941 г., Сталину будет представлен еще один, последний предвоенный военный план в виде секретной записки.

Более 50-ти лет эта записка сохранялась в тайне. Рассекреченный в 1992 г. документ произвел сенсацию. Историки интерпретировали этот документ по-разному. И самым сенсационным было утверждение, что «Соображения» представляют собой сталинский план «упреждающего удара по Германии». Споры о действительном смысле «Соображений» продолжаются и сегодня и усложняются тем, что этот отдельно взятый документ не дает четкой картины запланированных военных действий советских вооруженных сил.

В своем капитальном труде «Мозг армии» профессор Борис Шапошников однозначно определил основные необходимые составляющие плана войны: *«План войны, представляемый на утверждение, должен содержать в себе указание главных противников, главного Театра войны, военную цель, предложения способов достижения поставленных политических и военных целей, то есть применение стратегии измора или сокрушения, наступления или обороны, распределение сил и средств, установление срока их готовности к началу операций и план первых операций».*

Оперативный военный план страны представляет сложнейший комплекс документов текстуального и графического порядка. Он включает в себя различного рода таблицы и карты дислокации войсковых частей, планы сосредоточения и развертывания войск на театре военных действий, планы прикрытия, планы организации тыла и материального обеспечения армии, планы организации связи, противовоздушной обороны и многие-многие другие детализирующие документы.

«Соображения по стратегическому развертыванию», обсуждаемые сегодня в Кремле, представляют собой лишь один-единственный документ из этого сложнейшего многопланового комплекса. Весь комплекс документов, составляющих план войны Советского Союза с гитлеровской Германией, засекречен. И не случайно.

Как утверждает профессор Шапошников, во все времена государства «победители» десятилетиями не раскрывали детали своих военных планов. И только побежденные, в целях самооправдания, обнародовали документы, свидетельствовавшие об их тщательной подготовке к войне, в которой они потерпели поражение. Так бывало всегда, так было и после Второй мировой войны.

Рассекреченные «Соображения» не раскрывают не только политические, но и военные цели будущей войны. Рассекреченные «Соображения» не включают анализ возможных вариантов военных действий советских вооруженных сил и не указывают на один из них, оптимальный, утвержденный и принятый к действию вариант. Хотя, учитывая характер Сталина, вполне возможно, что такой утвержденный вариант военных действий вообще не существовал!

Настоящие политические и военные цели Сталина в этой войне, скорее всего, никогда не будут поняты. О принятом им варианте действий против Германии можно только догадываться и выдвигать различные версии. Но, вместе с тем, возможные варианты военных действий советских вооруженных сил вполне поддаются идентификации.

Не так уж и много их, таких вариантов! И почерпнуть их можно из стратегических документов, подготовленных в преддверии этой войны в германском Генеральном штабе.

Глазами германских генштабистов...

Вполне естественно, что возможные варианты действия русских в случае войны были очень важны для Гитлера, и анализу этих вариантов опытные профессиональные германские генштабисты уделили много времени и много усилий. Именно с этого, с идентификации и анализа возможных действий русских, за много месяцев до подписания «Директивы № 21», начиналась разработка плана Русского похода.

Первые наброски этого плана относятся к лету 1940 г., к тем самым дням, когда в Москву начали поступать «слухи о восточных идеях Гитлера», к тем самым дням, когда Борис Шапошников, а затем и Кирилл Мерецков, представляли на рассмотрение Сталину первые «Соображения о стратегическом развертывании советских вооруженных сил».

Из материалов, предшествующих «Директиве № 21», наиболее известны два документа — «Проект плана Ост» и «Этюд Лоссберга».

«Проект плана Ост» не имеет ничего общего с разработанным Гиммлером чудовищным «Генеральным планом Ост», целью которого была «очистка» завоеванных Восточных территорий от 50 миллионов «недочеловеков». «Проект плана Ост» был чисто военным планом, и подготовил его в августе 1940 г. генерал-майор Эрих Маркс. Талантливый генштабист, генерал Маркс занимал пост начальника штаба 18-й германской армии. Для разработки основ Русского похода он был специально командирован в Цоссен под начало Гальдера.

Параллельно с Эрихом Марксом ту же важную работу в оперативном отделе штаба Верховного главнокомандования выполнял полковник Бернхард фон Лоссберг. Оба они, независимо друг от друга, пришли к одинаковым выводам.

Гитлеровские генштабисты считали, что в войне против Германии русские могут использовать три различных варианта военных действий: упреждающий удар, приграничное сражение с целью обороны и... тактику 1812 г.

«ЭТЮД ЛОССБЕРГА»

15 сентября 1940

ПЕРВЫЙ ВАРИАНТ: Русские захотят нас упредить и с этой целью нанесут превентивный удар по начинающим сосредотачиваться у границы немецким войскам.

ВТОРОЙ ВАРИАНТ: Русские армии примут на себя удар немецких вооруженных сил, развернувшись вблизи границ, чтобы удержать в своих руках новые позиции, захваченные ими на обоих флангах...

ТРЕТИЙ ВАРИАНТ: Русские используют метод, уже оправдавший себя в 1812 г., то есть отступят в глубину своего пространства, чтобы навязать наступающим армиям трудности растянутых коммуникаций и связанные с ними трудности снабжения, а затем, лишь в дальнейшем ходе кампании, нанесут контрудар.

Каждый возможный вариант действия русских германские генштабисты оценивали с точки зрения «вероятности» его применения и «благоприятности» или «не благоприятности» для Германии.

Возможность того, что Советский Союз, в случае опасности нападения Германии, выберет первый вариант действий и нанесет превентивный удар по сконцентрированным на границе германским вооруженным силам, Лоссберг считает маловероятным. Самым благоприятным для Германии он называет второй вариант — в этом случае, по его мнению, русские вооруженные силы будут, несомненно, разгромлены в приграничных сражениях, и после поражения вряд ли сумеют организовать упорядоченный отход и, тем более, контрудар.

Самым неблагоприятным Лоссберг считает третий вариант, повторяющий тактику русских в войне против Наполеона в 1812 г.

К аналогичным выводам приходит и генерал-майор Маркс. Так же, как и подполковник Лоссберг, генерал Маркс считает превентивный удар маловероятным. Генерал даже позволяет себе пошутить на эту совсем нешуточную тему: *«Русские не окажут нам услуги своим нападением на нас».*

Оптимистично настроенный генерал-майор надеется, что русские выберут как раз неблагоприятный

для себя и самый благоприятный для Германии образ действий: *«Мы должны рассчитывать на то, что русские сухопутные войска прибегнут к обороне, наступательно же будут действовать только авиация и военно-морские силы, а именно подводный флот».*

Что касается «Варианта 1812-го», то Эрих Маркс уверен, что русские, к счастью для Германии, на этот раз не смогут его применить: *«С другой стороны, русский не сможет, как в 1812 г., уклониться от любого решения на поле боя. Современные вооруженные силы, насчитывающие 100 дивизий, не могут отказаться от источников своей силы».*

Генерал-майор Маркс недаром надеется, что «русский» не выберет «Вариант 1812-го». Этот вариант может действительно оказаться очень неблагоприятным для Германии — в этом случае русские примут удар германских войск малыми силами, сконцентрируют главную свою группировку в глубоком тылу и, лишив Германию возможности осуществить «блицкриг», навяжут ей затяжную войну. А ведь именно на идее «блицкрига» построен весь план «Барбаросса»!

«Блицкриг» и «гауптшлахт»

Идею «блицкрига» разработал в XIX в. знаменитый прусский стратег, военный философ и историк Карл Филипп Готлиб фон Клаузевиц.

Генерал-майору фон Клаузевицу в жизни «повезло» дважды — он дважды принимал участие в войне против Наполеона Бонапарта — в 1806 г., в рядах прусской армии, и в 1812 г., в рядах армии русской.

Будучи большим почитателем полководческого таланта своего великого противника — Наполеона, фон

Клаузевиц глубоко изучил все его военные кампании, сравнил их с сотней походов, осуществленных другими военачальниками в период с 1566 по 1815 гг., и на базе этого исследования написал ряд военно-исторических работ. Главным трудом фон Клаузевица является его капитальное исследование «О войне», которое, хотя и осталось неоконченным по причине безвременной смерти автора, стало настольной книгой военачальников.

Стратегия «блицкрига», разработанная Клаузевицем, основывалась на принципе концентрации всех усилий наступающих войск на главном направлении удара, на внезапности действий и на энергичном использовании первичного успеха, дающем возможность завершить кампанию в рекордно короткий срок.

Одним из главных элементов «блицкрига» было положение о решающей приграничной битве, так называемый — «гауптшлахт». К такой решающей битве всегда стремился Наполеон. Идеи «блицкрига» и «гауптшлахта» обессмертили имя Клаузевица.

Но самым важным теоретическим достижением Клаузевица является, без сомнения, основополагающее определение войны: *«Война есть продолжение политики другими средствами».*

Германские генштабисты, выпускники престижных военных академий, были воспитаны на трудах прусского стратега и буквально боготворили его. Не меньшим уважением пользовались труды великого немецкого стратега и в России. Трехтомник Шапошникова «Мозг армии» почти целиком построен на трудах Клаузевица. Шапошников восхищается Клаузевицем, многократно цитирует его, называет его «великим философом войны», а то еще и более фамильярно — «стариком

Клаузевицем». Важным теоретическим достижением Шапошникова является перенос стратегических идей Клаузевица в современность — разработка основ «современной войны» и, в частности, вопросов, касающихся возросшего значения «коалиций» и «экономических отношений между народами» в современной войне.

Сталин, как известно, был одним из самых «прилежных учеников» Шапошникова. Он не только тщательно проштудировал «Мозг армии», исчеркав все страницы трехтомника своими пометами, но почти ежедневно встречался с профессором, и недаром Шапошникову была предоставлена дача в Зубалове, неподалеку от дачи вождя. Вне зависимости от того, какую должность в этот период занимал Шапошников, он неизменно оставался личным советником Сталина.

С большим интересом относился Сталин и к трудам «старика Клаузевица», которые, кстати сказать, высоко ценил Карл Маркс и часто цитировал в своих работах Ленин. Кому, как не Сталину, могли быть близки и понятны теоретические выкладки немецкого философа о «политических целях войны»?

И если Сталин, по словам Молотова, не только знал военное дело, но и вкус к нему имел, то политика была «основой его жизни»: *«Политика? Он всю жизнь политикой занимался... Главное в нем — политик. Такую роль он играл в политике страны и в истории».*

Сталин наверняка отнесся с большой серьезностью и к разработанной фон Клаузевицем теории «блицкрига», которую Гитлер применял во всех своих кампаниях и наверняка применит ее в будущей войне с Россией. Вождь, как никто другой, умел анализировать

ситуацию, умел «просчитывать» различные возможные варианты действий своих противников и тщательно продумывал свои нестандартные ответы на них. Так неужели Сталин на этот раз, в этой опасной ситуации, отошел от своих обычных правил? Неужели он на этот раз не «просчитал» все возможные действия Гитлера в будущей войне, неужели не продумывал свои политические ответы на эти действия?

И неужели Сталин не сумел «додуматься» до тех трех вариантов действий, до которых сумели «додуматься» гитлеровские генштабисты — генерал-майор Эрих Маркс и подполковник Бернхард фон Лоссберг?

Неужели Сталин не взвешивал все «за» и «против» возможных вариантов действий советских вооруженных сил, своих возможных ответов Гитлеру на «блицкриг» и «гауптшлахт»? Неужели не понял всех положительных и отрицательных сторон различных вариантов действий — превентивного удара, решающей битвы на границе и... стратегии, уже оправдавшей себя во время Отечественной войны русского народа против Наполеона в 1812 г.?

Стратегия, позволяющая избежать решающей битвы на границе и дающая возможность навязать противнику затяжную войну, как нельзя лучше отвечала специфическим геополитическим особенностям России и не однажды спасала страну от нашествий могущественных захватчиков.

Еще за 100 лет до войны с Наполеоном император Петр Первый применил эту стратегию в войне против короля Карла XII. Молодой шведский король был уверен, что его победоносная армия в первом же решительном

сражении наголову разобьет русских, и он, прорвавшись через Смоленск, сумеет быстро и легко овладеть Москвой.

Москва веками была заветной мечтой агрессоров, и Карл XII в этом смысле не был исключением. Он настолько жаждал стать властителем Москвы и настолько был уверен в скорой победе, что даже успел назначить одного из своих генералов губернатором русской столицы.

В сентябре 1707 г. огромная, сорокатысячная шведская армия, пройдя через Польшу, изготовилась к вторжению. Россия готовилась отразить агрессию — в битве с супостатом должна была решиться судьба страны. И тогда, великий полководец и бесстрашный человек, Петр Первый неожиданно бросил своим военачальникам странные слова: *«Искание генерального боя суть опасно — в единый час все ниспровержено; того для лучше здоровое отступление, нежели безмерный азарт»*.

Великий полководец и бесстрашный человек, Петр Первый принял решение не принимать приграничного боя, принял решение отступить от границы в глубь России, а затем... привлечь к защите родины народ, лишит супостата пищи и крова, ослабит его непрерывными налетами партизан и разгромить.

Дальнейшее известно — настал день, и, бросив жалкие остатки своей, считавшейся непобедимой армии, Карл XII бежал из России, и, точно так же как он, через сто с лишним лет, бросив остатки своей прославленной армии, будет бежать из России Наполеон.

История повторяется. Сегодня на границах страны снова стоят войска «супостата». И, как покажет история,

захватчик снова, так же как и в прошлые века, будет с позором изгнан из России.

План «упреждающего удара»

Сегодня на календаре — 19 мая 1941 г. И в 19.50 личный секретарь Сталина Поскребышев бесстрастным голосом приглашает Тимошенко и Жукова в кабинет вождя и тихо притворяет за ними дверь. Еще через несколько минут, в кабинет проходит Молотов, и обсуждение «Соображений» начинается.

Представленный Сталину документ, ввиду его особой секретности и особой важности, как всегда, был подготовлен в одном экземпляре и написан от руки характерным бисерным почерком воспитанника духовной семинарии Василевского.

В преамбуле к документу приводились сведения о полностью отмобилизованной германской армии, успевшей уже даже развернуть тылы и способной нанести внезапный удар.

СООБРАЖЕНИЯ ПО ПЛАНУ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВЕРТЫВАНИЯ...

*Народный комиссар Особо важно
обороны Союза ССР Только лично
...мая 1941 Экземпляр единств.*

Председателю Совета народных комиссаров СССР тов. Сталину Докладываю на Ваше рассмотрение соображения по плану стратегического развертывания Вооруженных сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками.

В настоящее время Германия имеет развернутыми 230 пехотных, 22 танковых, 20 моторизованных, 10

воздушных и 4 кавалерийских дивизий. Из них на границах Советского Союза, по состоянию на 15.5.41 г., сосредоточено до 96 пехотных, 13 танковых, 12 моторизованных и 1 кавалерийской дивизий, а всего до 112 дивизий.

Предполагается, что в условиях политической обстановки сегодняшнего дня Германия, в случае нападения на СССР, сможет выставить против нас до 137 пехотных, 19 танковых, 15 моторизованных, 4 кавалерийских и 5 воздушно-десантных дивизий, а всего до 180 дивизий...

Всего Германия с союзниками может развернуть против СССР до 240 дивизий...

Эти сведения, подготовленные и тщательно выверенные разведкой, сводят на нет любые утверждения о любом, якобы «неверии» Сталина, «незнании» Сталина или «непонимании» Сталиным угрозы нападения. И как ответ на эту угрозу, в «Соображениях» предлагается один из возможных вариантов действий советских вооруженных сил:

«Учитывая, что Германия в настоящее время держит свою армию отобилизованной, с развернутыми тылами, она имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар.

Чтобы предотвратить это и разгромить немецкую армию, считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий германскому командованию, упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск...»

Именно эти два абзаца «Соображений», вырванные из общего контекста, дали возможность в свое время интерпретировать предлагаемый вариант действий советских вооруженных сил как «упреждающий удар». Идею «упреждающего удара» обычно приписывают Жукову. Хотя вряд ли Жуков рискнул бы выдвинуть такую идею без конкретных указаний Диктатора. Как известно, документы гораздо меньшей степени значимости разрабатывались исключительно по приказам Сталина и на основе сталинских политических концепций.

Понятие «упреждающий удар» — понятие неоднозначное. «Упреждающий удар» может быть нанесен в ответ на реальную угрозу, в ответ на воображаемую угрозу или даже в ответ на мнимую угрозу, «срежиссированную» нападающей стороной специально с целью создания провокации и оправдания агрессии.

В течение последних шести месяцев Сталин мог позволить себе нанести такой «упреждающий удар» по Германии не один раз. Германия готовилась к нападению на Россию много месяцев — с лета 1940 г. Все это время германские войска накапливались на советских границах, и в начале мая 1941 г. их количество уже достигло 119 дивизий. Сталин мог использовать это обстоятельство для нанесения «упреждающего удара». Тем более что Сталин, как и Гитлер, был мастером по изысканию поводов для таких ударов, а в случае отсутствия поводов, умел и создавать их. Так, официальным поводом для нападения на Финляндию послужили «пограничные инциденты в Карелии и Заполярье», которые были так явно «срежиссированы», что Лига

Наций признала СССР агрессором и 14 декабря 1939 г. исключила его из числа своих членов.

В «Соображениях», представленных Сталину 19 мая 1941 г., речь идет совершенно о другом «упреждающем ударе». Речь идет не об «упреждающем ударе по государству, действия которого могут быть расценены как угроза», а об «упреждающем ударе по вооруженным силам» — по огромной вражеской армии, сосредоточенной на границе и тылы которой уже развернуты.

Речь идет об ударе по вражеской армии, «которая имеет возможность нанести внезапный удар», по вражеской армии, которая уже «разворачивается для нанесения внезапного удара».

В «Соображениях», представленных Сталину 19 мая 1941 г., речь идет о том, чтобы дать возможность этой армии только начать развертывание и... атаковать ее именно в тот момент, когда она будет находиться в движении, в стадии развертывания для подготовленного ею нападения.

Такой, вполне оправданный, «упреждающий удар» должен был бы удовлетворить самых строгих поборников международных законов. Но даже такой, вполне оправданный «упреждающий удар», сегодня уже не устраивает Сталина! За прошедшие два месяца политическая обстановка в мире снова кардинально изменилась и, вместе с ней, изменились и решения вождя.

«Война есть продолжение политики...»

Для Сталина, так же как и для Карла фон Клаузевица, война всегда была лишь продолжением политики.

Сталин — политик! Стратегические решения Сталина всегда определялись политическими соображениями.

Недаром же еще 5 мая 1941 г. на торжественном приеме в Кремле Сталин напомнил участникам о необходимости ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ к войне.

Свидетельствует маршал Жуков: *«Стратегия была близка к его привычной сфере — Политике, и чем в более прямое взаимодействие с политическими вопросами вступали вопросы стратегии, тем увереннее он чувствовал себя в них».*

Внешнеполитические события трех последних месяцев должны были повлиять на решения Сталина. Вся совокупность его действий в эти месяцы свидетельствует об этом. И какими бы ни были указания Сталина, данные ранее Жукову, сегодня они уже не имеют значения.

Сегодня, когда заместитель Гитлера Рудольф Гесс уже находится в Лондоне как «камень за пазухой Черчилля», Сталина не устраивает идея даже такого вполне оправданного упреждающего удара, идея, которая, возможно, ранее, по его же указанию, была заложена Жуковым в «Соображения». Ведь если упреждающий удар по германской армии будет расценен мировой общественностью как агрессия, Россия может потерять всех своих потенциальных союзников и остаться в одиночестве против всего мира. И Сталин отменяет свое первоначальное решение.

Об этой «отмене решений» намекнет впоследствии Молотов в разговоре с писателем Иваном Стаднюком:

*«Не помню всех мотивов **отмены такого решения.** Но мне кажется, что тут главную роль сыграл полет в Англию заместителя Гитлера по партии Рудольфа Гесса. Разведка НКВД донесла нам, что Гесс от имени Гитлера предложил Великобритании заключить мир и принять участие в военном походе против СССР...*

Если бы мы в это время сами развязали войну против Германии, двинув свои войска в Европу, тогда бы Англия без промедления вступила бы в союз с Германией... И не только Англия. Мы могли оказаться один на один перед лицом всего капиталистического мира...»

Обсуждение «Соображений по плану стратегического развертывания» продолжалось в кремлевском кабинете Сталина около часа, в конце которого вождь, как видно, отверг идею Упреждающего удара.

Сталинские «услуги»

Как совершенно справедливо предположил талантливый генштабист генерал-майор Эрих Маркс, Сталин в создавшейся ситуации не мог оказать Гитлеру «услугу» и ударить по его армии. Впрочем, Сталин не захотел оказать Гитлеру и другую «услугу» — выбрать «благоприятный» для Германии и «неблагоприятный» для России вариант решающего приграничного сражения. Сталин, как видно, не хуже гитлеровских генералов помнил о том решающем приграничном сражении, которое Карл фон Клаузевиц называл гауптшлахт, и к

которому всегда стремился Наполеон, а по его стопам и Гитлер.

Как покажут дальнейшие события, Сталин выбрал как раз неблагоприятный для Германии третий вариант из всех перечисленных фон Лоссбергом вариантов действий русских. Тот самый вариант, который, как указывал Лоссберг, в той или иной мере повторяет проверенную историей стратегию русской армии в войне 1812 г.

И об этом своем решении Сталин достаточно ясно намекнул в речи в Кремле на приеме выпускников военных академий 5 мая 1941 г., напомнив участникам приема о Наполеоне Бонапарте.

Не случайной, конечно, была и выставка, посвященная Отечественной войне 1812 г., открывшаяся в Историческом музее 14 мая 1941 г.

Да и впоследствии Сталин неоднократно признавался в том, что принятый им в 1941 г. вариант действий советских вооруженных сил во многом был идентичен стратегии русской армии в войне против Наполеона. Так, например, вождь упомянул об этом в разговоре с советским послом Иваном Майским, прибывшим в декабре 1941 г. в Москву в составе делегации, сопровождавшей британского министра иностранных дел Антони Идена.

Вспоминает академик Иван Майский: *«Как-то в связи с подготовкой к очередной встрече обеих делегаций я оказался в кабинете Молотова, где находился также и Сталин. Молотов сидел за письменным столом, а Сталин расхаживал из конца в конец по кабинету и на ходу высказывал суждения и*

давал указания. Когда вся подготовительная работа была закончена, я обратился к Сталину и спросил:

«Можно ли считать, что основная линия стратегии в нашей войне и в войне 1812 г. примерно одинакова, по крайней мере, если брать события нашей войны за первые полгода?»

Сталин еще раз прошелся по кабинету и затем ответил: «Не совсем. Отступление Кутузова было пассивным отступлением, до Бородина он нигде серьезного сопротивления Наполеону не оказывал. Наше отступление — это активная оборона, мы стараемся задержать врага на каждом возможном рубеже, нанести ему удар и путем таких многочисленных ударов измотать его. Общим между обоими отступлениями было то, что они являлись не заранее запланированными, а вынужденными отступлениями».

Сталин называет трагическое отступление Красной армии в 1941 г. «вынужденным», но как пророчески звучат слова, написанные еще в позапрошлом веке Карлом фон Клаузевицем:

«Если бы русским, при том знакомстве с его [отступления] последствиями, какое они теперь имеют, пришлось снова его предпринять при тех же самых условиях, то они добровольно и планомерно проделали бы все то, что в 1812 г. было предпринято по большей части невольно».

Образ действий советских вооруженных сил, условно названный германскими генштабистами «Вариант 1812», как нельзя лучше отвечал политическим целям Сталина, и именно этот вариант был заложен в основу задуманного им коварного «Сценария».

Именно этот вариант должен был обеспечить Сталину политическую победу и стать залогом его военной победы.

И именно этому варианту действий соответствовала принятая Сталиным с марта 1941 г. стратегия «неверия» в возможность нападения.

Этот редкий по своей наглости почти открытый БЛЕФ, требующий немало «профессионализма», позволил Сталину представить нападение Германии как «внезапное», избежать необходимости упреждающего удара по германским вооруженным силам и даже избежать сосредоточения своих главных воинских сил на границе.

Этот БЛЕФ помешал Гитлеру оправдать свое нападение на Россию необходимостью удара по «сосредоточившимся на границе советским войскам» и не дал ему возможности осуществить решающее приграничное сражение «гауптшлахт», на которое он так рассчитывал.

Этот БЛЕФ повлек «вынужденное» отступление русской армии от Западных границ и позволил навязать Гитлеру, вместо планируемого им блицкрига, затяжную изнурительную войну на необъятных заснеженных просторах России.

Задуманный Сталиным «Сценарий», рискованный и жестокий по своей сути, даже в случае его успеха, неминуемо должен был повлечь огромные человеческие жертвы. В том числе, и среди гражданского населения. Сталин знал об этом и шел на это. Человеческие жертвы никогда не смущали Тирана. Не смущают они его и сегодня. Скорее наоборот. Именно человеческие жертвы, вызванные, якобы, «внезапным» нападением Германии,

позволят избежать неясности, сопровождающей обычно первые часы войны, и дадут возможность самым наглядным образом показать всему миру, кто в этой войне агрессор, а кто жертва агрессии.

И недаром скажет впоследствии Анастас Микоян: *«Сталин, фактически, обеспечил внезапность фашистской агрессии со всеми ее тяжелыми последствиями...»*

До начала операции «Барбаросса» осталось только 30 дней. 22 мая 1941. Лондон

Лондон больше не бомбят

Резидент внешней разведки в Лондоне майор Анатолий Горский продолжает снабжать Москву сведениями, касающимися «Миссии Гесса». И по мере накопления информации, все яснее становится опасность, которую может представить для России пребывание Гесса в Лондоне.

Сегодняшнее сообщение Горского основано на сведениях, полученных Кимом Филби в беседе с его приятелем Томом Дюпри — заместителем начальника отдела печати в министерстве иностранных дел. Как рассказал советскому шпиону Том, истинной целью полета Гесса было заключение военного союза между Германией и Англией, острие которого направлено против России.

22 мая 1941, б/н

Во время бесед офицеров английской военной разведки с Гессом, Гесс утверждал, что он прибыл в

Англию для заключения компромиссного мира, который должен приостановить увеличивающееся истощение обеих воюющих стран и предотвратить окончательное уничтожение Британской империи как стабилизирующей силы...

Том Дюпри, на вопрос «Зенхена» [Кима Филби], думает ли он, что англо-германский союз против СССР был бы приемлемым для Гесса, ответил, что это именно то, чего хочет добиться Гесс...

Сведения, сообщенные Томом Дюпри, несомненно, были исключительно важны, но еще более важной была оценка событий, сделанная опытным разведчиком британской «МИ-6», блестящим аналитиком Кимом Филби:

ИЗ СООБЩЕНИЯ ГОРСКОГО-

«Зенхен» считает, что сейчас время мирных переговоров еще не наступило, но в процессе дальнейшего развития войны Гесс, возможно, станет центром интриг за заключение компромиссного мира и будет полезен для мирной партии в Англии и для Гитлера.

По всем оценкам, вне зависимости от того, чем закончились на данном этапе переговоры эмиссаров Черчилля с Гессом, само пребывание заместителя Гитлера в Лондоне усложняло ситуацию и становилось миной замедленного действия, или, как уже было сказано, «камнем за пазухой у Черчилля». Недаром же, на вопрос членов парламента о дальнейшей судьбе Гесса, Черчилль ответил: *«Гесс — мой пленник!»*

Опасность, вызванная «Миссией Гесса», подтверждалась еще одним странным феноменом,

сопровождая полет Гесса в Англию и связанным с налетами люфтваффе на английские города.

Много месяцев подряд, с сентября 1940 г., каждую ночь, с немецкой точностью ровно в 21.00, раздавался раздирающий душу вой серен и над английскими городами появлялись германские бомбардировщики.

Каждую ночь 200—300—500 самолетов бомбили Лондон. Более миллиона домов столицы было разрушено или серьезно повреждено. Пострадал королевский дворец, собор Святого Павла, Тауэр. Пострадал Британский музей, американское и японское посольства. Разрушены были здания газет «Тайме» и «Дейли экспресс».

О том, как выглядел Лондон в эти дни, вспоминает Майский: *«Разрушенные дома... Обвалившиеся стены... Груды каких-то обломков, разбитой мебели, изуродованных автомобилей... Еще дымящиеся пожарища деревянных складов, угольных ям, бензохранилищ. Толпы перепуганных, мечущихся людей, стремящихся что-то спасти из своего погибшего имущества... Страшные крики, глухо доносящиеся откуда-то снизу, из-под фундаментов, засыпанных камнем и землей домов... Рыдания матерей над изувеченными трупами детишек...*

Проклятия мужчин, с угрозой поднимающих кулаки к небу... И повсюду острый запах гари и особого зловония, оставляемого разорвавшейся бомбой...»

В мае 1941 г. варварские бомбардировки Англии усилились. Лондон бомбили и 8, и 9 мая 1941 г. В ночь с 10 на 11 мая, в ту самую ночь, когда Рудольф Гесс выбросился с парашютом в Шотландии, налет люфтваффе был особенно страшным. По свидетельству

очевидцев, это была незабываемая ночь! Город превратился в крошечный ад. Рушились дома, церкви, дворцы. Рухнула крыша Вестминстерского аббатства. Казалось, что этому не будет конца.

Но... для жителей Лондона это была последняя бомбежка!

Начиная с 11 мая 1941 г., с того дня, когда заместитель Гитлера стал «пленником» Черчилля, Лондон больше не бомбили.

Все последующие дни — 11, 12, 13 мая 1941 г. — англичане со страхом ждали появления крылатых варваров. Но германские самолеты так и не появились. И над Лондоном стоит непривычная тишина. Лондон больше не бомбят.

Неужели это связано с «Миссией Гесса»?

До начала операции «Барбаросса» осталось только 30 дней. 22 мая 1941. Германия

Марш на Восток невозможно скрыть!

Сегодня, 22 мая 1941 г., Германия приступила к завершающему этапу подготовки к операции «Барбаросса». И этот этап неожиданно оказался гораздо более трудным, чем предполагалось, причем не последнюю роль здесь сыграла Югославская кампания.

Свидетельствует бывший обер-квартирмейстер Генерального штаба Сухопутных войск генерал Курт фон Типпельскирх: *«Югославская кампания заставила существенно изменить первоначально намеченные сроки операций. Для войны против России были потеряны*

бесценные пять недель, которые решающим образом повлияли на ее исход».

Потеря пяти недель, затраченных на Югославскую кампанию, вызвала необходимость сокращения срока завершающего этапа подготовки операции «Барбаросса». И теперь за этот короткий срок нужно было выполнить достаточно много организационных мероприятий. В первую очередь — успеть подтянуть к советской границе значительное количество танковых и моторизованных дивизий, основная масса которых все еще оставалась в центре Германии, и пехотных дивизий, которые все еще были расквартированы на севере, создавая впечатление готовящегося вторжения на английские острова. Перегон и сосредоточение такого количества войск невозможно было выполнить за несколько дней, и, несмотря на то, что с сегодняшнего дня график движения войсковых эшелонов был максимально уплотнен, последний этап подготовки к операции будет продолжаться еще целый месяц.

Для того чтобы скрыть это грандиозное мероприятие, были приняты особые меры. За десять дней до начала завершающего этапа сосредоточения, 12 мая 1941 г., вышло указание штаба Верховного главнокомандования по вопросу проведения второй фазы дезинформации, все еще основанной на идее «подготовки к нападению на Англию». *12 мая 1941*

Вторая фаза дезинформации противника начинается одновременно с введением максимального уплотнения графика движения эшелонов 22 мая. В этот момент усилия высших штабов и прочих участвующих в дезинформации должны быть в повышенной мере направлены на то, чтобы представить сосредоточение

сил к операции «Барбаросса» как широко задуманный маневр с целью ввести в заблуждение западного противника. По этой же причине необходимо особенно энергично продолжать подготовку к нападению на Англию.

Принцип таков: чем ближе день начала операции, тем грубее могут быть средства, используемые для маскировки наших намерений (сюда входит и работа службы информации).

Но, несмотря ни на какие меры дезинформации, ускоренный марш германских дивизий к советским границам невозможно было скрыть. Ведь не напрасно утверждал Карл фон Клаузевиц — внезапного нападения противника не бывает: *«Приготовления к войне обычно занимают несколько месяцев, сбор войск в пунктах сосредоточения требует устройства магазинов и складов, а также значительных маршей, направление которых довольно скоро обнаруживается.*

Поэтому крайне редко бывает, чтобы одно государство ВНЕЗАПНО для другого объявило ему войну или чтобы общее направление удара было неожиданностью для его противника...»

А профессор Борис Шапошников, перенося идеи «старика Клаузевица» в XX в., добавлял: *«Правда, в наши времена скорость сосредоточения военных сил изменилась в сторону увеличения и как будто выгоды внезапности „направления сил“ возросли, но зато и улучшились средства разведки намерений противника еще задолго до войны».*

Самая эффективная в мире советская разведка, о которой могли только мечтать другие государства,

своевременно доложит Сталину о начавшемся ускоренном марше германских вооруженных сил.

Грохочущая стальная лавина — 14 танковых и 15 моторизованных дивизий, 11 пехотных и 9 полицейских дивизий — движется по дорогам Европы на Россию, и это невозможно скрыть!

До начала операции «Барбаросса» осталось только 29 дней. 23 мая 1941. Будапешт

***Движение пассажирских поездов в Европе
прекращено!***

По данным военной разведки наблюдаются массовые перевозки германских пехотных, танковых и моторизованных войск на восток, к советским границам. В связи с этим, железные дороги Европы переведены на график максимального движения. Во многих странах, находящихся под влиянием Германии или оккупированных ею, движение пассажирских поездов сокращено или совсем прекращено.

Военный атташе при посольстве Советского Союза в Венгрии полковник Николай Ляхтеров, по кличке «Марс», сообщает из Будапешта:

Начальнику разведуправления 23.05.1941

Генштаба Красной армии

Венгерские газеты сообщают, что в Польше прекращено вновь пассажирское движение. В Германии сокращено 20 пассажирских поездов. Словацкий посол и

военный атташе считают войну между Германией и СССР неизбежной.

Нападение должно быть произведено исключительно мотомеханизированными и моторизованными частями в ближайшее время. Американский военный атташе в Румынии сказал словаку, что немцы выступят против СССР не позднее 15 июня...

«Марс»

До «внезапного» нападения осталось только 28 дней. 24 мая 1941. Москва

Почему не был отдан приказ?

Сегодня, когда движение пассажирских поездов сокращено по всей Европе, и стало ясно, что Германия приступила к завершающему этапу подготовки к нападению, в кремлевском кабинете Сталина проходит еще одно важнейшее совещание. О значимости этого совещания свидетельствует состав его участников — кроме Сталина и Молотова в кабинете присутствуют нарком обороны Тимошенко, начальник Генштаба Жуков, начальник Главного управления военно-воздушных сил Жигарев и начальник Главного управления противовоздушной обороны Петухин.

Для участия в совещании из приграничных военных округов прибыли в Москву командующие войсками округов — генералы Дмитрий Павлов, Михаил Кирпонос, Яков Черевиченко, Федор Кузнецов и Маркиан Попов, члены военных советов — корпусные комиссары

Фоминых и Клементьев, и многие другие высшие командиры. Цель совещания — завершение подготовки к войне с гитлеровской Германией и ее союзниками.

Подготовка к войне действительно уже завершается. На сегодняшний день, практически, закончена разработка оперативных военных планов на трех войсковых уровнях: общевойсковом, окружном и армейском. Каждый из этих планов является детализацией плана верхнего уровня и, одновременно, основой для разработки плана нижнего уровня.

В совокупности все подготовленные документы являют собой стройную систему, превращающую оперативный военный план общевойскового уровня в оперативные планы военных округов и армий. Метод построения этой системы планов — «сверху — вниз» — от общевойскового плана, через округ, к армии, диктует и временную связь разработки. И если разработка армейских планов была завершена к сегодняшнему дню, 24 мая 1941 г., а директиву на разработку штабы армий получили на десять дней раньше — 14 мая 1941 г., то приграничные военные округа должны были получить соответствующие директивы из Генерального штаба еще раньше — в начале мая 1941 г.

Если внимательно вчитаться в директивы Генерального штаба, направленные в приграничные округа, и сравнить их с концептуальной запиской, представленной Сталину четыре дня назад, 19 мая 1941 г., то становится ясно, что директивы округам представляют детализацию того самого военного плана, на базе которого была составлена и записка.

Единственным важным отличием директив, направленных в округа, от концептуальной записки,

является отсутствие в них всякого упоминания об «упреждающем ударе»! Этот факт, чрезвычайно значимый сам по себе, позволяет предположить, что идея «упреждающего удара» отсутствовала и в общевойсковом военном плане и была введена только в концептуальную записку, как один из возможных вариантов действия советских вооруженных сил.

Сегодня, наверное, уже не имеет значения, была ли идея «упреждающего удара» идеей Жукова, «навешанной», как он это объяснял, речью Сталина на торжественном приеме в Кремле 5 мая 1941 г., или Жуков ввел эту идею в концептуальную записку по указанию самого Сталина, полученному ранее. Так, или иначе, Сталин принял решение воздержаться от «упреждающего удара». Причем это судьбоносное его решение никак не повлияло на всю систему уже разработанных оперативных планов.

Главные действующие лица

В основу системы оперативных военных планов, обсуждаемую сегодня в Кремле, заложен стратегический замысел Сталина, по которому Россия должна будет вступить в войну с Германией, только после того как Германия нанесет «первый удар». Этот удар, по всем данным, должны будут принять на себя два центральных приграничных военных округа — Юго-Западный Особый и Западный Особый военные округа, которые в концептуальной записке уже были названы «фронтами». Для предотвращения решающего приграничного сражения «гауптшлахт», оба эти фронта должны вступить в активные боевые действия не сразу после «внезапного» нападения, а с некоторым опозданием — в

процессе боев, которые будут вести с противником пограничники.

На этом этапе обоим фронтам следует синхронно осуществить неожиданный для противника сложнейший оборонительно-наступательный маневр.

Западный фронт должен действовать «оборонительно», а Юго-Западный фронт, развернувшийся на Юге, — «наступательно», нанося по «внезапно» напавшему на Россию агрессору «ответный удар».

Этот сложнейший «оборонительно-наступательный маневр», заложенный в систему оперативных военных планов, прослеживается и в концептуальной записке, в той ее части, которая касается боевых задач фронтов. Задачи фронтов, фактически, не зависят от «момента», выбранного для удара по противнику, и могут быть осуществлены как посредством «упреждающего», так и посредством «ответного удара».

*ИЗ «СООБРАЖЕНИЙ ПО ПЛАНУ СТРАТЕГИЧЕСКОГО
РАЗВЕРТЫВАНИЯ...»*

Западный фронт: четыре армии, в составе — 31 стрелковой, 8 танковых, 4 моторизованных и 2 кавалерийских дивизий, а всего 45 дивизий и 21 полк авиации.

Задачи: Упорной обороной на фронте Друскеники, Остроленка, прочно прикрыть Лидское и Белостокское направления; с переходом армий Юго-Западного фронта в наступление, ударом левого крыла фронта в направлениях на Варшаву, Седлец, Радом, разбить Варшавскую группировку и овладеть Варшавой; во взаимодействии с Юго-Западным фронтом разбить

Люблинско-Радомскую группировку противника, выйти на реку Висла и подвижными частями овладеть

Радомом...

Юго-Западный фронт: *восемь армий, в составе 74 стрелковых, 28 танковых, 15 моторизованных и 5 кавалерийских дивизий, а всего 122 дивизии и 91 полк авиации, с **ближайшими задачами:** Концентрическим ударом армий правого крыла фронта окружить и уничтожить основную группировку противника восточнее р. Висла в районе Люблин; одновременным ударом с фронта Сенява, Перемышль, Лютовиска разбить силы противника на Краковском и Сандомирско-Келецком направлениях и овладеть районами Краков, Катовице, Кельце, имея в виду в дальнейшем наступать из этого района в Северном, или Северо-Западном направлении для разгрома крупных сил Северного крыла фронта противника и овладения территорией бывшей Польши и Восточной Пруссии...*

В соответствии с боевыми задачами фронтов, основные советские воинские силы — 122 дивизии и 91 полк авиации — должны были быть сосредоточены на «наступательном» Юго-Западном фронте, противостоящем группе «ЮГ». В то же время «оборонительный» Западный фронт должен был получить всего 45 дивизий и 21 полк авиации, но, при этом, должен был противостоять сразу двум группировкам вражеских войск — группам «ЦЕНТР» и «СЕВЕР».

«Оборонительные» задачи, поставленные Западному фронту, избавляли войска этого фронта от лобового столкновения с основными силами германской армии на очень сложной с географической точки зрения

местности. В то же время сосредоточенные на Юго-Западном фронте основные советские воинские силы имели возможность нанести мощный концентрический «ответный удар» по относительно слабой группировке противника на удобном, с географической точки зрения, пространстве.

Концентрический удар Юго-Западного фронта должен был отсечь Германию от ее основного союзника Румынии, вывести мощный советский кулак во фланг передовой группировки германских войск, отрезать ее от основных сил, дислоцированных в Восточной Пруссии, и, при благоприятных обстоятельствах, привести к быстрой победе.

Стратегический замысел Сталина сложен, и трудно отделаться от мысли, что он, в определенном смысле, схож с военным планом, использованным русской армией в войне против Наполеона.

Стратегический замысел Сталина схож именно с тем самым военным планом, который гитлеровские генштабисты — генерал-майор Эрих Маркс и подполковник Бернхард фон Лоссберг — считали самым «неблагоприятным» для Германии и называли условно «Вариант1812».

Планы противостояния «Чудовищу»

Летом 1812 г., когда, несмотря на все ухищрения Наполеона, его намерения были разгаданы, Россия начала готовиться к войне.

Планов противостоянию «Чудовищу», как называли в те дни Бонапарта, у российского императора Александра I было несколько — наиболее известны два

из них — план, идея которого принадлежала князю Петру Багратиону, и план военного министра Михаила Баркляя-де-Толли.

Князь Багратион, правнук грузинского царя Вахтанга VI, любимец Суворова, кумир солдат, славился бесстрашием. Из своих неполных сорока семи годов, тридцать лет Багратион провел в рядах русской армии. Он участвовал во всех войнах, считался виртуозом внезапной атаки, и его идея, вполне естественно, сводилась к осуществлению упреждающего удара по французской армии. Еще в начале 1812 г. Багратион писал императору: *«...опасность с каждым днем увеличивается, война неизбежна, необходимо оградить себя от внезапного нападения, выиграть время, по крайней мере, шесть недель, дабы сделать первые удары и вести войну не оборонительную, а наступательную».*

Для того чтобы предупредить опасность внезапного нападения, Багратион предлагал направить Наполеону ноту, в которой сообщалось бы, что России известно о сосредоточении французских войск в Германии и в случае, если эти войска начнут переправляться через реку Одер, Россия расценит это как объявление войны. После обнародования такой «предупредительной» ноты можно будет спокойно нанести внезапный удар по французской армии в тот момент, когда она еще не полностью сосредоточена и не развернута для вторжения.

План генерал-фельдмаршала Баркляя-де-Толли отвергал упреждающий удар и основывался на так называемой Скифской идее стратегического отступления.

Михаила Баркляя-де-Толли почему-то считали немцем, хотя родиной его была Шотландия. Сын бедного

армейского поручика, Барклай, так же как Багратион, служил в русской армии чуть ли не с детства. Он дрался под Очаковом и под Аккерманом, воевал в Польше и в Финляндии. Как и Багратиону, Барклаю нельзя было отказать в храбрости, хотя он, конечно, был более хладнокровен, чем горячий грузин Багратион. Идею стратегического отступления Барклай сформулировал так:

«В случае вторжения его [Наполеона] в Россию следует искусным отступлением заставить неприятеля удалиться от операционного базиса, утомить его мелкими предприятиями и завлечь во внутрь страны, а затем, с сохраненными войсками и с помощью климата, подготовить ему, хотя бы за Москвой, новую Полтаву».

Итак, два плана — «наступательный» и «оборонительный» — которые, как казалось, исчерпывали все возможные варианты противостояния «Чудовищу». Но император Александр I не принял ни один из них. К возмущению своих генералов, император принял третий, необычный, военный план, автором которого считался генерал фон Фуль.

Прусский стратег барон Карл Людвиг Август фон Фуль состоял на русской службе с 1806 г. В тот год, случайно познакомившись с Фулем, прибывшим в Москву с каким то незначительным поручением от прусского короля Фридриха-Вильгельма III, Александр, к удивлению всех его придворных, был очарован этой курьезной личностью и буквально выпросил его у Фридриха. Карл фон Фуль действительно производил очень странное впечатление. Это был уже старый, по тем временам, пятидесятилетний немец, с морщинистым, худым лицом и кисточками седых волос на костлявом

черепе. Резкий до грубости, Фуль, при каждом удобном случае, отпускал грязные немецкие ругательства и откровенно презирал русских, считая их варварами. За шесть лет, проведенных в России, он не удосужился выучить ни одного русского слова и пользовался услугами «толмача» — дюжего мужика Федора Владыко, который, хотя и был неграмотным, но сумел, служа денщиком у «немчуры», выучиться лихо болтать по-«басурмански».

Подвергаясь постоянным насмешкам русских придворных, Карл фон Фуль, между тем, пользовался полным доверием молодого императора, считался его личным советником и учил его новой в те дни для России науке — «военной стратегии».

«План противостояния Чудовищу», разработанный Фулем по всем правилам этой военной стратегии, не был ни «наступательным», ни «оборонительным». План Фуля предусматривал осуществление неожиданного сложного стратегического маневра, сущность которого заключалась в том, что, после нападения неприятеля, часть подвергшихся нападению вооруженных сил выполняла предусмотренное заранее упорядоченное отступление, в то время как другая часть, сдержав неприятеля, наносила ему мощный концентрический удар во фланг.

Как известно, тогда, в 1812 г., план Карла фон Фуля, изначально подвергавшийся резкой критике русских генералов, называвших его «планом умалишенного», не увенчался успехом. Князь Багратион не сумел, как было ему назначено, сдержать натиск превосходящих сил противника и, тем более, не сумел организовать контрудар. Армия Багратиона, неся

большие потери, вынуждена была беспорядочно отступать, в то время как армия Барклая-де-Толли, естественно, как и было условлено заранее, тоже отступала. Отступление русских стало трагическим — обе русские армии смогли соединиться только под Смоленском, и только здесь разыгрался их первый крупный бой с Наполеоном. Бой был проигран, Смоленск сожжен, трагическое отступление продолжалось. В этот страшный для России час главнокомандующим русской армии был назначен князь Михаил Голенищев-Кутузов. И хотя под командованием Кутузова отступление продолжалось, и хотя по его приказу была сдана французам Москва, именно Кутузову было суждено стать спасителем Отечества и символом Отечественной войны 1812 г. Во всяком случае, именно так о Кутузове неоднократно отзывался Сталин: *«Наш гениальный полководец Кутузов... загубил Наполеона и его армию при помощи хорошо подготовленного контрнаступления»*.

Отступление русской армии, осуществленное под командованием Кутузова, и контрнаступление, организованное им после сдачи Москвы, настолько импонировало Сталину, что в 1942 г., после начала «Сталинского наступления», он даже учредил орден Кутузова.

Война 1812 г. завершилась исторической победой русского народа и катастрофой для великой армии Наполеона.

Но в чем же все-таки заключалась трагическая неудача первоначального сложного стратегического маневра Карла фон Фуля, который, по всем законам

военной науки, должен был принести быструю и легкую победу?

По свидетельству современников, маневр фон Фуля имел все шансы на успех, но, к несчастью, в распоряжении князя Багратиона была очень маленькая армия — менее 50 000 штыков. Именно эту причину неудачи маневра указывал Карл фон Клаузевиц.

По удивительному совпадению, именно Карл фон Клаузевиц, которого боготворил Шапошников и труды которого так внимательно изучал Сталин, в 1812 г. служил в русской армии и был личным адъютантом Карла фон Фуля. И вполне возможно, что «сложный стратегический маневр», автором которого уже около 200 лет считается странный немец по фамилии Фуль, на самом деле был делом рук молодого талантливоего прусского офицера Клаузевица. Хотя сам Клаузевиц, после провала стратегического маневра, приложил немало усилий для того, чтобы отмежеваться и от неудавшегося маневра, и от своего непосредственного начальника Фуля, в адрес которого он не постеснялся отпустить немало нелестных слов.

Отступление снова предусмотрено заранее!

Боевые задачи фронтов — «оборонительные» для Западного и «наступательные» для Юго-Западного — были детализированы, и в начале мая 1941 г., за две недели до представления Сталину концептуальной записки, направлены в округа в виде совершенно секретных директив особой важности: «Директива командующему войсками КОВО № 503862 /сс/ов» и «Директива командующему войсками ЗАПОВО № 503859/сс/ов».

Директивы требовали к 20 мая 1941 г. разработать детальный «ПЛАН ПРИКРЫТИЯ», целью которого будет прикрытие от мобилизации, сосредоточения и развертывания войск округа.

На базе этих директив в штабах приграничных округов были разработаны директивы для армий. Одна из таких директив была направлена командующим Западным Особым военным округом генералом Павловым командующему 3-й армией округа генерал-лейтенанту Василию Кузнецову.

*ИЗ ДИРЕКТИВЫ ВОЕННОГО СОВЕТА ЗАПОВО
КОМАНДУЮЩЕМУ 3-й АРМИЕЙ*

№ 002140/сс/ов. Совершенно секретно

14 мая 1941 Особой важности

На основании директивы народного комиссара обороны СССР, за № 503859/сс/ов и происшедшей передислокацией частей, к 20 мая 1941 г. разработайте новый ПЛАН ПРИКРЫТИЯ государственной границы участка: оз. Кавишки, Кадыш, Красне, Аугустов, Райгород, Грайево, иск. Щучин. Указанному плану присваивается название: «Район прикрытия государственной границы №1».

Командующим войсками района прикрытия назначаю Вас...

Оборону государственной границы организовать, руководствуясь следующими основными указаниями: в основу обороны войск положить упорную оборону УРа и созданных по линии госграницы полевых укреплений, с использованием всех сил и возможностей для

дальнейшего развития их. Обороне придать характер активных действий.

Всякие попытки противника к прорыву обороны немедленно ликвидировать контратаками корпусных и армейских резервов...

Это требовало от Кузнецова в первую очередь организовать оборону района прикрытия, но не исключала и возможности «при благоприятных условиях» нанесения ответного удара, ну а «в случае невозможности», предусматривала отход на более удобные позиции.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ДИРЕКТИВЫ ПАВЛОВА

При благоприятных условиях всем обороняющимся войскам и резервам армии быть готовыми по моему приказу к нанесению стремительных ударов...

В случае наступления явно превосходящих сил противника и невозможности удержать полевые укрепления по линии госграницы, предельным рубежом ОТХОДА ВОЙСК района прикрытия является передний край УРа, опираясь на который контратаками уничтожать наступающего противника...

Но войска напрасно будут ждать приказа!

Совещание в кремлевском кабинете Сталина, посвященное обсуждению задач приграничных военных округов и армий в будущей войне с Германией, началось в 18.50 и продолжалось более двух часов. Обсуждению подвергались тщательно разработанные штабами округов и армий ПЛАНЫ ПРИКРЫТИЯ и процедура введения их в действие.

ПЛАНЫ ПРИКРЫТИЯ должны были быть введены в действие не в какой-либо заранее назначенный день и час, и не после первых выстрелов врага, и не после перехода врага в наступление, а только и исключительно по приказу Москвы. Приказ Москвы должен был поступить в округа в НУЖНОЕ ВРЕМЯ, в виде шифрованной телеграммы за подписью начальника Генштаба Красной армии, генерала армии Георгия Жукова.

*ИЗ ДИРЕКТИВЫ НАРКОМА ОБОРОНЫ И НАЧАЛЬНИКА
ГЕНШТАБА КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ ЗАНОВО*

№ 503859/сс/овСов. секретно

[Не позднее 20 мая 1941 г.]Особой важности

План прикрытия вводится в действие при получении шифрованной телеграммы за моей, члена Главного военного совета начальника Генерального штаба подписью следующего содержания: «Приступить к выполнению плана прикрытия 1941». Народный комиссар обороны СССР

Маршал Советского СоюзаС. Тимошенко

*Начальник Генерального штаба КА генерал армииГ.
Жуков*

Казалось, что все было предусмотрено. Казалось, что ничто не предвещало катастрофы. Но катастрофа все-таки произошла.

В тот страшный час, 22 июня 1941 г., когда запылали заставы, когда гитлеровская бронированная армада пересекла границу и, сметая все на своем пути, ринулась вглубь страны, приграничные военные округа не смогли ввести в действие ПЛАН ПРИКРЫТИЯ — у них

не было Приказа Москвы! Та, самая важная, самая нужная в эти трагические минуты, шифрованная телеграмма за подписью генерала армии Жукова, разрешающая *«Приступить к выполнению плана прикрытия 1941»*, не пришла в войска!

Приказ о введении в действие ПЛАНА ПРИКРЫТИЯ 1941 так никогда и не был отдан. Почему?

До «внезапного» нападения» осталось только 27 дней. 25 мая 1941. Москва

Двойной агент «Петер — Лицеист»

Количество секретных агентов, работавших на советскую разведку, исчислялось многими сотнями, и поэтому вполне допустима возможность, что некоторые из них были перевербованы противником и стали двойными агентами. Одним из таких «перевертышей» был Орест Берлингс — молодой журналист, латыш по национальности, корреспондент рижской газеты в Берлине. «Честь» вербовки Берлингса, состоявшейся в августе 1940 г., принадлежала резиденту внешней разведки НКВД майору госбезопасности Амаяку Кобулову.

Как стало известно после войны из сведений, сообщенных одним из попавших в русский плен гестаповцев, Орест Берлингс, считавшийся агентом советской разведки и носивший кличку «Лицеист», работал также и на германскую разведку, и там был известен под кличкой «Петер».

Через «Петера—Лицеиста» германская разведка регулярно снабжала Амаяка Кобулова самой разнообразной информацией. Часть ее была достоверной, рассчитанной на то, чтобы вызвать у русских доверие к агенту, а остальная — ложной. Однако вне зависимости от того, содержали ли донесения «Лицеиста» достоверную информацию или представляли собой дезинформацию, профессионалы внешней разведки — полковник Павел Судоплатов и майор Павел Журавлев — не могли не понять, что имеют дело с двойным агентом. Тем более что Берлингс разительно отличался от всех советских агентов, большинство которых были коммунистами и работали на Москву многие годы, а некоторые побывали в Москве и были лично знакомы с руководителями Коминтерна и со Сталиным. Орест Берлингс был человеком другого плана. Он был завербован в Берлине всего несколько месяцев назад, и еще в период вербовки, когда личность будущего агента проверялась в Риге, стало известно, что молодой журналист был ярким антисоветчиком.

Несмотря на отрицательные результаты проверки, берлинская резидентура внешней разведки продолжала пользоваться услугами «Лицеиста—Петера» и передавать в Москву полученные от него сообщения. Для этого было несколько причин.

Одна из причин, возможно, заключалась в том, что «Лицеист» был личным и единственным «приобретением» резидента Амаяка Кобулова — младшего брата знаменитого Богдана Кобулова, которого боялись даже самые отчаянные ликвидаторы НКВД. Известный своей жестокостью и коварством, Богдан Кобулов получил «образование» на Авлабарском базаре старого Тифлиса и мог перегрызть горло любому,

вставшему на его пути. Именно за эти качества и ценил Богдана Кобулова его патрон — Лаврентий Берия. Богдан служил Лаврентию многие годы и, как и все наиболее близкие подручные Берия, в 1953 г. был расстрелян.

Младший брат Богдана, Амаяк Кобулов, вскоре после расстрела старшего брата тоже будет расстрелян. Но сегодня, в 1941 г., Богдан все еще всемогущ, и отсвет его жуткой личности падает на Амаяка, а заодно и на двойного агента «Лицеиста—Петера».

Вместе с тем, Кобулов, хотя и считается формально резидентом, во многом зависит от своего более опытного заместителя — бесстрашного боевика Александра Короткова. И информация, получаемая от «Лицеиста», видимо, стоит того, чтобы быть переданной в Москву, если Коротков считает необходимым передавать ее наравне с информацией, получаемой от «Корсиканца», «Старшины», «Брайтенбаха».

И действительно, профессионалы внешней разведки нашли отличный способ использования «Лицеиста». Его используют как «Петера» — для дезинформации противника. В ответ на поступающую от «Лицеиста» в Москву гитлеровскую дезинформацию, через «Петера» в Берлин идет сталинская дезинформация. Таким образом, Берлингс, сам того не зная, работает иногда как «Петер—Лицеист», а иногда как «Лицеист—Петер».

И в обоих случаях он передает дезу.

Дезинформационное сообщение, переданное из Москвы в Берлин по документу Политического архива Бонна.

СООБЩЕНИЕ «ПЕТЕРА-ЛИЦЕИСТА»

Берлин, 14 ноября 1940

Поведение фюрера произвело на Молотова большое впечатление. Через несколько минут он ощутил, что говорит с человеком, который знает, чего хочет... Интересно, что Молотову бросился в глаза хороший вид немцев на берлинских улицах.

Внешняя разведка не только использовала «Лицеиста» как «Петера», но и щедро платила ему за эту работу.

ИЗ МОСКВЫ В БЕРЛИН СООБЩЕНИЕ «ЗАХАРУ» № 93, 14 декабря 1940

Выдайте «Лицеисту» за сведения от офицера Шредера заимообразно 500 марок. Потом уладим...

Сегодня, 25 мая 1941 г., в Москву поступило еще одно дезинформационное сообщение «Лицеиста—Петера». На этот раз германская дезинформация была особенно грубой, вполне в соответствии с новыми указаниями штаба Верховного главнокомандования — *«чем ближе день начала операции, тем грубее могут быть средства для маскировки наших намерений...»*

На этот раз сотрудники гитлеровской военной разведки, готовившие материал агенту «Петеру», превзошли себя. Чего только не было в этом сообщении, затрагивающем сложнейшие стратегические вопросы, которые явно были неведомы двадцатисемилетнему посредственному журналисту Берлингсу! На фоне фактов, которые и без того были известны в Москве, здесь была и грубая ложь, и прямые угрозы, и наглый шантаж, и анализ причин победы русских в войне 1812 г. И, наконец, даже некоторые «посулы» — в обмен на

выполнение германских требований — обеспечение личной безопасности Сталина и возможность «*спасти социалистический строй*»... за Уралом.

Вряд ли такой «шедевр» дезинформации мог ввести в заблуждение советскую разведку. Обращает на себя внимание и такой интересный факт. Все, без исключения, агентурные сообщения, поступающие в центр из самых достоверных источников, всегда подвергались тщательной перепроверке. Достаточно вспомнить помету Журавлева на сообщении резидента внешней разведки майора Горского: «*т. Рыбкиной. Телеграфируйте в Берлин, Лондон, Стокгольм, Америку, Рим. Постарайтесь выяснить подробности предложения*».

На сообщении «Лицеиста—Петера» никаких помет нет. Дезинформационная сущность этого сообщения не вызывает сомнений, и сообщение не нуждалось в перепроверке!

В жестокой войне блефов и дезинформации, которая уже не первый месяц идет между Гитлером и Сталиным, победа пока принадлежит сталинскому БЛЕФУ!

До начала операции «Барбаросса» осталось только 26 дней. 26 мая 1941. Берлин

«Миссия Гесса» все еще беспокоит Сталина

Несмотря на немецкие и английские официальные заявления, разъяснения и опровержения, «Миссия Гесса» продолжает беспокоить Сталина. Москва продолжает настойчиво требовать от всех своих дипломатических

представительств и разведывательных резидентур за рубежом — в Берлине, Лондоне, Вашингтоне, Риме — приложить максимум усилий для сбора агентурных сведений «по „Гессу“».

В ответ на эти требования в наркомат иностранных дел поступило письмо и от Владимира Деканозова. Полученный материал, в объеме десяти страниц, содержал подробные сведения о личности Гесса, о силе его влияния в нацистской партии, о реакции немцев на неожиданное «исчезновение» заместителя фюрера, а также различные версии о целях его экстраординарного поступка.

Копия письма Деканозова немедленно была передана Сталину.

В КРЕМЛЬ ПОСКРЕБЫШЕВУ

№ 64/м, 26 мая 1941

По поручению тов. Молотова направляю для тов. Сталина копию письма тов. Деканозова: предварительные данные о «Случае с Гессом», от 21 мая с.г.

Старший помощник наркома С. Козырев

Предварительные данные о «Случае с Гессом»

В настоящее время трудно сказать, в чем состоит действительная подоплека «исчезновения» Гесса. Во всяком случае, можно констатировать следующее: германская сторона после отлета Гесса заняла выжидательную позицию по отношению к переговорам Гесса и давала понять, что Германия готова к миру с Англией. Германская печать, особенно в первые дни после полета, несколько сбавила тон по отношению к

Англии, хотя и продолжала резко выступать против политики Рузвельта.

В последнее время можно констатировать дальнейшее усиление антисоветской пропаганды в Германии. В частности, в книжных магазинах Берлина появились в продаже старые антисоветские брошюры и книги.

Посол СССР в Германии В. Деканозов

Сведения, полученные от Деканозова, не развеяли опасений Сталина относительно «Миссии Гесса», не развеяли его подозрений. Этот вопрос не переставал интересовать вождя и после начала войны. По свидетельству Черчилля, во время его второго визита в Москву, в октябре 1944 г., Сталин пытался выяснить у него, в чем, собственно говоря, заключалась «Миссия Гесса»:

*«... Советское правительство было чрезвычайно **заинтриговано** эпизодом с Гессом, и оно создало вокруг него много неправильных версий.*

Три г. спустя, когда я вторично приехал в Москву, я убедился, насколько Сталин интересовался этим вопросом. За обедом он спросил меня, что скрывалось за миссией Гесса... У меня создалось впечатление, что, по его мнению, здесь имели место какие-то тайные переговоры или заговор о совместных действиях Англии и Германии при вторжении в Россию, которые закончились провалом.

Зная, какой он умный человек, я был поражен его неразумностью в этом вопросе...»

В ответ на вопрос Сталина, Черчилль повторил ему уже известную, многократно опубликованную,

официальную версию Лондона. Сталина, естественно, не удовлетворило это объяснение. Черчилль считал Сталина умным человеком, но вождь был еще и на редкость подозрительным. Принимая свои политические решения в июне 1941 г., Сталин, несомненно, учитывал возможность союза между Берлином и Лондоном!

До начала операции «Барбаросса» осталось только 25 дней. 27 мая 1941. София

Советская разведка сопровождает колонны германских войск

Среди десятков агентурных сообщений, поступающих ежедневно в Москву, сегодня поступило и сообщение агента по кличке «Боевой».

Под этой кличкой работал агент военной разведки болгарский коммунист Александр Пеев. Юрист по образованию, он, занимая в Софии пост юрисконсульта Национального кооперативного банка, активно сотрудничал с Москвой. За время своей работы с 1939 по 1943 гг. Пеев успел передать советской разведке свыше 400 радиограмм. В 1943 г. отважный болгарский патриот Александр Пеев был схвачен нацистами и расстрелян.

В полученном сегодня сообщении «Боевого» не было ничего нового. Оно повторяло уже известные факты форсированных маршей германских войск к советской границе. Однако на этом документе сохранилась примечательная помета — один из сотрудников Голикова требует от секретаря советского

посольства в Бухаресте Еремина организовать «сопровождение» колонн германских войск!

А это значит, что в мае 1941 г. советская разведка не только знала о передвижении германских войск, но имела возможность «наблюдать» за их движением и даже «сопровождать» их колонны!

*СООБЩЕНИЕ «БОЕВОГО» ИЗ СОФИИ ОТ 27мая 1941
Германские войска, артиллерия и амуниция непрерывно переправляются из Болгарии в Румынию через мост и Ферибот у Руссы, через мост у Никополя и на баржах около Видина. Войска идут к советской границе. «Боевой»*

Пометы: «т. Швец. Дать указание Ещенко расставить людей по направлениям для наблюдения и сопровождения немецких колонн. Ещенко отстаёт от событий. Чуввырин 29.05.41».

До начала операции «Барбаросса» осталось только 25 дней. 27 мая 1941. Вашингтон

***Рузвельт объявляет « Чрезвычайное
положение»***

На прошлой неделе произошло событие, которое могло быть расценено как вступление Соединенных Штатов Америки в войну против Гитлера. Пока еще не формальное, пока еще символическое, но вступление в войну. И произошло это так.

Ранним майским утром, под покровом густого тумана, из норвежского Гримстад-фиорда медленно выполз флагман гитлеровского военно-морского флота линкор «Бисмарк». Гигантский корабль, считавшийся

символом мощи Третьего рейха, в сопровождении трех эсминцев и тяжелого крейсера «Принц Евгений», устремился на просторы Атлантики.

На перехват «Бисмарка» вышли английские корабли под командованием вице-адмирала Ланцелотта Холланда, и 24 мая 1941 г. на выходе из Датского пролива, между Гренландией и Исландией, обе эскадры оказались друг против друга. Бой продолжался 11 минут.

«Бисмарк» дал всего один залп из своих мощнейших 380-мм орудий, и один из лучших кораблей английского военного флота — линкор «Худ» — раскололся, как скорлупа, и пошел ко дну, увлекая за собой весь экипаж — 1500 человек, включая вице-адмирала Холланда!

Едва опомнившись от шока, вызванного гибелью «Худа», англичане приняли все меры для нового перехвата «Бисмарка». Но быстроходный германский линкор исчез — как будто канул в воды Атлантического океана. Почти двое суток местоположение «Бисмарка» не было известно. Когда корабль видели в последний раз, он двигался в юго-западном направлении, к острову Ньюфаундленд.

Положение становилось опасным. Что еще, после «Эпизода с Гессом», мог задумать Бесноватый фюрер в преддверии войны с Россией? Зачем он рискнул крупнейшим кораблем своего флота, послав его в Западное полушарие? Чего он хотел? Президент Рузвельт считал, что «Бисмарк» послан для оказания давления на Америку.

Оказавшись у восточного побережья США, корабль мог подойти к Нью-Йорку и направить на город жерла своих смертоносных орудий. Вспоминает один из сотрудников Белого дома, известный американский

журналист Роберт Шервуд: *«Несомненно, что после эпизода с Гессом никакое предположение не считалось слишком абсурдным, чтобы казаться невероятным... перед нами был реальный (факт — пиратский корабль, отправившийся в плавание с какой-то неизвестной авантюрной целью, направляемый волей человека, который мог быть сумасшедшим или гением или тем и другим вместе, способным под воздействием одного необъяснимого импульса вызвать перелом в ходе событий...»*

Сидя за письменным столом в своем знаменитом Овальном кабинете в Белом доме и ожидая с минуты на минуту сообщения о местоположении «Бисмарка», Рузвельт терзался сомнениями. Ждать дальнейших действий германского корабля? Дать ему возможность приблизиться к берегам Америки, приблизиться к Нью-Йорку? Или... Немедленно приказать американскому флоту потопить «Бисмарк» и уже сегодня вступить в войну с Германией!

А если этот шаг спровоцирует мятеж против правительства, к которому уже давно призывает небезызвестный Чарльз Линдберг? А если народ потребует, чтобы его, президента, привлекли к ответственности?

Вот о чем в эти дни думал президент самой свободной страны в мире — он, точно так же как лидеры других, менее свободных стран, не был свободен в своих решениях. Правда, на этот раз, Рузвельту так и не пришлось принимать страшившее его решение — 26 мая 1941 г. «Бисмарк» был, наконец, обнаружен и потоплен.

Линкор обнаружил морской бомбардировщик «Каталина-ПБИ». Несколько таких самолетов

Великобритания уже получила по ленд-лизу. Самолеты стали частью британского королевского воздушного флота, но продолжали пилотироваться американскими летчиками.

«Каталина-ПБИ» обнаружила «Бисмарк» ночью, а на рассвете английские корабли — «Дорсетшир», «Норфолк», «Родней» и «Кинг Джордж V» — окружили гитлеровский линкор и изрешетили его торпедами. В 10 ч 40 мин утра, 27 мая 1941 г., линейный корабль «Бисмарк» — символ мощи Третьего рейха, превратившись в сплошной вихрь пламени, перевернулся и пошел ко дну. Это известие немедленно сообщили Рузвельту. Говорят, что президент был счастлив — он радовался так, как будто бы сам выпустил торпеду по германскому кораблю. В тот же день, 27 мая 1941 г., вечером Рузвельт занял место за маленьким столиком в Восточном зале Белого дома и произнес перед микрофонами одну из своих пламенных речей:

«Теперь... мы знаем достаточно и понимаем, что было бы самоубийством ожидать, когда нацисты появятся на нашем парадном дворе. Если враг нападет на вас в танке или самолете, а вы не открываете огонь до тех пор, пока не различите цвет его глаз, вы так и не узнаете, кем убиты...»

Президент объявил собравшимся представителям прессы о том, что в Америке вводится «Неограниченное чрезвычайное положение».

Завтра это заявление американского президента появится на первых полосах газет всего мира!

Рузвельт продолжал говорить — о ленд-лизе и о том, что Америка будет оказывать всю возможную помощь всем, кто силой оружия сопротивляется

гитлеризму, а в это время у Белого дома, в темноте майской ночи, медленно двигались по кругу пикеты «изоляционистов» с плакатами, призывающими не допустить вступления Америки в чужую войну. Но ход истории уже невозможно было остановить.

Нейтральная Америка, желая или не желая этого, фактически, стала участницей Второй мировой войны.

До «внезапного» нападения остался только месяц. Конец мая 1941. Москва

«Доверчивость» Сталина

Невероятная подозрительность Сталина стала легендой. Однако по свидетельству современников в дни предшествовавшие «внезапному» нападению Германии Диктатор почему-то стал как раз проявлять какую-то особенную «доверчивость»!

По воспоминаниям маршала Жукова, за месяц до «внезапного» нападения и он, и Семен Тимошенко, считали, что пришло время, наконец, привести войска в «наивысшую боевую готовность».

Трудно сказать, что имел в виду Жуков, говоря о «наивысшей боевой готовности». Возможно, он считал, что уже сегодня, в конце мая 1941 г. следовало направить в округа шифровку с приказом «Приступить к выполнению плана прикрытия 1941»?

Так или иначе, но, получив приказ явиться в Кремль, и Жуков, и Тимошенко предполагали, что вызов этот связан с необходимостью приведения войск в боевую готовность.

Вспоминает Жуков: *«В конце мая 1941 г. меня и С. К. Тимошенко срочно вызвали в Политбюро. Мы считали, что, видимо, будет наконец дано разрешение на приведение приграничных военных округов в наивысшую боевую готовность».*

Однако Сталин не собирался в мае 1941 г. приводить войска в «наивысшую боевую готовность» и тем самым оказывать Гитлеру услугу, давая ему возможность нанести превентивный удар в самое удобное для Германии время — ранним летом. Сталин продолжал свой БЛЕФ, имитируя «неверие в опасность нападения», и все его действия были направлены на то, чтобы убедить в этом весь мир.

И Жуков, и Тимошенко, общаясь по долгу службы со Сталиным почти каждый день, давно уж должны были «разгадать» эту игру вождя, даже в том случае, если он и не посчитал нужным растолковать ее своим непонятливым военачальникам. Однако, по свидетельству Жукова, эти военачальники были удивлены, когда Сталин, вместо приказа о приведении войск в боевую готовность, заговорил совсем о другом.

Маршал Жуков: *«Но каково же было наше удивление, когда И. В. Сталин нам сказал: „К нам обратился посол Германии фон Шуленбург и передал просьбу германского правительства разрешить им произвести розыск могил солдат и офицеров, погибших в Первую мировую войну в боях со старой русской армией. Для розыска могил немцы создали несколько групп, которые придут в пункты согласно вот этой погранкарте. Вам надлежит обеспечить такой контроль, чтобы немцы не распространяли свои розыски глубже и шире отмеченных районов. Прикажите округам*

установить тесный контакт с пограничниками, которым уже даны указания".

С недоумением мы восприняли эти слова И. В. Сталина. Мы были поражены, с одной стороны, наглостью и цинизмом германского правительства, бесцеремонно решившего провести разведку местности и рубежей на важнейших оперативных направлениях, и, с другой стороны, непонятной доверчивостью И. В. Сталина».

На это, «доверчивое», отношение Сталина к будущим врагам Жуков, якобы, возразил: «Немцы просто собираются посмотреть участки местности, где они будут наносить удары, а их версия насчет розыска могил слишком примитивна».

Тимошенко добавил: «Последнее время немцы слишком часто нарушают наше воздушное пространство и производят глубокие облеты нашей территории. Мы с Жуковым считаем, что надо сбивать немецкие самолеты»

Сталин, естественно, не принял возражений военачальников и продолжал убеждать их в «безобидности» просьбы Гитлера:

«Германский посол заверил нас от имени Гитлера, что у них сейчас в авиации очень много молодежи, которая профессионально слабо подготовлена. Молодые летчики плохо ориентируются в воздухе. Поэтому посол просил нас не обращать особого внимания на их блуждающие самолеты...»

А Жуков и Тимошенко «все за свое»: «Мы не согласились с этим доводом и продолжали доказывать, что самолеты умышленно летают над нашими важнейшими объектами и спускаются до

непозволительной высоты, явно, чтобы лучше рассмотреть». И Сталину должно быть надоело:

«Ну что же, — вдруг сказал И. В. Сталин, — в таком случае надо срочно подготовить ноту по этому вопросу и потребовать от Гитлера, чтобы он прекратил самоуправство военных. Я не уверен, что Гитлер знает про эти полеты».

На этом разговор был окончен.

Пройдет еще несколько дней, и в июне 1941 г. Германия усилит свою разведывательную деятельность. В дополнение к самолетам, немецкие шпионы и диверсанты теперь будут проникать на советскую приграничную территорию через наземную границу.

ИЗ СООБЩЕНИЯ НКВД СССР В ЦК ВКП(б)

№ 1996/6,12 июня 1941

...за май и 10 дней июня 1941 г. границу СССР нарушил 91 германский самолет. Нарушения границы СССР германскими самолетами не носят случайного характера, что подтверждается направлением и глубиной полетов над нашей территорией. В ряде случаев немецкие самолеты пролетели над нашей территорией до 100 и больше километров и особенно в направлении районов, где возводятся оборонительные сооружения, и над пунктами расположения крупных гарнизонов Красной армии.

15 апреля этого г. в районе г. Ровно истребителями Красной армии был приземлен германский военный самолет, у экипажа которого оказались карты Черниговской области Украинской ССР, а также аэро-фотосъемочные принадлежности и заснятая пленка.

Этот самолет залетел на нашу территорию, на глубину до 200 км.

С 1 января по 10 июня 1941 г., то есть за 5 месяцев и 10 дней, всего было задержано 2080 нарушителей границы со стороны Германии.

Из этого числа уже разоблачено 183 агента германской разведки...

За последнее время был ряд случаев задержания заброшенных в СССР агентов германских разведывательных органов, снабженных портативными приемопередающими радиостанциями, оружием.

Народный комиссар внутренних дел СССР Л.БЕРИЯ

Вспоминает маршал Жуков: «В июне немцы еще больше усилили разведывательную деятельность своей авиации. Различные диверсионные и разведывательные группы все чаще проникали через границу в глубь нашей территории. Не ограничиваясь личными докладами, мы еще раз написали донесение И. В. Сталину и приложили карту, на которой указали районы и направления воздушной разведки немцев. Просили конкретных указаний.

И. В. Сталин ответил: «О всех нарушениях наших воздушных границ передайте сообщение Вышинскому, который по этим вопросам будет иметь дело с Шуленбургом».

Сталин просто продолжал БЛЕФОВАТЬ. И абсурдное разрешение врагам проводить наземную разведку на советской территории под видом поиска могил, и абсурдный приказ не препятствовать воздушной разведке служили только одной цели — все эти приказы должны были показать миру, насколько Сталин «наивен»

и «доверчив», насколько он «верит» Гитлеру и «не верит» в приближающееся нападение Германии на Россию.

До начала операции «Барбаросса» осталось только 22 дня. 30 мая 1941. Берлин

***День «внезапного» нападения — 22 июня
1941г.!***

ИЗ ВОЕННОГО ДНЕВНИКА ФРАНЦА ГАЛЬДЕРА

30 мая 1941 — утреннее совещание. ...Транспортные перевозки в интересах стратегического развертывания проходят очень хорошо, фюрер решил, что днем начала операции «Барбаросса» остается 22 июня 1941.

Глава седьмая. ТЕТИВА НАТЯНУТА. Июнь 1941

*...слухи о намерениях Германии
порвать пакт и предпринять
нападение на СССР лишены
смысла...*

**Сообщение ТАСС
«Известия». 1941. 14 июня**

До «внезапного» нападения остался всего 21 день. 1 июня 1941. Москва

Тетива натянута!

В эти жаркие дни начала лета 1941 г. все свое время, по 16—18 часов в сутки, Сталин отдает приближающейся войне. Вот и сегодня в кремлевском кабинете вождя собрались члены Политбюро, чтобы в очередной раз заслушать доклад начальника военной разведки Голикова о сосредоточении германских войск на советской границе.

О том, как проходили такие совещания, вспоминает генерал армии Сергей Штеменко, работавший с Верховным главнокомандующим во время войны: *«Влевой части кабинета со сводчатым потолком и обшитыми светлым дубом стенами стоял длинный прямоугольный стол. На нем мы развешивали карты и по ним докладывали... Члены Политбюро садились обычно вдоль стола у стены лицом к нам, военным, и к большим*

портретам Суворова и Кутузова, висевшим на противоположной стороне кабинета.

Сталин слушал доклад, прохаживаясь у стола с нашей стороны. Изредка подходил к своему письменному столу, стоявшему в глубине кабинета справа, брал две папиросы «Герцеговина Флор», разрывал и набивал табаком трубку. Правее письменного стола на особой подставке белела под стеклом гипсовая посмертная маска Ленина...

Четкость ведения карт была, можно сказать, идеальной. В управлении применялись единые условные цвета и знаки... Неукоснительное исполнение этого однажды установленного порядка и длительная практика позволяли легко читать обстановку с карты любого направления без пояснений...»

На карте отлично видна черная изогнутая линия вражеских дивизий. Тетива гитлеровского смертоносного лука натянута!

И о том же говорится в спецсообщении военной разведки.

ГРУППИРОВКА НЕМЕЦКИХ ВОЙСК НА 1 ИЮНЯ 1941

№ 660569, 31 мая 1941

В течение второй половины мая главное немецкое командование за счет сил, освободившихся на Балканах, производило: восстановление Западной группировки для борьбы с Англией; увеличение сил против СССР; сосредоточение резервов главного командования.

Общее распределение вооруженных сил Германии состоит в следующем: Против Англии (на всех фронтах)

122—126 дивизий; против СССР— 120—122 дивизии; резервов — 44—48 дивизий...

В Норвегии — 17 дивизий, из которых 6 расположены в северной части Норвегии и могут быть использованы против СССР...

В результате немецких перебросок за май месяц против СССР, необходимо отметить: 1) что за вторую половину мая месяца немцы приступили к созданию оперативной глубины, сосредоточив, как выше отмечено, западнее линии Лодзь, Краков 6—8 дивизий; 2) перебросив значительные силы из Югославии, Греции и Болгарии на территорию Румынии, немцы в значительной степени усилили свое правое крыло против СССР, повысив его удельный вес в общей структуре своего Восточного фронта против СССР (к настоящему времени в Румынии вместе с Молдавией насчитывается 28 дивизий).

Что касается фронта против Англии, то немецкое командование, имея уже в данное время необходимые силы для дальнейшего развития действий на Ближнем Востоке и против Египта (29 дивизий, считая Грецию с островом Крит, Италию и Африку), в то же время довольно быстро восстановило свою главную группировку на Западе, продолжая одновременную переброску в Норвегию (из порта Потин), имея в перспективе осуществление главной операции против английских островов. В заключение можно отметить, что перегруппировки немецких войск после окончания Балканской кампании в основном завершены.

Начальник разведывательного управления КА

генерал-лейтенант ГОЛИКОВ

В спецсообщении Голикова приведены точные цифры и содержится подробное описание сложившейся для страны опасной ситуации. В то же время, в тексте все еще содержится много упоминаний об Англии и возвращение к... *«перспективе осуществления главной операции Гитлера против английских островов».*

Известно, Сталин не терпел незнания или даже приукрашивания фактов и жестоко карал тех, кто нарушал его требования. Об этой черте характера Диктатора свидетельствуют многие, кому приходилось встречаться или работать с ним.

Штеменко: *«Верховный не терпел даже малейшего вранья или приукрашивания действительности и жестоко карал тех, кто попадался на этом... Естественно, что при докладах в Ставке мы очень следили за формулировками. Само собой у нас установилось правило никогда не докладывать непроверенные или сомнительные факты...»*

Но вывод Голикова в данном случае явно не соответствует сложившейся ситуации! Голиков снова, так же как и два месяца назад, 20 марта 1941 г., сознательно делает ложный вывод о готовности Германии к военной операции против... Англии.

Трудно представить, что такой ложный вывод мог сделать «дотошный» Голиков, который с февраля 1941 г. направлял в Кремль шифровки, свидетельствующие об отказе Гитлера от нападения на Англию:

7 февраля 1941: *«Германия нападет на СССР до удара по Англии»*; 9 марта 1941: *«Германский Генеральный штаб отказался от английских островов»*; 13 марта 1941: *«О марше на Англию нет речи. Фюрер*

теперь не думает об этом»; 2 мая 1941: «Война с СССР не помешает ведению войны с Англией».

Военная разведка не только прекрасно знает о том, что германские войска идут форсированным маршем к советским границам, но даже приказывает своим агентам «сопровождать» их. Именно об этом свидетельствуют помета на донесении болгарского агента «Боевого».

Такой парадоксальный вывод Голиков мог сделать только по прямому указанию того, кому он был необходим. Похоже на то, что чем более нагло Гитлер пытается убедить весь мир, что Германия «продолжает подготовку к нападению на Англию», тем более мастерски Сталин продолжает делать вид, что он «верит» в эту ложь и, следуя своему «Сценарию», убеждает всех, что он не видит неотвратимости приближающегося «внезапного» удара.

До начала операции «Барбаросса» остался всего 21 день. 1 июня 1941. Токио

Был ли Зорге «двойным шпионом»?

Количество агентурных сообщений, поступающих из разных источников в Москву, уже исчисляется сотнями.

Сегодня от Рихарда Зорге поступили сразу две шифровки. Первая из них, короткая, поступила в Москву в 17 часов 45 минут и содержала информацию, полученную германским послом из Берлина: *«Нападение Германии на Россию состоится во второй половине июня. Наиболее сильный удар будет нанесен левым флангом».*

Во второй шифровке Зорге более подробно касается предстоящего нападения, указывая на то, что источником информации является прибывший в Токио в эти дни немецкий офицер по фамилии Шолль.

Майор Фридрих фон Шолль был давним приятелем Зорге. До прошлого года он занимал пост военного атташе в Токио, затем был отозван в Берлин, и теперь, уже в звании подполковника, направлялся к месту своей новой службы в Таиланд. Шолль был несказанно рад снова встретиться с Зорге и не один час провел с ним за бутылкой коньяка, пересказывая свежие берлинские новости. А новости были не радостными. Фридрих фон Шолль, начинавший свою военную службу в рейхсвере и считавший себя учеником генерала фон Секта, всей душой ненавидел Гитлера и был не на шутку озабочен судьбой фатерланда.

Начальнику разведуправления От 1 июня 1941

Генштаба Красной армии

Ожидание начала германо-советской войны около 15 июня базируется исключительно на информации, которую подполковник Шолль привез с собой из Берлина, откуда он выехал 6 мая в Бангкок... В беседе с Шоллем я установил, что немцев в вопросе о выступлении против Красной армии привлекает факт большой тактической ошибки, которую, по заявлению Шолля, сделал СССР.

Согласно немецкой точке зрения, тот факт, что оборонительная линия СССР расположена, в основном, против немецких линий без больших ответвлений, составляет величайшую ошибку. Она поможет разбить Красную армию в первом большом сражении. Шолль

заявил, что наиболее сильный удар будет нанесен левым флангом германской армии.

Информация, полученная от Зорге, вызвала большой интерес — особенно важным был вопрос, касающийся «величайшей ошибки», «большого сражения» и «левого фланга». О важности этой информации пометы Голикова: *«НО-5. Пошлите „Рамзаю“ след. запрос: На №... Прошу сообщить более понятно сущность «**большой тактической ошибки**», о которой вы сообщаете. Ваше собственное мнение о правдивости Шолля насчет «**левого фланга**». Голиков 3.06».*

Голиков не требует проверки указанной «Рамзаем» даты «внезапного» нападения Германии. Эта дата уже известна в Москве и не требует перепроверки. Удивительно лишь то, что, посылая в Токио, как обычно, требование уточнить агентурную информацию, Голиков делает на донесении Зорге еще одну помету: *«НО-5. В перечень сомнительных и дезинформационных сообщений „Рамзая“. Голиков».*

В военной разведке уже заведено специальное «дело», в котором накапливаются так называемые дезинформационные сообщения Зорге! Теперь в ответ на агентурные сообщения Зорге в Токио начнут поступать абсурдные шифровки центра, выражающие «сомнения в правдивости агентурных сообщений»!

По воспоминаниям Макса Клаузена, реакция центра производила на Зорге, ежедневно рисковавшего жизнью, весьма тяжелое впечатление. Особенно странным и непонятным для него было то, что такие шифровки появились только в последнее время, тогда как ранее на аналогичные сообщения никаких нареканий не поступало.

Макс Клаузен: *«Ведь мы еще за несколько месяцев до этого сообщали, что у границы Советского Союза сосредоточено, по меньшей мере, 150 германских дивизий, и что война начнется в середине июня.»*

Я пришел к Рихарду. Мы получили странную радиограмму, ее дословного содержания я уже не помню, в которой говорилось, что возможность войны представляется Центру невероятной.

Рихард был вне себя. Он вскочил, как всегда, когда сильно волновался и воскликнул: «Это уже слишком!!!» Он прекрасно сознавал, какие огромные потери понесет Советский Союз, если не подготовится к отражению удара».

Даже такому талантливому аналитику, каким был Зорге, трудно было понять, в чем заключается причина отрицательных оценок его последних сообщений. А причину этого странного феномена нужно искать все в том же — в желании Сталина убедить весь мир в том, что он «не верит» в возможность нападения Германии!

И в этом ему должен был помочь Зорге! Почему же именно Зорге?

Почему не другие, не менее талантливые и надежные шпионы — ни Харнак, ни Шульце-Бойзен, ни Штебе, ни Радо, наконец? Ни один из них в ответ на информацию аналогичного содержания, не получал «разгромных» шифровок центра. А дело в том, что Зорге, по складу своего характера и по стилю шпионской работы, был связан узами дружбы, действительной или показной, с сотнями самых разнообразных людей, в основном, журналистов — немецких, американских, английских, французских, итальянских. Зорге был связан с сотрудниками германского посольства и с их семьями —

со всей многочисленной немецкой колонией в Токио. Зорге был связан с верхушкой японского общества, с правительством Японии. Статьи его печатались в берлинских газетах.

И, наконец, военной разведке было прекрасно известно, что ее необычный шпион вынужден был для прикрытия «работать» и на Берлин — на министерство иностранных дел, на абвер и даже на... РСХА.

Рихард Зорге не был двойным шпионом — его агентурные сообщения в Москву не содержали гитлеровской дезинформации.

Рихард Зорге был советским шпионом и, вместе с тем, идеальным каналом для передачи за рубеж сталинского БЛЕФА.

До внезапного нападения осталось всего 20 дней. 2 июня 1941. Москва

Гитлер инспектирует войска

В преддверии операции «Барбаросса» Гитлер прибыл в Варшаву для инспектирования войск на главном участке нападения — в районе советского Западного Особого военного округа. Именно здесь, по мнению германских генштабистов, будут сосредоточены основные силы русских. И именно здесь, согласно информации подполковника Фридриха фон Шолля, эти силы должны быть наголову разбиты германской армией, именно здесь должен произойти великий гитлеровский «гауптшлахт», который обеспечит победу «блицкригу».

О сенсационном факте прибытия Гитлера в Варшаву Берия немедленно доложил Сталину.

№ 1798/6, 2 июня 1941

В средних числах мая Гитлер прибыл в Варшаву в сопровождении шести высших офицеров германской армии и с 22 мая начал инспектирование войск в Восточной Пруссии...

Во многих пунктах вблизи границы сосредоточены понтоны, брезентовые и надувные лодки. Наибольшее количество их отмечено на направлениях на Брест и Львов...

Основание: телеграфные донесения округов.

Народный комиссар внутренних дел СССР Берия

До «внезапного» нападения осталось всего 19 дней. 3 июня 1941. Москва

Планы противостояния «Чудовищу»

С каждым днем напряжение усиливается. В кремлевском кабинете Сталина идет лихорадочная карусель совещаний, обсуждений, докладов, личных встреч. Не покидают кабинет вождя Молотов, Маленков, Микоян, Каганович. Почти ежедневно, а то и по два раза в день, бывают в Кремле Тимошенко и Жуков. Вождь вызывает к себе для докладов наркомов связи, финансов, просвещения, нефтяной и машиностроительной промышленности. Много времени проводит с наркомом авиационной промышленности Шахуриным, с авиаконструкторами — Яковлевым и Микояном. Обсуждает вопросы экономики с Воскресенским и

Зверевым, вопросы пропаганды с Мехлисом и Запорожцем, вопросы государственной безопасности с Берия и его подручными. Работы много! Время не ждет. Война на пороге.

Все, с кем ежедневно встречался Сталин, зафиксированы в специальной «Тетради записи лиц, принятых Сталиным», которая аккуратно ведется дежурным в приемной кремлевского кабинета вождя с 1927 г.!

Скрупулезно, до минуты, записан «вход» каждого человека в кабинет и «выход» его из кабинета. И вот что интересно, согласно записи в «Тетради», сегодня, 3 июня 1941 г., более полутора часов своего дорогого времени Сталин уделил беседе с человеком, который не имел никакого отношения к его лихорадочной работе по подготовке к войне.

Этим человеком был академик Евгений Тарле.

ВЫПИСКА ИЗ ТЕТРАДИ ЗАПИСИ ЛИЦ,

ПРИНЯТЫХ СТАЛИНЫМ

3 июня 1941

т. Тарле 18.00— 19.30

т. Маленков 20.05 — 20.25т. Хрущев 20.25 — 21.00

т. Тимошенко 20.45 — 23.31т. Жуков 20.45 — 23.30

т. Ватутин 20.45 — 23.30т. Шахурин 22.40 — 23.45

Последние вышли — 23.45

Сталин беседовал с академиком Тарле с 18.00 и до 19.30, ровно полтора часа, в то время как Маленкову он в этот день уделил всего 20 минут, Хрущеву 45 минут,

Шахурину час и только совещанию с генералами — около трех часов.

Академик Тарле никак не вписывался в карусель ежедневных посетителей кремлевского кабинета. Он не был ни партийным функционером, ни конструктором самолетов, ни, тем более, «энкаведешником». Сын небогатого киевского торговца, 67-летний крещеный еврей Тарле, был историком — ученым с мировым именем. Он был почетным членом академии наук Колумбийского университета, членом-корреспондентом Британской академии наук, почетным доктором Сорбонны и многих других университетов Европы. Он свободно владел почти всеми европейскими языками и дружил с выдающимися деятелями науки и искусства многих стран. О чем мог беседовать с престарелым историком Сталин? Конечно же, об Отечественной войне 1812 г.!

Наполеоновская тематика занимала особое место в творчестве Тарле. Интерес к этой тематике возник у историка еще в дореволюционное время, когда он, молодой ученый, многие месяцы провел во Франции в стенах Парижского национального архива. Знаменитая книга Евгения Тарле «Наполеон» вышла в свет в 1936 г. сорокатысячным тиражом, и одним из первых ее читателей был Иосиф Сталин. Исторический шедевр «Наполеон» и, вышедшее вслед за ним, в 1938 г., «Нашествие Наполеона на Россию», стали настольными книгами Сталина, наравне с исследованиями Клаузевица, «Военными поучениями» Мольтке, «Наукой побеждать» Суворова, «Мозгом армии» Шапошникова и «Избранными произведениями» самого Наполеона Бонапарта.

Сталин вряд ли нуждался в беседе с Тарле для того, чтобы освежить в своей уникальной памяти содержание

его книг. Скорее всего, вождь хотел поговорить с великим историком именно о том, чего в его достаточно популярных книгах не было, о том, что он, случайно или намеренно, опустил. В данном случае Сталин хотел воспользоваться уникальной памятью Тарле, которая, по воспоминаниям современников, представляла собой настоящий «информационный центр» и позволяла ученому воспроизводить почти дословно тексты прочитанных им документов.

Прежде всего, вождя, конечно, интересовали детали плана Наполеона, целью которого было разбить русскую армию в приграничном сражении.

Но не менее важным было и мнение ученого о русских военных планах противостояния «Чудовищу». Каждый из этих планов — план «упреждающего удара», предложенный бесстрашным грузинским князем Багратионом, план «стратегического отступления», за который ратовал военный министр Барклай, и сложный стратегический маневр, разработанный чудаком Карлом фон Фулем, — имел свои достоинства и недостатки. И именно эти достоинства и недостатки давних российских планов интересовали Сталина.

Именно эти «за» и «против» давних российских планов противостояния «Чудовищу» взвешивал Сталин вместе с академиком Тарле за 19 дней до «внезапного» нападения!

До начала операции «Барбаросса» остается всего 17 дней. 5 июня 1941. Бухарест

Румынские войска заняли окопы

До начала операции «Барбаросса» остается немногим более двух недель. Но точная дата нападения, известная, фактически, уже многим, формально все еще держится в секрете. И даже союзнику Германии генералу Антонеску эту дату еще не сообщили.

Но кондукатору не терпится начать войну! И Румыния, опережая Германию в подготовке к «внезапному» нападению, фактически рассекречивает всю операцию «Барбаросса» и лишает ее «внезапности».

По приказу Антонеску румынские полевые войска уже заняли окопы первой линии! Офицерам румынской армии уже выданы топографические карты Южной части СССР! Здания школ в Бухаресте ускоренно переоборудуются под госпитали, идет эвакуация жителей приграничной зоны, а в городах и селах роют щели для укрытия от будущей советской бомбежки.

***ИЗ СПЕЦСООБЩЕНИЯ РАЗВЕДУ ПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА «О подготовке Румынии к войне» № 660586 5
июня 1941***

Румынская армия приводится в боевую готовность. С середины апреля румынское командование приступило к увеличению численного состава армии. Начавшийся 21-го апреля призыв резервистов и офицеров запаса на сборы сейчас принял характер скрытой всеобщей мобилизации.

При использовании всех людских ресурсов и при немецком вооружении, румынская армия может быть доведена до 40 пехотных дивизий, общей численностью до 1800 тысяч человек.

Офицерам румынской армии в мае месяце выданы топографические карты Южной части СССР. В приграничной полосе с СССР отмечалось занятие окопов первой линии полевыми войсками.

Подтверждается эвакуация государственных учреждений из городов, а также местного населения из приграничной зоны. Имеется распоряжение о постройке в городах и селах своими средствами каждой семьей траншеи или примитивного убежища к 15 июня. Министерство спустило указание о досрочных экзаменах в школах с тем, чтобы здания подготовить под казармы и госпитали. Экзамены должны быть закончены к 10 июня.

Офицеры румынского Генштаба настойчиво утверждают, что по неофициальному заявлению Антонеску война между Румынией и СССР должна скоро начаться.

*Начальник разведывательного управления
генерал-лейтенант ГОЛИКОВ*

**До «внезапного» нападения
осталось всего 17 дней. 5 июня
1941. Москва**

«Разговоры об эвакуации прекратить!»

Специальная Комиссия по эвакуации населения города Москвы, созданная Сталиным в апреле 1941 г., закончила свою работу. Председатель комиссии Василий

Пронин представил Сталину разработанный этой комиссией секретный документ под названием: «*План частичной эвакуации населения города Москвы в военное время*». По этому плану после начала войны следовало вывезти из Москвы 1 400 000 жителей!

Резолюция Сталина на представленном документе была неожиданной:

« Т-щу Пронину.5.06.41

Ваше предложение о «частичной» эвакуации Москвы в «военное время» считаю несвоевременным. Комиссию по эвакуации прошу ликвидировать, а разговоры об эвакуации прекратить.

Когда нужно будет и если нужно будет подготовить эвакуацию, ЦК и Правительство уведомят Вас».

Как же так? В апреле 1941 г., когда создавалась комиссия по эвакуации, подготовка плана эвакуации Москвы была «своевременной», а в июне 1941 г., когда война уже на пороге, вдруг стала «несвоевременной»? Настолько «несвоевременной», что даже созданную им самим «Комиссию по эвакуации» Сталин приказывает «ликвидировать»! И даже «разговоры об эвакуации» приказывает «прекратить»!

Нежелательные визитеры

А Москву уже начали покидать иностранные дипломаты. Первыми собрались на родину семьи сотрудников германского и итальянского посольств. Отсылали мебель, картины, ковры, а один из советников германского посольства даже отослал в Берлин на

специальном самолете свою любимую собаку, с которой он вообще никогда не расставался.

Собирается покинуть Москву и посол Великобритании сэр Стаффорд Криппс. Его миссия в России, фактически, завершена. Завтра вместе с женой он вылетает в Стокгольм, по официальной версии — для консультации у шведских врачей. Перед отлетом Криппс сделал попытку встретиться со Сталиным или, на крайний случай, с Молотовым, но... получил вежливый отказ.

Посол Соединенных Штатов Америки Лоуренс Штейнгардт, так же как и британский посол, пытается попасть на прием к Сталину или к Молотову и также получает отказ. Досадность отказа усугубляется тем, что дело-то у него не терпит отлагательства — еще вчера он получил телеграмму из Вашингтона, предупреждающую о том, что нападение Германии на Россию совершится в ближайшие две недели.

Вспоминает госсекретарь Хэлл: *«В первую неделю июня мы получили убедительные телеграммы от наших миссий в Бухаресте и Стокгольме, что Германия вторгнется в Россию в ближайшие две недели. Госдепартамент направил эти сообщения Штейнгардту в Москву».*

Не имея возможности встретиться со Сталиным, Штейнгардт вынужден был искать встречи с заместителем наркома иностранных дел Лозовским.

Соломон Лозовский, или Соломон Доризо, доктор исторических наук, член партии с 1901 г., неоднократно занимал ключевые идеологические посты в стране. Был он многие годы членом ЦК партии, членом исполкома Коминтерна, был директором издательства

«Гослитиздат» и заместителем наркома иностранных дел. В 1942 г. Лозовский будет назначен куратором созданного Сталиным Еврейского Антифашистского комитета, обеспечившего России поддержку евреев всего мира. А в 1949 г. после зверского убийства председателя комитета Соломона Михоэлса, когда более 150 человек еврейских интеллигентов, причастных к деятельности комитета, будут арестованы, и Соломон Лозовский будет арестован. Старого коммуниста исключают из партии, которой он преданно служил в течение 48 лет, обвинят в создании «еврейского националистического подполья в СССР» и расстреляют.

Но сегодня, 5 июня 1941 г., Лозовский все еще заместитель Молотова, и на прием к нему прибыл посол США Л. Штейнгардт.

Соломон Лозовский, крупный холеный человек, на всем облике которого еще видны следы долгих лет, проведенных в эмиграции за границей, встретил своего соплеменника — американского еврея Лоуренса Штейнгардта — с подчеркнутой доброжелательностью. Эта доброжелательность, впрочем, никак не повлияла на степень откровенности их беседы. Откровенность в данном случае была неуместна — кабинет Лозовского был напичкан подслушивающими устройствами, и оба собеседника знали об этом.

Два искушенных дипломата вели многочасовую беседу, касающуюся различных вопросов советско-американских отношений, и только в конце беседы Штейнгардт перешел к вопросу приближающегося нападения Германии.

ФРАГМЕНТ БЕСЕДЫ, ЗАПИСАННОЙ ЛОЗОВСКИМ

5 июня 1941

...далее Штейнгардт перешел к вопросу о скоплении германских войск на Западной границе СССР. Он уверен, что немцы готовы напасть на Советский Союз.

В ответ на «предупреждение» американского посла, Лозовский повторил, обычную в эти дни, официальную версию Кремля: *«На это я ответил, что Советский Союз относится очень спокойно ко всяким слухам о нападении на его границы. Советский Союз встретит во всеоружии всякого, кто попытается нарушить его границы...»*

Запись беседы Криппса с Вышинским, к которому британский посол явился «засвидетельствовать свое почтение» перед отъездом, и запись беседы Штейнгардта с Лозовским были немедленно переданы в Кремль.

Но, несмотря на это, Сталин не встретился ни с одним из них.

Сталин действовал исключительно осторожно. Послы Великобритании и США в эти дни были нежелательными визитерами. Личная встреча Сталина с одним из них именно в эти дни могла насторожить Гитлера.

Ну, а кроме того, в процессе встречи один из послов мог «предупредить» Сталина о предстоящем нападении, и это поставило бы вождя в очень неприятное положение и даже, может быть, принудила к нежелательным действиям. Сталин не мог этого допустить!

«Нежелательные визитеры» так и не были приняты!

До «внезапного» нападения осталось всего 15 дней. 7 июня 1941. Москва

...а в Москве все спокойно

Мир полон слухов о приближающейся войне, а в Москве «все спокойно», и нет никаких признаков подготовки к отражению нападения.

Кремль делает вид, что он то ли не знает о сосредоточении германских войск на советских границах, то ли не придает этому факту никакого значения. Газеты всего мира кричат о войне, а советская пресса рапортует о «победителях соцсоревнований» и сообщает «вести с полей». Об этом достаточно странном феномене фон дер Шуленбург почти ежедневно сообщает в Берлин.

4 июня 1941

Внешне нет никаких перемен в отношениях между Германией и Россией... Русское правительство стремится сделать все для того, чтобы предотвратить конфликт с Германией.

6 июня 1941

Россия будет сражаться лишь в случае нападения на нее Германии...

Все военные подготовительные мероприятия проводятся весьма спокойно, и они носят, насколько это можно определить, лишь оборонительный характер.

7 июня 1941

Все наблюдения показывают, что Сталин и Молотов, которые одни руководят русской внешней политикой,

делают все для того, чтобы избежать конфликта с Германией.

До начала операции «Барбаросса» осталось всего 14 дней. 8 июня 1941. Берлин

«Комиссарен-Эрлас», или «Жиды и комиссары, шаг вперед!»

Теперь, когда до начала операции «Барбаросса» остается только две недели, Гитлера больше всего волнует не военная кампания, в успехе которой он не сомневается, а ставшая реальной возможностью осуществления его маниакальной идеи «уничтожения еврейско-большевистского мира».

Выпущенное Генеральным штабом 13 мая 1941 г. «Распоряжение об особой подсудности...», дающее германским солдатам и офицерам право совершать любые злодеяния и освобождающее их от ответственности, Гитлеру кажется все еще недостаточным для того, чтобы «подвигнуть» его «великое войско» на задуманные им массовые убийства.

По приказу Бесноватого Генеральный штаб выпустил еще один чудовищный документ — «Указание ОКБ об обращении с политическими комиссарами».

Ставка фюрера, 6.06.1941 Передавать только через офицера!

Просьба разослать только командующим армиями и воздушными флотами, остальных — командующих соединениями и командиров частей — ознакомить устно.

Верховное главнокомандование Ставка фюрера

вермахтом 6 июня 1941

*Штаб оперативного руководства
Документ командования*

*Отдел обороны страны (1V/QJ) Только через
офицера*

№ 44 822/41 секр. док. команд.

*Указания об обращении с политическими
комиссарами.*

В борьбе с большевизмом нельзя рассчитывать на соблюдение врагом принципов человечности или международного права. Следует ожидать, особенно со стороны политических комиссаров всех рангов как носителей сопротивления зверского, жестокого, бесчеловечного обращения с нашими военнопленными. Войска должны осознавать: в этой борьбе пощада и основанное на принципах международного права снисхождение в отношении этих элементов являются ошибочными действиями. Они вредны для собственной безопасности и для быстрого умиротворения захваченных областей.

Зачинщиками варварских, азиатских методов войны являются политические комиссары. Поэтому против них необходимо действовать со всей строгостью, немедленно и без рассуждений. Отсюда вытекает, что если они будут схвачены в бою или при оказании сопротивления, то, как правило, их необходимо немедленно уничтожать, применяя оружие.

Комиссары не признаются военными служащими; на них не распространяются положения международного права

о военнопленных. После того как они отделены, их необходимо уничтожать...

Подписал: БРАУХИЧ

Несмотря на то, что первые строки «Указания об обращении с политическими комиссарами» лицемерно говорят о «принципах человечности» и «международном праве», сами эти указания грубо попирают все принципы человечности и международного права. Эти указания прямо и беззастенчиво нарушают нормы гуманного обращения с военнопленными, установленные еще в конце XIX в. и закрепленные Гаагской конвенцией 1907 г. и Женевской конвенцией 1929 г. Руководствуясь постановлениями этих конвенций, большинство государств мира разработали для своих воинских сил специальные инструкции, основной принцип которых сводился к следующему: *«Воспрещается... убивать или ранить неприятеля, который, положив оружие или не имея более средств защищаться, безусловно сдался».*

По своей звериной жестокости гитлеровские «Указания» были больше под стать племени каннибалов, нежели цивилизованному государству.

«Указания об обращении с политическими комиссарами» вошли в историю как «Приказ о комиссарах», или «Комиссарен-Эрлас».

И речь в них, действительно, идет о комиссарах. Но германские убийцы, которым предстояло выполнять эти указания, прекрасно знали, кого называет фюрер «еврейско-большевистскими комиссарами» и кого приказывает уничтожать «Комиссарен-Эрлас».

И когда через две недели первые попавшие в плен советские солдаты обреченно поднимают руки, нацистский

выродок прохрипит им в лицо: **«Жи́ды и комиссары, шаг вперед!»**

Этот шаг будет шагом к смерти!

На процессе главных немецких военных преступников в Нюрнберге сами преступники свидетельствовали о том, что «Комиссарен-Эрлас» предполагал уничтожение не только комиссаров, но и евреев.

ИЗ ПОКАЗАНИЙ

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА КУРТА ФОН ЭСТЕРРЕЙХА

28 декабря 1945

В июне 1941 г., через два дня после вторжения Германии на территорию Советского Союза, я получил еще приказ Ставки Верховного командования, подписанный начальником управления по делам военнопленных генералом Рейнеке.

В этом документе, так называемом Комиссарен-Эрлас, именем фюрера немецким воинским частям, находившимся в походе, и администрации лагерей для военнопленных приказывалось расстреливать всех поголовно русских военнопленных, принадлежащих к политическому составу Красной армии, коммунистов и евреев...

Полученные мною приказы Ставки я передал для исполнения подчиненным мне комендантам шталагов ХХ-В майору Зегеру, полковнику Больману и подполковнику Дульнингу. Полковник Дульнинг, выполняя этот приказ, сразу же расстрелял свыше 300 человек военнопленных политических работников Красной армии, коммунистов и евреев.

Вражеский плен, по своей сути, во все времена был унижительным и мучительным для попавших в плен солдат и офицеров. Но несравнимо более мучительным был, конечно, во время Второй мировой войны германский плен, в который так или иначе попали более 5 000 000 советских бойцов. Этот плен был связан с огромными нравственными и физическими страданиями, издевательствами, которые во многих случаях заканчивались смертью. Но если комиссары-русские или украинцы по национальности, не всегда уничтожались, то для комиссаров-евреев и солдат-евреев гитлеровский плен всегда означал смерть. И если, зная об ожидающей их участи, евреи не всегда делали «шаг вперед», их выдавали предатели или же выявляли сами нацисты. Главной целью гитлеровских убийц было именно выявить среди советских военнопленных евреев, а не комиссаров, как предписывал «Комиссарен-Эрлас».

Доктор Арон Шнеер приводит найденные им в архивах страшные свидетельства расправ нацистов с евреями-военнопленными. Так, в июле 1941 г., в городе Житомире было расстреляно 187 пленных солдат-евреев. В августе 1941 г. в херсонском лагере для военнопленных было расстреляно 500 евреев. В октябре 1941 г. в лагере для военнопленных в Борисполе было расстреляно 357 евреев, в их числе 78 раненых, переданных на уничтожение лагерным врачом.

В лагере военнопленных «Дулаг № 230» в Вязьме в ходе проверки пленных было обнаружено 200 евреев и около 60 политруков. Все они были расстреляны. Через несколько дней в том же лагере была устроена повторная проверка, на которой было «выявлено» еще 40 евреев и 6 политруков. И снова расстрел. Этот список можно продолжить бесконечно. Немедленный расстрел

был иногда для евреев даже «счастьем». Гораздо страшнее были муки, уготованные им палачами перед расстрелом. Людей травили собаками, выкалывали глаза, отсекали руки, вырезали на спинах шестиконечную звезду и надпись: «юде».

Владея лучшей в мире разведкой, Сталин прекрасно знал о том, что задуманная Гитлером война будет войной на уничтожение гражданского населения страны. Знал еще до начала войны, точно так же, как знал обо всех планах Гитлера по операции «Барбаросса». Ну, а в первые дни после начала войны он имел возможность убедиться в том, что информация разведки была верна — гитлеровская война была «истребительной войной». Страшно сказать, но такая война устраивала Сталина.

Это поняли даже сами гитлеровцы. Свидетельствует Вальтер Шелленберг: *«...Специалисты по России также считали, что Сталин только приветствует жестокие меры немцев, такие, например, как „Приказ о комиссарах“...»*

Бесчеловечная жестокость нацистов, убийство пленных и гражданского населения вызывали справедливый гнев всего советского народа и превращали войну с Германией в Отечественную войну.

До начала операции «Барбаросса» осталось всего 11 дней. 10 июня 1941. Берлин

Сигнал «Дортмунд»

«Директива № 21», подписанная Гитлером полгода назад, 18 ноября 1940 г., требовала закончить приготовления к нападению на Россию к 15 мая 1941 г. А

само «внезапное» нападение в первоначальном варианте должно было совершиться в конце мая. Однако Югославская кампания смешала карты Гитлера.

Первый намек о новой дате начала операции «Барбаросса» Гитлер сделал своим генералам на утреннем совещании 30 апреля 1941 г. Фюрер заявил тогда, что командующий 11 германской армией генерал-полковник фон Шоберт должен принять командование союзными румынскими войсками за шесть недель до начала операции и не позднее 15 мая 1941 г. Это указание фюрера, фактически, обозначило новый срок начала операции «Барбаросса», примерно 22 июня 1941 г.

С тех пор прошло больше месяца. С 22 мая 1941 г. Германия приступила к последнему этапу подготовки к нападению, сосредоточению своей многомиллионной армии на советских границах.

И сегодня, 10 июня 1941 г., когда и этот последний этап почти закончен, фюрер окончательно утвердил дату нападения.

Роковая дата «22 июня 1941 года» — стала *днем «Д»*.

ИЗ РАСПОРЯЖЕНИЯ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО

СУХОПУТНЫХ ВОЙСК

10 июня 1941

Днем «Д» предлагается считать 22 июня.

В 13.00 21 июня в войска будет передан один из двух следующих сигналов: а) сигнал «Дортмунд». Он означает, что наступление, как и запланировано, начнется 22 июня и можно приступать к открытому

выполнению приказов; б) сигнал «Альтона». Он означает, что наступление переносится на другой срок; но в этом случае придется пойти на полное раскрытие целей сосредоточения немецких войск, так как они будут уже находиться в полной боевой готовности.

22 июня, в 3 часа 30 минут: начало наступления Сухопутных войск и перелет авиации через границу. Если метеорологические условия задержат вылет авиации, то Сухопутные войска начнут наступление самостоятельно. По поручению: ГАЛЬДЕР

Эта дата, 22 июня 1941 г., по сути, является последним днем летнего сезона 1941 г., когда есть еще реальная возможность начать Русский поход. Каждый день задержки начала похода увеличивает опасность быть застигнутым русской зимой и повторить трагическую ошибку Наполеона Бонапарта, переправившегося через реку Неман 24 июня 1812 г.

До начала операции «Барбаросса» осталось всего 11 дней. 10 июня 1941. Лондон

«По поручению правительства Его Величества»

Многие годы, еще со времен революции, отношение правящей верхушки Великобритании к большевистской России было резко отрицательным. Широко известна речь Черчилля, произнесенная им перед избирателями 18 ноября 1918 г.: «[Большевики] *ввергли Россию в состояние животного варварства и держатся у власти лишь ценой кровопролития и массовых убийств... На огромных просторах страны цивилизация подвергается*

полному искоренению, и банды большевиков сигают и скачут среди трупов своих бесчисленных жертв, среди развалин разрушенных городов, словно стаи диких бабуинов».

Взаимоотношения двух стран особенно ухудшились после заключения советско-германского «Пакта о ненападении». После того, как 17 сентября 1939 г. Красная армия перешла границу Польши, Россию уже прямо обвинили в агрессии. Но настоящая буря разразилась в Лондоне в ноябре 1939 г., после начала советско-финской войны. Британский посол был отозван из Москвы, и Великобритания начала настойчиво добиваться исключения России из Лиги Наций, которое, как известно, и произошло 14 декабря 1939 г. По свидетельству Ивана Майского, английская печать в те дни «выливала на Москву ведра грязи», а от посла и его жены «люди шарахались как от зачумленных».

Но в 1940 г., с момента прихода к власти Уинстона Черчилля, обстановка неожиданно изменилась. Хотя Черчилля, естественно, нельзя было назвать приверженцем Москвы, и меньше всего он доверял Сталину, британский премьер умел предвидеть ход мировых событий. Под воздействием новой политики Черчилля кольцо холодной вражды вокруг советского посольства разомкнулось, и с Майским стали искать контакты и члены британского правительства, и иностранные дипломаты.

В эти июньские дни, когда, по всем признакам, до нападения Германии на Россию оставалось совсем немного времени, многие пытались «предупредить» советского посла о приближающейся опасности.

Сегодня, 10 июня 1941 г. по поручению Черчилля постоянный товарищ министра иностранных дел Кадоган пригласил к себе Майского. Александр Кадоган по долгу службы курировал разведывательные службы страны, и потому его приглашение было особенно значимым.

Вспоминает академик Иван Майский: *«10 июня меня пригласил к себе постоянный товарищ министра иностранных дел Кадоган. Когда я вошел в его кабинет, он сказал: „По поручению правительства Его Величества я должен сделать Вам важное сообщение. Прошу Вас, возьмите бумагу и записывайте то, что я Вам скажу“.*

Я исполнил его просьбу, и Кадоган начал диктовать, глядя в какие-то лежавшие перед ним документы. Такого-то числа две германские моторизованные дивизии прошли через такой-то пункт по направлению к вашей границе... Такого-то числа шесть германских дивизий были сконцентрированы в таком-то пункте поблизости от вашей границы... В течение всего мая через такой-то пункт проходило по направлению к вашей границе по 25—30 воинских поездов в день...

Кадоган говорил монотонным голосом, называя все новые пункты и все новые воинские части. Я почти механически записывал за ним.

В моем воображении вставали нацистские войска, огромные массы нацистских войск — пехоты, артиллерии, танков, бронемашин, авиации, которые неудержимо стремились на Восток, все дальше на Восток... И вся эта дышащая огнем и смертью лавина должна вот-вот обрушиться на нашу страну!

Наконец, я кончил писать. Кадоган привстал в знак того, что он выполнил возложенную на него задачу, и

затем прибавил: «Премьер-министр просил Вас срочно сообщить все эти данные советскому правительству».

Возвратившись в посольство, Майский немедленно отправил в Москву шифровку-молнию.

До «внезапного» нападения осталось всего 11 дней. 10 июня 1941. Киевский Особый военный округ

«Самочинный приказ»

Больше всего приближение войны чувствуется в приграничных военных округах — на границе. Кроме явных «признаков угрожаемого периода» — непрерывно увеличивающейся концентрации германских войск и огромного количества техники — артиллерии, танков, самолетов и средств для форсирования водных преград — в последнее время войска НКВД почти ежедневно задерживают немецких солдат-перебежчиков.

Так был задержан солдат 196 германского пехотного полка Бруно Россдойчер, солдат 211 пехотного полка Франц Паниц, солдат 337 отдельного караульного батальона Отто Квентмайер, солдат 215 полка морской зенитной артиллерии Эрих Габерт. Все перебежчики подробно описывали подготовку к нападению, передавали содержание бесед, проводимых офицерами вермахта с солдатами, рассказывали о настроениях немецких солдат. По словам перебежчиков, большинство солдат выказывает желание, чтобы эта война началась как можно скорее, так как после ее окончания они надеются отправиться по домам.

В связи с очевидной угрозой нападения, сегодня, 10 июня 1941 г., командующий Киевским Особым военным округом генерал-полковник Михаил Кирпонос созвал военный совет, на котором присутствовал и начальник оперативного отдела штаба округа полковник Иван Баграмян. Тот самый Баграмян, который когда-то, в декабре 1940 г., помог Жукову подготовить его знаменитый доклад на совещании высшего командного состава Красной армии.

Как вспоминал после войны маршал Баграмян, в тот день, 10 июня 1941 г., на военном совете обзор опасной ситуации сделал начальник разведки округа, полковник Бондарев: *«Мы имеем проверенные сведения, — докладывал Бондарев, — что из приграничной зоны на территории оккупированной Польши немцы выселили всех мирных жителей. Немцы заняли на территории Польши все гражданские лечебные учреждения под военные госпитали, прислали туда свой медицинский персонал. На территории Генерал-губернаторства, как гитлеровцы именуют оккупированную Польшу, введено военное положение...»*

Генерал Птухин, воевавший в Испании вместе с генералом Павловым и получивший кличку «Генерал Хосе», был настроен действовать решительно: *«Сбивать их надо!» — он рубанул рукой после доклада Бондарева воздух. — Я хорошо помню фашистов по боям в Испании. Это такие наглецы, что будут плевать в физиономию, пока не схватишь их за горло».* И это желание дать отпор наглým гитлеровцам стоила ему жизни. По приказу Сталина, вскоре после «внезапного» нападения, 27 июня 1941 г., Евгений Птухин будет расстрелян.

Но в тот еще относительно «мирный» день на военном совете командующий Кирпонос, по всем свидетельствам, вполне согласный с Птухиным, вынужден был дать отважному летчику совсем другой ответ:

«К сожалению, мы еще не имеем разрешения хватать их за горло, — спокойно и сухо сказал Кирпонос. — Найдите способ без стрельбы помешать им вести разведку над нашей территорией...

Ясно одно: обстановка очень тревожная. Фашисты готовят что-то очень серьезное против нас. В любом случае обстановка требует от нас решительных действий. Я отдал командующим армиями приказ занять небольшими подразделениями войск полевые позиции, подготовленные в предполье».

Нарушая приказ о введении в действие «ПЛАН ПРИКРЫТИЯ» только после получения шифровки из Москвы, Кирпонос «самовольно» приказал войскам округа занять боевые позиции передовой полосы укрепленных районов — занять предполье!!!

В тот же день «самочинные» действия войск Киевского округа стали известны в Москве. И в округ полетела директива Жукова:

б/н, 10 июня 1941

Совершенно секретно

Начальник погранвойск НКВД Украины донес, что начальники укрепленных районов получили указание занять предполье. Донесите для доклада наркому обороны, на каком основании части укрепленных районов КОВО получили приказ занять предполье.

Такое действие может спровоцировать немцев на вооруженное столкновение и чревато всякими последствиями. Такое распоряжение немедленно отмените и доложите, кто конкретно дал такое самочинное распоряжение. Жуков

Директива Жукова была основана на личном указании Сталина, главной заботой которого в эти дни было не дать возможности Гитлеру нанести удар, который можно было бы представить как «превентивный».

Вспоминает маршал Жуков: «Я говорил уже о том, какие меры принимались, чтобы не дать повода Германии к развязыванию военного конфликта. Нарком обороны, Генеральный штаб и командующие военными приграничными округами были предупреждены о личной ответственности за последствия, которые могут возникнуть из-за неосторожных действий наших войск.

Нам было категорически запрещено производить какие-либо выдвижения войск на передовые рубежи по ПЛАНУ ПРИКРЫТИЯ без личного разрешения Сталина.

Больше того, командиры погранчастей НКВД получили спецуказания от Берия сообщать ему обо всех нарушениях порядка выдвижения частей оперативного прикрытия. Как сейчас помню, в первых числах июня меня вызвал Тимошенко: «Только что звонил товарищ Сталин, — сказал он, — и приказал расследовать и доложить ему, кто дал приказ начальнику укрепленных районов занять предполье на границах Украины. Такое распоряжение, если оно есть, немедленно отменить, а виновных в самочинных действиях наказать».

Генерал-полковник Михаил Кирпонос не привык прятаться за спины своих подчиненных, и Жукову было

доложено, что занять предполье приказал сам командующий округом.

До «внезапного» нападения осталось всего 10 дней. 11 июня 1941. Киевский Особый военный округ

«Наказать виновных!»

Как только в Москве стало известно, что приказ «занять предполье» был отдан командующим округом Кирпоносом, ему был направлен строгий приказ «немедленно отменить самочинное распоряжение».

б/н, 11 июня 1941 Совершенно секретно

Народный комиссар приказал: полосу предполья без особого на то приказания полевыми и УРОВскими частями не занимать.

Охрану сооружений организовать службой часовых и патрулированием. Отданные вами распоряжения о занятии предполья УРОВскими частями немедленно отменить. Исполнение проверить и донести к 16 июня 1941 г. Жуков

После войны маршал Жуков, пытаясь как-то оправдать подписанный им накануне «внезапного» нападения приказ «не занимать предполье», ссылаясь на категорическое требование Сталина: «Тут надо иметь в виду категорическое требование и категорическую установку Сталина. Он твердо сказал, что если мы не будем провоцировать немцев на войну — войны не будет, мы ее избежим...

И когда вопрос был поднят относительно того, чтобы вывести хотя бы эшелон прикрытия, который согласно плану должен развернуться на границе, Сталин сказал: «Подождите».

Он узнал, что Киевский округ начал развертывание... Берия сейчас же прибежал к Сталину и сказал: вот, мол, военные не выполняют, провоцируют. Сталин немедленно позвонил Тимошенко и дал ему как следует нахлобучку. Этот удар спустился до меня. «Что вы смотрите? Немедленно вызвать к телефону Кирпоноса, немедленно отвести войска, наказать виновных» и прочее... Ну и пошло!

А уже другие командующие не рискнули. Давайте мне приказ... тогда и... А кто приказ даст? Кто захочет класть свою голову? Вот допустим, я, Жуков, чувствую нависшую над страной опасность, отдаю приказание: «Развернуть!» Докладываю Сталину. На каком основании? На основании опасности. Ну-ка, Берия, возьмите его к себе в подвал...»

Генерал-полковник Кирпонос отменит свое самочинное распоряжение. ПЛАН ПРИКРЫТИЯ не будет введен в действие, ни в Киевском и ни в других военных округах. Эшелоны прикрытия не займут предполье. Но «наказать» Кирпоноса, отдавшего такой «самочинный» приказ, Сталин уже не успеет. Командующий Киевским округом генерал-полковник Кирпонос вскоре станет командующим войсками Юго-Западного фронта, и в сентябре 1941 г. в знаменитом Киевском окружении, под Лохвицей, сложит свою голову в бою. Или, по другой версии, пустит себе пулю в висок...

До начала операции «Барбаросса» осталось всего 9 дней. 12 июня 1941. Мюнхен

«Антонеску пришел в восторг!»

Главный союзник Гитлера, генерал Антонеску уже закончил все приготовления к войне с большевистской Россией. Из приграничной зоны вывезены все государственные учреждения и эвакуирована большая часть гражданского населения, два дня назад досрочно закончены экзамены в школах, в городах и селах жители уже выкопали щели, которые должны служить бомбоубежищами во время войны. Окопы первой линии уже заняты полевыми войсками.

А точная дата начала войны все еще не известна! Не проходит дня, чтобы Антонеску не теребил бы нового германского посла барона Манфреда фон Киллингера с требованием сообщить ему дату нападения.

И, наконец, 9 или 10 июня фон Киллингер сообщает ему эту дату. Но не просто сообщает, а как профессиональный шпион, в целях сохранения полной секретности, не говоря ни слова, разжимает кулак, в котором лежит бумажка с нацарапанной на ней маленькой цифрой — «22».

Вдохновленный предстоящими событиями Антонеску немедленно вылетает в Германию к фюреру. Гитлер встретил союзника в Мюнхене. И что это была за встреча! Еще не победив большевистскую Россию, «Красная собака» уже почувствовал себя триумфатором.

Почетный караул... Знаменитый на весь мир «Коричневый дом» — штаб-квартира нацистской партии — широкие лестницы, огромные коридоры, кабинет фюрера, украшенный атрибутами Великой Германии. И, наконец, сам фюрер — улыбающийся, доброжелательный, настоящий друг. И беседа исключительно дружеская. Во время этой беседы Антонеску, на правах «друга», даже позволил себе «успокоить» Гитлера, развеяв его страхи, вызванные неприятными ассоциациями с 1812 г.

Антонеску, по его свидетельству, сказал Гитлеру: *«Основной проблемой Наполеона, да и германских войск в 1917-м, были огромные пространства России. Но сегодня существуют моторы, и в воздухе, и на суше, они лишают Россию ее главного союзника — пространства».*

На этой, последней перед войной, третьей встрече двух преступников речь шла о конкретном согласовании действий. Гитлер зашел так далеко, что сообщил Антонеску не только день нападения, а даже «час внезапного нападения на Россию». И именно здесь, в Мюнхене, впервые зашла речь о Бессарабии и о землях за Днестром, о той полосе земли между Днестром и Бугом, которую Гитлер обещал подарить румынам и которая вскоре получит название проклятой Богом Транснистрии.

Вспоминает личный переводчик Гитлера Пауль Шмидт, присутствовавший при встрече: *«Антонеску пришел в восторг. „Конечно, я буду там с Вами с самого начала, — сказал он после того, как Гитлер пообещал ему Бессарабию и другие русские территории. — Когда речь идет о действиях против славян, Вы всегда можете рассчитывать на Румынию “».*

Во время мюнхенской встречи фюрер посвятил Антонеску и в святая-святых операции «Барбаросса». Он посвятил «Красную собаку» в то, самое главное, что превращало будущую войну в «особую войну».

Антонеску был потрясен! Полная ОЧИСТКА захваченных территорий от евреев?! «Красная собака» чувствует грандиозность планов Гитлера, чувствует «величие» и «неповторимость» исторического момента! Теперь он уверен в том, что на нем, как и на фюрере, лежит великая миссия — спасти мир! Возвратившись из Мюнхена в Бухарест, Антонеску немедленно занялся формированием своего, румынского «орудия уничтожения».

До начала операции «Барбаросса» осталось всего 9 дней. 12 июня 1941. Берлин

От полустанка до спальни Гитлера

В Кремле уже ждут «внезапного» нападения Германии — последняя агентурная информация не оставляет никаких сомнений в том, что нападение должно совершиться в самые ближайшие дни.

Количество источников информации советской разведки поражает. Создается впечатление, что в каждом населенном пункте, в каждом селе, на каждом железнодорожном полустанке германской территории находится советский шпион. Только в одном спецсообщении, поступившем сегодня из наркомата госбезопасности Украины, упоминается семь таких

источников — «Орел», «Моисеев», «Ковалевский», «Фак», «Павлович», «Луг» и «Владимиров».

Причем все эти источники действуют на небольшом, пятидесятикилометровом, участке железнодорожного полотна в оккупированной Польше — от городка Жешува до находящегося на границе годка Перемышля.

№ 16/15602 12 июня 1941

3 мая 1941 г. источник «Орел», будучи на железнодорожной станции Перемышль (Германия), беседовал со стрелочником блокпоста Павликом. Последний рассказал, что он недавно был в г. Кракове, где видел большое количество зенитной артиллерии, расположенной вокруг города.

Источник «Моисеев», будучи на железнодорожной станции Перемышль (Германия), беседовал с кондуктором пассажирского поезда Вишневским, последний источнику рассказал, что в Перемышле сосредоточено до 10 000 немецких войск...

Стрелочник железнодорожной станции Журавица Ковальский нашему источнику «Ковалевскому» сообщил: «Немцы усиленно готовятся к войне с Советским Союзом, для чего подтягивают к линии границы большое количество воинских частей, вдоль всей границы строят укрепления и окопы». Источнику «Павловичу» от осмотрщика вагонов Зозули стало известно, что по границе реки Сан между селами немецкой территории Болестраще и Гурки немцы приготовили специальные переправочные мосты, замаскированные деревьями.

17 мая 1941 г. работник железнодорожной станции Журвица Смольницкий сообщил нашему источнику «Факу», что в м. Руднев немцы сосредоточили авиацию...

В беседе с источником «Лугом» осмотрщик вагонов станции Журавица Зозуля рассказал следующее: «Из разговоров немецких солдат и офицеров можно заключить, что немцы готовят наступление на Советский Союз. В данный момент они подготавливаются к прибытию в район Перемышля и Ярослава 20 дивизий всех родов войск — пехоты, танков, артиллерии...»

В беседе с осмотрщиком вагонов станции Журавица источник «Владимиров» выяснил, что в ночное время немцы строят укрепления и роют окопы. Ежедневно в г. Журавица прибывают воинские соединения, в большинстве пехота и артиллерия...

Информация, поставляемая агентами типа «Орла», «Моисеева», «Луга», «Фака», носит «точечный» характер. Но ценность ее заключается в высокой плотности проникновения советских шпионов на вражескую территорию и в тесных связях их с местным населением. «Точечные» сведения агентов дополняются сведениями более общего характера, поступающими из легальных и нелегальных зарубежных резидентур. И вся эта информация, в совокупности, позволяет отчетливо увидеть общую картину происходящего у советских границ.

Но это еще не все! Картина дополняется еще одним видом сведений — агентурной информацией самого верхнего стратегического уровня, получаемой непосредственно из кругов, близких к руководству Германии, от так называемых стратегических шпионов.

Французские генералы и польские князья

Стратегическими шпионами могли служить только люди исключительные, люди, которые по своему рождению, образованию, материальному положению,

принадлежали к самым высшим слоям общества. Многие годы настойчивые слухи связывали громкие имена этих людей с Москвой, но доказать принадлежность их к советской разведке и сегодня, практически, невозможно, потому что они, в большинстве своем, сотрудничали с разведкой Лаврентия Берия. Чаще всего в различных источниках стратегическими шпионами называют Зиновия Пешкова и Януша Радзивилла.

С Зиновием Пешковым судьба сыграла злую шутку. Родной брат известного партийного функционера Якова Свердлова, он, как многие еврейские юноши в годы революции, порвал со своей семьей, принял православие, стал приемным сыном Максима Горького и взял его фамилию — Пешков. В дальнейшем Зиновий Пешков эмигрировал во Францию, где вступил в Иностраннный легион, дослужился до генерала и даже стал, по слухам, одним из руководителей французской разведки и... советским стратегическим шпионом.

В отличие от русского эмигранта Пешкова, польский князь Януш Радзивилл попал в 1939 г., после падения Польши, в руки Лаврентия Берия. Берия заинтересовался Радзивиллом, поскольку ему была известна дружба князя с Германом Герингом, который в прежние, лучшие, времена любил охотиться в вильнюсском поместье Радзивилла. Князя привезли в Москву, где он после непродолжительного, но «памятного» пребывания на Лубянке, согласился на сотрудничество, и, с соблюдением всех правил конспирации, был переправлен в Берлин.

И еще одно громкое имя связывает молва с советской стратегической разведкой — имя знаменитой кинозвезды Третьего рейха Ольги Чеховой.

Агентурная информация из спальни Гитлера

Ольга Чехова родилась в России в конце позапрошлого века. Отцом ее был брат актрисы Московского художественного театра Ольги Книппер-Чеховой, а первым мужем — племянник великого русского писателя Антона Чехова. В 20-х годах Чехова эмигрировала в Германию и, со временем, заняла там место ведущей киноактрисы — любимицы сентиментальных немцев.

Гитлер боготворил обольстительную примадонну. Она принимала участие в официальных приемах фюрера и в светских раутах нацистской элиты, бывала в домах Геринга и Геббельса, считалась подругой любовницы Гитлера Евы Браун и жены Геринга — актрисы Эмми Зоннеман. Обе женщины, и Ева Браун, и Эмми Зоннеман, с удовольствием болтали с неизменно доброжелательной фрау Ольгой и поверяли ей свои женские секреты. Даже «идеальная нацистская женщина» Магда Геббельс не чуралась бесед с актрисой. Но мало кому известно, что красавица Ольга была не только обаятельной женщиной, легко завоевывающей сердца женщин и кружившей голову мужчинам, но и, на удивление, жестким человеком, с явными авантюристическими наклонностями. Говорят, что никто лучше нее не умел посмотреть собеседнику прямо в глаза, очаровательно улыбнуться и, при этом, нагло солгать ему.

Ольга Чехова несомненно представляла большой интерес для советской разведки и, по свидетельству Павла Судоплатова и сына Берии Серго Гегечкори, она, действительно, являлась советской стратегической шпионкой, и даже, якобы, вместе с близким ей князем

Янушем Радзивиллом, должна была участвовать в убийстве Гитлера.

Свидетельствует Серго Гегечкори: «...но советскую разведку работала подруга Евы Браун, киноактриса Ольга Чехова. Кстати, родственница Антона Павловича. Дневала и ночевала в доме Гитлера.

Меня нисколько не удивляет, что органы государственной безопасности бывшего Союза, а ныне России, не смогли подтвердить причастность Ольги Чеховой к деятельности советской разведки. Наверняка таких документов нет. Объяснение простое: мой отец ни тогда, в сорок пятом, ни позднее решил ее не раскрывать. Случай, должен сказать, довольно типичный.

По картотекам органов государственной безопасности не проходили — знаю это совершенно точно — сотни фамилий. Отец считал, что «настоящего нелегала через аппарат пропускать нельзя». Это была общепринятая система советской стратегической разведки, которую в течение 15 лет возглавлял отец...»

Сама Ольга Чехова, прожившая долгую жизнь и скончавшаяся в Германии в 1972 году, решительно отвергала все инсинуации западной прессы, называвшей ее «русской шпионкой, которая овладела Гитлером».

Но, что бы там ни утверждала примадонна, слухи, видимо, имели под собой реальную почву. Косвенным подтверждением факта сотрудничества Ольги Чеховой с Москвой является секретное донесение, полученное из Берлина в ноябре 1945 г.

Совершенно секретно.

Принято по ВЧ, экз. 1

Москва, НКВД СССР, тов. Берия

Газета «Курьер», издаваемая в Берлине под контролем французских военных властей, 14 ноября с.г. поместила следующую заметку «Орден для Ольги Чеховой». Как сообщает газета [не разборчиво] киноартистке Ольге Чеховой был вручен лично маршалом Сталиным высокий русский орден за храбрость. С первых дней войны, как сообщает газета, Ольга Чехова, будучи приятельницей министра иностранных дел фон Риббентропа, имела в своем распоряжении комнату в ставке фюрера. Ей удалось добиться особого расположения Гитлера, который ради нее устраивал большие приемы. Когда Гитлер на глазах нескольких тысяч присутствующих нежно целовал ей руку и удалялся с ней в соседнюю комнату, это среди высокопоставленных нацистов и промышленников вызывало недоверие и беспокойство...

Много лет она вела опасную игру, не будучи разоблаченной со стороны такого бдительного гестапо. Только в последние дни, когда Красная армия сражалась в пределах Берлина, ее куратор был арестован, а ей самой удалось избежать расстрела.

ПОМЕТА: «тов. Абакумову, тов. Меркулову. Что предполагаете делать в отношении Чеховой? Л. Берия. 22.11.45»

В те дни, когда Лаврентию Берия было представлено это донесение, Ольга Чехова находилась... в Москве. Актриса была тайно вывезена в Россию в апреле 1945 г., еще до того, как в Берлине закончились бои. Возможно, что именно таким образом удалось спасти советскую шпионку от рук гестапо. Не может не вызывать удивления, что в 1945 г. Ольгу Чехову,

женщину, бывшую, по слухам, любовницей Гитлера, советская контрразведка вернула в Берлин, позаботившись о том, чтобы она могла вести безбедную и достойную жизнь. По этому вопросу сохранилась записка, направленная в Москву начальником контрразведки советских оккупационных войск: *«Чехова Ольга Константиновна вместе с семьей и принадлежащим ей имуществом переселена из местечка Гросс-Глинке в Восточную часть Берлина — Фридрихсхаген. Переселение произведено силами и средствами управления контрразведки СМЕРШ группы советских оккупационных войск в Германии. Чехова выражает большое удовлетворение нашей заботой и вниманием к ней».*

Ольга Чехова, видимо, действительно оказала неоценимые услуги своей бывшей родине, ведь недаром, во время пребывания ее в Москве, в 1945 г., Сталин лично принял ее в Кремле и наградил орденом Ленина.

Благодаря Ольге Чеховой и многим другим, оставшимся неизвестными, героям, Москва располагала совершенно уникальной информацией, поступавшей не только с каждого железнодорожного полустанка, не только из германского штаба Верховного главнокомандования, но и, буквально, из «спальни Адольфа Гитлера».

До «внезапного» нападения осталось всего 8 дней. 13 июня 1941. Москва

« Читайте газеты! »

В те редкие дни, когда нарком обороны Тимошенко не бывал в Кремле, он обычно решал неотложные

вопросы по телефону. Вот и сегодня, 13 июня 1941 г., он позвонил Сталину.

По свидетельству Жукова, несмотря на то, что три дня назад командующий Киевским округом генерал-полковник Кирпонос получил разнос за самочинный приказ занять предполье, сегодня Тимошенко уже сам поднимает тот же вопрос — о введении в действие ПЛАНА ПРИКРЫТИЯ. С такой же просьбой он обращался к Сталину еще две недели назад, в конце мая 1941 г. Тогда он получил отказ. И сегодня он снова получит отказ.

Вспоминает Жуков: *«13 июня Тимошенко в моем присутствии позвонил Сталину и настойчиво просил разрешения дать указание о приведении войск приграничных округов в боевую готовность и развертывании первых эшелонов по Планам прикрытия.»*

Сталин сказал: «Сейчас этого делать не следует. Мы готовим сообщение ТАСС и завтра опубликуем его».

«Ну что?» — спросил я. «Велел завтра газеты читать», — раздраженно сказал Тимошенко...»

Этот день, 13 июня 1941 г., Жуков запомнил особенно хорошо, потому что на следующее утро во всех газетах было опубликовано совершенно невероятное «Сообщение ТАСС».

Именно это «Сообщение ТАСС» имел в виду Сталин, когда приказывал Тимошенко «читать газеты». Сталин не собирался вводить в действие ПЛАН ПРИКРЫТИЯ до самого «внезапного» нападения Германии и, тем более, не собирался делать это в день опубликования «Сообщения ТАСС».

«Сообщение ТАСС», или «Блеф против Блефа»

Вечером, в тот самый день, когда Тимошенко напрасно просил у Сталина разрешения дать указание о введении в действие ПЛАНА ПРИКРЫТИЯ, Молотов пригласил в Кремль фон дер Шуленбурга.

Молотов торопился, он должен был срочно передать послу «Сообщение ТАСС», которое завтра утром появится в советских газетах.

ИЗ СООБЩЕНИЯ ТАСС — «ИЗВЕСТИЯ» — 14 ИЮНЯ 1941 Еще до приезда английского посла в СССР г-на Криппса в Лондон, особенно же после его приезда, в английской и вообще в иностранной печати стали муссироваться слухи о близости войны между СССР и Германией. По этим слухам; Германия будто бы предъявила СССР претензии территориального и экономического характера и теперь идут переговоры между Германией и СССР о заключении нового, более тесного соглашения между ними; СССР будто бы отклонил эти претензии, в связи с чем Германия стала сосредотачивать свои войска у границ СССР с целью нападения на СССР; Советский Союз, в свою очередь, стал будто бы усиленно готовиться к войне с Германией и сосредотачивает войска у границ последней.

Несмотря на очевидную бессмысленность этих слухов, ответственные круги в Москве все же сочли необходимым, ввиду упорного муссирования этих слухов, уполномочить ТАСС заявить, что эти слухи являются неуклюже состряпанной пропагандой враждебных СССР и Германии сил, заинтересованных в дальнейшем расширении и развязывании войны. ТАСС заявляет, что: Германия не предъявляла СССР никаких претензий и не

предлагает какого-либо нового, более тесного соглашения, ввиду чего и переговоры на этот предмет не могли иметь места; по данным СССР, Германия также неуклонно соблюдает условия советско-германского Пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы, а происходящая в последнее время переброска германских войск, освободившихся от операций на Балканах, в Восточные и Северо-Восточные районы Германии связана, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям; СССР, как это вытекает из его мирной политики, соблюдал и намерен соблюдать условия советско-германского Пакта о ненападении, ввиду чего слухи о том, что СССР готовится к войне с Германией, являются лживыми и провокационными; а проводимые сейчас летние сборы запасных Красной армии и предстоящие маневры имеют своей целью не что иное, как обучение запасных и проверку работы железнодорожного аппарата, осуществляемые, как известно, каждый год, ввиду чего изображать эти мероприятия Красной армии как враждебные Германии по меньшей мере нелепо.

Весь этот день, 13 июня 1941 г., Сталин и Молотов готовили «Сообщение ТАСС». И именно эта неотложная работа была причиной того, что приема в Кремле не было, и Тимошенко пытался получить разрешение на введение в действие ПЛАНА ПРИКРЫТИЯ по телефону.

Проблема, стоявшая в этот день перед Сталиным, была не из легких — уже 24 часа весь мир сотрясала

сенсация, в центре которой стояла самая влиятельная газета Германии «Фёлькишер Beobachter».

«Блеф» Йозефа Геббельса

Дело заключалось в том, что слухи о приближающейся войне между Германией и Россией в последние дни неожиданно изменили свою направленность, и теперь весь мир говорил уже не о войне, а о каких-то мирных переговорах, о каком-то готовящемся новом пакте и, даже, о предполагаемой встрече Гитлера и Сталина. Вся эта новая волна совершенно абсурдных в данной ситуации слухов была результатом весьма успешной дезинформационной акции, проводимой лжецом Йозефом Геббельсом.

ИЗ ДНЕВНИКА ГЕББЕЛЬСА

6 июня 1941, пятница. ...Наша работа по маскировке идет безупречно. Весь мир говорит о предстоящем вскоре заключении военного пакта Берлин—Москва. То-то удивятся, увидев, что из этого выйдет!

7 июня 1941, суббота. Вчера весь мир полон слухов о мире...

9 июня 1941, понедельник. Слухи о мире не уменьшаются. Мы даем им распространяться...

Многие иностранные газеты, одни с надеждой, другие с опаской, подхватили геббельсовскую «утку о мире». Но были и такие, как, например, лондонская «Таймс», которые выражали явное недоверие намекам, распространяемым Берлином. Дабы усилить эффект Геббельс решает «применить более сильные средства».

ИЗ ДНЕВНИКА ГЕББЕЛЬСА

11 июня 1941, среда. Все должно служить тому, чтобы замаскировать акцию на Востоке. Сейчас следует применить более сильные средства. Впрочем, сама демаскировка замаскирована так, что никто ничего не заметит...

Более сильным средством явилась разыгранная Гебельсом комедия с газетой «Фёлькишер Беобахтер». Вчера, 12 июня 1941 г., центральный орган нацистской партии «Фёлькишер Беобахтер» опубликовала статью доктора Геббельса, в которой рейхсминистр «совершенно случайно проговорился» и выдал военную тайну Германии, заключающуюся в том, что в Берлине «найдена хорошая база для новых переговоров с Москвой». Теперь вопрос мирных переговоров уже не мог считаться просто «слухами», а стал «фактом», подтвержденным самим Геббельсом!

Эффект от этого «подтверждения» усиливался тем, что Геббельс как бы и не собирался ничего подтверждать — он просто «совершенно случайно проговорился», более того, «совершил непростительную ошибку»!

Реакция мировой общественности была незамедлительной — война, стоящая на пороге, была забыта, и весь мир начал кричать о мире.

Но самое интересное произошло в ночь с 12 на 13 июня 1941 г.! В эту ночь Геббельс доказал, что он действительно мастер БЛЕФА. В эту ночь в Германии произошло на редкость скандальное событие — отреагировав на «ошибку» Геббельса, гестапо конфисковало весь оставшийся непроданным тираж «Фёлькишер Беобахтер». Можно себе представить, какой шум поднялся в мире на следующее утро, 13 июня 1941 г., когда эта потрясающая новость стала известна. А о

том, чтобы она стала известна, рейхсминистр позаботился лично.

ИЗ ДНЕВНИКА ГЕББЕЛЬСА

14 июня 1941, суббота. Вчера моя статья напечатана в «Фёлькишер Беобахтер» и произвела впечатление разорвавшейся бомбы. Ночью этот номер конфисковали, и теперь у меня звонят все телефоны. Внутри страны и за границей одновременно поднимается шумиха. Все удается безупречно. Я совершенно счастлив этим. Огромная сенсация налицо...

Комедию с конфискацией «Фёлькишер Беобахтер» мы разыграли правильно. Великолепно! Моя статья явилась в Берлине большой сенсацией. Телеграммы летят во все столицы. Фюрер очень рад!

Утром, 13 июня 1941 г., эпопея с «крамольной» статьей доктора Геббельса и последовавшей за ней комедией с конфискацией всего тиража газеты «Фёлькишер Беобахтер» достигла Москвы. В Кремль немедленно была доставлена вызвавшая такой переполох статья и... не потребовалось больших усилий для того, чтобы понять, что вся эта история представляет собой элементарный блеф. Ведь в Кремле лучше всех должны были знать, что никакие переговоры не ведутся и никакой новый пакт с Германией в ближайшие дни подписан не будет, а то, что действительно произойдет и уже в самые ближайшие дни — это война!

Однако, «геббельсовский блеф» нуждался в отповеди, особенно потому, что, настойчиво афишируя свои «мирные намерения», Германия готовила себе алиби, которое могло оправдать нападение на Россию.

Блеф Иосифа Сталина

Так, в ответ на «геббельсовский блеф», возник еще один элемент сталинского Большого БЛЕФА — историческое «Сообщение ТАСС».

Работа над «Сообщением» заняла не один час. Сталин обдумывал каждое слово, каждую букву, ему, как всегда, помогал Молотов. Текст «Сообщения», в какой то мере, воспроизводил содержание предложений «О ликвидации слухов», которые уже в начале мая 1941 г., по указанию Сталина, сделал Деканозов германскому послу.

Тогда, для «ликвидации слухов о войне», Сталин предлагал Гитлеру опубликовать «Совместное коммюнике» или некоторые «Дружественные письма», опровергающее «слухи» и объявляющее о миролюбивой политике двух государств — Германии и России. Идея Сталина не встретила поддержки Шуленбурга, считавшего, что Гитлер, уже готовый к войне, не пойдет на обнародование таких документов. Вместо этого, Шуленбург предложил свой вариант «ликвидации слухов», по которому Сталин должен был по своей инициативе обратиться с письмом к главам иностранных государств и заявить о том, что Советский Союз будет и дальше проводить дружественную этим государствам политику.

Совет опытного германского дипломата не прошел даром. Сегодня Сталин во всеуслышание заявил о своей мирной политике в официальном «Сообщении ТАСС».

Считается, что это «Сообщение» адресовано Гитлеру и представляет собой «дипломатический зондаж», цель которого проверить реакцию Берлина и выяснить истинные намерения Гитлера. Считается, что Сталин с помощью этого «Сообщения» пытается втянуть

Гитлера в переговоры и тем самым оттянуть войну, как он уже сделал это однажды, когда «Рука Москвы» приняла активное участие в развязывании военного конфликта между Германией и Югославией. Считается, что Сталин с нетерпением ждет реакции Гитлера на свой демарш.

Но если «Сообщение ТАСС» действительно рассчитано только на Гитлера, то вполне достаточно было вручить его текст германскому послу и не было никакой необходимости в тот же вечер транслировать это «Сообщение» по радио, а на следующее утро печатать во всех газетах!

«Сообщение ТАСС» действительно было адресовано Гитлеру, но только отчасти. Если бы Гитлер «попался на удочку» и прореагировал на «миролюбивый демарш» Сталина, это могло бы привести к дальнейшей оттяжке нападения; благоприятное время для нападения было бы упущено, и война, во всяком случае в 1941 г., стала бы невозможной!

Однако цель оттянуть войну, несомненно, важная сама по себе, вряд ли была достижима. В эти последние предвоенные дни «спровоцировать» Гитлера на «желательную реакцию» было уже невозможно. В свое время в этом был уверен Шуленбург, а сегодня в этом уже не сомневался Сталин.

«Сообщение ТАСС», подготовленное Сталиным, было, прежде всего, «Опровержением», и именно так назовет его впоследствии Геббельс.

«Сообщение ТАСС» было призвано опровергнуть все инсинуации мастера фальсификаций Геббельса,

противопоставив «геббельсовскому блефу» хитроумный сталинский БЛЕФ от 14 июня 1941.

«Сообщение ТАСС» было вброшено умелой сталинской рукой в самый эпицентр слухов, сотрясающих потерявший ориентировку мир. И если Геббельс считал, что его комедия с «Фёлькишер Беобахтер» произвела впечатление разорвавшейся бомбы, то сталинское «Сообщение» было подобно атомному взрыву.

«Наивность» кремлевского Диктатора поразила мир и продолжает поражать его до сегодняшнего дня. Опровергая явную ложь Геббельса о якобы ведущихся мирных переговорах, «Сообщение ТАСС» в то же время опровергало и общеизвестный факт концентрации германских войск на советских границах. Этот явный БЛЕФ призван был убедить мировую общественность в том, что Россия не только не ведет никакой подготовки к отражению нападения Германии, но даже и не подозревает, что такое нападение готовится и что такое нападение вообще возможно. И если в ближайшие дни Германия все же совершит это нападение, то его никак невозможно будет оправдать необходимостью «превентивного удара».

Это «внезапное и вероломное» нападение будет прямой агрессией против миролюбивой страны, которая неуклонно соблюдает все подписанные международные договоры.

Об этой, особой, цели «Сообщения ТАСС» скажет впоследствии, может быть даже несколько нехотя, Вячеслав Молотов: *«Это [был] действительно очень ответственный шаг. Этот шаг [был] направлен, продиктован и оправдан тем, чтобы не дать немцам никакого повода для оправдания их нападения».*

Нет, «Сообщение ТАСС» не было ни бесполезной попыткой втянуть Гитлера в переговоры, ни «дипломатическим зондажем». Для того, чтобы знать о намерениях Гитлера, Сталину не нужен был никакой дипломатический зондаж! В эти дни уже каждый стрелочник, каждый осмотрщик вагонов на железнодорожной ветке Жешув—Перемышль знал о том, что «немцы готовят наступление на Советский Союз».

Мог ли об этом не знать Сталин?

«Сообщение ТАСС», как и все, что говорил, писал или делал Сталин в эти последние предвоенные дни, было еще одним элементом его Большого БЛЕФА. Но, к сожалению, этот маленький БЛЕФ, какими бы ни были вызвавшие его объективные причины, дорого обошелся стране. «Сообщение ТАСС» дезориентировало народ, притупило бдительность, породило уверенность в том, что руководству страны известны какие-то особые обстоятельства, позволяющие в эти тревожные дни оставаться спокойным и не опасаться неумолимо приближающейся войны. «Сообщение ТАСС», как и весь сталинский БЛЕФ, стало одной из причин «внезапности» нападения. Той самой «внезапности», которую по политическим соображениям стремился создать Сталин, и которая привела к катастрофе 22 июня 1941 г.

**До начала операции
«Барбаросса» осталось всего 7
дней. 14 июня 1941, суббота.
Берлин**

«Устные приказы» фюрера

Последние пять недель Гитлер провел в «Берхгофе».

Он наслаждался тишиной и горным воздухом, гулял со своей любимой овчаркой Блонди, смотрел свои любимые сентиментальные фильмы, главные роли в которых исполняла обычно Ольга Чехова. Отдых пошел на пользу фюреру. Несмотря на напряжение, связанное с предстоящим Русским походом, он чувствовал себя уверенно и ни на секунду не сомневался в успехе операции «Барбаросса».

Вернувшись 12 июня 1941 г. в Берлин, Гитлер с интересом следил за устроенной Геббельсом комедией с конфискацией газеты «Фёлькишер Беобахтер» и был очень доволен ее результатами. Опубликованное сегодня в газетах «Сообщение ТАСС» не повлияло ни на настроение фюрера, ни на принятое им решение о нападении на Россию. В эти дни вряд ли какое-либо событие могло помешать осуществлению его «Великой Миссии». И если Сталин пытался с помощью «Сообщения» склонить фюрера к переговорам и снова отсрочить нападение Германии, то косвенным ответом Гитлера на этот демарш можно считать проведенное сегодня в Рейхсканцелярии совещание высшего командного состава вермахта. Хотя напрямую это совещание не было связано с «Сообщением ТАСС», так как приказ о проведении совещания Гитлер отдал еще пять дней назад, 9 июня 1941 г., в те дни, когда он все еще наслаждался пасторальным ландшафтом «Бергхофа».

Совещание началось в 11.00 пополудни и длилось до позднего вечера.

Доклады фельдмаршалов и генералов обнадеживали. Генерал-фельдмаршал Браухич, который только вчера вернулся из инспекционной поездки на Восток, доложил: *«Состояние войск хорошее. Сосредоточение, в основном, закончено. Армия готова к вторжению».*

Совещание шло строго по плану. После общего ленча фюрер произнес одну из своих самых длинных речей, остановившись особо на методах будущей войны с «иудо-большевиками». Эту варварскую речь, основной сутью которой была необходимость уничтожения женщин и детей, Гитлер обдумал в «Бергхофе», любуясь чарующей красотой Альпийских гор.

Свидетельствует Вильгельм Кейтель: *«В середине июня фюрер в последний раз перед войной на Востоке собрал всех высших офицеров Восточного фронта для доклада об их задачах, в котором вновь с огромной проникновенностью изложил свою точку зрения на ведение ВОЙНЫ НА УНИЧТОЖЕНИЕ».*

Все участники совещания были уже ознакомлены с документами, подготовленными в штабе Верховного главнокомандования — и с «Распоряжением об особой подсудности в районе „Барбаросса“», и с «Приказом о комиссарах». Но, как видно, речь Гитлера на совещании 14 июня 1941 г., по своей человеконенавистнической сути, превзошла даже эти чудовищные документы. По словам Черчилля, именно «устные приказы фюрера», как называли эти речи Гитлера его генералы, определили жестокость нацистов по отношению к гражданскому населению на оккупированных территориях: *«На совещании 14 июня 1941 г. он отдал устные приказы, которые в значительной степени определили поведение*

германской армии по отношению к русским войскам и населению и привели к множеству жестоких и варварских поступков».

Устные приказы фюрера! В 1946 г. на Нюрнбергском процессе и Кейтель и Шелленберг, ссылались на полученные ими «устные приказы фюрера», желая свалить свои преступления на мертвого Гитлера. Но в 1941 г. эти же преступники верили в святость этих «устных приказов». Эти же преступники передавали «устные приказы» из уст в уста, доводя их до последнего солдата и превращая провозглашенную Гитлером «ВОЙНУ НА УНИЧТОЖЕНИЕ» в небывалую в истории кровавую бойню.

До начала операции «Барбаросса» осталось всего 6 дней. 15 июня 1941, воскресенье. Берлин

Сталин хочет «определить вину» за агрессию

Но сегодня в Берлине, как видно, начинают понимать, что «Сообщение ТАСС» оказалось все-таки «сильнее», чем это показалось вначале. «Сообщение ТАСС» могло иметь и, как покажет история, имело весьма неприятные последствия для Гитлера — оно явилось одной из причин, лишивших его возможности убедить мир в том, что вина за развязывание войны лежит на Сталине. Оно явилось одной из причин, лишивших Гитлера возможности убедить мир в том, что нападение на Россию всего лишь «превентивный удар».

ИЗ ДНЕВНИКА ГЕББЕЛЬСА

15 июня 1941, воскресенье. ...Опровержение ТАСС [Сообщение ТАСС] оказалось еще сильнее, чем первоначально переданное сообщение о нем.

Объяснение: Сталин явно хочет сильно выраженным дружественным тоном, а также утверждением, что ничего не произошло, заранее ОПРЕДЕЛИТЬ ВИНУ за предположительное развязывание войны.

Из перехваченной радиограммы мы, напротив, можем узнать, что Москва приводит в боевую готовность русский Военно-морской флот.

Значит, дело там обстоит уже не так безобидно, как это хотят показать...

До «внезапного» нападения осталось всего 6 дней. 15 июня 1941, воскресенье. Киевский Особый военный округ

«Не пора ли объявить боевую тревогу?»

А война теперь может разразиться каждый день — германская армия уже вышла на исходные позиции для наступления. В эти дни в Киев, в штаб округа, прилетел генерал-майор Дмитрий Писаревский — начальник штаба 5-й армии, прикрывавшей 170 км границы от Влодавы до Крыстынополя.

Вспоминает маршал Баграмян: *«Писаревский доложил, что немцы с каждым днем усиливают свою группировку. Особенно настораживает, что фашисты начали убирать все инженерные заграждения, установленные на границе. Сейчас они лихорадочно*

накапливают снаряды и авиабомбы, причем складывают их прямо на грунт, значит, не рассчитывают на долгое хранение.

Нападения можно ждать с минуты на минуту. А наши войска пока находятся на местах постоянного расквартирования. Для того чтобы занять подготовленные вдоль границы оборонительные позиции понадобится минимум день, а то и два. А даст ли нам противник столько времени? Свой доклад об обстановке начальник штаба армии закончил вопросом: не пора ли объявить боевую тревогу войскам прикрытия госграницы?»

Что мог ответить обеспокоенному генералу командующий округа? Ведь всего несколько дней назад войска первого эшелона прикрытия, уже успевшие занять предполье, по приказу Сталина были отведены назад на места постоянного расквартирования, а сам командующий был обвинен в «самочинстве» и случайно избежал расстрела.

Вспоминает Баграмян: *«Кирпонос нахмурился. Сказал, что всецело разделяет опасения командования армии. На границе действительно неспокойно и военный совет округа примет все зависящие от него меры.*

Объявлять боевую тревогу сейчас нельзя, но надо серьезно подумать о том, чтобы дивизии первого эшелона армии подтянуть поближе к государственному рубежу. В заключение командующий выказал уверенность, что в Москве все знают и в нужный момент нас предупредят, дадут команду. Пока, видимо, такой момент еще не настал!»

Но вот, наконец, сегодня, 15 июня 1941 г., Киевский округ получил приказ Москвы! Нет, пока еще не занять

предполье, а начать выдвижение к границе всех пяти стрелковых дивизий второго эшелона, и не немедленно, а только с 17—18 июня 1941 г.

Баграмян: «На подготовку к форсированному марш-маневру корпусам давалось от двух до трех суток. Часть дивизий должна была выступить вечером 17 июня, остальные — на сутки позднее. Они забирали с собой все необходимое для боевых действий. В целях скрытности двигаться войска должны были только ночью. Всего им понадобится от восьми до двенадцати ночных переходов...

Чтобы гитлеровцы не заметили наших перемещений, районы сосредоточения корпусов были выбраны не у самой границы, а в нескольких суточных переходах восточнее».

Дивизии двинулись на запад. А тем временем тревожные сообщения продолжали поступать. Начальник штаба 26-й армии, прикрывающей границу на участке Радымно, Творыльне, полковник Иван Варенников докладывает уже однозначно: «Немцы подготавливают исходные положения для наступления!»

До начала операции «Барбаросса» остается всего 6 дней. 15 июня 1941, воскресенье. Лондон

Мы окажем русским помощь!

Несмотря на шум, поднятый прессой в связи с конфискацией газеты «Фёлькишер Беобахтер» и последовавшим за ним «Сообщением ТАСС», были в эти

дни политики, которых никакой БЛЕФ, ни гитлеровский и ни сталинский, не мог ввести в заблуждение. Одним из таких политиков был сэр Стаффорд Криппс.

Криппс прибыл из Москвы в Лондон 11 июня 1941 г. с твердым убеждением в том, что вопреки всем слухам, распускаемым Берлином, и вопреки всем «невериям» Сталина, в самые ближайшие дни Германия осуществит нападение на Россию. И, видимо, именно Криппс стал источником «слухов о войне», которые были столь нежелательны и неудобны и для Берлина и... для Москвы.

И неудивительно, что и Геббельс в своей статье в газете «Фёлькишер Беобахтер», а затем и Сталин в «Сообщении», обвиняли именно Криппса в разжигании войны.

Но Уинстон Черчилль не нуждался в информации Криппса. Черчилль в своих решениях и действиях основывался на имеющейся в его распоряжении уникальной информации «Ультра», получаемой в Блетчли-Парке путем расшифровки германских радиogramм. По оценке Черчилля, так же как и по оценке Криппса, до нападения Германии на Россию остались считанные дни. Свидетельствует Черчилль: *«И наконец, 12 июня оно [разведывательное управление] сообщило: „Сейчас имеются новые данные, свидетельствующие о том, что Гитлер решил покончить с помехами, чинимыми советами, и напасть “».*

Вопрос войны между Германией и Россией был настолько жизненно важным для Англии, что Черчилль, не любивший работать в воскресенье, на этот раз даже изменил своим привычкам и продиктовал своему

секретарю срочную телеграмму в Вашингтон — президенту Рузвельту.

*БЫВШИЙ ВОЕННЫЙ МОРЯК — ПРЕЗИДЕНТУ
РУЗВЕЛЬТУ*

15 июня 1941

Судя по сведениям из всех источников, имеющихся в моем распоряжении, в том числе и из самых надежных, в ближайшее время немцы совершат, по-видимому, сильнейшее нападение на Россию.

Главные германские армии дислоцированы на всем протяжении от Финляндии до Румынии, и заканчивается сосредоточение последних авиационных и танковых сил... Если разразится эта новая война, мы, конечно, окажем русским всемерное поощрение и помощь, исходя из того принципа, что враг, которого нам нужно разбить, — это Гитлер.

Уинстон Черчилль готовится стать союзником столь ненавидимой им когда-то России в войне против гитлеровского «Чудовища».

**До начала операции
«Барбаросса» осталось всего 5
дней. 16 июня 1941,
понедельник. Берлин**

Надежды и опасения

До начала операции остались считанные дни, и Гитлера начинают одолевать сомнения. Уверенность в победе сменяется опасениями. Опасения — надеждами. Опасения связаны с «трагедией Наполеона». А надежды

основаны на том, что русские, зная о нападении, скорее всего, не применят тактику 1812 г., а выберут «оборонительный» вариант действий. Именно этот вариант Эрих Маркс и Бернхард фон Лоссберг называли самым «благоприятным для Германии». Такие действия русских дадут возможность стальному германскому кулаку разгромить их армию в решающем приграничном сражении гауптшлат и обеспечат успех молниеносного германского блицкрига.

ИЗ ДНЕВНИКА ГЕББЕЛЬСА

16 июня 1941, понедельник. ...нападение на Россию начнется, как только закончится сосредоточение и развертывание войск. Это будет сделано примерно в течение одной недели... Это будет массированное нападение самого крупного масштаба. Пожалуй, даже самое мощное из всех, какие видела когда-либо история. Пример Наполеона не повторится. Русские сосредоточили свои войска точно на границе, для нас это наилучшее из всего, что могло произойти. Если бы они были рассредоточены подальше, внутри страны, то представляли бы гораздо большую опасность... Чтобы завуалировать подлинную ситуацию, необходимо и далее неотступно распространять слухи: мир с Москвой! Мол, Сталин приезжает в Берлин...

**До начала операции
«Барбаросса» осталось всего 4
дня. 17 июня 1941, вторник.
Восточная граница Германии**

«GOTTMITUNS»

Преступные документы, разработанные штабом Верховного главнокомандования — «Распоряжение об особой подсудности в районе „Барбаросса“ и об особых мероприятиях войск», и «Приказ о комиссарах» уже поступили во все полевые штабы германских армий. Эти распоряжения и приказы касаются не только убийц из Эйнзатцгруппе СС, но и каждого солдата вермахта, и поэтому офицерам приказано довести их до каждого солдата, а также особо разъяснить солдатам «устные приказы фюрера».

ИЗ ЗАЯВЛЕНИЯ СОВЕТСКОГО ОБВИНИТЕЛЯ Л. СМИРНОВА

Нюрнбергский процесс, 1946

Это распоряжение, подписанное Кейтелем, но изданное от имени Гитлера и по его прямым указаниям, было воспринято всеми солдатами и офицерами фашистской армии как распоряжение Гитлера».

Теперь каждый немецкий солдат знает, чего ждет и требует от него фюрер. А фюрер требует от своих солдат быть жестокими! Фюрер требует от них быть безжалостными! Фюрер требует от них совершения самых варварских преступлений и заранее освобождает их от юридической ответственности за эти преступления!

ИЗ ПОКАЗАНИЙ НЕМЕЦКОГО ВОЕННОПЛЕННОГО ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА ВИНЦЕНТА МЮЛЛЕРА Перед вторжением в Россию Гитлер, наряду с приказами о задачах СС по истреблению населения, отдал также роковой приказ об отмене ответственности солдат за преступления и проступки против гражданского населения...

Но Гитлер, на самом деле, не только освободил своих солдат от юридической ответственности за будущие убийства, он сделал значительно больше — он освободил весь немецкий народ от моральной ответственности за преступления против человечности.

В течение многих лет немецкий народ подвергался преступной идеологической обработке. Целенаправленная пропаганда отравляла прессу, радиовещание, кинематограф, театр, литературу и даже музыку. В соответствии с идеями национал-социализма сознательно и планомерно трансформировалось сознание масс. Шестилетним детям вбивались в головы идеи превосходства германской расы. Десятилетние «солдаты» в день рождения Гитлера приносили торжественную клятву перед «знаменем крови». Семнадцатилетние учились ненависти, готовились к миссии «владык мира», не знающих угрызений совести. Гитлер гордился тем, что в его Великом расовом походе его солдаты будут освобождены от *«Химеры, носящей название совесть и мораль»*.

ИЗ БЕСЕДЫ ГИТЛЕРА С РАУШЕНИНГОМ

Провидение предопределило, что я буду величайшим освободителем Человечества. Я освобождаю людей от сдерживающего начала ума, который завладел ими, от грязных разлагающих унижений, которые личность претерпевает от химеры, носящей название совесть и мораль, и от требований свободы и личной независимости, которые могут быть перенесены лишь немногими.

Христианской доктрине о бесконечной значимости индивидуальной человеческой души и личной ответственности я с необозримой ясностью

противопоставляю спасительную доктрину о ничтожности и маловажности индивидуального человеческого существа...»

С «христианской доктриной» у Бесноватого были свои проблемы — много лет он мечтал, наряду с решением «еврейского вопроса», решить и «проблему Церкви».

ИЗ БЕСЕДЫ С РАУШЕНИНГОМ

Насчет вероисповедания: что одна вера, что другая — все равно. У них нет будущего, по крайней мере в Германии. Итальянские фашисты во имя Господа предпочитают мириться с Церковью. Я поступлю так же. Почему бы и нет? Но это не удержит меня от того, чтобы искоренить христианство в Германии, истребить его полностью вплоть до малейших корешков... Для нашего народа имеет решающее значение, будет ли он следовать жидовскому христианству с его мягкотелой сострадательной моралью — или героической вере в бога природы, бога собственного народа, бога собственной судьбы, собственной крови...

Хватит рассуждать. Старый Завет, Новый Завет, или даже просто слова Христовы... Все это один и тот жидовский обман...

Эти же абсурдные идеи Гитлера нашли свое отражение и в печально известном сочинении Розенберга «Миф XX века». Альфред Розенберг, прибалтийский немец, встретил Октябрьскую революцию в Москве. На первых порах, он даже симпатизировал большевикам, но в 1919 г. эмигрировал в Германию, вступил в НСДАП и стал одним из прислужников Гитлера — идеологом нацизма и редактором нацистской «Фёлькишер Beobachter». Именно Розенберг познакомил будущего

фюрера с одной из самых гнусных фальшивок современности — «Протоколами сионских мудрецов». Сфабрикованные в России в начале века и переведенные на многие языки «протоколы», явились для патологических антисемитов Гитлера и Розенберга неопровержимым «доказательством» существования «мирового еврейского заговора». Густо замешанный на идее превосходства арийской расы и на наглой лжи «Протоколов», опус Розенберга «Миф XX века» представлял собой конгломерат ненависти, направленной одновременно и против евреев, и против коммунистов, и против христианской религии.

Гитлер считал, что христианская религия, так же как и все другие религии, должна исчезнуть. В своей бесконечной наглости Бесноватый планировал в будущем, после разгрома большевистской России, подменить христианскую религию новой, чисто немецкой религией, в основе которой будет лежать идея «Крови и Земли».

При этом новой Библией должна была стать его «Майн Кампф», а новым Богом на земле должен был стать он сам — Адольф Гитлер.

Именно этой цели — прижизненному обожествлению Гитлера, служили многочисленные новые обряды — ночные факельные шествия, клятвы у «кровавого знамени», многотысячные митинги, во время которых, в ответ на истерические выкрики Бесноватого, десятки тысяч рук вздымались в нацистском приветствии, десятки тысяч глоток вопили: «Хайль Гитлер».

Кампанию обожествления Гитлера организовывал и направлял хромоногий карлик Йозеф Геббельс. Геббельс

провозглашал: *«Он [фюрер] один не ошибается. Он выше всех нас! Он как прекрасная звезда над нами!»*

Миллионы немцев уже зажигали свечи в «уголках Гитлера», где, вместо обычной иконы, красовался портрет фюрера. А в октябре 1941 г. Рузвельт сделал достоянием мировой общественности содержание одного интересного документа: *«Этот документ содержит план, в соответствии с которым, после выигранной Германией войны, все существующие в мире религии будут упразднены... Вместо Библии должны быть навязаны и провозглашены в качестве священных текстов изречения из книги фюрера „Майн Кампф“, христианский крест должен быть заменен свастикой и обнаженным мечом, и, в конце концов, место Бога должен был занять фюрер».*

Но пока, до тех «благословенных» времен, когда он сам станет «Богом» на земле, для решения сегодняшних неотложных задач — уничтожения «большевизма и еврейства» — Гитлер берет себе в союзники христианского Господа Бога. Гитлеру нужна помощь Бога для того, чтобы заставить немцев, которые с детства приучены ревностно исполнять церковные обряды, так же ревностно и слепо исполнять его, Гитлера, волю. Посылая своих солдат на убийство беззащитных женщин и детей, Гитлер цинично призывает в помощь Бога: *«Да поможет нам Бог!»*

И даже на пряжках поясного ремня солдат вермахта, облегчая преступникам выполнение их кровавой миссии, выбита близкая сердцу каждого христианина надпись: *«GOTTMITUNS»* — *«С НАМИ БОГ»*.

Именем Бога, одна из главных заповедей которого *«Не убий!»*, Бесноватый толкает германских солдат и весь немецкий народ на еще невиданное в истории

убийство. И германские солдаты, воспитанные в духе расовой ненависти, освобожденные от юридической и моральной ответственности пред Законом и Совестью, будут убивать! Будут убивать себе подобных, сотворенных по образу и подобию Всевышнего. Убивать без всяких сомнений и угрызений совести. Убивать жестоко, зная, что останутся безнаказанными. Убивать именем Милосердного Бога!

До «внезапного» нападения осталось всего 4 дня. 17 июня 1941, вторник. Москва

«К еб-ной матери!»

В эти последние считанные дни перед «внезапным» нападением советская разведка работает круглосуточно. Группа майора Журавлева всю последнюю ночь готовила подробную докладную записку по материалам литерного дела «Затея», того самого дела «Затея», которое, по свидетельству генерала Судоплатова, было заведено еще в начале ноября 1940 г., то есть еще до того, как Гитлер подписал «Директиву № 21».

Сегодня литерное дело «Затея» превратилось в пухлую папку, где собрано достаточно материала для того, чтобы проследить нарастающий с каждым днем процесс подготовки Германии к «внезапному» нападению.

Вспоминает младший лейтенант Зоя Рыбкина: *«Нашей специализированной группе было поручено проанализировать информацию всей зарубежной*

резидентуры, касающейся военных планов гитлеровского командования, и подготовить докладную записку.

Для этого мы отбирали материалы из наиболее достоверных источников, проверяли надежность каждого агента, дававшего информацию о подготовке гитлеровской Германии к нападению на Советский Союз...»

Записка, подготовленная группой Журавлева, включала в себя, кроме анализа существующей опасной ситуации, подробный «Календарь сообщений» доктора Харнака и обер-лейтенанта Шульце-Бойзена.

Вспоминает Рыбкина: *«Наша аналитическая записка оказалась довольно объемной, а резюме — краткое и четкое: „Мы на пороге войны“.*

17 июня 1941 г. я по последним сообщениям агентов «Старшины» и «Корсиканца» с волнением завершила этот документ.

Заключительным аккордом в нем прозвучало: «Все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены, и удар можно ожидать в любое время».

Подчеркиваю, это было 17 июня 1941 года».

В тот же день, вечером, нарком госбезопасности Меркулов и начальник внешней разведки Фитин повезли записку в Кремль. В кабинете Сталина в этот вечер было пять человек — Молотов, Берия, Меркулов, Фитин и сам Сталин. Докладывал Павел Фитин. Весь его доклад был основан на информации, полученной в эти последние дни из Берлина и со всей очевидностью приводившей к

выводу, что до нападения Германии остались считанные дни.

ИЗ ПИСЬМЕННОГО СООБЩЕНИЯ НКГБ СССР

№ 2279/м, Сов. секретно 17 июня 1941

Сообщение из Берлина

Источник, работающий в штабе германской авиации, сообщает:

Все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены и удар можно ожидать в любое время ...

Источник, работающий в министерстве хозяйства Германии, сообщает, что произведено назначение начальников военно-хозяйственных управлений «будущих округов» оккупированной территории СССР, а именно: для Кавказа — назначен Амонн, один из руководящих работников национал-социалистской партии в Дюссельдорфе; для Киева — Бурандт, бывший сотрудник министерства хозяйства, до последнего времени работавший в хозяйственном управлении во Франции; для Москвы — Бургер, руководитель хозяйственной палаты в Штутгарте.

Для общего руководства хозяйственным управлением оккупированных территорий СССР назначен Шлотерер, начальник иностранного отдела министерства хозяйства, находящийся пока в Берлине. В министерстве хозяйства рассказывают, что на собрании хозяйственников, предназначенных для «оккупированной» территории СССР, выступал также Розенберг, который заявил, что «понятие Советский Союз должно быть стерто с географической карты».

Верно: Начальник 1 управления НКГБ Союза ССР Фитин

Сталин, обычно с большим интересом относившийся к агентурной информации, на этот раз слушал руководителей разведки НКВД невнимательно. Сталин слушал невнимательно, хотя на этот раз речь шла уже не о подготовке к нападению, а... о самом нападении! Речь шла о том, что подготовка к нападению уже полностью закончена и «удар можно ожидать в любое время»! Речь шла уже не о командующих трех группировок германских армий, готовых к нападению на Россию, а о начальниках «округов» будущих оккупированных территорий — Москвы, Киева, Кавказа!

Но Сталин слушал невнимательно и даже, вопреки своим правилам, не задавал вопросов. По свидетельству очевидцев, вождь в эти дни находился в большом напряжении и выказывал все больший гнев, если кто-либо приходил к нему с донесениями о возрастающей опасности нападения Германии. Уже после первых слов докладчика он выходил из себя и в резко угрожающем тоне пресекал разговор. Как видно, по мере приближения нападения, Сталину все труднее давался его БЛЕФ. Ему все труднее было ломать комедию перед сотрудниками разведки, и все труднее было удерживать Генштаб и командующих округов от введения в действие «ПЛАН ПРИ-КРЫТИЯ-41».

Терпение начало изменять Великому Лицедею. Ему, действительно, не нужны были дополнительные доклады разведки, и особенно такие, как сегодняшний доклад Фитина — достоверный, угрожающий, требующий принятия немедленных судьбоносных решений и немедленных самых решительных действий.

Взяв из рук Фитина записку и быстро пробежав глазами последнее сообщение из Берлина, Сталин с раздражением, размашисто начертал в левом верхнем углу документа беспрецедентную по грубости резолюцию: *Т-щу Меркулову*

Можете послать ваш «источник» из штаба герм. авиации к еб-ной матери. Это не «источник», а «дезинформатор». И. Ст.

Поставив последнюю жирную точку, Сталин швырнул записку прямо в лицо ошарашенному Фитину. Руководители разведки поспешно покинули Кремль и вернулись в наркомат государственной безопасности.

Вспоминает Зоя Рыбкина: *«Трудно передать, в каком состоянии мы — члены группы ждали возвращения Фитина из Кремля.*

Но вот Фитин вызвал к себе Журавлева и меня. Наш обзор мы увидели у него в руках. Фитин достаточно выразительно бросил сброшюрованный документ на журнальный столик Журавлеву:

«Хозяину доложил. Иосиф Виссарионович ознакомился с вашим докладом и швырнул его мне. Это блеф! — раздраженно сказал он. — Не поднимайте панику. Не занимайтесь ерундой. Идите-ка и получше разберитесь».

По свидетельству Рыбкиной, все они, и Фитин, и Журавлев, и она сама, «недоумевали» и не могли понять, зачем вдруг понадобилось Сталину называть проверенную информацию БЛЕФОМ? Но на самом деле, талантливые аналитики внешней разведки очень близко подошли к пониманию сталинского коварного «Сценария». Правда, это понимание пришло к ним

значительно позже — после трагического развития событий, вызванного «внезапным» нападением гитлеровской Германии.

Рыбкина: *«Замечу, что тогда мы старались найти оправдание „стратегическому плану“ Сталина.*

Прочно утвердилась такая версия: Мы не подтянули вовремя к границам воинские части, не оснастили вооружением новую советско-германскую границу. Сталин, мол, стремился к тому, чтобы весь мир знал и видел, кто развязал войну.

Хотя гитлеровцы постоянно нарушали наши воздушные, морские и сухопутные границы, провоцировали нас, мы на провокацию не поддались, зато получили в союзники США, Великобританию и мировое общественное мнение...»

И по сей день, несмотря на то, что документы, связанные с войной, уже частично рассекречены, поведение Сталина накануне германской агрессии служит темой для споров и остается загадкой. Хотя ответ этой загадки есть, и его можно понять из выводов, сделанных аналитиком Рыбкиной: ***«Сталин... стремился к тому, чтобы весь мир знал и видел, кто развязал войну... Гитлеровцы... провоцировали нас, мы на провокацию не поддались, зато получили в союзники США, Великобританию и мировое общественное мнение».***

До «внезапного» нападения осталось всего 5 дней. В ночь с 17 на 18 июня 1941. Москва

Провокация «Глейвице», или «Консервы» а ля «Глейвице»

Было уже далеко за полночь, когда Лаврентий Берия покинул Кремль и направился на Лубянку. Ведь именно здесь, в этом зловещем здании, прославившемся на весь мир под именем «Лубянка», размещалась внешняя разведка НКВД, где под неусыпным оком Берия группа аналитиков майора Журавлева более 10 месяцев накапливала сведения о подготовке Германии к нападению на Россию.

Вернувшись в свою империю, всесильный нарком поднялся на персональном лифте на седьмой этаж и прошел в свой кабинет. Берия все еще не мог оправиться от шока, вызванного той неожиданной сценой, которая произошла сегодня вечером в кабинете Сталина. И дело было совсем не в матерной резолюции, начертанной Диктатором на документе, представленном руководителями внешней разведки. Сталинский «мат» не мог смутить Лаврентия. Сталин часто позволял себе грубый «мат», и не только по отношению к соратникам, но и по отношению к своей, ныне покойной, жене Надежде, и по отношению к сыновьям, и по отношению к дочери Светлане и, даже, что еще ужасней, по отношению к своей матери.

Да и «матерные резолюции» на документах, которые подписывал Сталин, были не так уж редки. Но сегодняшняя резолюция на сообщении внешней разведки

была все-таки необычной — она сопровождалась необычным для Сталина взрывом чувств — в гневе Диктатор грязно выругался и буквально швырнул документ в лицо Фитину.

И Фитин, и Меркулов, и даже Берия были поражены и напуганы.

И не мудрено! Вызвать на себя гнев Тирана всегда было равносильно подписанию смертного приговора! Но в чем на этот раз была их вина?

За последние полгода Сталину были представлены десятки сообщений берлинской резидентуры, содержащих информацию, полученную от «Корсиканца» и «Старшины». Не далее как на прошлой неделе, 12 июня 1941 г., в Кремль было направлено агентурное сообщение тех же агентов почти полностью идентичное сообщению, представленному сегодня.

№ 2215/М, 12 июня 1941

Совершенно секретно

*«Старшина» сообщает: В руководящих кругах министерства авиации и в штабе авиации утверждают, что вопрос о нападении Германии на Советский Союз окончательно решен. Будут ли предъявлены предварительно какие-либо требования Советскому Союзу — неизвестно, и поэтому **следует считаться с возможностью неожиданного удара.***

Ни одно из представленных Сталину сообщений берлинской резидентуры, включая вполне конкретное сообщение от 12 июня 1941 г., не вызвало такой неадекватной реакции. Да и не могло вызвать! Сталин прекрасно знал о давних проверенных агентах берлинской резидентуры и никак не мог считать их

«дезинформаторами». Руководители внешней разведки недоумевали.

А в то же время сегодняшняя реакция Сталина имела вполне реальные и важные причины — последнее сообщение внешней разведки ставило Сталина в очень трудное положение — заставляло его признать существование опасности, «поверить» в опасность, и действовать соответственно. Сообщение внешней разведки заставляло Сталина дать указание о приведении в действие всего механизма отражения «внезапного» нападения! А вот этого-то Сталин как раз и не хотел делать!

Именно этот непонятный для окружающих отказ «поверить в существование опасности нападения» и действовать соответственно, Сталин пытался скрыть за искусственно дикой вспышкой гнева.

Действительная вспышка гнева Сталина могла закончиться для Фитина, Меркулова и, даже, для Берия расстрелом, но эта, искусственная, к счастью для руководителей разведки, последствий не имела.

После того, как оба Павла — Фитин и Меркулов — поспешно ретировались, Сталин неожиданно быстро успокоился и, задержав Лаврентия, дал ему важнейшее секретное задание.

Это задание прямо противоречило и «матерной резолюции», и «вспышке гнева», и явно свидетельствовало о том, что, с точки зрения Сталина, информация внешней разведки была нисколько не дезинформационной, а, совсем наоборот, вполне достоверной, и до «внезапного» нападения Германии остались считанные дни.

Сверхсрочное и сверхсекретное

Итак, задержав Лаврентия, Сталин дал ему важнейшее секретное задание — в срочном порядке собрать из числа подчиненных ему боевиков особую группу для проведения разведывательно-диверсионных актов во время ожидаемой со дня на день войны с Германией.

Первым заданием этой группы должно было стать противодействие гитлеровским диверсантам, целью которых, будет наверняка, еще до начала войны, осуществление различных провокаций, создающих повод для нападения на Россию и оправдывающих это нападение.

Вернувшись на Лубянку и войдя в свой рабочий кабинет, Берия позволил себе ненадолго расслабиться после нелегкого разговора с вождем, снял пиджак, выпил рюмку коньяку и вызвал к себе человека, больше всех подходившего для выполнения секретной задачи, поставленной Сталиным. Этим человеком был хорошо известный Сталину опытный боевик-ликвидатор полковник Павел Судоплатов. Это Павел Судоплатов, по приказу Сталина, в 1938 г., в роттердамском ресторане «Атланта» ликвидировал руководителя ОУН Евгения Коновальца. Это Павел Судоплатов, по приказу Сталина, в 1940 г. возглавил операцию «Утка», целью которой было уничтожение Льва Троцкого. И сегодня Сталину снова понадобился талант этого профессионального боевика.

Вспоминает генерал Павел Судоплатов:

«В тот день, когда Фитин вернулся из Кремля, Берия, вызвав меня к себе, отдал приказ об организации особой группы из числа сотрудников разведки... Она

должна была осуществлять разведывательно-диверсионные акции в случае войны.

В данный момент нашим первым заданием было создание ударной группы из числа опытных диверсантов, способных противостоять любой попытке использовать провокационные инциденты на границе как предлог для начала войны. Берия подчеркнул, что наша задача — не дать немецким провокаторам возможности провести акции, подобные той, что была организована против Польши в 1939 г., когда они захватили радиостанцию в Глейвице на территории Германии...»

Удивительно, но в разговоре с Судоплатовым Берия упомянул провокацию «Глейвице»! Многие годы считалось, что мировая общественность узнала правду о «Глейвице» только после окончания войны, в 1946 г., на Нюрнбергском процессе из показаний полковника Эрвина фон Лахузена. Но, как оказывается по свидетельству Судоплатова, Берия, да и он сам, прекрасно знали о том, что в Глейвице Гитлер осуществил провокацию уже в июле 1941 г.!

Знал правду о «Глейвице» и Сталин — ведь именно Сталин несколько часов назад, давая приказ Лаврентию, упомянул о «Глейвице»!

Операция «Глейвице»

Идея операции «Глейвице» была предложена самим Гитлером.

Гитлер, талантливый мастер провокаций, нападая на очередную страну, всегда ухитрялся представить дело так, как будто бы нападение является только реакцией на угрозу со стороны противника. Перед агрессией против Польши пропаганда доктора Геббельса в течение

нескольких месяцев трубила о «польском терроре по отношению к немецкому населению Польши» и о «бессовестном нарушении германской границы польскими войсками». Однако непосредственным поводом для вторжения послужила инсценировка нападения поляков на Германию.

По плану инсценировки эсэсовцы, переодетые в форму польской армии, должны были захватить небольшую немецкую радиостанцию, расположенную вблизи польско-германской границы, северо-западнее городка Глейвице, создав впечатление, что радиостанцию захватили поляки. В то же время отряды абвера, также переодетые в польскую военную форму, должны были совершить несколько нападений на германские пограничные посты.

Но самой главной частью дьявольской идеи Бесноватого была, конечно, кровь! Самая настоящая человеческая кровь!

Для того чтобы инсценировка нападения на радиостанцию была правдоподобна, она должна была сопровождаться реальными жертвами. **Именно жертвы — изрешеченные пулями трупы людей — должны были, по замыслу Гитлера, убедить приглашенных «на поле боя в Глейвице» иностранных корреспондентов в том, что агрессором является Польша, а Германия — жертва этой вероломной агрессии.**

Разработкой плана операции занимался Рейнхард Гейдрих и его подручный — шеф гестапо Мюллер. Ав качестве главного исполнителя операции был выбран некий Альфред Науджок.

Штурмбаннфюрер СС Атьфред Хельмут Науджок идеально подходил для задуманной Гитлером инсценировки. Несмотря на свою молодость, Науджок уже много лет был боевиком СД. Так, еще в **1935**г. 23-летний убийца выследил и убил Рудольфа Формиса. Сотрудник штутгартского радио Формис, инженер по специальности, после прихода к власти Гитлера, бежал в Чехословакию и, скрываясь в горах под Прагой, с помощью сконструированного им самим радиопередатчика вел антигитлеровскую пропаганду.

По личному приказу Гитлера, Науджок застрелил Формиса в ресторане «Сагорши».

Но в августе 1939 г. Альфреду Науджоку предстояло выполнить особое поручение фюрера. Это было уже не простое убийство какого-то политического эмигранта, а настоящее «театральное представление» под названием «Внезапное и вероломное нападение поляков на немецкую радиостанцию в Глейвице». В этом невероятном «представлении» было много участников — «артистов», наряженных в «театральные костюмы», была и необходимая «театральная бутафория». Костюмы и бутафорию — оружие, удостоверения личности и другие атрибуты, необходимые для инсценировки, подготовил и представил в распоряжение гестапо адмирал Вильгельм Канарис. «Артисты» должны были действовать по заранее подготовленному сценарию, а один из них даже должен был произнести заранее подготовленный текст — обращение по радио на польском языке.

И лишь одним это представление отличалось от театрального — по окончании представления «на сцене» должны были остаться трупы «артистов». Эти трупы людей, которые и после смерти должны были

продолжать «играть» нападавших на радиостанцию поляков, гитлеровские палачи называли «консервами».

ИЗ СВИДЕТЕЛЬСКИХ ПОКАЗАНИЙ НАУДЖОКА

20 ноября 1945

Я, Альфред Хельмут Науджок, даю под присягой следующее показание: ...примерно 10 августа 1939 г. начальник полиции безопасности Гейдрих приказал мне лично инсценировать покушение на радиостанцию в Глейвице, близ польской границы, и придать этому делу такой вид, будто нападение произведено поляками.

Гейдрих сказал: «Фактическое доказательство польского нападения необходимо для иностранной прессы и для немецкой пропаганды».

Мне приказали ехать с пятью другими сотрудниками СД в Глейвице, по условному сигналу Гейдриха захватить радиостанцию и удерживать ее некоторое время с тем, чтобы дать возможность передать речь на польском языке. Такой человек был предоставлен в мое распоряжение».

Альфред Науджок, сдавшийся в плен союзникам в октябре 1944 г. и заключенный в лагерь для интернированных лиц, рассказал американским следователям о залитых кровью «консервах», которые «подготовил» шеф гестапо Мюллер и которые должны были быть оставлены «на поле боя» у радиостанции: «Мюллер сказал, что в его распоряжении имеется 12 или 13 осужденных преступников, на которых должны были надеть польские мундиры и трупы которых должны были быть оставлены на месте происшествия, для того, чтобы можно было показать, что эти люди были убиты якобы во

время нападения... Условное название, которое он дал этим преступникам, было — „консервы“.

И вот, наконец, наступил решающий день 31 августа 1939 г.

Свидетельствует Науджок: «Происшествие в Глейвице, в котором я принимал участие, было осуществлено накануне нападения Германии на Польшу ...В полдень 31 августа я получил от Гейдриха по телефону условный сигнал, что нападение на радиостанцию должно состояться в этот день в 8 часов вечера.

Гейдрих сказал: «Для выполнения этого задания обратитесь к Мюллеру за „консервами “».

«Консервы» были получены, и операция «Глейвице» выполнена.

В тот же день германское радио оповестило мир: «Сегодня, около 8 часов вечера, поляки напали и захватили радиостанцию в Глейвице. Со стороны захватчиков есть убитые...»

На самом деле, все «захватчики» были убиты. Науджок уничтожил их всех — и заключенных, названных «консервами», и участвовавших в операции немцев-эсэсовцев.

Так Адольф Гитлер срежиссировал предлог для начала Мировой войны.

В первый же день этой войны, пасмурным утром, 1 сентября 1939 г., когда германские бомбы уже падали на беззащитные польские города, а войска вермахта продвигались вглубь Польши, Гитлер произнес свою знаменитую речь в зале «Кроль-Опера» и обвинил в

развязывании войны... Польшу: *«Прошедшей ночью польские солдаты учинили стрельбу по нашей территории. До 5 часов 45 минут утра мы отвечали огнем, теперь бомбам мы противопоставляем бомбы...*

Я не прошу ни от одного немца делать больше того, к чему мы готовились все эти четыре года. С настоящего момента — я первый солдат германского рейха!»

Газеты всего мира широко освещали «инцидент в Глейвице». А иностранные корреспонденты имели возможность собственными глазами увидеть «доказательства» нападения поляков — лужи крови и трупы людей, одетых в польские военные мундиры.

«Консервы» а ля «Глейвице»

Вот о какой ПРОВОКАЦИИ говорил в эту ночь на Лубянке Лаврентий Берия с Павлом Судоплатовым. Не дать возможности гитлеровцам организовать провокацию, в результате которой Россию можно будет обвинить в нападении на Германию! Это приказ Сталина!

На этот раз гитлеровская ПРОВОКАЦИЯ не пройдет! На этот раз весь мир должен будет убедиться в том, что жертвой агрессии является Россия.

И если для этой цели придется предъявить иностранным корреспондентам окровавленные «консервы», то Сталин сможет сделать это не хуже Гитлера. По части «изготовления консервов» ни один самый жестокий Тиран не может сравниться с Иосифом Сталиным!

От этих «сталинских консервов» до сих пор содрогается мир, все еще не распознавший в них «консервы» а ля «Глейвице».

До «внезапного» нападения осталось всего трое суток. 18 июня 1941, вторник. Москва

Оперативность поражает!

По указанию Гитлера, данному им еще 10 июня 1941 г., окончательное решение о сроке нападения должно было быть принято 18 июня 1941 г.

Прошла неделя... Наступило 18 июня 1941 г. Приказа о переносе срока нападения не последовало. Значит, срок нападения — 22 июня 1941 г. — остался в силе!

И... поражает оперативность! Почти немедленно об этом решении узнала Москва. Информация поступила из Берлина от заговорщиков «Черной Капеллы» в Швейцарию к Рудольфу Рёсслеру, от него — по цепочке к Шандору Радо и... в Москву.

ШИФРОГРАММА ИЗ ШВЕЙЦАРИИ

18 июня 1941, Директору

Нападение Гитлера на Россию назначено на ближайшие дни.

«Дора»

Германское посольство «сматывает удочки»

Статус дипломатических представителей одного государства в дружественном ему другом государстве является своего рода лакмусовой бумажкой, позволяющей оценить степень «дружественности» взаимоотношений между этими государствами. Первым признаком охлаждения обычно бывает отзыв посла — по

инициативе своего правительства, или по инициативе правительства государства пребывания как «*persona non grata*». Отзыв посла еще не означает разрыв дипломатических отношений. Обычно разрыв дипломатических отношений является результатом объявления войны. В тайком случае, по международным соглашениям каждая из воюющих сторон обязана оказать иностранным дипломатам и членам их семей содействие в выезде из своей страны. Однако в реальной жизни дипломаты, обычно прекрасно информированные, стремятся заранее отправить своих жен и детей на родину, а иногда и сами пытаются улепетнуть под любым предлогом — «в отпуск», или «на консультацию с врачом».

Так, буквально с первых дней июня 1941 г. иностранные дипломаты стали покидать Москву. Сотрудники германского и итальянского посольств первыми начали отправлять на родину жен, детей и собак, мотивируя это «началом отпусков». К 10 июня 1941 г. поток отъезжающих заметно усилился, причем ответственные сотрудники германского посольства умудрялись отправлять в Берлин не только семьи, но и все имущество, нажитое за время пребывания в России, включая музейную мебель, ковры, картины и легковые автомашины. Советская контрразведка, естественно, не могла не заметить такого важного «признака» приближающегося «внезапного» нападения.

И сегодня, 18 июня 1941 г., в Кремль была направлена особая записка, содержащая подробный календарь поспешных отъездов дипломатов, с указанием фамилий, должностей и статуса отъезжающих.

ИЗ ЗАПИСКИ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ СССР

№ 2294/м, 18 июня 1941

Совершенно секретно

По имеющимся в НКГБ СССР данным, за последние дни среди сотрудников германского посольства в Москве наблюдается большая нервозность и беспокойство в связи с тем, что, по общему убеждению этих сотрудников, взаимоотношения между Германией и СССР настолько обострились, что в ближайшие дни должна начаться война между ними. Наблюдается массовый отъезд в Германию сотрудников посольства, их жен и детей, с вещами.

Так с 10 по 17 июня в Германию выехало 34 человека: 10 июня с. г. — Шлиффен — жена пом. авиационного атташе; Хобуд — секретарь авиационного атташе; Госстах — сотрудник германского консульства в Ленинграде. 12 июня с. г. — Рейхенау — секретарь военного атташе; Заамфельд — сотрудница посольства с дочерью... 17 июня с. г. — Бретшнейдер — жена сотрудника посольства; Пача — дочь сотрудника посольства; Аурих — жена секретаря консульского отдела; Хар-рен — жена сотрудника посольства...

Среди низшего персонала посольства из числа германских подданных проявилось открытое недовольство тем обстоятельством, что ответственные сотрудники посольства отправляют свои семьи и имущество в Германию, но не дают указаний низшим служащим, как должны поступить последние... 14 июня с. г. в Германию выехал германский авиационный атташе Ашенбреннер, забрав с собой все имущество, в том числе легковой автомобиль.

16 июня с. г. всем сотрудникам военного, авиационного и военно-морского атташатов было

объявлено распоряжение быть на своих квартирах не позднее 2 часов ночи.

Народный комиссар госбезопасности Союза ССР МЕРКУЛОВ

Весьма примечательный приказ сотрудникам германского посольства быть дома не позднее 2 часов ночи, указывающий на примерный «час внезапного нападения», был, к сожалению, не единственным признаком приближающейся войны.

Так, например все последние дни сотрудники германского посольства были заняты уничтожением служебных документов.

ИЗ ЗАПИСКИ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ СССР

Наряду со сборами к отъезду сотрудников посольства, производится спешная отправка в Германию служебных бумаг и сжигание части их на месте. 15 июня с.г. германский военный атташе Кёстринг и его помощник Шубут в течение всего дня разбирали свои дела и сжигали документы. Сжиганием документов уже в течение нескольких дней заняты инспектор авиационного атташата Тадтке и секретарь этого атташата Радазевская.

Но самой важной частью записки госбезопасности была ее последняя часть, содержащая запись подслушанных контрразведкой разговоров сотрудников посольства. Эти записи обычно были настолько секретны, что даже в материалах, поступавших в Кремль, текст во многих местах содержит пропуски, особенно это касается имен и упоминания слова «подслушаны».

ИЗ ЗАПИСКИ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ СССР

10 июня с. г. НКГБ СССР... следующие разговоры между ... и...

...Эти дела подлежат уничтожению? ... Нет, в них говорится только о погоде. Они могут спокойно оставаться здесь.

Шеф сказал, что эти дела известны русским. Их мы оставили лежать в этой папке.

13 июня с.г... следующие разговоры между ... и его помощником. ...А вообще-то вы сожгли все вещи?... Конечно. ... Значит, у вас больше ничего нет?... Да.

Запись подслушанных разговоров сотрудников посольства является еще одним доказательством того, что германское посольство было абсолютно «прозрачно» для советской контрразведки. Вот и сегодня, уникальный материал, представленный в Кремль, не оставляет никаких сомнений — «внезапное» нападение Германии совершится в самые ближайшие дни, после 2 часов ночи!

И хотя сложившаяся ситуация уже вполне ясна, руководитель контрразведки комиссар Петр Федотов, принимает решение проникнуть в помещение германского посольства и посмотреть «своими глазами», что там происходит. «Своими глазами» Федотова стала Зоя Рыбкина.

Младший лейтенант Рыбкина была, как известно, сотрудником внешней разведки, подчинялась полковнику Журавлеву и не обязана была выполнять задания Федотова. Но положение было слишком серьезным, а Рыбкина идеально подходила для задуманной операции по ряду причин — она обладала острым умом, прекрасно владела немецким и к тому же была на редкость привлекательной женщиной. Внешняя разведка в те годы

славилась целой плеядой талантливых красавиц, среди которых была и жена Судоплатова Эмма Каганова, и Лиза Зарубина, и Зоя Рыбкина. Федотов вызвал Рыбкину, благо они работали в том же здании на Лубянке только на разных этажах.

Вспоминает Рыбкина: *«Петр Васильевич сразу перешел к делу. Контрразведке нужна моя помощь. Гитлеровская Германия, желая опровергнуть распространяемые слухи о якобы готовящемся нападении на СССР, решила продемонстрировать верность заключенному в 1939 г. советско-германскому договору и прислала в Москву, что весьма знаменательно, делегацию, но не экономическую или политическую, а группу солистов балета Берлинской оперы.*

Германский посол Шуленбург дает обед в их честь; и на обед приглашены звезды нашего балета».

Вместе с балеринами Большого театра, Рыбкина, разодетая в вечернее панбархатное платье со шлейфом, прошла в германское посольство. Официально она являлась представителем Всесоюзного общества культурных связей с заграницей — и в этой роли принимала участие в парадном обеде и даже танцевала вальс с престарелым послом фон дер Шуленбургом. Разведчице не удалось осмотреть помещения посольства — при ней неотлучно находился матерый шпион полковник Креббс, который, видимо, что-то все-таки заподозрил.

Но и того, что увидела Рыбкина, было вполне достаточно. А увидела она светлые квадраты на стенах от недавно снятых картин и в конце анфилады комнат, напротив открытой двери, груды чемоданов... Все это

были явные признаки поспешных сборов и приготовлений к отъезду.

Рыбкина: «Мои наблюдения в германском посольстве и всякие подмеченные детали вполне удовлетворили специалистов нашей контрразведки. Из моего доклада было ясно, что германское посольство готовится к отъезду и вся эта „культурная“ акция с Берлинским балетом сфабрикована для отвода глаз. Шуленбург и его аппарат готовились покинуть Москву».

Война на пороге! Германское посольство «сматывает удочки»! Естественно было бы, чтобы и советское посольство в Берлине получило указание подготовиться к отъезду. Но...

Советские дипломаты не только не готовятся к отъезду, а даже «совсем наоборот» — посольство почти ежедневно пополняется новыми сотрудниками, прибывающими из Москвы.

Вспоминает секретарь посольства Валентин Бережков: *«Ми, сотрудники советского посольства в Берлине, находились в состоянии какой-то раздвоенности. С одной стороны, мы располагали недвусмысленной информацией, свидетельствующей о том, что война вот-вот разразится. С другой стороны, ничего особенного как будто не происходило. Жен и детей работников советских учреждений на Родину не отправляли. Более того, из Советского Союза почти каждый день прибывали новые сотрудники с многочисленными семьями и даже с женами, находящимися на последних месяцах беременности».*

Эта сюрреалистическая картина — русские, прибывающие в Берлин, с чемоданами, детьми, беременными женами, накануне готовой разразиться

войны — удивляла и самих берлинцев, и иностранных корреспондентов.

И, вместе с тем, эта сюрреалистическая картина служила еще одним доказательством того, что Москва *«слухам о войне не верит, войну не ожидает и к войне не готовится!»*

А до «внезапного» нападения Германии оставалось всего трое суток...

До начала операции «Барбаросса» осталось всего трое суток. 18 июня 1941, среда. Берлин

Молотов хотел встретиться с фюрером

Остаются последние дни до начала Русского похода. Сегодня на рассвете в Румынию вылетел генерал-лейтенант Гальдер, чтобы лично ознакомиться с положением дел на границе и убедиться в готовности армии Антонеску к войне.

А между тем в Берлине Геббельс все еще продолжает начатую им в начале июня 1941 г. игру в «Мирные переговоры». Каждый день он подбрасывает прессе новую «утку». То слухи о заключении нового военного пакта Берлин—Москва, то подготовка встречи Гитлера со Сталиным, а то и блестяще срежиссированная комедия с конфискацией газеты «Фёлькишер Беобахтер».

Сегодня мир захлестнула волна новых слухов — Германия планирует созыв мирной конференции, в которой примет участие и Россия.

ИЗ ДНЕВНИКА ГЕББЕЛЬСА

18 июня 1941, среда. ... Маскировка от России достигла своей наивысшей точки. Мы настолько захлестнули мир потоком слухов, что уже и сам с трудом ориентируешься. От мира до войны — это такая шкала, из которой каждый может выбирать то, что ему хочется.

Наш новейший трюк: мы планируем созыв большой мирной конференции с участием также и России. Желанная жратва для мировой общественности!

Но некоторые газеты почуяли, что пахнет жареным, и подходят весьма близко к истине... Можно ли еще долго сохранять маскировку против России? Я в этом сомневаюсь. Во всяком случае, с каждым днем маскировка эта все больше раскрывается.

Мы живем в лихорадочно высоком напряжении. Гроза должна разразиться со дня на день. Хоть бы скорее прошла эта неделя!

Геббельс понимает, что «маскировка раскрывается», вернее раскрыта уже давно. И никакие «утки» уже не имеют значения — реальная обстановка на советско-германской границе доказывает это. И все же...

Есть человек, для которого жизненно важно показать всем, что он верит в эти небылицы, что он не сомневается в «добрых намерениях» Гитлера. И этот человек — вождь Советской России Иосиф Сталин. Он четко ведет свою линию.

Сегодня, 18 июня 1941 г., за трое суток до «внезапного» нападения, Москва предлагает Гитлеру встретиться с Молотовым.

Событие это настолько невероятно, что можно было бы ему не поверить. Если бы...

Если бы этот факт не отметил в своем «Военном дневнике» Гальдер — человек, которого никак нельзя заподозрить в преднамеренном искажении фактов.

Гальдер сделает эту запись только через два дня, 20 июня 1941 г., когда он вернется из своей последней инспекционной поездки. А пока он объезжает северо-восточную границу Румынии и проводит совещание с военным министром Румынии Кристя Пантази и командующим 11-й германской армией Риттером фон Шобертом, принявшим уже, фактически, командование над румынскими войсками.

Гальдер спешит. Закончив свои дела в Румынии, он летит в Венгрию. В Будапеште за три часа, проведенные на военном аэродроме Матьяшфель, генерал успел позавтракать с начальником венгерского генштаба Генрихом Вертом и во время завтрака поразил его своим высказыванием о будущей войне с Россией: *«Советская Россия все равно, что оконное стекло; нужно только раз ударить кулаком и все разлетится в куски».*

Из Будапешта Гальдер вылетел в Братиславу и в тот же день, 20 июня 1941 г., вернулся в Берлин. Вечером он принял участие в обычном «ситуационном совещании» фюрера, и, по окончании совещания, сделал эту короткую, но такую знаковую, запись в своем дневнике:

«20 июня 1941. Молотов хотел встретиться с фюрером 18 июня».

Эта короткая запись Гальдера красноречиво свидетельствует о том, что в преддверии неотвратимо надвигающейся войны, за трое суток до «внезапного»

нападения Германии, Сталин делает еще одну отчаянную попытку отсрочить нападение. Отсрочить назначенное на 22 июня 1941 г. нападение — под любым, самым невероятным, предлогом!

Но было уже слишком поздно! Понял ли Гитлер тактику своего хитроумного противника или не понял, но от встречи с Молотовым он отказался. И повторения «дружеских переговоров ноября 1940 г.», на которых Молотов довел Гитлера до истерики, не произошло.

До «внезапного» нападения осталось всего трое суток. 18 июня 1941, среда. Западная граница

Генерал Копец обещал застрелиться

В то же самое время, когда генерал-полковник Франц Гальдер инспектировал гитлеровские войска на границе, проверяя их готовность к нападению, генерал армии Кирилл Мерецков инспектировал советские войска по другую сторону границы, проверяя их готовность к отражению нападения.

Генерал армии Мерецков, снятый Сталиным с поста начальника Генштаба после Большой военной игры в январе 1941 г., сегодня занимает пост заместителя наркома обороны и отвечает за боевую подготовку Красной армии. С весны этого года по личному распоряжению Сталина Мерецков объезжает приграничные округа. В конце мая 1941 г. он принял участие в боевых учениях Ленинградского военного округа, а затем прибыл в Киевский округ.

Вспоминает маршал Кирилл Мерецков: *«...начальник оперативного отдела округа генерал-майор Баграмян доложил мне обстановку. Дело приближалось к войне».*

Мерецков поехал во Львов, а оттуда в Одессу и на румынскую границу.

И здесь опытного генерала поразил один неприятный и очень значительный факт — по ту сторону границы Мерецков увидел группу высших офицеров!

Вспоминает Мерецков: *«...Смотрим мы на ту сторону, а оттуда на нас смотрит группа военных. Оказалось, что это были немецкие офицеры».*

Вернувшись в Москву, Мерецков вместе с Тимошенко был у Сталина и доложил ему обо всем, что видел, слышал и почувствовал на границе. Сталин, по словам Мерецкова, отнесся очень внимательно к его докладу, приказав продолжать инспекцию округов и, в первую очередь, проверить состояние авиации у генерала Павлова.

Мерецков: *«Я немедленно вылетел в Западный Особый военный округ. Шло последнее предвоенное воскресенье. Выслушав утром доклады подчиненных, я объявил во второй половине дня тревогу авиации.*

Прошел какой-нибудь час, учение было в разгаре, как вдруг на аэродром, где мы находились, приземлился немецкий самолет. Все происходящее на аэродроме стало полем наблюдения для его экипажа.

Не веря своим глазам, я обратился с вопросом к командующему округом Павлову. Тот ответил, что по распоряжению начальника гражданской авиации СССР на

этом аэродроме велено принимать немецкие пассажирские самолеты.

Это меня возмутило. Я приказал подготовить телеграмму на имя Сталина о неправильных действиях гражданского начальства и крепко поругал Павлова за то, что он о подобных распоряжениях не информировал наркома обороны.

Затем я обратился к начальнику авиации округа Герою Советского Союза Копецу: «Что же это у вас творится? Если начнется война и авиация округа не сумеет выйти из-под удара противника, что тогда будете делать?» Конец совершенно спокойно ответил: «Тогда буду стреляться!»

Настанет день, и участник войны в Испании, Герой Советского Союза генерал-майор авиации Иван Копец исполнит свое намерение.

22 июня 1941 г., на рассвете, за несколько минут до «внезапного» нападения Германии, генерал Копец отдал самочинный приказ поднять в воздух всю авиацию округа и, одновременно, сообщил о своем приказе в Москву. Москва ответила: *«Немедленно дать отбой, иначе это спровоцирует Германию на войну, и вы ответите головой!»*

Копец вынужден был подчиниться. Успевшие уже взлететь самолеты приземлились, и... в то же самое время над аэродромом появились черные кресты люфтваффе.

После гибели авиации округа на второй день войны Иван Копец, как и «обещал» Мерецкову, пустил себе пулю в висок. Если бы он этого не сделал, его наверняка постигла бы участь командующего авиацией Киевского

округа генерала Птухина, который уже 27 июня 1941 г. был арестован и расстрелян.

Но тогда, в последние предвоенные дни, генерал армии Кирилл Мерецков вернулся в Москву и доложил наркому обороны о вопиющей реальности — **германским пассажирским самолетам предоставлено право приземляться на советские военные аэродромы!**

Тимошенко тут же, при Мерецкове, позвонил Сталину и немедленно выехал в Кремль для личного доклада. Доклад Тимошенко, вряд ли мог удивить Сталина, а вот реакция Сталина на этот доклад поразила и Тимошенко, и Мерецкова. По воспоминаниям Мерецкова, *«было приказано по-прежнему на границе порядков не изменять, чтобы не спровоцировать немцев на выступление».*

До начала операции «Барбаросса» осталось всего трое суток. 18 июня 1941, среда. Румыния

«Румынское орудие уничтожения» готово к убийствам

Сегодня, когда специально прибывший из Берлина эмиссар Гитлера Гальдер завершил проверку готовности Румынии к военному походу против России, Антонеску практически уже закончил подготовку и ко второй части операции — «походу на уничтожение».

И точно так же, как гитлеровская война против России будет особой войной, сопровождающейся

запланированным заранее массовым убийством гражданского населения, война его союзника Антонеску зальет оккупированные им территории кровью женщин и детей.

В Румынии, как и в Германии, для осуществления целей «похода на уничтожение» было создано специальное «орудие уничтожения», и это чудовищное оружие не только выполнит возложенную на него задачу, но по кровавой жестокости еще и превзойдет германское.

«Румынское орудие уничтожения» включало два специализированных подразделения профессиональных убийц — Оперативный эшелон SSI и особый Жандармский легион. Но, в дополнение к ним, немалая роль в уничтожении гражданского населения отводилась и румынской армии.

Оперативный эшелон SSI

Оперативный эшелон был практически уменьшенным аналогом германских Эйнзатцгруппе СС и имел ту же задачу — очистку занятых территорий от «иудо-большевиков». И точно так же как Эйнзатцгруппе СС были сформированы в рамках РСХА, Оперативный эшелон был сформирован в рамках румынской Секретной службы безопасности.

Румынская служба безопасности — сигуранца многие годы считалась одной из самых зловещих секретных служб мира. Своей печальной славой она была обязана ее создателю и главе генералу Михаилу Морозову.

Потомок запорожских казаков Морозов еще во время Первой мировой войны подвизался в сомнительной

роли агента румынской разведки, а затем, сделав головокружительную карьеру, в 1924 г. организовал сигуранцу. Морозов поддерживал тесные профессиональные и дружеские связи с главами многих секретных служб и, в частности, со своим коллегой шефом абвера адмиралом Канарисом. Одна из секретных встреч двух шпионов произошла в сентябре 1940 г. в Венеции, во Дворце дождей, где состоялся тот самый, ставший известным, разговор о «Красной собаке» Антонеску. Морозов тогда откровенно и весьма непочтительно высказался об Антонеску, рассказав Канарису, как он однажды, по приказу короля Кароля II, должен был даже арестовать генерала. Канарис пытался уговорить коллегу учесть изменившуюся ситуацию и не возвращаться в Румынию, но Морозов пренебрег советом, считая, что Антонеску — «этот маленький напыщенный человек» — не сможет причинить вреда всемогущей главе сигуранцы.

Морозов просчитался. По возвращении в Бухарест, по приказу «этого маленького напыщенного человечка», всемогущий глава сигуранцы был арестован и заключен в известную политическими убийствами тюрьму «Жилава». Надо отдать должное Канарису — он пытался спасти друга. 8 сентября 1940 г. адмирал специально летал в Бухарест и просил Антонеску пощадить Морозова. «Красная собака» обещал, но, по обыкновению, не сдержал слова. Морозов был расстрелян.

По официальному обвинению глава сигуранцы многие годы являлся штатным сотрудником советской разведки, что, принимая во внимание русские корни Морозова, могло быть и правдой.

После ареста Морузова, пост главы сигуранцы занял Эужен Кристеску — профессиональный убийца, человек такой бесчеловечной жестокости, которая затмевала даже печально известную жестокость Михаила Морузова. Кристеску служил под началом Морузова в сигуранце и, одновременно с этим, являлся секретным агентом действующей в Бухаресте полуподпольной ветви гестапо, в распоряжении которой были неограниченные деньги, склады оружия и даже целая армия, организованная из румынских граждан немецкого происхождения. Гестапо вмешивалось во все сферы жизни Румынского государства и старалось везде насаждать своих ставленников. И было вполне естественно, что после убийства Морузова, главой сигуранцы стал Кристеску. В этом же 1940 г. румынская секретная служба безопасности получила свое новое имя «Специальная служба информации — SSI», от чего ее зловещее содержание не только не изменилось, но стало еще ужасней.

В рамках SSI и был организован Оперативный эшелон. Организацией Эшелона занимался лично Кристеску с помощью «специалиста по еврейскому вопросу» гауптштурмфюрера СС Густова Рихтера, который специально для этой цели был переведен в апреле 1941 г. из Парижа в Бухарест. Сегодня организация Оперативного эшелона завершена. Формальным его командующим считается сам генерал Кристеску, а непосредственное руководство убийцами осуществляет полковник Михаил Ион Лисевич. Помощниками Лисевича назначены родственники Кристеску — брат и племянник Эужена лейтенант в отставке Георге Кристеску и офицер полиции Георге Гуцэ.

Жандармский легион

Румынский Оперативный эшелон включал всего 160 убийц и нельзя было рассчитывать, что он сможет выполнить «очистку» огромной территории, которая должна быть захвачена румынами в ходе операции «Барбаросса». Эшелон, точно так же как и Эйн-затцгруппе, должен был, входя вслед за армией в захваченные города и села, осуществлять только первые акции убийства коммунистов и евреев и, не закончив «очистку», продвигаться дальше вслед за армией. Окончательная «очистка» должна была стать задачей жандармов. Не так давно Антонеску приказал своему министру внутренних дел генералу Думитру Попеску восстановить тот самый Жандармский легион, который действовал на территории Бессарабии, а после ее потери в 1940 г., был распущен.

*ИЗ ПОКАЗАНИЙ МАРШАЛА ИОНА АНТОНЕСКУ
Документ СССР — 153, Нюрнберг, 1946*

Когда все необходимые приказы по армии были отданы, я в мае и в июне месяцах 1941 г. провел совещание с каждым из своих министров, которых также поставил в известность о моем и Гитлера решении напасть на Советский Союз, и каждому из них дал соответствующие указания ... Тогда же я вызвал к себе министра внутренних дел генерала Попеску, которому поручил заняться формированием специальных жандармских частей, выделяемых в распоряжение гражданских административных органов, которые должны были действовать на оккупированной советской территории-После вторжения на советскую территорию румынские войска, находившиеся под моим главным командованием, оказали немцам большую помощь, в

связи с чем Гитлер прислал на мое имя письмо с выражением благодарности мне и румынской армии. Показания написаны мною собственноручно.

Маршал Антонеску

«Жандармский легион» будет находиться в ведении главного инспектора жандармерии генерала Константина Пики Василиу. Подчиняясь формально гражданской администрации оккупированных территорий, подразделения легиона будут заниматься поимкой дезертиров, охотой за партизанами, арестами людей нелояльных к властям, а также, и это в первую очередь, полной «очисткой» территории от евреев, оставшихся в живых после экзекуций, учиненных убийцами Оперативного эшелона SSI.

Для усиления эффективности действий легиона, он был укомплектован жандармами, имеющими опыт убийств в Бессарабии, и пополнен молодыми солдатами-призывниками, прошедшими специальную ускоренную подготовку. Именно эти молодые солдаты в возрасте 18—20 лет будут проявлять особую варварскую жестокость в убийстве людей.

Готовык убийствам!

Массовые убийства еврейского населения, совершенные румынскими варварами на оккупированных ими территориях, не были спонтанными.

Эти варварские убийства, так же как и уничтожение евреев, осуществленное германскими убийцами, были хладнокровно обдуманы и запланированы. И так же как и германские солдаты, отправляясь в Польшу, хорошо знали, что они «едут бить жидов» и писали эту гнусность

на вагонах поездов, солдаты румынской армии прекрасно знали, что они будут делать «на Востоке».

Сегодня, 18 июня 1941 г., «Румынское орудие уничтожения» уже сформировано и готово к будущим убийствам. Еще не наступил рассвет, когда Оперативный эшелон SSI, во главе с генералом Эуженом Кристеску, выступил в свой кровавый поход — на север, в Пьятро-Нямц, а оттуда в Яссы. Здесь, на румынской земле, в Яссах, убийцы получают свое первое «боевое крещение» — вместе с германскими убийцами из Эйнзатцгруппе «D» они будут уничтожать беззащитных женщин и детей.

Сегодня в нескольких городках и местечках на восточной границе Румынии проходит последний инструктаж командиров жандармских подразделений. В местечке Роман, для трех жандармских подразделений — Оргеевского, Лепушанского и Бельцкого — инструктаж проводит сам генерал Василиу. Атмосфера торжественная. Жандармы, построенные в каре, затаив дыхание, слушают указ генерала Антонеску, разъясняющий принципы «очистки освобожденных румынских территорий от евреев». Указ предписывает: *«В сельских районах — немедленно уничтожить всех евреев, безразличия пола и возраста. В городах — заключить евреев в гетто. „Подозрительных лиц“, партийных работников и тех, кто занимал ответственные посты при Советской власти, — арестовать».*

Указ Антонеску был воспринят жандармами как миссия, которую им предстоит выполнить в интересах Великой Румынии. И, во имя Великой Румынии, жандармы будут убивать. Убивать с удовольствием. Убивать жестоко и безжалостно, так же жестоко и

безжалостно, как и убийцы из Оперативного эшелона, так же жестоко и безжалостно, как и убийцы из гитлеровских Эйнзатцгруппе СС.

До «внезапного» нападения осталось всего трое суток. 18 июня 1941, среда. Москва

Почему Сталин не перешел Рубикон?

Поздним вечером Тимошенко и Жуков снова прибыли в Кремль. Сообщения о приближающемся нападении Германии стали в последние дни уже обычным явлением, но сегодня к ним, добавилось еще одно, особое чрезвычайное происшествие на границе. Перед рассветом на границе Киевского округа, на участке, занимаемом 15-м стрелковым корпусом 5-й армии, появился немецкий перебежчик. И, несмотря на то, что в последнее время пограничники почти ежедневно задерживали перебежчиков, рассказ этого немца поразил всех — перебежчик уверенно называл день и час нападения: **«22 июня — в 4 утра»**.

Немец был срочно доставлен в Ковель — в штаб командира 15-го стрелкового корпуса полковника Ивана Федюнинского и допрошен самим Федюнинским. Перебежчик рассказал: *«Я был пьян, ударил офицера, мне грозит военно-полевой суд и, скорее всего, расстрел. Вынужден был бежать. Через три дня — 22 июня в 4 часа утра — наша армия начнет кампанию против России»*.

Рассказ солдата, утверждавшего, что он, к тому же, сын коммуниста, показался Федюнинскому правдивым. Обеспокоенный командир 15-го стрелкового корпуса тут же позвонил командующему 5-й армией генерал-майору

Михаилу Потапову и доложил о ЧП. Потапов, обеспокоенный не меньше Федюнинского, вынужден был ответить ему так, как было предписано «свыше» отвечать в эти дни: *«Это провокация! Нет необходимости из-за каждой глупости поднимать панику»*.

Панику не поднимали... И все же генерал-майор Потапов немедленно доложил о ЧП командующему округом Кирпоносу.

Генерал Кирпонос, также уже не первый день встревоженный очевидной угрозой нападения и даже «самочинно» отдавший приказ занять предполье, доложил о ЧП в Москву. А вечером, в 20.25, Тимошенко и Жуков уже были у Сталина.

В эти дни каждое происшествие, связанное с ожидаемым нападением, немедленно докладывалось Сталину. Разговор со Сталиным в этот вечер был не из легких. Военачальники пробыли в кабинете Сталина более четырех часов, до половины первого ночи. Речь шла о необходимости ввести в действие ПЛАН ПРИКРЫТИЯ-41. Это был уже не первый разговор на эту жизненно важную тему. Впервые Тимошенко и Жуков затронули вопрос о ПЛАНЕ ПРИКРЫТИЯ в конце мая 1941 г., мотивируя это тем, что германские самолеты стали часто нарушать воздушное пространство страны, явно ведя разведку местности в преддверии войны. Тогда, в мае 1941 г., военачальники были поражены «непонятной доверчивостью» Сталина, который отклонил их требование о введении в действие ПЛАНА ПРИКРЫТИЯ и дал еще совершенно невероятное указание — позволить гитлеровцам проводить «розыск могил немецких солдат на советской территории», или, другими словами, кроме воздушной разведки, вести еще и наземную.

Вторично нарком обороны просил вождя дать разрешение на развертывание первых эшелонов по ПЛАНУ ПРИКРЫТИЯ на прошлой неделе, в пятницу, 13 июня 1941 г. В тот раз разговор между ними происходил по телефону, так как Сталин, занятый составлением «Сообщения ТАСС», в этот день никого не принимал. Но и тогда, 13 июня 1941 г., когда до «внезапного» нападения оставалось всего 8 дней, Сталин не согласился ввести в действие ПЛАН ПРИКРЫТИЯ и, на настойчивую просьбу наркома, ответил: *«Сейчас этого делать не следует»*. После того, памятного для Жукова телефонного разговора, прошло пять дней, и ситуация на границах стала по-настоящему угрожающей. **Сегодня, ни для кого уже, ни в Кремле, ни в Генеральном штабе, не было секретом, что «внезапное» нападение произойдет в ночь с субботы на воскресенье, 22 июня 1941 г., между двумя и четырьмя часами утра.**

Эту дату и этот час называли многие, начиная от Рихарда Зорге и кончая немецким перебежчиком. Да и факты не оставляли места для сомнений — сосредоточение германских войск на советских границах было завершено, а 22 июня было, фактически, последним днем этого, 1941 г., когда нападение еще возможно было осуществить, не рискуя быть застигнутым русской зимой. Вероятность того, что Германия начнет войну именно 22 июня, усиливалась еще и тем, что эта дата приходилась на воскресенье — день, который обычно использовал Гитлер для нападения на свои жертвы. Все эти соображения и высказали сегодня Сталину военачальники, подкрепив свои доводы целой пачкой агентурных донесений военной разведки Генштаба Красной армии.

Трудно отделаться от мысли, что эта пачка донесений военной разведки, по своему содержанию, была идентична другой, не менее толстой пачке донесений, полученной Сталиным вчера, 17 июня 1941 г., от внешней разведки НКВД. Вчера донесения внешней разведки, сведенные в «Календарь сообщений», вызвали у Сталина настоящий взрыв гнева и, не найдя лучших аргументов для объяснения своих действий в преддверии надвигавшейся опасности, он разразился «матом» и наложил «матерную» резолюцию на представленные ему документы. Сегодня Сталин лучше владел собой и, выслушав военачальников, он лишь грубо высказался в адрес Зорге, повторившего уже надоевшую ему дату — 22 июня 1941 г. В эти последние дни лексикон Сталина больше обычного изобиловал «матерщиной». Вспоминает Тимошенко: *«В июне 1941 г., буквально за несколько дней до фашистского нападения, когда сообщения по разным каналам о готовящейся агрессии против СССР стали очень тревожными, мне удалось добиться у Сталина согласия принять меня вместе с начальником Генштаба генералом Жуковым. Обычно Хозяин, хорошо знавший мой прямой характер, предпочитал принимать меня с глазу на глаз. Мы вручили Сталину большую пачку последних донесений наших военных разведчиков, дипломатов, немецких друзей — антифашистов и других, убедительно свидетельствовавших о том, что каждый день следует ожидать разрыва Гитлером Пакта о ненападении и вторжения врага на советскую землю.»*

Проходящая мимо нас, Сталин бегло пролистал полученные материалы, а затем небрежно бросил их на стол (они рассыпались веером), со словами: «А у меня есть другие документы». Достает и показывает пачку бумаг, по содержанию почти идентичных нашим, но

испещренных резолюциями начальника военной разведки генерал-лейтенанта Голикова. Зная мнение Сталина, что в ближайшие месяцы войны не будет и стремясь угодить ему, Голиков начисто отметал правдивость и достоверность всех донесений.

«Более того, — продолжал Сталин, — нашелся один наш... (тут Хозяин употребил нецензурное слово), который в Японии уже обзавелся заводиками и публичными домами. Так он соизволил сообщить даже дату германского нападения — 22 июня. Прикажете и ему верить?» Так ничем и закончился наш визит к Сталину».

В ответ на представленные наркомом агентурные сводки, которые, бегло просмотрев, Сталин с такой злобой швырнул на стол, что они рассыпались веером, он показал военачальникам «другую пачку бумаг».

Эта «другая пачка бумаг» удивляет! Ведь те, и «другие бумаги», были, фактически, одними и теми же!

И те, и «другие бумаги», были получены из одного и того же источника, от того же начальника военной разведки генерал-лейтенанта Голикова, подчиненного непосредственно начальнику Генштаба Жукову и наркому обороны Тимошенко. А все известные донесения Голикова, с резолюциями и без них, были адресованы не только Сталину, но и, одновременно, Тимошенко и Жукову!

Между тем, Тимошенко продолжал свои попытки убедить Сталина в необходимости ввести в действие ПЛАН ПРИКРЫТИЯ. Нарком обороны был уверен, что, если во время предыдущих разговоров со Сталиным, в конце мая и в середине июня 1941 г., он имел еще возможность «оттягивать» принятие этих мер, то

сегодня, за 2—3 дня до нападения, этой возможности уже просто не существует.

Следует немедленно дать приказ о развертывании первых эшелонов по ПЛАНУ ПРИКРЫТИЯ, тем более, что, при существующем глубоком эшелонировании войск, в случае «внезапного» нападения Германии, на советских границах нет достаточных сил, чтобы встретить врага — нет сил для прикрытия!!!

Рассказывает маршал Жуков: *«На другой день мы были у Сталина и доложили ему о тревожных настроениях и необходимости приведения войск в полную боевую готовность.»*

«С Германией у нас договор о ненападении, — сказал Сталин. — Германия по уши увязла в войне на Западе, и я верю в то, что Гитлер не рискнет создать для себя Второй фронт, напав на Советский Союз.»

Нарком обороны С. К. Тимошенко пробовал возразить: «Ну, а если это все-таки произойдет? В случае нападения мы не имеем на границах достаточных сил даже для прикрытия. Мы не можем организованно встретить и отразить удар немецких армий. Ведь вам известно, что переброска войск к нашим Западным границам при существующем положении на железных дорогах до крайности затруднена.»

Справедливые доводы Тимошенко все-таки вывели Сталина из с трудом сохраняемого равновесия. Диктатор вспылил. И немудрено — введение в действие ПЛАНА ПРИКРЫТИЯ означало объявление мобилизации и немедленное выдвижение войск к границе со всеми вытекающими из этого последствиями.

«Вы что же, предлагаете провести в стране мобилизацию, поднять сейчас войска и двинуть их к западным границам? Это же война! Понимаете вы оба это или нет?» — вспылил Сталин.

«Нам все это ясно, — продолжал Тимошенко, — но мы отвечаем за готовность войск к обороне».

Затем Сталин все же спросил: «Сколько дивизий у нас расположено в Прибалтийском, Западном, Киевском и Одесском военных округах?»

Мы доложили, что всего в составе четырех западных приграничных военных округов 1 июля будет 149 дивизий...

«Ну вот, разве этого мало? Немцы, по нашим данным, не имеют такого количества войск», — сказал Сталин».

Да, дивизий, действительно, несмотря на их неполную укомплектованность, видимо, было достаточно. Но вот дислокация войск вызывала у военачальников тревогу. По свидетельству Жукова, и он, и Тимошенко ушли из Кремля с тяжелым чувством. Оба военачальника понимали, что Сталин пытается «оттянуть» введение в действие ПЛАНА ПРИКРЫТИЯ, и считали, что эта «оттяжка» в существующей ситуации смертельно опасна. Об этой «опасности» через 25 лет после окончания войны, в 1978 г., скажет маршал Александр Василевский: *«...причин для того, чтобы добиться оттягивания сроков вступления СССР в войну, имелось достаточно, и жесткая линия Сталина не допускать того, что могла бы использовать Германия как повод для развязывания войны, оправдана историческими интересами социалистической Родины.*

Но вина его состоит в том, что он не увидел, не уловил того предела, дальше которого такая политика становилась не только ненужной, но и опасной. Такой предел следовало смело перейти, максимально быстро привести вооруженные силы в полную боевую готовность, осуществить мобилизацию, превратить страну в военный лагерь.

Следовало, тянуть время где-то максимум до июня, но работу, какую можно вести скрытно, выполнить еще раньше.

Доказательств того, что Германия изготавилась для военного нападения на нашу страну, имелось достаточно — в наш век их скрыть трудно. Опасения, что на Западе поднимется шум по поводу якобы агрессивных устремлений СССР, нужно было отбросить.

Мы подошли волей обстоятельств, не зависящих от нас, к Рубикону, и нужно было твердо сделать шаг вперед. Этого требовали интересы нашей Родины».

Маршал Василевский после войны был убежден в том, что опасения быть объявленным агрессором, не стоило принимать в расчет.

Но Сталин тогда, перед войной, в июне 1941 г. считал иначе!

**До «внезапного» нападения
осталось всего двое суток. 19
июня 1941, четверг. Москва**

«Внезапное» нападение— в воскресенье!

Прошли еще одни сутки. Наступило 19 июня 1941 г.

Теперь эта роковая дата — воскресенье, 22 июня 1941 г. присутствует во всех агентурных донесениях советской разведки.

Мировая пресса также убеждена в том, что война начнется в ближайшие 48 часов. Широко распространившиеся слухи о предстоящей новой германской агрессии, вынудили Гитлера принять меры для предотвращения утечки информации. По его приказу прервана телефонная связь между Берлином и целым рядом государств, в том числе с Румынией, Болгарией и Швейцарией. Этот экстраординарный акт вызвал еще большую панику во всем мире.

Многие иностранные дипломаты уже успели покинуть Москву. А те, которые еще остаются, также указывают на воскресенье как на день «внезапного» нападения. Именно этот день называет итальянский посол Аугусто Россо в своей телеграмме в Рим: *«В строго конфиденциальном порядке он [германский посол] добавил, что его личное впечатление, однако, таково, что вооруженный конфликт неизбежен и что он может разразиться через два-три дня, возможно, в воскресенье.»*

Имея это в виду он делает необходимые приготовления, оставляя за собой право доверить защиту германских интересов здешней шведской миссии... Ввиду неизбежных затруднений в телеграфной связи накануне войны, прошу срочно телеграфировать мне все полезные инструкции...»

А, меж тем, в Москве по-прежнему «все спокойно». Население занято своими обычными делами. Передовая статья газеты «Правда» посвящена летнему отдыху трудящихся. Об этом «полном спокойствии» Москвы информируют свои правительства иностранные

дипломаты, на это «спокойствие» обращают внимание корреспонденты иностранных газет.

ИЗ ТЕЛЕГРАММЫ АУГУСТО РОССА

В данный момент Москва сохраняет вид полного спокойствия, и в столице не замечается никаких симптомов, которые обнаружили бы нервозность или же усиление чрезвычайных мер (ночные затемнения, пробная противовоздушная тревога и прочее).

ИЗ СООБЩЕНИЯ «НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС»

Население Москвы занято своим обычным повседневным делом, работает и покупает в хорошо обеспеченных товарами магазинах, и присутствует на популярных в Советском Союзе футбольных матчах.

Ничто в настроении русских не указывает на приближение советско-германского конфликта, в то время как официальная позиция подтверждает, что Советский Союз твердо и полностью проводит свою независимую внешнюю политику.

До «внезапного» нападения Германии остается всего двое суток.

До начала операции «Барбаросса» осталось всего двое суток. 19 июня 1941, четверг. Рим

«Крещендо» опасности

Телеграммы, называющие точную дату «внезапного» нападения, все прибывают, и в этом все возрастающем потоке предупреждений явственно звучит

«крещендо» опасности. Так, из Рима пришла шифровка, отправителем которой был резидент внешней разведки майор Глеб Рогатнев, по кличке «Тит». Сведения Рогатнева получены от сотрудника Министерства иностранных дел Италии Джорд-жо Конфорто, который, занимая престижный пост и будучи членом фашистской партии, с 1932 г. сотрудничает с советской разведкой и известен в Москве под кличкой «Гау». Источником информации Конфорто служат машинистки министерства иностранных дел, оставившие свой след в истории шпионажа только под кличками — «Дарья» и «Марта», и именно эти машинистки видели сегодня своими глазами телеграмму, пришедшую в Рим от посла Италии в Германии Бернардо Аттолико. По сведениям Аттолико нападение Германии на Россию следует ожидать в самые ближайшие дни — между 20 и 25 июня 1941 г.

ИЗ СООБЩЕНИЯ РЕЗИДЕНТА НКГБ В РИМЕ

19 июня 1941

*На встрече 19 июня «Гау» передал сведения, полученные им от «Дарьи» и «Марты». **Вчера в МИД Италии пришла телеграмма итальянского посла в Берлине, в которой тот сообщает, что высшее военное немецкое командование информировало его о начале военных действий Германии против СССР между 20 и 25 июня сего года.***

До «внезапного» нападения Германии остается всего двое суток.

До «внезапного» нападения осталось всего двое суток. 19 июня 1941, четверг. Москва

Сталинские «Приказы-НЕ»

Вчера весь вечер Тимошенко и Жуков провели в Кремле у Сталина.

Разговор с Диктатором продолжался несколько часов. По свидетельству Жукова, и он, и Тимошенко, ушли из Кремля с «тяжелым чувством».

Но, несмотря на свое «тяжелое чувство», и зная при этом, что по маскировке важнейших военных объектов до сих пор ничего не сделано, Тимошенко издает сегодня «срочный» приказ, требующий осуществить маскировку военных объектов, засеять все аэродромы травами к... 1 июля 1941 г.

Тимошенко требует произвести окраску танков к 1 июля 1941 г.!

ИЗ ПРИКАЗА НАРКОМА ОБОРОНЫ СОЮЗА СССР

№ 0042, 19 июня 1941 г. Совершенно секретно

СОДЕРЖАНИЕ: О маскировке аэродромов, воинских частей и военных объектов.

По маскировке аэродромов и важнейших военных объектов до сих пор существенного ничего не сделано. Аэродромные поля не все засеяны, полосы взлета под цвет местности не окрашены, а аэродромные постройки, резко выделяясь яркими цветами, привлекают внимание наблюдателя на десятки километров. Скученное и линейное расположение самолетов на аэродромах при

полном отсутствии маскировки и плохая организация аэродромного обслуживания с применением демаскирующих знаков и сигналов окончательно демаскируют аэродром.

Аналогичную беспечность в маскировке проявляют артиллерийские и мотомеханизированные части: скученное и линейное расположение их парков представляет не только отличные объекты наблюдения, но и выгодные для поражения с воздуха цели < ... >

ПРИКАЗЫВАЮ: К 1.7.41 засеять все аэродромы травами под цвет окружающей местности, взлетные полосы покрасить и имитировать всю аэродромную обстановку соответственно окружающему фону.

Аэродромные постройки до крыш включительно закрасить под один стиль с окружающими аэродром постройками. Бензохранилища зарыть в землю и особо тщательно замаскировать.

Категорически воспретить линейное и скученное расположение самолетов; рассредоточенным и замаскированным расположением самолетов обеспечить их полную ненаблюдаемость с воздуха.

К 1.7.41 провести окраску танков, бронемашин, командирских, специальных и транспортных машин...

Округам, входящим в угрожаемую зону, провести такие же мероприятия по маскировке: складов, мастерских, парков и к 15.7.41 обеспечить их полную ненаблюдаемость с воздуха...

Исполнение донести 1.7 и 15.7.41 через начальника Генштаба.

Народный комиссар обороны СССР

Маршал Советского Союза С. ТИМОШЕНКО

Начальник Генерального штаба Красной армии

генерал армии Г. ЖУКОВ

В этот же день, 19 июня 1941 г., Совет народных комиссаров СССР и ЦК партии утвердили приказ наркома обороны.

Несмотря на вопиющие недостатки, Совет народных комиссаров и ЦК партии не только не сократили сроки выполнения приказа, установленные Тимошенко, а наоборот, еще и отодвинули их — до 30 июля 1941 г.! Постановление подписал председатель СНК и Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) Иосиф Сталин.

И все это происходит в то время, когда уже достоверно известно, что до «внезапного» нападения Германии остается всего двое суток!

Такие действия, явно противоречащие необходимым мерам по подготовке страны к отражению нападения агрессора, можно было бы объяснить только предательством. Однако указание «О маскировке» следует рассматривать не как отдельно взятый приказ, а в совокупности — вся серия приказов, отданных в эти последние предвоенные дни, имеет определенную и четкую направленность, и может быть названа сталинскими «ПРИКАЗА-МИ-НЕ»:

НЕ верить предупреждениям о готовящемся нападении!

НЕ стрелять по немецким самолетам-разведчикам!

НЕ препятствовать немецким самолетам садиться на советские аэродромы! НЕ препятствовать немцам «искать

могилы» и вести наземную разведку советской приграничной территории!

НЕ занимать предполье!

НЕ вводить в действие ПЛАН ПРИКРЫТИЯ-41!

И если все это не предательство, то сталинские «ПРИКАЗЫ-НЕ» могут иметь лишь одно объяснение — «Хозяин знал, что делал!» Все шло по плану, по хорошо продуманному Сталинскому СЦЕНАРИЮ.

Приказ о маскировке не станет последним «ПРИКАЗОМ-НЕ», завтра, всего за сутки до «внезапного» нападения, поступит еще один, еще более «абсурдный», на первый взгляд, приказ: «Отменить затемнение Прибалтийских городов!».

Вспоминает Константин Симонов, бывший во время этой войны военным корреспондентом газеты «Красная звезда»:

«Не только тяжело, а душевно непереносимо читать сейчас главы мемуаров, посвященные этому периоду. Соответствующие цитаты заняли бы десятки страниц.

Сошлюсь лишь на нескольких лиц, занимавших перед войной самые разные должности — от начальника ПВО страны и до командиров дивизий. Упоминания о строгом запрете сверху принимать в приграничных округах какие-либо меры к приведению войск в боевую готовность проходят через мемуары Воронова, Баграмяна, Сандалова, Бирюзова, Лобачева, Болдина, Кузнецова, Попеля и многих других участников войны...

Надо попробовать представить себе психологическое состояние людей, которые знают об угрожающем сосредоточении германских войск у наших

границ, ежедневно получают донесения на этот счет, сами доносят об этом своим старшим начальникам и в Москву, предлагают принять соответствующие меры, но ответом на все это оказывается или молчание, или прямые окрики: «Не смей!»»

До начала операции «Барбаросса» осталось всего двое суток. 19 июня 1941, четверг. Германия, Претц

Гитлеровские убийцы на старте

Претц... Маленький пасторальный городок на берегу полноводной Эльбы. Сегодня его еще трудно отыскать на карте, но вскоре он получит известность, как одна из кровавых вех Безумия XX в.

Вчера, 18 июня 1941 г., здесь в Претце началось последнее совещание командующих Эйнзатцгруппе СС и командиров Эйнзатцгруппе и Зондеркоманд. Будущие убийцы — около 3000 "человек — еще в начале мая 1941 г. были собраны в Претце на территории училища пограничных войск.

Командующие четырех Эйнзатцгруппе и командиры девятнадцати команд были тщательно отобраны самим рейхсфюрером Гиммлером из числа высокопоставленных офицеров СС — чистокровных «арийцев», «интеллектуальной» элиты немецкого народа.

Кем же были они, эти люди, имевшие, без сомнения, матерей, жен и детей, люди, которым уже через

несколько дней предстоит принимать участие в убийствах сотен тысяч таких же матерей, жен и детей?

По какому праву они присвоили себе роль Всевышнего? По какому праву будут они отнимать жизнь у «созданных по Его Образу и Подобию»? Нет, они не были садистами от рождения, не издевались в детстве над уличными котами и не отрывали крылышки у пойманных мух и комаров. Это были, на первый взгляд, обычные люди, хорошие сыновья, верные мужья и любящие отцы и впоследствии их сослуживцы будут отзываться о них, как о прекрасных товарищах, умных, добрых и даже верующих людях.

«Добряк» Артур Небе

Самым высокопоставленным был, наверное, командующий Эйнзатцгруппе «В», бригадефюрер СС и генерал-лейтенант полиции Артур Небе. В свои 47 лет Небе занимал пост начальника криминальной полиции — крипо — 5-го отделения РСХА — равный по значимости и престижности должности шефа гестапо Мюллера. Небе родился в Берлине, в семье учителя, имел два высших образования — юридическое и судебной медицины — и считался крупнейшим криминалистом Германии.

Многое в этой необычной личности вызывает удивление.

И, прежде всего, зачем понадобилось Небе, по собственному желанию, становиться главой команды убийц, преступные действия которой ему, человеку, «свято верившему в закон» и не раз протестовавшему против пыток гестапо, должны были быть отвратительны? А Небе действительно стал командующим Эйнзатцгруппе по собственному желанию. Когда на одном из совещаний Гиммлер выразил надежду,

что его подчиненные «должны быть счастливы» стать во главе Эйнзатцгруппе и отправиться в большевистскую Россию для выполнения «великой миссии», предназначенной для них фюрером, Артур Небе вскочил, щелкнул каблуками и, выбросив вперед правую руку, отчеканил: «Яволь! Рейхсфюрер! Я в вашем распоряжении!»

Под руководством Небе Эйнзатцгруппе «В», приданная группе армий «Центр» и включавшая 655 убийц, уничтожила в Белоруссии и в Смоленской области, согласно официальным рапортам, 45 476 евреев.

В сентябре 1941 г., устав от крови, «добряк» Небе стал искать более «эффективные» способы уничтожения людей. Одним из таких (способов ему представлялось убийство с помощью взрывчатки, и он даже поручил доктору Альберту Вайдману проверить этот способ на евреях Минска.

И в то же время, в юности Небе мечтал о карьере теолога, изучал иврит, был дружен с многими евреями, один из которых, заместитель начальника берлинской полиции доктор Бернгард Вайс в 1920 г. помог ему, безработному, поступить в полицию.

Артур Небе был архитектором кощунственной программы «Эвтаназия» и, в то же время, близким другом Ханса Гизевиуса, который, вспоминая о нем, не жалел хвалебных эпитетов, называл его человеком исключительно честным и добрым. По словам Гизевиуса, Небе, член нацистской партии с 1931 г., ненавидел нацистов и был тесно связан с «Черной Капеллой». Так ли это или нет, но, во всяком случае, Небе регулярно снабжал заговорщиков — Гизевиуса и Остера —

секретной информацией, а в июле 1944 г. принял участие в заговоре против Гитлера. После провала заговора Небе, пытаясь избежать расправы, инсценировал самоубийство и скрылся, но был выдан одной из своих любовниц и заключен в концлагерь Бухенвальд. По некоторым слухам, он был повешен, а по другим — опытному полицейскому, имевшему много друзей, удалось бежать и уйти от расплаты за все свои преступления — за те, которые он совершил против фюрера, и те, которые он совершил по его приказу.

Так в чем же все-таки секрет стремления заговорщика «Черной Капеллы» Артура Небе участвовать в убийствах? Причиной его рвения, возможно, послужило то, что одна из пяти эйнзатцкоманд, входивших в Эйнзатцгруппе «В», носила название «Форкомандо-Москва» и должна была действовать в столице большевистской России после ее оккупации. И, как свидетельствовали современники, в процессе подготовки операции «Барбаросса» в РСХА был подготовлен специальный список большевистских лидеров, подлежащих аресту. Этот список носил название «Зондерфандангс-листе» и включал 5256 фамилий.

Бригадефюрер СС Артур Небе, как видно, не мог отказать себе в удовольствии одним из первых войти в Москву и «поохотиться» на большевистских лидеров, заработав себе на этом всемирную известность.

«Интеллектуал» Отто Олендорф

Артур Небе был самым высокопоставленным убийцей, а самым «знаменитым» из всех оказался командующий Эйнзатцгруппе «D» бригадефюрер СС Отто Олендорф. Олендорф был единственным из первых,

назначенных Гиммлером командующих, дожившим до конца войны и представших перед Судом народов.

Отто Олендорф являл собой пример молодого образованного немца, посвятившего свою жизнь нацистскому режиму. Олендорф вступил в НСДАП в 1925 г. в 18 лет, будучи еще студентом Берлинского университета, и сделал блестящую карьеру. В 1941 г. тридцатичетырехлетний нацист уже занимал пост начальника 3-го отделения РСХА. В его компетенции были вопросы права, культуры, науки, печати, экономические вопросы и вопросы... чистоты расы. И, так же как Артур Небе, Олендорф готов был покинуть этот престижный пост ради сомнительной славы убийцы беззащитных женщин и детей.

Эйнзатцгруппе «D» под командой Олендорфа, приданная 11-й германской армии и включавшая 600 убийц, как смерч прошла по всему Югу Украины, вдоль Черного моря до Крыма и Кавказа, и уничтожила около 1 000 000 евреев. Олендорф был судим американским Военным трибуналом в 1947—1948 гг., признан виновным и повешен. В 1946 г. на процессе главных немецких военных преступников он участвовал только как свидетель. Но все годы пребывания этого монстра в тюрьме Нюрнберга — в роли свидетеля, обвиняемого или уже приговоренного к смертной казни, немецкие газеты пестрели его фотографиями, а судьба его вызывала интерес и сочувствие его соотечественников. Можно даже сказать, что, несмотря на то, что совершенные им преступления были уже широко известны, убийца пользовался большой популярностью и симпатией — незнакомые женщины писали ему письма и передавали в тюрьму букеты цветов.

Отто Олендорф вошел в историю, как убийца особого плана — убийца-интеллектуал. И тем ужаснее была вызываемая им симпатия и тем страшнее были его свидетельства.

ИЗПРОТОКОМ ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЯ ОТТО ОЛЕНДОРФА

Стенограмма заседания Международного военного трибунала от 3 января 1946 г.

Допрос ведет представитель США полковник Джон Эймен.

Эймен: Если официальные задачи оперативных групп были связаны с деятельностью против евреев и коммунистических комиссаров, то в какой степени эта группа занималась ими ?

Олендорф: Что касается вопроса о евреях и коммунистах, оперативная группа и руководители отдельных оперативных команд имели устные распоряжения, которые были им даны до выступления.

Эймен: Каковы были эти инструкции по отношению к евреям и коммунистическим деятелям ?

Олендорф: Им было поручено ликвидировать евреев и политических комиссаров в районе операций оперативных групп на русской территории.

Эймен: Когда вы говорите «ликвидировать», вы имеете в виду убивать?

Олендорф: Да. Это значит убивать...

Допрос свидетеля Олендорфа продолжает помощник Главного обвинителя от Советского Союза полковник юстиции Юрий Покровский.

Покровский: *Только ли одних евреев предавала казни Эйнзатцгруппе или точно так же, как и евреи, предавались казни коммунисты?*

Олендорф: *Да, имелись в виду активисты, то есть употреблялось выражение «политические комиссары». В данном случае сама принадлежность к коммунистической партии была недостаточной для того, чтобы быть казненным или подвергаться преследованиям.*

Допрос Олендорфа продолжает член Трибунала, один из старейших деятелей советской военной юстиции, генерал-майор Иона Никитченко.

Никитченко: *Вы в своих показаниях говорили, что оперативная группа имела целью уничтожать евреев и комиссаров. Правильно?*

Олендорф: *Да.*

Никитченко: *По каким мотивам истребляли детей?*

Олендорф: *Был приказ о том, что еврейское население должно быть полностью уничтожено.*

Никитченко: *В том числе и дети?*

Олендорф: *Да.*

Никитченко: *Только ли детей евреев уничтожали ?*

Олендорф: *Да.*

Никитченко: *А дети тех, кого вы относили к категории комиссаров тоже уничтожали?*

Олендорф: *Мне неизвестно, чтобы когда-либо разыскивали семью комиссара.*

Убийцы— Вальтер Шталлекер и Отто Раш

Командующими Эйнзатцгруппе «А» и Эйнзатцгруппе «С» были назначены, может быть, менее известные, но не менее кровавые убийцы — бригадефюрер СС доктор Франц Вальтер Шталлекер и штандартенфюрер СС доктор Эмиль Отто Раш.

Шталлекер — матерый сорокалетний палач, член нацистской партии с 1939 г., бывший начальник полиции безопасности в Австрии будет убит белорусскими партизанами 23 марта 1942 г. Но до этого времени он успеет пролить кровь сотен тысяч. Под его командованием, Эйнзатцгруппе «А», включавшая 1000 убийц, действовала в Литве, Латвии, Эстонии и Белоруссии. О трагических результатах этой «деятельности» лучше всего свидетельствует отчет, представленный Шталлекером в Берлин 15 октября 1941 г.

Документ Л-180, представленный Международному военному трибуналу американским обвинителем 19 декабря 1945 г., выглядел так:

Секретный документ государственной важности

Изготовлено 40 экз.

ЭЙНЗАТЦГРУППЕ «А»

*Подробный отчет по 15 октября 1941 г.
включительно*

...Подготовив свои средства передвижения, Эйнзатцгруппе «А» выступила в район концентрации сил, как было приказано, 23 июня 1941, на второй день после начала наступления на Востоке...

Нужно отметить прежде всего, что с армией сложились самые лучшие отношения, в некоторых

случаях очень близкие, почти сердечные, например с танковой группой под командованием генерал-полковника Геппнера...

...одно небольшое подразделение под моим командованием вместе с передовыми частями войск вошло в г. Каунас 25 июня 1941...

В первую очередь необходимо было захватить коммунистов, занимавших руководящие посты, и ценные материалы и документы...

Помимо того, мы заставляли местные антисемитские элементы организовывать еврейские погромы через несколько часов после захвата города, хотя склонить их к этому было довольно трудно. Следуя нашему совету, полиция безопасности поставила цель разрешить еврейский вопрос всеми возможными средствами и с предельной решимостью.

Во время первого погрома в ночь с 25 на 26 июля литовские партизаны расправились с более чем 1500 евреями, подожгли или уничтожили другими способами несколько синагог и сожгли еврейский квартал, состоявший из более чем 60 домов. В течение следующих ночей было обезврежено подобным же образом около 2300 евреев. По примеру Ковно такие же действия, только в меньшем масштабе, имели место и в других районах Литвы, причем они также распространились на оставшихся в этих местах коммунистов.

Общее число евреев, уничтоженных в Литве, превышает 71 105.

В Латвии до сегодняшнего дня всего было убито 30 000 евреев...

Бригадефюрер СС и генерал-майор полиции д-р Шталлекер

Самым старшим по возрасту был командующий Эйнзатцгруппе «С» штандартенфюрер СС Отто Раш — в 1941 г. ему уже было 50 лет. Вступив в нацистскую партию в 1931 г., Раш успел послужить ей в качестве палача в Австрии, в Чехословакии и в Кенигсберге, где он был ответственным за организацию лагеря «Зольдау». В 1939 г. Раш, вместе с преступником Альфредом Наужоком, организовал провокацию в Глейвице.

Под командованием штандартенфюрера СС Отто Раши Эйнзатцгруппе «С», приданная группе армий «Юг» и включавшая 800 убийц, прошла по всей Украине и 19 сентября 1941 г. ворвалась в Киев.

26 сентября 1941 г. Отто Раш принимал участие в том самом совещании у военного коменданта Киева генерал-майора Эбергарда, где рассматривался вопрос «мероприятий по очистке города от евреев» и где было принято решение об убийстве евреев в Бабьем Яре. После окончания совещания Раш доложил в Берлин: *«Предусмотрена казнь по меньшей мере 5000 евреев. Вермахт приветствует эти меры и просит о радикальных действиях».*

Штандартенфюрер СС Отто Раш стал палачом Бабьего Яра. Под его непосредственным руководством эту кровавую миссию выполнил командир Зондеркоманды «SK-4а» штандартенфюрер СС Пауль Блобель.

Два долгих дня продолжалась «акция», в процессе которой только по официальным данным было убито 33 771 человек.

После Бабьего Яра Раш, видимо, решил, что он уже достаточно послужил фюреру, и вернулся в Германию, а убийца Блобель продолжил свой кровавый путь, следующим этапом которого в декабре 1941 г. был Дробицкий Яр под Харьковом и еще 20 000 трупов. В 1942 г. Пауль Блобель будет назначен командующим «Зондеркоманды-1005», задачей которой будет вскрытие захоронений массовых убийств и сожжение трупов с целью уничтожения улики совершенных преступлений.

Убийца Блобель будет осужден американским Военным трибуналом и в 1951 г. повешен, а доктора Отто Раша накажет Бог — он будет разбит параличом, и в том же году отправится в ад.

Только четверо!

Американский Военный трибунал начал рассматривать дело Эйнзатцгруппе, получившее название «Дело Олендорфа и других», в июле 1947 г. Трибунал заседал в Нюрнберге во Дворце юстиции, провел 78 судебных заседаний и допросил 19 свидетелей обвинения.

Всего 19 свидетелей обвинения! В качестве подсудимых фигурировали только 24 преступника. Всего 24 преступника! Хотя, как известно, только в кровавой бойне Бабьего Яра участвовало более 1200 убийц.

Приговор Военного трибунала заканчивался необычными для такого документа словами: ***«Никогда прежде 24 человека не представляли перед судом за убийство свыше миллиона себе подобных».***

Однако, сделав такое заключение, Трибунал, вместе с тем, приговорил к смертной казни только 14 из 24 убийц. И самое невероятное... из этих 14, только четверо

были повешены! Только четверо палачей понесли заслуженное наказание.

Первый из них — «любимец публики» Отто Олендорф. Второй — бригадефюрер СС Эрих Науман, в ноябре 1941 г. сменивший «добряка» Артура Небе. Третий — палач Бабьего Яра — Пауль Блобель. А четвертый — главарь Зондеркомандо «SK-1 Ib» из Эйнзатцгруппе «D» оберштурмбаннфюрер СС Вернер Браун, заливший кровью столицу Транснистрии — Одессу.

Приказ «уничтожить»

Но все эти ужасы пока еще впереди. Сегодня, 20 июня 1941 г., в Претц на последнее рабочее совещание командования Эйнзатцгруппе прибыл из Берлина бригадефюрер СС Штреккенбах.

Бригадефюрер СС Бруно Штреккенбах прославился тем, что в ноябре 1939 г. в Польше провел кровавую акцию «АБ», цинично названную «Чрезвычайной акцией по умиротворению». В результате этой акции, более 2000 евреев и польских интеллигентов были арестованы и, по образному выражению генерал-губернатора Польши Ханса Франка, *«в рамках необходимой и нормальной карательной операции ликвидированы в самой простой форме».*

Действия Штреккенбаха получили высокую оценку. Перед отъездом убийцы из Варшавы коллеги устроили ему прощальную вечеринку, на которой Ханс Франк провозгласил: *«То, что вы, бригадефюрер Штреккенбах, и ваши люди сделали в Генерал-губернаторстве, — не должно быть забыто, и вам не следует стыдиться содеянного».*

«Содеянное» Штреккенбахом, как видно, не смутило и Сталина. Во всяком случае, попавший в советский плен матерый убийца, не был казнен, а в 1955 г. благополучно возвращен в Германию.

В 1941 г. преступник Штреккенбах занимает пост начальника 1-го отделения РСХА и ведает кадрами убийц. На совещание в Претц он привез из Берлина инструкцию, определяющую «круг особых задач Эйнзатцгруппе СС на территориях России».

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА ОЛЕНДОРФА

Допрос ведет полковник Джон Эймен.

Эймен: *Скажите, до начала советской кампании вы присутствовали на совещании в Претце ?*

Олендорф: *Да. Это было рабочее совещание, касавшееся деятельности оперативных групп и команд, на котором перед оперативными группами и командами были поставлены задачи и даны соответствующие приказы.*

Эймен: *Кто присутствовал на этом совещании?*

Олендорф: *Начальники оперативных групп и команд и от главного управления имперской безопасности Штреккенбах, который передал приказы Гейдриха и Гимmlера.*

Эймен: *Каковы были эти приказы?*

Олендорф: *Это были приказы общего порядка, касавшиеся работы полиции безопасности и СД и, кроме того, приказ о ликвидации, о котором только что говорил.*

Эймен: *Когда примерно происходило это совещание?*

Олендорф: *Примерно за три, или за четыре дня до выступления.*

Эймен: *Таким образом, до того, как вы начали нападение на СССР, вы на этом совещании получили приказы уничтожать евреев и коммунистических работников в дополнение к обычной повседневной работе СД и полиции безопасности ? Правильно это?*

Олендорф: *Да.*

Инструктаж, проведенный Штреккенбахом в Претце, был уже не первым мероприятием по этому вопросу. Еще в начале июня 1941 г. одно из таких совещаний провел в Берлине Гейдрих, который прямо и без всяких эвфемизмов разъяснил будущим убийцам, в чем заключается их миссия и какие «устные приказы» были даны фюрером.

Кроме будущих убийц, на этом совещании присутствовало большинство высших офицеров вермахта и абвера, и они тоже слышали и не могли не понять слова Гейдриха.

ИЗ ЗАЯВЛЕНИЯ ПОД ПРИСЯГОЙ ШЕЛЛЕНБЕРГА

26 ноября 1945 г.

В начале июня 1941 г. Вагнер совместно с Гейдрихом и начальником управления заграничной контрразведки Верховного командования вооруженными силами [адмиралом Канарисом] созвали в помещении Верховного главнокомандования вооруженными силами в Берлине общее совещание всех офицеров разведывательной службы...

Присутствовало также большинство ответственных руководителей эйнзатцгрупп и эйнзатцкоманд полиции безопасности и службы безопасности. Я также присутствовал.

Смыслом и целью этого совещания было ознакомление участвующих с военными планами против России и объявление им вышеупомянутых подробностей заключенного между Вагнером и Гейдрихом письменного соглашения. Эта группа офицеров разведывательной службы армий и соединений пробыла в Берлине еще несколько дней и в ряде дальнейших совещаний, в которых я не участвовал, была подробно информирована о дальнейших деталях предстоящей Русской кампании.

Я допускаю, что предметом этих совещаний было уточнение смысла приказа фюрера «всеми средствами быстро и окончательно сломить всякое сопротивление на завоеванных территориях», включая организованные массовые убийства всех сопротивляющихся элементов. В противном случае, вероятно, нельзя было бы ожидать установления в течение нескольких недель того сотрудничества между действующей армией и эйнзатцгруппами, о котором явно свидетельствуют вышеупомянутые документы.

Во всяком случае, вряд ли можно сомневаться в том, что офицеры разведывательной службы немедленно по возвращении из Берлина самым точным образом и в полном объеме информировали о соглашении своих начальников, включая командующих армейскими группами и армиями, которые должны были начать наступление на Россию.

Вальтер Шелленберг

Приказ об уничтожении— уже не секрет

Приказ об организации массовой ликвидации еврейского населения и коммунистов на будущих оккупированных территориях, не был и не мог быть секретным, иначе он не мог бы быть выполнен!

Об этом приказе, кроме сотрудников РСХА, знало руководство вермахта, руководство абвера, знали тысячи убийц Эйнзатцгруппе и миллионы офицеров и солдат германской армии.

Трудно представить, чтобы в таких условиях факт создания особых, еще не виданных в истории, отрядов убийц остался неизвестным иностранным разведкам. Трудно представить, чтобы полученный убийцами приказ об организации массовой ликвидации не был передан кем-либо из участников совещания в английскую, американскую или советскую разведку. На совещании присутствовал адмирал Канарис, который, по свидетельству Лахузена, настолько тяжело реагировал на убийства гражданского населения, что даже поручил Хансу фон Донаньи составлять «Картотеку преступлений Гитлера». Именно эта картотека, по идее заговорщиков, должна была послужить основанием для предания Бесноватого суду. От адмирала Канариса о чудовищном приказе Гитлера должны были узнать, как это бывало всегда в таких случаях, его друзья единомышленники — Остер, Гизевиус, Гросскурт.

Подполковник Гросскурт, который в свое время «знал слишком много» и потому был отправлен трусливым генералом Гальдером на фронт, теперь снова был в Берлине в абвере. И именно Гросскурт, прямодушный, честный и набожный человек, передал все документы, свидетельствующие о запланированном

уничтожении миллионов людей, бывшему германскому послу в Италии Ульриху фон Хасселю. А Хассель имел много возможностей для передачи этих документов в нужные руки — ведь он был женат на дочери адмирала фон Тирпица и приходился близким родственником внучатому племяннику адмирала советскому шпиону Харро Шульце-Бойзену, по кличке «Старшина».

Ханс Бернд Гизевиус узнал о чудовищном приказе Гитлера не только от адмирала Канариса, но и от своего друга Артура Небе, хорошо осведомленного о том, в чем будут заключаться его «обязанности» в России. По свидетельству Гизевиуса, Небе, действовавший по принципу «и нашим, и вашим», постоянно передавал ему различную секретную информацию, в том числе даже оригинальные документы крипо и гестапо. Ярый противник нацистов Гизевиус, с болью и отвращением воспринявший в 1938 г. события «Хрустальной ночи», не мог не ужаснуться готовящемуся хладнокровному убийству миллионов и не сообщить об этих гнусных планах людям, которые могли, по мнению заговорщиков «Черной Капеллы», предотвратить это злодейство.

Гизевиус наверняка передал эти документы хозяину книжного издательства в Люцерне Рудольфу Рёсслеру, а от него они уже попали в большинство разведок мира, и, в первую очередь, в швейцарскую разведку, возглавляемую бригадным полковником Мэссоном.

Благодаря советскому шпиону Бергарду фон Бальдегу — офицеру швейцарской разведки, советская разведка всегда была в курсе информации, известной полковнику Мэссону. Так еще в феврале 1941 г. в Кремль поступило донесение Шандора Радо, полученное из этого достоверного источника: *«По сведениям, полученным от*

начальника разведки швейцарского Генштаба, выступление Германии начнется в конце мая», а вчера уже более точное донесение: «Нападение Гитлера на Россию назначено на ближайшие дни».

И нет причин, чтобы чудовищные приказы Гитлера о запланированном уничтожении миллионов не были переданы в Москву по той же цепочке.

После войны, на Нюрнбергском процессе Лев Смирнов заявит, что советскому правительству были известны кровавые преступления гитлеровцев еще с первых месяцев войны:

СТЕНОГРАММА ЗАСЕДАНИЙ

МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

Февраль 1946

С первых месяцев войны советскому правительству было ясно, что бесчисленные преступления немецко-фашистских агрессоров против мирных жителей нашей Родины представляют не эксцессы недисциплинированных военных частей или изолированные преступные действия отдельных офицеров и солдат, а являются системой, заранее предусмотренной, не просто санкционированной преступным гитлеровским правительством, но преднамеренно насажденной им и всячески поощряемой.

Эта преступная «система» невиданного в истории массового уничтожения людей готовится сегодня! Страшно подумать, но об этом знает не только Москва, но и большинство стран мира.

До «внезапного» нападения Германии осталось всего двое суток. Эйнзатцгруппе СС уже на старте, уже

изготовились для выполнения своей кровавой миссии, и **всюду, куда ступит нога германского солдата, будут совершены неслыханные по своей жестокости злодеяния, жертвами которых станут миллионы ни в чем не повинных людей!**

До начала операции «Барбаросса» осталось всего двое суток. 19 июня 1941, четверг. Бреслау

«Соловей» готов к убийствам

Сегодня еще одно специальное подразделение убийц — бандитский батальон «Нахтигаль» — получило приказ подтянуться к советской границе. Батальон «Нахтигаль», или по-русски «Соловей», словно в насмешку названный этим прекрасным именем, входил в состав особого диверсионного полка «Бранденбург-800».

Еще в октябре 1939 г., в преддверии планируемого Гитлером похода на Запад, по приказу фельдмаршала Кейтеля, адмирал Кана-рис поручил начальнику абвер-2 полковнику Эрвину фон Лахузену организовать новое диверсионное подразделение. Это подразделение, сформированное, в большинстве своем из «фольксдойче» — этнических немцев различных стран, эмигрировавших в Германию, получило хорошо скрывавшее его истинные цели, название: «Учебно-строительная рота особого назначения-800». Вскоре после организации этой роты, она превратилась в батальон, затем стала полком, а, в дальнейшем, и печально известной дивизией «Бранденбург-800».

Головорезы из дивизии «Бранденбург-800» во время Второй мировой войны действовали на трех континентах, но первое боевое крещение они получили в странах Европы. Хорошо подготовленные диверсанты, притворившись немецкими военнопленными или местными жителями — полицейскими, почтальонами, — проникали на территории будущих противников, и еще до начала военных действий успевали захватить мосты и электростанции, повредить связь, посеять панику. Они мешали сосредоточению войск, мешали эвакуации населения.

В рамках подготовки к операции «Барбаросса», с весны 1941 г. «Бранденбург-800» начал готовиться к диверсиям на территории России.

О том, как это происходило, рассказал после войны заместитель Лахузена, полковник Эрвин Штольце. Полковник Штольце был взят в Берлине в плен Красной армией, и показания, данные им в Москве, были представлены советской стороной Военному трибуналу в Нюрнберге.

Документ СССР-231, Нюрнберг, 1945

ИЗ ПОКАЗАНИЙ

ПОЛКОВНИКА ЭРВИНА ШТОЛЬНЕ

25 декабря 1945 г.

В марте или апреле 1941 г. мой начальник — руководитель отдела абвер-2, полковник (ныне генерал) Лахузен, вызвал меня к себе в служебный кабинет и поставил в известность о том, что вскоре предстоит военное нападение Германии на Советский Союз...

Лахузен дал мне для ознакомления и руководства приказ, поступивший из оперативного штаба вооруженных сил, подписанный фельдмаршалом Кейтелем и генералом Йодлем, содержащий основные директивные указания по проведению подрывной деятельности на территории СССР после нападения Германии. Данный приказ был впервые помечен условным шифром «Барбаросса». В дальнейшем все мероприятия по подготовке войны против Советского Союза именовались условно «Операция Барбаросса»...

Выполняя упомянутые выше указания Кейтеля и Йодля, я связался с находившимися на службе в германской разведке украинскими националистами и другими участниками националистических фашистских группировок, которых привлек для выполнения поставленных задач. В частности, мною лично было дано указание руководителям украинских националистов германским агентам Мельнику (кличка «Консул 1») и Бандере организовать сразу после нападения Германии на Советский Союз провокационные выступления на Украине с целью подрыва ближайшего тыла советских войск, а также для того, чтобы убедить международное общественное мнение о происходящем якобы разложении советского тыла... Показания написаны мною собственноручно.Штольце

Сегодня, диверсанты из полка «Бранденбург-800», прошедшие подготовку в лагере «Алленштайн» в Восточной Пруссии, уже проникли на советскую территорию и «успешно» действуют — сеют панику, нарушают связь, уточняют списки людей, «подлежащих уничтожению в первую очередь» — коммунистов и евреев. А кровавый батальон «Нахтигаль», прикрепленный к 1-му батальону полка

«Брандербург-800», уже выступил из лагеря «Нойхаузен» в направлении советских границ.

«Нищіх!»

Батальон «Нахтигаль» был организован вождем украинских националистов Бандерой.

Степан Бандера родился в 1909 г. в селе Угрынив на Галичине.

И отец его и дед были католическими священниками и активными участниками борьбы за «самостийну Украину». Вслед за отцом, еще будучи гимназистом, Степан стал членом ОУН, той самой Организации украинских националистов, которую создал Евген Ко-новалец, убитый впоследствии Судоплатовым. В дальнейшем под руководством Бандеры ОУН осуществила целую серию политических убийств и, в том числе, убийство польского министра генерала Бронислава Перацкого. За день до убийства полиция арестовала Бандеру, так что в этом убийстве он лично повинен не был. Но несмотря на это Бандера был приговорен к смертной казни. Несколько лет он провел в одиночной камере в ожидании смерти. Но в 1939 г. в Варшаву вошли германские войска, и освободившие его нацисты стали для Бандеры естественными союзниками в борьбе против всех его врагов — поляков, русских и ненавистных ему евреев. Недаром, обращаясь к своим братьям-украинцам, Бандера провозглашал: *«Народе! Знай! Москва, Польша, Мадьяри, Жидова — твої вороги! Нищіх!»*

В феврале 1940 г. Бандера сместил с поста главы ОУН Андрея Мельника и расколол организацию на две части: ОУН-Б — «Бандеровцы» и ОУН-М — «Мельниковцы». На базе этих двух организаций весной

1941 г. и были созданы два боевых подразделения — батальон «Нахтигаль» имени Бендеры, и батальон «Роланд» имени Петлюры и Коновальца.

Батальон «Нахтигаль» начал формироваться в марте 1941 г. в Кракове, в помещении бывшей казармы арбайтдинст, где немецкие инструкторы обучали будущих убийц стрелять, колоть штыками, выламывать руки, забивать насмерть, вешать. В мае 1941 г. повысивших свой профессиональный уровень бандитов свезли в Силезию, в бывший польский город Вроцлав, ныне Бреслау, недалеко от которого в местечке Нойгаммер, на брошенной ферме, был организован лагерь «Нойхаузен». Здесь, в «Нойхаузене», было окончательно завершено формирование батальона «Нахтигаль» — 330 бандитов, стрельцов и офицеров были разделены на сотни, «чоны» и «рои», получили немецкую форму и немецкое оружие. Задачи, стоящие перед «Соловьем» в гитлеровском Русском походе сформулировал сам Степан Бандера.

ИЗ ДИРЕКТИВЫ БАНДЕРЫ

«Борьба и деятельность ОУН во время войны»

...После занятия какого-либо населенного пункта его необходимо основательно очистить от вражеских элементов, НКВД, милиции и т. д.

Русские должны быть переданы в качестве пленных немцам, а более опасные элементы расстреляны... Политические комиссары и известные коммунисты должны быть расстреляны...

В период хаоса и беспорядка можно себе позволить уничтожить нежелательные польские, еврейские элементы...

В особенности необходимо уничтожить интеллигенцию этих национальностей... Наша власть должна внушать ужас...

Во главе батальона «Нахтигаль» был поставлен давний сподвижник Бандеры — Роман Шухевич.

«Аж до крови...»

Террорист и убийца Шухевич был человеком интеллигентным. Дед его был профессором, отец адвокатом. А сам он учился во Львовском политехническом институте. Завершить образование Шухевичу не пришлось — вскоре он примкнул к Организации украинских националистов и уже в 21 год совершил свое первое убийство, зарезав ни в чем не повинного школьного учителя Яна Собинского. На счету Шухевича было немало таких убийств, но он всегда «выходил сухим из воды». Так, после убийства Перацкого, за которое Бандеру приговорили к смерти, Шухевич получил всего 4 года тюрьмы. Выйдя в 1937 г. на свободу по амнистии, Шухевич перебрался в Германию, прошел специальный курс при военной академии в Мюнхене и получил чин гауптштурмбаннфюрера СС.

Сегодня, в июне 1941 г., Роман Шухевич — бандит, известный своей жестокостью — командует батальоном «Нахтигаль». Кроме Шухевича, для руководства батальоном назначены еще два офицера абвера — «немецкий командующий» обер-лейтенант Альбрехт Херцнер и «идеолог» доктор теологии, обер-лейтенант Теодор Оберлендер.

Батальон полностью экипирован и готов к походу. Еще вчера, 18 июня 1941 г., вечером, Шухевич и Оберлендер выступили перед солдатами «Нахтигалья» с

напутственными речами, объяснив им в который раз, чего ожидает от них великий союзник украинского народа Адольф Гитлер. А батальонный капеллан, «святой отец» Иван Гриньох привел бандитов к присяге — на кресте и на Евангелии бандиты поклялись в верности фюреру: «Аж до крови!»

Трели «Соловья»

Пройдет десять дней, и в ночь с 29 на 30 июня 1941 г., за 7 часов до того как регулярные части вермахта войдут во Львов, головорезы «Нахтигалья» ворвутся в город. Они будут грабить, насиловать и убивать.

Убивать по заготовленным заранее спискам польских интеллигентов, убивать евреев, убивать людей только за то, что они похожи на евреев.

Они будут гнать по улицам Львова полуголых еврейских женщин, стариков, детей. И стрелять по ним, стрелять без разбора. Четыре страшных дня будут продолжаться эти преступления.

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ ПОМОЩНИКА ГЛАВНОГО СОВЕТСКОГО ОБВИНИТЕЛЯ ЛЬВА СМИРНОВА

*Стенограмма заседаний Международного военного
трибунала*

Февраль 1946

*30 июня гитлеровские бандиты вступили в город
Львов и на другой же день устроили резню под лозунгом
«Бей евреев и поляков».*

*Перебив сотни людей, гитлеровские бандиты
устроили «выставку» убитых в здании пассажа. У стен
домов были сложены изуродованные трупы, главным
образом женщины. На первом месте этой ужасной*

«выставки» был положен труп женщины, к которой штыком был приколот ее ребенок.

ИЗ ПРИГОВОРА ПЕРВОГО УГОЛОВНОГО СЕНАТА

ВЕРХОВНОГО СУДА ГДР

от 20—27 и 29 апреля 1960

По уголовному делу Теодора Оберлендера — министра правительства Федеративной Республики Германии

В первый же день вступления во Львов военнослужащие подразделения «Нахтигаль» гнали по улице Коперника в направлении улицы Сталина толпу, состоявшую примерно из 800 человек. В их числе были женщины, дети и старики. Охрана из состава подразделения «Нахтигаль» стреляла, не целясь, в эту толпу и варварским образом избивала раненых прикладами и каблуками сапог.

За дни погрома во Львове будет замучено и убито более 5000 человек.

А кровавый батальон «Соловей» двинулся дальше по городам и селам Украины — в Злочев, Тернополь, Проскуров, Винницу...

**До начала операции
«Барбаросса» осталось только
двое суток. 19 июня 1941,
четверг. Берлин**

Предупреждает Вилли Леман

Все последние месяцы контакт советской внешней разведки с гауптштурмфюрером СС Вилли Леманом не прерывался, несмотря на то, что связь осуществлял уже не Александр Короткое, а его помощник молодой сотрудник НКВД Борис Журавлев.

Журавлев, инженер по образованию, уже около года находился в Берлине и для прикрытия занимал должность представителя Всесоюзного общества культурных связей с заграницей. За этот год Журавлев успел жениться на сотруднице советского торгпредства и, понимая, что до начала войны остались считанные дни, уже отправил свою беременную жену на Родину. Так же поступил и резидент Амаяк Кобулов. Несмотря на то, что в Берлин все еще продолжали прибывать новые дипломаты с женами и детьми, постоянные сотрудники посольства прилагали все усилия для отправки своих семей в Москву. Туда же в полной секретности были отправлены и архивы посольства.

Летним вечером, 19 июня 1941 г., Борис Журавлев шел на обычную встречу со своим агентом Дядюшкой Вилли, по кличке «Брайтенбах», еще не зная, что эта встреча будет последней.

Они встретились в маленьком скверике на Шарлоттенбургском шоссе — советский разведчик Борис Журавлев и гауптштурмфюрер СС Вилли Леман. И, несмотря на сгущавшиеся сумерки, Журавлев сразу же уловил, насколько обычно спокойный Вилли был взволнован.

Встреча была короткой. Вилли только сказал: *«Нападение состоится в воскресенье, 22 июня, в 3 часа утра».*

Журавлев не помнил, как он расстался с Вилли, не помнил, как вернулся в посольство. И в тот же вечер в Москву полетела шифровка: *«Нападение — в воскресенье, 22 июня, в 3 часа утра!»*

До «внезапного» нападения оставалось всего двое суток!

До «внезапного» нападения остались только сутки. 20 июня 1941, пятница. Западная граница

В небе «Черные кресты»

С раннего утра в германской приграничной полосе наблюдается усиленное движение войск и необычное поведение населения. Германские солдаты роют окопы, ремонтируют мосты и дороги. Население роет щели, готовит укрытия на случай бомбардировок.

Все это было отмечено разведкой пограничных войск НКВД и немедленно доложены в Москву:

ИЗ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ СВОДКИ Я КГБ СССР

№ 1510, 20 июня 1941. В районе 107, 108, 109-го погранзнаков (район Августово) отмечено непрерывное движение пехоты, укрепление участка, отрывка окопов, ремонт мостов и дорог.

Против пограничного участка 17-го Краснознаменного пограничного отряда (Брест) отмечено большое сосредоточение войск. В лесах района Копытово — Костомолоты сосредоточены танки, артиллерия и зенитная артиллерия. В районе Костомолоты заготовлен лес для наводки мостов через р. Буг. Распоряжением местных властей население Клайпеды подготавливает

для убежищ погребов, подвалы и другие пригодные для этой цели помещения...

В Радомском уезде из 100 населенных пунктов население выселено в тыл. Освободившиеся помещения заняты войсками.

Официально объявлено о том, что на днях будут производиться большие маневры германской армии, в связи с чем население призывается к соблюдению спокойствия.

Германская разведка направляет свою агентуру в СССР на короткие сроки— три-четыре дня. Агенты, следующие в СССР на более длительные сроки — 10—15 суток, инструктируются, что в случае перехода германскими войсками границы до их возвращения в Германию, они должны явиться в любую германскую часть, находящуюся на советской территории.

Гитлеровцы также значительно усилили воздушную разведку советской приграничной полосы. И если в мае и в начале июня 1941 г. в советское воздушное пространство вторгались 2—3 германских самолета-разведчика в сутки, то в последние дни, с 10 по 19 июня 1941 г., таких разведчиков стало уже 8—10!

ИЗ СООБЩЕНИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ ВОЙСК НКВД

20 июня 1941

О нарушениях границы Союза ССР иностранными самолетами

НКВД СССР сообщает, что с 10 по 19 июня сего года включительно, пограничными отрядами НКВД

зафиксировано 86 случаев нарушения границы Союза ССР иностранными самолетами.

*Заместитель народного комиссара
внутренних дел СССР Масленников*

А с сегодняшнего дня таких германских самолетов можно уже насчитать до 30! Это значит, что над советской приграничной территорией непрерывно, 24 часа в сутки, кружит самолет с черными крестами на крыльях.

До начала операции «Барбаросса» 20 июня 1941, пятница остались всего одни сутки. София

21 или 22?

Дата «внезапного» нападения Германии продолжает настойчиво повторяться во всех агентурных сообщениях.

По словам самого Сталина, эту дату уже называл Зорге. Ту же дату называли и резиденты внешней разведки в Швейцарии и в Италии — Шандор Радо и Глеб Рогатнев. Сегодня эту же дату называет резидент военной разведки в Софии Павел Шатеев, по кличке «Коста».

Болгарин Павел Шатеев, так же как и многолетний советский агент Александр Пеев, юрист по профессии, имеет солидную адвокатскую практику в Софии. Вместе с тем, начиная с 1921 г., он стоит во главе целой шпионской группы, действующей параллельно группе Пеева. К группе Павла Шатеева принадлежит и радист

Элефтер Арнаудов, по кличке «Аллюр», и именно он передал сегодня в Москву по радио это последнее донесение.

*ИЗ ДОНЕСЕНИЯ «КОСТЫ» — ИЗ СОФИИ ПО РАДИО
Начальнику Разведуправления Генштаба Красной армии
София, 20 июня 1941*

*Болгарин германский эмиссар здесь сказал сегодня,
что военное столкновение ожидается 21 или 22 июня...
Руководитель*

До «внезапного» нападения остались всего одни сутки. 20 июня 1941, пятница. Западный военный округ

Последняя просьба генерала Павлова

Обстановка на границе все тревожнее. Но особенное напряжение чувствуется в Белоруссии на границе Западного Особого военного округа.

Здесь в последние дни германские солдаты несколько раз открывали огонь по советским пограничникам, ломали пограничные знаки, делали провокационные попытки перейти на советскую территорию и, даже пытались захватить в плен бойцов советских пограничных отрядов.

Участились и поимки немецких шпионов и диверсантов, многие из которых были одеты в форму военнослужащих Красной армии. И, наконец, немецкие солдаты начали прорезать проходы в своих проволочных заграждениях.

Все эти факты фиксировались советской разведкой. Одновременно с разведкой и секретари приграничных райкомов партии докладывали о происходящем первому секретарю ЦК партии Белоруссии Пономаренко.

Пантелеймон Пономаренко, назначенный Маленковым первым секретарем ЦК партии Белоруссии в 1938 г. после прошедшей там сталинской чистки, был человеком военным и имел звание полковника. В сентябре 1939 г., будучи членом военного совета, Пономаренко участвовал в Польской кампании и в «освоении» оккупированной Советским Союзом восточной части Польши.

И сегодня Пономаренко прекрасно понял, что означают факты, переданные ему секретарями райкомов. Прежде всего, он доложил об этих фактах в Москву, своему патрону Маленкову, а затем, не теряя времени, поехал к командующему Западным округом.

Пономаренко был уверен, что обстоятельства требуют привести войска округа в боевую готовность и двинуть их к границе.

ИЗ БЕСЕДЫ ПОНОМАРЕНКО

С ИСТОРИКОМ ПРОФЕССОРОМ Г. КУМАНЕВЫМ

2 ноября 1978

Занесколько дней до вражеского нападения, секретари пограничных райкомов сообщили, что германские части на протяжении всей границы через определенные интервалы прорезают проходы в проволочных заграждениях. Я сообщил об этом в Москву и немедленно поехал к генералу Павлову. Рассказав о полученной информации чрезвычайно тревожного характера, я спросил его — не считает ли он

необходимым в связи с обстановкой привести войска округа в состояние полной боевой готовности и произвести их перемещение?

На это Павлов ответил, что войскам уже даны указания об их действиях по обороне на случай германского нападения. Каждому соединению и части поручена защита определенных позиций, которые они должны будут занять по тревоге и стойко их удерживать.

Что же касается перемещений и выдвиганий войск к границе, то он думал об этом, но такие действия Генштаб запретил.

Они признаны самочинными и могут спровоцировать войну...

А, между тем, война уже стояла у самого порога.

Павлов ответил Пономаренко, что выдвигание войск к границе запрещено. Да ничего другого он и не мог ответить. Ведь ему было хорошо известно, чем закончились аналогичные «самочинные» действия командующего Киевским округом генерал-полковника Кирпоноса десять дней назад.

Несмотря на угрожающее положение на границе, Павлов не стал «самочинно» выдвигать войска. Но, тем не менее, всю последнюю неделю он ежедневно звонил в Москву и просил наркома обороны Тимошенко дать разрешение на введение в действие ПЛАНА ПРИКРЫТИЯ-41.

И, наконец, сегодня, 20 июня 1941 г., в ответ на свои многочисленные просьбы, Павлов получил из Москвы ответ за подписью генерала Василевского. Это был отказ: «...[Ваша] просьба доложена наркому, и последний не разрешил занимать полевых укреплений,

так как это может вызвать провокацию со стороны немцев».

А до «внезапного» нападения остались всего одни сутки.

До «внезапного» нападения остались всего одни сутки. 20 июня 1941, пятница. Рига

Немецкие суда покидают советские порты

С Балтики пришло еще одно подтверждение того, что нападение Германии можно ожидать с часу на час. Начальник Рижского порта Юрис Лайвиньш позвонил Анастасу Микояну и сообщил ему, что все 25 немецких судов, находящиеся в это время в порту, не закончив ни разгрузки, ни погрузки, завтра готовятся покинуть Ригу.

Вспоминает Микоян: «За два дня до начала нападения немцев (я тогда как зам. пред. СНК ведал и морским флотом) часов в 7—8 вечера мне звонит начальник Рижского порта Лайвиньш: „Товарищ Микоян, здесь стоит около 25 немецких судов: одни под погрузкой, другие под разгрузкой. Нам стало известно, что они все готовятся завтра, 21 июня, покинуть порт, несмотря на то, что не будет закончена ни разгрузка, ни погрузка. Прошу указаний, как быть: задержать суда или выпустить?»

Я сказал, что прошу подождать, нужно посоветоваться по этому вопросу. Сразу же пошел к Сталину...»

Причина поспешного ухода немецких судов из Риги была ясна. И это событие было настолько значимым, что

даже через много лет, беседуя с профессором Куманевым, Микоян прекрасно помнил не только телефонный разговор с начальником Рижского порта, но и точное время, когда этот разговор произошел. По воспоминаниям Микояна, Юрис Лайвиньш позвонил ему около 19—20 часов вечера, после чего он сразу пошел к Сталину. И действительно, в соответствии с записью в «Тетради записи лиц, принятых Сталиным», в этот вечер Микоян вошел в кабинет Сталина в 20 часов 15 минут!

Анастас Микоян имел право в любое время войти в кабинет Сталина. Анастас Микоян был не просто соратником вождя — он был его многолетним другом. Другом еще с тех далеких дней борьбы с царской властью на Кавказе. Микоян всегда и во всем поддерживал Сталина, к сожалению, участвовал во многих его черных делах, и именно Микояну принадлежит знаменитая фраза, приравнивающая живого Сталина к мертвому и обожествленному Ленину: *«Сталин — это Ленин сегодня!»*

Сталин ценил преданность Микояна и даже прислушивался к мнению этого опытного человека, славившегося своей осторожностью, предусмотрительностью.

В тот вечер, 20 июня 1941 г., Сталин был в кабинете не один. Вместе с ним, как почти всегда в эти дни, находились Молотов, Каганович и Ворошилов. И все они слышали необычно взволнованный доклад Микояна. Вспоминает Микоян: *«...Сразу же пошел к Сталину, там были и другие члены Политбюро, рассказал о звонке начальника Рижского порта, предложив задержать немецкие суда...»*

Микоян предложил Сталину воспрепятствовать отходу немецких судов и задержать их в порту, так как **это похоже на подготовку к войне**. Ведь такого никогда еще не было, чтобы все суда, неразгруженные и непогруженные, уходили из порта в один день! На это предложение, Сталин отреагировал еще одним ПРИКАЗОМ:

Микоян: *«Сталин рассердился на меня, сказав: „Это будет провокация. Этого делать нельзя. Надо дать указание не препятствовать, пусть суда уходят...”»*

Завтра на рассвете, за считанные часы до «внезапного» нападения, все немецкие суда покинут советские порты. В то же время советским судам будет приказано оставаться в немецких портах... *«до особого распоряжения»*.

Особое распоряжение не последует. Советские суда и советские моряки, оставленные в немецких портах, будут захвачены гитлеровцами.

До «внезапного» нападения остались всего одни сутки. 20 июня 1941, пятница. Москва

Распоряжение о затемнении отменить!

Командующий войсками Прибалтийского округа, генерал-полковник Федор Кузнецов, так же как и командующие Киевского и Западного округов, генералы Кирпонос и Павлов, обеспокоен угрозой положением на границе. Зная, что до нападения Германии остались считанные часы, и не получив приказа о введении в действие ПЛАНА ПРИКРЫТИЯ,

Кузнецов решает принять все же некоторые меры, чтобы предупредить полную катастрофу. Командующий округом приказывает привести в боевую готовность систему противовоздушной обороны, ввести затемнение в городах и эвакуировать семьи командного состава из приграничных военных городков. Как только «самочинное» распоряжение Кузнецова стало известно Москве, в Прибалтийский округ немедленно полетела телеграмма за подписью Жукова. Приказ Генштаба требовал немедленно отменить распоряжение о затемнении городов:

«Вами без санкции наркома дано приказание по ПВО о введении Положения № 2. Это значит провести по Прибалтике затемнение, чем и нанести ущерб промышленности.

Такие действия могут проводиться только с разрешения правительства. Сейчас Ваше распоряжение вызывает различные толки и нервирует общественность. Требую немедленно отменить отданное распоряжение.

Дать объяснение для доклада наркому. Жуков»

А затем последовало еще более абсурдное распоряжение Москвы — семьи командного состава, которые были эвакуированы в тыл, немедленно вернуть обратно.

В воскресенье, еще до того как наступит рассвет, гитлеровские бомбардировщики сбросят свой смертоносный груз на ярко освещенные города Прибалтики, Украины, Белоруссии, и первыми жертвами этой войны станут семьи командиров Красной армии в приграничных военных городках.

До «внезапного» нападения остались всего одни сутки.

Сталинское «мероприятие по очистке»

Весь последний месяц, начиная с 22 мая 1941 г., органы НКВД по приказу Сталина проводили «очистку» присоединенных к России западных регионов от «нежелательных элементов».

Это «мероприятие» имело свои причины. Так, за день до начала мероприятия, 21 мая 1941 г., германская военная разведка выпустила секретный документ, в котором утверждалось, что в странах Прибалтики уже фактически все подготовлено для военного восстания против советской власти:

«Восстания в странах Прибалтики подготовлены, и на них можно положиться. Подпольное повстанческое движение в своем развитии прогрессировало настолько, что доставляет известные трудности удерживать их участников от преждевременных акций.»

Им направлено распоряжение начать действия только тогда, когда немецкие войска, продвигаясь вперед, приблизятся к соответствующей местности, с тем, чтобы русские войска не могли участников восстания обезвредить».

Гитлеровские спецслужбы уже не первый год вели активную подрывную работу в этом регионе, щедро финансируя существующую здесь «пятую колонну» — организации этнических немцев и местных националистов. Эти, по сути, нацистские организации действовали по всему региону и объединяли десятки тысяч приверженцев Германии.

В Западной Украине — это, в первую очередь, была весьма популярная в народе ОУН, основанная еще в 1921 г. Коновальцем. В Литве — шпионско-диверсионная группа «Фронт литовских активистов». В Латвии — около 10 различных организаций фольксдойче, объединявших 62 000 этнических немцев и латышские националистические организации — «Гром и Крест» и «Стражи Отечества». А также и знаменитый «Крестьянский союз», насчитывающий 60 000 бойцов во главе с бывшим президентом Ульманисом. В Эстонии — «Союз защиты», объединяющий 60 000 человек и многотысячные военизированные организации молодежи. Основная задача всех этих организаций, кроме шпионажа и диверсий, заключалась в подготовке вооруженного восстания, которое должно было вспыхнуть непосредственно перед нападением Германии.

Знал ли Сталин об этих планах или не знал, во всяком случае, он начал свое мероприятие по очистке территорий от антисоветского элемента задолго до намеченного дня восстания — 22 мая 1941 г.

Мероприятие по очистке нанесло тяжелый удар по немецкому и националистическому подполью и, по-видимому, действительно предотвратило планируемое военное восстание. Но это мероприятие не смогло разгромить подполье и не сумело полностью очистить регион от пособников нацистов. И причиной этого было то, что это мероприятие Сталин, как обычно, проводил по «классовому принципу». В список «нежелательных элементов», кроме фольксдойче и активистов националистических организаций, входили фабриканты, помещики, чиновники, учителя и члены семей всех этих категорий, без различия возраста, включая детей.

К националистическим организациям были отнесены и сионистские организации, не имеющие ничего общего с пособниками нацистов.

В список «нежелательных элементов» попали и «лица, прибывшие из Германии в порядке репатриации», то есть еврейские беженцы, спасавшиеся в 1939 г. от преследований нацистов.

Сталинское мероприятие, в отличие от гитлеровской «очистки территорий», не предполагало массовых зверских убийств людей, но осуществлялось путем достаточно безжалостной депортации жителей целого региона — за Урал, в Сибирь, в Казахстан, Узбекистан.

Организация депортации сотен тысяч людей, да еще в такое горячее предвоенное время, требовала затраты немалых сил и средств — и на местах, где проживали «нежелательные элементы», и в центральном координирующем аппарате в Москве, и на железных дорогах, и в районах приема депортируемых. Но, несмотря на горячее время, Берия готовил и проводил эту депортацию очень тщательно.

Еще 16 мая 1941 г. ЦК партии и Совет народных комиссаров СССР приняли специальное постановление «О мероприятиях по очистке Литовской, Латвийской и Эстонской ССР от антисоветского, уголовного и социально опасного элемента». В дальнейшем это постановление было распространено на Западную Украину, Западную Белоруссию, Бессарабию и Буковину.

ИЗ ДОКЛАДНОЙ ЗАПИСКИ НКГБ СССР В ЦК ВКП (б)

№ 16817/м, 16 мая 1941

При этом направляю копию проекта постановления ЦК ВКП(б) и СЯК Союза ССР о мероприятиях по очистке

Литовской ССР от антисоветского, уголовного и социально опасного элемента. Проект постановления согласован с секретарем ЦК КП(б) Литвы, т. Снеч-кусом, и представлен т. Сталину за подписью т. Берия и моей.

Народный комиссар

Государственной безопасности СССР Меркулов

Приложение: ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК ВКП(б) и СНК СССР В связи с наличием в Литовской, Латвийской и Эстонской ССР значительного количества бывших членов различных контрреволюционных националистических партий, бывших полицейских, жандармов, помещиков, фабрикантов, крупных чиновников бывшего государственного аппарата Литвы, Латвии и Эстонии и других лиц, ведущих подрывную антисоветскую работу и используемых иностранными разведками в шпионских целях, ЦК ВКП(б) и СНК СССР

ПОСТАНОВЛЯЮТ: Разрешить НКГБ и НКВД Литовской, Латвийской и Эстонской ССР арестовать с конфискацией имущества и направить в лагеря на срок от 5 до 8 лет и после отбытия наказания в лагерях сослать на поселение в отдаленные местности Советского Союза сроком на 20 лет следующие категории лиц...

Разрешить НКГБ и НКВД Литовской, Латвийской и Эстонской ССР арестовать и направить в ссылку на поселение в отдаленные районы Советского Союза сроком на 20 лет с конфискацией имущества следующие категории лиц...

Разрешить НКВД Литовской, Латвийской и Эстонской ССР выслать в административном порядке в северные районы Казахстана сроком на 5 лет проституток, ранее зарегистрированных в бывших

органах полиции Литвы, Латвии, Эстонии и ныне продолжающих заниматься проституцией...

Операцию по арестам и высылке в Литве, Латвии и Эстонии закончить в трехдневный срок.

Как видно из постановления ЦК, «нежелательным элементам» была уготована нелегкая судьба — полная конфискация имущества, заключение в лагеря и после отбытия «наказания», высылка еще на 20 лет. На такой же срок высылались и их семьи.

И только к проституткам отношение было более мягкое — их высылали в административном порядке сроком на 5 лет. Но все-таки высылали!

Наверное, Сталин и Берия немало посмеялись, лишая армию Гитлера сексуальных удовольствий!

Начиная свою предвоенную депортацию, Сталин обладал уже немалым опытом в вопросах осуществления таких мероприятий. Еще в феврале 1940 г., в те дни, когда гитлеровские убийцы осуществляли свою варварскую «очистку» оккупированных западных районов Польши от евреев и создавали в Лодзи первое еврейское гетто, сталинские опричники проводили «очистку» восточной зоны оккупации Польши от «нежелательных элементов». «Очистка» восточной зоны оккупации Польши продолжалась практически весь 1940 г. В процессе четырех акций «очистки» — 10 февраля, 9 и 13 апреля и 29 июня 1940 г. — на Восток было депортировано около 280 000 человек, среди которых около 60 000 тех, кого называют «прибывшими из Германии в порядке репатриации». Это те самые немецкие и польские евреи, которые в 1939 г., в страхе перед наступающей гитлеровской армией, бежали на Восток. Те самые евреи, которые в оккупированной

Варшаве осаждали «Советскую комиссию по обмену населением», пытаясь попасть на территорию, занятую Красной армией. Те самые евреи, которые, рискуя быть убитыми немецкими или советскими охранниками, по ночам перебирались через демаркационную линию, разделявшую оккупационные зоны союзников.

Новый этап «очистки» начался месяц назад, 22 мая 1941 г., когда уже было абсолютно ясно, что до «внезапного» нападения Германии осталось всего несколько недель. В ночь на 22 мая 1941 г. «нежелательные элементы» выселялись из Западной Украины, в ночь на 13 июня 1941 г. — из Молдавии и из Черновицкой и Измаильской областей Украины. 14 июня выселяли из Литвы, Латвии и Эстонии, а в эту ночь с 19 на 20 июня — из Западной Белоруссии.

Страшные это были ночи. Рев моторов сотен грузовиков оглашал улицы городов и местечек. Войска НКВД поднимали с постели сонных жителей. Два часа давалось на сборы. До 50 килограммов носильных вещей можно было взять с собой. На грузовиках к железнодорожному вокзалу, а там — вагоны для скота и снова — за Урал, в Сибирь, в Заполярье, в Казахстан и Узбекистан. Десятки, сотни эшелонов.

Тех, кто считался «врагами народа» — в лагеря особого назначения. Более мелкие сошки — служители религиозных культов, люди, имеющие родственников за границей, семьи «врагов народа» — на поселение.

В одном из таких вагонов находился сосланный в Заполярье один из будущих политических деятелей государства Израиль Ме-нахем Бегин. Молодой польский еврей-сионист, юрист по образованию, Бегин бежал из оккупированной гитлеровцами Варшавы в Вильнюс, где

был арестован НКВД, как «социально опасный элемент». Бегин был приговорен Особым совещанием к восьми годам заключения в исправительно-трудовом лагере с местом отбывания срока в Заполярье.

Вспоминает Менахем Бегин: «На товарной станции нас ждал длинный состав. Товарные вагоны были оборудованы под тюремные камеры: на маленьких окошках решетки, к стенам приколочены нары в два этажа; посреди вагона — выводная труба, заменяющая парашу...

Много дней и ночей провели мы в пути...

На одном полустанке рядом с нашим поездом остановилась другая передвижная тюрьма. Со своего места у зарешеченного окошка наверху я увидел пару женских глаз и седые волосы. Большие черные глаза печально смотрели из-за решетки на меня. Мы не сказали друг другу ни слова, но глаза спрашивали: «Куда ? Зачем ?»

Ее поезд тронулся, и почти в тот же момент двинулся с места и наш. Шум колес, аккомпанемент, сопровождающий любой внутренний монолог, еще много дней и ночей выстукивал в моих ушах вопрос: «Куда ? Зачем ? Зачем ? Куда ? Куда ? Зачем ?»

Поезда-близнецы часто проносились мимо нас.

«Боже милостивый, — говорили мы друг другу, — сколько у них составов!»... Но в пути мы часто встречали и совсем другие поезда.

Из-за них нам нередко приходилось простаивать много часов, иногда даже целые сутки. Один поезд

проносился за другим, и все в направлении противоположном нашему, — на Запад.

«Что это? Что это?» — спрашивали мы другу друга при виде переполненных солдатами и груженными боеприпасами поездов. Неужели объявлена всеобщая мобилизация? Может быть, мы являемся свидетелями прямой подготовки к войне?»

Поезда с депортированными «нежелательными элементами» мешали проводимому Сталиным в эти дни скрытому подтягиванию войск к Западным границам. И немудрено — общее число депортированных в эти дни достигало 380—390 тысяч человек! Многие не добрались до мест назначения, умерли в пути. Другие погибли в лагерях, на поселениях, на лесоповале, в шахтах по добыче золота, меди, урана.

Жестокость сталинского «Мероприятия по очистке» заставило все местное население региона, избежавшее депортации, возненавидеть Советскую власть. Еврейское население региона, избежавшее депортации, после захвата территорий было уничтожено нацистами и их пособниками.

А депортированные евреи, оставшиеся в живых, после сталинских лагерей, лесоповалов и урановых рудников, всю оставшуюся жизнь славили товарища Сталина, «эвакуировавшего» их на Восток и спасшего их от нацистских убийц.

Сталин действительно очень внимательно следил за процессом депортации «нежелательных элементов». И, несмотря на горячее предвоенное время, почти каждый вечер, в эти дни — 7, 10, 14, 17 и 18 июня 1941 г. — признанный специалист по депортациям — Богдан

Кобулов являлся в Кремль и докладывал лично товарищу Сталину о том, как проходит «Мероприятие по очистке».

До начала операции «Барбаросса» остались всего одни сутки. 20 июня 1941, пятница. Лондон

В воскресенье все станет ясным

Наступил вечер 20 июня 1941 г.

И, как и предрекал Адольф Гитлер, весь мир затаил дыхание.

Вспоминает Уинстон Черчилль: «В пятницу, вечером, 20 июня, я выехал один в Чекере. Я знал, что нападение Германии на Россию является вопросом дней, а может быть, и часов. Я намеревался выступить в субботу вечером по радио с заявлением по этому вопросу. Разумеется, мое выступление должно было быть составлено в осторожных выражениях, тем более, что в этот момент советское правительство, в одно и то же время высокомерное и слепое, рассматривало каждое наше предостережение просто как попытку потерпевших поражение увлечь за собой к гибели и других. Поразмыслив в машине, я отложил свое выступление до вечера воскресенья, когда, как я думал, все станет ясным ...»

Мудрейший Уинстон Черчилль, обманутый Сталиным, считал кремлевского Диктатора «слепым».

Сам Черчилль не считал себя слепым, так как располагал надежной агентурной информацией, полученной с помощью системы «Ультра».

Еще пять дней назад, 15 июня 1941 г., Черчилль окончательно убедился в том, что германская армия, дислоцированная на всем протяжении советских границ от Финляндии до Румынии, в самое ближайшее время совершит нападение на большевистскую Россию, и сообщил об этом президенту США Франклину Рузвельту.

Рузвельт был не менее Черчилля взволнован ходом мировых событий, но, в отличие от него, президент не мог позволить себе публичных высказываний, опасаясь не только реакции изоляционистов, но и противодействия некоторых своих министров, противников конфронтации с Гитлером. Именно поэтому свой ответ на послание Черчилля Рузвельт не стал доверять ни телефону, ни телеграфу, а, вызвав находящегося в те дни в Вашингтоне Вайнанта, приказал ему немедленно лететь в Лондон и передать Черчиллю устно слова поддержки.

Рузвельт доверял Вайнанту: Джон Вайнант — американский посол в Лондоне — был известен своей честностью и, кроме того, проработав многие годы главой Международного отдела труда при Лиге Наций, он очень тепло относился к Советской России.

Ранним утром, 20 июня 1941 г., на военном самолете Вайнант вылетел из Нью-Йорка в Лондон. И тут, в самом начале полета над Атлантическим океаном, один из моторов самолета отказал. Пилот предложил Вайнанту вернуться в Нью-Йорк. Но миссия американского посла была настолько срочной и слова президента Рузвельта, которые посол должен был

передать Черчиллю, были настолько важными, что Вайнант, рискуя жизнью, приказал пилоту продолжать полет.

Завтра, в субботу, 21 июня 1941 г., Джон Вайнант появится в Чекерсе — официальной загородной резиденции британского премьер-министра и передаст ему слова американского президента.

Вспоминает Черчилль: *«Американский посол, проводивший уикэнд у меня, привез ответ президента на мое послание.*

Президент обещал, что, если немцы нападут на Россию, он немедленно публично поддержит «любое заявление, которое может сделать премьер-министр, приветствуя Россию как союзника». Вайнант передал устно это важное заверение».

Сталинский коварный БЛЕФ уже начинает давать результаты.

Будущая Антигитлеровская коалиция приобретает довольно ясные очертания. Как видно, не таким уж «слепым» был Диктатор большевистской России — Иосиф Сталин.

Глава восьмая. ИДЕТ «БОЛЬШАЯ ИГРА». 21-22 июня 1941

*...когда дело доходило до
международной политики,
Сталин выказывал себя
мастером холодного расчета и
весьма гордился тем, что не
позволял себя спровоцировать
на поспешные шаги...*

*Американский политик и
историк Генри Киссинджер*

**До «внезапного» нападения
остались лишь одни сутки. 21
июня 1941, суббота, 2 ч 40 мин
утра. Западный военный округ**

Над августовскими лесами облако пыли

Все говорит о том, что удар вот-вот обрушится.

На границе слышен гул двигателей, лязг гусениц немецких танков, а над Августовскими лесами уже несколько дней стоит облако пыли, вызванное передвижением германских войск. Перебежчики — солдаты и младшие офицеры германской армии — называют точное время «внезапного» нападения.

Всю последнюю неделю командующие армиями буквально требовали от командующих округами ввести в

действие ПЛАН ПРИКРЫТИЯ-41. Но командующие округами, и сами обеспокоенные ситуацией на границе, не имели возможности дать такой приказ без разрешения Москвы. Об этих нелегких днях, предшествовавших «внезапному» нападению, с неприкрытой болью расскажет генерал армии Дмитрий Павлов эмиссарам Сталина — Ворошилову и Шапошникову, прибывшим на Западный фронт 27 июня 1941 г.

*ИЗ ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЕЙ АДЪЮТАНТА
ВОРОШИЛОВА*

ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА ЩЕРБАКОВА

В ночь с 27 на 28 июня 1941

Станция Полынские хутора

*Павлов: «...для меня было очевидным, что **мы живем накануне войны**. Данных для этого вывода в пределах нашего округа было более чем достаточно. За предвоенную неделю командармы мне буквально жить не давали. Свои ежедневные доклады начальник штаба Климовских начинал с перечисления фактов подозрительного поведения немцев на границе. У Кузнецова над августовскими лесами в последние дни облако пыли стояло от передвижения немецких войск.*

Я уже не говорю о бесцеремонности немецкой авиации, которая систематически нарушала границу и часто летала над расположением наших приграничных дивизий...»

Павлов говорит о положении на границе Западного округа, но аналогичная ситуация существует по всей границе. Еще 15 июня 1941 г. начальник штаба 5-й армии Киевского округа генерал-майор Писаревский специально летал в штаб округа в Киев, чтобы получить разрешение

командующего Кирпоноса объявить боевую тревогу войскам ПРИКРЫТИЯ. А вчера, 20 июня 1941 г., о необходимости привести войска в боевую готовность говорил секретарь ЦК Компартии Белоруссии Пантелеймон Пономаренко.

Сегодняшний, последний предвоенный день, 21 июня 1941 г., начался еще до рассвета, в 2 ч 40 мин, с шифрограммы за подписью начальника штаба Западного округа генерал-майора Климовских. Владимир Климовских, участник Первой мировой и Гражданской войн, в прошлом разведчик и преподаватель Военной академии Генштаба, прекрасно разбирался в обстановке и ежедневно докладывал генералу Павлову обо всех «признаках» приближающегося нападения. Те же самые докладные Климовских регулярно направлял и в Москву — в Генштаб.

*ИЗ ШИФРОГРАММЫ НАЧАЛЬНИКА ШТАБА
ЗАПАДНОГО ОСОБОГО ВОЕННОГО ОКРУГА*

Вручить немедленно!

21 июня 1941, 2 ч 40 мин

Начальнику Генштаба К. А.

ПЕРВОЕ. 20 июня в направлении Августов имело место нарушение госграницы германскими самолетами: в 17.41 шесть самолетов... в 17.43 — девять самолетов... в 17.45 — десять самолетов...

По данным погранотряда, самолеты имели подвешенными бомбы.

ВТОРОЕ. По докладу командарма-3, проволочные заграждения вдоль границы у дороги Августов, Сейны, бывшие еще днем, к вечеру сняты. В этом районе, в лесу

*будто бы слышен шум наземных моторов.
Пограничниками усилен наряд...В. Климовских*

До «внезапного» нападения остаются уже считанные часы...

До начала операции «Барбаросса» осталось меньше суток. 21 июня 1941, суббота. Германия, Дьюин

***Эйнзатцгруппе «D» выползает из своего
логова***

Еще не наступил рассвет, когда Эйнзатцгруппе «D» во главе с группенфюрером СС Олендорфом, выступила из Дьюина и направилась в Румынию, в расположение расквартированной там 11 -й германской армии. Этот марш будет продолжаться около трех суток, и в Пьятра-Нямц убийцы прибудут уже после того, как начнется война.

***ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЯ ОТТО
ОЛЕНДОРФА***

*Стенограмма заседания Международного трибунала
от 3 января 1946 г.*

*Эймен: Когда группа «D» вошла на территорию
Советского Союза?*

*Олендорф: Оперативная группа «D» выступила из
Дьюина 21 июня и через три дня она достигла
Пьятра-Нямца в Румынии.*

Там армия уже затребовала первые оперативные команды, и те сейчас же направились к месту назначения, указанному армией.

Эймен: *Вы сейчас имеете в виду 11-ю армию?*

Олендорф: До...

Вскоре после прибытия Эйнзатцгруппе «D» в Пьятро-Нямц, командующий 11-й германской армией генерал-полковник фон Шоберт затребует у Олендорфа подчиненных ему убийц и направит их к «месту назначения» в город Яссы. Здесь они проведут свою первую «акцию» — первое массовое зверское убийство еврейского населения.

В этой чудовищной бойне, в Яссах, вместе с эсэсовцами, примут участие варвары из румынского Оперативного эшелона SSI, румынские жандармы и даже солдаты германской и румынской армий. Убийцы будут врывать в дома, ловить людей на улицах, издеваться, грабить, насиловать, убивать. Более 8000 человек будут уничтожены в течение одного дня — 29 июня 1941 г. — и почти столько же задохнутся в так называемых Поездах смерти.

Трагедия евреев — жителей города Яссы тогда же, в июле—августе 1941 г., станет известна миру. Послы иностранных государств, все еще находящиеся в Бухаресте, сообщат об этой трагедии своим правительствам. А посланник Соединенных Штатов Франклин Мотт Гюнтер в августе 1941 г. даже направит в Вашингтон специальный доклад под названием: *«Преступления против еврейского населения до и после начала войны».*

Доклад Гюнтера будет посвящен преступлениям румынских и германских убийц против еврейского населения в Бессарабии и отвратительному по своей средневековой жестокости зверству в Яссах.

До «внезапного» нападения осталось меньше суток. 21 июня 1941, суббота. Западная граница

На границе— «выходной день»?!

А на советской границе звучит все еще мирный обычный сигнал горна.

На ходу застегивая пуговицы, пограничники бегут на утреннее построение... И приятная неожиданность!

Командиры зачитывают им перед строем новый, полученный только вчера, приказ Москвы: *«Завтра, 22 июня 1941 г., в воскресенье, на границе объявляется выходной день».*

Выходной день?! Невероятно!

Именно в этот день, в воскресенье, 22 июня 1941 г., когда, по всем признакам, должно произойти это «внезапное» нападение гитлеровцев, личный состав приграничных войск уходит в увольнение?

Этот день, воскресенье 22 июня 1941 г., настойчиво повторялся во всех агентурных сообщениях разведки. Этот день называл Рихард Зорге, Шандор Радо, Глеб Рогатнев, Павел Шатеев. Этот день называл гауптштурмфюрер СС Вилли Леман. Этот день называл германский посол граф Вернер фон дер Шуленбург. Этот

день называли немецкие перебежчики и пойманные немецкие диверсанты.

И, наконец, этот день, фактически, был последним днем 1941 г., когда Гитлер мог начать свой Русский поход, с тем, чтобы успеть закончить его до наступления Русской осенней распутицы и прихода суровой Русской зимы. И, наконец, этот день приходился на воскресенье, а Гитлер, как известно, всегда использовал воскресенье для нападения на свою очередную жертву, точно так же как и другие агрессоры, зная, что в этот день боеготовность противника будет меньшей. В советской практике так поступил в августе 1939 г. Жуков, начав наступление на Халкин-Голе в воскресенье, когда многие из офицеров и солдат японской армии были в увольнении.

В день ожидаемого «внезапного» нападения, наверное, было бы более естественно отменить отпуска! По воспоминаниям Черчилля, 23 августа 1939 г., когда британское правительство получило сведения о заключении германо-советского Пакта о ненападении, во всех строевых войсках были отменены отпуска, хотя немедленной военной угрозы для Англии не было. Аналогичным образом, впрочем, поступал и Сталин. По воспоминаниям генерала Ште-менко, 3 сентября 1939 г., когда Англия и Франция объявили войну Германии, все отпуска в Красной армии были отменены, и в семи военных округах страны, включая даже Орловский и Харьковский округа, все соединения и части были приведены в боевую готовность.

А сегодня Сталин не только не отменяет отпуска, не только не вводит в действие ПЛАН ПРИКРЫТИЯ, но

вместо этого, демонстративно объявляет на границе выходной день!

Об этом невероятном событии вспоминает заслуженный летчик-испытатель, Герой Советского Союза, полковник Василий Павлов:

«Летом 1940 г., после заключения договора о присоединении к Советскому Союзу Бессарабии и Северной Буковины, мы с полком перелетели в Черновицы и обосновались на румынском аэродроме.

Это был мирный перелет... Но нам все время внушали, что воевать мы все равно будем. Поэтому я свою семью сразу после нового, 1941 г. отправил в Москву. Так же поступило процентов 70 наших командиров.

Начиная с января к границе с обеих сторон подтягивалось огромное количество войск... Первый день войны я встретил в Черновицах.

И вот что странно: три месяца мы сидели в первой боевой готовности, спали прямо под самолетами. И вдруг, в субботу, 21 числа, выстраивают нас и объявляют: «Завтра — выходной день!»

И так не только в нашем полку — по всей границе дали выходной!

Мне кажется, здесь не обошлось без предательства. Во всяком случае мы, младший комсостав, были убеждены в том, но не могли вслух говорить...

Когда нам зачитали приказ о выходном дне, напряжение спало. Все были настроены вырваться в город и как-то разрядиться. Мы, человек пять временно холостых, пошли выпивать к жене комиссара эскадрильи,

который как раз уехал по делам подготовки новых полевых аэродромов. Очень хорошо выпили. Ну, представляете, здоровые ребята на отдыхе...»

Молодые пограничники, получившие неожиданный отпуск, в летний субботний вечер отправились в приграничные городки и там, как свидетельствуют участники и очевидцы этой трагедии, для разрядки, выпивали до поздней ночи.

А до «внезапного» нападения оставались считанные часы...

До «внезапного» нападения осталось меньше суток. 21 июня 1941, суббота. Москва

Лев Мехлис призван под знамена

Столица только еще просыпалась, когда в вестибюль Первого Дома советов, что на углу Тверской и Моховой, вошел нарочный из Кремля.

Предъявив удостоверение охраннику, нарочный поднялся на лифте в квартиру Льва Мехлиса.

Мехлис, еврей по национальности, бывший член сионистской партии «Поалей Цион», бывший меньшевик, человек, которого обычно не причисляют к «соратникам» Сталина, был, на самом деле, одним из самых близких и доверенных его людей. Мехлис был безгранично предан Сталину, многие годы работал в тесном контакте с ним, часто подолгу оставался с ним наедине и даже позволял себе шутить с Тираном. Сталин верил Мехлису больше, чем многим другим, а Мехлис, со своей стороны, прекрасно изучил Хозяина, умел предугадывать его

желания и с ревностной исполнительностью выполнял самые жестокие его приказы.

Мехлис встретился со Сталиным в 1919 г. на Юго-Западном фронте. С 1922 г. он в Москве — незаметный помощник малозаметного секретаря ЦК партии, с 1924 г. — заведующий бюро Секретариата ЦК, а с 1930 г. уже главный редактор газеты «Правда».

Но делом всей жизни Мехлиса стал пост, который, наверное лучше всех соответствовал его опыту комиссара Гражданской и его неумемному характеру — пост начальника Политуправления Красной армии.

На посту начальника Политуправления Мехлис пробыл с декабря 1937 г. и до сентября 1940 г. Страшные это были годы, и не менее страшной была «работа», которую выполнял Мехлис. Но именно эта «работа» была нужна Тирану, и именно за эту «работу» ценил он своего подручного.

Все эти годы Мехлис принимал самое активное участие в сталинских «чистках», в том числе и в уничтожении высшего политического и командного состава Красной армии. Повторяя не раз слышанные им слова Сталина, Мехлис провозглашал: «Врагов и изменников будем уничтожать, как бешеных собак!»

Этим принципом Лев Мехлис руководствовался всю свою жизнь. После Финской кампании, когда наркома обороны Ворошилова сменил Тимошенко, а начальника Генштаба Мерецкова — Жуков, Мехлиса сменил армейский комиссар 1-го ранга Запорожец. Удаляя Мехлиса из Политуправления, Сталин назначил его наркомом госконтроля. И на этом посту Мехлис успел послужить Хозяину.

Но завтра война! И вот сегодня, 21 июня 1941 г., ранним утром, нарочный из Кремля привез Льву Мехлису новое назначение. В преддверии «внезапного» нападения, Сталин возвращает своего подручного на пост начальника Политуправления Красной армии.

Лев Мехлис призван под знамена...

До «внезапного» нападения остались считанные часы. 21 июня 1941, суббота. Москва

«Большая Игра»

Слухи о приближающемся «внезапном» нападении Германии вынудили генерального секретаря Исполкома Коминтерна Георгия Димитрова позвонить Вячеславу Молотову.

Имя Георгия Димитрова получило всемирную известность после того, как в 1933 г. в Германии, на так называемом Лейпцигском процессе, Димитров, обвиненный в поджоге Рейхстага, выступил с пламенной речью, обличающей нацизм. Болгарский коммунист Димитров в 1924 г. эмигрировал в Советский Союз и, как многие иностранные коммунисты, начал работать в Коминтерне. Выполняя задания Коминтерна, а, возможно, и не только Коминтерна, Димитров часто ездил с подложными документами в Западную Европу, большей частью в Германию. Именно здесь, в Берлине, 9 марта 1933 г., он был арестован гестапо по подозрению в поджоге Рейхстага, хотя никто в мире не сомневался в том, что поджог — дело рук нацистов. Судилище над Димитровым возмутило мировую общественность и даже

вызвало демонстрации. Нацисты вынуждены были оправдать Димитрова.

Димитров возвратился в Москву героем, и на VII конгрессе Коминтерна был избран, а скорее назначен Сталиным, генеральным секретарем.

Правда, настоящим хозяином Коминтерна после VII конгресса стал Сталин, который все последующие годы использовал эту организацию как инструмент для достижения своих целей. Послушным исполнителем приказов стал и герой Лейпцига Георгий Димитров.

Сталин симпатизировал Димитрову, ценил заработанный им политический капитал и «допускал» его в круг своих самых близких соратников — «допускал» на трибуну Мавзолея во время парадов на Красной площади и даже «допускал» до участия в самых любимых своих церемониях — в похоронах «выдающихся деятелей государства». Димитров, со своей стороны, и шагу не мог ступить без Сталина — все свои статьи, речи и даже приветствия он всегда предварительно направлял Сталину с просьбой дать соответствующие «указания».

Указания Сталина определяли и «курс» Коминтерна, который нередко менялся на 180 градусов. В годы сталинских репрессий Димитров, несправедливо обвиненный на фальсифицированном Лейпцигском процессе, вынужден был, от лица Коминтерна, одобрять фальсифицированные сталинские процессы. Правда, как говорят, он был одним из немногих, отважившихся хлопотать за невинных перед Тираном. И некоторых ему удалось спасти.

С 1933 г. и почти до самой смерти, Димитров вел дневник, в котором фиксировал события, приводил документы и записывал указания, полученные от

Сталина. О существовании этого дневника было давно известно, но сам дневник хранился под грифом «строго секретно» в архиве Болгарской компартии и был недоступен для исследователей. Сегодня дневник Димитрова уже можно прочесть. Можно «увидеть» Сталина глазами Димитрова и даже «услышать» произнесенные им слова.

ИЗ ДНЕВНИКА ДИМИТРОВА

*Тост, произнесенный Сталиным на обеде у Ворошилова 7 ноября 1937 «...каждый, кто попытается разрушить это единство социалистического государства, кто стремится к отделению от него отдельной части и национальности, он враг, заклятый враг государства, народов СССР. И мы будем **уничтожать** каждого такого врага, будь он и старым большевиком, мы будем **уничтожать весь его род, его семью.***

Каждого, кто своими действиями и мыслями (да, и мыслями) покушается на единство социалистического государства, беспощадно будем уничтожать..

За уничтожение всех врагов до конца, их семей, их родов!»

Тосты, так часто произносимые Сталиным на застольях, представляют особый интерес, так как именно в них выражается вся сущность Тирана. Многие из этих необычных тостов сохранил дневник Димитрова. В том числе, как известно, и «наступательную» речь Сталина, на банкете в Кремле 5 мая 1941 г. Сталин тогда сказал: *«Надо готовиться к войне».*

Выступление Сталина на приеме совпало с очень сложным периодом в жизни Коминтерна. Созданный Лениным в 1919 г. Коминтерн должен был быть

распушен, и тому было несколько веских причин. Сущность деятельности Коминтерна заключалась в борьбе компартий всего мира против общего врага. Получив директиву из Москвы, компартии всегда знали, кто сегодня враг и против кого им следует бороться. Так, в июле 1939 г. общим врагом был Гитлер, и Коминтерн разослал компартиям специальную директиву «О необходимости развернуть кампанию против фашистских агрессоров». А в августе того же 1939 г. ни о какой кампании против Гитлера речь уже не шла, и даже «наоборот» — компартиям предлагалось приветствовать заключение германо-советского «Пакта о ненападении», представлявшего собой «важный вклад в дело защиты мира». С августа 1939 г. Коминтерн по указанию Сталина, фактически, отказался от разоблачения нацизма, как инициатора войны в Европе, и начал призывать братские компартии бороться не с гитлеровскими захватчиками, а со своими «империалистическими» правительствами. Такая постановка вопроса на первом этапе войны имела тяжелые последствия — она не позволила развернуть движение Сопротивления и этим, фактически, оказала содействие Германии.

Весной 1941 г. обстоятельства снова изменились. Удивительно, но в эти предвоенные дни не было возможности однозначно определить общего «врага»! С одной стороны, сталинский БЛЕФ не давал возможности назвать «врагом» Гитлера, пребывавшего с августа 1939 г. в ипостаси «друга». А, с другой стороны, бывшие враги «империалисты» — Англия и Америка — уже не могли больше быть «врагами», так как в очень скором времени им предстояло стать союзниками и друзьями.

Все эти обстоятельства заставили Сталина поменять свое отношение к Коминтерну и к Димитрову. Он не разрешил Коминтерну направить братским компартиям обычное первомайское воззвание, а Димитрова перестали избирать в президиумы и приглашать на похороны «выдающихся деятелей», о чем он с ужасом упоминает в своем дневнике.

Но война была на пороге. И Сталин не распустил Коминтерн.

Знал, что очень скоро это послушное орудие ему понадобится.

Несомненно, что и Димитров понимал это. И не случайно, ранним утром, 21 июня 1941 г., он позвонил Молотову. Торопился получить новые «указания» для братских компартий.

ИЗ ДНЕВНИКА ДИМИТРОВА

21 июня 1941

*«...В телеграмме Чжоу Эньлая из Чунцина в Янань (Мао Цзэдуну) между прочим указывается на то, что Чан Каиши упорно заявляет, что Германия нападет на СССР, и **намечает даже дату — 21.06.41!***

Слухи о предстоящем нападении множатся со всех сторон.

Надо быть начеку... Звонил утром Молотову. Просил, чтобы переговорили с Иос. Виссарионовичем о положении и необходимых указаниях для компартий.

Мол.: «Положение неясно. Ведется Большая Игра. Не все зависит от нас. Я переговорю с И.В. Если будет что-то особое, позвоню!»»

Итак, сегодня никаких указаний Димитров не получил. Ситуация еще не созрела. Время еще не наступило. Положение еще не ясно. Ведется *Большая Игра!*

В этой беседе Молотов на удивление откровенен с Димитровым. Выслушав его сообщение о дате «внезапного» нападения, Молотов не удивлен и не испуган. Он не пытается разубедить Димитрова, опровергнуть его информацию. Нет, ничего этого нет. Молотов говорит Димитрову правду: «*Положение неясно. Ведется Большая Игра...*» Димитров понимает Молотова с полуслова. Он будет ждать...

Время наступит завтра, после «внезапного» нападения, когда «положение станет ясным», когда весь мир сможет убедиться в том, что Германия агрессор, а Советская Россия — жертва агрессии.

Завтра, в 7 часов утра, руководители Коминтерна Георгий Димитров и Дмитрий Мануильский будут срочно вызваны в Кремль. В этот первый, может быть самый трудный день войны, Сталин проведет с ними более двух часов и лично продиктует им обращение к компартиям всего мира.

До начала операции «Барбаросса» осталось менее суток. 21 июня 1941, суббота. Румыния, Пятра-Нямц

В состоянии благодати

Пятра-Нямц. В яркой зелени утопают Карпаты. По белым валунам весело журчит река Быстрица. Пять веков

мирно спят развалины замка молдавского князя Стефана Великого, и не будит их даже празднично звучащий перезвон колоколов.

В это утро в Пятра-Нямц, в церкви Святого Николая, молится кондукатор Румынии генерал Ион Антонеску. Он просит Бога помочь ему выполнить великую миссию — одержать победу в войне против большевистской России.

Сегодня торжественный день, и Антонеску окружают все самые близкие ему люди. Рядом с ним жена его Мария — женщина, ради которой он бросил свою первую жену — еврейку, мать его единственного умершего сына. Глаза Марии скромно опущены и не выдают бушующие в этой тихой на вид женщине противоестественные страсти. По другую сторону от генерала его близкий друг и однофамилец Михай Антонеску. Лет пять назад Михай, тогда еще совсем молодой тридцатилетний адвокат, спас Иона от скандального обвинения в бигамии. С тех пор, считавшийся красавцем, низкорослый Михай стал, фактически, членом семьи Антонеску и постоянно проживал вместе с ним и Марией. Здесь же, еще один член семьи госпожа Ветурия Гога — вдова Октавиана Го-га, бывшего главы правительства Румынии и идеолога антисемитизма.

Сегодня вся эта странная «семья» — весь этот странный сексуально-политический и криминально-финансовый четырехугольник истово молится Богу...

В стороне от «семьи» так же истово молятся приспешники генерала — главные исполнители будущих массовых кровавых убийств — глава Специальной службы информации Эужен Кристеску и главный

инспектор жандармерии генерал Константи́н Васи́лиу. Престарелый убийца Кристеску уже привел в Пятра-Нямц Оперативный эшелон. А генерал Васи́лиу уже успел провести в Романе последний инструктаж жандармов, которые вскоре должны будут осуществить «очистку территорий от еврейской заразы».

Пройдет еще три дня, и уже после того, как начнется война, в Пятра-Нямц прибудет и главный нацистский наставник этой банды убийц — бригадефюрер СС Отто Олендорф. Здесь, в Пятра-Нямц, Олендорф уточнит все детали сотрудничества германской Эйнзатцгруппе СС с румынским Оперативным эшелоном SSI.

А пока... звонят колокола. Банда убийц молится Богу.

Ион Антонеску счастлив. Адольф Гитлер, фюрер Великой Германии, оказал ему громадное доверие — назначил Верховным главнокомандующим объединенных воинских сил. Генерал не знает, какой приказ получил от Гитлера командующий 11-й армией генерал-полковник фон Шоберт, и гордится тем, что в этой войне фельдмаршалы вермахта будут выполнять приказы... румынского генерала!

Умиротворенный молитвой, в состоянии благодати, Антонеску обращается к своим солдатам и призывает их *убивать к умирать:*

«Румыны! Сегодня, решив начать Священную войну, перед лицом Бога наших предков, перед лицом Истории и Вечности, я беру на себя ответственность вернуть народу то, что было у него отобрано через унижение и

предательство... Отмоем этой же кровью черную страницу, записанную в прошлом году в нашу историю...

Румыны! Я призываю вас на битву! На священную битву за Народ и за Короля! На великую правую битву рядом с великой германской нацией за справедливое будущее человечества...

Солдаты! Вы будете воевать плечом к плечу с самой сильной и победоносной армией мира... Будьте достойны чести, которую дали вам история, армия великого рейха и ее непревзойденный командующий Адольф Гитлер.

Солдаты! Вперед! Воюйте за честь нации! Умрите за землю ваших Отцов и ваших Сыновей! Этого требует Нация, Король и Ваш Генерал! Солдаты! Победа будет за нами! На битву! С Богом, вперед!»

Безбожник и убийца, «Красная собака» Антонеску взывает к Богу!

Завтра утром румынская армия — армия «Чести», «Права» и «Справедливости» — плечом к плечу с Великой германской армией начнет свой кровавый поход на Восток.

До начала операции «Барбаросса» осталось меньше суток. 21 июня 1941, суббота. Франция, Виши

«Внезапно» — завтра на рассвете!

В Москву продолжают поступать донесения о «внезапном» нападении Германии, которое должно состояться завтра на рассвете. Все донесения

немедленно передаются в Кремль, хотя, практически, никакого значения они уже не имеют. Одна из радиogramм, переданных Сталину утром, поступила из Франции, от военного атташе и резидента военной разведки генерал-майора Суслопарова: *«21 июня 1941 г. Как утверждает наш резидент Жильбер, которому я, разумеется, нисколько не поверил, командование вермахта закончило переброску своих войск на советскую границу и завтра 22 июня 1941 г. Германия внезапно нападет на Советский Союз...»*

На оригинале радиogramмы сохранилась резолюция Сталина, написанная, почему-то, не синим карандашом, как обычно, а красными чернилами: *«Эта информация является английской провокацией. Разузнайте, кто автор этой провокации, и накажите его».*

Трудно поверить в существование такой резолюции! Неужели же и сегодня, меньше чем за сутки до нападения, которое, как он прекрасно знал, должно было совершиться на рассвете, Сталин все еще продолжал свою «игру в резолюции», которая, разве что, оставляла потомкам «неопровержимые» доказательства того, что он в нападение «не верил»?

Эта резолюция тем более удивительна, что она касается радиogramмы, полученной от генерал-майора Суслопарова, героя Гражданской, члена партии с 1919 г., кавалера многих орденов. Хотя, в данном случае, и Суслопаров проявляет какую-то непонятную осторожность и делает оговорку, что он сообщению «нашего резидента Жильбера нисколько не поверил». Такая оговорка, если она действительно существовала, была, как видно, результатом директивы Голикова, направленной всем военным атташе в марте 1941 г., по

которой — «все документы, указывающие на близкое начало войны, должны рассматриваться как фальшивки ...»

Установка «*фальшивкиa priori*» не зависела от надежности источника информации. А источник в данном случае был действительно надежным.

Информация была получена от «нашего резидента Жильбера» —руководителя бельгийско-французской ветви советской разведки, той самой, которую Гейдрих назовет в дальнейшем «Красной Капеллой».

Канадец и уругваец

«Наш резидент Жильбер», он же «Лео», он же «Отто», он же Треппер, был заслан в Брюссель в июле 1938 г.

Леопольд Треппер, тридцатисемилетний еврей, член компартии Палестины, с 1929 г. жил в Москве и, считаясь сотрудником Коминтерна, фактически выполнял задания военной разведки. В Брюсселе задача Треппера, действовавшего под личиной канадского гражданина Адама Миклера, состояла в создании базы изготовления фиктивных документов, необходимых для легализации советских шпионов в зарубежье. После оккупации Бельгии, в 1940 г., Треппер вынужден был перебраться в Париж.

В Брюсселе «канадца» Адама Миклера заменил «уругваец» Винсент Сиерра. Под этой личиной был заслан в Брюссель Анатолий Гуревич, по кличке «Кент». Щупленький Толя Гуревич, выглядевший в свои 27 лет почти подростком, был, на самом деле, уже опытным шпионом. Прибыв в Бельгию, он сразу завел много полезных знакомств и, для прикрытия, организовал

коммерческий концерн «Симэско». С помощью богатого чешского еврея и его дочери Маргарет, ставшей впоследствии женой Гуревича, он вошел в контакт с гитлеровцами и сделал «Симэско» одним из главных поставщиков пресловутой «Организации Тодта», в руках которой было сосредоточено снабжение германской армии.

Леопольд Треппер, находившийся в это время в Париже, не занимал никакой должности в «Симэско», но немцам было известно, что канадский бизнесмен Адам Миклер финансирует сделки концерна. Благодаря своим деловым и дружеским связям уругваец «Кент», а с его помощью и канадец «Жильбер», могли систематически направлять в Москву важнейшую экономическую и военную информацию. Связь с Москвой, как и большинство резидентур, они осуществляли через советское посольство, в данном случае, через военного атташе и легального резидента генерал-майора Суслопарова, подписавшего сегодня радиограмму о «внезапном» нападении.

Источники информации «нашего резидента»

По свидетельству Треппера, с 1940 по 1943 г. бельгийско-французская ветвь «Красной Капеллы» передала в Центр более 1500 донесений, полученных из сотен самых невероятных источников. Вспоминает Леопольд Треппер: *«За хорошей трапезой с обильной выпивкой нацистские бонзы становятся весьма разговорчивыми, даже слишком...»*

Вот пример. Один из инженеров «Организации Тодта», Людвиг Хайнц, подружившийся с Лео, сообщает нам первые данные о приготовлениях к войне на Востоке. Надо сказать, что Хайнц внутренне порвал с

нацизмом. Вначале он работал на строительстве укреплений на германо-русской границе в Польше, затем, весной 1941 г., во время очередной служебной командировки он увидел, что вермахт готовится к нападению на Советский Союз. Об этом он нам рассказал по возвращении. Позже, уже после начала войны, ему удалось стать свидетелем страшного события — массовых расстрелов в Бабьем Яре под Киевом, где погибли десятки тысяч евреев...

Мы также располагаем высокопоставленными агентами, чьи источники информации буквально неиссякаемы. В первую очередь хочется назвать барона Василия Максимовича, с которым в конце 1940 г. меня свел Мишель, представив его как русского белоэмигранта, желающего работать на Красную армию...»

Барон Василий Максимович, ставший, как и многие русские эмигранты во время войны, советским шпионом, был в эти дни одним из сотрудников германского оккупационного штаба, размещенного в парижском отеле «Мажестик». Ценность Максимовича, как источника, усиливалась еще тем, что его любовница-немка Анна-Маргарет Хофман-Шольц была секретаршей германского посла, бригадефюрера СС Отто Абеца, который отвечал за решение всех политических, военных и экономических вопросов в оккупированной Франции и особенно «усердствовал» в преследовании евреев. В 1958 г., освобожденный из тюрьмы, преступник Абец погиб в автомобильной катастрофе, организованной, по слухам, бывшими участниками Сопротивления.

Изобретательность «Жильбера» в получении агентурной информации не имела предела. Так,

например, агенты «Красной Капеллы» подключили подслушивающие устройства к телефонным линиям отеля «Лютеция», где находилась штаб-квартира парижского отделения абвера. И все разговоры германской разведки записывались и передавались в Москву.

Миссия «Кента»

Судьбы советских шпионов Треппера и Гуревича сложатся трагически. В них будет все — головокружительные шпионские удачи и страшные провалы, пытки в гестапо, побеги и, может быть, предательство. В них будет гибель соратников, подвалы Лубянки и сталинские лагеря. Но, наверное, самым невероятным из всех этих невероятных событий будет роковая связь Гуревича с гибелью всей «Красной Капеллы».

В октябре 1941 г., в самый разгар войны по приказу Москвы Гуревич совершил «вояж» в нацистскую столицу и встретился там с главными фигурантами двух советских разведок — военной и внешней разведки НКВД. Вопреки всем правилам конспирации, Гуревичу было приказано войти в прямой контакт с людьми, встречи с которыми перед войной так тщательно готовились и так профессионально проводились специально направленным для этой цели в Берлин Коротковым!

На этот раз миссию боевика Короткова в гораздо более сложных условиях должен был выполнить Гуревич — совершенно не подготовленный к этой миссии человек, сам как еврей, подвергавшийся в Берлине смертельной опасности и подвергавший опасности всю, так тщательно законспирированную, шпионскую сеть. Для осуществления этой, как будто заранее обреченной

на провал, миссии, Гуревич получил из Москвы две радиограммы, в которых были указаны настоящие имена людей, с которыми ему предстояло встретиться, адреса явок, номера телефонов, секретные пароли и, даже, шпионские клички агентов, входящих в группы.

РАДИОГРАММА ПЕРВАЯ Москва-Брюссель, 10 октября 1941 От Директора Кенту. Лично.

Немедленно отправляйтесь в Берлин по трем указанным адресам и выясните причины неполадок радиосвязи...

Адрес: Нойвестенд, Альтенбургеналлее, 19, третий этаж справа, Коро.

Шарлоттенбург, Фредерициаштрассе, 26-а, второй этаж слева, Вольф.

Фриденау, Кайзерштрассе, 18, четвертый этаж: слева, Бауэр...

Пароль: Директор...

РАДИОГРАММА ВТОРАЯ

Москва-Брюссель, 11 октября 1941

Во время вашей уже запланированной поездки в Берлин зайдите к Адаму Кукхофу или к его жене по адресу: Вильгельмштрассе, дом 18, Телефон 83-62-61, вторая лестница слева на верхнем этаже, и сообщите, что Вас направил друг Арвида...

Предложите Кукхофу устроить вам встречу с Арвидом и Харро, а если это окажется невозможным, спросите Кукхофа: Когда начнется связь, и что случилось? Где и в каком положении все друзья — в частности известные Арvidу: «Итальянец», «Штральман», «Леон», «Каро»... В случае отсутствия Кукхофа пойдите к жене

*Харро Либертас Шульце-Бойзен по адресу:
Альтенбургеналлее, 19, Телефон 99-58-47...*

Задача, поставленная Москвой, и странный набор точных сведений, приведенный в двух, посланных почти в одно и то же время, радиограммах, кажется тем более странным, что со стороны внешней разведки этой операцией руководили Судоплатов и Короткое. Эти опытейшие боевики, не один раз «обрубавшие хвосты» и «рвавшие когти» после совершенных ими дерзких убийств, должны были понимать, что в данном случае провал неизбежен. Но провала не произошло!

Гуревич съездил в Берлин, посетил все указанные в радиограммах адреса, встретился со всеми людьми, получил собранную ими огромную информацию, благополучно возвратился в Брюссель и даже получил благодарственную радиограмму от «Главного Хозяина».

Теперь начался следующий этап операции — полученную информацию нужно было передать в Центр — и радисты «Кента» всю последнюю неделю ноября 1941 г. выходили в эфир по 5—6 часов в сутки, поддерживая почти непрерывную связь с Москвой.

«Rote Kapelle»

Между тем германские спецслужбы давно уже были обеспокоены активностью подпольных передатчиков, работающих на Москву из многих стран Европы и, в частности, из Швейцарии и из Бельгии. Для поимки шпионов в РСХА была создана специальная зондеркомандо, получившая название «Rote Kapelle». В виду особой важности операции во главе этой зондеркомандо был поставлен заместитель шефа гестапо, оберштурмбаннфюрер СС Фридрих Паннцингер.

По иронии судьбы имя, данное Зондеркомандо, стало собирательным именем всех ее жертв и вошло в историю, как имя нескольких десятков советских агентов, отдавших свою жизнь в борьбе с нацизмом.

Многочасовая работа радистов бельгийской ветви «Красной Капеллы» дало возможность гестаповцам запеленговать их, и 13 декабря 1941 г. брюссельская резидентура была разгромлена и большинство ее членов арестованы. Сам Анатолий Гуревич на этом этапе избежал ареста, но в руки гестапо попали две пресловутые радиogramмы с точными указаниями, где следует искать советских шпионов.

Гибель «Красной Капеллы»

На расшифровку захваченных гитлеровцами документов, видимо, понадобилось время, так как аресты участников берлинской ветви «Красной Капеллы» начались только через восемь месяцев. Но еще до начала арестов Москва снова выходит на прямую опасную связь с Берлином. В августе 1942 г. в районе Брянска были сброшены два парашютиста-связника внешней разведки, а в октябре того же года в Восточной Пруссии еще двое — женщина и мужчина — связники военной разведки. Задачей парашютистов было добраться до Берлина и установить связь с группами Шульце-Бойзена, Харнака, Штебе, а также с гестаповцем Вилли Леманом. Для установления связи связники имели при себе адреса и пароли, а один из них «для верности» даже имел расписку Рудольфа фон Шелиа о полученных им 6,5 тысячи долларов. Все сброшенные парашютисты попали в руки гестапо, и выдали нацистам имена советских шпионов.

Первая группа парашютистов была сброшена 5 августа 1942 г., а уже 31 августа в своем кабинете в штабе люфтваффе был арестован обер-лейтенант Шульце-Бойзен. Вслед за ним была арестована его жена Либертас и супруги Харнак. И еще до выброса второй группы парашютистов, 12 сентября 1942 г., была арестована Ильзе Штебе. Гестаповец Вилли Леман был арестован на улице в декабре 1942 г. и пристрелен своими коллегами без суда и следствия.

Как и каким образом расправиться с участниками «Красной Капеллы» постановил сам Гитлер. В распоряжении, подписанном им 22 декабря 1942 г., фюрер приказал: *«Приговоры в отношении Рудольфа фон Шелиа, Харро Шульце-Бойзена, Арвида Харнака, Курта Шумахера и Иоганнеса Грауденца привести в исполнение через повешение. Остальные смертные приговоры привести в исполнение через обезглавливание»*. В тюрьме Плетцензее, где происходили казни, хранится протокол, в котором записано, что нож гильотины падал через каждые три минуты.

Неограниченные возможности

Леопольд Треппер и Анатолий Гуревич были арестованы в ноябре 1942 г. во Франции. Оба они в течение долгого времени вели достаточно спорные радиоигры с Москвой. Трепперу впоследствии удалось бежать, а Гуревич оставался в заключении в парижском отделении гестапо почти до конца войны. И здесь судьба свела его с Хайнцем Панневицем.

По внешнему облику гауптштурмфюрера СС Панневица, полнотелого и розовощекого немца, трудно было предполагать, что имеешь дело с безжалостным

палачом. Прихвостень пресловутого садиста Гейдриха, Панневиц в сентябре 1942 г. сопровождал своего патрона в Чехословакию и был лично ответственен за его охрану. После убийства Гейдриха именно Панневиц осуществил зверскую карательную акцию в чешской деревне Лидице. Трагедия Лидице известна всему миру. Но мало кому известно, что в процессе той же карательной акции Панневиц уничтожил и несколько сот еврейских узников лагеря Терезиеншт.

В июле 1943 г. Панневиц был назначен командующим парижским отделением «Rote Kapelle». И тут произошла еще одна невероятная история, которыми так богата советская разведка — заключенный советский шпион-еврей-Гуревич завербовал своего палача — эсэсовца Панневица!

В мае 1945 г. «Кент» доставил в Москву большую часть архива зондеркомандо «Rote Kapelle» и... гауптштурмфюрера СС Хайнца Панневица вместе с его пятнадцатью чемоданами и любовницей. Все они, и бесстрашный советский шпион «Кент», и эсэсовец Панневиц, и его любовница, в ту же ночь, конечно, оказались на Лубянке, где к тому времени уже шли допросы возвращенного на Родину Треппера и попавшего в плен руководителя «Rote Kapelle» Панцингера. Но все это будет потом, в 1945 г., а пока...

Бельгийско-французская ветвь «Красной Капеллы», так же как и ее берлинская ветвь, весной 1941 г. обладала поистине невероятными возможностями. Важность радиogramм, поступавших все эти последние месяцы в Москву трудно переоценить. С каждым днем эти радиogramмы становились все тревожнее, а радиogramма, полученная сегодня от Суслопарова, поставила

последнюю точку: «...завтра, 22 июня 1941 г., Германия внезапно нападет на Советский Союз».

До начала операции «Барбаросса» остались считанные часы. 21 июня 1941, суббота, Лондон

Нападение завтра!

В эту субботу в Лондоне выдалась солнечная погода. Такое бывает не часто, и поэтому советский посол Иван Майский, закончив пораньше свои дела, около часа дня отправился вместе с женой за город, в Бовингдон. Здесь, в доме Хуана Негрина, бывшего премьер-министра Испании, Майский обычно проводил выходные дни. Но не успел посол переодеться в легкий летний костюм и предаться желанному отдыху, как раздался телефонный звонок. Стаффорд Криппс вызывал посла в Лондон.

Вспоминает академик Майский: *«Час спустя я был уже в посольстве. Криппс вошел ко мне сильно взволнованный. „Вы помните, — начал он, — что я уже неоднократно предупреждал советское правительство о близости германского нападения... Так вот, у нас есть заслуживающие доверия сведения, что это нападение состоится завтра, 22 июня, или, в крайнем случае, 29 июня... Вы ведь знаете, что Гитлер всегда нападает по воскресеньям... Я хотел информировать вас об этом”.*

После того, как мы обменялись краткими репликами по поводу сообщения Криппса, он прибавил: „Разумеется,

если у вас начнется война, я немедленно же возвращаюсь в Москву"».

Как только Криппс, распрощавшись с Майским, удалился, посол немедленно отправил в Москву шифровку. Москва в который раз получила, ставшее уже обычным, предупреждение: *«Нападение состоится завтра, в воскресенье, 22 июня 1941».*

До «внезапного» нападения остались считанные часы. 21 июня 1941, суббота. Москва

Завтра, в 3—4 утра!

В 17.00 в Москву поступила шифровка Майского, а к 18 часам было получено еще одно предупреждение, но, на этот раз с указанием времени нападения — в три-четыре часа утра! Это предупреждение пришло из германского посольства в Москве.

Как это ни парадоксально, но германское посольство, которое, по логике вещей, должно было бы быть германским шпионским центром в Москве, таким же, каким в действительности было советское посольство в Берлине, на деле являлось самым доступным источником информации для советской разведки. Прежде всего, как известно, все разговоры сотрудников посольства прослушивались, телеграммы перехватывались, а дипломатическая почта вскрывалась. Кроме того, многие германские дипломаты — сотрудники министерства иностранных дел, подчиненные барону фон Вайцзеккеру, были пропитаны антигитлеровскими настроениями, а сам посол, граф фон дер Шуленбург, был почти открытым противником Гитлера и участником

«Черной Капеллы». Нематую роль играл и тот факт, что советский контрразведчик Кузнецов — обаятельный герр Шмидт — был «своим человеком» в посольстве — другом камердинера посла Флегеля и его жены Ирмы.

И, наконец, один из советников германского посольства был просто-напросто... советским шпионом! Это он, советник Герхард Кегель, советский шпион по кличке «Курт», передал сегодня связному военной разведки свое последнее предвоенное сообщение:

«Нападение начнется завтра, в 3—4 часа утра...»

Герхард Кегель начал сотрудничать с советской разведкой в 1935 г., в Варшаве, где был завербован не кем иным как Рудольфом Херрнштадтом.

Итак, снова, 1935 г., снова — Варшава! Снова Рудольф Херрнштадт и гостеприимный дом германского посла графа Хельмута фон Мольтке!

Молодой журналист Герхард Кегель прибыл в Варшаву в качестве корреспондента газеты «Бреслауер нойес нахрихтен» вместе с еще одним корреспондентом этой газеты Куртом Велкишем. Тем самым Велкишем — советским шпионом по кличке «АБЦ» — который одним из первых, передал в Москву сообщение о переносе срока «внезапного» нападения на середину июня 1941 г. И, может быть, не случайно, что шпионской кличкой Кегеля стало имя его друга — «Курт». Завербованный Рудольфом Херрнштадтом, Кегель, по приказу Москвы вступил в нацистскую партию и стал сотрудником германского посольства в Варшаве.

После отъезда Херрнштадта в Москву, Кегель, так же как и Рудольф фон Шелиа и Курт Велкиш, стал членом группы «Старушки» — «Альты».

В сентябре 1939 г. вся варшавская шпионская группа возвратилась в Берлин, где продолжала свою шпионскую работу. В дальнейшем Курт Велкиш, прекрасно владевший французским, был направлен в качестве корреспондента в Бухарест, а Герхард Кегель, успевший изучить русский, был назначен заместителем начальника торгово-политического отдела германского посольства в Москве.

О назначении «Курта» в посольство в Москве Ильзе Штебе с удовлетворением сообщила в Центр: *«Курт получил, наконец, приказ, который подтверждает его немедленный отъезд из Берлина в Москву.*

Там он будет звонить между 14.00 и 14.30 по телефону, номер которого получил... К тому, кто снимет телефонную трубку, он обратится по-немецки со словами: «Это герр Шмидт... Я прошу к телефону господина Петрова...»Альта».

В Москве германского дипломата ждали с нетерпением. Здесь он снова встретился со старым другом Херрнштадтом, но связь с ним отныне будет осуществлять не Херрнштадт, а заместитель начальника немецкого отдела разведуправления, полковник Константин Леонтьев.

Полковник Леонтьев представился Кегелю как Павел Петров и под этим именем он встречался с германским дипломатом все эти годы — 1939, 1940 и 1941. До сегодняшнего дня, до 21 июня 1941 г. Герхард Кегель оказался ценным и эффективным агентом — он докладывал Петрову обо всем, что по долгу службы становилось ему известно. Так, в начале мая 1941 г. Кегель доложил о тайном приезде в Москву бригадефюрера СС Вальтера Шелленберга и о том, что

он сообщил сотрудникам посольства о подготовке Германии к нападению на Россию. Шелленберг даже отметил, что война будет носить характер блицкрига, и выразил уверенность в том, что «победа у фюрера в кармане».

После провала «Красной Капеллы» Герхард Кегель, Курт Велкиш и его жена Маргарита не были арестованы. Бесстрашная «Альта» выдержала все пытки и не выдала своих агентов. По воспоминаниям женщины, сидевшей в одной камере с Ильзе, она, избитая до полусмерти, улыбаясь изуродованным ртом, сказала за несколько дней до казни: *«Своим молчанием я спасла жизнь по крайней мере трем мужчинам и одной женщине»*.

Женщиной, которую спасла Ильзе, была, скорее всего, жена Велкиша, Маргарита — советская шпионка по кличке «ЛЦЛ», мужчинами были — Курт Велкиш и Герхард Кегель. А кто же был третьим?

Информация, поступавшая от Герхарда Кегеля все годы его работы на советскую разведку была точной и достоверной и всегда пользовалась абсолютным доверием Кремля. Говорят, что этот человек с по-детски ясными голубыми глазами обладал острым аналитическим умом и способностью предвидеть ход событий. Сегодня, 21 июня 1941 г., Герхард Кегель, готовясь к отъезду из Москвы, упаковал чемоданы и рюкзак и, пренебрегая всеми правилами конспирации, вышел из посольства на последнюю встречу с Павлом Петровым. Голос Кегеля дрожал, когда он передал Петрову самое важное в своей жизни сообщение: ***«Нападение начнется завтра, в 3—4 часа утра...»***

До «внезапного» нападения осталось всего 8 часов 48 минут. 21 июня 1941, суббота, 18 ч 27 мин, Москва

Ответный удар поручен Жукову

Последний предвоенный день на исходе. На весах истории теперь ложится каждая минута.

Время 18.27. В кабинет Сталина проходит Молотов. Наступает решающая фаза подготовки к отражению «внезапного» нападения, и, прежде всего необходимо обезопасить Москву — ввести в действие систему противовоздушной обороны столицы. И это несмотря на то, что еще вчера, 20 июня 1941 г., Жуков требовал от командующего войсками Прибалтийского округа генерал-полковника Кузнецова отменить распоряжение о приведении в готовность системы противовоздушной обороны округа и даже отмене затемнения прибалтийских городов! Но теперь речь идет не о Прибалтике, находящейся в угрожаемой зоне, а о Москве!

По воспоминаниям командующего первого корпуса ПВО Москвы генерал-полковника артиллерии Даниила Журавлева, 21 июня 1941 г., в 18 часов 35 минут он получил приказ вызвать из лагерей и поставить на позиции половину всех имеющихся в его распоряжении войск. В войсках ПВО Москвы начался аврал!

А Сталин продолжает готовиться к «внезапному» нападению. В 19.05 к Сталину и Молотову присоединяются Маленков, Берия, Вознесенский,

Тимошенко, Кузнецов и заместитель генерального прокурора Сафонов. В отсутствие почти всех официальных членов Политбюро, Сталин диктует Маленкову документ, который будет носить название «Секретное постановление Политбюро».

Закончив диктовку, вождь, как всегда, внимательно прочитал черновик и своей рукой в верхнем правом углу листа вписал дату и еще два слова, указывающие на особую секретность постановления: «*Особая папка*».

СЕКРЕТНОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТБЮРО

Особая папка от 21 июня 1941г

1. Организовать Южный фронт в составе двух армий с местопребыванием военного совета в Виннице.

2. Командующим Южного фронта назначить т. Тюленева, с оставлением за ним должности командующего МВО...

II

Ввиду откомандирования тов. Запорожца членом военного совета Южного фронта, назначить т. Мехлиса начальником Главного управления политической пропаганды Красной армии, с сохранением за ним должности наркома госконтроля. III

1. Назначить командующим армиями второй линии т. Буденного.

2. Членом военного совета армий второй линии назначить секретаря ЦКВКП(б) т. Маленкова...

IV

Поручить нач. Генштаба т. Жукову общее руководство Юго-Западным и Южным фронтами, с выездом на место.

V

Поручить т. Мерецкову общее руководство Северным фронтом, с выездом на место...

В чем же, заключалась эта, особая, секретность «Секретного постановления Политбюро»? И тон, и содержание «Секретного постановления» работали против сталинского БЛЕФА и не оставляли никаких сомнений в том, что Сталин знает о «внезапном» нападении Германии, знает и готовится! Но готовится по-своему!

Готовится не так, как от него ожидает Гитлер, не так, как от него ожидает весь удивленный мир, и совершенно не так, как это сделал бы любой другой глава государства на его месте.

В первую очередь «Постановление» касается организации фронтов. Правда, только Южного и Северного, поскольку главные фронты — Юго-Западный и Западный — уже давно организованы, и еще в мае 1941 г. в «Концептуальной записке», названы фронтами. «Постановление» касается и очень важного для Сталина вопроса — организации, так называемой второй линии. Туда, на вторую линию, для создания резервной армии Сталин направляет своего эмиссара — Георгия Маленкова. «Постановление» касается еще одного важнейшего вопроса — возвращения Льва Мехлиса на пост начальника Политуправления. Правда, самому Мехлису не нужны никакие «Постановления» — ему достаточно намека Хозяина. Мехлис сегодня уже с самого

утра, несмотря на то, что война еще не началась, успел переодеться в военную форму.

А Сталин работает, работает спокойно и не упускает ни одной мелочи. «Секретное постановление» включает все необходимые для него на сегодня решения — назначены командующие фронтами и члены военных советов, определены населенные пункты расположения штабов.

И только один вопрос не затронут в «Постановлении» — вопрос о введении в действие ПЛАНА ПРИКРЫТИЯ-41!

Когда этот план будет введен в действие? И будет ли?

Зато один из самых маленьких и совсем незаметных пунктов «Постановления» свидетельствует о том, что Сталин, еще до начала «внезапного» нападения, уже сосредоточен на подготовке следующего этапа войны — этапа, который наступит **после «внезапного» нападения.**

Сталин уже приступил к осуществлению своего давно задуманного СЦЕНАРИЯ. По нему после ПЕРВОГО УДАРА агрессора, советские вооруженные силы должны будут произвести сложный оборонительно-наступательный маневр, главной частью которого должен стать внезапный ОТВЕТНЫЙ УДАР. Сущность этого маневра в общих чертах сформулирована в знаменитой записке Жукова, представленной Сталину 19 мая 1941 г.

ИЗ «СООБРАЖЕНИЙ ПО ПЛАНУ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВЕРТЫВАНИЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СССР»

Юго-Западный фронт... с ближайшими задачами:

Концентрическим ударом армий правого крыла фронта окружить и уничтожить основную группировку противника восточнее р. Висла в районе Люблин...

Как явствует из записки, задача нанесения ОТВЕТНОГО УДАРА возложена на Юго-Западный фронт. Именно на этом участке, удобном для контрнаступления с географической точки зрения, расположены наиболее слабые воинские силы германской армии и, с другой стороны, наиболее мощные воинские силы Красной армии. ОТВЕТНЫЙ УДАР Юго-Западного фронта должен вывести мощный советский кулак во фланг передовой группировки германских войск, отсечь Германию от Румынии и обеспечить России быструю победу над агрессором.

Именно этот стратегический замысел, в какой-то мере схожий с военным планом чудака Карла фон Фуля, обсуждал Сталин 3 июня 1941 г. в течение полутора часов с престарелым историком Евгением Тарле.

Тогда, в 1812 г., стратегический маневр фон Фуля не увенчался успехом. «Виртуоз внезапной атаки» князь Багратион не сумел выполнить возложенную на него миссию, не сумел организовать ответный удар. Говорят, что причиной этой неудачи была недостаточность воинских сил — армия Багратиона включала всего 49 420 штыков. Сегодня миссию Багратиона должен выполнить современный «виртуоз внезапной атаки» генерал армии Георгий Жуков. Именно ему Сталин поручает руководство Юго-Западным и Южным фронтами. Именно Жукову, известному своей дерзостью в решении боевых задач. Именно Жукову, разбившему в 1939 г. на Халкин-Голе прославленную Шестую японскую армию.

Именно Жукову, высадившему в тылу у румынской армии на реке Прут так насмешивший Сталина «танковый десант».

Выражаясь сталинским языком, Жуков в прошлом «отлично надавал» японцам и румынам, а теперь он должен «надавать» немцам.

И поэтому начальник Генштаба уже в первые часы после «внезапного» нападения, покинет свой важный пост и полетит на Юг. Задачей Жукова будет организация ОТВЕТНОГО УДАРА.

**До «внезапного» нападения
осталось всего 4 часа 55 минут.
21 июня 1941, суббота, 22 ч 20
мин, Москва**

Директива Первая, или Роковой цейтнот

Было уже около 9 часов вечера, когда в кабинет Сталина вошел заместитель наркома обороны Буденный и начальник Генштаба Жуков — они присоединились к находившимся там уже не первый час Молотову, Маленкову, Берия и Тимошенко. Жуков доложил Сталину об очередном чрезвычайном происшествии на границе Киевского округа. Примерно час назад к пограничникам явился еще один немецкий перебежчик и заявил, что германские войска выходят на исходные рубежи для наступления, которое начнется завтра утром 22 июня 1941 г.

По свидетельству Жукова, Сталин, якобы, отреагировал на его доклад со своей обычной в те дни озабоченностью: «А не подбросили ли немецкие

генералы этого перебежчика, чтобы спровоцировать конфликт?» Тимошенко ответил: «Нет... считаем, что перебежчик говорит правду». И добавил: «Надо немедленно дать директиву войскам о приведении всех войск приграничных округов в полную боевую готовность...»

Проект такой директивы к этому часу был уже подготовлен, но ее содержание не понравилось Сталину, он сказал: *«Такую директиву сейчас давать преждевременно, может быть, вопрос еще уладится мирным путем. Надо дать короткую директиву, в которой указать, что нападение может начаться с провокационных действий немецких частей. Войска приграничных округов не должны поддаваться ни на какие провокации, чтобы не вызвать осложнений».*

По словам Жукова, он, не теряя времени, вышел в соседнюю комнату, и вместе с генерал-лейтенантом Ватутиным, занялся переработкой документа, не подозревая, что Сталин еще и не собирался передавать эту директиву в округа. Призрак Глейвице все еще не давал ему покоя.

«Провокация», как повод для агрессии

Срежиссированная Гитлером провокация ГЛЕЙВИЦЕ, в процессе которой эсэсовцы, переодетые в форму польской армии, захватили немецкую радиостанцию и оставили на поле боя для правдоподобия окровавленные КОНСЕРВЫ, дала возможность Германии обвинить в развязывании войны Польшу. Гитлер и на этот раз мог начать войну с какой либо провокации и обвинить в развязывании войны Россию. Провокация, подобная ГЛЕЙВИЦЕ, могла повториться!

О возможности провокации, в результате которой Советский Союз предстал бы перед всем миром в роли агрессора, Сталин думал непрерывно. Именно об этом он говорил с Лаврентием Берия в ту ночь, 17 июня 1941 г., когда он посылал к «еб-ной матери» все источники агентурной информации и швырял в лицо ошарашенным энкаведистам докладные записки. Как рассказал Павел Судоплатов, в ту ночь Сталин приказал Лаврентию Берия направить на границу специальные отряды боевиков для предотвращения провокаций, а Берия передал приказ Судоплатову, упомянув, что провокации, о которых говорил Сталин, могут быть подобны провокации ГЛЕЙВИЦЕ.

Провокация ГЛЕЙВИЦЕ, однако, не исчерпывала весь возможный набор провокаций, дающих Гитлеру повод для агрессии и возможность оправдать эту агрессию необходимостью ПРЕВЕНТИВНОГО УДАРА.

Таким поводом могло стать введение в действие ПЛАНА ПРИКРЫТИЯ, приведение войск в боевую готовность и выдвижение их к границе. Таким поводом могла бы стать всеобщая мобилизация воинских сил. Ведь именно объявление всеобщей мобилизации стало причиной Русско-Германской войны 1914 г.

Нет, недаром Сталин вот уже который месяц, день за днем, в каждом разговоре с военачальниками настойчиво возвращается к необходимости остерегаться ПРОВОКАЦИЙ. Недаром начатую 15 мая 1941 г. мобилизацию 975 870 человек военнообязанных запаса он провел под видом Учебных сборов. Недаром открытую мобилизацию Сталин формально проведет уже после начала войны, и то не в первый день ее — 22 июня 1941 г., а на второй день — 23 июня 1941 г.

Обвинительная вербальная

По логике вещей, учитывая существующую опасность «внезапного» нападения, границу нужно было бы прикрыть и приказ о введении в действие ПЛАНА ПРИКРЫТИЯ-41 следовало отдать немедленно, но Сталин не отдавал приказа, надеясь еще до этого решительного шага попытаться отместить любые обвинения в провоцировании нападения.

Для достижения этой цели лучше всего, конечно, было бы получить от Германии ноту об объявлении войны, так, как это было в 1914 г. Но времена изменились. И вряд ли можно было надеяться на то, что Гитлер может объявить войну и признать себя агрессором!

Учитывая это, Сталин принимает коварное решение — еще до «внезапного» нападения, по своей инициативе публично обвинить Германию в агрессии, используя для этой цели систематическое наглое нарушение советского воздушного пространства германскими самолетами. Если этот маневр удастся, то введение в действие ПЛАНА ПРИКРЫТИЯ можно будет представить как оборонительное мероприятие, которое не может служить оправданием для гитлеровского, якобы, ПРЕВЕНТИВНОГО УДАРА.

Осуществить этот дипломатический маневр — обвинить Германию в агрессии, вручив германскому правительству «обвинительную» вербальную ноту, Сталин поручил послу Владимиру Деканозову. Полный текст такой ноты был переслан в Берлин еще вчера.

«ОБВИНИТЕЛЬНАЯ» ВЕРБАЛЬНАЯ НОТА

№ 013166, 21 июня 1941 г.

По распоряжению Советского Правительства полпредство Союза Советских Социалистических республик в Германии имеет честь сделать Германскому Правительству следующее заявление:

Народный Комиссариат Иностранных дел СССР вербальной нотой от 21 апреля информировал германское посольство в Москве о нарушениях границы Союза Советских Социалистических республик германскими самолетами; в период с 27 марта по 18 апреля этого года насчитывалось 80 таких случаев, зарегистрированных советской пограничной охраной...

Более того, Советское Правительство должно заявить, что нарушения советской границы германскими самолетами в течение двух последних месяцев, а именно с 19 апреля сего года по 19 июня сего года включительно, не только не прекратились, но и участились и приняли систематический характер, дойдя за этот период до 180, причем относительно каждого из них советская пограничная охрана заявляла протест германским представителям на границе.

Систематический характер этих налетов и тот факт, что в нескольких случаях германские самолеты вторгались в СССР на 100—150 километров и более, исключает возможность того, что эти нарушения были случайными.

Обращая внимание Германского Правительства на подобное положение, Советское Правительство ожидает от Германского Правительства принятия мер к прекращению нарушений советской границы германскими самолетами.

Получив текст вербальной ноты, и понимая важность немедленной передачи ее, Деканозов сегодня с

раннего утра пытался встретиться с фон Риббентропом. Безрезультатно!

Как видно Гитлер, зная коварство Сталина, ожидал от него какой-нибудь хитрой уловки и поэтому Риббентроп получил однозначное указание фюрера — в последние дни перед нападением не входить ни в какие контакты с советскими дипломатами.

Большая Игра

Так началась эта Большая Политическая Игра.

Та самая Большая Игра, о которой намекнул Молотов главе Коминтерна Димитрову, когда тот, встревоженный слухами о приближающемся «внезапном» нападении Германии, позвонил ему сегодня утром по телефону.

Молотов говорил правду, многое в этой игре зависело от Гитлера. Но не все! Ведь именно Сталин был непревзойденным мастером политической игры — это признавали все иностранные политические деятели, которым приходилось сталкиваться с вождем России.

Организацией встречи Деканозова с фон Риббентропом занимался молодой советский дипломат, секретарь посольства Валентин Бережков. Почти каждые 30 минут Бережков, поставив на стол перед собою часы, звонил в министерство иностранных дел и каждый раз получал ответ: «Министра фон Риббентропа нет в городе».

И не удивительно — ведь именно такую установку получил сегодня утром от своего начальства дежурный по канцелярии министра легационный советник Брунс.

ЗАПИСЬ ЛЕГАЦИОННОГО СОВЕТНИКА БРУНСА

Берлин, 21 июня 1941

Новая установка

Господин Имперский Министр иностранных дел, к сожалению, не сможет увидеть Русского Посла сегодня пополудни, так как он после обеда якобы будет находиться вне Берлина и вернется только вечером.

Господин Министр после возвращения даст знать Русскому Послу, когда он сможет его увидеть. Брунс

Попытки Бережкова связаться со статс-секретарем фон Вайцзеккером также не дали результата, хотя обычно, когда Риббентропа не было в Берлине, Вайцзеккер всегда был готов принять советских дипломатов.

Проходил час за часом. Телефон в советском посольстве не замолкал ни на минуту — Москва настойчиво требовала установления связи с гитлеровцами. Время от времени звонили и из имперского Министерства иностранных дел — видимо, пытались выяснить, чего же все-таки хотят русские. Вспоминает Бережков: *«Лишь к полудню объявился директор политического отдела министерства Верман. Но он только подтвердил, что ни Риббентропа, ни Вайцзеккера в министерстве нет.*

«Кажется, в ставке фюрера проходит какое-то важное совещание. По-видимому, все сейчас там, — пояснил Верман. — Если у вас дело срочное, передайте мне, а я постараюсь связаться с руководством...»

Я ответил, что это невозможно, так как послу поручено передать заявление лично министру, и попросил Вермана дать знать об этом Риббентропу...»

В три часа дня легационный советник Брунс закончил свою смену в канцелярии Риббентропа и, вместо него, на телефонные звонки начал отвечать легационный советник Яспер. Инструкции, полученные Яспером, мало отличались от установки Брунса.

ЗАПИСЬ ЛЕГАЦИОННОГО СОВЕТНИКА ЯСПЕРА

Берлин, 21 июня 1941, 15 ч 45 мин.

Вторая установка на тот случай, если поступит новый запрос посла СССР о приеме у Имперского Министра иностранных дел:

Бюро министерства якобы еще не имеет сведений, когда господин Имперский Министр сегодня вечером вернется. Как только Министр вернется, то об этом уведомят. Яспер

Идут часы, а ситуация в Берлине остается без изменений. Гитлеру некуда торопиться — время работает на него. А Сталин торопится. С каждым уходящим часом опасность «неприкрытия границы» становится все более ощутимой.

В этой Большой Игре Гитлер, кажется, «переигрывает» Сталина.

Сталин попал в цейтнот. Он понимает, что не может больше бездействовать — слишком многое поставлено на карту.

«Директива» — на всякий случай!

По свидетельству Микояна, все присутствующие в эти часы в Кремле соратники *«были крайне встревожены создавшейся ситуацией и требовали принять неотложные меры».*

И Сталин принимает решение — «на всякий случай» — подготовить некую специальную директиву о приведении войск в боевую готовность. Хотя для приведения войск в боевую готовность не было необходимости в специальной директиве!

Приведение войск государства в боевую готовность, предусматривающее быстрый переход сил на военное положение и организованное вступление их в военные действия, является чрезвычайным событием в международном положении этого государства.

Прошло еще два часа.

В 20.50 в Кремль приехал Жуков и привез подготовленный в Генштабе проект ДИРЕКТИВЫ о приведении войск в боевую готовность. Но Сталин все еще не принял решения отправлять эту директиву в округа. Он не спешит, занимается уточнением формулировок и посылает Жукова в соседнюю комнату исправлять «не понравившиеся» ему формулировки. Как видно, несмотря на позднее время, Сталин все еще надеется на то, что Деканозову в Берлине удастся встретиться с Риббентропом и, еще до «внезапного» нападения Германии, вручить ему «обвинительную ноту».

Москва продолжает звонить в Берлин. Бережков продолжает звонить на Вильгельмштрассе. Но ответ легационного советника Яспера остается все тем же: «Риббентропа нет, и когда он будет, неизвестно».

Берлинский дипломатический маневр, как видно, не удался!

Последняя возможность

Сталин приказывает Молотову вызвать в Кремль германского посла фон дер Шуленбурга. Зачем, находясь в цейтноте, Сталин решил потратить время на эту, явно бесполезную, встречу? Принято считать, что Сталин хотел «выяснить намерения Гитлера».

Но вряд ли это было так — вождь, несомненно, и так прекрасно знал, в чем заключаются эти «намерения» — план операции «Барбаросса» был известен Сталину уже более полугода, а в последний месяц подготовка к нападению шла уже совершенно открыто.

Может быть, Сталин хотел вручить Шуленбургу ту самую «обвинительную ноту», которую Деканозов не сумел вручить Риббентропу в Берлине? И это мало вероятно, поскольку нота, врученная германскому послу в 9 часов вечера, в Москве, за высокими стенами Кремля, не могла дать нужного Сталину публичного эффекта. Нет, как видно, была у вождя другая, особенно важная причина, заставившая его вызвать Шуленбурга и потерять на этом еще час времени!

Чего хотел достичь Сталин?

Семидесятилетний немецкий аристократ граф Вернер фон дер Шуленбург уже семь лет занимал пост германского посла в Москве. Он почти открыто выражал свою антипатию к гитлеровскому режиму и симпатию к Советской России. Он почти открыто вел свою, может быть обреченную, борьбу против будущей войны. Шуленбург уже не раз решался на беспрецедентные в истории дипломатии поступки. Так, в апреле 1941 г., в дни, когда вопрос о нападении был уже давно решен, он не побоялся передать Гитлеру «Памятную записку», в которой предупреждал фюрера, что война против России может стать катастрофой для Германии. В мае 1941 г.

Шуленбург совершил еще один беспрецедентный поступок — он пригласил на завтрак Деканозова и весьма прозрачно намекнул ему о приближающемся нападении, заявив, *«что со слухами о предстоящей войне Германии против России следует считаться как с фактом»*. И в дальнейшем, пока Деканозов находился в Москве, Шуленбург продолжал встречаться с ним и даже, понимая, что успел наговорить русским «много лишнего», просил «не выдавать его». А что, если бы граф фон дер Шуленбург решился, ради «спасения фатерланда», предать Гитлера, и открыто, на весь мир по радио заявить о том, что Германия изготовилась к нападению на Россию?

Если бы германский посол вдруг решился на такое заявление, это могло бы даже сейчас, несмотря на позднее время, кардинально изменить ситуацию! Да, после такого заявления можно было бы даже еще успеть передать в округа приказ боевой тревоги: **«ЗАПО-ВО-41»!** **«КОВО-41»!**..

В 9 часов 30 минут граф фон дер Шуленбург в сопровождении советника Хильгера вошел в кабинет Молотова и то, что произошло здесь дальше, было достаточно трагично для всех присутствующих.

Молотов спешил — для начала он передал Шуленбургу копию ноты, посланной Деканозову в Берлин, а затем засыпал посла градом явно провокационных вопросов, делая ставку на то, что Шуленбург поймет его и решится на еще один беспрецедентный поступок. Но Шуленбург не решился!

ИЗ ПРОТОКОЛА БЕСЕДЫ МОЛОТОВА С ШУЛЕНБУРГОМ

21 июня 1941

Шуленбург явился по вызову. Тов. Молотов вручил ему копию заявления по поводу нарушения германскими самолетами нашей границы, которое должен был сделать тов. Деканозов Риббентропу или Вайцзеккеру.

Шуленбург отвечает, что это заявление он передаст в Берлин и заявляет, что ему ничего не известно о нарушении границы германскими самолетами, но он получает сведения о нарушении границы самолетами другой стороны. Тов. Молотов отвечает, что со стороны германских пограничных властей у нас очень мало имеется жалоб нарушения германской границы нашими самолетами.

Затем тов. Молотов говорит Шуленбургу, что хотел бы спросить его об общей обстановке в советско-германских отношениях.

Тов. Молотов спрашивает Шуленбурга, в чем дело, почему за последнее время произошел отъезд из Москвы нескольких сотрудников германского посольства и их жен, усиленно распространяются в острой форме слухи о близкой войне между СССР и Германией, что миролюбивое сообщение ТАСС от 14 июня в Германии опубликовано не было, в чем заключается недовольство Германии в отношении СССР, если таковое имеется? Тов. Молотов спрашивает Шуленбурга, не может ли он дать объяснения этим явлениям.

Шуленбург отвечает, что все эти вопросы имеют основание, но он на них не в состоянии ответить, так как Берлин его совершенно не информирует. Шуленбург подтверждает, что некоторые сотрудники германского посольства действительно отозваны, но эти отзывы совершенно не коснулись непосредственно

дипломатического состава посольства... О слухах ему, Шуленбургу, известно, но он им также не может дать никакого объяснения.

Тот же разговор привел германский посол в своей телеграмме в Берлин:

ИЗ ТЕЛЕГРАММЫ ГЕРМАНСКОЮ ПОСЛА

Шуленбург, Москва — германскому Министру иностранных дел

22 июня 1941 г., 1 ч 17мин ночи

Сегодня в 9 часов 30минут вечера Молотов вызвал меня к себе...

Упомянув о сообщениях относительно неоднократных нарушений границы германскими самолетами и заметив, что Деканозову поручено, в связи с этим, посетить Министра иностранных дел Германии, Молотов заявил следующее: «Имеется ряд указаний на то, что Германское Правительство недовольно Советским Правительством. Ходят даже слухи о предстоящей войне между Германией и Советским Союзом. Они подкрепляются тем фактом, что Германия никак не реагировала на Сообщение ТАСС от 14 июня и что это сообщение даже не было опубликовано в Германии.

Советское Правительство не в состоянии понять причины недовольства Германии... Он был бы признателен, если бы я мог сказать ему, чем вызвано нынешнее положение в отношениях между Германией и Советской Россией».

Я сказал, что не могу ответить на его вопрос, так как не располагаю нужной информацией, но что я передам его заявление в Берлин.

И действительно, ни на один вопрос Молотова Шуленбург не ответил.

Он только очень выразительно пожал плечами и, не сказав ничего вразумительного, покинул Кремль. А Молотов, вернувшись в кабинет Сталина, доложил, что встреча с Шуленбургом не дала результатов.

Ждем «внезапного» нападения

Около 10 часов вечера Жуков занес в кабинет Сталина исправленную ДИРЕКТИВУ о приведении войск в боевую готовность. Сталин взял документ, внимательно, не спеша, прочитал его и внес в текст еще несколько поправок.

Сталин знает, что так называемая ДИРЕКТИВА уже безнадежно опоздала, и, все же, он передает исчерканные исправлениями листки Тимошенко со словами: «*Подписывайте!*»

Тимошенко и Жуков подписали.

ДИРЕКТИВА

Военным советам Ленинградского, Прибалтийского Особого, Западного Особого, Киевского Особого и Одесского военных округов. Копия: Народному комиссару Военно-морского флота.

1. В течение 22—23.6.41 г. возможно внезапное нападение немцев... Нападение может начаться с провокационных действий.

2. Задача наших войск — не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения.

Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского

военных округов быть в полной боевой готовности встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников. Приказываю:

1. В течение ночи на 22.6.41 скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе.

2. Перед рассветом 22.6.41 рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию... тщательно ее замаскировать.

3. Все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточение и замаскированно.

4. Противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов.

5. Никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить.

21.06.41 ТимошенкоЖуков

Эта невероятная ДИРЕКТИВА, **заменившая** собой необходимый в создавшейся ситуации приказ о введении в действие ПЛАНА ПРИКРЫТИЯ-41, но никак не заменявшая его, станет первой из серии «Трех Исторических Сталинских директив» начала Отечественной войны.

Только в 10 часов 20 минут вечера, повезет эту, фактически уже бесполезную, ДИРЕКТИВУ генерал-лейтенант Ватутин в Генеральный штаб. Там ее нужно будет еще привести в соответствие с задачами каждого из приграничных округов, зашифровать и через

центральный узел связи передать в штабы округов, а оттуда — в штабы армий.

Вернулись в Генштаб и Тимошенко с Жуковым. Выйдя из машины у дверей Генштаба, они условились встретиться в кабинете наркома через 10 минут, чтобы еще продолжить «работу» над ДИРЕКТИВОЙ. А время подходило к 11 часам вечера и до «внезапного» нападения оставалось чуть больше 4 часов.

До «внезапного» нападения осталось 4 часа 15 минут. 21 июня 1941, суббота, 23 ч 00 мин, Москва

«Бегите, товарищ контр-адмирал!»

Около 11 часов вечера в кабинете наркома Военно-морского флота адмирала Кузнецова зазвонил телефон. Подняв трубку, Кузнецов услышал голос Тимошенко: *«Есть очень важные сведения. Зайдите ко мне».*

Быстро сложив в папку последние данные о положении на флотах, адмирал Кузнецов, вместе с заместителем начальника Главного морского штаба контр-адмиралом Владимиром Алафузовым, вышел на умытую прошедшим дождем ночную московскую улицу.

Через несколько минут моряки уже поднимались по лестнице, ведущей на второй этаж небольшого особняка, где находился в эти дни наркомат обороны. Картину, которую увидел Кузнецов, войдя в кабинет Тимошенко, адмирал не забудет всю свою жизнь.

В комнате было очень жарко. Тимошенко медленно прохаживался по ковру и что-то диктовал. За письменным столом наркома сидел генерал Жуков и что-то сосредоточенно записывал. Перед ним лежало несколько уже исписанных листов бумаги, вырванных из большого блокнота.

Увидев входящих моряков, Тимошенко остановился посреди комнаты, прервал диктовку и сказал: *«Считается возможным нападение Германии на нашу страну».*

Жуков встал и передал Кузнецову телеграмму, которую он заготовил для приграничных округов. Телеграмма поразила адмирала. Он ожидал увидеть хорошо знакомый ему пароль приказа о введении в действие ПЛАНА ПРИКРЫТИЯ. Но, вместо этого, он увидел длинную депешу — три листа рукописного текста, разъясняющие, что и как следует предпринять войскам в случае возможного «внезапного» нападения.

Вспоминает Кузнецов: *«Пробежав текст телеграммы, я спросил: „Разрешено ли, в случае нападения, применять оружие?“ „Разрешено“.*

Поворачиваюсь к контр-адмиралу Алафузову: «Бегите в штаб и дайте немедленно указание флотам о полной фактической готовности, то есть о готовности номер один! Бегите!»

И контр-адмирал Алафузов побежал. Сорокалетний, полный человек, в белом адмиральском кителе, побежал по залитой прошедшим дождем ночной московской улице.

Начиналась война. Дорога была каждая минута!

Вспоминает Кузнецов: *«Тут уж некогда было рассуждать, удобно ли адмиралу бегать по улице.*

Владимир Антонович побежал, сам я задержался еще на минуту, уточнил, правильно ли понял, что нападение можно ждать в эту ночь?

Да, правильно, в ночь на 22 июня. А она уже наступила!..»

Да, адмирал Кузнецов понял правильно — «внезапное» нападение Германии ждали именно в эту ночь — 22 июня 1941 г.

Когда через несколько минут адмирал вернулся в свой наркомат, ему доложили, что телеграмма флотам уже ушла:

*« О п е р а т и в н а я г о т о в н о с т ь № 1 !
Н е м е д л е н н о ! К у з н е ц о в ».*

Но передача телеграммы, даже такой короткой, как эта, занимала все-таки несколько минут, а времени не было! И Кузнецов начал звонить командующим флотами по телефону — каждому в отдельности!

Первый звонок на Балтику — вице-адмиралу Трибуцу: *«Не дожидаясь получения телеграммы, которая Вам уже послана, переводите флот на оперативную готовность номер один — боевую! Повторяю еще раз — б о е в у ю!»*

Разговор наркома с Трибуцем закончился в 23 часа 35 минут, а еще через 2 минуты в журнале боевых действий Балтийского флота появилась запись: **«23 часа 37 минут. Объявлена оперативная готовность № 1».**

А Кузнецов продолжал звонить — командующему Северным флотом контр-адмиралу Арсению Головки,

начальнику штаба Черноморского флота контр-адмиралу Ивану Елисееву...

И всем один короткий приказ: **«Оперативная готовность № 1! Действуйте, без промедления!»**

В 2 часа 40 минут 22 июня 1941 г. весь военно-морской флот был уже в полной боевой готовности. Для советского флота «внезапное» нападение Германии не было «внезапным»!

До «внезапного» нападения осталось всего 3 часа 15 минут. 21 июня 1941, полночь, Западная граница

Последний состав!

ДИРЕКТИВА о приведении войск в боевую готовность была уже давно подписана, когда ровно в полночь тяжело груженный товарный состав пересек советскую западную границу. Это был еще один из многих тысяч железнодорожных составов, которые почти два года перевозили стратегическое сырье из России в гитлеровскую Германию.

Последний состав!

С 1 января 1940 г. по 22 июня 1941 г. Германия получила из СССР миллионы тонн нефти и зерна, миллионы кубометров леса, миллионы тонн проката и цветных металлов, сотни тысяч тонн хлопка и, транзитом из Японии, десятки тысяч тонн сырого каучука.

Без советских поставок, отрезанная от своих традиционных источников сырья английской блокадой,

Германия не могла бы вести войну в Европе. К 22 июня 1941 г. долг Германии по встречным поставкам с Советским Союзом составил более миллиарда марок. А это значит, что, кроме сырья, Сталин «подарил» Гитлеру еще и миллиард марок!

И самое удивительное, что Сталин, снабжая Гитлера стратегическим сырьем, на самом деле, не только не имел избытков этого сырья, но даже испытывал в нем недостаток. Для восполнения этого недостатка в 1939 г., вскоре после заключения советско-германского торгово-финансового договора, Анастас Микоян, по приказу Сталина, в глубокой секретности, начал закупки за рубежом большого количества тех же самых материалов, которые СССР так щедро поставлял Германии.

Вспоминает Микоян: *«В 1939 г. у Сталина возникла идея закупить на случай войны стратегические материалы, которых у нас было мало, и создать запас, о котором абсолютно никто не знал бы.*

Об этом он мне сказал с глазу на глаз и поручил действовать. В мое личное распоряжение он выдал большую сумму валюты... За довольно короткий срок было закуплено за границей значительное количество высококачественного остродефицитного стратегического сырья: каучук, олово, медь, цинк, свинец, алюминий, никель, кобальт, висмут, кадмий, магний, ртуть, алмазы, ферровольфрам, феррованадий, ферромolibден, феррохром, ферромарганец, ферротитан, ферросилиций, молибденовый концентрат и др.

Сталин очень интересовался всем этим делом. Я ему регулярно докладывал о ходе закупок и образовании запасов, об организации их хранения...»

Между тем, поставки сырья Германии и ее союзникам продолжались и в последние предвоенные дни не только не уменьшились, но по личному приказу Сталина были увеличены. Так, по сообщению газеты «Правда» от 8 июня 1941 г., несмотря на то, что Финляндия не выполнила своих обязательств по торговому договору, Сталин приказал поставить ей дополнительно еще 20 000 тонн зерна. А сегодня, 21 июня 1941 г., ранним утром сухогруз «Днестр» доставил в германский порт Штеттин еще 3500 тонн отборного зерна, отправленного из Ленинграда — города, в котором уже в ноябре 1941 г. будут расстреливать за полбуханки «украденного» черного хлеба. Сколько человеческих жизней могло бы спасти это вывезенное в Германию зерно!

Полночь. Западная граница. Медленно ползет тяжело груженный состав. С удивлением взирают на этот «чудо» германские солдаты, с минуты на минуту ожидающие сигнала — «Дортмунд».

Сталин снова, в который раз, показывает миру, что он и не подозревает о приближающейся войне. Что может быть убедительнее, чем этот тяжело груженный состав? Ведь ни одна страна не будет поставлять стратегическое сырье потенциальному противнику за несколько часов до военного столкновения!

До «внезапного» нападения осталось около трех часов. 22 июня 1941, воскресенье, после полуночи, Москва

В эту ночь

И почти одновременно с тяжело нагруженным составом, пересекшим советскую западную границу, большая стрелка часов на Спасской башне Кремля медленно, словно нехотя, пересекла цифру двенадцать.

Наступило трагическое для страны воскресенье — 22 июня 1941 г.

В эту ночь, самую светлую, — самую короткую в году, многим так и не удалось уснуть. В эту ночь по всей стране молодежь праздновала окончание школы. В московских парках неистовствовали духовые оркестры, а из распахнутых окон школ лились звуки вальсов. В Ленинграде, вдоль Невы плыли стайки почти невесомых девушек в белых платьях, а за ними почетным эскортом выступали шеренги повзрослевших юношей. В Одессе в эту ночь молодежь по традиции собралась на Приморском бульваре у бронзового памятника дюку де Ришелье, ни на минуту здесь не смолкали шутки, не смолкал смех. А на Западе, в приграничных военных городках, молодые бойцы и командиры, получившие в этот субботний вечер неожиданный отпуск, самозабвенно отплясывали на танцплощадках модную «Рио-Риту» и, пропустив для храбрости по «сто грамм», прижимали к себе млеющих девушек.

Эта последняя предвоенная ночь была счастливой! Эта последняя предвоенная ночь запомнится всем, кому посчастливится пережить войну. После войны, прославленному маршалу Жукову задали вопрос:

«Война длилась 1418 дней. Какой из этих дней был для вас самым тревожным, самым тяжелым, самым счастливым?»

Жуков ответил: *«Пожалуй, самым тревожным был день накануне войны, 21 июня 1941 года...»*

Но, наверное, еще более тревожной для Жукова была эта, последняя, предвоенная ночь.

Москва готова к «внезапному» нападению

Со вчерашнего вечера противовоздушная оборона Москвы была, фактически, в боевой готовности — на позиции уже была выведена почти половина всех войск ПВО. А сегодня, где-то за полночь, на командный пункт ПВО Москвы, находившийся в самом центре города, на глубине пятидесяти метров под землей, поступил новый приказ Кремля: «Выводить на позиции всю зенитную артиллерию».

Приказ был выполнен. Для предупреждения о приближении самолетов люфтваффе вокруг Москвы были развернуты 580 наблюдательных постов. Столицу защищали более 100 аэростатов заграждения, шесть зенитных артиллерийских полков — около 1000 орудий, и еще 6-й истребительный авиационный корпус — более 600 лучших советских истребителей — Як-1, МиГ-3, ЛаГГ-3.

А около часа ночи в Москве была введена полная светомаскировка.

«На всякий случай»

Студент Московского педагогического института немецкий эмигрант Вольфганг Леонгард, принимавший когда-то участие в первомайском параде на Красной площади, хорошо запомнил эту необыкновенную ночь, когда сверкающая огнями Москва вдруг погрузилась во тьму. В эту ночь Вольфганг не спал. Вместе с товарищем, польским студентом Бенеком Гершовичем, он готовился к экзамену.

Вспоминает Вольфганг Леонгард: *«Вечером 21 июня мы сидели с моим товарищем по комнате, польским студентом Бенеком Гершовичем, над нашими книгами. Вдруг послышался стук в дверь.»*

«Кого это черт несет?» — возмутился Бенек...

Стук упорно продолжался. За дверью послышался полупросительный, полутребовательный голос: «Откройте!» Тот, кто стоял за дверью, по-видимому, не был студентом. Я раздраженно рванул дверь. Передо мной стоял маленький человек с большим свертком не то бумаги, не то картона под мышкой.

«Товарищи студенты, я бы вам не помешал заниматься, но меня прислало управление института, чтобы наладить маскировку окон в вашей комнате». Он завозился около окна, прибил какую-то планку и прикрепил к ней бумагу. Мне стало не по себе.

Но Бенек, участник войны в Испании, оставался спокойным. Он даже спросил с улыбкой: «Да разве мы в такой опасности?»

Маленький человек махнул рукой: «Помилуйте. Это лишь общие меры предосторожности. У нас обстановка мирная, но в Западной Европе война-то в полном

разгаре. Эти меры предосторожности так, на всякий случай».

Погасли огни Москвы

Москва погрузилась во тьму. Не видно было света в окнах Кремля, не было света в окнах Генерального штаба Красной армии, в окнах Московского горсовета, в окнах горкома партии. Но за этими, плотно зашторенными окнами, шла напряженная работа, шла лихорадочная подготовка к «внезапному» нападению Германии.

Сталин еще несколько часов назад вызвал в Кремль Василия Пронина, того самого Пронина, которому он всего две недели назад, 5 июня 1941 г., приказывал «все разговоры об эвакуации Москвы прекратить», и приказал ему задержать всех секретарей районных комитетов партии на рабочих местах. При этом Сталин сказал: *«В эту ночь возможно нападение немцев».*

И эта ночь уже наступила.

**До «внезапного» нападения
осталось всего 2 часа 45 минут.
22 июня 1941, воскресенье, 00 ч
30 мин. Москва**

Передача «Директивы» еще и не начиналась

Прошло около трех часов с тех пор, как Тимошенко и Жуков вернулись в Генштаб, а ДИРЕКТИВА о приведении войск в боевую готовность все еще лежит на письменном столе в кабинете наркома обороны — на том же месте, где в 11 часов вечера видел ее адмирал Николай Кузнецов.

Передача ДИРЕКТИВЫ в приграничные округа еще и не начиналась! Неужели военачальники не понимали, какими могут быть последствия задержки директивы? Неужели не понимали, какой опасности они подвергают страну? Неужели не понимали, что рискуют миллионами жизней солдат и гражданского населения? Неужели не понимали, что рискуют собственной головой?

Директива о приведении войск в боевую готовность не могла быть передана в округа без однозначного приказа Сталина. А Сталин пока такого приказа не давал. Он все еще надеялся на то, что теперь, когда рабочий день в Берлине уже закончился, Деканозов сумеет встретиться с Риббентропом и вручить ему «Обвинительную ноту».

А после этого можно будет начать передачу ДИРЕКТИВЫ в округа.

Между тем, в Берлине Валентин Бережков уже более 12 часов сидит у телефона. Теперь он почти каждые несколько минут звонит в министерство иностранных дел. Сменяющиеся дежурные чиновники отвечают советскому дипломату любезно и терпеливо, однако, смысл их ответов один. Вспоминает Бережков: *«Когда я в очередной раз позвонил в министерство иностранных дел, взявший трубку чиновник вежливо произнес стереотипную фразу: „Мне по-прежнему не удалось связаться с господином рейхсминистром. Но я помню о вашем обращении и принимаю меры“. Вновь и вновь я звонил на Вильгельмштрассе, но безрезультатно...»*

А в это время в Москву, в Генеральный штаб, почти непрерывным потоком шли донесения из приграничных округов. И с каждой минутой эти донесения становились,

к возмущению Тимошенко, все более «паническими». На самом деле, «паника» округов была вполне обоснованной — вдоль всей границы уже был слышен шум заведенных танковых моторов, а ПЛАН ПРИКРЫТИЯ все еще не был введен в действие, и граница, фактически, не была прикрыта!

По свидетельству маршала Баграмяна, в эти роковые часы *«даже большинство соединений прикрытия было рассредоточено в значительном удалении от государственного рубежа, а корпуса второго эшелона находились от него на расстоянии в 250—300 километров».*

«Начинается!» Это слово, кажется, было у всех на устах в эту ночь — и на границе, в штабах армий и округов, и в Москве, в Генеральном штабе и в Кремле.

Вспоминает сын Лаврентия Берия, профессор Серго Гегечкори:

«Отец позвонил в ту ночь из Кремля: „Начинается... Слушайте радио!“ Непосвященному эта фраза ни о чем не говорила, мы же с мамой прекрасно знали, что хотел сказать отец. Начиналась война...»

В полночь в Генеральный штаб позвонил из Тернополя командующий Киевским округом генерал-полковник Кирпонос и доложил, что к нему доставлен немецкий перебежчик — солдат 74-й германской пехотной дивизии, по фамилии Ханс Шлюттер, который утверждает, что *«в 4 утра германские войска перейдут в наступление».* Жуков позвонил Сталину. Сталин был в это время в Кремле.

Сталин не покинул Кремль, как это принято считать, и не отправился спать на дачу. В 23.00 вместе с

Молотовым, Берия и Маленковым он перешел из кабинета в свою кремлевскую квартиру. Здесь они проведут эту короткую и такую длинную для них предвоенную ночь.

Новое донесение Жукова подтверждало не раз уже названное время «внезапного» нападения: *«3—4 часа утра»*. Выслушав донесение Жукова, Сталин спросил о ДИРЕКТИВЕ.

Вспоминает Жуков: *«Все говорило о том, что немецкие войска выдвигаются ближе к границе. Об этом мы доложили в 00.30 минут ночи Сталину. Он спросил, передана ли директива в округа»*.

Я ответил утвердительно».

Но ДИРЕКТИВА не была передана!

И только теперь, после вопроса Сталина, в 00 часов 30 минут, за 2 часа 45 минут до «внезапного» нападения начнется «срочная» передача ДИРЕКТИВЫ в округа. О точном времени начала этой «срочной» передачи сохранилось множество свидетельств, в том числе свидетельства маршалов Василевского и Баграмяна.

Маршал Василевский: *«Все работники нашего Оперативного управления, без каких либо приказов сверху, почти безотлучно находились в те дни на своих служебных местах. В первом часу ночи на 22 июня нас обязали в срочном порядке передать поступившую от начальника Генштаба Жукова подписанную наркомом обороны и им директиву в адреса командования Ленинградского, Прибалтийского Особого, Западного Особого, Киевского Особого и Одесского военных округов...»*

В 00.30 минут 22 июня 1941 г. директива была послана в округа».

Маршал Баграмян: «В 0 часов 25 минут 22 июня окружной узел связи в Тернополе начал прием телеграммы из Москвы. Она адресовалась командующим войсками всех западных округов.

Нарком и начальник Генерального штаба предупреждали, что «в течение 22—23.6.41 возможно внезапное нападение немцев», и требовали, не поддаваясь ни на какие провокационные действия, привести «войска в полную боевую готовность и встретить внезапный удар немцев и их союзников...»

Заменяла ли директива о приведении войск в боевую готовность приказ о введении в действие ПЛАНА ПРИКРЫТИЯ-41, или не заменяла, — это, практически, уже не имело значения. Ни для кого ни в Москве, ни в Кремле, ни в Генеральном штабе, не было секретом, что выполнить ее уже не удастся. И даже Жуков, упорно отстаивавший после войны версию о том, что передача ДИРЕКТИВЫ была не начата, а закончена в 00 часов 30 минут, вынужден был признать, что эта директива... могла запоздать.

Жуков: «Директива, которую в тот момент передавал Генеральный штаб в округа, могла запоздать и даже не дойти до тех, кто завтра утром должен встретиться лицом к лицу с врагом...»

Именно так все и произойдет. Директива о приведении войск в боевую готовность не успеет дойти до тех, кто уже через несколько часов, окажется под смертоносным катком гитлеровской военной машины.

**До «внезапного» нападения
осталось всего 2 часа 15 минут.
22 июня 1941, воскресенье, 1 ч 00
мин, Минск**

«Будьте поспокойнее и не паникуйте»

А последняя предвоенная ночь все еще продолжалась. Эта ночь была все-таки почему-то особенно праздничной! По мановению чьей-то невидимой руки по всей стране, во всех театрах, во всех клубах, на всех открытых подмостках шли праздничные представления, праздничные концерты, выступления самодеятельности.

В оперном театре Каунаса выступал ансамбль пограничников, в севастопольском Доме флота шел большой концерт, а в минском Доме Красной армии спектакль приезжего московского театра — «Свадьба в Малиновке». Переполненный зал Дома Красной армии то и дело оглашался взрывами смеха, громом аплодисментов.

В центральной ложе, в окружении командиров штаба, сидел, сверкая орденами, сам командующий округом, Герой Советского Союза, генерал армии Дмитрий Павлов. Спектакль доставлял ему видимое удовольствие. Павлов громко смеялся и азартно хлопал. Но неожиданно в ложу командующего вошел начальник разведки округа полковник Семен Блохин. Наклонившись к Павлову, он что-то сказал ему шепотом.

Ответ командующего прозвучал достаточно громко: *«Этого не может быть!»* — воскликнул Павлов и,

обратившись к своему заместителю, генерал-лейтенанту Ивану Болдину продолжил: *«Чепуха какая-то. Разведка сообщает, что на границе очень тревожно. Немецкие войска, якобы, приведены в полную боевую готовность и даже начали обстрел отдельных участков нашей границы».*

Затем, по свидетельству Болдина, Павлов, приложив палец к губам, показал на сцену и, с «олимпийским спокойствием», продолжал смотреть «Свадьбу в Малиновке». Это так не похоже на генерала Павлова, который еще в феврале 1941 г. был обеспокоен ситуацией на границе и требовал от Сталина создания оборонительных сооружений, всю последнюю неделю почти ежедневно просил наркома обороны дать, наконец, приказ войскам прикрытия занять полевые укрепления.

Нет, наверное, чего-то не понял, или не захотел понять Болдин.

В действительности, беспокойство ни на минуту не покидало Павлова — обстановка на границе не предвещала ничего хорошего. Гитлеровские войска, сосредоточенные на границе, явно были готовы к нападению, проволочные заграждения уже были сняты, и все последние дни был слышен шум многочисленных танковых моторов. Все это видел командующий округом и, в то же время, не мог ничего предпринять без приказа Москвы. Об этом своем мучительном положении с болью скажет Павлов после начала войны прибывшему на Западный фронт эмиссару Сталина Ворошилову.

*ИЗ ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЕЙ АДЪЮТАНТА
ВОРОШИЛОВА*

В ночь с 27 на 28 июня 1941 г.

Станция Полынские хутора

«...прошу понять мое положение. Знать нашу далеко не достаточную плотность на границе, неполную укомплектованность и несколоченность многих соединений и особенно мехкорпусов, быть убежденным, что враг не сегодня—завтра может нанести удар, и в то же время не иметь возможности должным образом на это реагировать, было мучительно».

Но Павлов, по его собственным словам, был «солдатом», а для солдата — «приказ есть приказ». И в эту последнюю предвоенную ночь, что бы там ни было у него на душе, Павлов сидел на виду у всех в центральной ложе Дома Красной армии и громко смеялся, демонстрируя полное «олимпийское спокойствие», демонстрируя полное пренебрежение к слухам о «внезапном» нападении Германии. В двенадцатом часу ночи спектакль, наконец, закончился, и командующий округом мог, наконец, возвратиться в свой штаб. Прошел еще один тревожный час и Павлову позвонил из Москвы нарком обороны Тимошенко. О том, что произошло дальше, мы узнаем из рассекреченного протокола допроса арестованного Павлова Д. Г., проведенного следователями Третьего управления наркомата обороны — старшим батальонным комиссаром Павловским и младшим лейтенантом госбезопасности Комаровым.

*ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА АРЕСТОВАННОЮ
ПАВЛОВА Д.Г.*

7 июля 1941

Архивно-следственное дело № Р-24000 Вопрос: Вам объявили причину вашего ареста?

Ответ: *Я был арестован днем 4 июля с. г. в Довске, где мне было объявлено, что арестован я по распоряжению ЦК. Позже со мной разговаривал зам. пред. совнаркома Мехлис и объявил, что я арестован как предатель.*

Вопрос: *В таком случае, приступайте к показаниям о вашей предательской деятельности.*

Ответ: *Я не предатель. Поражение войск, которыми я командовал, произошло по независящим от меня причинам.*

Вопрос: *У следствия имеются данные, говорящие за то, что ваши действия на протяжении ряда лет были изменническими, которые особенно проявились во время вашего командования Западным фронтом.*

Ответ: *Я не изменник, злого умысла в моих действиях как командующего фронтом не было. Я также не виновен в том, что противнику удалось глубоко вклиниться на нашу территорию.*

Вопрос: *Как же в таком случае это произошло?*

Ответ: *Я вначале изложу обстановку, при которой начались военные действия немецких войск против Красной армии.*

И Павлов рассказал.

8 час ночи в штаб Западного фронта позвонил нарком обороны и спросил: «Ну, как у вас, спокойно?»

Павлов доложил: «...очень большое движение немецких войск наблюдается на правом фланге, по донесению командующего 3-й армией Кузнецова, в течение полутора суток в Сувальский выступ шли непрерывно немецкие мотомехколонны. По его же

донесению, на участке Августов—Сапоцкин во многих местах со стороны немцев снята проволока заграждения...»

Нарком обороны успокоил командующего: «Вы будьте поспокойнее и не паникуйте, штаб же соберите на всякий случай сегодня утром, может что-нибудь и случится неприятное, но смотрите, ни на какую провокацию не идите. Если будут отдельные провокации — позвоните».

На этом разговор и закончился. Павлов старался «не паниковать».

К этому часу ДИРЕКТИВА, которую полчаса назад начали передавать в округа, в Западный округ еще не поступила. И, вот что удивительно — беседуя с Павловым в час ночи и требуя от него «не паниковать», нарком ни словом не обмолвился о ДИРЕКТИВЕ.

До «внезапного» нападения осталось всего 2 часа. 22 июня 1941, воскресенье, 1 ч 15 мин ночи, Севастополь

Черноморский флот в полной боевой!

В то же самое время в севастопольском Доме флота шел большой концерт. Город сверкал огнями. Бульвары и сады были заполнены нарядной публикой. Но корабли в бухте уже были затемнены. Еще два дня назад, 20 июня 1941 г., Черноморский флот, также как и Балтийский и Северный, был переведен на «Оперативную готовность № 2». Большая часть моряков, вернувшихся в порт после учений, так и не была отпущена на берег. А сегодня

ночью «Оперативная готовность № 2» превратилась в «Оперативную готовность № 1».

В 1 час и 03 минуты в штаб Черноморского флота поступил приказ адмирала Кузнецова: «Оперативная готовность № 1. Немедленно!»

Приказ был вручен командующему флотом вице-адмиралу Филиппу Октябрьскому, и через 12 минут, в 1 час 15 минут по флоту была объявлена «Оперативная готовность № 1».

На главной базе был дан сигнал «Большой сбор». Ожили черные раструбы репродукторов. Заревели сирены. На бульварах и в окнах домов погасли огни. Улицы города заполнили моряки — матросы и командиры бежали по улицам, бежали к своим кораблям. По темной Севастопольской бухте бесшумно двигались катера. Зенитчики снимали чехлы с орудий, готовя их к бою. Черноморский флот готовился встретить врага!

**До «внезапного» нападения
осталось всего 45 минут. 22 июня
1941, воскресенье, 2 ч 30 мин,
приграничные округа**

Стояли насмерть

Весь советский флот уже полчаса как приведен в боевую готовность. А на сухопутной границе только в эти минуты началась передача ДИРЕКТИВЫ, заменившей собой приказе введении в действие ПЛАНА ПРИКРЫТИЯ-41, из штабов округов в штабы армий.

В штабы округов директива поступила только в 1.30 ночи. Это был совершенно новый, не имеющий ничего общего с ожидаемым ими приказом, документ. По свидетельству маршала Баграмяна, после получения директивы, ее еще нужно было изучить, а затем подготовить распоряжения армиям. В большинстве штабов эта работа закончилась в 2.25—2.35 ночи. И только тогда застучала морзянка — и началась передача приказов в штабы армий.

ИЗ ПРИКАЗА КОМАНДУЮЩЕГО ПРИБАЛТИЙСКОГО ОСОБОГО ВОЕННОГО ОКРУГА

В течение ночи на 22.6.41 г. скрытно занять оборону основной полосы.

В предполье выдвинуть полевые караулы для охраны ДЗОТов, а подразделения, предназначенные для занятия предполья, иметь позади. Боевые патроны и снаряды выдать.

В случае провокационных действий немцев огня не открывать.

При полетах немецких самолетов над нашей территорией не показываться и до тех пор, пока самолеты противника не начнут боевых действий, огня не открывать.

В случае перехода в наступление крупных сил противника, разгромить его. Противотанковые мины и малозаметные препятствия ставить немедленно.

Этот приказ не успеет дойти до войсковых частей.

Бойцы не успеют получить боевые патроны и снаряды. Передовые части войск прикрытия не займут предполья. И когда через 45 минут на страну обрушится

«внезапный» удар, многомиллионную германскую армию на границе встретит только горстка пограничников.

На протяжении более 3000 километров советскую границу будут защищать только пограничные войска НКВД — всего 100 000 человек!

О том, как это было на Юго-Западном фронте, вспоминает маршал Баграмян: *«Только в половине третьего ночи закончился прием этой очень важной, но, к сожалению, весьма пространной директивы... До начала фашистского нападения оставалось менее полутора часов...»*

Пока телеграмму изучали и готовили распоряжения армиям, гитлеровцы обрушили на наши войска мощные авиационные и артиллерийские удары. Эти удары, застигшие большинство частей еще в местах их постоянной дислокации, нанесли нам первые чувствительные потери...»

Все, что могло гореть, горело, — пишет Баграмян, — все было объято пламенем, взрывались склады боеприпасов, падали телефонные столбы, рвались провода, рушились жилые дома, погребая под развалинами жен и детей командиров...

И только теперь, после «внезапного» нападения, первый эшелон войск прикрытия получил приказ выдвигаться на позиции.

Вспоминает Баграмян: *«Получив приказ отбросить вторгшегося противника за линию государственной границы, дивизии первого эшелона наших войск прикрытия под непрекращающейся бомбежкой устремились на Запад...»*

Первыми выступили навстречу противнику передовые части стрелковых и кавалерийских дивизий 5, 6 и 26-й армий Юго-Западного фронта. Баграмян: *«Для того, чтобы эти части заняли приграничные укрепления, им требовалось не менее 8—10 часов (2—3 часа на подъем по тревоге и сбор, 4—6 часов на марш и организацию обороны).*

А на приведение в полную боевую готовность и развертывание всех сил армий прикрытия государственной границы планом предусматривалось ДВОЕ СУТОК! Всю мощь первых ударов гитлеровских войск, по существу, приняли на себя немногочисленные подразделения пограничников и гарнизонов укрепленных районов...»

Бойцы пограничных застав и гарнизоны укрепленных районов выполняют свой долг. Они будут стоять насмерть, биться до последнего патрона, до последней гранаты.

Баграмян: *«Изумительную стойкость проявили бойцы 98-го пограничного отряда под командованием подполковника Сурженко. 9-я застава этого отряда во главе с лейтенантом Гусевым не раз переходила в контратаки и не отступала ни на шаг от границы...*

Попытки подоспевших частей нашей 5-й армии пробиться к окруженной горстке храбрецов были безуспешными. Всех нас волновала мысль: удастся ли спасти их?

Ведь к вечеру у них кончатся боеприпасы. По нашим самым оптимистичным предположениям, пограничники могли продержаться максимум два дня. Но многие заставы вели бой значительно дольше...»

Пограничные заставы и огневые точки укрепленных районов — маленькие островки, окруженные со всех сторон врагами, будут вести неравный бой. Войска первого эшелона прикрытия, пробивающиеся к границе под непрерывным вражеским огнем, не сумеют спасти их.

Так было на Юго-Западном, так было и на Западном фронте.

По свидетельству начальника штаба 4-й армии Западного фронта, полковника Леонида Сандалова, прием директивы о приведении войск в боевую готовность закончился в штабе армии только в 4 часа 20 минут. И только в 4 часа 20 минут командующий 4-й армией генерал-майор Александр Коробков отдал войскам «Приказ № 1».

Генерал-полковник Сандалов: «...Но приказы и распоряжения о приведении войск в боевую готовность опоздали. Война уже началась, застав войска 4-й армии врасплох».

Война началась и застала советские войска «врасплох». Граница, фактически не была прикрыта!

Оставшиеся в живых участники этой катастрофы долгие годы будут задаваться вопросами: *«Как такое могло случиться? Почему было запрещено говорить нам правду? Кто поверит, что Сталин не знал, что к границе подтянуто около 200 немецких дивизий?»*

Сегодня можно уже прямо ответить на этот вопрос — бойцы и командиры приграничных войск НКВД, принявшие на себя первый смертельный удар врага, были принесены в жертву. Они изначально должны были погибнуть в неравном бою.

Генерального сражения гауптшлагт, на которое так рассчитывал Гитлер, не вышло — главные сталинские силы в час «внезапного» нападения были далеко от границы. И об этом с удивлением доложат гитлеровские генералы в Берлин:

*ИЗ РАПОРТА КОМАНДУЮЩЕГО ГРУППОЙ АРМИЙ
«СЕВЕР»*

«...Этот прорыв удался благодаря тому, что приграничные позиции либо оборонялись очень слабо, либо совсем были не прикрыты»

**До начала операции
«Барбаросса» осталось всего 15
минут. 22 июня 1941,
воскресенье, 3 ч 00 мин, Рим**

Как ни в чем не бывало!

Когда граф Галеаццо Чиано ди Кортелаццо разбудил Бенито Муссолини, крепко спавшего в эту ночь в своей летней резиденции в Риччоне, дуче был возмущен: *«Ночью я не тревожу даже моих слуг».*

Тем не менее, Муссолини заставил себя проснуться, протер глаза и внимательно выслушал важное сообщение, которое Чиано — зять диктатора, женатый на его любимой дочери Эдде, вынужден был зачитать ему среди ночи по телефону. Это было личное письмо Адольфа Гитлера.

Гитлер не счел нужным заранее информировать своего давнего союзника о точной дате начала Русского

похода, как он сделал это по отношению к своему новому союзнику генералу Антонеску.

На это у фюрера были свои причины. Прежде всего, в предчувствии быстрой победы над Русским Медведем, Гитлер не хотел ни с кем делить его шкуру. Да и не все в этом, особом Походе на уничтожение мог одобрить дуче. Фюрер предпочел не сообщать Муссолини о начале вторжения, а поставить его перед свершившимся фактом.

Боясь утечки информации, Гитлер всегда сообщал итальянцам о своих действиях постфактум. Точно так же он поступил, например, и перед подписанием германо-советского Пакта о ненападении, и перед нападением на Польшу. Свидетельствует адъютант Гитлера полковник Николаус фон Белов: *«В последний момент Гитлер все же сподобился на неприятное для него дело: сообщил Муссолини письмом о нападении на Польшу в ближайшие дни и о договоре.»*

Нам казалось, что сделать это самое время, ибо итальянцы уже не раз выражали свое раздражение по поводу того, что Гитлер всегда информирует своих союзников постфактум.

Но фюрер считал это недовольство меньшим злом по сравнению с тем вредом, который могла ему причинить, как он выразился, «итальянская болтливость»».

Но, несмотря на то, что Гитлер и на этот раз предпочел не информировать Муссолини заранее, для дуче и для его окружения, как и для всего мира, было ясно, что нападение Германии на Россию должно начаться с минуты на минуту.

ИЗ ДНЕВНИКА ГАЛЕАЦЦО ЧИАНО

Запись от 21 июня 1941

«Многочисленные признаки указывают на то, что начало операции [Германии] против России уже очень близко...

Идея войны против России сама по себе весьма популярна, поскольку разгром большевизма должен принадлежать к числу самых важных дат в истории человеческой цивилизации.

Но как симптом эта война мне не нравится, ибо у нее нет разумной и убедительной причины... Каков будет ход этой войны?

Немцы думают, что все будет кончено за восемь недель, и это возможно, потому что военные расчеты всегда были правильнее политических. Ну а если так не получится ?»

Адольф Гитлер, видимо, не знал сомнений, обуревавших молодого итальянского министра, иначе вряд ли он начал бы этот, такой рискованный, Русский поход, о котором он сегодня, за 15 минут до начала нападения, личным письмом информирует Муссолини.

Письмо Гитлера Чиано получил среди ночи от германского посла Ханса фон Маккензена, того самого Маккензена, которого остроумный Галеаццо называл «наш Бисмарк». Пробежав глазами длиннущее, как обычно, послание фюрера, Галеаццо в сердцах смачно выругался и позвонил тестю в Риччоне.

ИЗ ПИСЬМА ГИТЛЕРА К МУССОЛИНИ

Дуче! Я пишу Вам это письмо в тот момент, когда длившиеся месяцами тяжелые раздумья, а также вечное

нервное напряжение, закончились принятием самого трудного в моей жизни решения...

Русские имеют громадные силы. Собственно, на наших границах находятся все наличные русские войска...

Поэтому после долгих и мучительных раздумий я, наконец, принял решение, что лучше разорвать эту петлю до того, как она будет затянута... Учитывая эти обстоятельства, я решил положить конец лицемерным действиям Кремля...

Что касается борьбы на Востоке, дуче, то она определено будет тяжелой. Но я ни на секунду не сомневаюсь в крупном успехе...

Я чувствую себя внутренне снова свободным после того, как пришел к этому решению. Сотрудничество с Советским Союзом, при всем искреннем стремлении добиться окончательной разрядки, сильно тяготило меня. Ибо это казалось мне разрывом со всем моим прошлым, моим мировоззрением и моими прежними обязательствами.

Я счастлив, что освободился от этого морального бремени.

Искренне Ваш, дуче, Адольф Гитлер

Гитлер принимает желаемое за действительное. Следуя за концепцией своих генштабистов — генерал-майора Эриха Маркса и подполковника Бернхарда фон Лоссберга, Гитлер считает, что «Русские примут на себя удар немецких вооруженных сил, развернувшись вблизи границы...».

Гитлер уверен, что германская армия сможет в решающей битве гауптшлахт разбить у границы главные силы русских и этим обеспечить победу блицкрига. И еще, Гитлер надеется на то, что сосредоточение всех русских сил у границы, позволит ему оправдать свое нападение необходимостью нанесения ПРЕВЕНТИВНОГО УДАРА.

Но Сталин не позволит ему ни того, ни другого, ни третьего.

И то, что произойдет этим утром в Риме, станет еще одним, может быть, карикатурным, доказательством Большой Политической Игры, идущей в эти дни между Гитлером и Сталиным. Прежде всего, Гитлер не только не информировал Муссолини о точной дате начала операции «Барбаросса», он еще в большей степени скрывал от него политические проблемы этой операции. А именно тот, самый важный для успеха кампании, факт, что нападение на Россию начнется внезапно, без объявления войны, и что в развязывании конфликта он попытается обвинить саму большевистскую Россию.

Результатом того, что в Италии не знали всех «тонкостей» начала операции «Барбаросса», явилась совершенно абсурдная ситуация, сложившаяся в день «внезапного» нападения. Прочитав среди ночи послание Гитлера и поняв из него, что «Германия объявила войну России», Муссолини приказывает Чиано поспешить и, в качестве главного союзника Германии, с утра «тоже объявить войну России».

Вот ведь, какой абсурд! Германия, многомиллионная армия которой уже несколько часов сеет смерть на территории России, войну не объявляет! Румыния, войска которой, сосредоточенные на самой границе, испускает

воинственные клики, но войну не объявляет! Финляндия ждет приказа к нападению и молчит. А Италия, участие которой в операции пока вообще под вопросом, спешит объявить войну!!!

Итак, не спавший всю ночь и злой Галеаццо Чиано ранним утром, в воскресенье, 22 июня 1941 г., пытается посетить советское посольство и сообщить послу Николаю Горелкину об объявлении войны.

Но, к удивлению Чиано, это ему не удастся! Советское посольство в Риме в это утро, 22 июня 1941 г., закрыто, а все сотрудники, во главе с самим послом Горелкиным, покинули Рим и отправились за 200 километров в Неаполь, на побережье Средиземного моря... купаться!?

Невероятно? Нет, вполне естественно. Если в Москве не знают о том, что Германия готовится к нападению, и если это нападение является «внезапным», то вполне естественно, что в Риме тоже не знают об этом, и сотрудники посольства проводят свой выходной день, как обычно, на побережье. Только после полудня Чиано сумел найти Николая Горелкина и сообщить ему об объявлении войны.

*БЕСЕДА ПОЛПРЕДА СССР ГОРЕЛКИНА С ЧИАНО ДИ
КОРТ ЕЛА ЦЦО*

22 июня 1941, Секретно

Министр иностранных дел Чиано вызвал меня в 12 часов дня и сделал мне заявление от итальянского правительства следующего содержания:

«Ввиду сложившейся ситуации, в связи с тем, что Германия объявила войну СССР, Италия, как союзница Германии и как член Тройственного пакта, также

объявляет войну Советскому Союзу с момента вступления германских войск на советскую территорию, т.е. с 5.3022 июня...»

Ну вот, война, наконец, объявлена! Но Чиано все еще не перестает удивляться. Как оказалось, вернувшийся с побережья после купанья и «ничего не подозревавший», посол Горелкин принял полное драматизма сообщение об объявлении войны, вопреки ожиданиям экспансивного итальянца, без всяких эмоций. Советский посол, казалось, не был ни удивлен, ни взволнован. Он выслушал сообщение Чиано равнодушно, как нечто давно ожидаемое.

ИЗ ДНЕВНИКА ГАЛЕАЦЦО ЧИАНО

Запись от 22 июня 1941

В 3 часа утра «Бисмарк» приносит мне послание Гитлера дуче.

Хотя письмо и начинается с обычного заверения, что Великобритания войну проиграла, тон его отнюдь не восторженный. Я по телефону сообщаю о письме дуче, который все еще находится в Риччоне. Потом, рано утром пытаюсь посетить советского посла, чтобы сообщить ему об объявлении войны.

Сделать это не удастся: до 12 часов 30 минут он недосыгаем, ибо он и весь персонал посольства спокойно отправились купаться на побережье. Мое сообщение он воспринял с довольно большим равнодушием, но это в его характере.

Сообщение весьма короткое, без лишних слов. Беседа продолжалась две минуты и протекала отнюдь не драматически...»

Чиано можно простить — он ведь действительно не знал и не мог знать всех перипетий сложнейшей Политической игры Гитлера и Сталина. А вот Гитлер действительно не оценил своего партнера по Игре.

Вождь большевистской России подготовит ему еще немало сюрпризов. О некоторых из них он узнает уже сегодня утром. Вопреки всем предположениям германских генштабистов, Сталин «не окажет им услуги» и не сосредоточит свои войска у границы. Не удастся Гитлеру и обвинить Россию в подготовке к агрессии против Германии — Сталин сумеет убедить весь мир, что он не только не собирался нападать на Германию, но даже «не знал» о готовящемся нападении.

**До начала операции
«Барбаросса» осталось всего 5
минут. 22 июня 1941,
воскресенье, 3 ч 10 мин утра.
Восточный фронт**

«Внезапное» — не внезапное

Двое суток многомиллионная германская армия стоит у советской границы, ожидая сигнала «Дортмунд». Приказ офицеров — не издавать ни звука, не шевелиться, чтобы не быть обнаруженными. И все же полной тишины нет. То тут, то там хрустнет ветка ельника под сапогом солдата, скрипнет крышка танкового люка, выпорхнет из зарослей спугнутая птица. Все эти необычные звуки ловит натренированное ухо бойцов пограничных нарядов по другую сторону границы. Пристально всматриваются в лесные заросли

глаза часовых на смотровых вышках, стараясь угадать за маскировочными сетками очертания боевых машин. С наступлением ночи движение на германской стороне усиливается — слышна гортанная немецкая речь, видны вспышки света сигнальных фонариков. Солдаты вермахта построены на полянах. Офицеры, светя фонариками, зачитывают им последний приказ фюрера:

«Солдаты Восточного фронта!

Сейчас силы наши так велики, что равных им не было в истории всего мира... Величайшие в истории мира армии готовы к бою не только потому, что их вынуждает к этому суровая текущая необходимость, требующая окончательного решения, или тому или иному государству требуется защита, а потому, что в спасении нуждается вся Европейская Цивилизация и Культура.

Немецкие солдаты! Скоро, совсем скоро вы вступите в бой — в суровый и решительный бой. Судьба Европы, будущее Германского рейха, само существование народа Германии находится теперь в ваших руках. Да пребудет с нами Всевышний, да поможет Он нам в нашей борьбе!»

Прозвучала команда «вольно», и солдаты бросились готовить к бою танки. В эту ночь никто не сомкнул глаз. На рассвете — вторжение!

Самая мощная из трех — группа армий «Центр», под командованием генерал-фельдмаршала Федора фон Бока, должна была действовать в треугольнике Брест — Вильнюс — Смоленск, и была нацелена на Москву. Группа «Центр» включала в себя две пехотные армии, 2-й воздушный флот под командованием генерал-фельдмаршала Альберта фон Кессельринга и две танковые группы — 2-я под командованием

генерал-полковника Хейнца Гудериана, и 3-я под командованием генерал-полковника Германа Гота.

Еще не наступил рассвет, когда генерал-полковник Гудериан на бронемашине прибыл на свой командный пункт в районе местечка Богукалы. Командующий сухо поздоровался со встретившими его штабными офицерами и посмотрел на часы. Было 3 часа 10 минут. Через 5 минут, в 3.15, начнется операция «Барбаросса». По инструкции Генштаба операция должна была начаться с массированной часовой артиллерийской подготовки. Необходимость проведения артподготовки волновала Гудериана. Опытный военачальник, Гудериан опасался, что часовая артподготовка лишит вермахт преимущества внезапности нападения и вызовет большие потери в момент форсирования водных преград.

Вспоминает Гудериан: «...Тщательное наблюдение за русскими убеждало меня в том, что они ничего не подозревают о наших намерениях. Во дворе Крепости Бреста, который просматривался с наших наблюдательных пунктов, под звуки оркестра они проводили развод караулов. Береговые укрепления вдоль Западного Буга не были заняты русскими войсками.

Перспективы сохранения момента внезапности были настолько велики, что возник вопрос, стоит ли при таких обстоятельствах проводить артиллерийскую подготовку в течение часа, как это предусматривалось приказом.

Только из осторожности, чтобы избежать излишних потерь в результате неожиданных действий русских в момент форсирования реки, я приказал провести артиллерийскую подготовку в течение установленного времени.

В роковой день 22 июня 1941 г., в 2 часа 10 минут утра, я поехал на командный пункт группы и поднялся на наблюдательную вышку южнее Богукалы (15 км северо-западнее Бреста). Я прибыл туда в 3 ч 10 мин, когда было темно.

В 3 ч 15 мин началась наша артиллерийская подготовка».

Точно через 5 мин, по команде «огонь», начнется артиллерийская подготовка. Тысячи орудий обрушат свои снаряды на восточный берег Буга. Варварский обстрел всей приграничной полосы будет продолжаться с немецкой аккуратностью точно по инструкции — ровно один час — с 3 часов 15 минут до 4 часов 15 минут утра. В 3 часа 40 минут в дело вступят пикирующие бомбардировщики — «Штука» генерал-фельдмаршала фон Кессельринга. В 4 часа 15 минут начнется переправа через Буг передовых частей 17-й и 18-й танковых дивизий. Переправа германских бронированных чудовищ займет еще 30 минут. Первые танки 18-й танковой дивизии выползут на Западный берег Буга только в 4 часа 45 минут, через полтора часа после начала артиллерийской подготовки.

И будет уже совсем светло, когда германская пехота на резиновых шлюпках и десантных лодках начнет переправу через реку.

Советские пограничники, пережившие и артиллерийский обстрел, и бомбежку, видели и шлюпки, и десантные лодки, но, следуя приказу, не открывали по ним огня. Переправа прошла успешно. И у генерал-полковника Гудериана создалось впечатление, что, несмотря на часовую артиллерийскую подготовку и несмотря на то, что весь начальный этап операции на его

участке занял более двух часов, нападение германских войск было для Русских... внезапным!

Впоследствии Гудериан припишет себе эту, почти невероятную, удачу, намекнув при этом, что именно его высокопрофессиональное командование войсками позволило достичь внезапности нападения: *«Внезапность нападения была достигнута на всем фронте танковой группы».*

Глава девятая.

«ВНЕЗАПНОЕ»

НАПАДЕНИЕ! 22 июня

1941. 3 ч 15 мин утра

*...в наши времена скорость
сосредоточения военных сил
изменилась в Сторону
увеличения, и как будто выгоды
внезапности «направления
сил» возросли, но зато и
улучшились средства разведки
намерений противника еще
задолго до войны.*

**Военный теоретик,
начальник Генерального
штаба РККА Борис
Шапошников**

*Война не начинается внезапно;
подготовка ее не может быть
делом мгновенья.*

**Военный теоретик и
историк, прусский генерал
Каря фон Клаузевиц**

**Свершилось! 22 июня 1941,
воскресенье 3 ч 15 мин, Западная
граница**

«Русские застигнуты врасплох!»

От Балтийского моря на севере и до Черного моря на юге содрогнулась земля. Запылала. Заволоклась дымом. Залилась кровью.

Бомбардировщики люфтваффе с черными крестами на крыльях сбрасывают свой смертоносный груз на заранее намеченные цели — аэродромы, склады горючего, железнодорожные узлы, военно-морские базы. Бомбы падают на освещенные беззащитные города, на спящих мирных жителей Прибалтики, Белоруссии, Украины.

Вслед за бомбардировщиками ринулись лавины танков. Непобедимая доселе армия Адольфа Гитлера, сметая все на своем пути и сея смерть, зловещим потоком хлынула на советскую землю.

Пограничные войска НКВД — 100 000 бойцов и командиров — не могли прикрыть границу, протяженностью в 3000 километров, не могли остановить трехмиллионную армию. Бронированная гитлеровская военная машина — 3800 танков, 600 000 грузовиков, должна была раздавить их, должна была смести их с лица земли.

Дислокация советских войск, не получивших приказа ввести в действие ПЛАН ПРИКРЫТИЯ-41, предопределила ход событий.

ИЗ «ИСТОРИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 1939-1945»

К моменту нападения гитлеровской Германии соединения и части приграничных военных округов не были отобилизованы и развернуты на предусмотренных планом прикрытия рубежах. Войска не были приведены в боевую готовность.

За линией пограничных застав, в 3—5 км от государственной границы, расположились только отдельные роты и батальоны. Дивизии первых эшелонов армии прикрытия находились в районах, удаленных от назначенных им рубежей развертывания на расстоянии 8—20 километров. Вторые эшелоны, состоявшие в большинстве случаев из механизированных корпусов — в нескольких десятках километров от границы. Внезапное нападение врага застало войска в районах расквартирования и в лагерях...

Авиация приграничных военных округов понесла большие потери на своих аэродромах... Первыми приняли удары противника советские пограничники и передовые подразделения войск прикрытия.

Отражая превосходящие силы врага, личный состав многих застав полностью погиб. Советские дивизии и полки вынуждены были по частям вступать во встречные бои с врагом.

Превосходство противника над советскими войсками прикрытия было на ряде направлений 3—4-кратным и более...

Несмотря на героическое сопротивление войска прикрытия не смогли задержать противника в приграничной зоне на всех трех стратегических направлениях...

Трагичной была судьба бойцов и командиров пограничных застав, своими телами прикрывших границу. У многих из них даже нет могил. Так и остались они для родных и близких навеки пропавшими без вести.

Трагичной была судьба и жителей приграничных районов. На Восток потянулись толпы беженцев. Их

косили из пулеметов немецкие истребители. Их безжалостно давили гусеницами немецкие танки. Их догоняли немецкие бронетранспортеры, поливая свинцовым огнем мечущихся в смертельном страхе людей. Повсюду была неразбериха. Смятение. Ужас. Повсюду был хаос. Повсюду была смерть.

«Неприкрытость» советской границы — отсутствие организованного сопротивления, и даже запрет ответного огня, вызвала у гитлеровцев «иллюзию внезапности нападения». Об этой «внезапности» с удивлением говорят практически все — и офицеры люфтваффе, и командующий 2-й танковой группы генерал-полковник Хейнц Гудериан, и начальник штаба Сухопутных войск генерал-полковник Франц Гальдер.

*ИЗ ДНЕВНИКА ОФИЦЕРА ЛЮФТВАФФЕ
ЛЕТЧИКА-ИСТРЕБИТЕЛЯ ХАЙНЦА КНОКЕ*

22 июня 1941 г.

5.00 утра [по Берлинскому времени]

Эскадрилья поднялась в воздух и вступила в боевые действия... Мне доставит большое удовольствие разбомбить грязных иванов.

На русской территории, к моему удивлению, все казалось погруженным в сон. Мы обнаружили русские штабы и на низкой высоте пролетели над деревянными постройками, но ни одного русского солдата не было видно... Наконец появились иваны. Они в замешательстве снуют туда-сюда, напоминая растревоженный муравейник. Мужчины в одних подштанниках, в поисках укрытия, устремились в лес. Наши армии повсеместно продвигаются вперед, русские застигнуты врасплох... Тысячи иванов стремительно отступают, это

превращается в беспорядочное бегство. Когда мы открываем огонь, они, спотыкаясь и обливаясь кровью, пытаются скрыться в ближайших лесах...

Картина «внезапности нападения», описанная немецким летчиком, с удивительной точностью отражает трагические события этого дня. Поражает только фанатичная жестокость, с которой немцы выполняли свои обязанности. И то удовольствие, с которым они это делали.

ИЗ «ВОЕННОГО ДНЕВНИКА» ФРАНЦА ГАЛЬДЕРА

22 июня 1941 г., воскресенье, 1-й день войны...

...Общая картина первого дня наступления такова: противник был захвачен нападением врасплох.

Тактически он не был развернут для обороны. Его войска в приграничной зоне находились в своих обычных местах расположения. Охрана границы в целом была плохой. Тактическая внезапность привела к тому, что вражеское сопротивление непосредственно на границе оказалось слабым и неупорядоченным, а потому нам удалось повсюду захватить мосты через водные преграды и прорвать пограничную полосу укреплений на всю глубину...

Наступлением наших дивизий на всех участках противник был отброшен с боями в среднем на 10—15 км. Тем самым был открыт путь моторизованным соединениям...

Положение на фронтах катастрофическое. Красная армия отступает. Гитлеровские войска продвигаются вглубь страны. Но, несмотря на это, ни в Кремле, ни в Генеральном штабе нет ни паники, ни растерянности.

Генералу Судоплатову хорошо запомнились произнесенные в этот день с полной уверенностью слова Лаврентия Берия: *«Продержаться месяц — два, а там ... все пойдет как надо!»*

О том же свидетельствует генерал армии Штеменко: *«С первых минут войны обстановка в Генеральном штабе приобрела хоть и тревожный, но деловой характер. Никто из нас не сомневался, что расчеты Гитлера на внезапность могут дать ему только временный военный выигрыш».*

Создается впечатление, что все происшедшее так и должно было произойти. Что именно так и ожидалось.

Или... именно так было задумано!?

Свершилось! 22 июня 1941, воскресенье. 3 ч 15 мин — Севастополь

«Это же война!»

За несколько минут до «внезапного» нападения, в 3 часа 07 минут, оперативный дежурный по штабу Черноморского флота в Севастополе Николай Рыбалко доложил командующему флота вице-адмиралу Филиппу Октябрьскому о том, что служба наблюдения слышит гул моторов приближающихся со стороны моря неизвестных самолетов. По свидетельству Рыбалко, выслушав доклад, Октябрьский не был, как будто бы, ни удивлен, ни взволнован, а спросил только, есть ли наши самолеты в воздухе. Услышав ответ, что наших самолетов нет, вице-адмирал строго предупредил дежурного: *«Имейте в*

виду, если в воздухе есть хоть один наш самолет, вы завтра будете расстреляны!»

А через 8 минут, в 3 часа 15 минут, тот же Октябрьский уже звонит в Москву адмиралу Кузнецову: *«Докладывает командующий Черноморским флотом... На Севастополь совершен воздушный налет! Зенитная артиллерия отражает нападение самолетов. Несколько бомб упало на город...»*

Вспоминает адмирал Кузнецов: *«Смотрю на часы, 3 часа 15 минут.*

Вот когда началось... У меня уже нет сомнений — война!

Сразу снимаю трубку, набираю номер кабинета Сталина.

Отвечает дежурный: «Товарища Сталина нет, и где он, мне не известно». «У меня сообщение исключительной важности, которое я обязан немедленно передать лично товарищу Сталину», — пытаюсь убедить дежурного. «Не могу ничем помочь», — спокойно отвечает он и вешает трубку».

В отчаянии, адмирал звонит Тимошенко и повторяет сообщение Октябрьского. В трубке молчание. *«Вы меня слышите?»* — кричит Кузнецов. В голосе Тимошенко, как ранее дежурного, не чувствуется волнения: *«Да, слышу...»* А Кузнецов продолжает звонить по всем номерам. Еще и еще раз пытается связаться со Сталиным, но снова попадает на дежурного. *«Прошу передать товарищу Сталину, что немецкие самолеты бомбят Севастополь. Это же война!»*

Дежурный наверняка действует в соответствии с полученными инструкциями, и ответ его снова спокоен: *«Доложу, кому следует!»*

После «внезапного» нападения. 22 июня 1941. Воскресенье. Москва

«Экстренное» заседание Политбюро

...прошло 15 минут; 3 часа 30 минут утра

Начальник штаба Западного округа генерал-майор Климовских докладывает в Москву о налете люфтваффе на города Белоруссии.

...прошло 18 минут; 3 часа 33 минуты утра

Начальник штаба Киевского округа генерал-лейтенант Пуркаев докладывает в Москву о налете люфтваффе на города Украины.

...прошло 25 минут; 3 часа 40 минут утра

Командующий Прибалтийским округом генерал Кузнецов докладывает о налете люфтваффе на Каунас.

...прошло 30 минут; 3 часа 45 минут утра

По свидетельству генерала армии Жукова, в 3 часа 45 минут утра он, по приказу маршала Тимошенко, звонит Сталину.

Возможно ли это? Только через 30 минут после «внезапного» нападения вражеской армии, Жуков докладывает Сталину о нападении?!

Итак, в 3.45 Жуков звонит Сталину. А Сталин? По воспоминаниям Жукова, Сталин в это время находится на даче и спит!

Жуков последний раз разговаривал со Сталиным около часа ночи — и в это время Сталин был в Кремле. Выходит, выслушав доклад начальника Генштаба о немецком перебежчике, утверждавшем, что германские войска перейдут в наступление в 4 часа утра, и поинтересовавшись, ушла ли ДИРЕКТИВА ПЕРВАЯ в войска, Сталин во втором часу ночи выехал из Москвы на дачу, и через два часа уже крепко спал.

Как это не похоже на Сталина! Как не похоже на Сталина, известного своими ночными бдениями. Как это не похоже на Сталина, по воле которого и в обычное мирное время не спали по ночам и его соратники, и многочисленные партийные функционеры по всей стране.

Так неужели же, именно в эту, особую, ночь, не отдав даже приказа прикрыть границу, Сталин отправился спать!?

И еще. Если Сталин действительно спал в эту ночь, то как же могло случиться, что в 3 часа ночи из Москвы в Берлин была отправлена еще одна телеграмма? Несмотря на то, что время неумолимо близилось к развязке, и до рассвета оставалось совсем мало времени, несмотря на то, что в Берлине было уже около часа ночи, Москва продолжала требовать от Деканозова встретиться с Риббентропом.

Вспоминает Бережков: *«Пока я продолжал тщетно дозваниваться на Вильгельмштрассе, из Москвы поступила новая депеша. Это было уже около часа ночи. В телеграмме сообщалось содержание беседы наркома*

иностранных дел с Шуленбургом и перечислялись вопросы, поставленные советской стороной в ходе этой беседы.

Советскому послу в Берлине вновь предлагалось незамедлительно встретиться с Риббентропом или его заместителем и поставить перед ним те же вопросы. Однако мой очередной звонок в канцелярию Риббентропа был так же безрезультатен, как и прежние...»

Сталин никак не мог спать в эту ночь.

Большая Игра все еще продолжалась! Продолжалась всю эту ночь, до самого рассвета, до самого «внезапного» нападения!

По свидетельству Жукова, он просит начальника охраны Власика разбудить товарища Сталина. И, когда Сталин подходит к телефону, происходит тот известный разговор между Жуковым и Сталиным.

Вспоминает Жуков: *«Минуты через три к аппарату подошел Сталин.*

Я доложил обстановку и просил разрешения начать ответные боевые действия. Сталин молчит. Слышу лишь его тяжелое дыхание.

«Вы меня поняли?»

Опять молчание...

Наконец, как бы очнувшись, Сталин спросил: «Где нарком?»

«Говорит по ВЧс Киевским округом».

«Приезжайте с Тимошенко в Кремль. Скажите Поскребышеву, чтобы он вызвал всех членов Политбюро...»

...прошло 55 минут; 4 часа 10 минут утра

Западный и Прибалтийский военные округа докладывают в Москву о начале вторжения на территорию Советского Союза сухопутных войск гитлеровской Германии.

...прошел 1 час 25 минут; 4 часа 40 минут утра

Система ПВО Москвы приведена в боевую готовность.

...прошло 2 часа 30 минут; 5 часов 45 минут утра

Спал ли Сталин в эту ночь или не спал, был ли он в эту ночь на даче либо находился в Кремле, но только в 5 часов 45 минут, **через два с половиной часа после «внезапного» нападения**, в кремлевском кабинете вождя началось так называемое Экстренное заседание Политбюро.

**После начала операции
«Барбаросса» прошел 1 час 45
минут. 22 июня 1941. В Берлине 3
ч ночи. В Москве 5 ч утра**

Война без объявления!

Около 3 часов ночи, за 15 минут до того, как прогремели первые залпы гитлеровских орудий, в советское посольство в Берлине пришла еще одна телеграмма из Москвы. Сталин все еще продолжал вести

свою Большую Игру — все еще требовал от Деканозова встретиться с Риббентропом и вручить ему «Обвинительную ноту».

А еще через несколько минут после того, как «внезапное» нападение Германии уже совершилось, в Берлин неожиданно поступила совершенно другая — новая инструкция!

На этот раз Сталин не только не требовал от Деканозова встретиться с Риббентропом, но, даже, наоборот, приказывал ему, если немцы «проявят инициативу», уклониться от встречи.

И немцы, действительно, «проявили инициативу».

Вся советская граница уже была объята пламенем, когда в 4 часа утра по московскому и в 2 часа ночи по берлинскому времени в советском посольстве раздался телефонный звонок. Звонили из канцелярии министра иностранных дел Иоахима фон Риббентропа. Это был звонок, которого так ждал Сталин всю эту ночь — с 21 на 22 июня 1941 г.

Это был звонок, который, прозвучи он всего несколько часов назад, мог изменить весь ход войны. Это был звонок, который, прозвучи он несколько часов назад, мог дать Сталину возможность ввести в действие ПЛАН ПРИКРЫТИЯ-41!

Теперь же, после «внезапного» нападения, этот звонок уже был не только не нужен, но и опасен. Большая Игра уже вошла в свою завершающую фазу. Война началась!

Первые часы войны между двумя государствами — это всегда особый, очень сложный период, причем, не только с военной, но, главным образом, с политической

точки зрения. Именно политические решения могут оказать решающее влияние на начало войны.

Об этом неоднократно писал Карл фон Клаузевиц, и это часто, вслед за великим немецким теоретиком, повторял профессор Борис Шапошников, а уважение Сталина к идеям Шапошникова известно.

Карл фон Клаузевиц: *«Политика, к сожалению, неотделима от стратегии. Политика пользуется войной для достижения своих целей и имеет решающее влияние на ее начало и конец.*

В начальный период войны, в связи с массированными передвижениями войск по обе стороны границы, вызванными подготовкой к нападению или к обороне, а также в связи с неминуемыми провокациями или действиями, которые могут быть расценены как провокации, бывает очень трудно определить, кто является инициатором конфликта. В начальный период войны бывает часто очень трудно доказать, кто в действительности является агрессором, а кто — жертвой агрессии».

В эти первые часы войны, после «внезапного» нападения, официальная встреча советского посла с германским министром иностранных дел могла дать возможность Германии объявить публично, что ее военная акция была вызвана необходимостью превентивного удара по, якобы, сосредоточившимся силам Советского Союза, и этим возложить ответственность за развязывание войны на Советский Союз.

Именно поэтому Сталин хотел по возможности оттянуть эту официальную встречу до того момента, когда уже будут реальные доказательства гитлеровской

агрессии — горящие пограничные заставы, уничтоженные на земле самолеты, искореженные бомбежкой жилые кварталы мирных городов, раненые и убитые женщины и дети.

Две сталинские телеграммы, посланные в Берлин в течение одного часа, и содержащие прямо противоположные инструкции — «искать встречи» и «уклоняться от встречи» — являются еще одним подтверждением факта существования той самой, сложнейшей, Большой Игры, которую вел Сталин в эту ночь.

Подтверждением факта существования той самой Большой Игры, о которой говорил Молотов вчера Димитрову, и которую Сталин, к несчастью, проиграл Гитлеру.

Итак, в 2 часа ночи, по берлинскому времени, в советском посольстве в Берлине раздался резкий звонок телефона, и чиновник имперского министерства иностранных дел официальным тоном сообщил, что рейхсминистр герр Риббентроп просит советского посла господина Деканозова немедленно прибыть в министерство на Вильгельмштрассе.

Секретарь посольства Валентин Бережков, который уже почти сутки непрерывно, через каждые 30 минут, звонил на Вильгельмштрассе, безуспешно пытаясь организовать встречу Деканозова с Риббентропом, теперь, когда инициатива исходит от германской стороны, в соответствии с полученными инструкциями, пытается отсрочить эту встречу. Бережков объясняет германскому чиновнику, что подготовка такой встречи «занимает время», что сейчас 3 часа ночи, что посол

спит, что нужно еще его разбудить, нужно вызвать машину...

Но отговорки Бережкова не устраивают чиновника, и он категоричен в своих требованиях: рейхсминистр ждет и его личный автомобиль уже стоит у подъезда посольства.

Посла, конечно, будить не пришлось — не мог Владимир Деканозов спокойно спать в эту ночь. Но прошло еще около получаса пока Деканозов и сопровождавший его в качестве переводчика Бережков вышли из парадных дверей Курляндского дворца, который еще до революции 1917 г. принадлежал России.

Знаменитая берлинская улица «Под липами» — Унтер-ден-Линден в этот предрассветный час была пустынна, но у подъезда посольства советских дипломатов действительно ожидал черный «Мерседес», принадлежащий фон Риббентропу. Рядом с шикарной машиной стоял чиновник протокольного отдела министерства, облаченный, ради торжественного случая, в парадный мундир с белыми отворотами. Дипломаты сели в машину, и черный «Мерседес» помчался по прямой как стрела Унтер-ден-Линден.

Сталинский шпион Владимир Деканозов, проведенный по приказу вождя около 200 дней в самом сердце Третьего рейха, в последний раз ехал по Унтер-ден-Линден в имперское министерство иностранных дел.

Деканозову предстояло выполнить последнее задание посланного его Сталина — «всучить» Риббентропу советскую «Обвинительную ноту».

О том, что происходило в эти минуты в министерстве, вспоминает личный переводчик Гитлера Пауль Шмидт: *«Впервые часы утра 22 июня 1941 г. я ждал вместе с Риббентропом в его кабинете на Вильгельмштрассе прихода советского посла Деканозова.*

Накануне, в субботу, начиная с полудня, Деканозов каждый час звонил в министерство иностранных дел, утверждая, что ему нужно уладить срочное дело с министром иностранных дел. Ему отвечали, как всегда перед важными событиями, что министра нет в Берлине.

Затем, в 2 часа ночи, Риббентроп подал сигнал, и Деканозову сообщили, что Риббентроп хотел бы увидеться с ним в 4 часа утра этого же дня, 22 июня».

Риббентроп ждал советского посла с нетерпением. Нервничал. Время теперь работало на Сталина.

Шмидт: *«Я никогда не видел Риббентропа в таком возбужденном состоянии, как в те пять минут перед приходом Деканозова. Он метался по комнате, как зверь в клетке.*

«Фюрер абсолютно прав, что нападает сейчас на Россию, — говорил он скорее самому себе, чем мне... — Русские, несомненно, нападут сами, если этого сейчас не сделаем мы...»

Он ходил взад и вперед по комнате в большом волнении, со сверкающими глазами, без конца повторяя эти слова...»

А между тем черный «Мерседес» миновал Бранденбургские ворота, верхушку которых, увенчанную богиней Победы, уже озаряли первые лучи солнца, и выехал на Вильгельмштрассе.

Вспоминает Валентин Бережков: *«Въехав на Вильгельмштрассе, мы издали увидели толпу у здания министерства иностранных дел.*

Хотя уже рассвело, подъезд с чугунным навесом был ярко освещен прожекторами. Вокруг суетились фоторепортеры, кинооператоры, журналисты. Чиновник выскочил из машины первым и широко распахнул дверцу. Мы вышли ослепленные светом юпитеров и вспышками магниевых ламп. В голове мелькнула тревожная мысль — неужели это война?

Иначе нельзя было объяснить такое столпотворение на Вильгельмштрассе, да еще в ночное время. Фоторепортеры и кинооператоры неотступно сопровождали нас. Они то и дело забежали вперед, щелкали затворами, когда мы поднимались по устланной толстым ковром лестнице на второй этаж».

Советские дипломаты поднялись на второй этаж и вошли в кабинет Риббентропа — огромный зал, который должен был подчеркивать значительность гитлеровского министра. Но, несмотря на размеры зала, этим утром министр совсем не выглядел «значительным». Будничная, серо-зеленая помятая униформа, опухшее красное лицо и воспаленные глаза создавали впечатление того, что, несмотря на ранний час, он успел уже основательно выпить.

Дипломаты пожали друг другу руки, расселись вокруг круглого стола, стоящего в углу кабинета, и Деканозов, с помощью Бережкова, стал излагать рейхсминистру содержание «Обвинительной ноты», на передаче которой так настаивала Москва весь вчерашний день.

Но Риббентроп не дал советскому послу закончить даже первую, тщательно подготовленную им фразу. Повысив голос, он заявил, что все, о чем собирается говорить с ним посол, сейчас уже не имеет значения.

Речь сейчас идет о другом. Речь идет о том, что германские войска, вынужденные защищать свою страну от советской угрозы, предприняли оборонительную акцию и перешли советскую границу.

Вот оно! Именно этого опасался Сталин. Вопреки всем уже существующим фактам, Риббентроп пытается возложить ответственность за вооруженный конфликт на Советскую Россию.

Вспоминает Бережков: «Советский посол так и не смог изложить наше заявление, текст которого мы захватили с собой. Риббентроп, повысив голос, сказал, что речь пойдет совсем о другом.

Спотыкаясь чуть ли на каждом слове, он принялся довольно путанно объяснять, что германское правительство располагает данными относительно усиленной концентрации советских войск на германской границе... Затем Риббентроп сказал, что создавшуюся ситуацию германское правительство рассматривает как угрозу для Германии...

Фюрер не мог терпеть такой угрозы и решил принять меры для ограждения жизни и безопасности германской нации... Час тому назад германские войска перешли границу Советского Союза.

Затем Риббентроп принялся уверять, что эти действия Германии не являются агрессией, а лишь оборонительными мероприятиями.

После этого Риббентроп встал и вытянулся во весь рост, стараясь придать себе торжественный вид. Но его голосу явно недоставало твердости и уверенности, когда он произнес последнюю фразу: «Фюрер поручил мне официально объявить об этих оборонительных мероприятиях...»

Мы тоже встали. Разговор был окончен».

Разговор, продолжавшийся 20 минут, был окончен. Но вот что удивительно, война уже началась, а, вместе с тем, это слово — «война» — так и не было произнесено.

Вспоминает Пауль Шмидт: *«Риббентроп не употребил таких слов, как „война“ или „объявление войны“; наверное он считал их слишком „плутократическими“, а, может быть, Гитлер дал ему указание избежать этих слов».*

Советские дипломаты покинули кабинет рейхсминистра. На улице, где уже светило солнце, все еще ждал черный «Мерседес», который и отвез их в советское посольство.

Война уже была в полном разгаре, когда в министерстве иностранных дел, в 5 часов утра по московскому времени, началась историческая пресс-конференция Риббентропа. Но и на этой пресс-конференции рейхсминистр, все еще стараясь скрыть осуществленную Германией агрессию, так и не произнес слово «война», а только торжественно заявил: *«Германская армия вторглась на территорию большевистской России!»*

После «внезапного» нападения прошло 2 часа 30 минут. 22 июня 1941. 5 ч 45 мин утра. Москва

Директива № 2, или Время, цена которому тысячи жизней

Около 5 часов утра мир облетела давно ожидаемая «сенсация»: «Свершилось! Свершилось! Гитлер напал на Россию!» Все радиостанции мира передают меморандум Гитлера. Гортанная немецкая речь прерывается взволнованными разноязычными голосами дикторов. Гудят провода. Звонят телефоны. Разбужены президенты, правители, шейхи, диктаторы, короли...

Один из сотрудников Форин Оффис, узнав о нападении Германии на Россию, немедленно позвонил в Чекере и попросил к телефону личного секретаря Черчилля — Джона Колвилла. В Чекерсе в это время еще не наступил рассвет — было 4 часа утра. Услышав новость, Колвилл не был удивлен. Такой ход событий ожидался, и именно поэтому он был назначен на это воскресенье дежурным при премьер-министре и прибыл в Чекере, где уже находился министр иностранных дел Антони Иден и прилетевший вчера из Вашингтона американский посол Джон Уайнант. Услышав новость, Колвилл не только не удивился, но даже не счел нужным разбудить Черчилля. Дело было в том, что Черчилль, отправляясь в субботу вечером спать, и будучи уверен в том, что именно в эту ночь, с субботы на воскресенье, Гитлер осуществит нападение на Россию, строго-настроено предупредил, чтобы его ни в коем случае не будили.

Вспоминает Джон Колвилл: *«В субботу, 21 июня, я приехал в Чекере перед самым обедом. Там гостили г-н и г-жа Уайнант, г-н и г-жа Иден и Эдуард Бриджес. За обедом Черчилль сказал, что нападение Германии на Россию является неизбежным и что, по его мнению, Гитлер рассчитывает заручиться сочувствием капиталистов и правых в Англии и в США. Гитлер, однако, ошибается в своих расчетах. Мы окажем России всемерную помощь.*

Уайнант сказал, что то же самое относится и к США...

На следующее утро я был разбужен в 4 часа телефонным звонком из министерства иностранных дел, откуда сообщили, что Германия напала на Россию. Премьер-министр всегда говорил, чтобы его не будили ни в коем случае, разве только, если начнется вторжение [на английские острова]. Поэтому я отложил сообщение до 8 часов утра».

Черчилля не разбудили. А вот Сталина и не пришлось будить — не спал он в эту ночь! И не только не спал, а напряженно следил за развитием событий, и даже, в определенной степени, направлял их!

Экстренное заседание Политбюро

Меморандум Гитлера, текст которого Иоахим фон Риббентроп вручил Владимиру Деканозову час назад, все еще не поступил в Кремль — телефоны в советском посольстве в Берлине уже были отключены, а все попытки дипломатов переправить меморандум телеграфом через берлинский главный почтамт успеха не имели. И все же после 5 часов утра в Кремле уже знали и о пресс-конференции фон Риббентропа, и о меморандуме Гитлера, и о том, какие причины выдвигает Гитлер в

оправдание своего «внезапного» нападения. Опасения Сталина подтвердились — не желая быть объявленным агрессором, Гитлер пытается оправдать свое нападение на Россию необходимостью нанесения ПРЕВЕНТИВНОГО УДАРА по сосредоточению советских войск. И только теперь, после того, как позиция Гитлера прояснилась, только теперь, через два с половиной часа после «внезапного» нападения, в кремлевском кабинете Сталина началось «экстренное» заседание Политбюро.

Как зафиксировано в известной «Тетради записи лиц, принятых Сталиным», именно в 5 часов 45 минут утра, а не в 4.30, как было принято считать, в кабинет вождя вошли: Молотов, Берия, Мехлис, Тимошенко и Жуков.

Свидетельствует маршал Жуков: *«Меня и наркома пригласили в кабинет. Сталин был очень бледен и сидел за столом, держа в руках не набитую табаком трубку. Мы доложили обстановку. Сталин недоумевающе сказал: „Не провокация ли это немецких генералов?“ „Немцы бомбят наши города на Украине, в Белоруссии, и Прибалтике. Какая же это провокация?“ — ответил Тимошенко.*

«Если нужно организовать провокацию, — сказал Сталин, — то немецкие генералы бомбят и свои города...»

Вот, о какой ПРОВОКАЦИИ говорит Сталин! О провокации, позволяющей свалить вину за агрессию на противника! С этой целью гитлеровцы могут бомбить и свои города! Сумели же они перед Польской кампанией захватить свою собственную радиостанцию в Глейвице и даже оставили на «поле боя», для большей убедительности, КОНСЕРВЫ.

Несмотря на то, что нападение уже фактически совершилось, Сталин все еще опасается ПРОВОКАЦИИ. Опасается того, что, с помощью какой-либо хитроумной уловки, Гитлер может еще успеть срежиссировать более или менее обоснованный предлог для начала войны. Вот ведь и Риббентроп на пресс-конференции пытался обвинить в развязывании войны Россию, и в меморандуме Гитлера нападение представлено как вынужденное «выступление против иудейско-англосаксонских поджигателей войны и их помощников, а также евреев из московского большевистского центра».

ИЗ «МЕМОРАНДУМА» ГИТЛЕРА

22 июня 1941

Немцы! Национал-социалисты!

После тяжелых размышлений, когда я был вынужден молчать в течение долгих месяцев, наконец наступил момент, когда я могу говорить с полной откровенностью... Москва предательски нарушила условия, которые составляли предмет нашего пакта о дружбе. Делая все это, правители Кремля притворялись до последней минуты, симулируя позицию мира и дружбы, так же, как это было в отношении Финляндии и Румынии...

Сейчас приблизительно 160 русских дивизий находятся на нашей границе. В течение ряда недель происходили непрерывные нарушения этой границы, причем не только на нашей территории, но и на крайнем севере Европы и в Румынии. Советские летчики развлекались тем, что не признавали границ, очевидно, чтобы нам доказать таким образом, что они считают себя уже хозяевами этих территорий. Ночью 18 июня русские

патрули снова проникли на германскую территорию и были оттеснены лишь после продолжительной перестрелки.

Теперь наступил час, когда нам необходимо выступить против этих иудейско-англосаксонских поджигателей войны и их помощников, а также евреев из московского большевистского центра...

Поэтому я решил сегодня вложить судьбу и будущее Германской империи и нашего народа в руки наших солдат.

Да поможет нам Бог в нашей борьбе!

И даже сейчас, после «внезапного» нападения, в меморандуме Гитлера, так же как и в выступлении Риббентропа, не было произнесено слово «война». А для неопровержимого установления «первенства, или инициативы совершения акта агрессии» Сталину необходимо было официальное объявление войны — Нота об объявлении войны.

Такую ноту сейчас мог передать советскому правительству только один человек — все еще находящийся в Москве посол фон дер Шуленбург.

И Сталин приказывает Молотову вызвать в Кремль Шуленбурга.

«Это что, объявление войны?»

Молотов звонит в германское посольство и, после короткого телефонного разговора, докладывает Сталину: *«Посол граф фон дер Шуленбург просит принять его для срочного сообщения».*

Сталин приказывает: *«Иди, принимай его, а потом возвращайся немедленно сюда».*

Время идет... Сталин ждет возвращения Молотова и ничего не предпринимает, несмотря на то, что генерал-лейтенант Ватутин докладывает ему, что на ряде участков фронтов, после массированного артиллерийского обстрела, германские войска перешли в наступление и уже вторглись на территорию СССР

Над воскресной, еще сонной Москвой занималась алая заря, когда граф Вернер фон дер Шуленбург и сопровождавший его, как всегда, Густав Хильгер в последний раз вошли в Кремль.

Вспоминает Хильгер: *«Молотов принял нас не сразу. Он выглядел усталым и изнуренным работой. После того, как посол сделал свое сообщение, на минуту воцарилась полная тишина. Молотов явно боролся с внутренним волнением. Затем он спросил: «Это что — объявление войны?»»*

Посол отреагировал молча, характерным для него жестом: с выражением беспомощности он воздел руки к небу.

На это Молотов, слегка повысив голос, сказал: сообщение посла, естественно, не может означать ничего иного, как объявление войны, ибо германские войска перешли советскую границу, и немецкие самолеты уже полтора часа бомбят такие города как Одесса, Киев и Минск. Затем, уже не сдерживаясь, он выразил свое возмущение. Он сказал, что Германия напала на страну, с которой заключила договор о ненападении и дружбе. Такого прецедента в истории еще не бывало.

О концентрации советских войск на германской границе не может быть и речи. Пребывание советских войск в пограничных областях обусловлено только летними маневрами, которые проходят там. Если

имперское правительство имело что-либо возразить против этого, ему было достаточно лишь сообщить об этом советскому правительству, и оно позаботилось бы о принятии соответствующих мер. Вместо этого Германия развязала войну со всеми ее последствиями.

Свою филиппику Молотов закончил словами: «Мы этого не заслужили». Посол ответил: ему нечего добавить к тому, что он сообщил по указанию своего правительства... Затем мы попрощались с Молотовым — молча, но с обычным рукопожатием...»

Молотов возвратился в кабинет Сталина минут через тридцать и сообщил присутствующим «новость», которая была известна всем уже несколько часов: «Германия объявила нам войну!»

Но это формулировка Молотова. А вот в ноте, переданной ему Шуленбургом речь идет только «о военных контрмерах».

ЗАЯВЛЕНИЕ ГЕРМАНСКОГО ПОСЛА

Москва, 22 июня 1941

5 часов 30 минут утра

Ввиду нетерпимой далее угрозы, создавшейся для германской восточной границы вследствие массированной концентрации и подготовки всех вооруженных сил Красной армии, германское правительство считает себя вынужденным немедленно принять военные контрмеры. Соответственная нота одновременно будет передана Деканозову в Берлине.

Еще одна невероятная Директива

Уже совсем рассвело — 6 часов 30 минут утра. А Сталин все еще медлит и не дает войскам приказ отразить удар агрессора.

Медлит, несмотря на то, что уже снесены с лица земли пограничные заставы, медлит, несмотря на то, что под бомбами гибнет гражданское население, медлит, когда уже есть десятки тысяч убитых.

И только теперь, более чем через три часа после «внезапного» нападения, по распоряжению вождя военачальники начинают готовить новую директиву войскам — вторую из серии трех Исторических Сталинских директив.

«ДИРЕКТИВА № 2», так же как и «ДИРЕКТИВА № 1», тщательно продуманная и отредактированная сталинской рукой, будет предписывать советским войскам действия, которые, фактически, позволят германской армии продолжать агрессию.

Указание в «Директиве № 2» **«наземную границу не переходить, впредь до особого распоряжения»**, с точки зрения Сталина, было абсолютно необходимо — ведь если бы в первые часы войны советские войска, потеснив гитлеровцев в каких-то районах, оказались бы по другую сторону границы, трудно было бы доказать, что именно Гитлер, а не Сталин, является агрессором. И Сталин диктует Молотову новую директиву.

А время идет. Два, три, четыре часа войны. Четыре часа без приказа на ответный огонь. Четыре часа гибели людей.

ДИРЕКТИВАМ 2

*Военным советам Л ВО, ПриБОВО, ЗапОВО, КОВО,
Од ВО*

Копия нарком, воен. фл.

22.6.41 г. 7ч 15минСекретно

22 июня 1941 г. в 04 часа утра немецкая авиация без всякого повода совершила налеты на наши аэродромы и города вдоль западной границы и подвергла их бомбардировке. Одновременно в разных местах германские войска открыли артиллерийский огонь и перешли нашу границу.

В связи с неслыханным по наглости нападением со стороны Германии на Советский Союз, приказываю:

1. Войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу. Впредь, до особого распоряжения, наземными войсками границу не переходить.

2. Разведывательной и боевой авиацией установить места сосредоточения авиации противника и группировку его наземных войск. Мощными ударами бомбардировочной и штурмовой авиации уничтожить авиацию на аэродромах противника и разбомбить основные группировки его наземных войск. Удары авиацией наносить на глубину германской территории до 100—150 км. На территории Финляндии и Румынии до особых указаний налетов не делать.

Маленков Жуков

«ДИРЕКТИВА № 2» помечена временем — 7 часов 15 минут. Но подготовка ее была завершена не ранее 7 часов 30 минут утра, когда в кабинет Сталина, по записи

в «Тетради», вошел Маленков, который, вместе с Жуковым подписал эту директиву. В то же время подпись наркома обороны Тимошенко на директиве почему-то отсутствует, хотя он в это время находился в кабинете Сталина и, несомненно, участвовал в ее подготовке.

Передавать директиву в объятые пламенем бывшие приграничные военные округа начнут только после того, как Тимошенко и Жуков вернутся в Генштаб — около 9 часов утра, больше чем через 5 часов после «внезапного» нападения!

Невероятная «ДИРЕКТИВАМИ 2», точно так же как и «ДИРЕКТИВА № 1», придет в войска слишком поздно и поэтому не будет выполнена.

Вспоминает маршал Жуков: *«...по соотношению сил и сложившейся обстановке она [директива] оказалась нереальной, а потому и не была проведена в жизнь. Наши войска не могли не только уничтожить прорвавшиеся части противника, но не имели физической возможности даже задержать их».*

«ДИРЕКТИВА № 2» пришла слишком поздно!!!

Сталин предоставил Гитлеру время и возможность безнаказанно продолжать агрессию, доказывая миру, час за часом, свою виновность в этой агрессии. Сталин предоставил мировой общественности и «вещественные доказательства» гитлеровской агрессии — десятки тысяч раненых и убитых бойцов пограничных войск НКВД — окровавленные сталинские «КОНСЕРВЫ» а ля «ГЛЕЙВИЦЕ».

После начала операции «Барбаросса» прошло 4 часа 45 минут. 22 июня 1941. 8 ч утра. Восточный фронт

«Наступление продолжается успешно!»

Прошло всего несколько часов после начала операции «Барбаросса», а в ставку фюрера уже полетели победные репортажи германских генералов.

*ИЗ ДОНЕСЕНИЯ ОПЕРАТИВНОГО ОТДЕЛА ГРУППЫ
АРМИЙ «ЦЕНТР»*

22 июня 1941, 8.00 утра

*Наступление продолжается успешно. По-видимому,
противник на всех участках застигнут врасплох...*

*На всем фронте наступления армии противник до
сих пор оказывает незначительное сопротивление.
Встречается лишь местами противодействие легкой
артиллерии... Население уходит на восток.*

Такие, полные оптимизма доклады поступали к Гитлеру в первые часы войны. И только в середине августа 1941 г., гитлеровское командование начнет понимать, что не все складывается так удачно, как им казалось тогда, на рассвете 22 июня 1941 г.

ИЗ «ВОЕННОГО ДНЕВНИКА» ФРАНЦА ГАЛЬДЕРА

*11 августа 1941 г. (51-й день войны). ...Во всей
обстановке [на фронтах], в целом, становится все
очевиднее, что колосс Россия, который сознательно
готовился к войне, со всей безудержностью, присущей
тоталитарным государствам, был нами недооценен. Эта*

констатация относится как к организационным, так и к экономическим силам, а, в особенности, к чисто военному потенциалу.

Начиная войну, мы рассчитывали иметь против себя примерно 200 вражеских дивизий. Но теперь мы насчитываем их уже 360. Эти дивизии, конечно, не вооружены и не оснащены в нашем понимании этого слова, и командование ими в тактическом отношении во многом не удовлетворительно. Но они есть. И если дюжина их разбита, русский выставляет новую дюжину. Он выигрывает время благодаря тому, что находится поблизости от своих источников силы, а мы все больше от них удаляемся. Таким образом, наши раздерганные по огромнейшему фронту и не имеющие никакой оперативной глубины войска снова и снова подвергаются атакам противника, которые имеют определенный успех, ибо на невероятных просторах поневоле остается слишком много разрывов между войсками...

В середине августа 1941 г. гитлеровское командование начинает понимать, что советские войска, уничтоженные ими в приграничных сражениях, не представляли собой «главные силы русских», что генерального сражения гауптшлахт не произошло, что блицкриг не получился, и что вся, так тщательно подготовленная операция «Барбаросса» трагически затягивается.

После начала операции «Барбаросса» прошло 5 часов 45 минут. 22 июня 1941. 9 ч утра. Берлин

«Мы идем на Россию!»

На улицах столицы Третьего рейха оживленно, шумно. По тротуарам снуют мальчишки, размахивая экстренными выпусками газет. Жители Берлина с любопытством рассматривают первые фотографии с Восточного фронта — снимки окровавленных русских солдат...

Об этих страшных часах вспоминает Валентин Бережков, который уже успел вернуться в посольство после встречи с фон Риббентропом:

«...я увидел из окна кабинета [посольства], как по тротуару пробегают мальчишки, размахивая экстренными выпусками газет.

Я вышел за ворота и, остановив одного из них, купил несколько изданий. Там были уже напечатаны первые фотографии с фронта: с болью в сердце мы разглядывали наших советских бойцов — раненых, убитых... В сводке германского командования сообщалось, что ночью немецкие самолеты бомбили Могилев, Львов, Ровно, Гродно...»

В Берлине эйфория: «Началось! Мы идем на Россию!»

В ресторане «У Пшорра», поедая фирменную овощную похлебку, посетители обмениваются мнениями:

«Во время Первой мировой я был пленным в Сибири». «Что вы думаете теперь?» «Эта война закончится быстрее!» Большинство немцев уверено в мудрости своего фюрера и в том, что «русский колосс на глиняных ногах» рухнет в течение нескольких недель.

Люди толпятся у уличных репродукторов, слушают вопли Йозефа Геббельса, в сотый раз, наверное, повторяющего слова Гитлера: *«Немцы! Национал-социалисты! ...В этот момент идет наступление — величайшее из тех, что видел мир... я решил сегодня вложить судьбу и будущее Германской империи и нашего народа в руки наших солдат. Да поможет нам Бог в нашей борьбе!»*

Завтра меморандум Гитлера будет напечатан в «Нью-Йорк Таймс». Будет напечатан во всех газетах мира. И фотографии окровавленных трупов русских увидит мир — трупы бойцов и командиров пограничных войск НКВД, которые своими телами прикрыли границу Родины в первые часы войны.

По идее гитлеровской пропаганды, эти окровавленные трупы должны были продемонстрировать миру силу и мощь германского оружия. Но для мировой общественности трупы советских солдат, уничтоженных германской армией на советской территории, стали, прежде всего, неопровержимым доказательством гитлеровской агрессии.

Именно таким «доказательством польской агрессии» Гитлер пытался представить в 1939-м «КОНСЕРВЫ ГЛЕЙВИЦЕ». Именно такое «доказательство гитлеровской агрессии» представил сегодня Сталин всему миру — «СТАЛИНСКИЕ КОНСЕРВЫ а ля ГЛЕЙВИЦЕ».

После начала операции «Барбаросса» прошло 6 часов 45 минут. 22 июня 1941. 10 ч утра. Бухарест

«С Богом, вперед!»

К истерическим воплям Геббельса присоединился еще один кликушеский вопль. По румынскому радио выступает заместитель главы Румынского государства Михай Антонеску. Воинственная речь Михая тем более удивительна, что Румыния войну России не объявляла и в начавшемся сегодня с рассветом «внезапном» нападении Германии на Россию не участвовала. Румынские вооруженные силы, порядка 360 000 человек, сведенные в две полевые армии и оснащенные германским оружием, так же как и дислоцированная в Румынии 11-я германская армия, военных действий еще не начинали. Правда, генерал Ион Антонеску, формально считавшийся Верховным главнокомандующим объединенными румынско-германскими воинскими силами, отбыл уже из Пьятро-Нямца в распоряжение армий. Его торжественный отъезд состоялся на специальном поезде, носящем громкое название «Патрия», что в переводе с румынского означает «Отечество». Сегодня обязанности главы государства, вместо генерала Иона Антонеску, исполняет его заместитель и член семьи Михай. И ничего, что война не объявлена, в хорошо поставленном голосе профессора юриспруденции Михая звенит металл. Михай призывает румынский народ последовать за фюрером Великой Германии на священную «Войну рас»:

ИЗ РЕЧИ МИХАЯ АНТОНЕСКУ

Воскресенье, 22 июня 1941 г., 10 часов утра

«Румыны! Наша нация начала сегодня Великую и Священную войну!

Румыны! Эта война нас объединит! Война заставит нас еще больше полюбить нашу землю, заставит нас быть еще более жестокими к тем, кто решал нашу судьбу...

Румыны! Эта война не только святое национальное очищение, но и историческое возрождение. Генерал Антонеску на поле брани возвращает наш народ к его древним истокам. К его легендарному историческому прошлому. Такими мы были! Такими должны и остаться!..

Румыны! Там, где на протяжении веков старики, умирая, произносили прощальное слово Domnezeu [Господи], там, где женщины, рожая детей, выкрикивали слово Мата, там, где горит христианская лампада перед иконами, где человек готов принести свою кровь в жертву ради земли, там находятся права нашей нации. На землях Бессарабии и за Днестром, как и везде, где бьется румынское сердце, там наши права! Битва за Молдавские земли — это битва за жизнь румынского народа...

Это хорошо понимает фюрер Великой Германии!

Сегодня в Европе сталкиваются не государства, а расы...

Деградирующая славянская раса, большевики, пытаются разрушить не только жизнь древних европейских рас, но и перевернуть всю основу нашей древней цивилизации... Коммунизма больше не будет!

Румыны! Сегодня войска фюрера воюют на румынской земле за наши границы, за границы цивилизации, против анархии, за наше совместное будущее.

Война началась! В этот торжественный час, там, на землях древней Молдовы, вместе со своей армией сражается наш бесстрашный солдат-генерал Антонеску — наша вера, наша надежда!..

С Богом, вперед!»

С именем Бога и плечом к плечу с Бесноватым фюрером генерал Антонеску начинает свой Великий поход — поход против «большевизма» и против «деградирующих рас». С именем Бога «Красная собака» Антонеску начинает свой «Поход на уничтожение».

После «внезапного» нападения прошло 9 часов 10 минут. 22 июня 1941. 12 ч 25 мин. Москва

«Наше дело правое!»

Девять долгих часов идет война. Германские войска уже на десятки километров продвинулись вглубь советской территории, неся повсюду разрушения и смерть. Все радиостанции мира кричат, трубят о нападении гитлеровской Германии на большевистскую Россию. А по московскому радио, как обычно, передают урок гимнастики, вести с полей, результаты экзаменов в школах.

Вспоминает Валентин Бережков: *«В 6 часов утра по московскому времени мы включили приемник, ожидая, что скажет Москва. Но все наши станции передали*

сперва урок гимнастики, затем „Пионерскую зорьку“ и, наконец, последние известия, начинавшиеся, как обычно, вестями с полей и сообщениями о достижениях передовиков труда.

С тревогой думалось: неужели в Москве не знают, что уже несколько часов как началась война?..»

С передачей правительственного заявления о «внезапном» нападении Германии в Москве явно не спешили. Прежде всего, если нападение было, действительно, «внезапным», как хотел представить это миру Сталин, то для руководства Кремля следовало находиться «в шоке», а не мчаться на радио с хорошо отредактированным текстом официального «заявления правительства». Ну а, кроме того, прежде чем выступить с заявлением, необходимо было услышать, какую версию выдвигает Гитлер, узнать, какова реакция мировой общественности на «внезапное» нападение Германии, кого обвиняют в развязывании войны.

Задержку передачи заявления советского правительства обычно объясняют тем, что Сталин в эти первые часы после «внезапного» нападения «растерялся», «потерял дар речи» и из-за отсутствия связи с фронтами не мог оценить происходящее! Но факты говорят о другом. В эти первые часы войны Сталин был собран, как никогда. А что касается отсутствия связи с фронтами, то вождя в это время гораздо больше, чем положение на фронтах, интересовали как раз политические последствия «внезапного» нападения.

*ИЗ БЕСЕДЫ ФЕЛИКСА ЧУЕВА С ВЯЧЕСЛАВОМ
МОЛОТОВЫМ*

Чуев: *Пишут, что в первые дни войны он [Сталин] растерялся, дар речи потерял.*

Молотов: *Растерялся — нельзя сказать, переживал — да, но не показывал наружу. Свои трудности у Сталина были, безусловно.*

Что не переживал — нелепо. Но его изображают не таким, каким он был, — как кающегося грешника его изображают! Ну, это абсурд, конечно. Все эти дни и ночи он, как всегда, работал, некогда было ему теряться или дар речи терять.

Сталин и в это утро, как всегда, работал. Так и не добившись от Риббентропа или Шуленберга желаемого ему официального объявления войны, он принялся за подготовку своей второй Исторической Директивы.

Не «заставив Гитлера признать себя агрессором», Сталин дает ему время «проявить себя агрессором».

Основная задача «ДИРЕКТИВЫ № 2» не отразить нападение врага, а убедить весь мир в том, что Гитлер — агрессор. И поэтому ключевая фраза директивы — «наземным войскам границу не переходить».

И поэтому «ДИРЕКТИВА № 2» поступит в войска только через 6 часов после «внезапного» нападения, после 10 часов утра, а к 10 часам утра на советской территории уже будет больше чем достаточно доказательств гитлеровской агрессии.

В 8 часов 30 минут утра Тимошенко и Жуков покидают кабинет Сталина и везут «ДИРЕКТИВУ № 2», уже потерявшую своевременность и действенность, в Генеральный штаб. А в 8 часов 40-минут в кабинет

Сталина входят руководители Коминтерна Димитров и Мануильский.

Сейчас это самое главное! Необходимо поднять против Гитлера весь мир! Необходимо обеспечить Советской России поддержку коммунистов и прогрессивной общественности всего мира! Необходимо привлечь на свою сторону народы оккупированных Германией стран! И поэтому в это трудное для страны утро Сталин потратил два часа своего дорогого времени на работу с коминтерновцами. Он продиктовал им обращение к братским коммунистическим партиям и сформулировал необходимые на этот час лозунги: «Единый интернациональный фронт борьбы угнетенных народов...», «В защиту всех поработенных народов...», «В поддержку Советского Союза...»

В 11.40 Димитров и Мануильский покидают кабинет Сталина и спешно направляются на Манежную ул. в Коминтерн. А через несколько часов, одиннадцать радиопередатчиков на одиннадцати различных языках уже транслируют на весь мир сталинские лозунги. Реакция коммунистических партий не заставит себя ждать. Завтра, 23 июня 1941 г., все партийные газеты будут заполнены требованиями к правительствам нейтральных стран оказать немедленную помощь Советской России, ставшей жертвой гитлеровской агрессии.

И только теперь, в 10.40, когда все самые важные и неотложные дела были закончены, Сталин освободился для подготовки «Правительственного заявления», обращенного к советскому народу.

К этому времени Молотов, сидя все утро здесь же, в кабинете Сталина, и не участвуя в работе с

коминтерновцами, уже набросал черновик такого заявления. Решено было также, что текст заявления будет зачитан Молотовым — этот вопрос даже не вызвал особых дебатов. Тем более что меморандум Гитлера был зачитан не Гитлером, а Геббельсом, а от имени Румынии выступил не кондуктор Антонеску а его заместитель — Михай.

В текст «Заявления», подготовленный Молотовым, Сталин внес свои коррективы. Так, к выражению «неслыханное нападение», он добавил — «беспримерное в истории цивилизованных народов вероломство». Слова «германское фашистское правительство» заменил словами «германские фашистские предатели» и «кровожадная клика фашистских предателей Германии». Усилил акцент на добросовестном выполнении Советским Союзом договора о ненападении, и многократно подчеркнул агрессию, не забыв упомянуть о том, что война против Гитлера, так же как и война России в 1812 г. против Наполеона, будет Отечественной войной. Все эти вопросы Сталин затронул еще 5 мая 1941 г. в своей исторической речи на приеме в Кремле в честь выпускников военных академий. Еще тогда Сталин указывал на решающие факторы, которые определяют победу в будущей войне. Еще тогда нарисовал четкие контуры СЦЕНАРИЯ этой войны. Сегодня этот Сталинский СЦЕНАРИЙ уже стал явью и уже стоил жизни десяткам тысяч бойцов пограничных войск НКВД, уже стоил жизни женам и детям командиров, не эвакуированным из приграничных городков и попавшим под шквальный огонь врага.

Через час, в 11.40 работа над «Заявлением правительства» была закончена, и, еще до того как оно

было отпечатано на машинке, с ним ознакомились приглашенные в кабинет Маленков и Берия.

В 12.05 Молотов покидает кабинет Сталина и едет на московский Центральный телеграф. Два черных лимузина выезжают через Спасские ворота из Кремля, пересекают Красную площадь и, проехав мимо Исторического музея, выезжают на Манежную, а затем на заполненную праздничной толпой улицу Горького. Не пройдет и двадцати минут, как вся эта праздничная толпа сгрудится у черных раструбов уличных репродукторов и, потрясенная, будет слушать взволнованный, заикающийся, голос Молотова.

Молотов быстро поднимается по ступенькам, входит в помещение телеграфа. В 12.15 все передачи советского радио прерываются, и неповторимый голос Юрия Левитана объявляет: *«Го-во-ри-т Мо-с-кв-а! Работают все радиостанции Советского Союза! Передаем Заявление советского правительства!»*

Речь Молотова запомнилась участникам этой войны и их потомкам, пожалуй, только одним крылатым лозунгом: *«Наше дело правое! Враг будет разбит! Победа будет за нами!»*

Но, если внимательно вчитаться в текст этой речи, то станет понятно все, чего Сталин стремился достичь своим многомесячным БЛЕФОМ и своей Большой Игрой. Станут понятными контуры кровавого сталинского СЦЕНАРИЯ и постоянное «странное запаздывание» передачи в войска сталинских ДИРЕКТИВ. Вся речь Молотова доказывала, один-единственный, уже свершившийся факт, в котором нельзя усомниться: Германия, а не Советский Союз, развязала войну, Гитлер, а не Сталин, является агрессором.

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ ПО РАДИО ВЯЧЕСЛАВА МОЛОТОВА

22 июня 1941

Граждане и гражданки Советского Союза!

Советское правительство и его глава товарищ Сталин поручили мне сделать следующее заявление:

Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке наши города — Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие, причем убито и ранено более двухсот человек... Это неслыханное нападение на нашу страну является беспримерным в истории цивилизованных народов вероломством. Нападение на нашу страну произведено, несмотря на то, что между СССР и Германией заключен договор о ненападении и Советское правительство со всей добросовестностью выполняло все условия этого договора.

Нападение на нашу страну совершено, несмотря на то, что за все время действия этого договора германское правительство ни разу не могло предъявить ни одной претензии к СССР по выполнению договора.

Вся ответственность за это разбойничье нападение на Советский Союз целиком и полностью падает на германских фашистских правителей.

Уже после свершившегося нападения германский посол в Москве Шуленбург в 5 часов 30 минут утра сделал мне как народному комиссару иностранных дел заявление от имени своего правительства о том, что

германское правительство решило выступить с войной против СССР в связи с сосредоточением частей Красной армии у восточной германской границы. В ответ на это, мною от имени советского правительства было заявлено, что до последней минуты германское правительство не предъявляло никаких претензий к советскому правительству, что Германия совершила нападение на СССР, несмотря на миролюбивую позицию Советского Союза, и тем самым фашистская Германия является нападающей стороной...

Теперь, когда нападение на Советский Союз уже совершилось, советским правительством дан нашим войскам приказ — отбить разбойничье нападение и изгнать германские войска с территории нашей Родины...

Не первый раз нашему народу приходится иметь дело с нападающим врагом. В свое время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил Отечественной войной, и Наполеон потерпел поражение, пришел к своему краху. То же будет и с зазнавшимся Гитлером, объявившим новый поход против нашей страны. Красная армия и весь наш народ вновь поведут победоносную Отечественную войну за Родину, за честь, за свободу...

Правительство призывает вас, граждане и гражданки Советского Союза, еще теснее сплотить свои ряды вокруг нашей славной большевистской партии, вокруг нашего советского правительства, вокруг нашего великого вождя товарища Сталина.

Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами.

Враг был разбит. Была и победа. Победа! Но какой ценой?

После начала операции «Барбаросса» прошло 9 часов 15 минут . 22 июня 1941. 12 ч 35 мин. Берлин

В «Волчьем логове»

Все последние дни перед началом операции «Барбаросса» Гитлер был в прострации. Поход на Россию страшил его. Он непрерывно ходил взад и вперед по бесконечным галереям и залам Рейхсканцелярии, в сопровождении Геббельса или Геринга, и говорил, говорил, говорил...

Вспоминает один из военных адъютантов Гитлера Николаус фон Белов:

«Впоследние дни перед походом на Россию фюрер становился все более нервным и беспокойным. Очень много говорил, ходил взад-вперед и казался срочно ожидающим чего-то.

Только в ночь с 21 на 22 июня, уже после полуночи, я услышал первую его реплику насчет начинающейся кампании.

Он сказал: „Это будет самая тяжелая битва для нашего солдата в этой войне“».

Вечером 21 июня 1941 г., написав письмо Бенито Муссолини, Гитлер, чтобы как-то расслабиться, поехал кататься по городу на машине. В течение нескольких часов черный лимузин фюрера кружил по темным и пустынным в этот час улицам Берлина. Завтра вторжение!

После долгих колебаний Гитлер дал приказ огласить подготовленный им меморандум через два часа после начала вторжения — к этому времени, он надеялся, ситуация уже будет ясна.

Утром, 22 июня 1941 г., вместе со всем немецким народом, вместе со всем миром, Гитлер слушал по радио подготовленную им самим фальшивку, обвиняющую большевистскую Россию во всех возможных грехах и оправдывающий нападение, вызванное необходимостью нанесения превентивного удара.

Теперь, после оглашения меморандума и получения первых сведений о блестящем ходе блицкрига, Гитлер, успокоившись, отправляется на фронт, в подготовленную для него ставку, которой он дал вполне подходящее ей название «Вольфшанце» — «Волчье логово». Строительство этой ставки началось еще в ноябре 1940 г. Учитывая, что Русский поход по плану «Барбаросса» должен был быть окончен в течение 2—3 месяцев, «Волчье логово», которое в будущем станет настоящей крепостью, окруженной рядами колючей проволоки и минными полями, сегодня представляет собою лишь один бетонный бункер и несколько деревянных барakov. Один из этих барakov — картографический барак — войдет в историю после того, как 20 июля 1944 г. он будет взорван бомбой, подложенной полковником фон Штауффенбергом во время последнего покушения на жизнь фюрера.

Полет из Берлина в Растенбург, где в густом сосновом лесу находилась ставка, должен был занять около трех часов, но Гитлер предпочел преодолеть это расстояние поездом. Поэтому в «Волчье логово» он прибыл только поздно вечером. И первое, что ему

сообщили находившиеся там генералы, была всколыхнувшая весь мир речь Уинстона Черчилля.

После «внезапного» нападения прошло 10 часов 45 минут. 22 июня 1941. 14 ч 00 мин. Москва

По сталинскому «Сценарию»

После отъезда Молотова на Центральный телеграф Сталин впервые за последние сутки позволил себе короткую передышку, чтобы в одиночестве прослушать по радио «Заявление Советского правительства». В принципе, он был удовлетворен выступлением «Вече» и уверился в том, что заявление произведет нужное впечатление и на граждан страны, и на мировую общественность.

А в 13.05 в кабинет Сталина вошел Вышинский. Он спешил доложить вождю о своей закончившейся несколько минут назад встрече с временным поверенным в делах Великобритании в Москве Гербертом Лейси Баггаллеем. Обсудив вопросы, поднятые Баггаллеем, Сталин дал Вышинскому подробные инструкции по дальнейшим контактам с англичанами. Как известно, именно Вышинский все эти предвоенные месяцы поддерживал связь с послом Великобритании Стаффордом Криппсом, которого по политическим соображениям не принимали ни Сталин, ни Молотов. После отъезда Криппса в Лондон, Вышинский продолжал встречаться с заменившим его Баггаллеем. Сегодняшняя встреча Вышинского с представителем Великобритании была первой после «внезапного» нападения встречей с

будущими союзниками, и потому она была так важна для Сталина.

Покончив с решением первостепенных политических вопросов, Сталин, наконец, фактически, впервые за этот нелегкий день, перешел к решению вопросов военных. И прежде всего, он вызвал к себе Бориса Шапошникова. Именно с Шапошниковым, стратегические идеи которого были заложены в Сценарий начала войны, Сталин должен был обсудить и положение на фронтах, и свои дальнейшие шаги.

А положение на фронтах к этому часу уже достаточно усложнилось.

Вспоминает генерал армии Штеменко: «События развивались с молниеносной быстротой. Враг свирепо атаковал наши войска с воздуха, на стыках фронтов сосредоточил усилия мощных танковых групп.

С Северо-Западного фронта доносили о крайне тяжелом положении левофланговой 11-й армии, которой командовал генерал Морозов, и соседней с ней 8-й армии Собенникова. Последняя, оказавшись под угрозой окружения, вынуждена была отходить к Риге.

Не легче пришлось и 4-й армии Коробкова, оборонявшейся на левом фланге Западного фронта. Она также приняла на себя главный удар танковой группы противника, была смята и продолжала сопротивление, не имея сплошного фронта».

Но на юге положение было лучше. Штеменко: «На Юго-Западном фронте шел тяжелый бой в районе Перемышля, но Перемышль держался. Немецкие дивизии, сосредоточенные в Финляндии и Румынии, пока что стояли на рубежах».

Результаты доверительного разговора вождя с Шапошниковым, видимо, были удовлетворительными. И хотя ситуация несомненно была тяжелой, но ход войны, в общих чертах, совпадал с первоначальными предположениями. Пришло время осуществить вторую и решающую часть сталинского Сценария — ОТВЕТНЫЙ УДАР.

В 2 часа дня в Кремль, во второй раз за этот день, приехали Тимошенко и Жуков. Вместе с ними прибыл и Николай Ватутин. Ватутина взяли с собой не напрасно — в эти первые часы войны вся самая последняя информация о происходящем на фронтах сосредотачивалась в оперативном управлении Генштаба. Для удобства работы, все сотрудники управления уже несколько дней назад перебазировались из своих кабинетов в зал заседаний. Вдоль стен расставили рабочие столы, на стенах развесили оперативные карты. Обстановка была напряженная, но без нервозности, без суеты и уж, конечно, без паники. По каждому направлению — Западному, Северо-Западному и Юго-Западному — работала отдельная группа генштабистов. Связь с фронтами, хотя и не очень устойчивая, поддерживалась по телеграфным аппаратам Бодо, практически, непрерывно. И поэтому, именно Ватутин — начальник оперативного управления — сегодня на рассвете доложил Сталину о том, что на ряде участков германские войска перешли границу и вторглись на советскую территорию.

Теперь, в середине дня, прежде чем принимать какие-либо решения, Сталин хочет получить последнюю, возможно более точную, информацию от Ватутина о том, что происходит на фронтах. Доклад Ватутина обстоятельный и конкретный: на Севере основная

группировка германских войск вторглась двумя мощными клиньями, на глубину 15—20 километров, на Юге все утро шли тяжелые бои, но неприятелю прорваться не удалось. На первый взгляд, ситуация в общих чертах, соответствовала Сценарию и позволяла нанести задуманный мощный концентрический удар с юга в тыл вклинившейся группировке гитлеровских войск. Именно такой концентрический удар с юга был заложен и в «Соображениях по плану стратегического развертывания», представленных Сталину Генштабом 19 мая 1941 г. Недаром же на Юго-Западном фронте была сосредоточена сильнейшая наступательная группировка советских войск, включающая 26 сухопутных, 8 механизированных и 16 танковых дивизий. Правда, для осуществления такого внезапного концентрического удара нужен был соответствующий военачальник — смелый, жестокий человек, который для достижения цели не пожалеет ни себя, ни солдат. И такой человек у Сталина был. Это был Жуков.

Еще вчера вечером, почти за 9 часов до «внезапного» нападения, Сталин продиктовал Маленкову «Секретное постановление Политбюро», в котором указывалось, что общее руководство южными фронтами примет на себя начальник Генштаба Жуков. Именно Жуков, боевой генерал, герой Халкин-Гола, стерший с лица земли в 1939 г. знаменитую 6-ю японскую армию, должен был нанести смертельный удар в тыл прорвавшимся гитлеровским войскам. Рассечь эти войска, окружить их и уничтожить. Сталин отдает приказ генералу армии Георгию Жукову немедленно вылететь на юг и принимать командование Юго-Западным и Южным фронтами.

Однако положение, сложившееся на Западном фронте все же начинает вызывать опасения вождя. На этом направлении, ведущем на Смоленск и на Москву, сосредоточена основная, самая сильная, в количественном и качественном отношении, группировка германских войск — группа армий «Центр». И если в ближайшие часы их молниеносное продвижение вглубь страны не приостановить, то это может стать опасным для Москвы.

Такой ход боев не был предусмотрен Сценарием. Западный фронт, фактически, не выполнял задач, поставленных ему в «Соображениях по стратегическому развертыванию». И Сталин посылает на помощь командующему Западным фронтом Павлову своего самого опытного стратега — маршала Бориса Шапошникова и заместителя наркома обороны, маршала Григория Кулика.

Получив подробные указания Сталина, военачальники в 16.00 покидают Кремль. И уже через 40 минут Шапошников и Кулик летят в Минск, а Жуков летит в Киев, и сердобольные летчики кормят его, голодного, бутербродами и поят горячим чаем.

Теперь успех сталинского Сценария зависит от способности генерала армии Жукова осуществить концентрический удар и от способности Шапошникова приостановить, или, хотя бы, замедлить стремительное наступление гитлеровцев на Западе.

После «внезапного» нападения прошло 17 часов 45 минут. 22 июня 1941. 9 ч вечера. Лондон

Первые плоды «политической победы»

Инициированные Сталиным отклики Коммунистических партий мира на «внезапное» нападение Германии появятся в газетах только завтра. Но уже сегодня вечером Сталин получил первое доказательство успеха своего коварного Сценария. Уже сегодня Сталин получил первое свидетельство своей огромной политической победы.

Набатов на весь мир в 9 часов вечера прозвучала по радио речь Уинстона Черчилля. В этот час испытаний речь Черчилля была особенно важна, потому что Черчилль, один из выдающихся политических деятелей того времени, был широко известен своим неприятием коммунизма и своей давней ненавистью к большевикам.

А сегодня он в своей ставшей исторической речи сказал, фактически, все то, что Сталин желал и надеялся услышать. Все то, ради чего был задуман «Сценарий». Все то, ради чего Сталин БЛЕФОВАЛ последние полгода, проводя этот «Сценарий» в жизнь. Все то, ради чего сотни тысяч советских солдат и мирных граждан уже заплатили своей жизнью. А сколько миллионов еще заплатят?

Черчилль готовил свою речь весь этот первый день войны. Каждое слово в ней было обдуманно, взвешено и, вместе с тем, она, как это ни удивительно, во многом повторяла речь Молотова.

И, наверное, самым важным в этой речи было то, что Черчилль клеймил Германию как агрессора, напавшего на Россию «внезапно» и вероломно без объявления войны.

Черчилль обвинил Германию в нарушении всех подписанных ею договоров и в попрании всех международных норм. Черчилль назвал Гитлера «исчадием зла», ненасытным в своей жажде крови, обличил нацистский режим, единственная суть которого — это жадность и расовое господство. Черчилль, видимо, хорошо знал изуверскую суть нацизма! Знал о том, что нацисты уже сегодня, в июне 1941 г., еще до леденящих душу зверств, учиненных на территории Советской России, превзошли все виды низости и жестокости.

ИЗ РЕЧИ УИНСТОНА ЧЕРЧИЛЛЯ

« Четвертый поворотный момент »

Выступление по радио в связи с германским нападением на СССР

22 июня, 1941г.

Я воспользовался случаем выступить перед вами, потому что мы достигли одного из ПОВОРОТНЫХ МОМЕНТОВ ВОЙНЫ.

Один из этих напряженных поворотных моментов настал год тому назад, когда Франция пала под ударами германского молота и когда нам одним пришлось встретить бурю. Второй поворотный момент настал, когда королевский воздушный флот прогнал налетчиков-гуннов из дневного неба и тем самым отвратил нацистское вторжение на наш остров в то время, когда мы были еще плохо вооружены и плохо подготовлены. Третий поворотный момент настал, когда

президент и конгресс Соединенных Штатов приняли Закон о ленд-лизе, позволивший отдать почти два миллиарда фунтов стерлингов богатств Нового Света делу защиты наших и их свобод.

Таковы были эти три поворотных момента.

Теперь наступил четвертый. Сегодня, в 4 часа утра, Гитлер вторгся в Россию. При этом обычные для него формы коварства были соблюдены со всей скрупулезной точностью. Между обеими странами был торжественно подписан остававшийся в силе договор о ненападении.

Германия не заявила ни одной жалобы по поводу того, что этот договор о ненападении между Германией и СССР не выполняется.

Прикрываясь договором, Германия производила концентрацию огромных армий на линии, простирающейся от Балтийского до Черного моря. А в это время воздушные эскадры и бронетанковые дивизии Германии постепенно и методично занимали свои позиции.

Внезапно, без объявления войны, даже без предъявления ультиматума, на русские города посыпались германские бомбы, германские войска нарушили границу; а спустя час, германский посол, который еще накануне вечером изливался перед русскими в уверениях дружбы и говорил чуть ли не о союзе, посетил русского министра иностранных дел, чтобы заявить ему о наличии состояния войны между Германией и Россией.

Таким образом, было повторено, в еще гораздо большем масштабе, такое же преступление против всякой формы подписанного договора и международных

норм взаимодоверия, свидетелями которому мы были в Норвегии, Голландии и Бельгии, — преступление, которому сообщник Гитлера, шакал Муссолини, так добросовестно подражал по отношению к Греции. Все это не явилось неожиданностью для меня...

Гитлер — это исчадие зла, ненасытное в своей жажде крови и разбоя... Единственная суть и принцип нацистского режима — это жадность и расовое господство. В своей деловитой жестокости, свирепой агрессии он превзошел все виды человеческой низости.

На протяжении последних двадцати пяти лет никто не был таким упорным противником коммунизма, как я. Я не откажусь ни от одного слова, которое я когда-либо говорил о нем. Но все это бледнеет перед тем зрелищем, которое раскрывается перед нами теперь. Прошлое с его преступлениями, ошибками и трагедиями отступает в сторону. Я вижу русских солдат, стоящих на пороге своей родной земли, охраняющих поля, которые отцы их возделывали с незапамятных времен. Я вижу их, стоящих на страже своих домов, где молятся их матери и жены, — ибо бывают времена, когда все молятся, — о безопасности своих любимых, о возвращении своих кормильцев, своих воинов, своих защитников. Я вижу десять тысяч деревень России, где средства к существованию с таким трудом выжимались из земли, где еще существуют первобытные человеческие радости, где девушки смеются, а дети играют.

Я вижу, как на все это надвигается в чудовищном натиске нацистская военная машина, с ее щеголеватыми прусскими офицерами, которые звенят шпорами и щелкают каблуками, с ее ловкими специалистами, имеющими свежий опыт устрашения и связывания по

рукам и ногам десятки стран. Я вижу также тупые, вымуштрованные, покорные, жестокие массы гуннской солдатни, тянущейся подобно стае ползущей саранчи. Я вижу полет германских бомбардировщиков и истребителей, с их ранами, еще не зажившими от ударов британского бича: они наслаждаются жертвой, которая кажется им более доступной и менее опасной.

Позади всего этого пламени, позади всей этой бури я вижу небольшую группу злодеев, которые замышляют, организуют и обрушивают слепящие ужасы на Человечество...

А теперь я должен объявить решение правительства Его Величества. Мы твердо решили уничтожить Гитлера и все следы нацистского режима. От этой цели нас не отвратит ничто. Мы никогда не вступим в переговоры, мы никогда не станем договариваться с Гитлером или с кем-либо из его шайки.

Мы будем биться с ним на суше, мы будем биться с ним на море, мы будем биться с ним в воздухе, до тех пор, пока, с Божьей помощью, мы не избавим Землю от его тени и не избавим народы земли от его ярма. Всякий человек или государство, которые борются против нацизма, получают от нас помощь. Всякий человек или государство, которые идут с Гитлером, — наши враги...

Такова наша политика, такова наша декларация. Отсюда следует, что мы окажем России и русскому народу любую помощь, какую только сможем оказать. Мы призовем всех наших друзей и союзников во всех частях земного шара последовать по этому же пути и придерживаться его так же, как и мы, честно и неуклонно до конца.

Мы предложили правительству Советской России любую техническую и экономическую помощь, какая в наших силах и может оказаться полезной ей. Мы будем бомбить Германию днем, равно как и ночью, все с большей силой, сбрасывая на нее из месяца в месяц все большее количество бомб и заставляя немецкий народ с каждым месяцем отведывать и проглатывать все более тяжелую дозу тех бедствий, на которые немцы обрекли Человечество...

Это не классовая война, но война, в которой участвует вся Британская империя и Британское Содружество наций без различия рас, верований или партий.

Не мне говорить о действиях Соединенных Штатов, но я могу сказать, что если Гитлер воображает, что его нападение на Советскую Россию приведет хотя бы к малейшему разногласию в отношении целей или ослаблению усилий великих демократических стран, которые произнесли свой окончательный приговор над ним, то он жестоко ошибается. Наоборот, мы еще более укрепимся в нашем стремлении спасти Человечество от тирании Гитлера, мы станем сильнее, а не слабее в нашей решимости и в наших ресурсах...

...Опасность для России, является опасностью для нас и опасностью для Соединенных Штатов, точно так же как дело каждого русского, борющегося за свою землю и дом, является делом свободных людей и свободных народов во всех уголках земного шара.

Удвоим же наши усилия и, пока жизнь и силы нас не покинули, ударим по врагу объединенной мощью.

Речь Черчилля, так резко диссонирующая со всеми его предыдущими высказываниями о большевистской

России, со всей очевидностью показала миру, что Россия, став жертвой гитлеровской агрессии, приобрела в лице британского премьер-министра друга, а в лице Великобритании могущественного союзника.

После «внезапного» нападения прошло 18 часов 15 минут. 22 июня 1941. 9 ч 30 мин вечера. Москва

Директива № 3, или Директива Ответного удара

Еще не затихло в мире эхо проникновенной речи Черчилля, а телеграфные аппараты в штабах советских фронтов уже начали принимать новую директиву Кремля. Это была Третья и последняя директива из серии Трех Исторических сталинских директив — ДИРЕКТИВА ОТВЕТНОГО УДАРА.

Большая Игра, которую Сталин вел с Гитлером все последние дни, и которая, на первый взгляд, выявила тактическую победу Гитлера, как оказалось, закончилась СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОБЕДОЙ Сталина. Мировое общественное мнение, в лице одного из самых видных своих представителей — британского премьер-министра публично признала факт германской агрессии.

Вопреки всем ухищрениям Гитлера, провокация ГЛЕЙ ВИЦЕ не повторилась, нападение Германии на Россию не удалось оправдать необходимостью превентивного удара. Гитлеровская Германия была разоблачена как агрессор, а Советская Россия признана,

как и была на самом деле, жертвой агрессии! Сегодня об этом сказал Черчилль. Завтра об этом будет говорить весь мир.

Настало время нанести задуманный ОТВЕТНЫЙ УДАР по агрессору, удар, который должен стать для него смертельным. И, несмотря на кажущуюся полную катастрофу первых 17 часов войны, у Сталина, несомненно, были и силы, и средства для этого удара. Ведь именно для этой цели основные советские воинские силы — порядка 114 дивизий — были дислоцированы в таком удалении от границы.

Как известно, в двадцатикилометровой приграничной полосе, где теперь по сводкам шли бои, был дислоцирован только первый эшелон прикрытия — всего 56 дивизий. А 52 дивизии второго эшелона и 62 дивизии армии резерва располагались на расстоянии 50— 100 и даже 400 километров от границы. Эта многомиллионная армия, оснащенная новой техникой, только ждала приказа, чтобы двинуться на Запад.

Приказ поступил в войска около 10 часов вечера 22 июня 1941 г.

ДИРЕКТИВА № 3 существенно отличалась от двух предыдущих сталинских директив, и по стилю, и по содержанию. И если первые две директивы носили скорее политический, чем военный, характер, то эта директива представляла собой прямой боевой приказ, в котором были четко установленные задачи для каждого из фронтов.

ДИРЕКТИВА № 3 не была импровизированной — она во многом повторяла тщательно разработанный Генштабом план, представленный Сталину 19 мая 1941 г. Это касалось, в особенности, Юго-Западного фронта,

задачей которого, как известно, было нанести мощный концентрический удар в тыл основной группировки противника.

Но главным отличием этой директивы от двух предыдущих был вопрос о границе. И если в ДИРЕКТИВЕ № 1 слово граница вообще не упоминалась, а в ДИРЕКТИВЕ № 2 категорически запрещалось переходить границу, то в ДИРЕКТИВЕ № 3 переход границы уже разрешался. Причем, это «разрешение» было настолько важным, что вопрос о границе был выделен в особый пункт директивы и слово «граница» в нем повторено трижды.

*ИЗ ДИРЕКТИВЫ ВОЕННЫМ СОВЕТАМ
СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ЗАПАДНОГО, ЮГО-ЗАПАДНОГО И
ЮЖНОГО ФРОНТОВ*

№ 3, 22 июня 1941

На фронте от Балтийского моря до госграницы с Венгрией разрешаю переход госграницы и действия, не считаясь с границей.

ДИРЕКТИВА № 3 подписана, так же как и две предыдущие, Маленковым, Тимошенко и Жуковым. И, несмотря на то, что маршал Жуков после войны отрицал свое участие в подготовке этой директивы, видимо она все-таки готовилась в его присутствии. Как следует из записи в «Тетради лиц, принятых Сталиным», все соратники и военачальники покинули кабинет вождя в этот день в 16.00. Да и сам Сталин пошел отдыхать — ведь он уже больше суток не спал, не ел и только попил чаю.

В то же время документ такого рода не мог быть подготовлен без участия Сталина, а это означает, что

ДИРЕКТИВА № 3 должна была быть подготовлена до 16.00! Тем более что в течение последних двух часов, с 14.00 и до 16.00, в кабинете вождя находились все необходимые для этого люди — Шапошников, Тимошенко, Жуков, Ватутин, Ворошилов и Молотов. Что касается Маленкова, которого в это время в кабинете не было, то в его присутствии и не было особой необходимости — Маленков мог поставить свою подпись под директивой и позже.

Таким образом, в 16.00, когда Жуков, Шапошников и Кулик, по приказу Сталина, отправились на фронты, а Сталин пошел отдыхать, подготовка директивы была уже закончена, и Ватутин повез ее в Генштаб.

Приказ же на передачу директивы в войска был получен от Сталина только в 21 час 30 минут вечера, после выступления Черчилля.

И в штабы фронтов ДИРЕКТИВА № 3 поступила около 11 часов.

Вспоминает маршал Баграмян: *«Примерно в одиннадцатом часу вечера начальник спецсвязи Клочков сообщил мне, что передается новая оперативная директива народного комиссара обороны.*

Не дожидаясь, когда доставят документ целиком, я стал читать его отрывками по мере поступления...

Войскам нашего фронта предписывалось: «Прочно удерживая государственную границу с Венгрией концентрическими ударами в общем направлении на Люблин силами 5-й и 6-й армий, не менее пяти механизированных корпусов и всей авиацией фронта окружить и уничтожить группировку противника, наступающего на фронте Владимир-Волынский,

Крыстынополь, и к исходу 24.6 овладеть районом Люблин...»

У меня перехватило дыхание! Ведь это же задача невыполнимая!..

Но размышлять было некогда. Схватив документ, бегу к начальнику штаба фронта...»

Через несколько минут у командующего фронтом генерал-полковника Кирпоноса собрались начальник штаба генерал-лейтенант Максим Пуркаев, член военного совета комиссар Николай Вашугин и начальник оперативного отдела штаба полковник Иван Баграмян. Мнения всех присутствующих, кроме комиссара Ватутина, сходились на том, что наступать преждевременно. Причем основная проблема заключалась в дислокации войск — в эти часы все войска второго эшелона прикрытия находились все еще в удалении от границы.

Для участия в контрударе пехоте нужно было пройти около 150— 200 километров, и это должно было занять минимум 5—6 суток! А механизированные корпуса могли сосредоточиться и перейти в наступление не раньше чем через 3—4 суток! Следовало также принять во внимание, что все войска при выдвигении их к границе будут подвергаться ударам германской бомбардировочной авиации, и это еще больше усложнит перегруппировку и ввод войск в сражение.

Маршал Баграмян в воспоминаниях приводит тогдашние слова генерал-лейтенанта Пуркаева: *«Получается, что подойти одновременно к месту начавшегося сражения наши главные силы не могут. Корпуса будут, видимо, ввязываться в сражение по*

частям, так как им с ходу придется встречаться с рвущимися на Восток немецкими войсками.

Произойдет встречное сражение, причем при самых неблагоприятных для нас условиях. Чем это нам грозит, трудно сейчас полностью представить, но положение наше будет, безусловно, тяжелым».

Пуркаев предлагал доложить обстановку в Москву и просить наркома обороны изменить боевую задачу: *«Мы сейчас можем только упорными боями сдерживать продвижение противника, а тем временем организовывать силами стрелковых и механизированных корпусов, составляющих наш второй эшелон, прочную оборону в глубине действий фронта. Остановив противника на этом рубеже, мы получим время на подготовку общего контрнаступления. Войска прикрытия после отхода за линию укрепленных районов мы используем после как резерв. Именно такое, единственно разумное, решение я вижу в создавшейся обстановке».*

Вряд ли предложение генерал-лейтенанта Пуркаева было доведено до Москвы, потому что как раз в это время в кабинет командующего вошел прибывший на Юго-Западный фронт генерал армии Георгий Жуков.

После «внезапного» нападения прошло чуть больше суток. 23 июня 1941. 8 ч утра. Москва

«Вставай, страна огромная!»

Наступило трагическое для страны утро 23 июня 1941 г. Казалось, что весь мир захлестнула война.

В этот день все иностранные газеты поместили репортажи о неправдоподобных успехах германской армии, о территориях, захваченных немцами в первый же день вторжения, об уничтожении советской авиации, о десятках тысяч убитых и попавших в плен советских бойцов. Все газеты поместили «научные» оценки известных английских и американских военных экспертов, считавших, что война в России продлится всего несколько недель или, самое большое, несколько месяцев. Все газеты поместили сообщения об *«ужасе, охватившем большевистскую Россию, и о шоке, в котором пребывал Сталин, поверивший Адольфу Гитлеру и просмотревший подготовку Германии к внезапному нападению»*.

Советские газеты, конечно, ничего подобного не сообщали. Положению на фронтах была посвящена лишь одна короткая заметка — «Сводка Главного командования Красной армии за 22 июня 1941 г.».

Эта сводка занимала скромное место в правом нижнем углу газетного листа и не давала никакого представления о происходящем. В то же время, все советские газеты, и центральные, и местные, на первых своих страницах поместили огромный портрет Сталина и рядом с ним полный текст, произнесенной вчера по радио, речи Молотова. Все остальные страницы газет были заполнены статьями и письмами трудящихся. Статьи носили призывные заголовки: «Раздавим фашистскую гадину!», «Проучить поработителей!», «Каждый мускул — на сокрушение врага!»

А письма трудящихся — рабочих и колхозников, домохозяек и заслуженных деятелей науки, артистов и врачей — были наполнены неподдельным гневом. Все

они выражали возмущение внезапным и вероломным нападением Германии и призывали к сплочению вокруг Коммунистической партии и любимого вождя товарища Сталина и заканчивались одинаково: «Да здравствует великий вождь всего трудового человечества товарищ Сталин!», «Да здравствует наш любимый друг, отец и учитель — великий Сталин!»

Матери, обращаясь к своим сыновьям с газетных страниц, призывали их смело идти в бой за Родину и бить фашистов, как бешеных псов.

И не было никаких сомнений — огромная страна поднималась на Отечественную войну. Напрасно Гитлер надеялся на то, что после нападения Германии в России произойдет «политический переворот». Напрасно надеялся, что после того как он «ударит ногой в дверь, вся прогнившая структура с треском развалится».

Гитлер явно недооценил Сталина. Он не был готов к тому, что Сталин противопоставит германской агрессии Отечественную войну. Но именно о такой, Отечественной войне, Сталин говорил еще 5 мая 1941 года, в тот памятный вечер, когда он приоткрыл для присутствующих на торжественном приеме в Кремле первые контуры своего «Сценария».

Еще тогда, за два месяца до «внезапного» нападения, Сталин в своей исторической речи напрямую сказал о необходимости политической подготовки к войне, о необходимости «политической победы».

В преддверии войны Сталин, БЛЕФУЯ, многие месяцы ковал свою будущую политическую победу — как внешнюю, так и внутреннюю. Он делал все возможное для завоевания сочувствия и поддержки народов мира и,

одновременно, готовил советский народ к Отечественной войне.

Все военные теоретики прошлого подчеркивали особую важность морального состояния народа во время войны и считали, что *«моральные возможности народа являются настолько же важными для победы, как и обладание материальными средствами борьбы»*.

И не случайно перед самой войной в Историческом музее в Москве открылась выставка, посвященная Отечественной войне 1812 г., прославлявшая победу русского народа над Наполеоном. И не случайно на экраны кинотеатров в то же время вышел потрясающий по своей силе фильм Эйзенштейна «Александр Невский». Весь советский народ должен был своими глазами увидеть-, как напавшие на русскую землю непобедимые, закованные в броню, немецкие псы-рыцари гибнут под расколовшимся под ними льдом Чудского озера. Весь советский народ должен был запомнить слова русского князя Александра Невского, озвученные Николаем Черкасовым: *«Кто с мечом к нам придет от меча и погибнет; на том стоит и стоять будет земля Русская!»*

Весь советский народ должен был запомнить и слова, сказанные Сталиным: *«Непобедимых армий нет!»*

И не случайно во вчерашней речи Молотова вновь появилось напоминание о Наполеоне и об Отечественной войне: *«Не в первый раз нашему народу приходится иметь дело с нападающим зарвавшимся врагом. В свое время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил Отечественной войной, и Наполеон потерпел поражение, пришел к своему краху»*.

Сразу же, после выступления Молотова по радио, начались многотысячные митинги трудящихся.

Удивительно, но эти митинги начались все в одно и то же время по всей необъятной стране — на всех заводах и предприятиях, в научных и учебных институтах, в колхозах, на железнодорожных станциях и просто во дворах жилых домов.

Так, в тысяче километров от Москвы, в Одессе, митинги прошли одновременно на Судоремонтном заводе имени Марти, на заводе имени Октябрьского восстания, на Станкостроительном заводе имени Ленина, на Джутовой фабрике имени Хворостина, на железнодорожной станции Одесса-Сортировочная, в управлении Черноморского пароходства, в Институте инженеров морского флота... Эта, невиданная доселе в истории пропагандистская кампания, начавшаяся в разных уголках страны синхронно, несмотря на воскресный нерабочий день, несомненно, была подготовлена заранее.

Сталин начал готовить свою пропагандистскую машину к войне с конца 1940 г., когда стало уже абсолютно ясно, что Гитлер отказался от вторжения на английские острова, и будущей жертвой Бесноватого будет Россия. В эти дни он произвел два исключительно важных назначения. Начальником Главного управления пропаганды и агитации ЦК партии стал один из главных идеологов страны, доктор философских наук, академик Георгий Александров. А начальником Главного управления политической пропаганды Красной армии — армейский комиссар 1 -го ранга, секретный сотрудник НКВД Александр Запорожец. Оба этих партийных функционера, под неусыпным оком вождя и под контролем секретарей ЦК — Жданова и Щербакова возглавили всю пропагандистскую работу. Эта работа особенно усилилась после 5 мая 1941 г. — речь Сталина

на приеме в Кремле легла в основу целого ряда директив, подготовленных Александровым и Запорожцем. А в начале июня 1941 г. сам Щербаков выпустил директиву — «О текущих задачах пропаганды».

Все эти программные документы были использованы для подготовки многих тысяч штатных пропагандистов. И когда пришло время действовать, эти пропагандисты при поддержке местных партийных функционеров организовали «спонтанные митинги трудящихся».

Одновременно по всей стране зазвучали слова, ставшие уже привычными за несколько часов войны: «Разбойничье нападение!», «Взбесившиеся гитлеровские псы!», «Отечественная война!»

И одновременно по всей стране зазвучали лозунги: «Сплотимся вокруг нашего любимого вождя — товарища Сталина!», «Все для фронта! Все для Победы!», «Считайте нас мобилизованными!»

Указ Президиума Верховного Совета СССР об объявлении мобилизации войдет в силу только с сегодняшнего дня, 23 июня 1941 г. Но еще вчера, по окончании митингов, в городах и селах у военкоматов выстроились длинные очереди добровольцев, многие из которых ни по возрасту, ни по состоянию здоровья не подлежали призыву в армию. На стенах домов и на афишных тумбах появился плакат «Родина-Мать зовет!», ставший символом Отечественной войны, как-то совсем неожиданно зазвучала неизвестно когда написанная Александровым и Лебедевым-Кумачем песня, каждое слово которой так соответствовало происходящему, каждое слово которой поднимало советский народ на Отечественную войну:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!
Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна,
Идет война народная,
Священная война!

После «внезапного» нападения прошло чуть больше суток. 23 июня 1941. 9 ч утра. Юго-Западный фронт

Катастрофа

Решение о нанесении контрудара по германским войскам группы армий «Юг» было принято в штабе Юго-Западного фронта еще вчера, около полуночи. Фактически, все руководство фронта — Кирпонос, Пуркаев и Баграмян — считали этот контрудар преждевременным и опасным. Но с генералом армии Жуковым, прибывшим на Юго-Западный по личному приказу Сталина, вряд ли можно было спорить. Тем более что Жуков действовал в соответствии с уже полученной ДИРЕКТИВОЙ № 3.

Мнение Жукова поддержал прибывший вместе с ним член военного совета фронта первый секретарь ЦК КП(б) Украины Никита Хрущев, а также комиссар Николай

Вашугин, у которого после провала контрудара все-таки хватило совести пустить себе пулю в висок

В тот трагический вечер 23 июня 1941 г., как видно, и для Жукова, и для Хрущева, и для Вашугина, как и для всех присутствовавших в кабинете командующего Кирпоноса, самым важным было немедленно приступить к выполнению приказа Сталина. Отношение к вождю и его приказам в те дни лучше всех выразил будущий «разоблачитель культа личности» Хрущев: *«Все народы Советского Союза видят в Сталине своего друга, отца и вождя. Сталин — друг народа в своей простоте. Сталин — отец народа в своей любви к народу. Сталин — вождь народов в своей мудрости руководителя борьбой народов».*

Жуков, облеченный полномочиями Сталина, приказал командующему фронту немедленно приступить к выполнению ДИРЕКТИВЫ № 3. Вспоминает Жуков: *«...Я предложил Кирпоносу немедленно дать предварительный приказ о сосредоточении механизированных корпусов для нанесения контрудара по главной группировке армий „Юг“, прорвавшейся в районе Сокаля...»*

ДИРЕКТИВА № 3 предписывала для нанесения контрудара на Юго-Западном направлении использовать силы 5-й и 6-й армий и не менее пяти механизированных корпусов, из восьми имеющихся в распоряжении фронта. Задача, следовательно, состояла в том, чтобы в возможно короткий срок, сосредоточить эти силы и ввести их в сражение одновременно. Но именно эта задача, по свидетельству Баграмяна, была в сложившейся ситуации невыполнима. Большая часть мехкорпусов уже была втянута в бои с наступающим противником и не могла быть использована для

контрудара. Другие изначально были дислоцированы далеко от границы: 9-й — у Новоград-Волынска, 19-й — в районе Житомира, а 24-й — в районе Проскурова. Для выдвижения на рубежи контрудара эти корпуса должны были совершить марш от 200 до 400 км. Так что, реально, речь могла идти только о 8-м мехкорпусе под командованием генерал-лейтенанта Дмитрия Рябышева, тем более что этот корпус был оснащен значительным количеством танков новой конструкции. Авангард мехкорпуса Рябышева вышел в заданный район сосредоточения под Бродами 23 июня 1941 г., на рассвете. А в 9 часов утра на командный пункт Рябышева прибыл Жуков.

«Лишь бы не опоздать с контрударом!»

Командный пункт Рябышева был наскоро оборудован в палатке среди густого соснового леса. Поэтому, как выглядел генерал, по лицу его и по одежде, видно было, что 8-й мехкорпус за эти первые сутки войны уже успел совершить нелегкий путь.

По воспоминаниям Жукова, в то утро под Бродами он был уверен, что головная дивизия корпуса, во главе с генерал-лейтенантом Рябышевым, прошла из пункта своего расквартирования в Дрогобыче до Брод, порядка, 150 километров. Но Жуков ошибался. В действительности, путь, который прошла дивизия, составлял уже около 500 километров. Дело было в том, что еще 22 июня 1941 г., после «внезапного» нападения, Кирпонос, не имея конкретных указаний Москвы, по собственной инициативе, начал выдвигать механизированные корпуса на Запад — к границе. Как свидетельствует заместитель командира корпуса по политчасти бригадный комиссар Николай Попель, первый

приказ о выдвигении привезли из штаба армии 22 июня 1941 г. в 10 часов утра. Приказ предписывал корпусу двигаться на Запад и сосредоточиться к исходу дня в лесу под Самбором, в 80 километрах от Дрогобыча. Пройдя форсированным маршем до Самбора и не успев еще заглушить моторы танков, уставшие бойцы, вынуждены были снова двинуться в путь по новому приказу — на северо-восток. В течение ночи, на марше, корпус Рябышева получил еще несколько приказов, и еще несколько раз менял направление движения. Так что, когда в 9 часов утра в лесу под Бродами Жуков встретился с Рябышевым, 8-й мехкорпус уже успел пройти не одну сотню километров.

Вспоминает Жуков: «По внешнему виду комкора и командиров штаба нетрудно было догадаться, что они совершили нелегкий путь. Они очень быстро прошли из района Дрогобыча в район Броды, настроение у всех было приподнятое.

Глядя на Рябышева и командиров штаба, я вспомнил славную 11-ю танковую бригаду и ее командира, отважного комбрига Яковлева, вспомнил, как отважно громили противника бойцы этой бригады у горы Баин-Цаган на Халхин-Голе. «Да, эти люди будут и теперь драться не хуже, — подумал я».

Вот о чем думал в этот час генерал армии Жуков — о Халхин-Голе, о танковой бригаде отважного комбрига Михаила Яковлева, которая тогда, в августе 1939 г., пройдя около 70 километров по открытой степи, в одиночку сходу вступила в бой с врагом. Жуков, по его собственному признанию, знал тогда, что без поддержки пехоты бригада понесет тяжелые потери и сознательно «шел на это». Танки Яковлева горели как факелы. Более

половины машин потеряла бригада и более половины личного состава. Там же, на Халхин-Голе, пал смертью храбрых Яковлев.

Но гибель людей никогда не смущала Жукова.

Не смущает его она и сейчас. Генерал-лейтенант Рябышев показал Жукову на карте, где и как расположены его дивизии, доложил, в каком состоянии находится материальная часть, в каком настроении люди.

По воспоминаниям Жукова, Рябышев сказал ему: *«Корпусу требуются сутки для полного сосредоточения, приведения в порядок материальной части и пополнения запасов... За эти же сутки будет произведена боевая разведка и организовано управление корпусом. Следовательно, корпус может вступить в бой всеми силами утром 24 июня...»*

Но Юго-Западный фронт 1941 г. — это не Халхин-Гол 1939 г.

И танковая группа генерал-фельдмаршала Пауля Людвиг фон Клейста — это не 6-я японская армия. Жуков знает, что сил и средств одного 8-го мехкорпуса недостаточно для мощного контрудара по танковым армадам гитлеровцев, и все-таки решает провести его.

Жуков: *«...Конечно, лучше было бы нанести контрудар совместно с 9-м, 19-м и 22-м механизированными корпусами, но они, к сожалению, выходят в исходные районы с опозданием. Ждать полного сосредоточения корпусов нам не позволит обстановка».*

Решение принято — не дожидаясь полного сосредоточения механизированных корпусов, начать

контрудар, вводя танковые дивизии в бой по мере подхода, по частям.

«Навстречу войне»

Но если Жуков, опасаясь «опоздать с контрударом», действительно надеялся, что 8-й мехкорпус сможет вступить в бой утром 24 июня, то он просто не сумел оценить всю сложность процесса сосредоточения войск в обстановке, сложившейся после «внезапного» нападения.

Корпус генерал-лейтенанта Рябышева включал две танковые дивизии, моторизованную дивизию и мотоциклетный полк. Всего 932 танка, около 350 бронемашин, порядка 5000 автомашин, 1500 мотоциклов, 150 орудий и около 32 000 человек личного состава. Вся эта громоздкая бронетанковая машина, танк за танком, машина за машиной, шла на Запад, оставляя позади себя запах гари и облака пыли.

А навстречу ей, на Восток, шла война.

Вспоминает бригадный комиссар Николай Попель: *«Навстречу танкам из Перемышля непрерывной вереницей шли грузовики. В кузовах на чемоданах, на кое-как собранных и связанных узлах, сидели женщины и дети. Испуганные, растерянные, неожиданно лишившиеся крова, многие ставшие уже вдовами или сиротами.*

Редкая машина без раненых. Через неумело, на ходу сделанные повязки бурыми пятнами проступала кровь. Одни — в беспомощности, другие — в слезах, третьи — молчат, окаменев в несчастье.

Рев танков не мог заглушить нараставшего гула артиллерийской канонады. Мы двигались навстречу

войне, и все явственней становились ее зловещие приметы. Начиналась зона действительного огня дальнотойных батарей противника...»

Скорость, с которой двигался мехкорпус, была гораздо меньше плановой и с каждым часом она все уменьшалась. Днем многокилометровая колонна бронетанковой техники подвергалась бомбежке и пулеметному обстрелу истребителей люфтваффе. Ночью колонна вынуждена была двигаться с выключенными фарами в кромешной тьме. Неотдыхавшие уже вторые сутки водители засыпали за рулем. Танки съезжали в кюветы, сталкивались друг с другом.

При получении каждого нового приказа, требующего изменения маршрута, приходилось разворачивать всю колонну.

Главные силы 8-го мехкорпуса сосредоточились в районе Бродов не к 23 июня, как предполагалось, а только к полуночи 24 июня, и контрудар пришлось перенести на 25 июня 1941 г.

Вспоминает Рябышев: *«К 24 часам главные силы корпуса... в основном сосредоточились в районе Яворова. Боевая задача, поставленная им: к исходу 24.06 сосредоточиться — 34-й т. д. в районе Радзивилова, 12-й т. д. — в районе Бродов, с утра 25.06 быть готовыми к наступлению на Броды — Берестечко...»*

Однако и 25 июня 1941 г. контрудар не состоялся. Теперь он был перенесен на 26 июня 1941 г.

Вспоминает Попель: *«Теперь никто не сомневался: отсюда, из густого, по-летнему душистого соснового бора под Бродами, у нас нет пути иного, кроме как на врага... Данных о том, что гитлеровцы ждут нашего контрудара,*

нет. Возможно, потому что вообще сведениями о силах и намерениях фашистского командования мы не богаты, а быть может, самоуверенный враг, уже подходивший к Дубно, просто не допускал, чтобы русские отважились на такое безрассудство».

Но русские отважились!

На Западном фронте

Так было на Юге, а на Западном направлении, ведущем через Минск и Смоленск на Москву, положение было еще более катастрофичным.

Ведь именно Москва — столица большевистской России — была главной целью Гитлера. Как отмечалось в гитлеровской «Директиве № 21», захват Москвы будет свидетельствовать о «решающем политическом и экономическом успехе» всей кампании и «неминуемо приведет к прекращению сопротивления русских». Впрочем, той же самой тактики придерживался Гитлер и в отношении других столиц захваченных им государств Европы — Праги, Варшавы, Парижа. Следствием этой, оправдавшей себя тактики, явилось сосредоточение на Западном направлении мощнейшей группы армий «Центр», под командованием участника Польской и Французской кампаний генерал-фельдмаршала Федора фон Бока, и назначении выдающегося теоретика танковой войны генерал-полковника Хайнца Гудериана командиром одной из действующих здесь танковых групп.

По тщательно разработанному германскими генштабистами плану танковые и моторизованные соединения группы «Центр» при поддержке бомбардировочной авиации должны были стремительно выйти в район Минска и окружить войска Западного

фронта. А затем, не занимаясь отдельными оставшимися в тылу группировками советских войск, с ходу форсировать Западную Двину и Днепр и продолжать наступление на Смоленск и, далее, на большевистскую столицу.

Войскам группы «Центр» должны были противостоять 3, 4 и 10-я армии Западного фронта. Но в тот предрассветный час, 22 июня 1941 г., первые эшелоны этих армий находились в местах постоянного расквартирования или же «на маневрах», без боевых патронов и снарядов. Границу же прикрывали лишь пограничные отряды, артиллерийско-пулеметные батальоны, занимавшие некоторые узлы укрепрайонов, и инженерные части, выполнявшие в этом районе строительные работы. Получив первую сталинскую директиву с предупреждением о возможном «внезапном» нападении Германии, командующий фронтом Павлов в третьем часу утра отдал приказ частям первого эшелона прикрытия занять долговременные огневые точки. Но время было уже упущено!

Части первого эшелона начали выдвигаться к границе только с 6 часов утра. И, вступая в бой по частям, точно так же как это происходило на Юго-Западном фронте, были не в состоянии остановить продвижение танковых клиньев гитлеровцев. Положение еще больше усложнилось полным отсутствием зенитной артиллерии, находившейся в 400 км от границы, и гибелью сотен самолетов, уничтоженных люфтваффе в первые часы войны. Страшную картину положения советских войск на Западном фронте рисует начальник штаба 4-й армии полковник Леонид Сандалов: *«Только в 6 часов [утра] командование армии получило из округа приказание: «Ввиду обозначившихся со стороны немцев*

массовых военных действия приказываю: поднять войска и действовать по боевому. Павлов, Фоминых, Климовских».

Но войска армии уже с 4 часов вели тяжелые бои».

Командование 4-й армии, правда, пыталось ввести в действие армейский ПЛАН ПРИКРЫТИЯ РП-4, но после начала боев этот план уже не соответствовал обстановке.

Полковник Сандалов: *«Командование армии никаких самостоятельных решений, кроме приведения войск в боевую готовность, в первые часы войны не приняло. А убедившись, что война началась, оно пыталось провести в жизнь решения, принятые до войны по плану РП-4, которые никак не соответствовали складывавшейся обстановке.*

Сбор войск в районах, предусмотренных планом прикрытия, для последующего выдвижения их в назначенные полосы обороны в создавшейся обстановке стал невозможен. Попытки войск выйти в свои районы сбора из-за больших переходов, во время которых они несли большие потери, был неудачным, и поэтому организовать оборону и оказать сопротивление на линии создаваемого укрепленного района оказалось невозможным».

Как свидетельствует Сандалов, дислокация войск Западного военного округа, точно так же как и дислокация войск Юго-Западного, не позволяла осуществить оперативное сосредоточение войск после «внезапного» нападения — в разгар войны.

Свидетельство Сандалова однозначно подтверждается текстом плана прикрытия Западного

округа, утвержденного наркомом обороны Тимошенко и подписанного командующим Павловым. Этот подробно составленный план занимает 19 страниц и включает еще 27 различных приложений, карт, схем и таблиц. В соответствии с планом, сосредоточение 24-й и 100-й стрелковых дивизий округа производится поэшелонно, вначале автотранспортом, а затем еще и по железной дороге. В назначенные районы сосредоточения дивизии должны прибыть на третий день мобилизации!

Для перевозки людей и лошадей в распоряжение командиров дивизий выделяются автотранспортные полки: 24-й дивизии — 865 автомашин разных марок, а 100-й дивизии — 1409 автомашин! Аналогично проходит и сосредоточение остальных дивизий округа.

Такую страшную картину трудно даже себе представить! Десятки тысяч автомашин, переполненных людьми и лошадьми, под бомбами люфтваффе движутся в назначенные им районы сосредоточения, может быть, уже захваченные врагом!

Сталинская ДИРЕКТИВА № 2 попала в штаб 4-й армии к генерал-майору Александру Коробкову только в 6 часов вечера, через 14 часов после «внезапного» нападения. Только в 6 часов вечера на командный пункт Коробкова в Запруды прибыл помощник командующего фронтом генерал-майор Иван Хабаров и привез приказ Павлова за подписью начальника штаба Климовских.

ИЗ ПРИКАЗА КОМАНДУЮЩЕГО ЗАПАДНЫМ ФРОНТОМ

Командующему 4-й армией

Командующий ЗапОВО приказал: «Прорвавшиеся и прорывающиеся банды решительно уничтожить, для чего

в первую очередь используйте корпус Оборина... В отношении действий руководствуйтесь „красным пакетом“...»

К приказу была приложена выписка из ДИРЕКТИВЫ № 2: *«Войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу.*

Впредь до особого распоряжения наземными войсками границу не переходить».

В 6 часов вечера войскам генерал-майора Коробкова Москва все еще приказывала «наземную границу не переходить». А в это время германские танковые дивизии уже вторглись на советскую территорию на глубину 25—30 километров! Темпы наступления германской армии были настолько стремительны, что они удивили даже гитлеровское командование.

ИЗ «ВОЕННОГО ДНЕВНИКА» ФРАНПА ГАЛЬДЕРА

23 июня 1941 г., 2-й день войны.

Утреннее донесение за 23.06 и полученные в течение ночи итоговые оперативные сводки за 22.06 дают основание сделать вывод о том, что следует ожидать попытки общего отхода противника.

Командование группы армий «Север» считает даже, что такое решение было принято противником еще за четыре дня до нашего наступления.

В пользу вывода о том, что значительная часть сил противника находится гораздо глубже в тылу, чем мы считали, и теперь частично отводится еще дальше, говорят следующие факты: наши войска за первый день

наступления продвинулись с боями на глубину до 20км, далее — отсутствие большого количества пленных, крайне незначительное количество артиллерии, действовавшей на стороне противника, и обнаруженное движение моторизованных корпусов противника отфронта в тыл, в направлении Минска...

А еще через четыре дня, 26 июня 1941 г., 2-я танковая группа Гудериана и 3-я танковая группа Гота уже были в 20 километрах от Минска, завершая охват столицы Белоруссии в стальные клещи и угрожая Смоленску и Москве. Сложившаяся ситуация заставила Сталина еще 25 июня 1941 г., еще до того, как замкнулись клещи, приказать Павлову осуществить «форсированный отход 3-й и 10-й армий». А 26 июня 1941 г. Сталин направил на Западный фронт Ворошилова.

О причинах произошедшей катастрофы Ворошилову доложили генерал Павлов и маршал Шапошников, который, как известно, еще со второй половины дня 22 июня 1941 г. находился при штабе Павлова.

ИЗ ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЕЙ АДЪЮТАНТА ВОРОШИЛОВА

ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА ЩЕРБАКОВА

*В ночь с 27 на 28 июня 1941. Специальный поезд
маршала Ворошилова*

Станция Полынские хутора

*Ворошилов: Скажите, как могло случиться, что за
неделю войны отдана врагу большая часть Белоруссии, а
войска поставлены на грань катастрофы ?*

Шапошников: *Наши неудачи можно объяснить рядом причин...*

Но решающая, непосредственная причина: войска округа не были своевременно предупреждены о готовящемся нападении немцев, а следовательно, не были приведены в боевую готовность, что и предопределило в дальнейшем неблагоприятный для нас ход событий.

Павлов: *Наша плотность на границе была такова, что ее можно было проткнуть в любом месте. Что касается директивы наркома обороны о приведении войск в боевую готовность, полученную штабом округа за несколько часов до нападения немцев, то она никакого практического значения уже не имела.*

Войска в приграничной полосе были застигнуты врасплох, и большинство дивизий получили приказ о выдвижении на границу, когда вторжение немцев уже началось...

Шапошников: *Как показал характер действий противника утром и в течение всего дня 22 июня, немцы, видимо, неплохо были осведомлены о дислокации наших войск и местах важнейших объектов, о чем свидетельствуют первые удары бомбардировщиков по крупным штабам, аэродромам и расположению стрелковых дивизий и мехчастей...*

Если оставить на совести Шапошникова его, по меньшей мере странную критику «неприведения войск в боевую готовность», причины которой ему — главному стратегическому советнику Сталина — были, несомненно, хорошо известны, как и причины того, что «немцы были неплохо осведомлены о дислокации наших войск» — в общем, нарисованная им картина соответствовала

действительности и была в действительности катастрофичной.

И лучше всех, наверное, это понимал Сталин.

«Козлы отпущения»

Генерал армии Павлов, наверное, слишком много сказал Ворошилову. Он, по сути, с поразительной точностью, назвал четыре основные причины катастрофы: плотность войск на границе была такой, что ее можно было проткнуть в любом месте; директива о приведении войск в боевую готовность была получена всего за несколько часов до нападения; войска получили приказ о выдвижении, когда вторжение уже началось и, наконец, немцы были хорошо осведомлены о дислокации советских войск и о местах расположения важнейших военных объектов.

Все перечисленные Павловым причины катастрофы, независимые от действий командования фронтом, были результатом приказов Москвы. Павлов действительно сказал слишком много и этим он подписал себе смертный приговор. Тем более что Сталину нужно было свалить с себя вину за происшедшую катастрофу, а фигура генерала Павлова идеально подходила на роль «козла отпущения».

Генерал армии Дмитрий Павлов, Герой Советского Союза, награжденный тремя орденами Ленина за проявленный героизм в боях, уже через неделю после разговора с Ворошиловым, 4 июля 1941 г. был арестован и предан суду военного трибунала за трусость, развал управления войсками и самовольное оставление боевых позиций.

22 июля 1941 г. трибунал приговорил Павлова к расстрелу, и в ту же ночь он был расстрелян. Вместе с командующим были расстреляны: начальник штаба генерал-майор Климовских, начальник связи генерал-майор Григорьев и командующий 4-й армией генерал-майор Коробков. И это были не последние жертвы — с первых дней войны по 10 октября 1941 г. по приговорам военных трибуналов было расстреляно 10 201 военнослужащий, из них 3321 человек — перед строем.

Сталин отзывает Жукова

В тот самый трагический день, 26 июня 1941 г., когда Гудериан и Гот уже были в 20 километрах от Минска, Сталин, как видно осознал размеры произошедшей катастрофы. Дав приказ об отводе войск Западного фронта, он взялся за организацию обороны Москвы.

И, прежде всего, вождь отзывает с Юго-Западного фронта Жукова.

Пребывание героя Халхин-Гола там все равно уже бесполезно — ответный удар, в том варианте как он был задуман и запланирован, уже все равно не мог быть осуществлен.

По воспоминаниям Жукова *«... 26 июня на командный пункт Юго-Западного фронта в Тернополь мне позвонил Сталин и сказал: „На Западном фронте сложилась тяжелая обстановка. Противник подошел к Минску. Непонятно, что происходит с Павловым. Маршал Кулик неизвестно где. Маршал Шапошников заболел. Можете вы немедленно вылететь в Москву?“*

— *Сейчас переговорю с товарищем Пуркаевым о дальнейших действиях и выведу на аэродром».*

Итак, пробыв на Юго-Западном фронте трое суток и не сумев организовать ОТВЕТНЫЙ УДАР, Жуков вылетел в Москву. И, как свидетельствует беспристрастная запись в «Тетради записи лиц, принятых Сталиным», в 15 часов 00 минут он уже был в Кремле.

А на Юго-Западном фронте начался безнадежно запоздавший и заведомо обреченный на провал ответный удар.

Встречное танковое сражение

26 июня 1941 г., ровно в 9 часов утра механизированный корпус генерал-лейтенанта Рябышева вступил в бой с прорвавшейся северо-восточнее Львова танковой группой фон Клейста.

Этот день может быть назван днем начала ОТВЕТНОГО УДАРА только условно. Вместо задуманного мощного концентрического удара, в треугольнике Луцк—Дубно—Броды разыгралось встречное танковое сражение. В этом танковом сражении, одном из крупнейших за всю историю войн, одновременно, с двух сторон, участвовало более 4000 самых современных танков. По левому флангу танковой группы Клейста, со стороны Луцка и Ровно на Дубно, наносили удары 9-й мехкорпус под командованием генерал-майора Константина Рокоссовского, 19-й под командованием генерал-майора Николая Фекленко и 22-й под командованием генерал-майора Семена Кондрусева. А по правому флангу со стороны Львова — 4-й мехкорпус генерал-майора Андрея Власова и 8-й генерал-лейтенанта Рябышева. По первоначальному плану, корпус Рябышева должен был поддерживать 15-й

мехкорпус генерал-майора Игната Карпезо. Но 15-й уже третий день был в боях и понес большие потери. В помощь Рябышеву Карпезо мог выставить только одну 10-ю танковую дивизию, да и ту не в полном составе. В контрударе должны были также принять участие стрелковые дивизии 5-й и 6-й армий фронта и фронтовая авиация, но прикрытие с воздуха было слабым, и это существенно усложнило положение.

Вспоминает генерал-лейтенант Рябышев: *«... особенно ощутимыми были удары внезапно появившейся вражеской авиации. Большими группами, по 50—60 самолетов, противник почти беспрепятственно бомбил боевые порядки соединения. Наших самолетов в воздухе не было».*

И все же, совершенно неожиданный контрудар советских войск удивил германское командование. Главным «сюрпризом» для гитлеровцев оказались новые советские танки, секрет существования которых все предвоенные месяцы тщательно скрывался. Это были танки совершенно новой конструкции — гигантские семиметровые КВ-1 и КВ-2, каждый из которых весил около 50 тонн и был вооружен пушкой и тремя пулеметами, а также легкие — 26-тонные танки Т-34, с почти непробиваемой наклонной броней и невероятной, по тем временам, огромной скоростью в 55 километров в час. Германские противотанковые орудия оказывались бессильными против этих чудовищ, бронебойные снаряды не пробивали броню, а просто отскакивали от нее. Несмотря на шквальный встречный огонь, советские танки, казалось, были неуязвимы, и продолжали двигаться на немцев, вселяя в них настоящий ужас.

Вспоминает Попель: *«НашиКВпотрясали воображение гитлеровцев. Не только тех, кто с ними встречался на поле боя, но и тех, кто судил о войне по сводкам и донесениям».*

Гитлеровские войска, совершенно неожиданно для них, оказались втянутыми в затяжные бои, и движение группы армий «Юг» затормозилось. Утром, 26 июня 1941 г., в донесении штаба армий «Юг», появились первые упоминания о задержке наступления фон Клейста.

ИЗ «ВОЕННОГО ДНЕВНИКА» ФРАНЦА ГАЛЬДЕРА

26 июня 1941 г., 5-й день войны. Группа армий «Юг» медленно продвигается вперед, к сожалению, неся значительные потери. У противника, действующего против группы армий «Юг», отмечается твердое и энергичное руководство. Противник все время подтягивает из глубины новые свежие силы против нашего танкового клина...

В тот же день, вечером, Гальдер пишет: *«На фронте группы армий „Юг“ противник, как ожидалось, значительными силами танков перешел в наступление на южный фланг 1-й танковой группы. Отмечено продвижение на отдельных участках».*

Тяжелые бои продолжались и 27, и 28, и 29 июня 1941 г.

29 июня 1941 г. Воскресенье, 8-й день войны. Итоги оперативных сводок за 28.6 и утренних донесений 29.6: *«На фронте группы армий „Юг“ все еще продолжают сильные бои. На правом фланге 1-й танковой группы 8-й русский танковый корпус глубоко вклинился в наше расположение и зашел в тыл 11-й танковой дивизии. Это вклинение противника, очевидно, вызвало большой*

беспорядок в нашем тылу в районе между Бродами и Дубно...»

И в тот же день, вечером: «На фронте группы армий „Юг“ развернулось своеобразное сражение в районе Южнее Дубно...

Можно предположить, что за последние дни противник ввел против группы армий «Юг» все свои танковые соединения, находившиеся южнееПинских болот, причем их наименования (у нас они были обозначены как кавалерийские дивизии и мотомеханизированные бригады) совершенно расходятся с имевшимися у нас данными...»

Гитлер был не на шутку обеспокоен положением на юге. Для отражения контрудара командующему группой армий «Юг» генерал-фельдмаршалу фон Рундштедту пришлось подтягивать тылы, и вводить в сражение все новые и новые дивизии.

Однако боевые возможности вооруженных сил Юго-Западного были уже практически исчерпаны. Войска, участвовавшие в сражении, понесли огромные потери, а большая часть танков была потеряна — подбита, взорвана экипажем или просто брошена. Знаменитый 8-й мехкорпус Рябышева был раздроблен, и часть его, под командованием бригадного комиссара Попеля, окруженная в Дубнах, потеряла все свои 238 танков и вырвалась из окружения только в конце июля 1941 г.

Десятки тысяч бойцов и командиров сложили свои головы в этом неравном бою. Погибли командиры обеих танковых дивизий Рябышева — 12-й и 34-й — генерал-майор Мишанин и полковник Васильев. Смертельно ранен был командир 22-го мехкорпуса

генерал-майор Кондрусев. А получивший контузию командир 15-го — генерал-майор Игнат Карпезо был даже похоронен заживо и только по счастливой случайности откопан и эвакуирован в тыл.

Наконец, 30 июня 1941 г. поступил приказ Москвы прекратить сопротивление и отвести войска Юго-Западного фронта на линию старых укрепленных районов, вдоль государственной границы 1939 г.

ИЗ «ДНЕВНИКА» ГАЛЬДЕРА

1 июля 1941 г., 10-й день войны. Противник отходит с исключительно упорными боями, цепляясь за каждый рубеж.

Провал сталинского «Ответного удара»

ОТВЕТНЫЙ УДАР, на который Сталин возлагал так много надежд и который должен был служить началом победного наступления Красной армии, потерпел страшную катастрофу.

Предоставляя право нанесения ПЕРВОГО УДАРА противнику, противостоящая сторона всегда идет на риск. ПЕРВЫЙ УДАР — это всегда «больно»!

И все же, стратегия ОТВЕТНОГО УДАРА, даже вне зависимости от «политических дивидендов», может привести и к чисто военной победе. Один из крупнейших военных историков XX в. сэр Бассил Лиддел-Гарт, говоря о преимуществах выбора стратегии ОТВЕТНОГО УДАРА, в качестве метафоры приводит высказывания двух знаменитых боксеров — английского Деймса Мейса, по прозвищу «Масе», и американского Чарльза Маккоя, по прозвищу «Кид». Исходя из своего огромного опыта, чемпион мира в тяжелом весе, «Масе» советовал молодым боксерам «для достижения победы дать

возможность противнику броситься и ударить первым». А известный своим коварством «Кид» рекомендовал: «сдерживая нападающего противника одной рукой, другой нанести удар».

Тактику многоопытного боксера «Кида», применявшего в бою коварные провокационные приемы, часто применял не менее опытный в политике и не менее коварный Сталин. Но нанесенный сталинской рукой ОТВЕТНЫЙ УДАР провалился.

И можно, конечно, сослаться на то, что в июне 1941 г. германская армия уже имела более чем двухгодичный опыт ведения войны и значительный опыт танковой войны. Можно сослаться на то, что гитлеровские генералы были профессионалами, что гитлеровские солдаты были хорошо обучены, дисциплинированы и прекрасно вооружены. Можно сослаться на то, что связь у немцев работала отлично, что действия немецких воинских частей были скоординированы. Можно, конечно, говорить о том, что неудача ОТВЕТНОГО УДАРА была обусловлена тем, что Сталин в 1937 г. обезглавил Красную армию, а скороспелые сталинские генералы не имели ни серьезной академической подготовки, ни достаточного опыта. Можно говорить о том, что танки новых конструкций начали поступать в войска только в последние месяцы, и молодые танкисты еще не успели их освоить. Можно говорить, что для пехоты не хватало транспорта, что не было горючего, что не было даже достаточно боеприпасов. Всего и не перечислишь!

И, конечно же, все эти факторы должны были повлиять и повлияли на действия Красной армии на всех фронтах и, в частности, повлияли и на эффективность ОТВЕТНОГО УДАРА, оказавшегося в таких условиях

запоздавшим и слишком слабым. Как известно, подготовка к ОТВЕТНОМУ УДАРУ началась через 24 часа после «внезапного» нападения, после поступления в войска ДИРЕКТИВЫ № 3. К этому времени гитлеровские танковые армады уже успели вклиниться вглубь советской территории, и большая часть советских механизированных корпусов уже была вовлечена в жестокие разрозненные бои с противником. А те, которые еще не вступили в бой, были дислоцированы на значительном расстоянии от границы и выходили в район сосредоточения с опозданием и по частям.

Так что главной причиной трагического провала сталинского ОТВЕТНОГО УДАРА, скорее всего, послужило слишком хорошо срежиссированное «внезапное» нападение Германии, дислокация советских войск и знаменитая серия из трех директив, давших Гитлеру возможность беспрепятственно продолжать начатую им агрессию.

ОТВЕТНЫЙ УДАР не принес Сталину немедленной легкой победы над Германией. Но, вместе с тем, катастрофа, произошедшая в первые дни войны на всех фронтах, принесла ему **политическую победу, ставшую залогом его дальнейшей исторической военной победы.**

Профессор Борис Шапошников в книге «Мозг армии» приводит высказывание одного из известных лидеров итальянского либерализма Франческо Саверио Нитти: *«Война и сражение — суть две разные вещи. Сражение — факт исключительно военного характера. Война же — главным образом политический акт. Война не решается одними военными действиями».*

После начала операции «Барбаросса» прошли сутки. 23 июня 1941. Вашингтон

Полноправный член «Большой тройки»

Утром, 23 июня 1941 г., когда подготовка ответного удара только начиналась, ничто еще не предвещало той страшной катастрофы, очевидность которой стала ясна неделю спустя. Это утро было окрашено странной, какой-то необычной эйфорией, даже каким-то ликованием.

В неравном бою гибли советские солдаты, кровью гражданского населения — женщин, детей, стариков — уже была залита советская земля на глубину сорока и более километров, а мир ликовал.

Ликовали враги Советской России — союзники Германии, предвкушая победу гитлеровского blitzkriega, ликовали почитатели Гитлера в различных странах, крича о том, что их «предсказания» сбылись. Ликовали и будущие союзники России, надеясь, что нападение Германии на эту огромную страну облегчит им борьбу с агрессором.

Поздним вечером, 22 июня 1941 г., после своего исторического выступления на Би-Би-Си, Уинстон Черчилль связался по телефону с Франклином Рузвельтом и напомнил ему его «обещание». Это «обещание» передал Черчиллю посол Уайнант 21 июня 1941 г., перед самым «внезапным» нападением Германии на Россию.

Президент выполняет «обещание»

У Черчилля не было никаких письменных подтверждений «обещания» Рузвельта. Джон Уайнант, прилетевший в тот день в Лондон, просто сказал ему: *«Президент обещал, что если немцы нападут на Россию, он немедленно поддержит любое заявление, которое может сделать премьер-министр, приветствуя Россию, как союзника...»*

И Рузвельт, действительно, выполнил свое «обещание». Он публично поддержал Черчилля, а, заодно, и Сталина. Правда, он сделал это в гораздо менее эмоциональной форме, чем Черчилль, для которого, несмотря на его сочувственную речь, нападение Германии на Россию, фактически, означало спасение Англии.

Президенту Рузвельту приходилось считаться с изоляционистскими настроениями в народе и с американскими нацистами, которые стали еще более наглыми в предвкушении победы гитлеровского блицкрига.

Учитывая эти обстоятельства, президент не выступил лично в поддержку жертвы агрессии, а поручил это сделать Сэмнеру Уэллесу, который не мог быть заподозрен в симпатиях к России. В своем хорошо «сбалансированном» выступлении перед журналистами Уэллес заявил:

«Для Соединенных Штатов Америки принципы и доктрины коммунистической диктатуры столь же нетерпимы и чужды, как принципы и доктрины нацистской диктатуры... Но...»

Непосредственный вопрос, который стоит сейчас перед американским народом, это — может ли быть успешно приостановлен и ликвидирован план всеобщего

завоевания ради жестокого и грубого порабощения всех народов, который Гитлер отчаянно пытается осуществить? Этот вопрос в настоящее время непосредственно затрагивает нашу национальную оборону и безопасность Нового Света, в котором мы живем. Поэтому, по мнению правительства США, любая оборона от гитлеризма, любое объединение сил против него, из какого бы источника эти силы ни исходили, призваны ускорить неизбежное падение теперешних германских лидеров и способствовать нашей собственной обороне и безопасности».

Каждое слово этого заявления Уэллеса было обговорено в Белом доме, и президент собственноручно приписал к нему заключительную фразу:

«Гитлеровские армии — сегодня главная опасность для Американского континента».

После того как с помощью заявления Уэллеса, был брошен «пробный шар» общественному мнению, президент посчитал возможным уже более открыто выступить в поддержку России. 24 июня 1941 г. на пресс-конференции в Белом доме Рузвельт прямо заявил, что Соединенные Штаты окажут помощь России в ее борьбе против Гитлера. Правда, в чем конкретно эта помощь будет выражаться, он не сказал, и самый главный вопрос о ленд-лизе остался открытым. Когда настойчивые журналисты попытались напрямую спросить о возможности распространения Билля на Россию, Рузвельт уклонился от ответа и отделался шуткой: *«Спросите-ка меня лучше, сколько лет Энн?»*

Несмотря на осторожность президента, бурная реакция изоляционистов не заставила себя ждать. В газете «Нью-Йорк Тайме» появилось заявление сенатора

и будущего президента США, Гарри Трумэна: *«Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если будет выигрывать Россия, то нам следует помогать Германии. И, таким образом, пусть они убивают как можно больше, хотя я не хочу победы Гитлера ни при каких обстоятельствах».*

Уважаемому сенатору Трумену вторил целый хор его коллег.

Сенатор Кларк: *«Речь идет всего-навсего о грызне собак... Нам нужно заниматься своими делами».*

Сенатор Джонсон: *«Бог мой! Неужели мы падём так низко, что будем выбирать между двумя разбойниками?»*

Сенатор Тафт: *«Победа коммунизма в мире будет более опасной для Америки, чем победа нацизма!»*

Борьбу против предоставления ленд-лиза России возглавила пронацистская пресса — «Нью-Йорк Тайме», «Дейли ньюс», «Чикаго трибьюн», «Уолл-стрит журнал». Газеты продолжали требовать, чтобы Америка оставалась в стороне от кровавого конфликта между «Сатаной и Люцифером», и утверждали, что *«это будет морально и справедливо, если Шикльгрубер и Джугашвили сгорят в том пожаре, который они сами разожгли».* Из уст в уста в те дни передавалась расхожая шутка: *«Принципиальная разница между товарищем Гитлером и герром Сталиным определяется только величиной их усов».*

Казалось, что может быть более убедительным? Идет война. Гитлеровская Германия уже «внезапно и вероломно» напала на Советскую Россию. Газеты всего мира уже заполнены фотографиями горящих советских застав, убитых и раненых солдат, убитых детей. А

американская пресса, американские политики и даже простые американцы все еще не видят разницы между Гитлером и Сталиным. Сталин все еще человек, давший возможность Гитлеру развязать войну. И оба они, и Гитлер, и Сталин, агрессоры.

Но Рузвельт все же был смелым человеком и дальновидным политиком. Вопреки общественному мнению он упрямо продолжал идти по тому пути, который, с его точки зрения, был единственно правильным. 24 июня 1941 г. министерство финансов США, по указанию президента, снимает запрет с заблокированных советских валютных фондов. 26 июня 1941 г. правительство США объявляет, что «Закон о нейтралитете» не будет применен в отношении Советской России. А 27 июня 1941 г. Уэллес вполне официально заявляет, что *«всякая просьба о материальной помощи, с которой советское правительство обратится к США, будет рассмотрена немедленно...»*

«У Сталина в кулаке»

Сэмнер Уэллес счел нужным сделать это далеко идущее заявление после того, как он имел достаточно длительную беседу с советским послом Константином Уманским. Но сделал это не по просьбе Уманского, поскольку Уманский ни о какой «помощи» Уэллеса не просил.

Уманский всегда и во всем действовал по приказам Сталина. Так действовали все советские дипломаты. Как образно выразился впоследствии Молотов: *«Вте годы вся советская дипломатия была у Сталина в кулаке»*.

Так, по личному приказу Сталина, 23 июня 1941 г., в понедельник утром, как только американский

госдепартамент начал свою работу после воскресного отдыха, Уманский поспешил к Уэллесу. Он официально уведомил исполняющего обязанности госсекретаря о том, что Германия «внезапно» напала на СССР, и вручил ему текст речи Молотова. В этот день речь о помощи не шла.

Прошло четыре тяжелейших дня войны, и 27 июня 1941 г. Уманский снова посетил госдепартамент, и снова вопроса о помощи он не поднимал. Удивительно, но, несмотря на то, что катастрофа на всех фронтах уже стала страшной реальностью, Сталин — человек с железными нервами — снова приказал послу разговора о помощи не заводить, а только выяснить у Уэллеса, *«каково в настоящее время отношение американского правительства к Советскому Союзу?»*

Уманский дословно выполнил сталинский приказ, но, во время этой второй встречи, Уэллес сам затронул вопрос о помощи и сам же оповестил об этом представителей прессы.

Между тем, положение на советско-германском фронте с каждым днем становилось все тяжелее. И чем дальше продвигалась гитлеровская армия в глубь советской территории, тем громче звучали в мире голоса, требующие оказать немедленную помощь России.

29 июня 1941 г. «Дейли Уоркер» опубликовала призыв национального комитета Компартии США к американскому народу, президенту и правительству, в котором, указывая на опасность, грозящую Америке, требовала для «защиты страны» предоставить неограниченную помощь России, Англии и другим народам, борющимся с нацизмом. Компартия призывала правительство заключить тройственный союз между

США, Англией и СССР, целью которого будет военный разгром Германии.

К призыву компартии присоединились многие общественные организации США — «Союз фермеров», «Американская рабочая партия», «Национальный негритянский конгресс», «Американский конгресс молодежи», «Американский союз студентов», «Конгресс производственных профсоюзов», «Лига американских писателей».

За оказание помощи России выступили, наконец, и многие представители интеллигенции — писатели Теодор Драйзер, Эрнест Хемингуэй, Эптон Синклер, журналист Эрскин Колдуэлл, художник Рокуэлл Кент, знаменитый американский гематолог лауреат Нобелевской премии Уильям Парри Мерфи.

А назавтра, 30 июня 1941 г., когда провал ответного удара на Юго-Западном фронте стал уже очевиден, и Сталин дал приказ об отступлении, Уманский, наконец, передал Уэллесу официальную просьбу Москвы о предоставлении помощи. В тот же день, 30 июня 1941 г., специально созданный Рузвельтом правительственный комитет начал рассмотрение объемов и сроков поставок в Россию, согласно перечням, представленным Москвой. В тот же день, 30 июня 1941 г., из Лондона в Москву прибыли члены военно-экономической миссии Великобритании. Так что обсуждение вопроса предоставления России срочной помощи началось фактически одновременно в Вашингтоне и в Москве — в день, который может быть назван одним из самых тяжелых дней Великой Отечественной войны.

А караваны уже идут

На всем протяжении фронта шли ожесточенные бои. Минск пал и создавалась уже угроза Смоленску. С каждым днем положение все больше ухудшалось. В первых числах июля 1941 г. на северном крыле советско-германского фронта в наступление перешли финские войска и немецкая армия «Норвегия», на юге развернулось наступление 3-й и 4-й румынских армий и 11-й германской армии. Празднуя свою скорую победу, 4 июля 1941 г. Гитлер заявил: *«Я все время стараюсь поставить себя в положение противника. Практически он войну уже проиграл. Хорошо, что мы разгромили танковые и военно-воздушные силы русских в самом начале. Русские не смогут их больше восстановить».*

Но фюрер в те дни еще не осознавал, что он теперь воюет уже не только с одними русскими. Теперь противником Германии стала коалиция самых могущественных государств мира, и со дня на день русские должны будут получить и получают огромную материальную и военную помощь своих новых союзников.

ИЗ ЛИЧНОГО ПОСЛАНИЯ ЧЕРЧИЛЛЯ

г-ну Сталину 8 июля 1941

Храбрость и упорство советских солдат и народа вызывают всеобщее восхищение. Мы сделаем все, чтобы помочь Вам, поскольку это позволят время, географические условия и наши растущие ресурсы.

Чем дольше будет продолжаться война, тем большую помощь мы сможем предоставить...

ИЗ ЛИЧНОГО ПОСЛАНИЯ СТАЛИНА

г-ну Черчиллю 18 июля 1941

Теперь... Советский Союз и Великобритания стали боевыми союзниками в борьбе с гитлеровской Германией. Не сомневаюсь, что у наших государств найдется достаточно сил, чтобы, несмотря на все трудности, разбить нашего общего врага. Может быть, нелишнее будет сообщить Вам, что положение советских войск на фронте продолжает оставаться напряженным.

Результаты неожиданного разрыва Гитлером пакта о ненападении и внезапного нападения на Советский Союз, создавшие для немецких войск выгодное положение, все еще сказываются на положении советских войск...

И, наконец, 15 августа 1941 г. в Кремль поступило письмо, подписанное сразу двумя лидерами самых могущественных стран мира — Франклином Рузвельтом и Уинстоном Черчиллем:

ИЗ ПОСЛАНИЯ СТАЛИНУ Ф. РУЗВЕЛЬТА И У. ЧЕРЧИЛЛЯ Иосифу Сталину 15 августа 1941

Мы в настоящее время работаем совместно над тем, чтобы снабдить Вас максимальным количеством тех материалов, в которых Вы больше всего нуждаетесь. Многие суда с грузом уже покинули наши берега, другие отплывают в ближайшем будущем...

Франклин Д. Рузвельт Уинстон С. Черчилль

А конвои с помощью уже шли через океан в Россию!

Первый из них PQ—00 вышел 12 августа 1941 г.

Общая стоимость поставок Советскому Союзу по ленд-лизу за время войны составит 12 380 000 000 долларов, из них — 11 320 000 000 от Соединенных Штатов, а остальные от Великобритании и Канады.

Осенью и зимой 1941 — 1942 г., в самое тяжелое время войны, караваны судов повезут в Россию самолеты и танки, зенитные орудия и радиолокаторы, порох и взрывчатые вещества, бензин и цветные металлы, станки и промышленное оборудование, грузовые и легковые автомобили, паровозы и тракторы, сахар, шоколад, свиную тушенку, разноцветные конфеты драже и яичный порошок. Более 18 000 самолетов получит Россия по ленд-лизу, более 13 000 танков и самоходных орудий, около 8000 зенитных орудий, более 500 кораблей, 2000 паровозов и 13 миллионов пар сапог. А еще так необходимые фронту 500 000 автомашин — грузовых «Студебекеров» и знаменитых командирских «Виллисов». А еще — боеприпасы, медикаменты и продовольствие, продовольствие, продовольствие — для фронта и для голодающего тыла.

Вспоминает маршал Жуков: *«Говоря о нашей подготовленности к войне, с точки зрения хозяйства, экономики, нельзя замалчивать и такой фактор, как последующая помощь со стороны союзников...*

Мы были бы в тяжелом положении без американских порохов, мы не могли бы выпускать такое количество боеприпасов, которое нам было необходимо. Без американских «Студебекеров» нам не на чем было бы таскать нашу артиллерию. Да они в значительной мере вообще обеспечивали наш фронтовой транспорт.

Выпуск специальных сталей, необходимых для самых различных нужд войны, был также связан с рядом американских поставок. То есть развитие военной промышленности, которое осуществлялось в ходе войны, и переход ее на военные рельсы были связаны не только

с нашими собственными военными ресурсами, имевшимися к началу войны, но и с этими поставками».

Хрущев в своих воспоминаниях приводит слова Сталина о ленд-лизе, свидетельствующие о том, что вождь хорошо знал — без «американского садового шланга» противостоять гитлеровской Германии, располагавшей ресурсами всей оккупированной Европы, будет невозможно. Хрущев: *«Я уже говорил об этом и еще раз напомню: ленд-лиз — это экономическая помощь, кредит натурой, который мы получали во время войны от США и Англии. Экономическая помощь была очень большая. Сталин неоднократно говорил, что без ленд-лиза мы не смогли бы выиграть войну, и я с ним согласен».*

«Что выиграла фашистская Германия?»

Несомненно, что большевистская Россия не смогла бы получить ленд-лиз, если бы не стала жертвой гитлеровской агрессии.

Несомненно, что большевистская Россия не смогла бы получить ленд-лиз, если бы не вела справедливую Отечественную войну против захватчиков. Еще совсем недавно, в марте 1941 г. изоляционисты требовали внести в Билль о ленд-лизе поправку, исключающую предоставление помощи России «в любом случае и при любых обстоятельствах». И только стараниями президента Рузвельта эта поправка не была принята. Недаром слова «грабительское нападение», «жертва агрессии», «оборонительная борьба» постоянно повторялись в речах президента Рузвельта и в документах его правительства.

ИЗ НОТЫ ПРАВИТЕЛЬСТВА США

Об экономическом содействии Советскому Союзу

2 августа 1941

Правительство Соединенных Штатов решило оказать всё осуществимое экономическое содействие с целью укрепления Советского Союза в его борьбе против вооруженной агрессии...

Это решение продиктовано убеждением Правительства Соединенных Штатов, что укрепление вооруженного сопротивления Советского Союза грабительскому нападению агрессора, угрожающего безопасности и независимости не только Советского Союза, но и всех других народов, соответствует интересам обороны Соединенных Штатов.

ИЗ ПИСЬМА Ф. РУЗВЕЛЬТА СОВЕТСКОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ

От 9 июля 1941 г.

Американский народ ненавидит вооруженную агрессию. Американцы связаны тесными узами исторической дружбы с русским народом. Поэтому естественно, что они с симпатией и восхищением наблюдают за титанической оборонительной борьбой, которую ведет сейчас русский народ.

Но то, что на самом деле произошло трагическим утром 22 июня 1941 г., и как случилось, что Советский Союз, подвергшись «внезапному» нападению гитлеровцев, стал «жертвой агрессии», лучше всего объяснил сам Сталин. И если вчитаться в слова вождя, обращенные к советскому народу 3 июля 1941 г., то станет понятно, что нападение гитлеровцев никак не могло быть «внезапным», поскольку германские дивизии, явно нацеленные на Россию, не один день стояли

наготове на границе и только ждали приказа о нападении на Советский Союз.

И станет понятным, что выиграла Россия от этого, якобы, «внезапного» нападения. Станет понятным, что выиграла Россия, став «жертвой агрессии», и что «проиграла» Германия, представ перед всем миром «агрессором».

ИЗ ОБРАЩЕНИЯ СТАЛИНА К СОВЕТСКОМУ НАРОДУ

3 июля 1941

«... война фашистской Германии против СССР началась при выгодных условиях для немецких войск и невыгодных для советских войск.

Дело в том, что войска Германии как страны, ведущей войну, были уже целиком отмобилизованы, и 170 дивизий, брошенных Германией против СССР и придвинутых к границам СССР, находились в состоянии полной готовности, ожидая лишь сигнала для выступления, тогда как советским войскам нужно было еще отмобилизоваться и придвинуться к границам. Немалое значение имело здесь и то обстоятельство, что фашистская Германия неожиданно и вероломно нарушила Пакт о ненападении, заключенный в 1939 г. между нею и СССР, не считаясь с тем, что она будет признана всем миром стороной нападающей.

Понятно, что наша миролюбивая страна, не желая брать на себя инициативу нарушения пакта, не могла стать на путь вероломства... Что выиграла и что проиграла фашистская Германия, вероломно разорвав Пакт и совершив нападение на СССР?

Она добилась этим некоторого выигрышного положения для своих войск в течение короткого срока,

но она проиграла политически, разоблачив себя в глазах всего мира как кровавого агрессора. Не может быть сомнения, что этот непродолжительный военный выигрыш для Германии является лишь эпизодом, а громадный политический выигрыш для СССР является серьезным длительным фактором, на основе которого должны развернуться решительные военные успехи Красной армии в войне с фашистской Германией... В этой освободительной войне мы не будем одинокими. В этой великой войне мы будем иметь верных союзников в лице народов Европы и Америки, в том числе в лице германского народа, поработанного гитлеровскими заправилами. Наша война за свободу нашего Отечества сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы. Это будет единый фронт народов, стоящих за свободу против порабощения и угрозы порабощения со стороны фашистских армий Гитлера...».

Вывод Сталина однозначен: главное — это **политический выигрыш — политическая победа!** Главное — это поддержка народов всего мира, главное — это **союзники!** Именно это — главное — должно обеспечить России **военный выигрыш — военную победу в войне.**

Но все это «главное» Сталин достиг страшной ценой — ценой срежиссированного «внезапного» нападения. Константин Симонов считает, что именно Сталину принадлежит ведущая роль в усугублении «внезапности» нападения и связанных с ним первых трагических поражений советских войск: «...Однако если говорить о внезапности и о масштабах связанных с нею первых поражений, то, как раз здесь, все с самого низу — начиная с донесений разведчиков и докладов

пограничников, через сводки и сообщения округов, через доклады наркомата обороны и Генерального штаба, все в конечном итоге сходится персонально к Сталину и упирается в него, в его твердую уверенность, что именно ему и именно такими мерами, какие он считает нужными, удастся предотвратить надвигающееся на страну бедствие.

И в обратном порядке: именно от него — через наркомат обороны, через Генеральный штаб, через штабы округов и до самого низу — идет весь тот нажим, все то административное и моральное давление, которое в итоге сделало войну куда более внезапной, чем она могла бы быть при других обстоятельствах».

В этом весь Сталин

Вопреки расхожему мнению, о состоянии Тирана, катастрофа, произошедшая на границе, не могла испугать Сталина, и уж, конечно, не могла привести его «в шоковое состояние». Пограничные войска НКВД, принявшие на себя удар германской армии и почти полностью уничтоженные, составляли, согласно расчетам Генштаба... «всего» 3 % от общего числа в 3 805 461 человека, составляющих запланированные «Предполагаемые потери» на первый год войны. Гибель этих 100 000 солдат и командиров «не имела значения», так как, по самым скромным оценкам, необъятная Россия в те дни могла поставить «под ружье» как минимум 35 000 000 человек.

Но это с точки зрения бездушной статистики. А с точки зрения морали? А с точки зрения человечности? Ведь там, на границе стояла фактически обреченная на смерть, горстка людей, горстка героев!

Беспредельная жестокость Сталина давно известна. Его никогда не смущала не только гибель солдат, не только гибель миллионов невинных, не только убийство соратников, друзей и родных, его никогда не смущало даже убийство малых детей. Так, подпись Сталина стоит под приказом, требующим расстреливать «невольных врагов», используемых нацистами в роли так называемых делегатов.

«Делегатами» в те дни называли советских граждан, которых осенью 1941 г. под Ленинградом нацисты заставляли переходить линию фронта и уговаривать защитников города капитулировать. В этом своем приказе Сталин называет этих несчастных людей «врагами» и не только требует «бить и косить врагов, кто бы они ни были», но и грозит уничтожить тех, кто будет отказываться «бить и косить»: *«Война неумолима! Бейте во всю по немцам и по их делегатам, кто бы они ни были, косите врагов, все равно являются ли они вольными или невольными врагами...»*

Бейте стариков и старух! Косите детей! В этом весь Сталин.

Так могла ли иметь значение для него жизнь 100 000 бойцов пограничных войск НКВД? Что для него горящие заставы? Что для него жены и дети командиров, ставшие первыми жертвами «внезапного» нападения? Что для него гражданское население, погибшее в результате первого бомбового удара люфтваффе по ярко освещенным городам Прибалтики, Белоруссии, Украины? Что для Тирана хаос, смятение, ужас и смерть людей?

Цена политической победы была чудовищной, но, с точки зрения Сталина, она стоила этой цены!

«Дядюшка Джо»

Несмотря на провал ответного удара, кровавый сталинский «Сценарий» сработал. Россия сбросила с себя клеймо агрессора и приобрела сочувствие и поддержку всех коммунистических партий мира, всех народов мира. А сам Сталин из «разбойника», «агрессора» и «друга Гитлера» превратился в «Дядюшку Джо» и стал полноправным членом «Большой Тройки».

Россия приобрела могущественных союзников — Великобританию и Соединенные Штаты Америки. Теперь гитлеровской Германии противостоит объединенный громадный экономический и военный потенциал трех могущественных государств, и можно уже не сомневаться на чьей стороне будет победа.

Уинстон Черчилль: «Силы Британской империи, Советского Союза, а теперь и Соединенных Штатов, неразрывно связанных между собой, на мой взгляд, превосходили силы их противников вдвое или даже втрое. Объединившись, мы могли победить кого угодно во всем мире. Нам предстояли еще многие катастрофы, неизмеримые потери и несчастья, но в том, как закончится эта война, сомневаться уже не приходилось».

Эта война закончилась победой. В этой войне погибли в боях и были уничтожены нацистскими варварами более 35 000 000 советских людей!

После «внезапного» нападения прошло четверо суток. 26 июня 1941. Западные границы

Обречены на смерть

Огромная Политическая Победа, обеспечившая Сталину поддержку народов всего мира, давшая ему мощнейших союзников и ставшая, фактически, залогом его Военной Победы, пока еще не оказывает никакого реального влияния на ход войны. Красная армия, застигнутая врасплох «внезапным» нападением, срежиссированным Сталиным ради этой Политической Победы, терпит поражение за поражением и беспорядочно отступает по всему фронту.

Отступает, не сумев сдержать многомиллионную германскую армию малочисленными пограничными войсками, не приведенными даже в боевую готовность. Отступает, не сумев развернуть в создавшейся катастрофической ситуации дислоцированные глубоко в тылу механизированные корпуса, отступает, не сумев организовать запланированный ответный удар. Отступает, неся огромные потери.

Отступает, оставляя врагу горящие города и села, оставляя под пятой врага около 80 000 000 гражданского населения.

Территория, охваченная огнем войны, с каждым днем расширяется.

И на эту территорию вместе с германскими армиями вступают специально сформированные для уничтожения гражданского населения отряды убийц — «Эйнзатцгруппе СС». Так это было задумано, так это было запланировано заранее, задолго до «внезапного» нападения. Так это было записано в приложениях к плану «Барбаросса». Все эти документы — и «Специальная инструкция об организации политического управления в зонах военных действий», и «Распоряжение о военной юрисдикции на оккупированных территориях», и «Приказ о комиссарах»

уже подготовлены. Все необходимые приказы уже подписаны и доведены до сотен тысяч исполнителей. Содержание этих приказов известно многим. Да оно особенно и не скрывалось! Об этих чудовищных приказах, кроме убийц из Главного управления имперской безопасности, знает и вермахт, и абвер.

Еще три месяца назад, 13 марта 1941 г., «Распоряжение об особой подсудности в районе „Барбаросса"», изготовленное в 109 экземплярах, было разослано в войска. А в начале июня 1941 г. в Берлине было проведено специальное совместное совещание всех участников Русской кампании. Главной темой этого совещания было обсуждение «Устных приказов фюрера» и координация действий между вермахтом и «Эйнзатцфуппе СС» на базе подписанного между ними еще 28 апреля 1941 г. «Соглашения о взаимодействии», по которому вермахт должен был стать участником акций по массовому уничтожению фажданского населения, в первую очередь, евреев и коммунистов.

В целях гитлеровских убийц, уже пересекших советскую границу, не приходится сомневаться! Это цели, точно так же как и весь план «Барбаросса», были хорошо известны и в Лондоне, и в Вашингтоне, и в Москве. Об этих целях не могли не сообщить в Лондон и в Вашингтон заговорщики «Черной Капеллы», никогда не упускавшие случая представить ненавистного им фюрера «извергом и врагом рода человеческого». Об этих целях наверняка сообщили в Москву советские шпионы — эсэсовец Леман и коммунистка Штебе, Шандор Радо и Анатолий Гуревич, Ким Филби и Рихард Зорге.

И не могло быть сомнений, что эти цели, сразу же после захвата советских территорий, будут претворены в

жизнь. И не могло быть никаких сомнений, что все еврейское население, захваченное нацистами на оккупированных ими советских территориях, обречено на смерть. Тем более, что весь мир уже не первый год был свидетелем отчаянного положения евреев и в самой Германии, и в странах оккупированных ею или находящихся под ее влиянием. Тем более, что уже была «Хрустальная Ночь», и сотни тысяч еврейских беженцев металась по Европе, в отчаянии добираясь до Америки и до Японии. Тем более, что Гитлер «обещал» перед нападением на Польшу «уничтожить еврейскую расу», и тысячи польских евреев, расстрелянных 3 сентября 1939 г. в Божнице и 11 ноября 1939 г. в Острове-Мазовецком, стали страшным подтверждением этого обещания. Тем более, что в Варшавском гетто на глазах всего мира уже больше года погибают 400 000 евреев, и об отчаянном положении этих ни в чем не повинных людей Лаврентий Берия даже сделал доклад в Кремле. Нет, и не могло быть никаких сомнений ни у Сталина, ни у его новых союзников, что с первых дней захвата советских территорий гитлеровцы начнут на этих территориях массовое уничтожение еврейского населения. Пострадают и другие нации, признанные нацистами «низшей расой», будут выловлены и расстреляны так называемые политические комиссары, носители «большевистской идеологии», но евреи будут уничтожены полностью, включая даже самых малых детей. А Красная армия, застигнутая «внезапным» нападением, отступает. Отступает по всем фронтам. И на оставленных ею территориях остается 4 000 000 евреев. Все они обречены на смерть.

Сегодня это уже реальность! Страшная чудовищная реальность!

23 июня 1941 г. из Восточной Пруссии в Прибалтику, одновременно с армиями группы «Север», вторглась Эйнзатцгруппе «А», под командованием бригадефюрера СС Вальтера Шталлера. И в ночь с 25 на 26 июня убийцы, с помощью литовских националистов, уже успели уничтожить 1500 евреев и сжечь весь еврейский квартал. Эйнзатцгруппе «А» будет расстреливать евреев в Литве, Латвии, Эстонии и дойдет до Ленинграда. На ее счету будут 100 000 человек, убитых на железнодорожной станции Панары на окраине Вильнюса, 18 000 — уничтоженных в старой крепости Каунаса, 27 000 расстрелянных в лесу у железнодорожной станции Румбула под Ригой.

Из Варшавы, одновременно с армиями группы «Центр», в Белоруссию вторглась Эйнзатцгруппе «В» под командованием «добряка» Артура Небе. И уже 27 июня 1941 г. в Белостоке преступники сожгли заживо в синагоге более 1000 евреев, 28 июня в Бресте расстреляли еще 5000, а 30 июня в поселке Дрозды под Минском уничтожили еще 6000 человек.

На территорию Западной Украины, одновременно с армиями группы «Юг», входит Эйнзатцгруппе «С» под командованием многоопытного убийцы, одного из организаторов провокации в Глейвице, штандартенфюрера СС Отто Раша. Вместе с убийцами Раша границу пересекли и головорезы из бандитского батальона «Нахти-галь», и 30 июня 1941 г., в тот самый день, когда в Москве и Вашингтоне новоиспеченные союзники начали обсуждение о предоставлении срочной помощи России, преступники из «Нахтигалья» уже насиловали еврейских женщин и убивали детей. Более 5000 евреев были убиты в течение трех дней в Львове. А потом, 3 июля 1941 г., в тот самый день, когда весь

советский народ слушал историческую речь Сталина, в Золочеве были убиты еще несколько тысяч евреев. 4 июля 1941 г. убийства продолжались в Тернополе. Здесь, вместе с убийцами из «Нахтигаля» зверствовала одна из команд Эйнзатцгруппе «С» Зондеркомандо «SK-4b». Вторая команда этой же Эйнзатцгруппе — Зондеркомандо «SK-4a», уничтожив евреев в Луцке и Кременце, в конце сентября 1941 г. войдет в Киев и здесь, в Бабьем Яре, совершит одно из самых чудовищных преступлений — расстрел 33 770 евреев, включая малолетних детей. А потом будет еще Дробицкий Яр, под Харьковом, и еще 20 000 трупов.

Южные районы Украины будут отданы на растерзание Эйнзатцгруппе «D» под командованием убийцы-интеллектуала Отто Олендорфа. Эйнзатцгруппе Олендорфа перейдет границу в первых числах июля 1941 г. вместе с 11-й германской армией и двумя румынскими армиями — 3-й, под командованием генерала Петре Думитреску, и 4-й, под командованием генерала Николае Чуперке. Но еще до перехода границы, 28 июня 1941 г., эйнзатцгруппе Олендорфа, вместе с румынскими жандармами и преступниками из Оперативного эшелона, совершат свое первое массовое убийство евреев в румынском городе Яссы. Благодаря докладу, представленному посланником США Франклином Гюнтером, уже в августе 1941 г. это варварство станет известно президенту Рузвельту. Перечень мест, где убийцы из Эйнзатцгруппе «D» совершат свои преступления, огромен, количество жертв убийц неизмеримо. Они будут убивать евреев в Николаеве и Одессе, в Симферополе и Феодосии, и в Керчи. А в 1942 г. они достигнут Кавказа, и будут зверствовать в

Кисловодске, Ессентуках, Пятигорске, Минеральных Водах.

Но еще до того как эйнзатцгруппе Олендорфа появится в Одессе, в июле 1941 г., эйнзатцкоманды и зондеркоманды из этой группы вместе с румынскими жандармами и Оперативным эшеленом кровавым смерчем пройдут через Бессарабию и Буковину, и в каждом городке, в каждом местечке, оставят тысячи изуродованных трупов. Улицы буковинских местечек Гарц, Ропчеа, Иорданешты, Татреачи, Панка, Рапожинец, Звинчика, Катаманы, Чудей, Костешты, Броскауци станут похожими на поле боя. В бессарабском городе Единцы будут расстреляны более 500 человек, в Маркулештах — более 400, в Гура-Кэинари — около 500, в Климэуч еще 300. Местечко Калараш будет полностью очищено от евреев — более 1000 взрослых и детей будет расстреляно в лесу Ветоминысэ.

В июле 1941 г. в Бессарабии и Буковине были замучены самым жестоким образом более 155 000 евреев. А тех, кто остался в живых, погнали за Днестр, в Транснистрию, землю, подаренную Гитлером генералу Антонеску. Эта проклятая Богом земля, станет братской могилой сотен тысяч евреев. Страшные, отвратительные по своей жестокости, злодеяния будут твориться на этой земле — в Богдановской Яме, в Доманевке, Акмечетке, Березовке. В сентябре 1941 г. к зверствующим румынским и немецким убийцам присоединится еще одна команда зверей в человеческом облике — зондеркомандо «Русланд», созданная гитлеровцами из немецких колонистов. На счету этих варваров и ее командующего оберфюрера СС Хорста Хоффмайера будут сотни тысяч замученных и из них более 80 000 евреев, пригнанных из Одессы. Эти, уничтоженные с помощью

немецких колонистов 80 000 евреев будут последними, оставшимися в живых после кровавой бойни, учиненной извергами в Одессе, которую Антонеску объявил «столицей Транснистрии». Ужас того, что началось в Одессе уже в первый день ее оккупации, трудно описать. В этот ужас трудно поверить. Уже в первые сутки на улицах города было убито более 8000 человек, а на следующий день в пороховых складах было сожжено заживо еще 25 000.

А потом, 22 октября 1941 г., на рассвете, от взрыва мины замедленного действия, установленной саперами Красной армии перед отступлением, взлетела на воздух румынская комендатура, и этот взрыв послужил поводом для усиления кровавого террора. В течение нескольких часов, с рассвета и до полудня, было повешено 5000 человек — на уличных фонарях, на столбах, на балконах, на детской карусели на Новом Базаре. Красавица Одесса превратилась в город повешенных.

А потом был Дальник — село в пригороде Одессы, куда согнали жителей города — женщин, стариков и детей. Здесь на Дальнике было расстреляно в противотанковых рвах и сожжено заживо 22 000. А потом было гетто на Слободке — перевалочный пункт перед отправкой на смерть в Транснистрию. И последний акт трагедии евреев Одессы — мученическая смерть 28 000 от рук нелюдей из зондеркоманды «Русланд» — в известковых печах Градовки, и на окраине сел Чихрин, Хрулевка, Гуляевка, Софиевка, и в парках колхозов «17-й Партсъезд» и «Стежка Ильича». Все евреи, жители Одессы, оставшиеся в городе после ухода Красной армии, весь этот, по выражению советских властей, «контингент, не подлежавший эвакуации», 155 000 человек будут уничтожены и среди них около 40 000

детей. Чудом останутся в живых единицы, и в их числе двое детей — десятилетний мальчик и четырехлетняя девочка — такими были в те дни авторы этой книги.

Всего на советской территории, оставленной Красной армией, немецкие и румынские убийцы самым бесчеловечным образом лишат жизни 3 000 000 евреев и более 1 500 000 еврейских детей. Преступления этих убийц против еврейского народа стали самым чудовищным проявлением варварства за все время существования цивилизации. Историки, социологи, психологи, психиатры, не смогли дать этому трагическому феномену какое-либо рациональное объяснение, не смогли дать ему название. Патологический характер и беспрецедентные масштабы этих преступлений не укладывались ни в какие юридические категории и казались просто каким-то Кровавым Безумием. И только когда закончилась эта война, на Процессе немецких преступников в Нюрнберге кровавое гитлеровское Безумие обрело, наконец, свое имя — уничтожение рода человеческого — ГЕНОЦИД.

Эта война закончилась ровно 60 лет назад, в 1945 г.

Эта война закончилась Победой.

Эта война закончилась Победой, достигнутой ценой неоправданных жертв, изначально заложенных в жестоком сталинском СЦЕНАРИИ. Эта война закончилась Победой, достигнутой благодаря и вопреки Сталинскому СЦЕНАРИЮ.

Эта война закончилась Великой Победой, завоеванной кровью всего советского народа.

Библиография

Анфилов В. Начало Великой Отечественной войны. М.: Мин-во обороны СССР, 1962.

Баграмян И. Так начиналась война. М.: Мин-во обороны СССР, 1971.

Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. М.: Terra; Книжная лавка РТР, 1997.

Безыменский Л. Гитлер и Сталин перед схваткой. М.: Вече, 2000.

Безыменский Л. Особая папка «Барбаросса». М.: АПН, 1972.

Белов И. Я был адъютантом Гитлера: Пер. с нем. Смоленск: Русич, 2003.

Бережков В. Годы дипломатической службы. М.: Международные отношения, 1978.

Бережков В. Рядом со Сталиным. М.: Вагриус, 1998.

Бережков В. Страницы дипломатической истории. М.: Международные отношения, 1982.

Берия: Конец карьеры. М.: Политическая литература, 1991.

Берия С. Мой отец — Лаврентий Берия. М.: Современник, 1994.

Бирюзов С. Суровые годы. М.: Наука, 1966.

Буллак А. Гитлер и Сталин. В 2-х т. Смоленск: Русич, 1994.

Бучин А. 170 000 километров с Г. К. Жуковым. М.: Молодая гвардия, 1994.

Вальков В. СССР и США. М.: Наука, 1965.

Василевский А. Дело всей жизни. М.: Политическая литература, 1978.

Великая Отечественная война. М.: Политическая литература, 1984.

Великая Отечественная война Советского Союза. М.: Мин-во обороны СССР, 1970.

Великие шпионы / Под ред. А. Даллеса. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998.

Вернер Р. Соня рапортует. М.: Прогресс, 1980.

Верта. Россия в войне 1941 — 1945. М.: Прогресс, 1967.

Волкогонов Д. Сталин. В 2 кн. М.: Новости, 1996.

Волкогонов Д. Этюды о времени. М.: Новости, 1998.

Воскресенская З. Тайна Зои Воскресенской. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1998.

Воспрянет род людской (Краткие биографии и последние письма борцов антифашистского сопротивления). М.: Издательство иностранной литературы, 1961.

Вторая мировая война. М.: Политическая литература, 1990.

Гebbельс Й. Последние записи. Смоленск: Русич, 1993.

Гелен Р. Война разведок. М.: Центрполиграф, 1999.

Гизевиус Г.Б. До горького конца: Записки заговорщика. Смоленск: Русич, 2002.

Гитлер А. Моя Борьба. Каунас: Ода б/г

Гладков Т. Лифт в разведку. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.

Городецкий Г. Миф «Ледокола»: накануне войны. М.: 1995.

ГорькоеЮ. Государственный Комитет Оборона постановляет. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.

Гот Г. Танковые операции. Смоленск: Русич, 1999.

Гречко А. Годы войны. М.: Мин-во обороны СССР, 1976.

Громыко А. Памятное. В 2 кн. М.: Политическая литература, 1988.

Гроссман В. Жизнь и судьба: Роман. М.: Изд-во «Кн. палата», 1989.

Гроссман В., Эренбург И. Черная книга. Запорожье: Интербрук, 1991.

ГудерианХ. Воспоминания солдата: Пер. с нем. Ростов-на-Дон: Феникс, 1998.

Гутман И., ШацкерХ. Катастрофа и ее значение. Иерусалим: Алия, 1990.

Деларю Ж. История гестапо. Смоленск: Русич, 1993.

Джилас М. Беседы со Сталиным. М.: Центрполиграф, 2002.

Додд. Дневник посла. М.: Социально-экономическая литература, 1961.

Документы — 1941 год. В 2 кн. М.: Международный фонд «Демократия», 1998.

Документы обвиняют: Сб. документов. М.: Политическая литература; ОГИЗ, 1945.

Долг и отвага: Рассказы о дипкурьерах. М.: Издательство политической литературы, 1989.

Голяков С. Ильинский М. Зорге: Подвиг и трагедия разведчика. М.: Вече, 2001.

Дейтон Л. Вторая Мировая: ошибки, промахи, потери. М.: Эксмо, 2000.

Жилин П. Как фашистская Германия готовила нападение на Советский Союз. М.: Мысль, 1966.

Жуков Г. Воспоминания и размышления. В 3 т. М.: Новости, 1995.

Журавлев Д. Огневой щит Москвы. М.: Мин-во обороны СССР, 1972.

Жухрай Б. Роковой просчет Гитлера. М.: Вече, 2000.

Зегерс А. Гестапо — Мюллер. Ростов-на-Дону: Феникс; М.: Зевс, 1997.

Зорге Р. Статьи, корреспонденции, рецензии. М.: Изд-во МГУ, 1971.

Иванов Р. Сталин и союзники: 1941 — 1945. Смоленск: Русич, 2000.

Известия ЦК КПСС. 1989. № 1-12.

Известия ЦК КПСС. 1990. № 1-6.

Ионг Л. Немецкая пятая колонна. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958.

История Второй мировой войны 1939—1945. В 12 т. М.: Мин-во обороны СССР, 1973.

История дипломатии. В 3 т. М.: ОГИЗ, 1941.

Итоги Второй мировой войны. М.: Иностранная литература, 1957.

Каганович Л. Памятные записки. М.: Вагриус, 1996.

Как мы били японских самураев: Сб. статей и документов. М.: Молодая гвардия, 1938.

Карель П. Восточный фронт. В 2 кн. М.: Изографус; Эксмо, 2003.

Карпов В. Генералиссимус. В 2 кн. Калининград: Янтарный сказ, 2002.

Карпов В. Маршал Жуков: Опала. М.: Вече, 1994.

Карпов В. Маршал Жуков. Оренбургское книжное изд-во, 2000.

Карпов В. Расстрелянные маршалы. М.: Вече, 1999.

Кейтель В. Размышления перед казнью. Смоленск: Русич, 2000.

Кларк А. План «Барбаросса». М.: Центрполиграф, 2002.

КнокеХ. Я летал для Гитлера. М.: Центрполиграф, 2003.

Колпакиди А., Прохоров Д. Внешняя разведка России. СПб.: Нева; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001.

Колпакиди А., Прохоров Д. КГБ: Спецоперации советской разведки. М.: АСТ, 2000.

Колпакиди А., Прудникова Е. Двойной заговор. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000.

КершоуЯ. Гитлер. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997.

КирстХХ. Зорге, которого мы не знали. М.: Центрполиграф, 2001.

Киссинджер Г. Дипломатия. М.: Ладомир, 1997.

- Клаузевиц К.* О войне. В 2 т. М.; СПб.: АСТ; Terra, 2002.
- Клемперер В.* Свидетельствовать до конца. М.: Прогресс, 1998.
- Кольцов М.* Испания в огне. В 2 кн. М.: Политическая литература, 1987.
- Костырченко Г.* Тайная политика Сталина. М.: Международные отношения, 2001.
- Кривицкий В.* Я был агентом Сталина. М.: Современник, 1996.
- Кузнецов Н.* Курсом к победе. М.: АСТ; СПб.: Terra, 2002.
- Кузнецов Н.* Накануне. М.: Мин-во обороны СССР, 1969.
- Кузнецов Н.* На флотах боевая тревога. М.: Мин-во обороны СССР, 1971.
- Куманев Г.* Рядом со Сталиным. М.: Былина, 1999.
- Ланг Й.* Протоколы Эйхмана. М.: Текст, 2002.
- Леонгард В.* Революция отвергает своих детей. Карлсруэ: Кондол-Ферлаг, 1960.
- Лиддел Гарт Б.* Вторая мировая война. М.: АСТ; СПб.: TERRA FANTASTI-CA, 1999.
- Лиддел Гарт Б.* Энциклопедия военного искусства. М.: АСТ; СПб.: Terra, 1999.
- Ломакин Н.* Неизвестная блокада. В 2 кн. СПб.: Нева; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.
- Лурье В., Кочик В.* ГРУ: дела и люди. СПб.: Нева; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.

Люди молчаливого подвига. В 2 кн. М.: Издательство политической литературы, 1987.

Мадер Ю. Абвер: Щит и меч Третьего рейха. Ростов-на-Дону: Феникс, 1991.

Мазер В. Адольф Гитлер. Минск: Попурри, 2000.

Майский И. Воспоминания советского дипломата. М.: Международные отношения, 1987.

Майский И. Воспоминания советского посла. М.: Наука, 1965.

Малцужинский К. Преступники не хотят признать свою вину. М.: Прогресс, 1979.

Манштейн Э. Из жизни солдата. Ростов-на-Дону: Феникс, 2000.

Манштейн Э. Утерянные победы. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999.

Марабини Ж. Повседневная жизнь Берлина при Гитлере. М.: Молодая гвардия; Палимпсест, 2003.

Марковчин В. Фельдмаршал Паулюс: от Гитлера к Сталину. М.: Детектив-Пресс, 2000.

Медведев Ж. Сталин и еврейская проблема. М.: Права человека, 2003.

Медведев Р. Они окружали Сталина. М.: Политическая литература, 1990.

Мельников Д., Черная Л. Двуликий адмирал. М.: Изд-во политической литературы, 1965.

Мельников Д., Черная Л. Преступник № 1. М.: Изд-во АПН, 1981.

- Мельников Д., Черная Л.* Тайны гестапо: империя смерти. М.: Вече, 2000.
- Мерецков К.* На службе народу. М.: Политическая литература, 1970.
- Микоян А.* Так было. М.: Вагриус, 1999.
- Мильтюхов М.* Упущенный шанс Сталина. М.: Вече, 2000.
- «Мировая война»:* Взгляд побежденных. 1939—1945. М.: АСТ; СПб.: Полигон, 2002.
- Млечин Л.* Министры иностранных дел. М.: Центрполиграф, 2001.
- Москаленко К.* На Юго-Западном направлении. 1941—1943. М.: Наука, 1973.
- Мосли Л.* Утраченное время. М.: Мин-во обороны СССР, 1972.
- Найтли Ф.* Шпионы XX века. М.: Республика, 1994.
- Наполеон Бонапарт.* Императорские максимы. М.: Эксмо, 2003.
- Неизвестная* черная книга. Иерусалим; М.: Текст, 1993.
- Некрича А.* 1941, 22 июня. М.: Памятники исторической мысли, 1995.
- Ни давности, ни забвения...:* По материалам Нюрнбергского процесса. М.: Юридическая литература, 1968.
- Ник У.* Войска СС: Кровавый след. Ростов-на-Дону: Феникс, 2000.

Нюрнбергский процесс. В 8 т. М.: Юридическая литература, 1961.

Нюрнбергский процесс. В 3 т. М.: Юридическая литература, 1966.

Ортенберг Д. Такая выпала мне судьба. Иерусалим, 1997.

Открывая новые страницы... М.: Политическая литература, 1989.

От Советского имфорбюро... 1941 — 1945. М.: Изд-во АПН, 1982.

Партизанское движение. М.: Кучково поле, 2001.

Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945. В 2 т. М.: Политическая литература, 1957.

Полмар Н., Аллен Т.Б. Энциклопедия шпионажа. М.: Крон-ПРЕСС, 1999.

Полторака А. Нюрнбергский эпилог. М.: Мин-во обороны СССР, 1969.

Попель Н. В тяжелую пору. М.: АСТ; СПб.: Терра, 2001.

Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. Смоленск: Русич, 1998.

Проектор Д. Агрессия и катастрофа. М.: Наука, 1972.

Пэдфилд П. Секретная миссия Рудольфа Гесса. Смоленск: Русич, 1999.

Радо Ш. Под псевдонимом Дора. М.: Мин-во обороны СССР, 1973.

Райле О. Тайная война. М.: Центрполиграф, 2002.

Раткин С. Тайны Второй мировой войны. Минск: Современная литература, 1995.

Риббентроп И. Между Лондоном и Москвой. М.: Мысль, 1996.

Риббентроп И. Тайная дипломатия Третьего рейха. Смоленск: Русич, 1999.

Рисе К. Адвокат дьявола Геббельс. М.: Центрполиграф, 2000.

Ричелсон Д. История шпионажа XX века. М.: Эксмо-Пресс, 2000.

Роговин В. 1937. М.: Новости, 1996.

Розенберг А. Миф XX века. Tallinn: «Shildex», 1998.

Роковые решения. М.: Мин-во обороны СССР, 1958.

Рокоссовский К. Солдатский долг. М.: Мин-во обороны СССР, 1980.

Россия и СССР в войнах XX века. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001.

Рубцов Ю. Alter ego Сталина. М.: Звонница-МГ, 1999.

Рудой Г. Откровения и признания. Смоленск: Русич, 2000.

Рузвельт Э. Его глазами. М.: Иностранная литература, 1947.

Рыбаков А. Прах и пепел. М.: Гудьял-Пресс, 1999.

Рыбаков А. Тяжелый песок. М.: Гудьял-Пресс, 1999.

Сандалов Л. Боевые действия войск 4-й армии в начальный период Великой Отечественной войны. М.: Воениздат, 1961.

Саусверд Ф. Слоны и пешки. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000.

Сегюр Ф. Поход в Россию. М.: Захаров, 2002.

Симонов К. 100 суток войны. Смоленск: Русич, 1999.

Сионские протоколы. М.: Витязь, 1996.

Скорцени О. Неизвестная война. Минск: Попурри, 2003.

Слово товарищу Сталину. М.: Эксмо, 2002.

Смит Д. М. Муссолини. Интер-Дайджест, 1995.

Соколов Б. Берия. М.: Вече, 2003.

Соколов Б. Наркомы страха. М.: АСТ-Пресс книга, 2002.

Соколов Б. Оккупация. М.: АСТ-Пресс книга, 2002.

Соколов Б. Охота на Сталина, охота на Гитлера. М.: Вече, 2000.

Соколов Б. Тайны Второй мировой. М.: Вече, 2001.

Соколов Б. Тайны Финской войны. М.: Вече, 2000.

Соловьев Б., Суховеев В. Полководец Сталин. М.: Алгоритм-книга; Эксмо-Пресс, 2001.

Спар У. Жуков: Взлет и падение великого полководца. М.: Прогресс; Литера, 1993.

СС в действии: Документы о преступлениях СС. М.: Светотон, 2000.

СССР — Германия. 1939: Документы и материалы о советско-германских отношениях с апреля по октябрь 1939 г. Vilnius: МОКCLAS, 1989.

Ставинский Э. Наш человек в гестапо. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.

Стаднюк И. Война. В 2 т. М.: Эксмо-Пресс, 1998.

Сталин: В воспоминаниях современников и документах эпохи. М.: Эксмо, 2002.

Сталин и Каганович: Переписка. 1931—1936. М.: РОССПЭН, 2001.

Сталин И. Краткая биография. М.: ОГИЗ, 1948.

Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1949.

Суворов В. Ледокол. М., 1992.

Судоплатов А. Тайная жизнь генерала Судоплатова. В 2 кн. М.: Современник; ОЛМА-ПРЕСС, 1998.

Судоплатов П. Разведка и Кремль. М.: Гея, 1996.

Судоплатов Л. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001.

Судоплатов П. Спецоперации. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999.

Такер Р. Сталин. Путь к власти. 1879—1929. М.: Пресс, 1990.

Тарле Е. Наполеон. Талейран. М.: Изографус; Эксмо, 2003.

Тарле Е. Нашествие Наполеона на Россию.

Типпельскирх К. История Второй мировой войны. 1939—1945. СПб.: Полигон; М.: АСТ, 1998.

Типпельскирх К., Кессельринг А., ГудерианХ. Итоги Второй мировой войны. СПб.: Полигон; М.: АСТ, 1998.

Толстой Л. Война и мир. Л.: Художественная литература, 1945.

Торчите В., Леонтьюка. Вокруг Сталина. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2000.

Треппер Л. Большая игра. М.: Издательство политической литературы, 1990.

Уильямсон Г. СС — инструмент террора. Смоленск: Русич, 1999.

Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941—1945): Сб. документов / Под ред. Ицхака Арада. Иерусалим: ЯД ВА-ШЕМ, 1991.

Урланис Б. История военных потерь. СПб.: Полигон; М.: АСТ, 1998.

Уткин А. Вторая мировая война. М.: Алгоритм, 2002.

Уткин А. Россия над бездной. Смоленск: Русич, 2000.

Филби К. Моя тайная война. М.: Мин-во обороны СССР, 1980.

Финкельштейн Ю. Свидетели обвинения. СПб.; Н.-Й.: Нева, 2001.

Фромм Э. Адольф Гитлер: клинический случай некрофилии. М.: Высшая школа, 1992.

Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности™. Минск: Попурри, 1999.

ХёнеХ. Черный орден СС. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003.

Хёттль В. Секретный фронт. М.: Центрполиграф, 2003.

Хрущев Н. Воспоминания. М.: Вагриус, 1997.

Черчилль У. Вторая мировая война. В 6 т. М.: Терра; Книжная лавка-РТР, 1997.

Черчилль У. Мускулы мира. М.: Эксмо, 2002.

Чехова О. Мои часы идут иначе. М.: Вагриус, 2000.

Чуев Ф. Каганович. Шепилов. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001.

Чуев Ф. Молотов: Полудержавный властелин. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999.

Шапошников Б. Воспоминания: Военно-научные труды. М.: Мин-во обороны СССР, 1982.

Шелленберг В. Мемуары. Минск: Родиола-плюс, 1998.

Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. В 2 т. М.: Иностранная литература, 1958.

Ширер У. Берлинский дневник. М.: Центрполиграф, 2002.

Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха. М.: Эксмо, 2003.

Ширер У. Крах нацистской империи. Смоленск: Олимп; Русич, 1998.

Шкаровский М. Нацистская Германия и Православная церковь. М.: Изд-во Крутицкого Патриаршего подворья; Общество любителей церковной истории, 2002.

Шмидт П. Переводчик Гитлера. Смоленск: Русич, 2001.

Шнеер А. Плен. В 2 кн. Иерусалим: Ной, 2003.

Шпеер А. Воспоминания. М.: Прогресс, 1997.

Штеменко С. Генеральный штаб в годы войны. М.: Мин-во обороны СССР, 1981.

Штрассер О. Гитлер и я. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999.

Энциклопедия военной мысли. М.: Эксмо, 2002.

Энциклопедия Третьего рейха. М.: ЛОКИД-МИФ, 1996.

Яковлев А. Цель жизни. М.: Политическая литература, 1970.

Яковлев А. Сумерки. М.: Материк, 2003.

Яковлев Н. Об артиллерии и немного о себе. М.: Высшая школа, 1984.

Ance J. Transnistria. 1941—1942. V. 3. Tel Aviv: University, 2003.

Dallin A. Odessa, 1941 — 1944. Oxford, 1998.

Carp M. «Carnea Neagra»: Suferintele Evreilor din Romania. 1940—1944. V. Ш.

Bucuresti, Transnistria, 1947. *Haider F.* The Haider war diary. Presidio, USA, 1988. *Ioanid R.* The Holocaust in Romania. Chicago, 2000. *Ion Antonescu si GARDA DE FIER*/ Editie ingrijita Dr. Serafim Duicu. Bucuresti-

Rom-Edition, 1991. *Litani D.* The Destructio of the Jews of Odessa in the Ligt of Rumanian

Documents. VI, Jerusalem: JAD VASHEM Studies on the European Jewish Catastrophe and Resistance, 1967. *Ronaru J., Burcin O., Zodian V.* и др. Maresalul Antonescu la Odessa. Bucuresti-Paideia, 1999.